ISSN
2949-1150 online
2071-8284 print

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

2025
№ 4 (108)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретический журнал

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 4 (108) октябрь – декабрь 2025 г.

Scientific-theoretical journal

Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia

No 4 (108) October - December, 2025

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 4 (108) октябрь – декабрь 2025 г.

Рецензируемый научно-теоретический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – сетевое издание, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издается с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал.

Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны. Способ распространения: в электронном виде.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-84786 от 3 марта 2023 г.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Решением ВАК при Минобрнауки России от 29 марта 2022 г. журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.

5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.

5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Отнесен к высшей категории научной значимости изданий – К1.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Р. Е. Артамонов.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

Тел.: 8 (812) 730-26-96.

E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Дата выхода в свет: 30.12.2025.

© Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2025.

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia

№ 4 (108) October - December 2025

Founded in 1999, "Vestnik of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation" is a quarterly, network, peer-reviewed, open access scholarly journal published by Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

On March 29, 2022, the Higher Attestation Commission (VAK) under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation gave its approval to include the journal into the databases of VAK. The journal belongs to K1 category and covers the following areas:

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences.
5.1.2. Public Law (State Law) Sciences.
5.1.3. Civil Law Sciences.
5.1.4. Criminal Law Sciences.
5.3.3. Labour Psychology, Engineering Psychology and Cognitive Ergonomics.
5.3.9. Forensic Psychology and Psychology of Safety.
5.8.1. Pedagogy, History of Pedagogy and Education.
5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education.

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index and included in the databases of Ulrich's Periodicals Directory.

The journal is distributed on-line throughout Russia and foreign countries.

The languages of the journal are Russian and English.

The author is responsible for the content of the work and the accuracy of the facts. The opinion of the author may not coincide with the position of the editorial staff and members of the editorial board. Reprinting of the journal publications in other periodicals is possible with the reference to the journal.

The journal is re-registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications: El No. FS77-84786 on March 3, 2023.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Editors: G. N. Golyadkin, R. E. Artamonov.
Publisher address: 1 Lyotchika Pilyutova St., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
Phone: +7 (812) 730-26-96
E-mail: vestnik@univermvd.ru

Date of publishing: 30.12.2025.

© Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia, 2025.

Главный редактор – ***Каверина Л. В.,*** кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Амельчаков И. Ф. – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бучакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
Вахнина В. В., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гордеев С. Н., доктор юридических наук, доцент (Республика Узбекистан, Ташкент)
Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Колариh Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Editor in Chief – ***Kaverina L.V.,*** Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent
(Russia, Saint Petersburg)
Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)
Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)
Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)
Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)
Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)
Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Gordeev S. N., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Republic of Uzbekistan, Tashkent)
Grivennaya E.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)
Dozorceva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)
Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)
Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)
Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)
Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)
Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)
Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)
Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Sleptsov I.V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)
Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)
Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)
Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Волк-Леонович С. О. Проблемы становления Древнерусского государства в трудах И. А. Малиновского 10

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Агамагомедова С. А. Административная ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров: проблемы правоприменения 28
Гайдов Д. В. Тенденции и перспективы развития правоохранительной составляющей частной охранной деятельности в Российской Федерации 37
Миннигулова Д. Б. Эволюция структуры судебной системы Российской Федерации в период с 1993 года по настоящее время: правовые и организационные аспекты 44
Новопавловская Е. Е. Проверка конституционности избирательного законодательства в части регламентации выдвижения и регистрации кандидата на выборную должность 56
Токолов А. В., Владимиров И. А. Понятие и место продовольственной безопасности в системе национальной безопасности 64

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Сорокин И. С. Категория цифрового пространства в современном гражданском праве 73

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Адамович В. В. Об общей правовой природе новых потенциально опасных психоактивных веществ и аналогов наркотических средств и психотропных веществ 83
Бавсун М. В., Берестовой А. Н. Соотношение уголовно-правовых и административно-правовых средств противодействия преступности на современном этапе 91
Бегишев И. Р., Шутова А. А. Уголовно-правовые последствия интимного взаимодействия человека с роботами 98
Бугера М. А., Бугера Н. Н. Особенности возникновения конфликтной следственной ситуации 106
Векленко В. В.*, *Чихрадзе А. М. Уголовно-правовая оценка вреда здоровью в условиях изменения научной парадигмы 117
Жандров В. Ю. Киберагентурные операции в системе методов оперативно-розыскной деятельности: международный опыт и национальные модели 127
Павличенко Н. В. Частная теория негласности в оперативно-розыскной деятельности: от идеи до реализации 139
Палий Е. С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты дистанционного мошенничества с применением deepfake-технологий и социальной инженерии 149
Тишутина И. В. Преодоление противодействия расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних: информационные аспекты 158
Харисова З. И. Криминалистическая кодификация преступлений в сфере компьютерной информации и ее роль в унификации процесса расследования 164
Хлебушкин А. Г. Квалификация возбуждения ненависти либо вражды с учетом изменений, внесенных в статью 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ 173
Черных Т. Т. Особенности квалификации преступлений против личности, связанных с использованием инновационных медицинских технологий 184
Шатов Н. А. Особенности нормативной регламентации и практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в рамках досудебного производства 190

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Алексеева П. М. Особенности профессионального портрета начинающего преподавателя современной российской образовательной организации высшего образования 201

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Амельчаков И. Ф., Беляева Е. Г.., Рожков А. А. Оперативное совещание у начальника образовательной организации Министерства внутренних дел Российской Федерации как форма политико-воспитательной работы 210
Бутиков А. И. Об основных результатах работы по модернизации производственной преддипломной практики на примере будущих участковых уполномоченных полиции 222
Гейжан Н. Ф., Кравцун И. А. Методологические основания подготовки сотрудников, осуществляющих информационно-пропагандистскую работу в подразделениях органов внутренних дел 230
Ермолина М. А. Факторы проектирования наставничества в тыловых подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации 242
Нечай А. А., Ничагина А. В. Особенности подготовки специалистов для расследования преступлений в сфере компьютерной информации 251
Чопик О. А. Проектирование многомерной модели формирования субъектной позиции студентов в цифровой образовательной среде 262

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

Красноштанова Н. Н., Агапов В. С. Опросник «психологическая безопасность субъекта служебной деятельности»: разработка и стандартизация 274

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Зуева Е. Г. Ресурсные функции вины, совести и стыда в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности 294
Ситников В. Л. Имидж сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации и проблемы текучести кадров 303

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Volk-Leonovich S. O. Challenges in the formation of the Old Russian State in the works of Ioanniky A. Malinovsky 10

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Agamagomedova S. A. Administrative liability for the unlawful use of means of individualisation of goods: problems of law enforcement 28
Gaidov D. V. Trends and prospects for the development of the law enforcement component of private security activities in the Russian Federation 37
Mannigulova D. B. Transformation of the judicial system structure of the Russian Federation (1993-Present): legal and organizational perspectives 44
Novopavlovskaya E. E. Verification of the constitutionality of electoral legislation in terms of regulating the nomination and registration of candidates for elected office 56
Tokolov Ф. M., Vladimirov I. A. The concept and place of food security in the national security system 64

CIVIL LAW SCIENCES

Sorokin I. S. Category of digital space in modern civil law 73

CRIMINAL LAW SCIENCES

Adamovich V. V. On the general legal nature of new potentially dangerous psychoactive substances and analogues of narcotic drugs and psychotropic substances 83
Bavsun M. V., Berestovoy A. N. Relation between criminal law and administrative law means for counteracting crime at the present stage 91
Begishev I. R., Shutova A. A. Criminal legal consequences of intimate interaction between humans and robots 98
Bugera M. A., Bugera N. N. Features of the emergence of a conflictive investigative situation 106
Veklenko V. V., ***Chihradze A. M.*** Criminal-legal assessment of harm to health in the context of scientific paradigm shift 117
Zhandrov V. Yu. Cyber-enabled human intelligence in law enforcement: international and domestic patterns 127
Pavlichenko N. V. A private theory of secrecy in operative-investigative activities: from idea to implementation 139
Paliy E. S. Criminological and criminal-legal aspects of remote fraud involving deepfake technologies and social engineering 149
Tishutina I. V. Overcoming countering the investigation of crimes against families and minors: information aspects 158
Kharisova Z. I. Criminal codification of crimes in the field of computer information and its role in the unification of investigation process 164
Khlebushkin A. G. Classification of incitement to hatred or enmity taking into account the amendments made by Federal Law No. 173-FZ of 24 June 2025 to the Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation 173
Chernykh E. E. Specifics of the classification of crimes against persons involving the use of innovative medical technologies 184
Shatov N. A. Features of normative regulation and practice of choosing preventive measures in the form of detention during pre-trial proceeding 190

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Alexeyeva P. M. Peculiarities of professional portrait of entry-level teacher in modern russian institution of higher education 201

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Amelchakov I. F., Belyaeva E. G., Rozhkov A. A. Command staff meetings as a tool for fostering political awareness and educational development at an institution of the Russian Ministry of the Interior 210
Butikov A. I. On the main results of the work to modernize the pre-diploma on-the-job practice, using the example of future district police officers 222
Geizhan T. A., Kravtsun I. A. Methodological foundations for training specialists engaged in information and political education work within law enforcement agencies 230
Ermolina M. A. Mentoring design factors in the rear units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation 242
Nechay A. A., Nichagina A. V. Characteristic features of training specialists for investigating crimes in the field of computer information 251
Chopik O. A. Designing a multidimensional model for forming the subject position of students in a digital educational environment 262

LABOUR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY AND COGNITIVE ERGONOMICS

Krasnoshtanova N. N., Agapov V. S. Questionnaire ‘psychological safety of the professional activity subject’: development and standardization 274

FORENSIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Zueva E. G. The resource potential of guilt, conscience, and shame in the transformation of subjectivity among individuals with a history of incarceration 294
Sitnikov V. L. The image of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the problem of staff turnover 303

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340.123

Проблемы становления Древнерусского государства в трудах И. А. Малиновского

Станислав Олегович Волк-Леонович, кандидат юридических наук

Нижегородская академия МВД России
Нижний Новгород (603950, БОКС-268, Анкудиновское шоссе, д. 3), Российская Федерация
Ejiwolf2006@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0005-4621-6979

Аннотация:
Введение. *Статья посвящена анализу взглядов историка права Иоанникия Алексеевича Малиновского (1868–1932) на процесс формирования Древнерусского государства. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления историко-правовых концепций в контексте современных подходов к изучению ранней государственности. Цель работы – выявление ключевых идей в научном наследии И. А. Малиновского о процессах, связанных со становлением государства и формированием политико-правовых институтов России.*
Материалы и методы. *В основу исследования легли труды И. А. Малиновского, в частности, его работы по истории права и государственности, при анализе которых использовались критико-аналитические методы.*
Результаты. *Анализ трудов И. А. Малиновского позволяет выделить следующие ключевые идеи:*
В ранний период существовали отдельные земли с центральной общиной. Земли образовывались из городских и сельских общин, где старший город защищал пригороды.
Государственный строй основывался на народоправстве, вся полнота власти принадлежала народному собранию – вече, в то время как княжеская власть была ограничена «рядом» и боярской думой.
Боярская дума являлась высшим органом власти, включавшим духовенство и бояр. Она обсуждала вопросы управления, международные договоры и реформы.
Идея народоправства реализовывалась через князя и вече. До конца XII века существовали элементы монархии, аристократии и демократии.
Обсуждение. *Подчеркивается новаторство И. А. Малиновского в критике «норманизма» и акцент на внутренних факторах развития государства. Отмечается, что некоторые выводы И. А. Малиновского, особенно о роли славянского права, сохраняют значение для современных дискуссий.*

Ключевые слова:
история юридической науки, И. А. Малиновский, школа западнорусского права, Древнерусское государство, государственность, социальная организация общества, политические институты Древней Руси, князь, вече, боярская дума, социальные структуры, источник власти

Для цитирования:
Волк-Леонович С. О. Проблемы становления Древнерусского государства в трудах И. А. Малиновского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 10–27.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025; одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

© Волк-Леонович С. О., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

Problems of the formation of the Old Russian State in the works of I. A. Malinovsky

Stanislav O. Volk-Leonovich, Cand. Sci. (Jurid.)

Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia
3, Ankudinovskoe highway, BOX -268, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
Ejiwolf2006@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0005-4621-6979

Abstract:
Introduction. *This article analyses the perspectives of legal historian Ioanniky Alekseevich Malinovsky (1868–1932) on the formation process of the Old Russian State. The relevance of the study stems from the need to reinterpret historical and legal concepts within the context of modern approaches to studying early statehood. The aim is to identify key ideas in Malinovsky's scholarly legacy concerning the processes associated with state formation and the development of political and legal institutions in Russia.*
Materials and Methods. *The research is based on the works of I. A. Malinovsky, particularly his studies on legal history and statehood. Critical-analytical methods were applied in examining these texts.*
Results. *The analysis of Malinovsky's works allows for the identification of the following key ideas:*
In the early period, separate territories existed, each centered around a principal community. These territories were formed from urban and rural communities, where the senior town provided protection for its suburbs.
The state system was founded on popular rule, with full sovereign power vested in the people's assembly - the veche. The prince's authority was limited by a 'contract' (ryad) and the Boyar Council.
The Boyar Council served as the supreme governing body, comprising the clergy and nobility. It deliberated on matters of administration, international treaties, and reforms.
The principle of popular rule was realised through the interplay of the prince and the veche. Until the end of the 12th century, elements of monarchy, aristocracy, and democracy coexisted.
Discussion. *The article highlights Malinovsky's innovative critique of the 'Normanist theory' and his emphasis on internal factors of state development. It is noted that some of his conclusions, especially regarding the role of Slavic law, remain significant for contemporary scholarly debates.*
Conclusion. *The study confirms that the works of I. A. Malinovsky represent a valuable source for examining the genesis of the Old Russian State. Despite their debatable nature, his ideas contribute to a deeper understanding of the complex interplay between external and internal factors in the early history of Rus'.*

Keywords:
history of legal science, I. A. Malinovsky, school of West Russian law, Old Russian State, statehood, social organisation of society, political institutions of Ancient Rus', prince, veche, Boyar Council, social structures, source of power

For citation:
Volk-Leonovich S. O. A Problems of the formation of the Old Russian State in the works of I. A. Malinovsky // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 10–27.

**The article was submitted April 23, 2025;
approved after reviewing October 1, 2025;
accepted for publication December 25, 2025.**

Введение

Первая четверть XX века в истории отечественной историко-правовой мысли занимает особое место. В этот период происходит интенсивное возрастание интереса к историко-правовой науке и, в частности, к истокам русской государственности. Анализ достижений историков права данного периода представляет научный интерес, т. к. отмечен большим количеством оригинальных исследований.

Одним из выдающихся представителей историко-правовой мысли указанного выше периода выступает представитель школы западнорусского права (киевской) Иоанникий Алексеевич Малиновский (1868–1932). Его исследования оказали существенное влияние на развитие русской и советской науки истории права. Ученый принадлежал к школе западнорусского права, и в его научном творчестве нашел отражение переходный этап от дореволюционной к советской историографии. Его труды позволяют проследить эволюцию методологических подходов к изучению Древней Руси.

Методологическая актуальность работ И. А. Малиновского обусловлена новаторским подходом, который сочетает юридический, исторический и филологический анализ в трудах историка права. Широко применяется сравнительно-правовой метод, учитываются достижения

этнографической и археологической науки. В его работах нашли отражение актуальные исследовательские парадигмы, такие как теория «правового плюрализма» Древней Руси, концепция «договорного происхождения» княжеской власти и идея органического развития правовых институтов. Вклад И. А. Малиновского в методологию русской исторической науки заключается в разработке основополагающих вопросов древнерусского и русско-литовского права, а также ключевых государственных институтов.

Основные научные достижения ученого включают в себя исследования государственного русско-литовского права раннего периода становления государственности.

Современные научные дискуссии о политогенезе и правовой антропологии также опираются на работы И. А. Малиновского. Он внес свой вклад в дискуссии о природе древнерусской государственности, об альтернативе норманнской и антинорманнской теориям и концепции «вечевого уклада» в ранней Руси.

Образовательное значение работ И. А. Малиновского заключается в восстановлении научной традиции, популяризации забытых научных подходов и формировании критического мышления у студентов. Его научные труды способствовали интеграции знаний, методов и подходов социогуманитарных научных дисциплин для решения проблем, связанных с генезом государства и формированием политико-правовых институтов, определяли комплексный характер историко-правового исследования и получение более полного и глубокого понимания рассматриваемых явлений.

Научно-практическая значимость работ И. А. Малиновского заключается в изучении истоков российской государственности, традиций правовой культуры и исторических корней современных институтов. Его труды также способствуют противодействию фальсификациям начала истории русской государственности и ее упрощенным трактовкам.

Исследование трудов И. А. Малиновского представляет значительный научный интерес как с точки зрения истории науки, так и для развития современных подходов к изучению Древней Руси. Его наследие требует комплексного изучения и актуализации в контексте современных историко-правовых исследований.

Актуальность обращения к наследию И. А. Малиновского заключается в том, что его исследования позволяют по-новому оценить становление политико-правовых институтов Древнерусского государства, а также предлагают комплексный подход к изучению истории и права Древней Руси. Ученый акцентирует внимание на политической способности восточных славян и уникальности стэйтогенеза и правогенеза.

И. А. Малиновский рассматривает формирование политико-правовых институтов не изолированно, а в контексте социально-экономических, культурных и внешнеполитических факторов, что позволяет увидеть их взаимосвязь. В отличие от традиционных исследований, сосредоточенных на периоде Киевской Руси X–XI вв., он уделяет больше внимания догосударственным и раннегосударственным структурам (IX – нач. X вв.), исследуя процессы институционализации власти. Ученый в своих трудах обращает внимание на высокую степень значения обычного права и народных правовых традиций в становлении древнерусского права, а не только рецепции права Византии или Скандинавии. Большое внимание уделяется анализу взаимодействия элит, рассматривается формирование политических институтов как результат взаимодействия различных групп населения (князей, княжеской дружины, элиты городских общин), что позволяет по-новому представить процесс формирования политических институтов. В своих работах ученый избегает крайних позиций в вопросе об определяющем факторе стэйтогенеза, признавая как внешние влияния (скандинавские, византийские), так и внутренние факторы развития политико-правовой системы.

И. А. Малиновский активно использует сравнение с другими раннесредневековыми государствами Европы, что помогает выявить общие закономерности и уникальные черты древнерусской государственности. Недопустимое пренебрежение использования сравнительно-правового метода до сих пор характеризует большинство современных работ по истории государства и права России рассматриваемого периода.

Таким образом, обращение к трудам И. А. Малиновского позволит современному исследователю пользоваться достижениями историко-правовой науки и сосредоточить свое внимание на получении новых знаний, а не открывать уже исследованное, оградить историко-правовую науку от недобросовестных исследователей, присваивающих результаты чужих хорошо забытых исследований. Критическое осмысление научного опыта И. А. Малиновского в значительной

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

степени определяет настоящее и будущее историко-правовых исследований генеза Русского государства, эволюции его политических институтов, типа, формы, социальной структуры и пр. Исторический подход к пониманию правовой действительности, характеризующий творчество ученого, позволил сформировать значительный потенциал в изучении указанной выше проблемы, которая, на взгляд автора, не только не утратила актуальности и в настоящее время, но и сохранит такую актуальность в обозримом будущем. Следует отметить, что способность современного историко-правового познания удовлетворять потребности общества в осмыслении эволюции политических и правовых институтов, понимание причин политико-правовых конфликтов, сопровождающих такую эволюцию, и как следствие, способность предвидеть и нивелировать такие конфликты, находится в прямой зависимости от степени и глубины анализа целого ряда вопросов, касающихся времени и причин возникновения государства, эволюции политико-правовых институтов на ранних стадиях становления государства, которые были поставлены и решены в ходе исследования, проведенного ученым. Обращение к научному наследию И. А. Малиновского поможет сформировать подходы к решению современных научных задач, стоящих перед историко-правовой наукой, и ответить на ряд практических запросов, в частности, преодолеть однобокость в представлениях о Древнерусском государстве как о раннефеодальной монархии и т. п.

Рассматривая вопрос о современном состоянии исследуемой проблемы, следует отметить прежде всего труды науковедческого и историографического характера, т. к. именно они формируют общее представление о методологии, тематической направленности изысканий, в значительной степени определяют круг исследователей и степень разработанности проблемы древнерусской государственности отечественными юристами второй половины XIX – начала XX столетия.

Так, в исследовании Е. В. Соболевой «Организация науки в пореформенной России» [1] раскрывается процесс специализации научных учреждений Императорской России второй половины XIX века. В научном творчестве Н. Н. Зипунниковой получили освещение вопросы становления и развития образовательной и научной деятельности университетов России XVIII-XX вв. [2–5] В. Н. Жуков уделяет внимание взаимоотношению юридической догматики и фундаментальной юриспруденции (энциклопедии права, философии права, общей теории права, политики права, социологии права) [6].

Особое место в отечественной историко-правовой науке занимают единственные в своем роде работы И. А. Емельяновой «Всеобщая история права в русском дореволюционном правоведении» и «Историко-правовая наука России XIX века. История русского права» [7. с. 4]. Ученый вводит в научный оборот понятие «юридического историзма» и считает, что он зарождается в отечественной юридической науке в XVIII веке, но широкомасштабное развитие получает в XIX столетии [7, с. 5]. Вопросы происхождения и поэтапного развития отечественной юриспруденции исследует В. А. Томсинов[1] [8]. Существенный вклад в изучение историографии юридической науки и юридического источниковедения внес С. В. Кодан [9–12]. Обоснование методологии историко-правового источниковедения как самостоятельного направления юридической науки и анализ источниковедческой проблематики в историко-правовых исследованиях содержат работы С. В. Лонской [13]. Сравнительный анализ естественно-правовой и исторической методологии проводит А. М. Михайлова [14].

Дореволюционному периоду истории отечественной юридической науки посвящена работа М. А. Кожевиной «Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII-XIX вв.», в которой автор обосновывает науковедческий подход к изучению институционализации науки, определяет значимые факторы для ее развития, выявляет особенности становления отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв., анализирует основные тенденции развития «внешней истории» науки [15; 16].

[1] Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. Изд. 2-е, доп. Москва : Зерцало-М, 2015 Т. 1. 468 с. ; Его же. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. Изд. 2-е, доп. Москва : Зерцало-М, 2015 Т. 2. 472 с. ; Его же. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века : учебное пособие. Москва : Зерцало-М, 2011. 277 с. ; Его же. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века : учебное пособие. Москва : Зерцало-М, 2010. 334 с. ; Его же. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х г. XIX в.) : учебное пособие. Москва : Зерцало-М, 2013. 300 с. ; Его же. Преподаватели юридического факультета Московского университета (1755–2010) : Очерки жизни и творчества. Москва : Городец, 2011. 560 с. ; Его же. История русской юриспруденции. X–XVII века : учебное пособие. Москва : Зерцало-М, 2013. 166 с.

Общим проблемам развития историко-правовой науки также посвящены диссертации Н. В. Илирецкой[2], Н. В. Акчуриной[3], В. А. Гринева[4], Д. А. Савченко[5]. Авторы исследуют историческое правоведение, его специфику рассматривают как одно из конкретных проявлений духовной эволюции человеческого мышления. На изучение научного творчества отдельных историков права направлены диссертационные работы В. А. Мамонова[6], Л. В. Исаковой[7] и др.

Методы

В рамках данного исследования был применен историографический подход, основанный на принципах науковедческого анализа. Это позволило рассмотреть динамику объекта исследования в историческом контексте.

Кроме того, был использован принцип историзма, который позволил раскрыть основные направления познания Древнерусского государства.

В ходе исследования были применены общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, сопоставление и сравнение, структуризация и систематизация, классификация и контент-анализ.

Также были использованы специальные юридические методы, такие как сравнительно-правовой и формально-юридический.

Кроме того, были применены специальные методы иных наук: ретроспективный, хронологический, историко-генетический и сравнительно-исторический анализ.

При исследовании взглядов И. А. Малиновского на возникновение Русского государства автор полагает необходимым рассмотреть идеи ученого, не только непосредственно связанные с периодом, традиционно определяемым как Древняя Русь IX–XII вв., но и частично рассмотреть идеи ученого, затрагивающие более поздние периоды истории государства и права России. Это хорошо демонстрирует принцип преемственности в эволюции политико-правовых институтов, характеризующий не конечную идеальную точку (государство), а процесс становления (формирования) или, по-другому, государственность, что позволяет продемонстрировать применение ученым исторической методологии. Государство необходимо рассматривать не как изолированный во времени феномен, а как начальный этап длительного процесса, где закладывались институты княжеской, боярской, народной власти, которые, трансформируясь под влиянием внутренних и внешних вызовов, становятся основой для формирования институтов централизованного государства в XV–XVI вв., определяя его форму и содержание.

Результаты

Обращаясь к творчеству ученого, следует уделить внимание его биографии. И. А. Малиновский является выпускником юридического факультета Киевского университета Святого Владимира, который он окончил в 1892 году. Взгляды ученого сформировались под влиянием его учителей – выдающегося российского историка, доктора русской истории, ординарного профессора истории русского права в Киевском университете Святого Владимира М. Ф. Владимирского-Буданова и выдающегося российского правоведа, доктора права, ординарного профессора, декана юридического факультета и ректора Императорского Новороссийского университета Ф. И. Лентовича.

Ученый начал свою преподавательскую деятельность в Киевском кадетском корпусе преподавателем законоведения. Сдал экзамены на магистра государственного права в 1897–1898 гг. и был назначен приват-доцентом в Киевском университете, где впоследствии стал профессором кафедры русской истории[8].

---

[2] Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в. : дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2002. 403 с.

[3] Акчурина Н. В. Историческое направление в русском правоведении XIX века : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2000. 324 с.

[4] Гринев В. А. Происхождение и развитие историко-правовой науки в Российской империи : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2007. 171 с.

[5] Савченко Д. А. Защита политического строя и безопасности русского средневекового государства X - первой половины XVII вв.: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. 47 с.

[6] Мамонов В. А. История русского государства и права в научном наследии. Д. Я. Самоквасова : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 153 с.

[7] Исакова Л. В. Густав Эверс и его концепция начальной истории Руси : дис. ... канд. ист. наук. Арзамас, 2018. 268 с.

[8] Правовая наука и юридическая идеология России : энциклопедический словарь биографий / отв. ред. В. М. Сырых. Москва : Юрист, 2011. Т. 2: (1917–1964 гг.). С. 485.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

В 1906–1912 гг. являлся заведующим кафедрой истории русского права в Томском университете. Он также был одним из редакторов газеты «Сибирская жизнь» [17, с. 21].

В 1913 году избран профессором одновременно на две кафедры истории русского права – в Демидовском юридическом лицее и Казанском университете, но из-за сочувствия антиправительственным политическим движениям к работе в указанных учебных заведениях так и не приступил. С 1913 года он являлся профессором на кафедре истории русского права в Варшавском университете, откуда во время первой мировой войны в 1915 году в связи с оккупацией Варшавы вместе с университетом эвакуирован в Ростов-на-Дону. После 1917 года он был профессором Донского университета, активным общественным деятелем в Ростове-на-Дону. Ученого арестовали в 1920 году по обвинению в контрреволюционной деятельности. Он был осужден на 15 лет лишения свободы, но срок был сокращен до 5 лет [18, с. 61].

После освобождения работал в Институте советского права Наркомюста РСФСР, где занимался разработкой Уголовного кодекса РСФСР и учебника по уголовному праву. Позже ученый был вновь осужден и отбывал срок в Ивановском лагере, но был освобожден по ходатайству Всеукраинской академии наук в 1925 году. В том же году был избран академиком этой академии. В 1926 году стал председателем Комиссии по изучению обычного права, а затем председателем Общества юристов при Всеукраинской академии наук. В 1930 году был уволен с должности и исключен из состава Всеукраинской академии наук[9].

Сферу научных интересов ученого составляла история права Древнерусского государства и Великого княжества Литовского. Его научное наследие тесно связно со школой исследователей западнорусского права, которую основали М. Ф. Владимирский-Буданов и Ф. И. Леонтович.

По мнению ученого объект его исследования (древнерусское право) представляет собой сложное и многогранное явление, которое можно понять лишь в его историческом развитии. Право русского народа не является исключительно славянским, а формируется под влиянием финно-угорских и тюркских народов и включает в себя правовые нормы, характерные для различных этнографических групп; оно не является чем-то единым и целостным и представляет собой совокупность правовых норм, которые развивались и изменялись на протяжении длительного времени. Основными целями историко-правовой науки, с точки зрения И. А. Малиновского, являются изучение государственно-правовых явлений в их исторической динамике, реконструкции их эволюции, определение характера их влияния на общественную жизнь, определение этапов и периодов в развитии государственно-правовых институтов, их анализ, выявление общего и особенного, обнаружение историко-правовых закономерностей. Исходя из поставленных задач, ученый определяет историю права как важную часть истории культуры, которая изучает прошлое человечества. Она помогает понять, как формировались и развивались общественные отношения, как менялись правовые нормы и как они влияли на жизнь людей.

Отсюда основные задачи истории права, сформулированные И. А. Малиновским в монографическом исследовании «Лекции по истории русского права», которые, согласно ученому, заключаются в изучении:

– различных аспектов общественной жизни, таких как политика, экономика, культура и религия;
– влияния внешних факторов на развитие права, таких как международные отношения, войны и революции;
– влияния личных качеств и деятельности людей на развитие права;
– заимствования правовых норм из других культур;
– прогресса в общественной жизни, который понимается как улучшение и усовершенствование;
– различных направлений и школ в изучении права;
– развития законодательства в России;
– развития судебной системы в России;
– развития юридической науки в России;
– развития правовой культуры в России;
– развития правовых институтов в России;
– развития правовых идей в России;
– развития правовых учений в России;
– развития правовых норм в России[10].

Можно предположить следующую иерархию в задачах права (от наиболее фундаментальных к более частным):

[9] Правовая наука и юридическая идеология России... С. 487.

[10] Малиновский И. А. Лекции по истории русского права. Ростов-на-Дону : Типография кооперативного товарищества «Единение», 1918. С. 3–6.

Развитие правовых идей и учений в России – базис для понимания философско-теоретических основ права.

Развитие законодательства и правовых норм – конкретное воплощение идей в нормативных актах.

Развитие правовых институтов и судебной системы – практическая реализация права.

Развитие юридической науки и правовой культуры – интеллектуальная и общественная рефлексия права.

Влияние внешних факторов (войны, революции, международные отношения) – внешние импульсы для изменений.

Заимствование правовых норм из других культур – сравнительно-правовой аспект.

Влияние личных качеств и деятельности людей – роль отдельных исторических фигур.

Различные направления и школы в изучении права – методологический плюрализм.

Прогресс в общественной жизни – оценочная категория, зависящая от идеологии.

Различные аспекты общественной жизни (политика, экономика, культура, религия) – контекст, но не ядро правовой истории.

Фундаментальные задачи (идеи, нормы, институты) – наиболее важны, т. к. составляют основу правовой системы. Без их изучения невозможно понять логику развития права.

Практико-ориентированные задачи (судебная система, юридическая наука) – важны для понимания реализации права, но вторичны по отношению к теории.

Контекстуальные задачи (внешние факторы, заимствования) – необходимы, но играют вспомогательную роль.

Персоналистический подход (роль личности) – интересен, но не всегда системообразующий.

Методологические и оценочные задачи (школы, прогресс) – полезны, но зависят от субъективных трактовок.

Наиболее ценными, на взгляд автора статьи, представляются задачи, связанные с эволюцией правовой мысли и законодательства, т. к. они формируют системное понимание права. Остальные аспекты важны, но носят либо вспомогательный, либо производный характер.

Исходя из указанных задач, ученый формирует модель историко-правового исследования Древнерусского государства.

По Малиновскорму, история развития государственного права предполагает следующие этапы (периоды):

– период до начала XV века: существование отдельных квазисуверенных территорий, называемых «землями» или княжествами;

– период до начала XVII века: сосуществование двух русских государств: великого княжества Московского и великого княжества Литовского;

– последний период: существование единого государства – Российской империи[11].

В данной статье мы в основном обращаемся к рассмотрению первого этапа, соответствующего периоду Древнерусского государства IX–XII вв., однако, как говорилось выше, в целях демонстрации эволюции политико-правовых институтов будем осуществлять экскурс и в более поздние периоды.

Анализируя историю становления государственности в Древней Руси, И. А. Малиновский исходит из сформировавшегося представления о государстве как политической форме устройства общества на определенной территории; суверенной форме публичной власти, обладающей аппаратом управления и принуждения, которому подчиняется все население страны. Ученый рассматривает Древнерусское государство через призму трех признаков: организации территории, населения, публичной власти.

Ученый разделяет позицию М. Ф. Владимирского-Буданова и Ф. И. Леонтовича, согласно которой политический быт возникает задолго до призвания варягов: он вызревает из потестарных институтов, постепенно трансформируясь в государственные[12]. В частности, Ф. И. Леонтович указывает на то, что призвание варягов никоим образом не связано с возникновением государства [19]. Славяне, по его мнению, призывали князей задолго до 862 года. Сама по себе княжеская власть не имеет ничего общего с государством, а сам князь является не органом государственной власти, а традиционным элементом общинного уклада [19]. «Восточные славяне имели и своих старейшин и свое городское население уже со времен доисторических», отмечает М. Ф. Владимирский-Буданов[13]. Он солидаризируется с Ф. И. Леонтовичем, указывая,

[11] Малиновский И. А. Указ. соч. С. 69–70.

[12] Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права : [учебное издание]. Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 198.

[13] Там же. С. 44.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

что задруга трансформируется в территориальную общину, родственные связи общества, выступавшие основой организации на предыдущем этапе, вытесняются территориальными, нормой общежития становится ассимиляция иноплеменных элементов посредством «простого вселения» [19], институт патриарха уступает место выборному главе. Из общины-метрополии и колоний формируется новая структура – волость[14] [19]. Следуя сформированной вышеуказанными авторами гипотезе, И. А. Малиновский обращает внимание на то, что до сих пор не существует общепринятого определения государства, но установлены его признаки: территория, население и власть. В ранний период не существует единого государства, существуют отдельные земли (союз городских и сельских общин, управляемых центральной общиной)[15].

И. А. Малиновский подвергает резкой критике представителей государственной (юридической) школы К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, которые не усматривали в ранних формах организации общества восточных славян признаков государства, ориентируясь в определении формы общества прежде всего на господствующие формы собственности на землю: родовую, частную и публичную. Последняя появляется ближе к XV–XVI вв., что и является маркером, указывающим на появление государства. Большое значение в становлении государства придается государственниками не внутренним факторам развития общества, а внешним (например, призванию варягов, татаро-монгольскому игу). Согласно К. Д. Кавелину, определяющую роль в становлении русского государства сыграло татаро-монгольское иго, являя собой власть извне, не связанную родовыми и вотчинными институтами власти, что постепенно приводит данные институты в упадок. Одновременно происходит усиление института княжеской власти, опирающейся на насилие извне. В конечном итоге благодаря монголам власть сосредотачивается в руках московских князей и с Ивана III начинается борьба с любым проявлением независимости. Так, государственное начало вытесняет вотчинное и родовое, «сверхвотчина» московских князей приобретает политическую форму [20, с. 80].

Аналогично К. Д. Кавелину, Б. Н. Чичерин формирует схему исторического развития, где первый этап представлен первоначальным, естественным проявлением человеческого общества. Данный период характеризуется такой формой организации общества, как кровный союз, происходящей из разрастающейся семьи, и отношения в таком союзе определяются нормами семейного права [21, с. 367].

Кровный союз под воздействием варяжского фактора преобразуется в союз гражданский, где частное право формирует новый тип общества [21, с. 367]. Общественной связью в таком союзе выступают «либо имущественное начало – вотчинное право землевладельца, либо свободный договор, либо личное порабощение одного лица другим» [21, с. 368].

Государство есть последняя и высшая форма человеческого общежития, высшее проявление народности в общественной сфере. «В государстве неопределенная народность, которая выражается преимущественно в единстве языка, собирается в единое тело, получает единое отечество» [21, с. 368]. Верховная власть в таком союзе является вне зависимости от формы правления выразительницей высшей воли народа. В таком союзе общественная воля подчиняет себе воли частные и устанавливает правопорядок в обществе, гарантируя защиту каждого от произвола, «разумную свободу», равенство, вознаграждение по заслугам перед обществом, защиту достоинства человека. Согласно Б. Н. Чичерину, государство в России появляется только к концу XV – середине XVI вв.

И. А. Малиновский опровергает данные тезисы, указывая вслед за Ф. И. Леонтовичем и М. Ф. Владимиским-Будановым на решающий характер в развитии общества внутренних противоречий, и постепенную, а не скачкообразную, эволюцию общества[16].

Развивая тезис о складывании государства у славян в V–VI вв., И. А. Малиновский ставит под сомнение и существующие в его время теории, объясняющие генезис Древнерусского государства, среди которых он выделяет теории родового, общинного и задружного быта.

Теория родового быта, предложенная в первой четверти XIX века выдающимся ученым дерптской школы русского права И. Ф. Г. Эверсом, основывалась на том, что становление государства представляет собой сложный процесс взаимодействия множества родов, в конечном итоге формирующего в целях осуществления управления родами институт верховного патриарха, обладающий неоспоримым авторитетом и властью. И. Ф. Г. Эверс подчеркивал, что государственное устройство и управление в таком обществе базируются на принципах патриархального правления, при котором доминирующую роль играет правящая династия или великий род [22, с. 95–96].

[14] Здесь и далее – административно-территориальная единица, область, подчиненная власти старшего города.

[15] Малиновский И. А. Указ. соч. С. 69.

[16] Там же. С. 67.

С точки зрения данной концепции, общество проходит через несколько последовательных этапов эволюции. Начальной формой социальной организации является семья, которая затем интегрируется в род. Роды в свою очередь образуют племенные союзы. На этом этапе формируются устойчивые этнические общности, которые впоследствии трансформируются в народности. Эти народности далее эволюционируют в государства, представляющие кульминационный этап в развитии общества [22, с. 98].

Представленная концепция, ориентированная на положения теории родового быта, оказала значительное влияние на развитие историко-правовой науки, руководствуясь вышеуказанной концепцией, проводили свои теоретические и историко-правовые изыскания профессора Ф. Л. Морошкин[17], К. Д. Кавелин [20, с. 80], Б. Н. Чичерин [21, с. 114–115], В. В. Ивановский[18], К. П. Победоносцев[19] и многие др.

И. А. Малиновский отмечает несостоятельность данной теории. Несмотря на то, что она подтверждается летописными свидетельствами, ученый полагает, что построения данной теории, оперирующие летописными известиями, связаны с неправильной интерпретацией понятия «род», который в летописи употребляется в совершенно различных контекстах и обозначает, по мнению ученого, семью, нацию, территориальную общину[20].

Теорию общинного быта, сформулированную славянофилами и предполагающую, что родовые отношения, характеризующиеся кровным родством и жесткой иерархией, были лишь переходной стадией в развитии славянских обществ и к моменту призвания варяжских князей славяне уже перешли к более сложной форме социальной организации, основанной на соседских и территориальных связях, также, по мнению И.А. Малиновского, нельзя считать в достаточной мере убедительной.

Рассматривая данную концепцию, И. А. Малиновский отмечает ключевые идеи К. С. Аксакова, предложившего альтернативную концепцию общинного быта, которая предшествовала формированию государственных структур, согласно которой, славянские общества объединялись не по кровному родству, а на основе соседства и общих материальных интересов. Такие социальные формы организации, известные как общины, обладали значительной автономией и управлялись выборными старейшинами. Важнейшие вопросы жизни общины решались на вечевых собраниях, где каждый свободный член общины имел право голоса [23, с. 79–81].

Идеи К. С. Аксакова получили дальнейшее развитие в трудах московских профессоров-юристов И. Д. Беляева[21] и К. А. Лешкова [24, с. 157]. Они представили обширные доказательства существования и функционирования общинного быта у восточных славян. Ученые детально исследовали правовые и социальные аспекты общинной организации, подтверждая выводы К. С. Аксакова о ее значимости в историческом развитии славянских народов.

И. А. Малиновский полагает аргументы, приводимые сторонниками теории общинного быта, неубедительными: во-первых, в летописи не содержится свидетельств в пользу указанной теории; во-вторых, отсутствует объяснение процесса формирования промежуточных общественных союзов между родовыми общинами и более крупными территориальными образованиями (ученый указывает на то, что славянофилы в основном сосредоточились на описании конечных форм социальной организации, не раскрывая механизмы их становления и эволюции)[22].

Рассматривая теорию задружно-общинного быта, И. А. Малиновский отмечает, что задружно-общинная структура у восточных славян аналогична южнославянским формам социальной организации общества догосударственного периода. Такие формы сохраняют элементы родоплеменных отношений, но вместе с тем претерпевают значительные трансформации под влиянием оседлого образа жизни и социально-экономических изменений[23].

Родоплеменная организация, характерная для кочевых сообществ, постепенно утрачивала свою актуальность среди оседлых народов. Взаимодействие между чужеродцами, основанное на экономических, культурных и политических интересах, способствовало формированию искусственных родов и племен, которые, несмотря на отсутствие кровного родства, выполняли важные социальные функции.

[17] Морошкин Ф. О постепенном образовании законодательств : Рассуждение кандидата Федора Морошкина для получения степени магистра этико-политических наук. Москва : Университетская типография, 1832. С. 64–65.

[18] Ивановский В. В. Учебник государственного права / [Сочинения] Профессора Казанского университета В. В. Ивановского. Казань : Типо-лит. Императорского университета, 1908. С. 103.

[19] Победоносцев К. П. Курс гражданского права. : [в 3 ч.] / Сочинения К. Победоносцева. Санкт-Петербург : Типография А. А. Краевского, 1868–1880.

[20] Малиновский И. А. Указ. соч. С. 67.

[21] Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / предисл. А. Д. Каплина ; отв. ред. О. А. Платонов. Москва : Институт русской цивилизации, 2011. С. 37.

[22] Малиновский И. А. Указ. соч. С. 67.

[23] Там же.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Рассматривая аргументы Ф. И. Леонтовича, И. А. Малиновский принимает основную гипотезу последнего о том, что верви, мелкие общественные союзы, представляли собой искусственные роды, объединявшие людей на основе соседства и общих интересов и далее, что группы славян, формировавшие волости или земли вокруг крупных городов, можно рассматривать как искусственные племена, возникшие в результате социально-политических процессов. Согласно Ф. И. Леонтовичу, это свидетельствует о переходе от традиционных форм социальной структуры к более сложным и дифференцированным формам общественной организации [25]. Данную концепцию также разделяли многие видные историки и правоведы, в частности, руководитель Санкт-Петербургской школы историографии, специалист по источниковедению, академик Санкт-Петербургской академии наук К. Н. Бестужев-Рюмин[24], заслуженный профессор Московского университета, профессор и ректор Юрьевского университета А. Н. Филиппов[25].

Критикуя задружно-общинную теорию, И. А. Малиновский отмечает, что в основе построения лежит применение аналогии с историей государственного права другого славянского народа, однако подобная аналогия, опирающаяся на институты иностранного права, не подкреплена свидетельствами отечественных источников, а следовательно, не может в достаточной мере объяснить природу генеза Русского государства.

И. А. Малиновский полагает, что природа искусственных родов и племен, а также степень сохранения родоплеменных отношений в условиях изменяющегося общества не получают достаточного объяснения[26].

Ученый отмечает, что аргументы, приводимые в пользу указанных теорий, безусловно, основывались на тщательном анализе исторических источников и наблюдениях над реальными социальными процессами, однако стремление отдельных теорий к исключительности и обобщению частных наблюдений часто приводило к упрощению и искажению сложной социальной реальности. Таким образом, ни одна из теорий не имеет удовлетворительного объяснения генеза государства[27].

Однако, отмечает ученый, все вышерассмотренные теории отражают эволюцию общества от ранних форм социальной организации общества к государству. Согласно И. А. Малиновскому, государство образуется в V–VIII вв. На это уже содержится ссылка в летописях, указывающих на существование признаков государства у населявших территорию будущего Русского государства племен и употреблявших понятия «земля» или «княжение». Таким образом, восточные славяне, упомянутые в летописи, уже имеют относительно сложные политические образования, обладающие признаками государства. Землей, согласно ученому, называется союз городских и сельских общин, управляемых центральной общиной, старшим родом[28].

Отвечая на вопрос о генезе таких государств (протогосударств), ученый выдвигает гипотезу, согласно которой образование земель предполагает, что кровное родство на ранних стадиях существования человечества формирует родовой союз, который господствовал в глубокой древности и был характерен для кочевого образа жизни. После перехода к земледелию оседлая жизнь определяет новую форму социальной организации, основанную на территориальной принадлежности человека и «вытекающую из единства местожительства»[29]. При этом отдельные институты родового строя, основанные на кровном родстве, сохраняются и появляется промежуточная форма социальной организации – задруга – «союз, основанный одновременно на связи кровной и территориальной». Дальнейшая эволюция социальной формы определяется демографическим фактором, который характеризуется включением в состав задруги чужеродного элемента посредством заключения браков, а также фактором внешней экспансии (включение в состав задруги неполноправных лиц). Указанные факторы ослабляют влияние институтов кровного родства, а значение институтов, обусловленных общностью территории, наоборот, усиливается, и на смену задруге приходит соседская община. Далее под влиянием демографического фактора территория общины увеличивается за счет колонизации новых территорий, образуются новые поселения и возникает волость – «союз, состоящий из нескольких общин: первоначальной общины-метрополии и позднейших общин – колоний». В финале, по мере дальнейшего роста численности, в связи с этим ростом колоний и вывода новых колоний образуется союз волостей – земля[30]. В рассуждениях ученого мы можем видеть значительное

[24] Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Санкт-Петербург : Типография Траншеля, 1872. Т. 1. С. 78–89.

[25] Филиппов А. Н. [История русского права : Курс лекций]. [Юрьев, 1891–?]. С. 45–46.

[26] Малиновский И. А. Указ. соч. С. 69.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Там же.

влияние идей петербургского профессора В. С. Сергеевича о племенном происхождении первичных волостей [26, с. 90].

Таким образом, И. А. Малиновский, выдвигая гипотезу о том, что в IX веке территория, населенная восточными славянами, уже представляет территорию, по сути, самостоятельных государств, ученый, тем не менее, не отказывается от достижений, рассмотренных им теорий генеза государства. Творчески включая их в свою эволюционную модель, он утверждает: «Можно полагать, что до образования земель русские славяне жили в последовательном порядке родами, задругами, общинами, волостями, то есть союзами кровными и территориальными»[31]. В «историческое время», известное нам благодаря письменным источникам, в быту восточных славян заметны начала как кровных, так и территориальных союзов, однако уже в этот период существовали отдельные земли, такие как Киевская, Древлянская, Новгородская и другие. Эти земли образовались в «доисторическое время» (*долетописное время, неизвестное источникам – курсив автора*).

Рассматривая дальнейшую эволюцию русского государства, И. А. Малиновский отмечает, что в течение первого периода существования Древнерусского государства, который ученый вслед за М. Ф. Владимирским-Будановым называет земским, в X–XI вв. из-за военных конфликтов, сепаратизма происходит увеличение территории одних земель и уменьшение территории других. Вследствие этого к концу данного периода большая часть земель теряет политическую независимость и входит в состав более могущественных княжеств. Только десять земель сохраняют свою политическую самостоятельность: Новгородская, Псковская, Полоцкая, Смоленская, Юрьевская, Волынская, Галицкая, Северская, Муромо-Рязанская и Суздальская[32].

Структура земли, по мнению ученого, следующая: ее образуют городские и сельские общины, во главе которых находится центральная городская община или старший город. Пригороды подчинены власти старшего города. Ученый предполагает, что старший город имел более древнее происхождение, пригороды же появились в результате колонизации. Старший город был сильнее пригородов и обеспечивал защиту их жителям. Кроме того, старшие города играли роль религиозных центров[33].

Отношения между старшими городами и пригородами сохранялись в течение многих столетий. Иногда пригород получал равную силу со старшим городом. Если пригород имел достаточно ресурсов и отказывался подчиняться, земля делилась на две части. Так, в Новгородской земле часть земли отделилась с главным городом Псковом, а в Суздальской земле Ростов стал пригородом, а Владимир – старшим городом.

Истоки русского государственного права берут свое начало в Киеве – столице Древней Руси. Этот город был не только важным торговым центром, но и богатейшим городом своего времени. После принятия христианства при Владимире Святославиче Киев стал центром церковного управления и культурным центром Руси.

Возвращаясь к тезису о суверенитете земель Руси до призвания варягов, ученый обращает внимание, что такой суверенитет сохраняется также первые века после этого события. Тем не менее, отмечает он, несмотря на политическую независимость, существовала внутренняя связь между землями. При первых князьях из династии Рюриковичей некоторые земли платили дань Киеву и были обязаны поставлять военные контингенты для участия в военных походах. Эти факты указывают на связь между землями, но не означают потери политической самостоятельности. В конце X века Ярополк, Олег и Владимир из династии Рюриковичей стали князьями в различных землях, уже к XI веку во всех землях утверждаются князья из династии Рюриковичей, а к XII веку род князей Рюриковичей увеличился настолько, что каждая земля начинает делиться на уделы[34].

Уделы не были самостоятельными государствами: удельные князья выполняли служебные функции и заменяли собой посадников, сохраняя формальное единство. Например, в международных отношениях земли продолжают выступать как единое целое. Интересно мнение ученого, согласно которому удельная эпоха, вопреки расхожему мнению, вовсе не разрушила единство земель, что демонстрируется сохранением единой правовой системы, сохранением действия такого источника права, как «Русская Правда», указывающего на единство правового пространства[35].

[31] Малиновский И. А. Указ. соч. С. 69.
[32] Там же. С. 70-71.
[33] Там же. С. 71.
[34] Там же. С. 71-72.
[35] Там же. С. 32-36.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Церковь оставалась единой организацией, объединявшей все княжества под властью митрополита Киевского (позже – Московского). Церковная юрисдикция не знала границ между уделами, применялись церковные уставы Владимира и Святослава. Митрополит был один на всю Русь, и это сдерживало центробежные тенденции[36].

И. А. Малиновский писал, что язык, летописание и традиции литературного творчества оставались общими, летописи велись по единому образцу, князья помнили о своем родстве, а народ – о принадлежности к «Русской земле». «Национальное единство высказывается в литературных памятниках (Летопись, «Слово о полку Игореве») и в памятниках юридических (Русская Правда)»[37].

Сохраняются экономические связи. Несмотря на межкняжеские конфликты, купцы продолжали возить товары из Новгорода в Киев, а бояре переходили на службу от одного правителя к другому.

Все вышесказанное свидетельствует о сохранении идеи «Русской земли», сознания национального единства, общих скреп, которые сберегаются в древнерусской литературе и праве.

Ученый рассматривал укрепление сознания национального единства как важную предпосылку для будущего объединения земель вокруг единого политического центра. Он отмечает, что объединение земель могло произойти вокруг Киева уже в конце XII века, однако этому воспрепятствовало татаро-монгольского нашествие.

Таким образом, истоки формирования единой государственной территории, согласно трактовке И. А. Малиновского, можно усмотреть уже к концу XII века, когда предпринимались первые попытки объединения русских земель. Великие князья Андрей Боголюбский и Всеволод III стремились подчинить своей власти другие земли, но после смерти Всеволода начались усобицы, и Суздальская земля разделилась на княжества, по сути являвшиеся суверенными государствами. Тенденция проявится вновь в XV веке и первой четверти XVI века: земли будут объединены вокруг Москвы, что положит начало формированию единой территории Русского государства. Предпосылки объединения разнообразны: это и приводимое ранее ученым сознание национального единства, и татарское нашествие, которое сыграло роль внешнего катализатора, и роль личности в истории, в частности, московских князей, возглавивших борьбу за свержение татаро-монгольского ига[38].

Среди методов, используемых московскими князьями для расширения территории, ученый отмечает следующие: покупка, завещание, ряд (договор), получение ярлыков на отдельные княжества от Золотой орды, а также войны между Москвой и другими землями[39]. В результате экспансионистской политики Москвы и отказа московских князей от дробления территории княжества на уделы происходит постепенная утрата значения института вече и усиление института княжеской власти, во многом явившегося следствием татаро-монгольского ига, превратившего князя в «вождя русского народа в его борьбе с неверными» [27, с. 10]. Указанное способствовало установлению монархической формы правления, а в будущем и формированию территории единого государства под властью московских князей.

Таким образом, ученый подводит черту под первым периодом развития государственного права, в течение которого происходит становление основных государственных институтов, формы правления, формы административно-территориального устройства.

Следует также отметить, что, согласно И. А. Малиновскому, на конец первого периода развития государственного права приходится формирование альтернативного центра объединения. Таким образом, центров объединения, согласно точке зрения ученого, было несколько. Литовские князья объединили западные русские земли и Литву, и в XIV веке возникло Литовско-Русское государство. При этом борьба между Московским и Литовско-Русским государствами носит характер соперничества между единодержавным началом (монархической формой правления) и народоправством (республиканской формой правления), определившим ход развития государственного права на втором этапе. И. А. Малиновский отмечает, что широкая форма народного участия в управлении Русско-Литовским государством «рада» подменяется узким представительством шляхты «сейм», что в конечном итоге предопределяет упадок Литовско-Русского государства, и невозможность дальнейшей конкуренции с Московским государством, т. к. шляхта интересы государства приносит в жертву своим узкосословным интересам [27, с. 9].

Таким образом, подводя итог рассмотрению вопроса о становлении Древнерусского государства, следует отметить оригинальную точку зрения ученого на первый этап в развитии

[36] Малиновский И. А. Указ. соч. С. 27-29.

[37] Там же. С. 73.

[38] Там же.

[39] Там же. С. 73-74.

государственного права (процесс становление государства, государственность), охватывающий в современной периодизации эпоху Древнерусского государства и эпоху феодальной раздробленности, представленную в теоретических построениях И. А. Малиновского неотъемлемым этапом процесса объединения русских земель (волостей, сложившихся в V–VIII вв.). Объединение, которому способствуют как экономические, социальные, политические, так и не в меньшей степени культурные факторы. Здесь особое внимание следует уделить рассмотренным выше аспектам, позволившим сформировать сознание национального единства русского народа, как одного из ключевых факторов объединения.

Обратимся теперь к анализу институтов публичной власти, приведенному ученым в своих трудах.

Древнейший государственный строй славян представлял собой «систему народоправства» (систему управления, основанную на непосредственной демократии), в которой политические решения принимались на общих собраниях. Этот факт подтверждается свидетельствами византийских и западноевропейских средневековых авторов, приводимых И. А. Малиновским [27, с. 3–4].

В состав народных собраний входили представители различных слоев общества, включая князя, лучших людей и простой народ. В частности, анализируя летописи, ученый отмечает, что в Древлянской земле собрание включало князя, лучших мужей и остальных древлян, в других древнерусских землях собрания также состояли из князя, бояр и простых людей.

Ученый опровергает основные положения государственной (юридической) школы, выдвинувшей тезис о господстве в IX–XV вв. монархической формы правления [20, с. 76–78; 21, с. 9–11]. В большей степени его взгляды являются развитием взглядов представителей Императорского университета св. Владимира К. А. Неволина [28, с. 16], Н. Д. Иванишева [29, с. 32], Ф. И. Леонтовича [19, с. 194–195], М. Ф. Владимирского-Буданова[40]. Следуя за старшим поколением профессоров Императорского университета св. Владимира, в своих исследованиях И. А. Малиновский формирует вывод о том, что верховная власть принадлежала общему народному собранию, которое объединяло в себе элементы монархического, аристократического и демократического правления[41] [27, с. 4–6]. Политическая система Древней Руси, таким образом, представляла собой смешанную форму правления, где возможность влиять на принятие решений непривилегированных социальных групп осуществлялась на вечевых собраниях. Княжеская власть и боярская дума представляли интересы аристократии (нобилитета общины и княжеской дружины). Наличие общих интересов, связных с необходимостью обеспечивать внутреннюю и внешнюю безопасность, обеспечивало равновесное состояние институтов власти. Данная гипотеза И. А. Малиновского важна, т. к. показывает сложность и синкретизм древнерусской государственности, где сочетались разные политические традиции. Его подход позволяет избежать упрощенных трактовок («Древняя Русь – монархия» или «Новгород – республика»), подчеркивая уникальность раннесредневековой русской политической системы.

Обращаясь к сравнительному анализу политических институтов древних народов, ученый убедительно показывает, что в древнейшем греческом государстве власть принадлежала царю, совету благородных и народу, аналогично в Древнем Риме существовали царь, сенат и народное собрание, а также у древних германцев власть принадлежала царю, князьям и народному собранию[42].

Таким образом, отмечает ученый, тройственный состав власти, включающий князя, народное собрание и собрание лучших людей (думу), является, по мнению ученого, характерным признаком политической системы для большинства архаических государств.

Обращаясь к институту княжеской власти, И. А. Малиновский отмечает, что в Древней Руси княжеская власть является следствием развития потестарных институтов власти, а не заимствованных извне. Князья, отмечает ученый, существовали задолго до призвания варягов, при этом сам князь мог быть приглашенным, а мог выдвигаться из местной аристократии.

Князь играл важную роль в древнерусском обществе, будучи необходимым элементом политической системы, в частности, являлся верховным судьей, обеспечивая в равной мере защиту любого лица, ставшего жертвой преступного посягательства, возглавлял дружину и народное ополчение, обеспечивая защиту от внешней опасности[43] [27, с. 7].

Князь обладал обширными полномочиями, включая религиозную, законодательную, административную, судебную и военную власть. Однако его власть не была безграничной, она

[40] Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 61.

[41] Малиновский И. А. Указ. соч. С. 37.

[42] Там же. С. 143.

[43] Там же. С. 145.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ограничивалась «рядом» и боярской думой, князь должен был находиться в «одиначестве» т. е. взаимном согласии определенным рядом[44] [27, с. 7].

Легитимация власти князя осуществлялась в порядке наследования, либо посредством избрания князя народом. Ученый отмечает, что с середины XII века возникает конфликт между этими двумя способами приобретения власти. Народ имел право избирать и смещать князя. Принцип народоправства: верховная власть принадлежит собранию всего народа[45].

Усложнение политической системы, подразумевающее включение в нее института княжеской власти и думы, ученый объясняет эволюционными процессами, связанными с усложнениями структуры общества, разрастанием общины. Если для V–VI вв. осуществление управления обществом посредством всенародных собраний было возможно, то с развитием оседлого быта и возникновения племенных союзов участие всех жителей земли стало невозможным, что в конечном счете и вызывает необходимость появления института княжеской власти и института думы.

Обращаясь к исследованию вече, И. А. Малиновский рассматривает данный институт как форму народного собрания. Вече собирается в центральной общине земли – старшем городе, где жители старшего города имеют право представлять всю землю [27, с. 4]. Здесь позиции И. А. Малиновского и М. Ф. Владимирского-Буданова расходятся: последний высказывался за то, что «участие пригорожан на вече старшего города возможно; всякий свободный человек, где бы он ни жил, может (имеет право) быть членом веча старшего города, ибо идея всенародного участия во власти сохраняется»[46].

Причины доминирования старшего города ученый объясняет следующим образом: старший город более древнего происхождения обладает более развитой оборонительной и торгово-промышленной инфраструктурой, более значительным объемом населения и, таким образом, осуществляет господство над волостью, в случае необходимости позволяет жителям волости укрыться за своими укреплениями, а также в силу обладания существенными материальными ресурсами, человеческими и финансовыми, позволяет выставить значительный вооруженный контингент. Помимо прочего, старший город являлся, как правило, религиозным центром.

Пригороды, согласно ученому, также участвовали в вечевой жизни, но обсуждали только местные дела, исключения происходили при столкновениях между старшим городом и пригородом[47].

Состав вечевого собрания определялся ученым исходя из представления об общинном образе жизни, право участвовать в собрании имели только свободные мужчины старшего города, женщины, дети, холопы и закупы к участию в работе вече не допускались[48].

Вече созывались заинтересованными лицами, народ созывался глашатаями или колокольным звоном, вече происходили в определенных местах, таких как Ярославов двор и двор святой Софьи[49].

Порядок принятия решения на вече требовал соблюдения принципа «одиначества», решение должно было приниматься единогласно. В случае неустранимых разногласий, понуждение к принятию решения осуществлялось силовыми методами со стороны большинства [27, с. 5].

Согласно мнению ученого, вече обладает колоссальным объемом полномочий, которые превращают его в один из ключевых институтов политической системы. Вече принадлежит право издавать законы, осуществлять судопроизводство, вече принимает решение о начале войны и заключает мир, заключает договоры с князьями, избирает князя и смещает его[50]. Здесь также можно выявить определенную полемику И. А. Малиновского со своим учителем М. Ф. Владимирским-Будановым. В частности, последний разделял взгляды В. И. Сергеевича [26, с. 107] на то, что изгнание всегда имело характер насильственного переворота и не имело легитимного характера[51].

Такие представления о вече в целом схожи с позицией московских профессоров И. Д. Беляева и В. Н. Лешкова, сформировавших представление о форме правления, основанной на автономии общины. И. А. Малиновский, рассуждая о полномочиях общины, сближается с их

[44] Малиновский И. А. Указ. соч. С. 145.
[45] Там же. С. 146.
[46] Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 75.
[47] Малиновский И. А. Указ. соч. С. 148.
[48] Там же.
[49] Там же.
[50] Там же. С. 149.
[51] Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 62.

основным тезисом о том, что общины передавали князьям лишь ту часть властных полномочий, которая согласовывалась с общими интересами[52] [24, с. 178].

Боярская дума в Древней Руси, согласно мнению И. А. Малиновского, представляла собой высший орган государственной власти, в состав которого входили представители высшего духовенства и боярства. Политический институт представлял собой совещательный орган управления, в компетенции которого сочетались законодательная, исполнительная и судебные функции, входили как внешнеполитические, так и внутриполитические вопросы как светского, так и религиозного характера. Принимаемые решения являлись обязательными для всей территории государства. Данный орган представляет собой политический институт, который олицетворяет аристократическое начало в государственном устройстве Древней Руси. Здесь взгляды ученого последовательно развивают идеи представителей школы западнорусского права Ф. И. Леонтовича и М. Ф. Владимирского-Буданова, которые усматривали существенную зависимость института княжеской власти от института боярской думы[53] [25, с. 129].

Рассматривая историографию вопроса, ученый отмечает, что единой точки зрения на природу боярской думы в научном сообществе к началу XX века выработано не было. Некоторые ученые считают ее постоянным учреждением (М. Ф. Владимирский-Буданов, В. О. Ключевский, Н. П. Загоскин), другие – собранием доверенных лиц (В. И. Сергеевич, С. А. Петровский), а некоторые рассматривают ее как орган подчиненного управления (Д. Я. Самоквасов, А. Лимберт)[54].

Согласно ученому, совместные совещания князей с боярами были закреплены нормами обычного права, боярская дума уже с IX века была наделена полномочиями обсуждать все вопросы верховного управления, на что прямо указывают свидетельство средневековых хронистов и летопись [30, с. 51–59].

Обращаясь к вопросу о эволюции и месте боярской думы в политической системе, И. А. Малиновский отмечает, что вече не может являться постоянно функционирующим органном власти, участие всех свободных в народном собрании было возможно при кочевом образе жизни или в небольших общественных союзах. В оседлом же быту и больших общественных союзах участие всех было невозможно[55].

Большинство людей, населяющих старший город, постепенно теряют интерес к политике, занятые решением прежде всего своих частных дел. Кроме того, организация работы вече требует существенных затрат времени, обсуждение государственных вопросов может затягиваться ввиду необходимости согласовывать интересы собравшихся. Все указанное значительно снижает оперативность работы органов государственной власти. Таким образом, «вместо вече в полном составе выступают в качестве органов верховной власти его составные части – князь и бояре» [30, с. 6–7].

Обращаясь к летописным известиям, ученый обнаруживает свидетельства о постоянных совещаниях князей с боярами. Бояре разделяли участь князя в княжеских усобицах, любовь к дружине выражалась в щедрости и уважении, решения князя должны сопровождаться одобрением думы. И. А. Малиновский обращает внимание на симпатии летописца, который одобряет князей, советующихся с боярами, и осуждает князей, избегающих бояр. Бояре, согласно мнению ученого, составляют элиту общества, и формируемая ими боярская дума является необходимым органом верховной власти. Ученый приходит к выводу, что князья считали совет с боярами нормальной политической практикой[56].

Отдельно ученый останавливается на эволюции состава боярской думы. До прибытия варяжских князей дума состояла исключительно из представителей нобилитета общины (земских бояр). В X веке, при первых варяжских князьях, состав думы включал в себя как представителей княжеской дружины (бояр княжеских), так и представителей нобилитета общины, объединявших и старшую дружину князя, и верхушку города. В этот период состав думы обозначался как бояре, мужи, дружина [31, с. 4–5]. С XI века в связи со слиянием местной и варяжской элит состав думы становится однородным и больше не подразделяется на княжеских и земских бояр; состав думы обозначался как бояре [31, с. 7]. Со второй половины XIII века в составе думы появляется новый элемент – служилые князья. В памятниках данного периода состав думы обозначается как бояре, князья и бояре, князья и паны. В XIV–XV вв. в состав думы входили князья, бояре, занимавшие ключевые государственные должности, и представители духовенства [30, с. 93–102].

---

[52] Беляев И. Д. Указ. соч. С. 107–116.

[53] Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 61.

[54] Малиновский И. А. Речь перед диспутом : (Произнесена 1 февраля 1904 года в публичном заседании Юридического факультета университета Св. Владимира). Томск : Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1904. 11 с.

[55] Малиновский И. А. Лекции по истории... С. 76.

[56] Малиновский И. А. Речь перед диспутом...

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Анализируя функции думы, ученый уделяет внимание их многообразию. Дума обсуждала международные договора, внутренние реформы, церковные вопросы, вопросы, связанные с княжеской властью и управлением, с законодательной деятельностью. Бояре присутствовали на суде князя. Суд должен был производиться публично, в присутствии «добрых людей». Бояре являлись «добрыми людьми» на суде князя.

Важным аспектом древнерусского государственного управления было призвание князя и ряд с ним. Боярская дума участвовала в решении этого вопроса. В Новгороде и Пскове вече сохраняло право приглашать князя.

Доходы князя сливались с доходами государства. Боярская дума принимала участие в разрешении финансовых вопросов: прежде всего сбор дани, которая взималась посредством полюдья, установление и сбор судебных пошлин [30, с. 124–126].

В эпоху, когда Русь была разделена на множество княжеств, вопросы войны и мира решались на уровне князей и боярских дум. Для начала войны требовалось согласие бояр, и часто эти вопросы обсуждались на вечевых собраниях. В домонгольском периоде мирные договоры составлялись от имени князя, бояр и всех людей. В Новгороде, Пскове и Полоцке договоры заключались от имени веча, а в других землях – от имени князя или князя и боярской думы.

Иногда в летописях упоминается, что князь вел войны и заключал мир по собственному усмотрению, и предполагается молчаливое согласие бояр или бояр и народа [30, с. 126–132].

Бояре активно участвуют в междукняжеских переговорах и заключении договоров, князья делятся с боярами новостями и получают от них советы, а бояре несут ответственность за последствия своих действий [30, с. 132–140].

Бояре участвуют в распределении столов между князьями и старшие князья советуются с боярами при распределении столов. Бояре могут влиять на принятие или отказ от предложенных столов [30, с. 123–124].

Переговоры ведутся через посредство бояр и духовенства, и бояре могут быть посредниками в переговорах между князьями. Дипломатические переговоры могут включать предварительное совещание с боярами[57].

Издание общих законов происходит на совещаниях князей и бояр, в «Русской Правде» упоминаются совместные решения князей и бояр [30, с. 116–119].

Взгляды И. А. Малиновского на боярскую думу во многом перекликаются со взглядами М. Ф. Владимирского-Буданова, который также видел в думе «постоянный совет лучших людей» каждой земли, с которыми князь обсуждал вопросы управления землей. И в этой части мнения ученых значительно расходятся с позицией В. И. Сергеевича, который настаивал на случайном составе думы, И. А. Малиновский и М. Ф. Владимирский-Буданов настаивают на его определенности[58].

Обсуждение

В трудах И. А. Малиновского наиболее полно отразилось развитие идей школы западнорусского права, отчетливо представлена эволюция идеи о развитии административно-территориальной формы Древнерусского государства и формы правления.

Становление Древнерусского государства ученым рассматривается как сложный, многогранный процесс, в котором переплетались правовые, социальные и культурные факторы. Его исследования подчеркивают, что формирование древнерусской государственности нельзя сводить лишь к политическим или военным событиям – оно было тесно связано с эволюцией правовых норм, обычаев и институтов, заимствованием византийских и скандинавских правовых традиций, а также взаимодействием с соседними народами.

Ученый отвергает крайние позиции о преобладании до второй половины XII века доминирования в политической системе какого-либо одного института власти (князя, вече или боярской думы), отмечая, что в ранний период верховная власть принадлежит всем гражданам общины и реализуется через относительно сбалансированную систему институтов власти, вече, князя, боярской думы, отражающих интересы разных социальных групп, привилегированных и непривилегированных. Интересным, на взгляд автора, представляются также идеи об удельной эпохе как неотъемлемом этапе процесса объединения русских земель, заложивших основу консолидации через дань, участие в совместных походах и через родство князей.

[57] Малиновский И. А. Речь перед диспутом...

[58] Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 61.

В своем исследовании И. А. Малиновский рассматривает государство как политическую форму организации общества. Ученый разделяет позицию М. Ф. Владимирского-Буданова и Ф. И. Леонтовича, которые считали, что государства у восточных славян, проживавших на территории будущей Древней Руси, сложились до призвания варягов. Ученый подвергает критике существующие на тот момент теории политогенеза, такие как родовая, общинная, задружная, указывая, что род, задруга и община – это формы организации общества на разных стадиях его эволюции.

Основные выводы, полученные ученым в ходе исследования Древнерусского государства, позволяют сформулировать следующие представления о политогенезе, форме правления и ключевых структурах государственного механизма Древнерусского государства.

Безусловной актуальностью, на взгляд автора статьи, обладают выводы И. А. Малиновского, связанные с представлением о раннем возникновении государств у восточных славян. Так, ученый доказал, что уже с V–VIII вв. существовали отдельные земли, управляемые центральной общиной, обосновал положение о том, что земли образовывались из городских и сельских общин, возглавляемых центральной городской общиной.

И. А. Малиновский уделял особое внимание роли княжеской власти, вечевых институтов и боярской думы в создании правового фундамента государства. Его подход демонстрирует, что становление Древней Руси – это не только история военных походов и объединения племен, но и процесс формирования правовой культуры, которая заложила основы будущего русского права.

Несмотря на то, что некоторые аспекты его концепции могут быть уточнены в свете новых исторических и археологических данных, работы И. А. Малиновского остаются важным вкладом в изучение древнерусской государственности, помогая преодолеть крайне однобокое представление об эволюции Древнерусского государства от раннефеодальной монархии к сеньориальному государству и далее к сословно-представительной монархии, давая возможность увидеть самобытную модель государственного развития.

Список источников

1. *Соболева Е. В.* Организация науки в пореформенной России. Ленинград : Наука, 1983. 262 с.

2. *Зипунникова Н. Н.* Участие государства в образовательно-научной сфере: к характеристике отечественной науки полицейского права как важнейшего историографического домена / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы международной научно-теоретической конференции, г. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. Т. 2. С. 238-241.

3. *Зипунникова Н. Н.* Правовые и идеологические основы системы подготовки юридических кадров в России (XVIII-XX вв.) / Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв. : материалы XII Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина : в 2 т., г. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г. Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ. Т. 1. С. 172-178.

4. *Зипунникова Н. Н.* Историко-правовые исследования образования и науки в России: к вопросу о методологии // Алтайский юридический вестник. 2014. № 3 (7). С. 4-10.

5. *Зипунникова Н. Н., Зипунникова Ю. Н.* Просвещение, образование, наука: дифференциация и интеграция (зарисовки об историческом опыте и некоторых возможностях юридического образования) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 13. С. 21-37.

6. *Жуков В. Н.* Юридическая наука в дореволюционной России: становление и соотношение догматической и фундаментальной юриспруденции // Государство и право. 2015. № 2. С. 96-114.

7. *Емельянова И. А.* Историко-правовая наука России XIX в. : История русского права : Методологические и историографические очерки. Казань : Издательство Казанского университета, 1988. Ч. 2. 155 с.

8. *Томсинов В. А.* Общий взгляд на развитие российской науки государственного права в XIX - начале XX века. Статья десятая [Окончание] // Законодательство. 2014. № 9. С. 77–83. (Начало: № 9–12, 2013; № 1–5, 2014).

9. *Кодан С. В.* Историография юридической науки в современных образовательных и исследовательских практиках // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 12-18. https://doi.org/10.36511/2078-5356-2020-3-12-18

10. *Кодан С. В.* Историография в структуре истории политических и правовых учений: предметная направленность, целевые установки, задачи и функции // Genesis: исторические исследования : [электронный журнал]. 2020. № 12. С. 126-137. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34729. https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.12.34729

11. *Кодан С. В.* Методология историко-юридического источниковедения: целевые установки, функциональная направленность, уровни организации познавательных средств // Genesis: исторические исследования : [электронный журнал]. 2018. № 12. С. 67-80. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28474. https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.12.28474

12. *Кодан С. В.* Зарождение источниковедения истории государства и права в отечественной исторической науке и правоведении (XVIII – начало XIX в.) // Юридические исследования : [электронный журнал]. 2014. № 7. С. 48-65. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12062. https://doi.org/10.7256/2305-9699.2014.7.12062

13. *Лонская С. В.* Проблемы историко-правового источниковедения // История государства и права. 2021. № 4. С. 55-59.

14. *Михайлов А. М.* Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения : монография. Москва : Юрлитинформ, 2013. 626 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

15. *Кожевина М. А.* Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв. : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2013. 198 с.

16. *Кожевина М. А., Ящук Т. Ф.* Эволюция науки истории права и государства России (XVIII-XX вв.) : монография. Москва : Норма, 2023. 576 с.

17. *Хаминов Д. В.* Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. : [монография]. Томск : Издательство Томского университета, 2011. 270 с.

18. *Морозова О. М.* Нарратив профессора И. А. Малиновского // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты : материалы научной конференции / редкол.: А. Н. Еремеева (отв. ред.) [и др.]. Краснодар : Издательство «Кубанькино», 2008. С. 61–70.

19. *Леонтович Ф. И.* Задружно-общинный характер политического быта древней России // Журнал Министерства народного просвещения : Четвертое десятилетие. 1874. Ч. CLXXIII. С. 221–224.

20. *Кавелин К. Д.* К Государство и община / сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимова ; отв. ред. О. А. Платонов. Москва : Институт русской цивилизации, 2013. 1296 с.

21. *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права : [Сборник статей] / [Сочинения] Б. Чичерина. Москва : К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1858. 389 с.

22. *Эверс И. Ф. Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / [Сочинения] И. Ф. Г. Эверс ; пер. с нем. и авт. предисл. [И. Платонов]. Санкт-Петербург : Типография Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. 423 с.

23. *Аксаков К. С.* О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности : (По поводу мнений о родовом быте) / [Сочинения] Константина Аксакова. Москва : Типография А. Семена, 1852. 139 с.

24. *Лешков В. Н.* Русскій народъ и государство : Історія русскаго общественнаго права до XVIII вѣка. / Сочиненія В. Лешкова. Москва : Въ Университетской типографіи, 1858. 613 с.

25. *Леонтович Ф. И.* Рада великих князей литовских // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1907. Ч. XI. С. 122–178.

26. *Сергеевич В. И.* Древности русского права / [Сочинения] В. Сергеевича. Изд. 3-е с перемен. и доп. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1909. Т. 1: Территория и население. 688 с.

27. *Малиновский И. А.* Народ и власть в русской истории. Киев : Газета «Киевские отклики», 1905. 68 с.

28. *Неволин К. А.* О преемстве великокняжеского Киевского престола : Ч. 1–2 // [Изложение фактов : в 2 т.]. [Санкт-Петербург, 1851]. 46 с.

29. *Иванишев Н. Д.* О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Югозападной Россіи / [Сочинения] Н. Иванишева. Кіевъ : Въ типографіи Федорова и Мин, 1863. 72 с.

30. *Малиновский И. А.* Рада Великого княжества Литовского : Вып. 1. // Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой древней России : Ч. 1–2. Томск : Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1904. Ч. 2. 132 с.

31. *Малиновский И. А.* Древнейшая русская аристократия. Киев : Типография С. В. Кульженко, 1903. 19 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 342.9

Административная ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров: проблемы правоприменения

Саният Абдулганиевна Агамагомедова, доктор юридических наук, доцент

Институт государства и права Российской академии наук
Москва (119019, ул. Знаменка, д. 10), Российская Федерация
saniyat_aga@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-8265-2971

Аннотация:
Введение. *В условиях кризисных явлений в современной экономике вопросы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности приобретают особое значение. С учетом того, что средства индивидуализации товаров играют важную роль в торговом товарообороте, вопросы их административно-правовой защиты требуют научной разработки. В статье поставлена проблема правоприменительной практики по административным делам, связанным с незаконным использованием средств индивидуализации товаров.*
Методы. *Методы исследования включают диалектический метод познания как фундаментальный метод научного анализа социально-правовой действительности, а также общенаучные методы исследования: теоретический анализ, систематизацию, технико-юридический анализ, конкретизацию, толкование.*
Результаты. *По результатам проведенного анализа правоприменительной практики по административным делам, связанным с незаконным использованием средств индивидуализации товаров, выделены проблемы судебной практики по таким делам. Данные проблемы связаны с применением экспертных заключений в качестве доказательств незаконного использования средств индивидуализации товаров; использованием средств индивидуализации в доменном имени как отражением цифровизации рассматриваемой области общественных отношений; сопряжением институтов государственного контроля (надзора) и административной ответственности; признанием правонарушения малозначительным; определением судьбы контрафактного товара. Решение этих проблем призвано унифицировать правоприменительную практику и повысить эффективность административно-правовой защиты прав на средства индивидуализации товаров.*

Ключевые слова:
средство индивидуализации, товарный знак, конфискация, административная ответственность, контрафактный товар, заключение эксперта

Для цитирования:
Агамагомедова С. А. Административная ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров: проблемы правоприменения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 28–36.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 13.11.2025; принята к публикации 25.12.2025.

© Агамагомедова С. А., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

Administrative liability for the unlawful use of means of individualisation of goods: problems of law enforcement

Saniyat A. Agamagomedova, Doc. Sci. (Jurid.), Docent

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation
saniyat_aga@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-8265-2971

Abstract:
Introduction. *In the context of the crisis in the modern economy, issues relating to the protection of intellectual property rights are becoming particularly important. Means of individualising goods play an important role in trade, and the issues relating to their administrative and legal protection require scientific study. This article addresses the problem of law enforcement practice in administrative cases involving the illegal use of means of individualising goods.*
Methods. *Research methods include the dialectical method of cognition as a fundamental method of scientific analysis of socio-legal reality, as well as general scientific research methods: theoretical analysis, systematisation, technical and legal analysis, concretisation, and interpretation.*
Results. *Based on the results of the analysis of law enforcement practices in administrative cases related to the illegal use of means of individualisation of goods, problems in judicial practice in such cases have been identified. These issues relate to the use of expert opinions as evidence of the unlawful use of means of individualisation of goods; the use of means of individualisation in domain names as a reflection of the digitalisation of the area of public relations under consideration; the interconnection between state control (supervision) institutions and administrative liability; the recognition of offences as minor; and the determination of the fate of counterfeit goods. Resolving these issues is intended to standardise law enforcement practices and increase the effectiveness of administrative and legal protection of rights to means of individualisation of goods.*

Keywords:
means of individualisation, trademark, confiscation, administrative liability, counterfeit goods, expert opinion

For citation:
Agamagomedova S. A. Administrative liability for the unlawful use of means of individualisation of goods: problems of law enforcement // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 28–36.

The article was submitted August 4, 2025; approved after reviewing November 13, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

В условиях стремительной цифровизации экономики, возрастания роли информации в социальном взаимодействии, активного поиска новых источников экономического роста и конкурентных преимуществ вопросы защиты интеллектуальной собственности приобретают особое значение. Национальный суверенитет и технологическое лидерство России в современных условиях базируются в т. ч. и на интеллектуальной активности, патентной инициативе, росте количества результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, их успешной коммерциализации. Особое место в системе объектов интеллектуальной собственности занимают средства индивидуализации товаров – безусловно, наиболее распространенный и универсальный объект интеллектуальной собственности в торговом (коммерческом) обороте. Гражданско-правовые средства защиты прав на средства индивидуализации товаров признаются основными и доминирующими, но при этом оперативность и гибкость административно-правовых мер делают их весьма эффективным подспорьем в деле защиты нарушенных интеллектуальных прав.

Важное место в системе административно-правовых механизмов защиты средств индивидуализации товаров занимает институт административной ответственности. Ученые отмечают, что административная ответственность как способ защиты интеллектуальных прав содержит значительный потенциал, и называют качественными преимуществами административной ответственности по сравнению с иными способами защиты интеллектуальных прав оперативность и относительно простую процессуальную форму [1, с. 24].

При характеристике административно-правовой защиты интеллектуальных прав важной составляющей которой выступает институт административной ответственности, ученые также обращают внимание на то, что он имеет специфику, позволяющую отграничить его от административной ответственности в экономической сфере в целом, а также на межотраслевой характер регулирования рассматриваемой категории общественных отношений [2, с. 80–81]. Такой

межотраслевой или надотраслевой характер признается при характеристике правового регулирования имущественных отношений в целом [3], однако применительно к объектам интеллектуальной собственности подобная комплексность наиболее очевидна.

Представляется, что, несмотря на то, что отождествление юридической ответственности с государственно-властным велением и мерами наказания остается приоритетным в научных разработках ученых [4, с. 365], применительно к объектам интеллектуальной собственности, а конкретно – к средствам индивидуализации товаров – следует учитывать специфику самих общественных отношений по созданию, обороту, использованию таких объектов, а также уникальное соотношение в таких отношениях частноправовых и публично-правовых интересов, что обусловлено особой природой института интеллектуальной собственности как цели правовой охраны и защиты. Не случайно при характеристике административно-правовых средств защиты интеллектуальных прав ученые часто обращают внимание на их неразрывную связь и взаимообусловленность с мерами гражданско-правовой защиты таких прав [5]. При этом если меры гражданско-правовой защиты «покрывают» весь перечень закрепленных в действующем законодательстве объектов интеллектуальной собственности, то инструменты административной и уголовной ответственности предусмотрены не для всех видов объектов интеллектуальной собственности [6, с. 55], а только в отношении наиболее распространенных в практике и значимых с точки зрения защиты публичных интересов.

Автором проводится анализ актуальных проблем правоприменительной практики в области привлечения к административной ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров.

Методы

Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания как фундаментальный метод научного анализа социально-правовой действительности, а также общенаучные методы исследования: теоретический анализ, систематизация, технико-юридический анализ, конкретизация, толкование. Так, посредством метода систематизации был дифференцирован перечень закрепленных в законодательстве средств индивидуализации; технико-юридический анализ позволил изучить позиции судов в правоприменительной практике по административным делам, связанным с незаконным использованием средств индивидуализации товаров; методы конкретизации и толкования позволили на основе обзора судебной практики выявить и систематизировать проблемы правоприменения в исследуемой сфере, соотнести их с развитием институтов административной ответственности, государственного контроля (надзора).

Результаты

К средствам индивидуализации товаров согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ) относятся товарные знаки, наименования мест происхождения товаров и географические указания[1]. Последние были включены в перечень объектов интеллектуальной собственности сравнительно недавно[2]. Как уже было отмечено нами выше, товарный знак выступает наиболее распространенным средством индивидуализации товаров. Не случайно ведущие ученые отмечают, что товарный знак и знак обслуживания, которыми маркируются производимые товары и оказываемые услуги, являются активным связующим звеном между изготовителем и потребителем, выступая в роли безмолвного продавца[3]. Географические указания и наименования мест происхождения товаров в обороте используются значительно реже, при этом ученые признают их особый статус. Так, Э. П. Гаврилов относит права на них к публичным (административным) правам, которые должны закрепляться за российскими регионами или отдельными территориями [7, с. 28].

Признавая, что административная ответственность – далеко не основной способ защиты интеллектуальных прав, отметим, что ее потенциал достаточно устойчив и востребован в обеспечении частных (прав правообладателя) и публичных (интересов государства, потребителей

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 5. Ст. 410.

[2] О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» : Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4132.

[3] Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2004. С. 29.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

товаров и иных лиц) интересов. В связи с этим данные вопросы требуют особого внимания. Не случайно ученые сегодня при исследовании института административной ответственности в контексте постоянных точечных изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях[4] (далее – КоАП РФ) говорят о критическом осмыслении административной ответственности, а также о позиции законодателя в отношении использования административных санкций (в т. ч. безальтернативных) [8, с. 13; 9].

Административная ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) установлена в ст. 14.10. КоАП РФ. Отметим, что данные составы предусматривают ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров, работ, услуг, т. е. распространяются на товарные знаки и знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров (все они поименованы в содержании обеих частей рассматриваемой статьи). При этом в содержании статьи отсутствует географическое указание как средство индивидуализации товара.

Административная ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) может наступить и в рамках пресечения недобросовестной конкуренции (ч. 2 ст. 14.33. КоАП РФ). Полномочиями по выявлению подобных правонарушений наделены антимонопольные органы. Что касается ст. 14.10. КоАП РФ, то данные правонарушения выявляются и расследуются органами Роспотребнадзора, прокуратуры, таможенными органами.

Ответственность за незаконное использование средств индивидуализации распространяется не только на первых, но и на любых последующих лиц, осуществляющих реализацию. Следовательно, на любого продавца продукции ложится обязанность выяснять, охраняется ли товарный знак в Российской Федерации[5].

Анализ правоприменительной практики по рассматриваемой категории административных дел позволяет выделить несколько групп проблем, возникающих при возбуждении, расследовании и рассмотрении таких дел.

Первая группа проблем связана с местом и ролью использования экспертных знаний при выявлении незаконного использования средства индивидуализации товаров.

Экспертное заключение (заключение специалиста) всегда имело важное значение в рассматриваемой категории административных дел. В числе типовых вопросов эксперту, как правило, выступают вопросы о тождественности или сходности до степени смешения используемого обозначения и зарегистрированного товарного знака (или иного средства индивидуализации товаров), об установлении однородности товаров, ставших предметом административного правонарушения, и товаров, в отношении которых зарегистрирован товарный знак. Примером последнего может служить практика рассмотрения дел о привлечении к ответственности по ч. 2 ст. 14.10 КоАП РФ, в рамках которой устанавливается факт однородности товаров, на которые было нанесено обозначение, и товаров, в отношении которых зарегистрирован защищаемый товарный знак[6]. Установление однородности товаров наряду с наличием сходства используемых обозначений и зарегистрированных средств индивидуализации товаров – обязательное условие наличия состава данного административного правонарушения.

Практика также свидетельствует о фактах, когда эксперт делает вывод о сходстве до степени смешения используемых обозначений с зарегистрированными товарными знаками, однако не подтверждает ненадлежащее качество товара и наличие у исследуемого товара признаков контрафактности[7].

Экспертиза для установления этих вопросов, как правило, назначается на этапе административного расследования, заключение эксперта выступает в судебном разбирательстве важным доказательством по административному делу. При этом трудно согласиться с мнением специалистов, заключающимся в том, что при «банальном заимствовании» зарегистрированного названия (наименования) специальные знания экспертов не требуются, а назначение судебной экспертизы в этом случае свидетельствует о некомпетентности судьи или о его намерении умышленно затягивать рассмотрение судебного дела [10, с. 203]. Даже в случаях, когда

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

[5] Право интеллектуальной собственности : учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. 2-е. изд. перераб. и доп. Москва : Статут, 2017. Т. 1. С. 500.

[6] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2024 г. № 310-ЭС23-30178 по делу № А09-4199/2023 // Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт) : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27022024-n-310-es23-30178-po-delu-n-a09-41992023/ (дата обращения: 25.07.2025).

[7] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 июня 2025 г. № 09АП-23061/2025 по делу № А40-315857/2024 // ГАРАНТ.РУ : [сетевое издание]. URL: https://base.garant.ru/66516891/ (дата обращения: 25.07.2025).

словесные обозначения практически идентичны, совпадают с позиций рядового потребителя, административный орган правомерно назначает экспертизу, которая посредством использования специальных знаний позволяет минимизировать риски попадания контрафактного товара к потребителю. В отдельных случаях в рамках административного расследования экспертиза не назначается, а административный орган получает ответ правообладателя о контрафактности товара, который, как правило, признается судами недостаточным для признания товара контрафактным и не рассматривается ими в качестве допустимого доказательства[8].

Вторая группа проблем судебной практики по административным делам, связанным с незаконным использованием средств индивидуализации товаров, связана с определенными тенденциями влияния цифровизации на данную область общественных отношений. Практика свидетельствует о наличии фактов того, что чужое средство индивидуализации используется в доменном имени. С учетом того, что подобное деяние не образует состава административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ, суды отказывают в привлечении к административной ответственности[9]. Несмотря на то, что доменное имя, под которым законодатель понимает обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети «Интернет» в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети «Интернет» (п. 15 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[10]), часто тесно связано со средствами индивидуализации товаров, работ, услуг (совпадает с ними полностью или частично), к охраняемым объектам интеллектуальной собственности оно не относится.

Суды отмечают, что предусмотренная п. 1 ст. 14.10 КоАП РФ административная ответственность может быть применена лишь в том случае, если объективную сторону правонарушения составляет использование товарного знака на контрафактном товаре. Аналогичная правовая позиция неоднократно высказывалась Судом по интеллектуальным правам[11]. Вместе с тем неправомерное использование товарного знака в доменном имени может образовывать самостоятельное гражданско-правовое правонарушение, а также выступать в качестве формы недобросовестной конкуренции[12].

Третья группа проблем в рассматриваемой нами области обусловлена соотношением развития института административной ответственности и реформирования системы государственного контроля (надзора). В последнее десятилетие в КоАП РФ был внесен ряд изменений, связанных с совершенствованием контрольно-надзорной деятельности государства. Это закономерно и логично с точки зрения того, что и контрольно-надзорное воздействие, и институт административной ответственности по результатам контрольно-надзорных мероприятий – это составляющие регулятивного воздействия, определенные этапы регулятивного цикла. Судебная практика свидетельствует, к примеру, о фактах, когда требование о пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о привлечении к ответственности по ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ за незаконное использование чужого товарного знака удовлетворяется в связи с тем, что заслуживают внимания доводы привлекаемого к ответственности лица о том, что оно было привлечено к административной ответственности с нарушением требований ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ[13]. Данное положение было введено в КоАП РФ в 2022 году[14], направлено на снижение административного давления на бизнес и заключается в том, что, если при проведении одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля выявлены два и более административных правонарушения, ответственность

---

[8] Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 29 марта 2023 г. № 21АП-4240/2022 по делу № А83-8552/2022 // ГАРАНТ.РУ : [сетевое издание]. URL: https://ivo.garant.ru/#/basesearch/Постановление%20Двадцать%20первого%20арбитражного%20апелляционного%20суда%20от%2029.03.2023%20№%2021АП-4240%7C2022%20по%20делу%20№%20А83-8552%7C2022:0 (дата обращения: 25.07.2025).

[9] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 марта 2024 г. № 301-ЭС23-26074 по делу № А43-768/2023 // Там же. URL: https://ivo.garant.ru/#/basesearch/Определение%20Верховного%20Суда%20Российской%20Федерации%20от%2013.03.2024%20№%20301-ЭС23-26074%20по%20делу%20№%20А43-768%7C2023/all:1 (дата обращения: 25.07.2025).

[10] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

[11] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 1 ноября 2023 г. № С01-1720/2023 по делу № А43-768/2023 // ГАРАНТ.РУ : [сетевое издание]. URL: https://base.garant.ru/65659713/ (дата обращения: 25.07.2025).

[12] Там же.

[13] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2023 г. № 305-ЭС23-17695 по делу № А40-134433/2022 // ЮИС Легалакт : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08122023-n-305-es23-17695-po-delu-n-a40-1344332022/ (дата обращения: 25.07.2025).

[14] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 26 марта 2022 г. № 70-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 13. Ст. 1959.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

за которые предусмотрена одной и той же статьей (частью статьи) раздела II КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, совершившему их лицу назначается административное наказание как за совершение одного административного правонарушения.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что административные органы зачастую игнорируют обновленное законодательство об административной ответственности, проявляя при этом определенное ведомственное усмотрение [11], когда в погоне за численными показателями деятельности пытаются возбудить несколько административных дел по результатам одного контрольно-надзорного мероприятия (например, таможенного досмотра[15]).

Четвертую группу проблем правоприменительной практики по рассматриваемой группе административных дел составляют вопросы отнесения правонарушения к категории малозначительных. Данные вопросы давно возникают в судебной практике и обусловлены, на наш взгляд, тем, что ни в КоАП РФ, ни в других нормативных правовых актах не закреплены четкие критерии отнесения правонарушения к малозначительному. Статья 2.9. КоАП РФ лишь устанавливает саму возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения. Несмотря на то, что в правовых позициях высших судов давалась характеристика малозначительного административного правонарушения[16], следует признать категорию малозначительности оценочной, что отражает противоречивая судебная практика.

Суды признают незаконное использование средства индивидуализации товара малозначительным правонарушением при наличии таких признаков, как: отсутствие пренебрежительного отношения предпринимателя к исполнению своих публично-правовых обязанностей; незначительность партии предложенного к продаже товара; отсутствие каких-либо существенных общественно опасных последствий совершенного правонарушения[17].

По мнению судов, ст. 2.9 КоАП РФ не содержит ограничений в ее применении в отношении каких-либо составов административных правонарушений, а оценка возможности ее применения является самостоятельным этапом судебного исследования по делу. При квалификации незаконного использования средств индивидуализации товара в качестве малозначительного суд исходит из конкретных обстоятельств совершения правонарушения, его характера и степени общественной опасности, необходимости соблюдения принципа соразмерности ответственности совершенному деянию. При этом, освобождая лицо от административного наказания и ограничиваясь устным замечанием, суды, как правило, признают контрафактный товар подлежащим уничтожению[18].

Определение судьбы изъятого товара составляет самостоятельную группу проблем при рассмотрении дел об административных правонарушениях, выразившихся в незаконном использовании средств индивидуализации. При доказанности факта административного правонарушения контрафактный товар должен быть конфискован или иным образом изъят из оборота. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что истечение сроков давности привлечения к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.10 КоАП РФ не препятствует разрешению вопроса о судьбе изъятого товара, и суды дополнительным решением направляют на уничтожение изъятые предметы[19].

---

[15] См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 сентября 2023 г. № 13АП-25820/2023 по делу № А56-35800/2023 // Правовой Сервер КонсультантПлюс : [электронное издание]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=423106#kVdEw2VxjLPokkKB (дата обращения: 25.07.2025) ; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 13 февраля 2024 г. № С01-3/2023 по делу № А40-132319/2022 // Там же. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=123567&cacheid=28BFDA149EDE3E33819A09CF0C25EA2F&mode=splus&rnd=Dy42A#wjaFw2VIJ1IHjzSv (дата обращения: 25.07.2025).

[16] О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 (ред. от 23.12.2021) // Российская газета. 2005. 19 апреля. № 80.

[17] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 октября 2024 г. № 310-ЭС24-16747 по делу № А64-49/2024 // Правовой Сервер КонсультантПлюс : [электронное издание]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=827974&cacheid=23E58A11ED9990F6AB92CF15D3C7F3D3&mode=splus&rnd=Dy42A#72NGw2VTgVaFT2oA (дата обращения: 25.07.2025).

[18] См.: Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 3 июня 2024 г. № 02АП-2703/2024 по делу № А28-16230/2023 // Там же. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS002&n=139889&cacheid=7E82317C2BED8CCA0BE52194C1DACACA&mode=splus&rnd=Dy42A#I7rGw2Vs3b9iK7mm (дата обращения: 25.07.2025) ; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 сентября 2024 г. № С01-1750/2024 по делу № А28-16230/2023 // Там же. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=134796&cacheid=4086F6BF749127BB13DD0FED3786E234&mode=splus&rnd=Dy42A#bD9Hw2VyULfyTtZW1 (дата обращения: 25.07.2025).

[19] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2023 г. № 305-ЭС23-3232 по делу № А40-230954/2021 // Правовой Сервер КонсультантПлюс : [электронное издание]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=134796&cacheid=4086F6BF749127BB13DD0FED3786E234&mode=splus&rnd=Dy42A#c5PHw2VBmNMM1BQ2 (дата обращения: 25.07.2025).

При рассмотрении данной категории дел при условии истечения срока давности суды отстаивают позицию, согласно которой контрафактная продукция не может быть возвращена собственнику, т. к. не подлежит дальнейшему введению в гражданский оборот[20].

Следует отметить, что санкция за незаконное использование средств индивидуализации товаров предусматривает административный штраф с конфискацией предметов административного правонарушения и орудий совершения административного правонарушения. При этом следует согласиться с мнением, что конфискация как дополнительная мера административного наказания зачастую влечет для правонарушителя значительно более негативные последствия, чем основное наказание в виде штрафа [1, с. 25]. Несмотря на то, что ученые констатируют данный тезис применительно к административным правонарушениям в области авторских и смежных прав, он вполне актуален и в отношении незаконного использования средств индивидуализации товаров.

Нами выделены далеко не все проблемы правоприменения по административным делам, связанным с незаконным использованием средств индивидуализации товаров. К ним можно добавить вопросы, связанные с соотношением административной и гражданской ответственности в сфере использования интеллектуальных прав, в частности, проблемы разграничения незаконного использования товарного знака с параллельным импортом. Они нередко возникают в период с 2022 года (с момента принятия отечественным законодателем ряда нормативных правовых актов, направленных на защиту российской экономики в условиях усиления санкционного давления[21]) в судебной практике, в рамках которой суды активно отстаивают правовую позицию, согласно которой акты, регулирующие частичное введение «параллельного импорта», не подлежат применению в ситуациях ввоза контрафактных товаров[22]. Представляется, что в административной и судебной практике необходимо четко разграничивать ситуации, связанные с легализацией параллельного импорта как временной мерой поддержки отечественной экономики и заключающиеся в незаконном использовании средств индивидуализации посредством введения в оборот контрафактных товаров.

Обсуждение

Ведущие ученые в сфере интеллектуальной собственности отмечают, что правовое регулирование в области интеллектуальной собственности в настоящее время должно учитывать такие факторы, как глобализация рынков товаров, работ и услуг, а также развитие информационных технологий [12, с. 114].

Безусловно, судебная практика по административным делам, связанным с незаконным использованием средств индивидуализации товаров, отражает данные тенденции.

Во-первых, глобализация и региональная интеграция делают все более востребованными вопросы трансграничной защиты прав на средства индивидуализации. Незаконное использование товарного знака становится в таможенной практике распространенным явлением. Правовое регулирование этих вопросов совершенствуется в т. ч. за счет административно-правовых механизмов таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности [13], и приостановления срока выпуска товаров, обладающих признаками контрафактных [14]. Более того, в рамках интеграционного экономического пространства есть основания говорить о единой среде доверия в сфере охраны прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе [15].

Во-вторых, цифровизация делает актуальными вопросы соотношения объектов интеллектуальной собственности с иными смежными категориями (например, доменными именами). Кроме того, развитие электронной торговли ставит на повестку дня вопросы использования средств индивидуализации товаров в цифровом пространстве.

[20] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 июля 2023 г. № 307-ЭС23-11107 по делу № А56-23258/2022 // Там же. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=770912&cacheid=4291F56EB4E0E3FA4A7DA8799DADA89A&mode=splus&rnd=Dy42A#rXhHw2V3GXRNimX1 (дата обращения: 25.07.2025).

[21] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1596 ; О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы : постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506 (ред. от 29.03.2022) // СЗ РФ. 2022. № 14. Ст. 2286.

[22] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 января 2023 г. № С01-2407/2022 по делу № А51-4937/2022 // Правовой Сервер КонсультантПлюс : [электронное издание]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=105723&cacheid=F2E817E437ACD725C8F6A3314F5225C9&mode=splus&rnd=Dy42A#5NkIw2V0I4VteO7q (дата обращения: 25.07.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

На основе проведенного анализа правоприменительной практики в области незаконного использования средств индивидуализации товаров считаем возможным обозначить следующие положения.

Институт административной ответственности в сфере интеллектуальной собственности выступает важной составляющей административно-правовой защиты интеллектуальных прав, которая является неотъемлемой частью правовой защиты интеллектуальной собственности в целом.

Административно-правовая ответственность за нарушения прав на различные объекты интеллектуальной собственности отличается прежде всего в зависимости от вида (категории) объекта интеллектуальной собственности. Более того, административно-правовая ответственность установлена за нарушение прав не на все объекты интеллектуальной собственности, закрепленные гражданским законодательством.

Помимо категории объекта интеллектуальной собственности, в качестве критерия разграничения административной ответственности в области интеллектуальных прав можно обозначить использование прав на объекты интеллектуальной собственности на внутреннем рынке и при трансграничном обороте. Кроме того, на внутреннем рынке использование прав на средства индивидуализации товаров можно дифференцировать в зависимости от характера такого использования: форма недобросовестной конкуренции, нарушение прав потребителей товаров, использование без цели сбыта (введения в оборот) или производство в целях сбыта либо реализация товара.

Несмотря на то, что ст. 14.10 КоАП РФ предусматривает ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (исходя из названия статьи), такое средство индивидуализации товаров, как географическое указание в содержании статьи не поименовано. Считаем целесообразным включить географическое указание в перечень средств индивидуализации товаров, перечисленных в содержании упомянутой статьи.

Заключение

Проблемы правоприменительной практики при привлечении к административной ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров отражают тенденции цифровизации, региональной интеграции экономики, усиления санкционного давления на отечественную экономику, реформу системы государственного контроля (надзора), неразрывную связь гражданско-правовых и административно-правовых средств защиты интеллектуальных прав. Решение их призвано способствовать единообразию правоприменительной практики в рассматриваемой сфере, повышению эффективности административно-правовой защиты средств индивидуализации товаров как важных составляющих системы объектов интеллектуальной собственности в современных условиях, как значимых факторов развития конкурентоспособности отечественной экономики.

Теоретико-правовое значение разработки обозначенных вопросов для науки административного права заключается, во-первых, в развитии доктринальных представлений об институте административной ответственности, его потенциале в структуре системы административно-правовой защиты имущественных отношений, частью которых выступают общественные отношения в области создания, использования, оборота прав на объекты интеллектуальной собственности. Во-вторых, исследование различных аспектов соотношения гражданско-правовых и административно-правовых средств защиты интеллектуальных прав призвано усилить межотраслевые связи при изучении интеллектуальной собственности как важного комплексного экономико-правового института, позиционируемого сегодня в качестве фундаментального условия устойчивого экономического развития, технологического суверенитета и национальной безопасности государства в условиях современных вызовов.

Список источников

1. *Кулаков Н. А., Савельева М. В.* Конфискация как административное наказание за правонарушения в области авторских и смежных прав // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36). С. 23–27.

2. *Дадашева Р. А.* Понятие и сущность административной ответственности за нарушение прав на объекты интеллектуальной собственности // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 3 (25). С. 80–84.

3. *Летова Н. В.* Категория «имущество» в аспекте межотраслевого регулирования имущественных отношений // Гражданское право. 2025. № 1. С. 6–9. https://doi.org/10.18572/2070-2140-2025-1-6-9

4. *Кобзарь-Фролова М. Н.* Феномен ответственности: правовая природа, юридическая ответственность, административная ответственность (тезисы) / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 21 марта 2025 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 359–367.

5. *Агамагомедова С. А.* Соотношение административной и гражданской ответственности за незаконное использование товарного знака // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2016. № 2. С. 19–26.

6. *Чертакова Е. М., Воронова Е. М.* Контрафактная продукция – правовые аспекты защиты объектов интеллектуальной собственности // Государство и регионы. 2012. № 1. С. 54–56.

7. *Гаврилов Э. П.* Новые тенденции в российском праве на средства индивидуализации / Интеллектуальные права: вызовы XXI века : сборник докладов II Международной конференции, г. Томск, 10–14 ноября 2020 г. / под ред. Э. П. Гаврилова, С. В. Бутенко. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2020. С. 28–30.

8. *Реформа административной ответственности в России* / Кирин А. В., Плигин В. Н., Агишева А. Г. [и др.] ; под общ. ред. А. В. Кирина, В. Н. Плигина. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 476 с. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1775-8

9. *Кобзарь-Фролова М. Н., Лебедева Е. А.* К дискуссии о цели и назначении административной ответственности в контексте административной реформы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 1 (41). С. 117–120. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.41.1.117-120

10. *Лютов В. П.* Контрафактная продукция и методы ее экспертного исследования // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 201–203.

11. *Россинский Б. В.* Управленческая природа административного усмотрения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 2. С. 87–91.

12. *Минбалеев А. В.* Система государственного управления в сфере интеллектуальной собственности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16, № 3. С. 112–115. https://doi.org/10.14529/law160319

13. *Агамагомедова С. А.* Особенности таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности // Вестник Российской таможенной академии. 2013. № 1. С. 22–27.

14. *Агамагомедова С. А.* Приостановление выпуска товаров как мера защиты прав на объекты интеллектуальной собственности таможенными органами // Вестник Российской таможенной академии. 2011. № 4. С. 37–42.

15. *Близнец И. А., Тюнин М. В.* Единая среда доверия в сфере охраны прав на ОИС в ЕАЭС // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 3. С. 4–8.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 342.9

Тенденции и перспективы развития правоохранительной составляющей частной охранной деятельности в Российской Федерации

Дмитрий Вадимович Гайдов

Договорно-правовой департамент Министерства внутренних дел Российской Федерации
Москва (119049, ул. Житная, д. 12А), Российская Федерация
dgaidov@mvd.ru

Аннотация:
Введение. *Настоящая работа посвящена анализу развития законодательных основ участия частных охранных организаций в Российской Федерации в деятельности по защите прав и свобод физических и юридических лиц, охране общества и государства. В указанных целях рассматриваются положения Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-I «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» и вступающего в силу с 1 сентября 2026 г. Федерального закона от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности» (далее – Федеральный закон № 427-ФЗ) в контексте соотнесения полномочий частных охранных организаций и государственных правоохранительных органов.*
Методы. *Автором использован комплекс методов, выработанных и апробированных конституционно-правовой наукой. Активно применялись методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход, особое внимание было уделено методу сравнительного правоведения.*
Результаты. *В ходе исследования рассматриваются формы и методы привлечения частных охранных организаций к осуществлению правоохранительной деятельности, используемые в иных странах. На основе анализа положений российского законодательства и зарубежного опыта отмечается, что с момента вступления в законную силу Федерального закона № 427-ФЗ начнется новый этап институционального развития частной охранной деятельности. Также в работе формулируются предложения по дальнейшему совершенствованию нормативного правового обеспечения частной охранной деятельности.*

Ключевые слова:
частная охранная деятельность, правоохранительная деятельность, защита прав граждан, частные охранные организации

Для цитирования:
Гайдов Д. В. Тенденции и перспективы развития правоохранительной составляющей частной охранной деятельности в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 37–43.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 22.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Trends and prospects for the development of the law enforcement component of private security activities in the Russian Federation

Dmitriy V. Gaidov

Contracts and Law Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
12A, Zhitnaya str., Moscow, 119049, Russian Federation
dgaidov@mvd.ru

Abstract:
Introduction. *The present work is devoted to analysis of development of legislative framework of participation of private security organisations in the Russian Federation in activities on protection of rights and freedoms of persons and legal entities, protection of society and state. For these purposes, the regulations of the Law of the Russian Federation of March 11, 1992 2487-I "On private detective and security activities in the Russian Federation" are addressed and entering into force as from 1 September 2026. Federal Law of November 30, 2024. 427-F "On private security activities" (further –*

Keywords:
private security activity, law enforcement, protection of citizens' rights, private security organization's

© Гайдов Д. В., 2025

Federal Law 427-F) in the context of the relationship between the powers of private security organisations and public law enforcement agencies.
Methods. *The author uses a set of methods developed and tested by constitutional-legal science. Methods of analysis and synthesis, induction and deduction, dialectical approach were actively applied; special attention was paid to the method of comparative jurisprudence.*
Results. *The study examines forms and methods of involving private security organisations in law enforcement activities used in other countries. Based on an analysis of the regulations of Russian legislation and foreign experience, it is noted that since the entry into force of the Federal Law 427-F begins a new stage in the institutional development of private security activities. The work also formulates proposals for further improvement of the regulatory legal enforcement of private security activities.*

For citation:
Gaidov D. V. Trends and prospects for the development of the law enforcement component of private security activities in the Russian Federation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 37–43.

The article was submitted September 15, 2025; approved after reviewing October 22, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Увеличение вовлеченности частных охранных организаций в правоохранительную деятельность государственных органов является общемировой нарастающей тенденцией. Оказанию охранных услуг сопутствуют повышение уровня защищенности прав и интересов физических и юридических лиц, профилактика и пресечение административных правонарушений и преступлений. В некоторых случаях деятельность частных охранных организаций способствует поимке правонарушителя и сохранению следов преступления.

Охранные услуги оказываются в местах развлечений, торговли, зонах отдыха, в офисных, образовательных и производственных помещениях, объектах транспортной инфраструктуры и топливно-энергетического комплекса. Указанные места характеризуются повышенной вероятностью совершения противоправных действий, носящих в т. ч. и террористический характер.

Методы

Автором использован комплекс методов, выработанных и апробированных конституционно-правовой наукой. Активно применялись методы анализа и синтеза (в частности анализировались нормативные правовые документы заявленной тематики, как отечественные, так и зарубежные), диалектический подход (с этой точки зрения оценивались возможности применения некоторых положений зарубежного законодательства в российских реалиях), особое внимание было уделено методу сравнительного правоведения (сравнивались, в частности, положения действующего Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-I «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»[1] (далее – Закон № 2487-I) и вступающего в силу с 1 сентября 2026 г. Федерального закона от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности»[2] (далее – Федеральный закон № 427-ФЗ) в контексте соотнесения полномочий частных охранных организаций и государственных правоохранительных органов).

Результаты

Опыт зарубежных стран показывает, что частные охранные организации предоставляют государствам ресурс, который при надлежащем использовании может внести значительный вклад в снижение преступности и повышение уровня общественной безопасности.

В таких странах, как Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Израиль, бюджеты частных охранных организаций, численность персонала, который они нанимают, превышают возможности государственной полиции [1].

В Соединенных Штатах Америки число сотрудников частной службы безопасности превышает численность государственной полиции почти втрое. Сотрудники частных служб безопасности обладают принудительными полномочиями, аналогичными полиции [2].

В Индии соотношение частной охраны и полиции оценивается как 4,98 : 1, при этом численность персонала частной охраны оценивается более чем в 7 млн человек [3].

В одном из крупнейших торговых комплексов Нидерландов, который, по оценкам, посещают 40 млн человек в год и занимает площадь более 60 000 м^2, безопасность распределена между гражданскими сотрудниками частной охраны и полицией в соотношении примерно 4 : 1 [4].

[1] О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (ред. от 21.04.2025) // Российская газета. 1992. 30 апреля. № 100.

[2] О частной охранной деятельности : Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7418.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Рост численности частных охранных организаций сопровождался во многих государствах расширением их роли. Многие функции, традиционно выполнявшиеся государственной полицией, теперь выполняются гражданскими частными охранными организациями (например, патрулирование общественных мест, расследование преступлений, осуществление обыска и ареста, предоставление услуг вооруженной охраны).

Отечественный рынок охранных услуг значительно уступает частным охранным индустриям развитых западных стран по ряду объективных причин. В таких странах, как Англия, США, Германия, Израиль, коммерческая охранная деятельность зародилась гораздо раньше, чем в России, что обусловило вливание в нее значительных экономических ресурсов. Развитые капиталистические экономики характеризуются высокой долей частной собственности, к которой могут относиться торговые центры, стадионы, предприятия и заводы, охраняемые, как правило, негосударственными охранными организациями [5].

Доктрина защиты прав граждан в Российской Федерации исходит из положений ст. 2 Конституции Российской Федерации[3], закрепившей защиту прав и свобод человека и гражданина в качестве обязанности государства. Пунктом 41 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[4] важнейшим фактором, способствующим обеспечению государственной и общественной безопасности, названа реализация мер, направленных на усиление роли государства как гаранта безопасности личности и прав собственности.

Хотя в действительности государство и играет первостепенную роль в вопросах обеспечения общественной безопасности и предупреждения преступности, указанная деятельность не является прерогативой одних лишь государственных правоохранительных органов. Отдельные граждане, группы лиц, общественные объединения и коммерческие организации также могут внести свою лепту в повышение безопасности граждан, общества и государства.

Вопрос о роли участия частных охранных организаций в публичной правоохранительной деятельности уже выступал предметом интереса отечественных исследователей.

Так, по мнению С. А. Шаронова и Я. А. Шаповалова, деятельность частных охранных организаций по защите объектов гражданских прав (жизни, здоровья, имущества) отличается от деятельности правоохранительных органов не только невозможностью применения мер государственного принуждения, но и меньшим кругом охраняемых объектов, за пределами которого остаются конституционный строй, суверенитет, общественная безопасность. При этом частноправовой механизм обеспечения безопасности выступает в качестве значимого элемента национальной безопасности России [6].

В. М. Шеншин и Р. Р. Фаисханов разделяют защиту прав и законных интересов граждан на две самостоятельные системы (государственную и частную), отмечая при этом, что частная система защиты прав и законных интересов, обладая значительным правоохранительным потенциалом, не реализует его в полной мере ввиду несовершенства законодательства [7].

Р. Н. Данелян предлагает заменить права частных охранных организаций на оказание содействия правоохранительным органам в обеспечении правопорядка на обязанность оказания такого содействия [8].

А. М. Кононов, признавая перспективность дальнейшего развития негосударственных форм реализации функций публичной власти, полагает, что передача функций в одной из ключевых сфер государства – обеспечении правопорядка и общественной безопасности – негосударственным субъектам должна вестись крайне сдержанно и обдуманно [9].

В настоящее время частная охранная деятельность в Российской Федерации регулируется Законом № 2487-I[5]. За прошедшие 33 года с момента издания этого Закона его основополагающие принципы в значительной мере устарели и не отвечают ни интересам частных охранных организаций и заказчиков охранных услуг, ни потребностям гражданского общества и государства.

В связи с этим новый Федеральный закон № 427-ФЗ[6], предусматривающий установление основ нормативно-правового регулирования частной охранной деятельности, отвечающих современным потребностям и реалиям, развивающий при этом механизмы частно-государственного партнерства в обеспечении общественной безопасности, представляется знаковым событием.

---

[3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

[4] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[5] Российская газета. 1992. 30 апреля. № 100.

[6] СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7418.

Законом № 2487-I частная охранная деятельность определена как осуществляемое на основе договора возмездное оказание организациями, имеющими специальное разрешение (лицензию), услуг физическим и юридическим лицам в целях защиты их законных прав и интересов. Приведенная дефиниция характеризует частную охрану исключительно как предпринимательскую деятельность. Иные положения Закона № 2487-I также не раскрывают правоохранительный потенциал частной охранной деятельности и игнорируют ее публичное значение, фрагментарно затрагивая лишь вопрос оказания содействия правоохранительным органам в обеспечении правопорядка.

От указанного подхода разительно отличается нормативное регулирование, предлагаемое новым Федеральным закон № 427-ФЗ, определившим содействие правоохранительным органам в качестве одного из наиболее важных предметов его правового регулирования (ст. 1), а участие в защите общества и государства от противоправных посягательств – в качестве цели осуществления частной охранной деятельности (ч. 2 ст. 3).

Принципы осуществления частной охранной деятельности (например, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, законности), сформулированные Федеральным закон № 427-ФЗ (ч. 2 ст. 3), созвучны с принципами осуществления деятельности правоохранительными органами, сформулированными, например, в ст. 5 и 6 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[7] и ст. 4 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»[8].

Нормативное правовое регулирование, предшествующее Федеральному закону № 427-ФЗ, увязывает применение специальных средств и огнестрельного оружия, прежде всего с необходимостью обеспечения защиты собственной жизни и здоровья частного охранника, а также пресечения посягательств на объекты, находящиеся под охраной [10].

В итерации Федерального закона № 427-ФЗ полномочия частных охранников по применению специальных средств претерпели значительные изменения. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 23 названного Закона частные охранники будут вправе применить специальные средства для пресечения преступления или административного правонарушения на охраняемом объекте и (или) в отношении охраняемого лица, задержания лица, застигнутого при совершении преступления или административного правонарушения на охраняемом объекте (в отношении охраняемого лица) и пытающегося скрыться либо намеревающегося оказать или оказывающего вооруженное сопротивление.

Расширены также и полномочия по использованию огнестрельного оружия, которое с 1 сентября 2026 г. частные охранники вправе будут применить для отражения нападения на иных лиц, находящихся на охраняемом объекте, если их жизнь и здоровье подвергаются непосредственной опасности (п. 1 ч. 1 ст. 25).

В рамках нормативного правового регулирования, предусмотренного Законом № 2487-I, применение огнестрельного оружия частными охранниками по существу соотнесено с правами, предоставляемыми гражданам ч. 1 ст. 24 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»[9], что характеризует частных охранников скорее как граждан, осуществляющих коммерческую трудовую деятельность, нежели как лиц, сопричастных правоохранительной деятельности.

Новое же регулирование, предусматривая возможность применения частными охранниками огнестрельного оружия для отражения нападения на иных лиц, предполагает, что указанная крайняя мера административного принуждения применяется в рамках особых охранительных отношений [11, с. 14], ранее присущих только сотрудникам правоохранительных органов [12].

Расширен Федеральным законом № 427-ФЗ и перечень лиц, в отношении которых частными охранниками может быть применено задержание. В ближайшем будущем у частных охранников появится право применить такую меру принуждения к лицу, совершившему противоправное посягательство на общественный порядок в местах оказания охранных услуг[10].

Подробным образом Законом регламентированы вопросы оказания частными охранными организациями содействия правоохранительным органам, которое теперь разделено законодателем на две формы – обязательное содействие (ст. 26) и содействие, оказываемое на основании соглашения с органами исполнительной власти (ст. 27).

---

[7] О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[8] О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4159.

[9] Об оружии : Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

[10] СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7418.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

В рамках оказываемого содействия частные охранники наделяются специальными правами требования прекращения действий, нарушающих общественный порядок, пресечения противоправных деяний с применением физической силы, специальных средств и оружия, принятия необходимых мер по охране места происшествия и обеспечения сохранности следов правонарушения до прибытия должностных лиц правоохранительных органов (ст. 29).

Следует констатировать, что Федеральный закон № 427-ФЗ в значительной мере изменяет концепцию частной охранной и правоохранительной деятельности в Российской Федерации, предоставляя государству инструментарий для совершенствования обеспечения защиты прав граждан, общественного порядка и общественной безопасности, управления, а также развивая соответствующие правовые институты.

Реализация норм Закона на практике неотвратимо приведет к повышению вовлеченности частных охранных организаций в деятельность государственных органов по предупреждению и пресечению противоправных деяний, что придаст новый импульс дальнейшему совершенствованию полномочий частных охранников, которые потребуются для эффективной реализации возлагаемых на них функций.

Полагаем, что реализации права, предоставляемого частному охраннику п. 3 ст. 29 Федерального закона № 427-ФЗ по принятию мер по охране места происшествия и обеспечению сохранности следов правонарушения, способствовало бы одновременное предоставление права визуального обозначения места происшествия, а также осуществления его временного ограждения.

Уместным было бы также наделение частных охранников правом обращения к группам граждан, находящихся на охраняемых объектах и территориях, прилегаемых к ним, с требованием разойтись или перейти в другое место, если возникшее скопление граждан создает угрозу их жизни и здоровью, жизни и здоровью других граждан, объектам собственности, нарушает работу охраняемых объектов.

Следует рассмотреть и вопрос о наделении частных охранников правом изъятия у граждан ограниченных в гражданском обороте вещей в случае отсутствия соответствующих разрешительных документов.

В целях охраны имущества, а также выявления лиц, совершающих противоправное посягательство на него, частным охранникам могло бы быть предоставлено право применения специальных окрашивающих и маркирующих средств.

Немаловажными представляются вопросы совершенствования регламентации правил движения транспортных средств групп быстрого реагирования частных охранных организаций (далее – ГБР) по дорогам общего пользования.

Своевременное реагирование и прибытие ГБР на вызовы, поступающие с охраняемых объектов, позволят минимизировать последствия противоправных посягательств и обеспечить возможность применения правовосстановительных мер. Уместно отметить, что к охраняемым объектам относятся дошкольные, общеобразовательные и профессиональные образовательные организации, медицинские учреждения, состоянию безопасности которых обществом уделяется особое внимание.

В рамках работы над обозначенной проблемой следует оценить целесообразность предоставления права бесплатного размещения транспортных средств ГБР, прибывших на вызов, на платных парковках, а также их размещения с нарушением требований дорожных знаков и разметки в непосредственной близи к объекту охраны, возможности движения автомобилей ГБР по полосе для маршрутных транспортных средств и их оснащения проблесковыми маячками желтого или оранжевого цвета.

Актуальность приведенных предложений обусловливается тем, что зачастую у охраняемых объектов организованы лишь места для платной парковки, либо возможность парковки отсутствует вовсе. В связи с этим такая организация дорожного движения увеличивает время реагирования ГБР и, как следствие, пресечения противоправного деяния. Пропорционально времени реагирования увеличивается и степень угроз жизни и здоровью граждан.

Использование проблескового маячка желтого цвета позволило бы ориентировать участников движения о необходимости прибытия транспортного средства ГБР на вызов в кротчайшие сроки. Привлечение внимание к быстро движущимся автомобилям ГБР также способствовало бы и повышению безопасности дорожного движения.

Полагаем, что изменение правил движения транспортных средств ГБР следует предусмотреть для частных охранных организаций, заключивших соглашение (договор) о содействии

с правоохранительными органами и тем самым, подтвердивших свое активное участие в защите граждан, общества и государства от противоправных посягательств.

Анализируя опыт зарубежных стран, следует отметить, что в некоторых странах Запада частные охранные структуры не только оказывают содействие, но и фактически реализуют функции правоохранительных органов.

Например, в Соединенном Королевстве и Швейцарии перевозка заключенных (за исключением наиболее опасных) между полицейскими участками, судами и тюрьмами осуществляется по контракту с частными организациями. В некоторых странах частными охранными организациями осуществляется выдворение из страны лиц, не получивших убежища. Также частным охранным организациям могут передаваться отдельные функции по обеспечению безопасности в камерах содержания под стражей, обеспечению соблюдения лицензионного режима гражданского оборота огнестрельного оружия [13].

В Англии и Уэльсе главные констебли в обмен на прохождение курса обучения могут предоставлять сотрудникам частных охранных структур специальные полномочия: право фиксации правонарушений, а также изъятия алкоголя и табака. Такая форма организации охраны общественного порядка позволяет полиции сосредоточиться на более важных функциях, при этом оставляя правоохранительные функции должным образом подготовленным сотрудникам частной охраны[11].

Существуют и обратные примеры, когда сотрудники правоохранительных органов принимают участие в коммерческой деятельности частных охранных структур. Так, во Флориде правоохранительные органы могут направлять своих сотрудников в частные организации на краткосрочной основе, например для обеспечения безопасности на футбольном матче или концерте. При этом действующим сотрудникам правоохранительных органов не требуется лицензия на осуществление охранной деятельности. Подработка может осуществляться правоохранителями в свободное от работы время и с согласия руководства. Анализ данных о вовлеченности сотрудников правоохранительных органов в коммерческую правоохранительную деятельность нескольких крупных агентств Флориды показывает, что ее доля составляет около 10 % от общего количества рабочих часов охранных организаций [14].

Заметим, что при налаживании чрезмерно тесного взаимодействия между государственными правоохранительными органами и частными охранными организациями гражданам становится все труднее отличить государственные службы безопасности от частных. Согласно опросу, проведенному шведскими исследователями, в некоторых случаях непрофессиональное или некорректное поведение сотрудников частных охранных организаций может повлиять на оценку уровня законности деятельности государственной полиции [15].

Заключение

Подводя итог, можно констатировать что Федеральный закон № 427-ФЗ[12] в значительной степени актуализировал правовые основы осуществления частной охранной деятельности и предусмотрел ряд возможностей вовлечения частных охранных организаций в правоохранительную деятельность. Вместе с тем нормативное регулирование ряда полномочий, осуществляемых частными охранниками и частными охранными организациями, требует дальнейшего развития и подготовки соответствующих проектов нормативных правовых актов.

Полагаем, что опыт зарубежных стран может быть использован при дальнейшем развитии института частной охраны в Российской Федерации. Вместе с тем представляется, что фактическая подмена правоохранительных органов частными охранными организациями, выражающаяся в представлении им возможности применения широкого круга мер принуждения, а также передаче отдельных административно-юрисдикционных полномочий, не отвечает имеющимся потребностям и отечественным реалиям.

Список источников

1. *Richards A., Smith H.* Addressing the role of private security companies within security sector reform programmes. London, UK : Saferworld, 2007. 27 p.

2. *Klein M. S., Hemmens C.* Public Regulation of Private Security: A Statutory Analysis of State Regulation of Security Guards // Criminal Justice Policy Review. 2016. Vol. 29, No. 9. P. 891–908. https://doi.org/10.1177/0887403416649999

3. *Florquin N.* A booming business: Private security and small arms // Small Arms Survey 2011: States of Security. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2011. P. 101–133.

[11] Guidance on community safety accreditation scheme (CSAS) powers // GOV.UK : [website]. URL: https://www.gov.uk/government/publications/community-safety-accreditation-scheme-powers (дата обращения: 10.09.2025).

[12] СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7418.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

4. *Button M.* Private Policing. Devon, UK : Cullompton, 2002. 155 p. https://doi.org/10.4324/9781351240772

5. *Кашурников С. Н.* Этапы становления и развития российской негосударственной системы безопасности // Безопасность бизнеса. 2009. № 1. С. 32–36.

6. *Шаронов С. А., Шаповалов Я. А.* Частноправовые средства обеспечения национальной безопасности России // Цивилист. 2024. № 1 (47). С. 37–42.

7. *Шеншин В. М., Фаисханов Р. Р.* Совершенствование нормативно-правового регулирования контроля, осуществляемого Росгвардией, над деятельностью частных охранных организаций // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 52–54.

8. *Данелян Р. Н.* Вопросы организации деятельности по взаимодействию частных охранных и сыскных структур с органами внутренних дел (анализ законодательства и пути повышения эффективности) // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 2 (5). С. 129–135.

9. *Кононов А. М.* О возможностях и перспективах развития негосударственных форм реализации функции обеспечения правопорядка и общественной безопасности / Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы : сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Москва, 23 октября 2020 г. / под общ. ред. И. Г. Чистобородова, А. Л. Ситковского, В. О. Лапина. Москва : Академия управления МВД России, 2020. С. 385–396.

10. *Гайдов Д. В., Булатецкий С. И.* Специальные средства в правоохранительной деятельности: понятие, признаки, перспективы совершенствования // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 1. С. 43–49.

11. *Каплунов А. И.* Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия: законодательство, теория и практика : монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. 260 с.

12. *Кобленков А. Ю.* Проблема правовой определенности законодательства, регламентирующего порядок и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции, на примере последних поправок, внесенных в ФЗ «О полиции» (ФЗ № 404 от 02.12.2019) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 149–153.

13. *State Regulation concerning Civilian Private Security Services and their Contribution to Crime Prevention and Community Safety*. New York, USA : United Nations, 2014. 98 p.

14. *Grunwald B., Rappaport J., Berg M.* Private security and public police // Journal of Empirical Legal Studies. 2024. Vol. 21. No. 3. P. 428–481.

15. *Bolkvadze K., Sümeghy D.* Misconduct by private security officers and trust in the police: evidence from a natural experiment in Sweden // Policing and Society. 2025. Vol. 35, No. 3. P. 259–279. https://doi.org/10.1080/10439463.2024.2399103

Научная статья
УДК 342.56

Эволюция структуры судебной системы Российской Федерации в период с 1993 года по настоящее время: правовые и организационные аспекты

Динара Борисовна Миннигулова, доктор юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
Санкт-Петербург (191023, Невский проспект, д. 60), Российская Федерация
minnidinara@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-7766-3908

Аннотация:
Введение. *Судебная ветвь власти осуществляет судебный контроль за правоприменением на территории Российской Федерации, поэтому отлаженная работа данной ветви власти критически важна для государства. В то же время без четко выстроенной структуры судебной системы невозможно добиться справедливого контроля, вот почему целью статьи стало рассмотрение генезиса построения звеньев судебной системы в совокупности с изменением иерархического строения системы нормативных правовых источников, регулирующих обозначенный процесс.*
Методы исследования. *В ходе исследования применен диалектический метод, проведен контент-анализ научных и нормативных источников, использованы герменевтический, дескриптивный, формально-логический, сравнительно-правовой, системно-структурный и эвристический методы.*
Результаты. *Представлена авторская периодизация реформирования структуры российской судебной системы (1993–2025 гг.), определены ключевые, по мнению автора, направления дальнейшего преобразования структуры российских судов: дальнейшая цифровизация судебного процесса, определение места третейских судов (арбитражных учреждений) как квазисудебных органов в судебной системе России и их закрепление на уровне конституционного законодательства, формирование системы специализированных судов и нормативное обеспечение процесса их функционирования на основе соответствующего федерального конституционного закона. Одной из первоочередных мер, по мнению автора, должно стать оформление специализированных административных судов. Отмечается связь судебной системы и государственного управления в контексте вызовов современности, а также реализации целей устойчивого развития и, как следствие, общность трендов модернизации структуры судебной ветви власти, как и государственного управления, в клиентоориентированности, прозрачности (открытости), применении информационно-коммуникационных технологий и принципов «бережливого управления».*
Выводы. *Преобразования судебной системы России в совокупности последовательно претворяют в жизнь шестнадцатую цель устойчивого развития, состоящую в содействии построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечении доступа к правосудию для всех и создании эффективных, подотчетных и инклюзивных институтов на всех уровнях.*

Ключевые слова:
российская судебная система, структура судебной системы, третейские суды, специализированные суды, этапы реформирования структуры российской судебной системы, нормативная основа российской судебной системы

Для цитирования:
Миннигулова Д. Б. Эволюция структуры судебной системы Российской Федерации в период с 1993 года по настоящее время: правовые и организационные аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 44–55.

Статья поступила в редакцию 14.07.2025; одобрена после рецензирования 29.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

© Миннигулова Д. Б., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

Transformation of the judicial system structure of the Russian Federation (1993-Present): legal and organizational perspectives

Dinara B. Minnigulova, Doc. Sci. (Jurid.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak
60, Nevsky ave., Saint Petersburg, 191023, Russian Federation
minnidinara@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-7766-3908

Abstract:
Introduction. *The The judicial branch of government exercises judicial review over law enforcement across the Russian Federation; therefore, the well-functioning of this branch is of critical importance to the state. At the same time, a clearly defined structure of the judicial system is a prerequisite for achieving fair oversight. It is for this reason that the aim of the article is to examine the genesis of the construction of the tiers of the judicial system in conjunction with the evolving hierarchy of the system of normative legal sources regulating this process.*
Methods. *This research is based on the dialectical method and incorporates content analysis of scholarly and regulatory sources. The methodological framework also includes hermeneutic, descriptive, formal-logical, comparative legal, systemic-structural, and heuristic methods.*
Results. *The study presents the author's periodisation of the reform of the structure of the Russian judicial system (1993–2025). The key directions for its further transformation are identified: the advancement of digitalisation in judicial proceedings, clarifying the status of arbitration tribunals (arbitral institutions) as quasi-judicial bodies within the Russian judicial system and consolidating this status at the level of constitutional legislation, establishing a system of specialised courts, and creating a normative framework for their operation based on a corresponding federal constitutional law. The author considers the establishment of specialised administrative courts to be one of the highest-priority measures. The analysis highlights the connection between the judicial system and public administration in the context of contemporary challenges and the pursuit of sustainable development goals. Consequently, a shared trend in modernising the structure of both the judiciary and public administration is observed, centered on client-centricity, transparency (openness), the application of information and communication technologies, and the principles of "lean management".*
Conclusions. *The ongoing transformations of the Russian judicial system collectively and consistently advance the sixteenth Sustainable Development Goal, which is to promote peaceful and inclusive societies for sustainable development, provide access to justice for all, and build effective, accountable, and inclusive institutions at all levels.*

Keywords:
Russian judicial system, structure of the judicial system, arbitration tribunals, specialised courts, stages of reforming the Russian judicial system, normative framework of the Russian judicial system

For citation:
Minnigulova D. B. The evolution of the structure of the judTransformation of the judicial system structure of the Russian Federation (1993-Present): legal and organisational perspectives // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 44–55.

**The article was submitted July 14, 2025;
approved after reviewing October 29, 2025;
accepted for publication December 25, 2025.**

Justitia regnōrum fundamentum
Правосудие – основа государства

Введение

Е. В. Марьина, поддерживая распространенное среди ученых мнение, определяет судебную систему как упорядоченное построение судов, осуществляющих судебную власть путем отправления правосудия в соответствии с их компетенцией, имеющих общие задачи, цели, организованных и действующих на единых демократических принципах [1, с. 71]. Таким образом, судебная система Российской Федерации представляет собой совокупность всех судов, действующих на территории Российской Федерации.

Нормативная правовая основа системы правосудия российского государства регламентирована Конституцией Российской Федерации и соответствующим федеральным конституционным

законом[1]. Судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации (ч. 3 ст. 118 Конституции Российской Федерации[2]). Применительно к судебной системе следует определять ее нормативное существо шире, т. е. через совокупность Основного закона России, конституционных федеральных законов: собственно о судебной системе, о Верховном Суде Российской Федерации[3], о федеральных судах общей юрисдикции[4], об арбитражных судах[5], о военных судах[6] и федерального закона о мировых судьях[7].

Фундамент современной структуры российской судебной системы был заложен Концепцией судебной реформы в РСФСР, одобренной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г.[8] (действует поныне), но, по мнению Т. Е. Абовой, вопрос о реформировании судебной системы в нашей стране со всей остротой встал в конце 1980-х гг., т. е. в годы перестройки, а Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году, реализовала ряд предусмотренных указанной Концепцией судебной реформы в РСФСР задач [2]. Положения Основного закона получили развитие в федеральных конституционных законах.

Так, часть 2 статьи 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» закрепляет организационные основы судебной системы в Российской Федерации как совокупность федеральных и региональных судов. К федеральным судам законодательство относит:

1) Конституционный Суд Российской Федерации;

2) Верховный Суд Российской Федерации;

3) кассационные суды общей юрисдикции, апелляционные суды общей юрисдикции, верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции;

4) арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов Российской Федерации и специализированные арбитражные суды, составляющие систему федеральных арбитражных судов.

К судам субъектов Российской Федерации (региональным судам) относятся мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации (с 1 января 2023 г. из системы судов исключены конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации[9]).

Следует констатировать, что современная судебная система Российской Федерации динамична и с момента принятия действующего Основного закона 12 декабря 1993 г. по настоящее время преобразуется [3].

Методы исследования

В ходе исследования применен диалектический метод, который позволил проанализировать информацию о признаках, структуре, звеньях судебной системы и выделить этапы ее трансформации; проведен контент-анализ научных и нормативных источников, которым обоснованы этапы изменения судебной системы посредством изучения содержания указанных

[1] О судебной системе Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1997. № 1. Ст. 1.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

[3] О Верховном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

[4] О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

[5] Об арбитражных судах в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

[6] О военных судах Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3170.

[7] О мировых судьях в Российской Федерации : Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.

[8] О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Совета Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

[9] О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы : Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. I). Ст. 8029.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

источников; использованы герменевтический (толковалось содержание нормативных актов, заложивших полиструктурность судебной системы), дескриптивный (собственно описывались трансформации в судебной системе России), формально-логический (использован для выстраивания логического и обоснованного нормативными правовыми актами современного ландшафта судебной системы), сравнительно-правовой (применен для обоснования закономерностей развития национальной судебной системы с применением зарубежного опыта построения системы судопроизводства), системно-структурный (позволил рассматривать этапы трансформации звеньев судебной системы как системы) и эвристический (позволил на основе экспертных оценок, современных трендов и с учетом прогностической функции права предложить изменения для совершенствования системы отправления правосудия) методы.

Результаты

Не вдаваясь в научную дискуссию о критериях структурирования судебной системы и разделяя мнение Е. П. Гук, следует констатировать, что судебная система Российской Федерации на текущем этапе полиструктурна и сформирована по принципам специализации (конституционные суды, арбитражные суды и суды общей юрисдикции, военные суды) и принципам государственно-территориального подчинения (федеральные суды и суды субъектов Российской Федерации) [4]. Данная специфика структуры судебной системы позволяет зафиксировать признаки выделения этапов ее эволюции по критерию, который возможно обозначить как существенные изменения структуры и состава судебной системы, связанные с принятием важнейших нормативных правовых актов (значительные структурные изменения судебной системы России).

С этой точки зрения можно определить следующие ключевые этапы ее реформирования (авторская позиция):

1 этап. Принятие 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации, которая стала нормативным правовым каркасом устройства судебной власти в стране и реализации независимого правосудия и закрепила полиструктурные критерии судебной системы и ее основные звенья.

2 этап. Вхождение России 28 февраля 1996 г. в состав Совета Европы, и ратификация 5 мая 1998 г. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод[10], которая создала уникальный механизм их защиты посредством единого и постоянно действующего судебного органа Европы – Европейского суда по правам человека (г. Страсбург, Франция). Возможно, выделение данного этапа вызовет научную дискуссию, т. к. фактически данный суд не входит в российскую судебную систему. В то же время постановления Европейского суда по правам человека в соответствии с нормами действующего законодательства (ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[11] (далее – ГПК РФ), ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации[12] (далее – КАС РФ), ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[13] (далее – АПК РФ)) являются основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам, т. к. устанавливают нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский суд.

Согласно абзацу второму п. 11 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»[14], выполнение постановлений, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать

[10] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163. Документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 г.

[11] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[12] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025)// СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[13] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[14] О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 05.03.2013) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12.

таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Таким образом, постановления Европейского суда по правам человека могут повлечь изменение практики применения судами Российской Федерации законодательства, что, по нашему мнению, является значимой вехой в развитии современной судебной системы России.

3 этап. Принятие и введение в действие 1 января 1997 г. Федерального конституционного закона «О судебной системе в Российской Федерации»[15], где федеральными судами признавались: Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суд автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции; Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, федеральные арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов Российской Федерации, составляющие систему федеральных арбитражных судов. Предполагалось также и функционирование конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и мировых судей субъектов Российской Федерации.

4 этап. Отделение судебной власти от исполнительной 8 января 1998 г. в связи с принятием Федерального закона № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации»[16], который является федеральным органом, не входящим в систему исполнительной власти. До этого момента финансовое, кадровое и материально-техническое обеспечение судов осуществлялось через Министерство юстиции Российской Федерации[17], входящее в правительство страны, т. е. орган исполнительной власти.

5 этап. Принятие 17 декабря 1998 г. Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации»[18]. Институт мировых судей, образованный в России в результате судебной реформы 1864 года, после революции 1917 года был ликвидирован. Его возрождение стало возможным только после принятия в 1993 году Конституции России.

6 этап. Принятие 23 июня 1999 г. Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации»[19]. Работа над ним длилась почти 10 лет. Закон закрепил, что военные суды входят в единую судебную систему Российской Федерации, являются федеральными судами общей юрисдикции и осуществляют судебную власть и правосудие в Вооруженных Силах России, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

7 этап. Принятие 7 февраля 2011 г. Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»[20], который закрепил систему судов общей юрисдикции в Российской Федерации как совокупность федеральных судов общей юрисдикции (кассационные суды общей юрисдикции; апелляционные суды общей юрисдикции; верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суд автономной области, суды автономных округов; районные суды, городские суды, межрайонные суды; военные суды; специализированные суды общей юрисдикции) и суды общей юрисдикции субъектов Российской Федерации (мировые судьи). Данный нормативный правовой акт урегулировал правовые и организационные основы деятельности судов общей юрисдикции.

8 этап. Принятие 7 декабря 2011 г. Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам»[21], который закрепил место, роль и полномочия первого специализированного арбитражного суда – Суда по интеллектуальным правам. Суд по интеллектуальным правам является специализированным

[15] СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

[16] О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации : Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 223.

[17] Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации (вместе с «Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации») : Указ Президента Российской Федерации от 13 января 2023 г. № 10 (ред. от 09.10.2023) // СЗ РФ. 2023. № 3. Ст. 553.

[18] О мировых судьях в Российской Федерации : Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.

[19] СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3170.

[20] СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

[21] О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам : Федеральный конституционный закон от 6 декабря 2011 г. № 4-ФКЗ (ред. от 04.06.2014) // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7334.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

арбитражным судом, рассматривающим в пределах своей компетенции дела по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав, в качестве суда первой и кассационной инстанций.

9 этап. Принятие 5 февраля 2014 г. Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»[22], который упразднил Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, завершивший свою деятельность 5 августа 2014 г., и закрепил за Верховным Судом Российской Федерации звание высшего судебного органа по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, образованным в соответствии с федеральным конституционным законом, Верховный Суд Российской Федерации осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью этих судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

10 этап. Принятие 29 июля 2018 г. Федерального закона № 266-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»[23], который предусмотрел создание на основе экстерриториального принципа обособленных надрегиональных кассационных (9) и апелляционных (5) судов общей юрисдикции.

11 этап. Одобрение 1 июля 2020 г. в ходе общероссийского голосования изменений Конституции Российской Федерации, часть которых коснулась судебной системы России: отредактированы статьи главы 7, в т. ч. уточнены вопросы структуры судебной системы России, статуса и компетенции Конституционного Суда Российской Федерации[24]. В частности, Конституционному Суду России предоставлена возможность разрешать вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации.

12 этап. Упразднение с 1 января 2023 г. года конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации на основе Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»[25].

Возможные направления реформирования структуры судебной системы Российской Федерации.

1. Определенная в части 3 ст. 118 Конституции России структура системы судов является неполной с точки зрения фиксации в ней системы действующих негосударственных судов, решения которых обеспечиваются государственным принуждением (ст. 236 АПК РФ, ст. 423 ГПК РФ, ст. 353 КАС РФ). В данном случае речь идет о постоянно действующих третейских судах (арбитражах). В России по состоянию на 12 мая 2025 г. функционирует только 12 подобных учреждений, среди них:

– семь российских арбитражных центров, четыре из которых обладают общей компетенцией (Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС), Арбитражный центр при Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», Российский арбитражный центр при автономной некоммерческой организации «Российский институт современного арбитража», Арбитражное учреждение при Общероссийском отраслевом объединении работодателей «Союз машиностроителей России») и три – специальной (Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате Российской Федерации и Национальный Центр Спортивного Арбитража при автономной некоммерческой организации «Спортивная Арбитражная Палата», Арбитражный центр при Автономной некоммерческой организации «Национальный институт развития арбитража в топливно-энергетическом комплексе»)[26];

[22] О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

[23] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции : Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 266-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4855.

[24] Российская газета. 2020. 4 июля.

[25] О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы : Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. I). Ст. 8029.

[26] Депонированные правила арбитража // Министерство юстиции Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/deponirovannye-pravila-arbitrazha/ (дата обращения: 01.07.2025).

– пять иностранных арбитража общей компетенции (Гонконгский международный арбитражный центр, Венский международный арбитражный центр, Сингапурский международный арбитражный центр, Международный арбитражный суд при Международной торговой палате, Каирский региональный центр по международному коммерческому арбитражу)[27].

Обсуждения

Следуя букве закона, в настоящее время на территории Российской Федерации действуют:

1) арбитражи, администрируемые постоянно действующими арбитражными учреждениями[28];

2) арбитражи, осуществляемые третейскими судами, образованными сторонами для разрешения конкретного спора (*ad hoc*)[29];

3) арбитражные учреждения, которые рассматривают споры, возникающие в профессиональном спорте и спорте высших достижений, включая индивидуальные трудовые споры (ч. 1 ст. 36.2 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»[30]).

Диспозиция части 3 ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» закрепляет, что арбитраж рассматривает споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом. В данном случае речь идет как об арбитраже внутренних споров, так и о международном коммерческом арбитраже, местом которого является Российская Федерация.

В связи с изложенным возникает вопрос, следует ли включать в судебную систему России наряду с государственными судами и арбитражи (третейские суды)? К примеру, судебная система Англии и Уэльса образуется судами общей юрисдикции, иными судами или судами специальной юрисдикции, т. е. третейскими судами в т. ч. де-юре место данных судов не определено в Конституции России и федеральном конституционном законе о судебной системе, в то же время де-факто такие арбитражи существуют и разрешают споры в соответствии с законодательством. Очевидно, что арбитраж является юрисдикционной альтернативой судебному рассмотрению спора, также, собственно, это происходит[31] и в тех юрисдикциях, откуда данный институт был имплементирован[32]. Полагаем, что данная ситуация связана с историей появления арбитража в России в форме Госарбитража в 1931 году [5]. Несмотря на то, что институт арбитража является альтернативой судебному рассмотрению спора, имеется сущностная разница между арбитром в арбитраже и судьей в государственном арбитражном суде (суде общей юрисдикции) с точки зрения их роли в процессе. Данная позиция соответствует зарубежным исследованиям в указанной сфере[33].

Арбитраж (третейское разбирательство) наряду с медиацией[34] часто называют альтернативным способом разрешения споров между сторонами или квазисудебным органом. Таким образом, следовало бы нормативно определить место арбитража, как и медиации в качестве альтернативных процедур урегулирования споров, определить место третейского суда (арбитража) как квазисудебного органа в федеральном конституционном законе о судебной системе Российской Федерации и Конституции России, чтобы устранить существующий пробел.

Приведем пример одной из новелл, которая на законодательном уровне разрешает вопрос о возможности осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной

[27] Перечень иностранных арбитражных учреждений, признаваемых постоянно действующими арбитражными учреждениями // Там же. URL: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/perecheninostrannyharbitrazhnyhuchrezhdeniyvmac_nnPiCwp.docx (дата обращения: 01.07.2025).

[28] Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.

[29] О международном коммерческом арбитраже : Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 (ред. от 30.12.2021) // Российская газета. 1993. 14 августа. № 156.

[30] О физической культуре и спорте в Российской Федерации : Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

[31] Arden J. The Judicial System of England and Wales: A Visitor's Guide. London, UK: Judicial Office International Team, 2016. 52 p.

[32] Silverman J. How the Judicial System Works // HowStuffWorks : [website]. URL: http://people.howstuffworks.com/judicial-system.htm (дата обращения: 01.07.2025).

[33] Mehdi Gh. A., Khakestarian S. The Similarities and Differences between the Arbitration and Judgement Verdicts in Iran's Laws // Review of European Studies. 2017. Vol. 9. No. 1. P. 261. https://doi.org/10.5539/res.v9n1p261.

[34] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

регистрации (юридического акта признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества) на основании решений третейских судов.

Так, с 30 апреля 2021 г. вступили в силу отдельные положения Федерального закона от 30 апреля 2021 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[35], такие как дополнения в ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»[36], что основаниями для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав являются в т. ч. решения третейских судов, по которым выданы исполнительные листы в соответствии с вступившими в законную силу судебными актами судов общей юрисдикции или арбитражных судов, вместе с такими исполнительными листами.

По мнению автора, внесение такого рода дополнений в законодательство является важным аргументом в пользу нормативного закрепления места арбитража как квазисудебного органа в юрисдикционной системе государства. Поскольку в соответствии с действующим законодательством этим органам предоставлено право разрешать споры о праве [6], это возможно закрепить в федеральном конституционном законе о судебной системе Российской Федерации и Конституции России.

2. Судебная система, являясь воплощением судебной ветви государственной власти, испытывает на себе влияние извне, адресованное государству в целом. Государственное управление как явление общественной жизни постоянно сталкивается с изменениями и противостоит современным вызовам общественного развития, и для того чтобы гармонично преодолевать препятствия и повышать эффективность данной деятельности, следует принимать во внимание разнообразные факторы: национальные и международные, внутренние и внешние, технические и материальные. Современность характеризуется сменой VUCA[37] – мира на BANI[38] – мир, а затем на SHIVA[39] – мир[40], 4-й промышленной революцией[41], а будущее государств – как крипто-стран, блокчейн-государств[42] и бирюзовых организаций[43].

Судебная система в организационном аспекте испытывает влияние указанных выше факторов, о чем свидетельствуют изменения процессуального законодательства, касающиеся возможностей максимального использования в судебной деятельности информационно-коммуникационных технологий, использование постулатов «бережливого управления», «сервисного государства» и «слышащего государства». Технократические изменения в судебной системе обычно обозначаются как применение концепции «электронного правосудия». В данном контексте «электронное правосудие» рассматривается в парадигме предоставления государственных услуг, что, по мнению А. В. Аносова, нивелирует социальную сущность правосудия, выхолащивает достижения российской национальной правовой культуры по защите прав и законных интересов граждан[44].

---

[35] О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» : Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 120-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // СЗ РФ. 2021. № 18. Ст. 3064.

[36] О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

[37] VUCA – это акроним английских слов: volatility – нестабильность, uncertainty – неопределенность, complexity – сложность, ambiguity – неоднозначность.

[38] BANI – это акроним английских слов: brittle – хрупкий, anxious – тревожный, nonlinear – нелинейный, incomprehensible – непостижимый.

[39] SHIVA– это акроним английских слов: split – расщепленный, horrible – ужасный, inconceivable – невообразимый, vicious – беспощадный, arising – возрождающийся (VUCA, BANI, SHIVA, TACI: буквы, объясняющие мир // РБК : [сетевое издание]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/futurology/62866fde9a794701a4c38ae4?from=copy// (дата обращения: 01.07.2025)).

[40] Розин М. Восхождение по спирали. Теория и практика реформирования организаций / под ред.: С. Турко, В. Подобеда. Москва : Альпина Паблишер, 2022. 521 с.

[41] Лекция президента Школы «Сколково» Андрея Шаронова о концепции life-longlearning, работе с собой и внешним миром, личной эффективности. // HR по-русски : [сетевое издание]. URL: http://hr-elearning.ru/lekciya-prezidenta-skolkovo-life-long-vuca-effectivnost/ (дата обращения: 01.07.2025).

[42] Децентурион // Cryptowiki : [сайт]. URL: https://cryptowiki.ru/news/ynikalnoe-blockchain-gosydarstvo-decenturion.html (дата обращения: 04.01.2022).

[43] Бирюзовые организации - «организации будущего», или «живые организации». Это успешные компании, в которых вместо менеджеров – коучинг и самоуправление, вместо KPI – цели и ценности (См.: Лалу Ф. Открывая организации будущего / пер. с англ. В. Кулябиной. 3-е изд. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2018. 422 с.).

[44] Аносов А. В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. С. 12–13.

Электронное правосудие в системе электронного (цифрового) государства создается для достижения национальных целей – формирования информационного общества в Российской Федерации и обеспечения информационной безопасности. Электронное правосудие необходимо рассматривать не только как определенное технологическое решение по организации судопроизводства, но и как информационно-правовой механизм преобразования государства и социума путем обеспечения устойчивого информационного обмена между судебной системой и гражданами (организациями).

В октябре 2018 года была представлена концепция цифровизации государственного управления на 2018–2024 гг. – «Сервисное государство 2.0»[45], главный принцип которого состоит в т. ч. в полном исключении личного контакта представителей власти с заявителями.

Концепция «Сервисное государство 2.0» возникла как параллельный продукт национальной программы «Цифровая экономика», разработанной Минкомсвязи России во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[46]. Указанная национальная программа включает в себя шесть федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление», срок ее реализации – октябрь 2018 – 2024 гг. (включительно).

Повышение качества осуществления правосудия и совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций стали основными целями федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»[47]. Также была разработана Концепция развития информатизации судов общей юрисдикции на 2013–2024 гг. Концепция определяла направления, задачи, принципы и основные этапы создания в судах общей юрисдикции и в системе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации условий для электронного судопроизводства в целях повышения уровня доступности правосудия и доверия граждан, достижения максимальной прозрачности деятельности при соблюдении требований защиты персональных данных. Реализация Концепции будет осуществляться посредством модернизации и развития Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие») и формирования на ее базе единого информационного пространства федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей.

В качестве задач федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» предусматривала: обеспечение открытости и доступности правосудия; создание необходимых условий для осуществления правосудия; обеспечение независимости судебной власти; построение эффективной системы исполнительного производства, повышение открытости и доступности системы принудительного исполнения; модернизацию судебно-экспертной деятельности, осуществляемой государственными судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции Российской Федерации.

Таким образом, главным посылом данной Программы явились обеспечение современными информационными технологиями всего цикла правосудия – от обращения с исковым заявлением, проведения экспертизы по делу и вплоть до завершения исполнительного производства.

Основываясь на положениях данной программы и результатах ее реализации, А. В. Тищенко выделил следующие элементы механизма реализации электронного правосудия: 1) открытая информация; 2) дистанционная связь; 3) актуальный архив судебных решений; 4) электронный оборот документов; 5) интернет-информирование; 6) мобильное правосудие; 7) электронное консультирование; 8) электронный архив судебных дел; 9) электронное судебное сотрудничество; 10) электронная медиация [7].

Именно благодаря данной программе в оборот вошло понятие «электронное правосудие». Данная дефиниция по-разному толкуется исследователями. Ю. М. Жданова определяет электронное правосудие в двух аспектах – в узком и широком. В узком аспекте «электронное правосудие – это возможность суда и иных участников судебного процесса осуществлять предусмотренные нормативно-правовыми актами действия, непосредственно влияющие на начало и ход

[45] Представлена концепция «Сервисного государства» версии 2.0 // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры) : [официальный сайт]. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/38530/ (дата обращения: 01.07.2025).

[46] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

[47] О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы : постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 15.07.2024) // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

судебного процесса. Это и есть то, что мы называем „электронным судопроизводством". В широком аспекте „под электронным правосудием" понимается совокупность различных автоматизированных информационных систем – сервисов, предоставляющих средства для публикации судебных актов, ведения „электронного дела" и доступа сторон к материалам „электронного дела"» [8, с. 82].

М. Н. Зарубина и М. М. Новикова, исследуя с учетом существующей российской действительности электронное правосудие, считают необходимым понимать его как специфическую электронную форму процессуальных действий и документооборота, опосредующую отношения между судом, иными органами власти и участниками процесса, а также включающую электронное обеспечение органов власти и участников процесса [9].

Н. Н. Федосеева и М. А. Чайковская разграничивают категории «информатизация судов» и «электронное правосудие». Информатизация судов предполагает, что суды используют в своей деятельности компьютеры и иную технику в качестве средств обеспечения процесса, но не как процессуальное средство непосредственно. Несмотря на то, что информатизация судов в России идет полным ходом, единой сети для всех судов пока нет. Тем не менее, само по себе сведение судов в единую компьютерную сеть – это еще не электронное правосудие. Публикация всех судебных решений в интернете, появление веб-сайтов судов – тоже не электронное правосудие. «Электронное правосудие возникает тогда, когда в процессуальное законодательство будут внесены изменения, позволяющие совершать процессуальные действия в цифровой форме...» [10, с. 2].

Мы считаем возможным разделить именно эту точку зрения. Тем не менее и здесь имеет место смешение таких юридически не разграниченных понятий как «электронный» и «цифровой»[48]. В законодательстве следовало бы разграничить эти понятия.

Бесспорным является факт, что внедрение информационных технологий способно ускорить судопроизводство, сократить нагрузку на персонал суда, снизить стоимость процедур, повысить уровень открытости судебной системы и т. п. При этом могут быть выделены два основных подхода к информатизации судебной системы – оптимизация (автоматизация) процессов и трансформация процедур[49].

Согласно результатам исследований, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 году, Российская Федерация характеризуется высоким уровнем информатизации судебной системы. При этом лидером и пионером по внедрению и использованию новейших технологий является система арбитражных судов, в которых онлайн-правосудие можно считать состоявшимся фактом. Уровень информатизации российской системы экономического правосудия – 7,5 баллов из 11 по результатам экспертной оценки – превосходит показатели Австралии, Германии, Канады и соответствует уровню Сингапура и Китая [11].

Изложенное указывает, что цифровая трансформация (как следующий этап после автоматизации и цифровизации) является одним из приоритетных направлений модернизации судебной системы Российской Федерации, отвечающим современным потребностям развития общественных отношений, осложненных пандемией коронавирусной инфекции.

30 декабря 2021 г. Президент России Владимир Путин подписал закон[50], который с 1 января 2022 г. на законодательном уровне закрепил цифровизацию судебного процесса. Соответствующие изменения Арбитражного процессуального, Гражданского процессуального кодексов и Кодекса административного судопроизводства предусматривают, что иск или жалобу можно будет подать в электронном виде: через портал госуслуг или систему электронного документооборота; кроме того, появилась возможность направления электронных решений суда через Госуслуги и проведения судебных заседаний и получения объяснений в режиме веб-конференции.

В развитие идеи электронного правосудия Федеральный закон от 7 апреля 2025 г. № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»[51] закрепил с 1 июля 2025 г. возможность взаимодействовать с судами и должностными лицами, участвующими в рассмотрении дел об административных правонарушениях в рамках

[48] Зубов Г. Электронный или цифровой? Закон не видит разницы. // Криминалистическая Лаборатория Аудиовизуальных Документов (КЛАД) : [сайт]. URL: https://www.klad.media/post/электронный-или-цифровой-закон-не-видит-разницы (дата обращения: 01.07.2025).

[49] Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. Oxford, UK: Oxford University Press, 2019. 368 p.

[50] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 9.

[51] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 7 апреля 2025 г. № 59-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 15. Ст. 1785.

Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в электронном формате.

Подобные новеллы, на взгляд Р. А. Курбанова, Р. А. Гурбанова, А. М. Беляловой, цифровизация правосудия, минимизируют время, которое судья в обычном режиме тратит на работу с поступившей информацией, и упрощают процесс коммуникации по поводу такой информации со сторонами судебного спора и иными лицами, могут вернуть судьям возможность рассматривать судебные дела не только быстро, но и качественно, не утрачивая профессиональный стимул отыскать справедливое и законное начало в том или ином споре, принять верное правоприменительное решение [12].

Очередным витком технологического обеспечения судебной системы, возможно, станет использование искусственного интеллекта в организации отправления правосудия. Как утверждает С. В. Лазарев, непродуманные деритуализация, технологизация и цифровизация правосудия влекут иллюзию повышения его эффективности, снижение уровня доверия общества к суду и неминуемое разочарование[52]. Вместе с тем имеются результаты внедрения искусственного интеллекта: в Китае реализована концепция умного правосудия (*smart justice*). По мнению Гун Наня, инновационное развитие судебной системы в сочетании с глубоким синтезом интеллектуальных технологий создает объективную основу для применения интеллектуальных систем в судебном процессе. Однако двойственный характер технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) определяет, что при повышении судебной эффективности и переформатировании судебного процесса интеллектуальные системы также подвергаются воздействию традиционных юридических этических концепций, поэтому необходимо ограничить и контролировать применение ИИ на основе доктрины инструментализма и вспомогательного статуса ИИ в судебном процессе под влиянием рационализма [13, с. 230]. Данный вопрос требует глубокого осмысления.

Еще одним недостатком регулирования судебной системы Российской Федерации является отсутствие Федерального конституционного закона о специализированных судах в Российской Федерации, которые, в свою очередь делятся на специализированные суды общей юрисдикции и арбитражные специализированные суды (как уже отмечалось, в настоящее время действует только один специализированный суд, отнесенный к системе арбитражных судов – Суд по интеллектуальным правам).

Статья 26 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[53] определяет специализированные федеральные суды как суды по рассмотрению гражданских и административных дел, подсудных судам общей юрисдикции, а также экономических споров и иных дел, рассматриваемых арбитражными судами. Данной статьей установлено, что полномочия, порядок образования и деятельности специализированных федеральных судов устанавливаются федеральным конституционным законом. Перечисленные нормы и действующее процессуальное законодательство создали базу для последующего реформирования судебной системы России в направлении выделения специализированных административных и ювенальных судов, например, как это имеет место со своей страновой спецификой в Болгарии, Великобритании, Германии, Франции, Италии и др. [14].

Также в большинстве зарубежных стран действуют специализированные: финансовые суды – в Германии, налоговый суд – в США, суд по морским и торговым делам (Копенгаген) – в Дании, суд по трудовым делам – в Норвегии и т. д. [15].

Специализированные суды создаются по различным причинам. Как полагает А. Н. Приженникова, одним из несомненных достоинств специализированных судов можно считать повышение точности в вынесении судебных решений специализированных дел [16].

Выводы

Думается, в первую очередь в России следует создать административные суды по романо-германской модели как наиболее востребованные и законодательно проработанные.

Создание административных судов обосновывается, по нашему мнению, закреплением в ч. 2 ст. 118 Конституции России[54] положения, что судебная власть осуществляется в т. ч. посредством административного судопроизводства, в ч. 1 ст. 26 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» – возможности

[52] Лазарев С. В. Судебное управление движением дела в цивилистическом процессе: теоретические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 7.

[53] СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

[54] Российская газета. 2020. 4 июля.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

учреждения специализированных федеральных судов по рассмотрению административных дел путем внесения изменений и дополнений в указанный Федеральный конституционный закон. Еще одним аргументом в пользу создания административных судов в России может служить нормативное отсутствие процессуального единообразия при производстве в суде общей юрисдикции по делам об административных правонарушениях[55] и осуществлении административного судопроизводства[56], производстве в арбитражном суде по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Необходимость выделения специализированных административных судов определяется спецификой предметной области и субъективного состава административного права.

Российская судебная система – динамично развивающаяся структура, которая оперативно реагирует на изменяющиеся внешние и внутренние условия и вызовы. Все преобразования судебной системы России в совокупности последовательно претворяют в жизнь шестнадцатую цель устойчивого развития, состоящую в содействии построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечении доступа к правосудию для всех и создании эффективных, подотчетных и инклюзивных институтов на всех уровнях[57] (*peace, justice and strong institutions*). Термин «устойчивое развитие» означает «удовлетворение потребностей нынешнего поколения, без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [17, с. 85].

Список источников

1. *Марьина Е. В.* Трансформация судебной системы Российской Федерации на современном этапе // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 4. С. 70–75. https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-70-75

2. *Абова Т. Е.* Развитие судебной системы в России (гражданское судопроизводство) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 3. С. 120–137.

3. *Решетникова И. В.* Этапы судебной реформы в России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2182–2186.

4. *Гук П. А.* Судебная власть в России: историко-правовой взгляд на формирование и развитие / Место и роль теоретико-исторических правовых дисциплин в формировании гражданской позиции и чувства патриотизма обучающихся : материалы круглого стола, г. Владимир, 15 марта 2024 г. Владимир : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимирский филиал, 2024. С. 22–27.

5. *Григорьева А. Г., Жинкин С. А., Высоцкая Л. П.* Эволюция органов арбитражной системы в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 7. С. 93–96. https://doi.org/10.23672/SAE.2018.2018.15800

6. *Можаев Е. Е., Сафронов Н. С.* Третейские суды как часть юрисдикционной системы // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 4 (9). С. 45–54.

7. *Тищенко А. В.* Электронное правосудие: судебное реформирование к 2020 году // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 65–69.

8. *Жданова Ю. А.* Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 80–83.

9. *Зарубина М. Н., Новикова М. М.* К вопросу о сущности электронного правосудия в Российской Федерации // Администратор суда. 2017. № 1. С. 9–12.

10. *Федосеева Н. Н., Чайковская М. А.* Электронное правосудие в России и в мире // Администратор суда. 2011. № 3. С. 2–6.

11. *Кашанин А. В., Козырева А. Б., Курносова Н. А., Малов Д. В.* Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы : Россия и мир : аналитический доклад. Москва : Высшая школа экономики, 2020. 81 с.

12. *Курбанов Р. А., Гурбанов Р. А., Белялова А. М.* Информационные технологии и правосудие: Россия и зарубежный опыт // Экономика. Право. Общество. 2019. № 3 (19). С. 56–63.

13. *Нань Гун.* Судебное применение и ограничения искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, № 1. С. 230–251. https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.117

14. *Малышкин А. В.* Специализированные суды в контексте дифференциации и интеграции судебных юрисдикций // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 240–246. https://doi.org/10.17223/15617793/446/31

15. *Кистринова О. В.* Специализированные суды: опыт России и зарубежных стран // Российский судья. 2015. № 2. С. 9–11.

16. *Приженникова А. Н.* Перспективы развития специализированных судов в России // Юридические исследования. 2014. № 6. С. 116–129. https://doi.org/10.7256/2305-9699.2014.6.11845

17. *Шамахов В. А., Суслов Ю. Е.* Государственное управление устойчивым развитием России: проблемы и направления их решения // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2013. Т. 9, № 4 (21). С. 82–94.

[55] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[56] СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[57] Goals 16: Promote peaceful and inclusive societies for sustainable development, provide access to justice for all and build effective, accountable and inclusive institutions at all levels // United Nations [website]. URL: https://sdgs.un.org/goals/goal16 (дата обращения: 01.07.2025).

Научная статья
УДК 340.131.5; 342.843.1

Проверка конституционности избирательного законодательства в части регламентации выдвижения и регистрации кандидата на выборную должность

Елена Евгеньевна Новопавловская, кандидат юридических наук, доцент

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
Самара (443086, Московское шоссе, д. 34), Российская Федерация
novopavlovskayae@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-5103-1427

Аннотация:
Введение. *Автор рассуждает о концептуальных избирательных нововведениях, выявляет проблемы регламентации выдвижения и регистрации кандидата в депутаты и на иную выборную должность, а также проблемы правоприменительной практики в части реализации пассивного избирательного права. Сделан вывод, что динамичность развития избирательного законодательства демонстрирует необходимость постоянного совершенствования правовых механизмов защиты избирательных прав, в т. ч. посредством рычагов конституционного судопроизводства. Анализируя практику Конституционного Суда Российской Федерации, автор выявляет ряд закономерностей, касающихся проблем регулирования и реализации порядка выдвижения и регистрации кандидата на выборную должность.*
Методы. *В статье используется комплексный подход, сочетающий применение различных методов исследования (анализ, синтез, дедукция, индукция, статистический метод, метод сравнительного правоведения, эмпирические методы и др.), апробированных наукой конституционного права.*
Результаты. *В результате исследования автор приходит к выводу, что, признавая неконституционность отдельных положений избирательного законодательства, Конституционный Суд Российской Федерации не только выводит их из правового пространства, но и оказывает существенное влияние на их корректировку, поскольку возлагает на законодателя обязанность по внесению соответствующих изменений и дополнений.*

Ключевые слова:
избирательный процесс, кандидат, выдвижение, регистрация, правовая неопределенность, Конституционный Суд

Для цитирования:
Новопавловская Е. Е. Проверка конституционности избирательного законодательства в части регламентации выдвижения и регистрации кандидата на выборную должность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 56–63.

Статья поступила в редакцию 12.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Verification of the constitutionality of electoral legislation in terms of regulating the nomination and registration of candidates for elected office

Elena E. Novopavlovskaya, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Samara National Research University
(34, Moscow high., Samara, 443086, Russian Federation
novopavlovskayae@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-5103-1427

Abstract:
Introduction. *The The author discusses conceptual electoral innovations, identifies problems in regulating the nomination and registration of candidates for deputies and other elected positions, as well as problems in law enforcement practice in terms of the implementation of passive electoral rights. It is concluded that the dynamic development of electoral legislation demonstrates the need for continuous improvement of legal mechanisms for the protection of electoral rights by means of constitutional proceedings. Analysing the practice of the Constitutional Court*

Keywords:
electoral process, candidate, nomination, registration, legal uncertainty, Constitutional Court

© Новопавловская Е. Е., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

of the Russian Federation, the author identifies a number of patterns relating to the problems of regulating and implementing the procedure for nominating and registering candidates for elected office

Methods. *The article uses a comprehensive approach combining various research methods (analysis, synthesis, deduction, induction, statistical methods, comparative law methods, empirical methods, etc.). These methods have been tested by constitutional law science.*

Results. *As a result of the study, the author concludes that, by recognising the unconstitutionality of certain provisions of electoral law, the Constitutional Court of the Russian Federation not only removes them from the legal sphere, but also has a significant influence on their amendment, as it imposes on the legislator the obligation to make the relevant changes and additions.*

For citation:
Novopavlovskaya E. E. Verification of the constitutionality of electoral legislation in terms of regulating the nomination and registration of candidates for elected office // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 56–63.

The article was submitted September 12, 2025; approved after reviewing October 20, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

К числу основополагающих политических прав и свобод личности относится гарантированное на конституционном уровне и детализированное нормами избирательного законодательства право избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Порой от того, насколько совершенен этот пласт законодательства Российской Федерации, напрямую зависят результаты выборов. В процессе их проведения, в т. ч. на стадии выдвижения и регистрации кандидата, в связи с проблемами правотворческого характера итог избирательного процесса может существенно отличаться от того, который заранее прогнозировался кандидатом (кандидатами) на выборную должность или политической партией.

Несмотря на то, что федеральные законы, регламентирующие порядок назначения и проведения выборов[1], существуют уже многие годы и подвергаются регулярным корректировкам, говорить об их совершенстве в полной мере не приходится, о чем свидетельствует практика конституционного судопроизводства. Для наглядности приведем статистические данные за прошлый полный 2024 год, когда в Конституционный Суд Российской Федерации поступило 2 161 обращение по вопросам оспаривания конституционности регулирования различных аспектов избирательного права и права на участие в референдуме. Конституционный Суд Российской Федерации не раз выносил постановления, выводя из правового пространства неконституционные нормы избирательного законодательства, и возлагал на законодателя (как федерального, так и регионального) обязанность внести соответствующие изменения и дополнения с учетом сформулированных им правовых позиций. Сказанное свидетельствует не только об актуальности и значимости темы исследования, но и объясняет научный интерес ученых к обозначенной проблематике. Авторы активно исследуют отдельные составляющие цензовых требований и оснований отказа в регистрации кандидатов на выборные должности в органы публичной власти различного уровня [1, с. 69–79; 2, с. 20–23; 3, с. 46–50; 4, с. 42–54; 5, с. 87–97; 6, с. 130–144; 7, с. 42–45; 8, с. 33–42; 9, с. 17–19; 10, с. 35–38; 11, с. 11–15], дискутируют относительно защиты избирательных прав и обжалования решений избирательных комиссий об отказе в регистрации кандидатов [12, с. 31–40; 13, с. 62–64], акцентируя внимание в т. ч. на практику конституционного судопроизводства [14, с. 51–53; 15, с. 49–52].

Методы

В статье используется комплексный подход, сочетающий применение различных методов исследования (анализ, синтез, дедукция, индукция, статистический метод, метод сравнительного правоведения, эмпирические методы и др.), апробированных наукой конституционного права. В частности, статистический метод использовался для анализа количественных показателей обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, эмпирические методы включали анализ судебной практики. Подобный комплексный подход, сочетающий разные методы исследования, позволяет не только выявлять отдельные проблемы регламентации избирательного законодательства в части выдвижения и регистрации кандидата на выборную должность, но и определить эффективность существующих и применяемых на практике механизмов защиты

[1] Например, Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2002. № 24. Ст. 2253 ; О выборах Президента Российской Федерации : Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171 ; О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740 и др.

избирательных прав, а также сформулировать некоторые предложения по оптимизации процедуры выдвижения и регистрации кандидата.

Результаты

Мониторинг практики конституционного судопроизводства по делам об оспаривании норм избирательного законодательства в части регламентации выдвижения и регистрации кандидата на выборную должность позволяет вывести некоторые закономерности и сделать выводы относительно круга заявителей, предмета рассмотрения, содержания вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации решений и сформулированных в них правовых позиций.

Во-первых, по исследуемым категориям дел имели место как индивидуальные, так и коллективные обращения в Конституционный Суд Российской Федерации[2]. Делая акцент на государственную принадлежность заявителей, констатируем, что в качестве таковых по данным категориям дел выступали граждане Российской Федерации, что объяснимо, поскольку по общему правилу пассивное избирательное право принадлежит именно российским гражданам. Исключение составляют лишь муниципальные выборы, в которых, согласно п. 10 ст. 4 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ[3] (далее – ФЗ № 67), правомочны участвовать иностранные граждане при соблюдении ряда условий легитимности осуществления различных избирательных действий. К числу таковых условий законодатель относит:

– постоянное проживание на территории соответствующего муниципального образования;

– наличие международного договора между Российской Федерацией и государством, гражданином (подданным) которого является данный кандидат[4].

Однако практике конституционного судопроизводства последних лет неизвестны случаи обращения иностранных граждан, ставящих перед Конституционным Судом Российской Федерации вопрос об оценке конституционности норм о принадлежащем им пассивном избирательном праве.

Во-вторых, нередко свою неудовлетворенность регламентацией различных аспектов выдвижения и регистрации кандидатов высказывали политические партии (например, «Коммунистическая партия Российской Федерации», «Партия Дела», «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко», «Справедливая Россия» и др.) и их региональные отделения, представляющие в территориальном разрезе различные точки нашей страны, в т. ч. Оренбургскую область[5], Псковскую область[6], Республику Северная Осетия – Алания[7], Санкт-Петербург[8] и др. Рассуждая об электоральном статусе политических партий и их региональных отделений

[2] Например, По делу о проверке конституционности подпунктов «а», «е» пункта 14.1 статьи 35, подпункта «в» пункта 24 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также пункта 6 части 1, пункта 4 части 2 статьи 27 и пункта 3 части 24 статьи 30 Закона Московской области «О муниципальных выборах в Московской области» в связи с жалобой гражданина М. Ю. Серяпова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2020 г. № 43-П // СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 7059 ; По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38 и пункта 1 статьи 39 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. С. Цукасова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2021 г. № 6-П // СЗ РФ. 2021. № 12. Ст. 2131.

[3] СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

[4] Аналогичные по содержанию нормы содержатся также в иных нормативных правовых актах, например, в ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032).

[5] Например, По делу о проверке конституционности пункта 14.2 статьи 35 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой Оренбургского областного отделения политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2023 г. № 31-П // СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4648.

[6] Например, По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 23 Федерального закона «О некоммерческих организациях», пункта 5 статьи 27 Федерального закона «О политических партиях», подпункта «л» пункта 1 статьи 5 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», подпункта «б» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и подпункта «б» пункта 9 статьи 36 Избирательного кодекса Псковской области в связи с жалобой Псковского регионального отделения политической партии «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 марта 2025 г. № 12-П // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1364.

[7] Например, По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 37 и 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части 3 статьи 37.2 Закона Республики Северная Осетия - Алания «О выборах депутатов Парламента Республики Северная Осетия - Алания» в связи с жалобами Регионального отделения Всероссийской политической партии «Партия дела» в Республике Северная Осетия – Алания : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 мая 2024 г. № 23-П // СЗ РФ. 2024. № 22. Ст. 3037.

[8] Например, По делу о проверке конституционности части 15 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой регионального отделения политической партии «Справедливая Россия» в городе Санкт-Петербурге : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2018 г. № 42-П // СЗ РФ. 2018. № 48. Ст. 7491.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

в части предоставления им как избирательным объединениям возможности выдвижения кандидатов (списков кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности, Конституционный Суд Российской Федерации справедливо подчеркнул влияние конституционной природы права граждан на объединение и свободу деятельности общественных объединений, гарантированных ч. 1 ст. 30 Конституции Российской Федерации[9]. Реализовать право на выдвижение кандидата (списков кандидатов) в соответствии со ст. 36 Федерального закона «О политических партиях»[10] возможно только в случаях, когда официальное опубликование решения о назначении соответствующих выборов состоялось после представления политической партией в уполномоченные органы документов, которые подтверждают государственную регистрацию ее региональных отделений не менее чем в половине субъектов Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации также заметил, что политическая партия и ее региональные отделения, выдвигая списки кандидатов, реализует право граждан на свободное объединение для участия в политической жизни, в т. ч. посредством выборов в органы публичной власти. Это означает направленность данных действий на достижение основных целей деятельности политических партий, ради которых они создаются[11].

В-третьих, предмет рассмотрения составляли нормы не только профильных избирательных федеральных законов[12] (в т. ч. от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ[13], от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ[14], от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ[15]), но и иных федеральных актов[16], включая положения федеральных законов «О политических партиях»[17], «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[18], Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации[19] и др.

В-четвертых, нередко в разные годы по жалобам заявителей Конституционный Суд Российской Федерации был вынужден одномоментно давать оценку конституционности норм федерального и регионального законодательства[20] (например, положений Избирательного

---

[9] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

[10] О политических партиях : Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

[11] Например, СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1364.

[12] Например: По делу о проверке конституционности подпункта 57 статьи 2 и подпунктов «в», «в.1» пункта 24 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Е.Г. Силаевой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2024 г. № 27-П // СЗ РФ. 2024. № 23 (ч. II). Ст. 3271 ; По жалобе гражданки Пеуновой Светланы Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 36 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2012 г. № 1058-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 1 ; По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений части 5 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2016 г. № 1742-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2017. № 3.

[13] СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

[14] СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171.

[15] СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.

[16] Например: СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1364 ; По делу о проверке конституционности части 3 статьи 40 и пункта 6 части 1 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также пункта 2 статьи 27 Закона Санкт-Петербурга «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» в связи с жалобой граждан А. А. Афиногенова, В. А. Вольского и других : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2021 г. № 50-П // СЗ РФ. 2021. № 49 (ч. II). Ст. 8396 ; По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И. Л. Трунова и М. В. Юревича : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2017 г. № 11-П // СЗ РФ. 2020. № 15 (ч. IV). Ст. 2431.

[17] СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

[18] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

[19] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[20] Например: По делу о проверке конституционности подпункта «л» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пункта 10 части 9 статьи 41 Закона Вологодской области «О выборах депутатов Законодательного Собрания Вологодской области» в связи с жалобой общественного объединения «Политическая партия «Союз правых сил» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 марта 2008 г. № 4-П // СЗ РФ. 2008. № 11 (ч. 2). Ст. 1073 ; По делу о проверке конституционности пункта 32 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», подпункта «к» пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О политических партиях», части 3 статьи 30 Закона Краснодарского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской

кодекса города Москвы[21], Закона Вологодской области «О выборах депутатов Законодательного Собрания Вологодской области»[22], Закона Краснодарского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края»[23], Закона Московской области «О муниципальных выборах в Московской области»[24], Закона Оренбургской области «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Оренбургской области»[25] и др.). Констатируем, что подобного рода случаи вовсе не редкость для конституционной практики.

В-пятых, с точки зрения поводов обращения и содержания подвергаемых проверке законоположений можно признать, что нередко они касались отказов избирательных комиссий регистрировать кандидата на выборную должность или отказа заверять список кандидатов. Интерес в связи с этим представляют сразу несколько решений Конституционного Суда Российской Федерации. Например, в постановлении от 7 июня 2023 г. № 31-П Суд обозначил сразу несколько проблем необоснованного отказа в заверении списка кандидатов: технические ошибки (опечатки), допущенные в оформлении представленных в избирательную комиссию документов в отношении отдельных кандидатов; отсутствие четких механизмов исправления технических ошибок в документах; нарушение баланса между контролем и обеспечениям соблюдения избирательных прав[26]. Защита избирательных прав граждан является приоритетной задачей, поэтому, как верно заметил Конституционный Суд Российской Федерации, ошибки в оформлении документов не должны приводить к отказу к заверению всего списка кандидатов. В таких ситуациях избирательные комиссии обязаны принимать меры для уточнения информации, содержащейся в данных документах, а также обеспечивать возможность исправления технических ошибок, поскольку отказ в заверении списка должен быть обоснованным и соразмерным. В противном случае имеет место необоснованное ограничение пассивного избирательного права и нарушение принципа справедливости участия политических партий в избирательном процессе. Поддерживая позицию Оренбургского областного отделения политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации», являющегося заявителем по данному делу, Суд констатировал наличие правовой неопределенности в исследуемых законоположениях и обязал федерального законодателя с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в данном постановлении, внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

Федерации в связи с жалобой гражданина В. З. Измайлова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2009 г. № 16-П // СЗ РФ. 2009. № 47. Ст. 5709 ; СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 7059 ; По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38, пунктов 5 и 17 статьи 63 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также пункта 4 части 5 статьи 35 Избирательного кодекса города Москвы в связи с жалобой гражданки Г. М. Вирясовой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2022 г. № 50-П // СЗ РФ. 2022. № 48. Ст. 8579 ; По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 25, 26 и 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части 1 статьи 35 Закона Оренбургской области «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Оренбургской области» в связи с жалобами Оренбургского областного отделения политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации», а также граждан О. П. Ведяшкиной, Н. Н. Лепикоршевой и С. У. Шинтемировой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2024 г. № 57-П // СЗ РФ. 2024. № 52. Ст. 8483 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы регионального отделения политической партии «Партия Возрождения России» в городе Москве на нарушение его конституционных прав пунктом 14.2 статьи 35 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и частью 9 статьи 33 Избирательного кодекса города Москвы : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2024 г. № 2965-О // Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт) : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-12112024-n-2965-o/ (дата обращения: 12.08.2025).

[21] Избирательный кодекс города Москвы : Закон г. Москвы от 6 июля 2005 г. № 38 (ред. от 08.05.2024) // Ведомости Московской городской Думы. 2005. № 8. Ст. 166.

[22] О выборах депутатов Законодательного Собрания Вологодской области : Закон Вологодской области от 9 июня 2003 г. № 909-ОЗ (ред. от 12.12.2024) // Красный Север. 2003. 17 июня. № 118–119.

[23] О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края : Закон Краснодарского края от 21 августа 2007 г. № 1315-КЗ (ред. от 04.06.2025) // Кубанские новости, 2007. 22 августа. № 134.

[24] О муниципальных выборах в Московской области : Закон Московской области от 4 июня 2013 г. № 46/2013-ОЗ (ред. от 08.04.2025) // Ежедневные новости. Подмосковье. 2013. 10 июня. № 102.

[25] О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Оренбургской области : Закон Оренбургской области от 9 июня 2022 г. № 321/100-VII-ОЗ (ред. от 17.06.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5600202206100006 (дата обращения: 12.08.2025).

[26] По делу о проверке конституционности пункта 14.2 статьи 35 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой Оренбургского областного отделения политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2023 г. № 31-П // СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4648.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Годом позднее также по жалобе Оренбургского областного отделения политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации вновь давал оценку конституционности положений ФЗ № 67[27]. Заявители поставили под сомнение конституционность регламентации порядка заверения списков кандидатов, сроков предоставления документов для регистрации кандидатов, процедуры обжалования решений избирательных комиссий и сроков рассмотрения избирательных споров. В постановлении от 13 декабря 2024 г. № 57-П Суд обозначил ряд проблемных вопросов правового регулирования:

– пресекательный характер сроков подачи документов для регистрации кандидатов;

– отсутствие возможности восстановления пропущенных сроков при обжаловании решений избирательных комиссий;

– сложности с реализацией пассивного избирательного права при наличии положительного судебного решения об оспаривании первоначального отказа в регистрации кандидата и др.[28].

Признавая конституционность положений о сроках подачи документов для регистрации кандидата, Конституционный Суд Российской Федерации между тем подчеркнул, что механизм их применения не должен лишать кандидата права на судебную защиту. Более того, по мнению Суда, необходимо проведение корректировки избирательного законодательства (в т. ч. абз. 2 п. 1, п. 18 ст. 38 ФЗ № 67, ч. 1 ст. 35 Закона Оренбургской области «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Оренбургской области»[29]) в части создания эффективных механизмов восстановления нарушенных избирательных прав кандидата, в случае пропуска им установленного законом срока представления документов для регистрации, когда данный пропуск был вызван первоначальным отказом избирательной комиссии в заверении списка кандидатов, и этот отказ был признан незаконным на основании соответствующего решения суда. Уточнение избирательного законодательства на двух территориальных уровнях по обозначенному направлению, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, приведет к обеспечению реального баланса между интересами всех участников избирательного процесса.

Вопрос о конституционности норм, регламентирующих процедуру выдвижения кандидатов от политических партий, также стал предметом рассмотрения в 2025 году по жалобе Псковского регионального отделения политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко». В этом случае Конституционный Суд Российской Федерации проводил оценку конституционности норм не только избирательного законодательства (федерального и Псковской области), но и иных актов, в частности, федеральных законов «О некоммерческих организациях»[30] и «О политических партиях»[31] в части регулирования вопроса о моменте возникновения у руководителя регионального отделения политической партии полномочий по подписанию документов о выдвижении кандидатов. Суть спорной ситуации состояла в том, что суды, в которые обращался заявитель ранее, исходили из того, что такие полномочия возникают у руководителя регионального отделения политической партии только после внесения сведений в единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ). В постановлении от 18 марта 2025 г. № 12-П Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал несколько принципиально важных правовых позиций[32], констатировав следующее:

– политическая партия как избирательное объединение имеет особый публично-правовой статус;

– государственная регистрация политической партии не должна ограничивать ее участие в избирательном процессе, выступая избыточным препятствием для участия в выборах;

– если руководитель регионального отделения политической партии был избран в установленном законодательстве порядке, то он правомочен заверять документы о выдвижении кандидатов до внесения сведений в ЕГРЮЛ. Формулируя подобную правовую позицию, Суд исходил из факта недопустимости применения норм о порядке государственной регистрации политической партии к процессу выдвижения кандидатов, поскольку эти требования рассчитаны на регулирование не избирательных, а гражданских правоотношений. Конституционный Суд Российской Федерации справедливо обратил внимание на приоритет публично-правового статуса политических партий и избирательных прав граждан над гражданско-правовыми

[27] СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

[28] СЗ РФ. 2024. № 52. Ст. 8483.

[29] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5600202206100006 (дата обращения: 12.08.2025).

[30] О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

[31] СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

[32] СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1364.

требованиями о государственной регистрации политических партий. Итогом рассмотрения данного дела стало признание нарушений конституционных принципов равенства, справедливости, соразмерности, а также констатация наличия правовых неопределенностей и необходимости проведения соответствующих законодательных корректировок в целях создания реальных правовых гарантий для беспрепятственного участия политических партий в выборах.

Иное содержание правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации имело место в постановлении от 30 мая 2024 г. № 27-П[33]. Заявитель, зарегистрированный в качестве самозанятого лица, оспаривал конституционность регламентации положений избирательного законодательства, определяющих род занятий кандидата на выборную должность и устанавливающих основания для отказа в регистрации кандидата. В частности, заявитель счел нарушением своих избирательных прав законодательное определение рода занятий кандидата как документально подтвержденной деятельности, которая приносит доход[34], а также усомнился в конституционности установления требований к документам для регистрации кандидата на выборную должность и закреплении последствий отсутствия таковых документов. Соглашаясь с доводами заявителя, Суд констатировал недопустимость создания необоснованных препятствий для нарушения пассивного избирательного права, подчеркнув, что информация о роде занятий кандидата должна быть достоверной, а информирование избирателей о роде занятий кандидата может осуществляться любыми доступными способами. В свою очередь, отсутствие документа о роде занятий (при условии отсутствия существенных нарушений предоставления иных документов, необходимых для регистрации кандидата) не может служить основанием для отказа в его регистрации на выборную должность. Признавая исследуемые положения ФЗ № 67[35] неконституционными, Конституционный Суд Российской Федерации устранил выявленную правовую неопределенность, фактически уточнив требования к документальному подтверждению статуса кандидата.

Заключение

Таким образом, несмотря на обширный пласт избирательного законодательства, подвергающегося систематическим изменениям и дополнениям, говорить о его совершенстве все-таки не приходится, что приводит к наличию проблем правоприменительной практики и нарушениям гарантированных Конституцией Российской Федерации избирательных прав граждан. В целях их устранения гражданине и их объединения используют различные правозащитные механизмы, включая рычаги конституционного судопроизводства, высказывая свою неудовлетворенность регламентацией различных аспектов выдвижения и регистрации кандидата в депутаты и на иную выборную должность. Конституционное правосудие в таком случае, как верно отмечает В. И. Ерыгина, выступает в качестве гарантии восстановления избирательных прав граждан и политических партий [3].

Признавая нарушение принципов равенства, справедливости, целесообразности и соразмерности введения ограничений пассивного избирательного права установленным конституционным целям, Конституционный Суд Российской Федерации выводит из правового пространства подобные нормы, формулирует значимые правовые позиции и возлагает на законодателя (как федерального, так и регионального) обязанность по проведению соответствующих законодательных корректировок в части уточнения и дополнения условий и порядка выдвижения и регистрации кандидата (кандидатов) в депутаты и на иную выборную должность, подчеркивая недопустимость создания избыточных барьеров при реализации пассивного избирательного права, а также необходимость четкого и недвусмысленного правового регулирования избирательного процесса. Порой, исследуя законоположения, имеющие различную отраслевую принадлежность, Конституционный Суд Российской Федерации вынужден подчеркивать приоритет определенного правового регулирования, призванного обеспечить баланс между реализацией пассивного избирательного права и контролем.

---

[33] СЗ РФ. 2024. № 23 (часть II). Ст. 3271.

[34] Для справки: в п. 6.6.2. Методических рекомендаций по внедрению электронного документооборота в целях обеспечения популяризации использования электронного документооборота среди граждан и организаций Российской Федерации самозанятый определен как физическое лицо, зарабатывающие своей деятельностью без привлечения наемных сотрудников или сдающее в аренду недвижимость. Далее отмечается, что его статус не исключает отсутствие дохода, а, следовательно, и фиксированных платежей (Методические рекомендации по внедрению электронного документооборота в целях обеспечения популяризации использования электронного документооборота среди граждан и организаций Российской Федерации (утв. ФНС России) // ЮИС Легалакт) : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-vnedreniiu-elektronnogo-dokumentooborota-v-tseljakh-obespechenija/ (дата обращения: 12.08.2025)).

[35] СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Завершить настоящее исследование хотелось бы весьма точным и содержательным признанием Конституционным Судом Российской Федерации того факта, что, регулируя избирательные правоотношения, законодатель должен учитывать природу народного представительства и конституционное предназначение выборов, соблюдать общепризнанные принципы (стандарты) избирательного права, обеспечивать справедливые процедуры реализации избирательных прав граждан, включая выдвижение и регистрацию кандидатов, и избегать необоснованного ограничения электоральной политической конкуренции[36].

Список источников

1. *Ахременко А. С.* Криминальный ценз как основание для ограничения пассивного избирательного права // Российский юридический журнал. 2025. № 1. С. 69–79. https://doi.org/10.34076/20713797_2025_1_69

2. *Беляев А. И.* Неуказание сведений о судимости как основание для отказа в регистрации кандидата // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 10. С. 20–23. https://doi.org/10.18572/1813-1247-2024-10-20-23

3. *Ерыгина В. И.* Восстановление гарантий избирательных прав граждан и политических партий посредством конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 10. С. 46–50. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-10-46-50

4. *Коновальчиков Я. А.* Принцип равенства политических партий в избирательном процессе // Российский юридический журнал. 2021. № 4 (139). С. 42–54. https://doi.org/10.34076/20713797_2021_4_42

5. *Корнев В. Н.* Процедура проведения собрания и регистрации группы избирателей для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации: конституционно-правовая ответственность за ее нарушение // Правосудие. 2024. Т. 6, № 2. С. 87–97. https://doi.org/10.37399/2686-9241.2024.2.87-97

6. *Лютова О. И.* Соотношение понятий «самозанятый» и «плательщик налога на профессиональный доход» в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Правосудие. 2025. № 1. С. 130–144. https://doi.org/10.37399/2686-9241.2025.1.130-144

7. *Макарцев А. А.* Наличие иностранных финансовых инструментов как основание отказа в регистрации кандидатов // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 6. С. 42–45. https://doi.org/10.18572/1813-1247-2022-6-42-45

8. *Маркина Л. Л.* Активное и пассивное избирательное право: взаимосвязь и конституционное регулирование // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 7. С. 33–42. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.176.7.033-042

9. *Попова Е. А.* Нарушение требований законодательства о политических партиях в части извещения уполномоченного органа о проведении партийного мероприятия, связанного с выдвижением кандидата на выборах, как основание для отказа в регистрации кандидата // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 4. С. 17–19. https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-4-17-19

10. *Попова Е. А.* Нарушения требований законодательства о политических партиях при проведении партийного мероприятия как основания для отказа в заверении списка кандидатов на выборах депутатов регионального парламента: некоторые правовые позиции Верховного Суда РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 10. С. 35–38. https://doi.org/10.18572/1813-1247-2022-10-35-38

11. *Пресняков М. В.* Ограничение пассивного избирательного права в новых субъектах Российской Федерации: проблемы нормативного регулирования // Современное право. 2024. № 8. С. 11–15. https://doi.org/10.25799/NI.2024.72.83.002

12. *Постников А. Е.* Органы публичной власти как участники избирательного процесса // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 7. С. 31–40. https://doi.org/10.12737/jrl.2021.084

13. *Савченко М. С., Лихолатов Г. С.* Современные технологии в избирательном процессе: особенности и перспективы развития // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 62–64. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-12-62-64

14. *Попова Е. А.* Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2021 г. № 6-П: условия, запрещающие отмену в судебном порядке решения избирательной комиссии о регистрации кандидата // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 10. С. 51–53. https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-10-51-53

15. *Комлев Е. Ю.* Обжалование решений избирательных комиссий о регистрации кандидатов в контексте Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2021 г. № 6-П // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 49–52. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-10-49-52

[36] СЗ РФ. 2024. № 52. Ст. 8483.

Научная статья
УДК 342.2

Понятие и место продовольственной безопасности в системе национальной безопасности

Александр Владимирович Токолов[1], кандидат юридических наук
Игорь Александрович Владимиров[2], кандидат юридических наук, доцент

[1] Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва (125167, Ленинградский пр-т, д. 49/2), Российская Федерация
[2] Уфимский университет науки и технологий
Уфа (450076, ул. Заки Валиди, д. 32), Российская Федерация
[1] altok40@mail.ru, [2] docentufa@mail.ru
[1] https://orcid.org/0009-0007-9863-6419, [2] https://orcid.org/0000-0003-0891-1573

Аннотация:
Введение. *Актуальность темы исследования понятия и места продовольственной безопасности в системе национальной безопасности обусловлена тем, что современный период характеризуется геополитическим и санкционным давлением на развитие экономики Российской Федерации.*
Цель исследования заключается в разработке теоретических основ, а именно определения места и понятия «продовольственная безопасность» в системе национальной безопасности в быстро меняющихся современных условиях, а также в условиях необходимости экологизации аграрного предпринимательства.
По мнению авторов, оптимальные решения и современные подходы в выработке теоретических основ обеспечения «продовольственной безопасности» еще не найдены. Сложность определения понятия «продовольственная безопасность» связана с тем, что данная сфера правового регулирования тесно взаимосвязана и взаимообусловлена проблемой устойчивого развития сельского хозяйства и сельских территорий, экологизацией аграрного производства.
Методы. *Методологическую основу исследования развития системы правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности, где главными субъектами являются сельскохозяйственные товаропроизводители, составляют общенаучные методы познания общественных явлений, включая исторический метод, а также синтез научных знаний различных направлений.*
Результаты. *В статье рассматриваются методологические и теоретические основы формирования понятия «продовольственная безопасность». Авторами определено, что данное понятие является ключевым в процессе исследования развития системы правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности, при этом исследования должны строиться на понимании особенности исторического периода развития государства в условиях геополитического и санкционного давления. Сделан вывод, что обеспечение продовольственной, экологической и биологической безопасности являются взаимозависимыми и взаимообусловленными задачами в современных условиях наравне с обеспечением роста доходов сельского населения, эффективности аграрного производства и устойчивого развития сельских территорий. Выявлена неразрывная взаимосвязь, а также взаимозависимость национальной безопасности Российской Федерации от уровня социально-экономического развития страны.*
Проанализирована эволюция понятия «продовольственная безопасность» в историческом аспекте. Сформулировано авторское определение понятия «продовольственной безопасности» на современный период.

Ключевые слова:
продовольственная безопасность, правовое регулирование, законодательство, национальная безопасность, экономика, сельскохозяйственное производство

Для цитирования:
Токолов А. В., Владимиров И. А. Понятие и место продовольственной безопасности в системе национальной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 64–72.

Статья поступила в редакцию 04.07.2025; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принята к публикации 25.12.2025.

© Токолов А. В., Владимиров И. А., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

The concept and place of food security in the national security system

Aleksandr V. Tokolov[1], Cand. Sci. (Jurid.)
Igor A. Vladimirov[2], Cand. Sci. (Jurid.), Docent

[1] Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
[1] Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2, Leningradskiy ave., Moscow, 125167, Russian Federation
[2] Ufa University of Science and Technology
32, Zaki Validi str., Ufa, 450076, Russian Federation
[1] altok40@mail.ru, [2] docentufa@mail.ru
[1] https://orcid.org/0009-0007-9863-6419, [2] https://orcid.org/0000-0003-0891-1573

Abstract:
Introduction. *The urgency of studying the concept and role of food security in the national security framework stems from the ongoing geopolitical and sanction-related pressures impacting the Russian Federation's economic development.*
The research aims to establish the theoretical framework, specifically by determining the position and definition of "food security" within the national security system, considering the dynamic contemporary environment and the imperative for the ecological transformation of agricultural businesses.
According to the authors, optimal solutions and modern approaches in developing the theoretical foundations of ensuring "food security" have not yet been found. The complexity of defining the concept of "food security" is related to the fact that this area of legal regulation is closely interrelated and interdependent with the problem of sustainable development of agriculture and rural areas, the greening of agricultural production.
Methods. *The methodological basis for researching of the development of the system of legal regulation of food security management, where the main subjects are agricultural producers, consists of general scientific methods of cognition of social phenomena, including the historical method, as well as the synthesis of scientific knowledge in various fields.*
Results. *The article examines the methodological and theoretical foundations for the formation of the concept of "food security". The authors have determined that this concept is key in the process of researching the development of the legal regulation system for ensuring food security. At the same time, research should be based on understanding the specific historical period of the state's development under conditions of geopolitical and sanctions pressure.*
The conclusion reached is that ensuring food, environmental, and biological security are interconnected and mutually dependent objectives in today's world, alongside the goals of increasing rural incomes, enhancing agricultural productivity, and fostering the sustainable development of rural areas.
A strong and inextricable connection, as well as mutual dependence, between the national security of the Russian Federation and the level of the country's socio-economic development has been revealed.
The evolution of the concept of "food security" has been analysed in a historical context. An author's definition of "food security" for the modern period has been formulated.

Keywords:
food security, legal framework, legislation, national security, economy, farming production

For citation:
Tokolov A. V., Vladimirov I. A. The concept and place of food security in the national security system // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 64–72.

**The article was submitted July 4, 2025;
approved after reviewing November 1, 2025;
accepted for publication December 25, 2025.**

Введение

Актуальность темы исследования понятия и места продовольственной безопасности в системе национальной безопасности обусловлена тем, что современный период характеризуется геополитическим и санкционным давлением на развитие экономики Российской Федерации. Продовольственная безопасность является важнейшей составной частью национальной безопасности государства как страны, способной осуществлять самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, гарантирующую независимость государства от внешнего воздействия по поставкам продовольственных товаров в условиях санкций и ограничений. Решение проблем продовольственной безопасности является взаимообусловленной задачей, наравне с обеспечением ростом доходов сельского населения, эффективности аграрного производства и устойчивого развития сельских территорий.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[1], государству в системе управления необходимо осуществлять согласованные действия по реализации стратегических национальных приоритетов, которые должны быть направлены на нейтрализацию внешних и внутренних угроз и создание условий для достижения национальных целей развития. Заметим, что Стратегия национальной безопасности основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны.

Президент Российской Федерации В. В. Путин 28 сентября 2023 г. на встрече с избранными главами регионов констатировал, что «внешнее давление стало мощным стимулом для роста производства, раскрытия потенциала в самых разных сферах, включая сельское хозяйство». Президент также отметил, что «развитие региональных экономик является ключевым фактором для благополучия российских семей, повышения их доходов, решения демографических и социальных задач»[2].

В настоящем исследовании авторы анализируют проблемы реализации системы публично-правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности, т. к. в современной системе государственного управления в сфере сельского хозяйства пока еще не найдены оптимальные решения и современные подходы. Авторами предлагаются пути решения в выработке подходов в определении понятия и места «продовольственной безопасности» и ее места в системе национальной безопасности государства.

Определение направлений развития системы публично-правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности требует системного подхода и правового анализа особенностей и специфики исследуемой сферы. Следует отметить, что теоретические вопросы формирования эффективной системы публично-правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации исследованы недостаточно. В частности, А. Ю. Мохов полагает, что сложность определения «продовольственная безопасность» связана с тем, что ныне действующее законодательство о безопасности не содержит данного определения, что вызывает определенную теоретическую неоднозначность, связанную с его толкованием [1, с. 36].

В современных научных исследованиях практически отсутствуют работы, посвященные изучению правовых проблем системы публично-правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности. Российские ученые-юристы исследуют правовые проблемы отдельно по гражданскому, предпринимательскому, аграрному праву, в которых рассматриваются некоторые институты аграрных правоотношений.

Одним из комплексных диссертационных правовых исследований проблем обеспечения продовольственной безопасности является исследование А. В. Малхасяна по теме «Аграрно-правовые проблемы в сфере обеспечения продовольственной безопасности»[3]. Он делает вывод, с которым следует согласиться, что понятие «безопасность» носит исторический характер и тесно взаимосвязано со взаимодействием государства в системе «природа – человек – общество».

А. В. Малхасян утверждает, что первое упоминание о понятии «продовольственная безопасность» зафиксировано в 1940-е гг., что было связано со Второй мировой войной, фактами голодания населения, разрушением мировых экономик, ведением боевых действий.

Н. В. Пантелеева пишет, что целью продовольственной безопасности является обеспечение гармоничного развития личности и достойного уровня жизни [2, с. 123].

Согласимся с мнением Б. А. Воронина, который отмечал особую ответственность субъектов Российской Федерации за реализацию стратегической цели и основных задач Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации и за осуществление сельскохозяйственной деятельности на их территории [3, с. 23]

Современный исследователь Е. У. Белхароев полагает, что практика развития системы обеспечения национальной безопасности государства реализуется посредством целенаправленного обеспечения продовольственной безопасности, в котором аграрный сектор занимает основное место [4, с. 222].

С точки зрения Е. В. Грачевой, продовольственная безопасность выходит за пределы национальной безопасности отдельных государств и оказывает влияние на глобальную стабильность и безопасность [5, с. 74].

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[2] Путин заявил о рекордном темпе развития строительства и сельского хозяйства // РИА Новости : [сетевое издание]. URL: https://ria.ru/20230928/ekonomika-1899203064.html (дата обращения: 28.05.2025).

[3] Малхасян А. В. Аграрно-правовые проблемы в сфере обеспечения продовольственной безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 22 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

По мнению Д. В. Ирошникова, продовольственная безопасность является частью экономической безопасности и представляет собой экономическую категорию, влияющую на экономическую стабильность и развитие [6, с. 9].

Н. В. Галицкая считает, что национальная безопасность напрямую связана с продовольственной безопасностью и нуждается не только в контрольно-надзорном обеспечении, но и в правовом регулировании [7, с. 67].

Интересными являются выводы К. Маркса по вопросу обеспечения продовольствием рабочих, независимо от внешних обстоятельств [8]. Отечественные экономисты и историки немало сделали для формирования концепции «продовольственной безопасности» Российского государства.

С. Ю. Витте подчеркивал приоритетное значение строительства железных дорог в целях индустриализации сельского хозяйства [9]. А. В. Чаянов внес большой вклад в исследования распределения продовольственных товаров посредством массового распространения кооперативного движения как важнейшего условия повышения эффективности аграрного сектора [10].

В. И. Ленин указывал на необходимость планирования сельскохозяйственного производства [11].

Считаем, что современную задачу обеспечения национальной и продовольственной безопасности в условиях геополитического и санкционного давления на развитие экономики предстоит решать в саморегулируемом процессе перехода аграрного производства в сферу предпринимательских отношений на селе. При общемировой практике признания аграрного производства убыточной сферой хозяйственной деятельности в России возникают противоречия в практике применения административного, гражданского и предпринимательского законодательства в процессе трансформации аграрного производства в сферу аграрных предпринимательских отношений. Задачи обеспечения продовольственной безопасности предстоит решать отечественным сельхозтоваропроизводителям (крестьянско-фермерские хозяйства, сельскохозяйственные производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные сельскохозяйственные предприятия (ГУСП, МУСП), сельскохозяйственные общества), которые по гражданскому законодательству одновременно являются субъектами предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве.

Цель настоящего исследования заключается в разработке теоретических основ, а именно определения понятия «продовольственная безопасность» и ее места в системе национальной безопасности, являющейся частью концепции развития системы публично-правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности.

Достижение поставленной цели предопределяет постановку и решение следующих задач: анализ видоизменения понятия «продовольственная безопасность» по мере глобализации мировых процессов, увеличения численности населения, актуальности проблемы голода как современного явления; выявление неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны; анализ эволюции понятия «продовольственная безопасность» в историческом аспекте; выработка авторского определения понятия «продовольственная безопасность» на современный период.

Методы

Рассматривая в научных исследованиях методологию развития системы публично-правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности, прежде всего необходимо учитывать новые реалии развития Российской Федерации в условиях цивилизационных кризисов мировой капиталистической системы, новых вызовов, связанных с усилением геополитического и санкционного давления, оказываемого на государство силами коллективного Запада и Соединенными Штатами Америки. Считаем, что реализация принятых государственных программ социально-экономического развития Российской Федерации, а также система управления государственными программами должна осуществляться в целях предотвращения влияния ухудшения геополитической и экономической ситуации на развитие экономики.

Методологическую основу исследования развития системы публично-правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности, где главными субъектами являются сельскохозяйственные товаропроизводители, составляют общенаучные методы познания общественных явлений, включая исторический метод, а также синтез научных знаний различных направлений.

Все эти общенаучные и специальные методы познания позволят исследовать анализируемые отношения комплексно в целях выявления взаимосвязи, взаимовлияния объективных

и субъективных факторов на процесс становления и развития системы публично-правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности в России как социального явления и института общественных отношений в условиях новых угроз и вызовов санкционного и геополитического давления.

Историческое своеобразие российской действительности заключается в том, что в государстве созданы условия и предпосылки для формирования рыночных отношений на селе с участием сельскохозяйственных товаропроизводителей. Принята нормативная база соответствующих отраслей законодательства, созданы условия и предпосылки, регулирующие процесс для дальнейшего совершенствования организационного и правового механизма развития сельского хозяйства и сельских территорий. Однако в современных реалиях возникают новые угрозы и вызовы, что обусловливает необходимость выработки новых подходов, новых методов, новых принципов развития системы правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности.

Результаты

За последние 30 лет в сельском хозяйстве России произошел переход от административно-командного способа регулирования аграрной экономики к рыночным механизмам, способам, методам и формам воздействия государства на сельское хозяйство. В процессе перехода всей аграрной экономики на рыночные механизмы правового регулирования проводились исследования представителей разных научных направлений и специальностей. Система публично-правового регулирования отношений с участием сельскохозяйственных товаропроизводителей как основных субъектов обеспечения продовольственной безопасности носит сложный комплексный характер. Исследуемая сфера правовых отношений является предметом исследований учеными-юристами, специалистами в области теории государства и права, гражданского права, административного и аграрного права. Отмечая специфику отношений с участием сельскохозяйственных товаропроизводителей, необходимо учитывать тесную взаимосвязь результатов деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей с устойчивым развитием сельского хозяйства и сельских территорий.

Е. П. Губин, проведя исследования по теме докторской диссертации «Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства»[4], приходит к выводу, что объективная необходимость обязательного государственного регулирования экономики заключается в самой сущности капитализма, которому можно дать определение «саморегулируемый хаос», сопровождаемый процедурами банкротства и периодическими кризисами, согласно теории волн Кондратьева [12].

Выбор темы настоящего исследования обусловлен необходимостью реализации современной Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»[5], т. к. Российская Федерация последовательно проводит курс на укрепление внутреннего единства, политической стабильности, модернизацию экономики, развитие экономического потенциала в целях обеспечения укрепления суверенной государственности как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления.

Задачи развития системы публично-правового регулирования в области обеспечения экономической, продовольственной, экологической безопасности определены также Федеральными законами от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»[6] и от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании»[7].

Данная конституционная гарантия обеспечения продовольственной безопасности исходит прежде всего из требований международно-правовых актов, а именно: Международного пакта

[4] Губин Е. П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. 47 с.

[5] СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[6] О безопасности : Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

[7] О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

об экономических, социальных и культурных правах 1966 года[8], Римской декларации о всемирной продовольственной безопасности 1996 года[9]. Данными международными актами каждому гражданину гарантируется достойный уровень жизни, включая достойное питание.

Текст Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации[10] содержит официальное определение понятия «продовольственная безопасность», которая является составной частью национальной безопасности наравне с экономической, военной, экологической. Отметим, что законодатель определил «продовольственную безопасность», связав состояние и уровень развития страны, обеспечивающей независимость государства, с физической и экономической доступностью отечественной сельскохозяйственной продукции.

Согласно разделу III «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты» Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, достижение национальных интересов Российской Федерации возможно за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на реализации следующих стратегических национальных приоритетов: 1) сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; 2) оборона страны; 3) государственная и общественная безопасность; 4) информационная безопасность; 5) экономическая безопасность; 6) научно-технологическое развитие; 7) экологическая безопасность и рациональное природопользование; 8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; 9) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество[11].

Е. П. Губин в диссертационном исследовании[12] отмечал, что необходимость государственного регулирования рынка обоснована угрозой несостоятельности субъектов предпринимательства.

Очевидно, что современное сельскохозяйственное производство становится сферой аграрного предпринимательства. Государственное регулирование сферы аграрного предпринимательства является сочетанием частноправовых и публично-правовых способов воздействия. Становится очевидным, что нерегулируемая рыночная экономика и римское частное право породило глубочайшие проблемы в аграрной сфере нашей страны.

Одной из первых комплексных исследовательских работ по проблеме правового режима предпринимательства стало исследование ученого-цивилиста В. Ф. Попондопуло, написанное в начале 1990-х гг. По его мнению, в связи с повышенным риском предпринимательских отношений в сельском хозяйстве на данную сферу отношений должны распространяться особые правовые режимы[13].

Другое диссертационное исследование представителя науки гражданского права В. Д. Стародубцева по теме «Правовое регулирование осуществления предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве»[14] было посвящено проблемам недостаточной теоретической разработанности теории правового регулирования осуществления предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве. В частности, в работе отмечается проблема отсутствия единообразного определения сельскохозяйственной организации, что ведет к отсутствию четкого понимания ее юридической природы. Анализируется коллизия норм правового положения крестьянских (фермерских) хозяйств. Автор также говорит о проблеме отсутствия единого правового акта, регулирующего методы и способы государственной поддержки.

Считаем, что исследования развития системы публично-правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности, отношений с участием сельскохозяйственных товаропроизводителей необходимо осуществлять преимущественно на основе научных взглядов представителей науки гражданского права, аграрного и административного права.

---

[8] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831).

[9] Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности (Рим, 16 ноября 2009 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1718665 (дата обращения: 28.09.2023).

[10] Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 (ред. от 10.03.2025) // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.

[11] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831).

[12] Губин Е. П. Указ. соч.

[13] Попондопуло В. Ф. Проблемы правового режима предпринимательства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 1994. С. 3.

[14] Стародубцев В. Д. Правовое регулирование осуществления предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2012. 23 с.

Далее рассмотрим эволюцию понятия «продовольственная безопасность». Анализируя современные правовые аспекты формирования системы публично-правового регулирования в сфере обеспечения продовольственной безопасности, следует прежде всего уточнить само понятие «продовольственная безопасность» и ее место в общей структуре национальной безопасности. По нашему мнению, в современных условиях разумно трактовать понятие «продовольственная безопасности» как состояние защищенности национальных интересов государства в условиях новых угроз и вызовов.

Считаем, что проблемы обеспечения продовольственной безопасности следует рассматривать как с позиции правовых наук, так и наук экономических, исторических. Адам Смит был для современников классиком теории капиталистической экономики. Ученый получил известность благодаря своему знаменитому научному труду 1776 года «Исследование о природе и причинах богатства народов» [13].

В нем ученый сформулировал концепцию существования самодостаточной замкнутой экономической системы, поддерживаемой стремлением эгоистичного человека к личной выгоде, подталкивающей его к производству и продаже товаров, насыщающих мировые рынки. «Невидимая рука рынка» – это наиболее известный афоризм ученого, применяемый им для демонстрации состоятельности и самодостаточности капиталистической системы, устойчивость которой основана на эгоизме экономически активного человека, именуемого «предпринимателем». Согласно действию данного эффективного механизма, по мнению ученого, происходит процесс перераспределения товаров и услуг по всему миру. А. Смит в данном произведении обосновал идею защиты отечественных производителей от импортной сельскохозяйственной продукции.

В. О. Ключевский отмечал роль следующих факторов: влияние природы страны на историю ее народа; значение почвенных, ботанических полос и речной сети русской равнины; значение леса, степи и рек; значение Окско-Волжского междуречья как узла народнохозяйственного и политического значения. В. О. Ключевский писал: «Изучая историю любого народа, понимаешь, что колыбелью каждого народа является природа его страны»[15]. Ученый считал, что географические и физические условия оказали существенное влияние на ход исторического развития нашего государства.

С. М. Соловьев в своем научном труде «История России с древнейших времен» [14] отмечает следующие факторы, повлиявшие на ход российской истории: природа; равнинность страны; соседство Руси со Средней Азией; столкновение кочевников с оседлым населением; значение рек на русской равнине; влияние природы на характер народный.

В 1990-е гг., после распада СССР, кризис АПК стал причиной научного запроса на изучение феномена продовольственной безопасности в целях формирования концепции продовольственной безопасности. Главной целью научного осмысления проблемы обеспечения продовольственной безопасности являлось достижение состояния продовольственной независимости государства и ее уровень.

Современные авторы изучали процесс видоизменения понятия «продовольственная безопасность» по мере глобализации мировых процессов, роста численности населения, актуальности проблемы голода как современного явления.

Как известно, Второй мировой войне предшествовал глобальный мировой кризис экономики, явление, называемое мировой депрессией, сопровождавшейся высоким уровнем безработицы, обнищаем населения. Как правило, в 1940-е гг. население еще занималось самообеспечением продовольствием, а проблема продовольственной безопасности не являлась приоритетной в деле обеспечения национальной безопасности многих государств. СССР еще в 1930-е гг. усилил государственное влияние на процесс производства сельскохозяйственной продукции, организуя государственные совхозы и крупные коллективные хозяйства путем объединения имущества и трудовой деятельности крестьянских хозяйств и личных подворий.

В 1943 году в Хот-Спринге в США произошло событие, которое положило начало созданию международной продовольственной и сельскохозяйственной организации, целью которой являлось снижение административных барьеров по прохождению сельскохозяйственных товаров через границы государств. На Конференции также было сформулировано название будущей международной сельскохозяйственной организации – «Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО)»[16]. Данная организация ставила перед собой цель развития сельского хозяйства в мире в целях предотвращения голода и обеспечения доступности продовольствия населению.

[15] Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 3 кн. Москва : Мысль, 1995. Кн. 1. С. 36.

[16] Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (FAO) : [официальный сайт]. URL: https://www.fao.org/about/about-fao/ru/ (дата обращения: 28.05.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Устав ФАО[17] был принят 16 октября 1945 г. Российская Федерация присоединилась к этой международной организации в 2006 году, в связи с чем был принят Федеральный закон от 18 февраля 2006 г. № 25-ФЗ «О принятии Российской Федерацией Устава Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций»[18].

В пояснительной записке к проекту данного федерального закона отмечалось, что сферой деятельности ФАО является сельское, лесное и водное хозяйство, рыболовство, международная торговля продукцией данных отраслей, продовольственная безопасность, социальное развитие сельских территорий, охрана окружающей среды.

Вступление России в ФАО отвечало национальным внешнеполитическим и экономическим интересам, соответствовало принципиальным заявлениям Президента Российской Федерации об использовании международных организаций в целях борьбы с бедностью и обеспечения продовольственной безопасности страны. В Уставе ФАО отмечено, что повышение эффективности сельского хозяйства, рост доходов сельского населения, достижение вышеуказанных целей будут осуществляться в национальных правовых системах[19].

Э. В. Голоманчук высказывает мнение, согласно которому продовольственная безопасность – это комплексный межотраслевой правовой институт, формируемый и регулируемый множеством отраслевых норм права: административными, гражданско-правовыми, экологическими, природоресурсными, налоговыми и т. д. [15, с. 142].

Предложим авторское определение понятия «продовольственная безопасность» – это составная часть национальной безопасности государства, представляющая собой результат эффективной государственной аграрной политики, направленной на преодоление современных вызовов и угроз в условиях санкционного и геополитического давления в целях производства достаточного и доступного объема продовольствия при одновременном выполнении задач устойчивого развития сельского хозяйства и сельских территорий, а также экологизации аграрного производства.

Заключение

В наше время в условиях геополитического и санкционного давления необходимо учитывать, что обеспечение продовольственной безопасности является целью принимаемых национальных стратегий и государственных программ, основой государственной политики.

Считаем, что в условиях мирового кризиса Российской Федерации необходимо выработать и реализовать мероприятия по обеспечению прежде всего своих национальных интересов в области продовольственной безопасности, и с этой целью в России приняты важнейшие документы: 1) Стратегия национальной безопасности Российской Федерации; 2) Доктрина продовольственной безопасности.

Важно отметить, что Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации[20] основана на положениях международных актов. Из анализа текста международных актов и национального законодательства следует, что определение понятия «продовольственная безопасность», основанного на международных нормах, имеет собственную специфику. Определение понятия «продовольственная безопасность», изложенное в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, содержит важнейшее условие достижения Россией продовольственной независимости, основанное на самообеспечении государством необходимым количеством (объемом) сельскохозяйственной продукции. В Доктрине также сформулированы правовые и организационные механизмы достижения продовольственной безопасности.

Необходимо учесть, что проблема обеспечения продовольственной безопасности выходит далеко за рамки национальной безопасности государства и в настоящее время носит глобальный характер, зависит от состояния международных отношений, комплекса внешних угроз, что является актуальным для России, особенно с учетом санкций и геополитического давления. В условиях современной геополитики отмечаются сдвиги в международном товарообороте, что сопровождается ростом цен на сельскохозяйственную продукцию и продовольственные товары. В результате некоторые виды продовольствия становятся недоступными для части населения. Отрицательное воздействие на обеспечение продовольственной безопасности оказывают также экстремальные климатические изменения.

---

[17] Устав Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО) от 16 октября 1945 г. // ГАРАНТ.РУ : [сетевого издание]. URL: https://base.garant.ru/2563618/ (дата обращения: 28.05.2025).

[18] О принятии Российской Федерацией Устава Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций : Федеральный закон от 18 февраля 2006 г. № 25-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 8. Ст. 853.

[19] URL: https://base.garant.ru/2563618/ (дата обращения: 28.05.2025).

[20] СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.

Очевидно, что сегодня усиливается антропогенное химическое, физическое и биологическое воздействие объектов агропромышленного комплекса на окружающую среду, что создает угрозу экологической и биологической безопасности. Данный факт не может не оказывать негативное влияние на продовольственную безопасность.

В настоящее время ухудшается экологическое состояние земель, подвергшихся интенсивному экологическому воздействию. Как отмечено в принятой государственной Программе «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года»[21], увеличение антропогенного воздействия негативно влияет на состояние окружающей среды, причиной которого является экономическая деятельность человека. Высоким остается объем сточных вод, сбрасываемых в водные объекты без очистки. Во всех регионах России ухудшается состояние почв и земель. Интенсифицируются процессы потери плодородия сельскохозяйственных угодий и вывода их из оборота, опустынивания.

Решение проблем обеспечения продовольственной, экологической и биологической безопасности также являются взаимосвязанными и взаимообусловленными задачами наравне с обеспечением роста доходов сельского населения, эффективности аграрного производства и устойчивого развития сельских территорий. Очевидно, что состояние и развитие системы публично-правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности носит комплексный характер.

Список источников

1. *Мохов А. Ю.* Правовое определение понятия «продовольственная безопасность» в контексте общей теории безопасности // Новый юридический вестник. 2018. № 4 (6). С. 36–39

2. *Пантелеева Н. В., Воронцова Е. В.* Продовольственная безопасность как элемент национальной безопасности: аспекты правового регулирования // Вестник Могилевского государственного университета им. А. А. Куляшова. Серия D: Экономика, социология, право. 2020. № 1 (55). С. 120–124.

3. *Воронин Б. А., Воронина Я. В.* Организационно-правовые аспекты обеспечения продовольственной безопасности в субъектах Российской Федерации (на примере Свердловской области) // Аграрное и земельное право. 2023. № 1 (217). С. 22–25. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_1_22

4. *Белхароев Х. У.* Государственная политика по обеспечению продовольственной безопасности России: политико-правовой аспект (история и современность) // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17, № 3. С. 219–223.

5. *Грачева Ю. В.* Продовольственная безопасность как элемент национальной безопасности России и объект правовой охраны // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19, № 3. С. 71–105. https://doi.org/10.35427/2073-4522-2024-19-3-gracheva

6. *Ирошников Д. В.* Продовольственная безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации: теоретико-правовой аспект // Юридическая гносеология. 2017. № 3-4. С. 8–11.

7. *Галицкая Н. В.* Продовольственная безопасность как особая составляющая национальной безопасности // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 64–69. https://doi.org/10.70569/2949-5725.2024.4.3.010

8. *Маркс К.* Капитал // Сочинение Карла Маркса ; перев. с нем. Н. Ф. Даниельсона. Санкт-Петербург : Издание Н. П. Полякова, 1872. Кн. 1: Процесс производства капитала. 678 с.

9. *Витте С. Ю.* Национальная экономия и Фридрих Лист. Киев : Типография «Киев. слова», 1889. 59 с.

10. *Чаянов А. В.* Избранное : статьи о Москве. Письма (1909–1936). Москва : Издательский дом Тончу, 2008. 463 с.

11. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Москва : Госполитиздат, 1964. Т. 45: Март 1922 – март 1923. 729 с.

12. *Губин Е. П.* Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы : монография. Репр. изд. Москва : Норма, 2023. 316 с.

13. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1935. Т. 1. 436 с.

14. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Сочинения : в 18 кн. / [отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев] ; [коммент. С. М. Троицкого, И. В. Волковой]. Москва : Мысль, 1988. 639 с.

15. *Голоманчук Э. В.* Общая правовая характеристика сущности и особенностей продовольственной безопасности как элемента национальной безопасности государства // Аграрное и земельное право. 2018. № 11 (167). С. 138-143.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

[21] Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г.) // Президент Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/15177 (дата обращения: 28.05.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

CIVIL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 347.12

Категория цифрового пространства в современном гражданском праве

Игорь Сергеевич Сорокин, кандидат юридических наук, доцент

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
Калининград (236006, ул. Генерала Галицкого, д. 30), Российская Федерация
issorokin@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3431-692X

Аннотация:
Введение. *Статья посвящена исследованию правовой природы категории «цифровое пространство», ее места и роли в структуре современного гражданского права. Автор рассматривает цифровое пространство как новую сферу общественных отношений, формируемую благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий и цифровизации всех аспектов деятельности общества. В работе проанализированы современные подходы к определению понятия «цифровое пространство», а также его отличие от таких категорий, как «виртуальная среда» и «цифровая среда». В статье сформулированы выводы относительно перспектив дальнейшего законодательного урегулирования статуса цифрового пространства в гражданском законодательстве, приведено авторское определение указанной дефиниции.*
Методы. *Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем использование логико-аналитического, исторического, философско-методологического, а также формально-юридического и сравнительно-правового методов.*
Результаты. *Основными результатами являются следующие: во-первых, цифровое пространство стало самостоятельным элементом гражданских правоотношений, формирующим новый объект гражданских прав наряду с материальным миром; во-вторых, законодатель закрепил понятие «цифровых прав», определив ключевые объекты: цифровые валюты, токены, аккаунты, персональные данные и интеллектуальная собственность, которые нуждаются в особом гражданско-правовом регулировании; в-третьих, цифровое пространство нельзя считать виртуальной средой, но виртуальная среда всегда существует внутри цифрового пространства как одна из его частей, что является важным для нормативного регулирования рассматриваемой области знаний; в-четвертых, цифровое пространство – это «весь цифровой мир» как глобальная инфраструктура и информационный контекст, а цифровая среда – это «цифровой контекст» или «экосистема» для конкретной деятельности (например, обучения), включающая технологии, ресурсы и способы взаимодействия; в-пятых, требуется дальнейшее развитие нормативных актов, учитывающих специфику цифрового пространства, включая механизмы защиты прав субъектов и минимизацию киберугроз.*

Ключевые слова:
цифровое пространство, цифровая среда, виртуальная среда, цифровые активы, информационные технологии, цифровые права, гражданские правоотношения

Для цитирования:
Сорокин И. С. Категория цифрового пространства в современном гражданском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 73–82.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025; одобрена после рецензирования 03.12.2025; принята к публикации 25.12.2025.

© Сорокин И. С., 2025

Original article

Category of digital space in modern civil law

Igor S. Sorokin, Cand. Sci. (Jurid), Docent

Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia
30, Generala Galitskogo str., Kaliningrad, 236006, Russian Federation
issorokin@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3431-692X

Abstract:
Introduction. *The article deals with the analysis of the legal nature of the category of "digital space", its place and role in the structure of modern civil law. The author considers digital space as a new sphere of social relations formed due to the development of information and communication technologies and the digitalisation of all aspects of society. The current approaches to defining the concept of "digital space" are analysed, as well as its distinction from such categories as "virtual environment" and "digital environment". The author formulates conclusions regarding the prospects for further legislative regulation of the status of digital space in civil law and provides his own definition of the term.*
Methods. *The research methodology is based on a comprehensive approach involving the use of logical-analytical, historical, philosophical-methodological, as well as formal-legal and comparative-legal methods.*
Results. *The main results are the following: 1) digital space has become an independent element of civil legal relations, forming a new object of civil rights in addition to the material world; 2) legislators have enshrined the concept of "digital rights", defining their key objects: digital currencies, tokens, accounts, personal data and intellectual property, requiring special civil law regulation; 3) digital space cannot be regarded as a virtual environment, but a virtual environment always exists within digital space as one of its parts; this is important for the regulatory framework of the field in question; 4) digital space is "the entire digital world" as a global infrastructure and information context, while the digital environment is the "digital context" or "ecosystem" for a specific activity (e.g. learning), including technologies, resources and means of interaction; 5) further development of regulatory acts is required, taking into account the specifics of digital space, including mechanisms for protecting the rights of subjects and minimising cyber threats.*

Keywords:
digital space, digital environment, virtual environment, digital assets, information technology, digital rights, civil legal relations

For citation:
Sorokin I. S. Category of digital space in modern civil law // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 73–82.

The article was submitted September 8, 2025; approved after reviewing December 3, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Актуальность адаптации гражданско-правовых норм к реалиям цифрового пространства обусловлена стремительным развитием информационных технологий и широким распространением цифровых сервисов, которые коренным образом меняют способы взаимодействия между субъектами права. В современных условиях цифровизация охватывает все сферы жизни – от экономики и бизнеса до социальных коммуникаций и государственных услуг, что приводит к возникновению новых видов правоотношений и правовых проблем.

Необходимость изучения понятия цифрового пространства (*Digital Space*) в современном гражданском праве вызвана рядом объективных обстоятельств современности.

Во-первых, цифровое пространство породило новые объекты гражданских правоотношений, такие как электронные документы, базы данных, цифровые активы, криптовалюты, программное обеспечение и иные результаты интеллектуальной деятельности в цифровой форме. Гражданское право должно обеспечивать правовой режим таких объектов, включая вопросы собственности, распоряжения и охраны.

Во-вторых, в цифровом пространстве широко используются электронные договоры и сделки, заключаемые с помощью электронной подписи и иных цифровых технологий. Гражданское право регулирует условия их заключения, исполнения и признания юридической силы, обеспечивая безопасность и определенность таких сделок.

В-третьих, гражданское право обеспечивает защиту имущественных и нематериальных прав участников цифровых отношений, включая права на цифровую информацию, интеллектуальную собственность, а также защиту от неправомерного использования и нарушений в цифровой среде.

В-четвертых, в цифровом пространстве возникают новые формы нарушения гражданских прав – например, незаконное копирование, распространение цифрового контента, нарушение

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

прав доступа. Гражданское право устанавливает меры ответственности и способы защиты прав пострадавших.

В-пятых, устоявшиеся представления о вещах, правах собственности, обязательствах потеряли свою однозначность в цифровом мире, в связи с чем возникают ситуации, когда традиционные правовые конструкции оказываются неприменимыми, а это в свою очередь требует глубокой проработки основополагающих юридических категорий.

Фундаментальные исследования цифрового права и цифровой среды проводили В. Э. Волков[1], М. А. Рожкова [1], Л. Ю. Василевская [2], Л. А. Новоселова [3] и др. Изучением права и виртуального пространства занимались, например, такие авторы как Ю. А. Тихомиров [4], А. А. Богустов [5], Е. А. Савченко [6, с. 47], В. В. Архипов [7, с. 16], Н. А. Николаева[2] и др. Вместе с тем в отечественной юридической науке не уделено достаточного внимания изучению категории «цифровое пространство», что и стало причиной выбора темы исследования.

Методы

В процессе написания статьи для изучения категории цифрового пространства в гражданском праве применялся комплексный подход, объединяющий следующие методы.

Логико-аналитический метод. В статье проведен глубокий анализ и синтез различных точек зрения на категорию «цифровое пространство». Применялись дедукция и индукция для выделения существенных характеристик, признаков и свойств рассматриваемого явления, а также для формулирования выводов и рекомендаций.

Формально-юридический метод. Проанализированы источники гражданского права, позволяющие раскрыть значение ключевых терминов («цифровое пространство», «виртуальная среда»), выявить структуру и систему действующих норм в указанной сфере.

Кроме того, в статье использовались философско-методологический и сравнительно-правовой методы.

Результаты

Результатами проведенного исследования являются следующие выводы:

– «цифровое пространство» является комплексной и многоуровневой средой, включающей технические, информационные, коммуникационные, социальные и экономические компоненты;

– цифровое пространство нельзя считать виртуальной средой, но виртуальная среда всегда существует внутри цифрового пространства как одна из его частей;

– цифровое пространство – это «весь цифровой мир» как глобальная инфраструктура и информационный контекст, а цифровая среда – это «цифровой контекст» или «экосистема» для конкретной деятельности (например, обучения), включающая технологии, ресурсы и способы взаимодействия;

– необходимость совершенствования нормативных актов в области цифрового пространства обусловлена быстрым развитием технологий, появлением новых цифровых продуктов и услуг, а также усложнением киберугроз.

Обсуждение

Актуальность исследования правового режима цифрового пространства вызывает значительный интерес среди юристов, экономистов и политиков, т. к. именно этот сегмент представляет собой одно из наиболее динамично развивающихся направлений современного общества. Рассмотрим подробнее, почему цифровое пространство стало объектом регулирования именно частного права.

Во-первых, подавляющее количество сделок, совершаемых в цифровом пространстве, носит частный характер. Участники сетевых отношений вступают друг с другом в разнообразные юридические связи, которые выходят далеко за рамки обычных формальных отношений. Например, покупатель приобретает товар в интернете, заказчик заказывает выполнение работ

[1] Волков В. Э. Цифровое право. Общая часть : учебное пособие. Самара : Издательство Самарского университета, 2022. 110 с.

[2] Николаева Н. А. Черты виртуального пространства, воздействующие на появление нового права // Аллея науки. 2021. Т. 1, № 4 (55). С. 878.

или оказание услуг через специализированные сервисы и площадки, продавец там же размещает объявление о продаже товара. Подобные операции полностью соответствуют признакам гражданских правоотношений.

Во-вторых, в цифровом пространстве возникло много новых видов имущества. К таким объектам относятся аккаунты в соцсетях, доменные имена, веб-сайты, страницы в поисковых системах, базы данных, программы для ЭВМ, аудиовизуальные произведения и многое другое. Все перечисленное является результатом творческой деятельности и обладает определенной материальной стоимостью, в связи с чем подлежит охране и защите. Такие объекты входят в состав гражданско-правовых отношений и подлежат регулированию нормами гражданского права.

В-третьих, цифровое пространство оказывает немаловажное влияние на личную жизнь граждан. Пользователи всемирной паутины регулярно публикуют персональные данные, видеозаписи, фотографии, комментарии и оценки третьих лиц. Это в свою очередь порождает массу конфликтных ситуаций, связанных с порочащими высказываниями, публикацией ложной информации и клеветой, что попадает под сферу действия гражданского права, поскольку умаляет честь и достоинство граждан.

Помимо сказанного, важную роль играют вопросы регулирования авторского права в цифровом пространстве, которые включают право на воспроизведение произведений науки, литературы и искусства, право на переработку, право на публичное исполнение и некоторые другие исключительные права. Распространение произведений в цифровом пространстве может ставить под угрозу безопасность этих прав с учетом легкости копирования материалов. В соответствии со статьей 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации[3] (далее – ГК РФ) автор имеет право требовать возмещения убытков, упущенной выгоды либо выплаты компенсации за нарушение его исключительного права. Применение же указанных мер обеспечивается именно институтами гражданского права.

Происхождение термина «цифровое пространство» тесно связано с развитием информационных технологий и возникновением глобальной сети «Интернет».

Одним из первых этот термин использовал американский писатель-фантаст Уильям Гибсон в своем романе “*Neuromancer*” (1984)[4]. В этом произведении Гибсон описал виртуальную среду, в которой информация существует в виде визуальных образов, доступных для восприятия пользователями. Этот концепт получил название «киберпространство» (“*cyberspace*”), которое впоследствии стало синонимом цифрового пространства.

Первоначально термин использовался преимущественно в рамках информатики и компьютерных наук, обозначая виртуальную среду хранения и обработки цифровых данных. К началу 2000-х гг. понятие начало приобретать расширенное значение и стало рассматриваться как среда взаимодействия пользователей друг с другом и информационными ресурсами посредством сетевых технологий.

Указанная категория начала активно использоваться в современной науке, начиная примерно с конца XX века, и продолжает развиваться и обогащаться новыми значениями и аспектами изучения в XXI веке.

Понятие «цифрового пространства» в Европейском союзе (далее – ЕС) включает единое цифровое пространство – совокупность цифровых инфраструктур, платформ, правовых режимов и оборота данных, обеспечивающих торговлю цифровыми товарами и услугами. Цель формирования такого пространства была впервые сформулирована в стратегии *Digital Single Market*, принятой в 2015 году. Стратегия направлена на формирование свободного и безопасного цифрового рынка ЕС для европейского бизнеса и общества, повышение связанности государств-членов и снижение барьеров для торговли цифровыми товарами и услугами[5] [8].

В современной американской внешней политике формируется новая парадигма, в рамках которой цифровое общество рассматривается не только как среда коммуникации, но и как объект стратегического управления. Оказание целенаправленного воздействия на цифровую среду зарубежных государств осуществляется с помощью специализированных инструментов – от нормативного давления и экспорта технологических стандартов до внедрения систем мониторинга, изучения поведенческих сигналов и поддержки оппозиционной активности[6].

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации: часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 02.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

[4] Гибсон У. Нейромант = Neuromancer / пер. с англ. под ред. А. Черткова. Москва : Аст, 2000. 317 с.

[5] Теория культуры : учебное пособие / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. Санкт-Петербург : Питер, 2010. 592 с.

[6] Внешняя политика США в цифровую эпоху: технологические аспекты анализа и управления международными событиями // Репост : [сетевое издание]. URL: https://repost.press/news/vneshnyaya-politika-ssha-v-cifrovuyu-epohu-tehnologicheskie-aspekty-analiza-i-upravleniya-mezhdunarodnymi-sobytiyami (дата обращения 16.10.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

В мае 2024 года Государственный департамент США представил «Стратегию США в области международного киберпространства и цифровой политики: на пути к инновационному, безопасному и уважающему права цифровому будущему». Стратегия основана на концепции «цифровой солидарности» – готовности вместе работать над достижением общих целей, помогать партнерам наращивать потенциал[7].

Со временем концепция цифрового пространства получила развитие в различных областях науки и техники. Рассмотрим некоторые ключевые моменты и отдельных ученых, внесших вклад в ее изучение.

С точки зрения культурного и аксиологического подходов следует выделить С. Н. Иконникову и В. П. Большакова, которые описали цифровое пространство как новую форму реальности, сравнимую с виртуальной средой[8]. Они подчеркнули, что цифровое пространство постоянно меняется и распространяется на различные социальные группы и регионы, приобретая транснациональный характер.

И. А. Добровольская подчеркнула связь между цифровым и информационным пространством, предложив рассматривать их как взаимосвязанные категории. Она указывала, что цифровое пространство охватывает совокупность информационных ресурсов и инфраструктуры, которые включают государственные и международные компьютерные сети, телекоммуникационные системы и прочие каналы передачи информации. В своей работе автор исследует информационный аспект цифрового пространства, предлагая различать техническое и гуманитарное измерения [9, с. 140]. Техническое направление фокусируется на инфраструктуре и средствах передачи данных, тогда как гуманитарное сосредоточено на взаимодействии людей в цифровом пространстве.

В. Л. Гирич и В. Н. Чуприна предложили рассматривать информационное пространство как совокупность государственных и международных компьютерных сетей, телекоммуникационных систем и других каналов передачи информации. Их подход акцентирует внимание на техническом аспекте формирования цифрового пространства[9].

Авторитетным научным подходом к рассмотрению цифрового пространства как экономического понятия занимается доктор экономических наук, член-корреспондент РАН В. В. Иванов. Он предложил широкое определение цифровой экономики, охарактеризовав ее как виртуальную среду, дополняющую физическую реальность[10]. Это понимание основано на анализе роли цифровых технологий в производственных, распределительных, обменных и потребительских процессах.

С. Э. Зуев рассмотрел цифровое пространство как информационную действительность, подчеркивая его роль в формировании новой среды взаимодействия между людьми и организациями[11]. В коллективном труде содержится его подробное рассмотрение того, как цифровое пространство влияет на правовые механизмы и судебную практику.

Анализируя представленные подходы к определению понятия «цифровое пространство», можно сделать вывод о том, что оно является комплексной многоуровневой средой, включающей технические, информационные, коммуникационные, социальные и экономические компоненты. Оно представляет собой основу для функционирования цифровой экономики и цифровых коммуникаций, обеспечивая интеграцию различных цифровых технологий и сервисов в разнообразные сферы жизнедеятельности общества и экономики, обеспечивая взаимосвязь и взаимодействие между ними.

В цифровом пространстве происходит обмен, обработка и хранение информации, что способствует развитию инновационных процессов и формированию новых форм взаимодействия между субъектами общества и бизнеса. Кроме того, цифровое пространство выступает как динамичная и постоянно развивающаяся среда, адаптирующаяся к новым технологическим вызовам и изменениям в регуляторной, социальной и экономической сферах.

---

[7] Представлена Стратегия США в области международного киберпространства и цифровой политики // НАТО.РФ: информационно-аналитический портал : [сайт]. URL: https://www.xn--80azep.xn--p1ai/ru/news/20240511/26841.html (дата обращения 16.10.2025).

[8] Теория культуры...

[9] Романова А. В. Понятие и сущность глобального информационного пространства // Молодой ученый : [электронное издание]. 2022. № 46 (441). С. 322–325. URL: https://moluch.ru/archive/441/96572 (дата обращения: 06.12.2025).

[10] Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин // РИА Новости : [сетевое издание]. URL: https://ria.ru/20170616/1496663946.html (дата обращения 16.08.2025).

[11] Цифровизация судопроизводства : Научно-практический (постатейный) комментарий правовых актов / Брановицкий К. Л., Григорьев В. Н., Грубцова С. П. [и др.] ; под ред. С. В. Зуева. Москва : Юрлитинформ, 2020. 318 с.

Нельзя согласиться с теми авторами, которые рассматривают цифровое пространство исключительно как виртуальную среду. Указанные категории близки, но имеют различия в научном и прикладном понимании.

В исследовании Е. А. Зудиной, цифровое пространство представлено как целостная структура, включающая компьютерные сети, серверы, устройства и программное обеспечение, которые обеспечивают функциональные процессы обмена информацией и коммуникации. Основное назначение цифрового пространства – организация эффективной инфраструктуры, служащей базой для различного рода деятельности и взаимодействия[12].

Виртуальная среда как категория представляет собой особую область, возникающую на пересечении технологий и человеческого восприятия. Виртуальная среда создается с помощью информационных технологий и направлена на создание искусственных ситуаций, воспринимаемых человеком как реальные. Таким образом, виртуальная среда функционирует в пределах цифрового пространства, но предлагает принципиально иной уровень взаимодействия, основанный на опыте и восприятии [10, с. 63].

Основные отличия категорий «цифровое пространство» и «виртуальная среда» сводятся к следующему: во-первых, цифровое пространство реализуется в виде физических сетей и устройств, тогда как виртуальная среда создана искусственно и воспринимается человеком через посреднические технологии (например, очки виртуальной реальности – VR); во-вторых, цифровое пространство обслуживает широкий спектр задач и применений, от бизнеса до частной жизни, тогда как виртуальная среда концентрируется на особых случаях взаимодействия, таких как игры, обучение или тренировка; в-третьих, виртуальная среда акцентирует внимание на чувственном восприятии и эмоциях, тогда как цифровое пространство нацелено на оперативное получение и обработку информации.

Таким образом, виртуальная среда выступает частью общего цифрового пространства, специализирующейся на создании и поддержании особого формата взаимодействия, основанного на технологиях виртуализации и дистанционного присутствия. Цифровое пространство нельзя считать виртуальной средой, но виртуальная среда всегда существует внутри цифрового пространства как одна из его частей.

В контексте рассматриваемых понятий важным, как представляется, является также анализ и соотношение цифрового пространства и цифровой среды ввиду неоднозначных толкований указанных категорий в научной литературе.

Термин «цифровая среда» активно используется представителями различных областей знания – информатики, социологии, психологии, культурологии и экономики. Однако единого универсального определения пока не существует, поскольку каждая дисциплина заостряет внимание на разных аспектах понятия.

В трудах по педагогической информатике и цифровой культуре А. А. Кузнецов рассматривает цифровую среду как совокупность цифровых технологий, коммуникаций и информационных ресурсов, формирующих условия для обучения и взаимодействия. Например, в его публикациях подчеркивается, что цифровая среда – это не просто техническая инфраструктура, а комплексный социально-технический контекст, включающий цифровые платформы и сервисы, средства коммуникации, образовательные ресурсы, а также методы и формы взаимодействия пользователей [11, с. 52].

В трудах В. Н. Григорьевой и Я. Ю. Салиховой концепция «цифровой среды как нового рынка» рассматривается как отражение трансформации экономических отношений под влиянием цифровых технологий и информационных коммуникаций [12, с. 135]. Цифровая среда – это пространство, сформированное цифровыми технологиями, где происходит обмен цифровыми товарами, услугами и информацией. Она выступает как новый рынок, отличающийся от традиционных экономических рынков своей виртуальной природой, высокой скоростью транзакций и глобальным охватом. В цифровой среде меняются механизмы спроса и предложения, появляются новые формы конкуренции и сотрудничества, а также новые бизнес-модели (например, платформенная экономика, электронная коммерция).

Концептуализация понятия «цифровая среда» отечественным исследователем С. А. Куликовым стала важной частью осмысления современного информационного пространства и трансформации общественных отношений под воздействием цифровых технологий. Он рассматривает цифровую среду как интегральную систему, состоящую из трех основных компонентов:

[12] Зудина Е.А. Виртуализация общества: две среды одного пользователя // Архитектон: известия вузов : [сетевое издание]. 2009. № 2 (26) [приложение]. URL: https://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz26_pril/29/template_article-ar=K21-40-k21.htm (дата обращения 16.08.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

– информационная инфраструктура: сеть телекоммуникаций, серверы, программное обеспечение и устройства, обеспечивающие хранение, обработку и передачу данных;

– социальная составляющая: пользователи и сообщества, формирующие социальные связи и взаимодействие посредством цифровых каналов общения;

– контент: информация, сервисы и ресурсы, доступные в сети «Интернет», включая научные материалы, образовательные курсы, медиаконтент и коммерческие услуги.

По мнению С. А. Куликова, цифровая среда формирует новый уровень взаимосвязанности всех аспектов человеческой жизни – экономического, политического, культурного и бытового. Ключевое отличие подхода Куликова состоит в том, что он подчеркивает значимость комплексного характера среды, включающей технологические, социальные и содержательные элементы одновременно [13, с. 9].

Таким образом, разница между понятиями «цифровое пространство» и «цифровая среда» заключается в их содержании и акцентах.

Цифровое пространство – это более широкое и абстрактное понятие, обозначающее совокупность всех цифровых ресурсов, технологий, инфраструктуры и информационных потоков в глобальном масштабе. Это «место» или «контекст» существования цифровой информации и взаимодействий, включающий интернет, облачные сервисы, базы данных, цифровые устройства и т. п. Цифровое пространство охватывает все цифровые коммуникации и возможности без привязки к конкретной сфере применения.

Цифровая среда (*Digital Environment*) – более конкретное и прикладное понятие, часто используемое в контексте образования, работы или социальной коммуникации. Это совокупность цифровых технологий, сервисов, информационных ресурсов и коммуникационных инструментов, которые формируют условия для определенного вида деятельности или взаимодействия (например, образовательной деятельности). Цифровая среда включает не только технические компоненты, но и организационные, социальные аспекты, обеспечивающие функционирование и взаимодействие пользователей.

Иными словами, цифровое пространство – это «весь цифровой мир» как глобальная инфраструктура и информационный контекст, а цифровая среда – это «цифровой контекст» или «экосистема» для конкретной деятельности (например, обучения), включающая технологии, ресурсы и способы взаимодействия.

Как уже было отмечено ранее, актуальность правового регулирования цифрового пространства определяется растущей интеграцией цифровых технологий в повседневную жизнь, экономическими преобразованиями, ростом преступлений, развитием новых моделей бизнеса и проблемами, связанными с международным сотрудничеством [14; 15]. Эффективное регулирование позволит защитить права и интересы граждан, обеспечить стабильность рынка и стимулировать дальнейшее развитие цифровой экономики.

В настоящее время ключевыми нормативными актами (законами) в рассматриваемой сфере являются:

– Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»[13], регулирующий отношения, связанные с созданием и эксплуатацией всех сетей связи и сооружений связи. Одной из основных проблем указанного нормативного акта является недостаток эффективных механизмов защиты прав пользователей услуг связи, что ставит под угрозу реализацию цифровых прав. Закон ориентирован преимущественно на регламентацию технической стороны вопроса и организацию предоставления самих услуг, тогда как аспекты, связанные с правами абонентов и качеством предоставляемых услуг, остаются плохо проработанными.

– Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[14], регулирующий отношения, связанные с распространением, обработкой и защитой информации, включая цифровую информацию. Один из главных недостатков закона заключается в отсутствии комплексной стратегии формирования единого цифрового пространства, которое соответствовало бы международным стандартам и гарантировало бы защиту прав граждан. Нормативная база построена таким образом, что отдельные элементы системы регулирования оказываются несбалансированными, создавая пробелы и противоречия в праве.

[13] О связи : Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

[14] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

– Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[15], регулирующий отношения, связанные с обработкой и защитой персональных данных в цифровом пространстве. Указанный закон разработан задолго до появления множества современных технологий и платформ, таких как социальные сети, облачные сервисы и большие данные. Соответственно, устаревшие формулировки и подходы не соответствуют реальности XXI века, вызывая массу проблем при практической реализации закона.

– Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[16], устанавливающий правовые основы использования электронной подписи, обеспечивающей юридическую значимость электронных документов и сделок. Несмотря на то, что процедура оформления квалифицированной электронной подписи регулируется достаточно детально, это приводит к возникновению избыточных формальных барьеров для граждан и организаций. Процесс включает многоэтапные этапы проверки и подтверждения личности заявителя, усложняя процесс перехода на электронный документооборот и снижая его популярность.

– Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»[17], устанавливающий правовые и организационные основы национальной платежной системы, регулирует порядок использования электронных средств платежа. Некоторые базовые термины, такие как «платежный клиринговый центр», «оператор электронной платформы», определены недостаточно ясно и однозначно. В результате возникают трудности в интерпретации и применении норм закона на практике, что ведет к необоснованному расширительному толкованию и применению различных судебных практик.

– Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»[18], регулирующий отношения в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Одна из основных проблем данного закона связана с ограниченными возможностями граждан и организаций в получении информации о состоянии критической информационной инфраструктуры. В ряде случаев закрытый характер отчетов и документов снижает общую прозрачность системы и создает трудности для анализа реальной ситуации с безопасностью.

– Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах»[19], устанавливающий правовой режим цифровых финансовых активов, включая криптовалюты и токены. Представляется, что сам статус цифровых активов остался недостаточно четко определенным. Терминология, такая как «токен», используется очень широко, охватывая разные типы активов, что создает проблему классификации и последующего налогообложения. Понимание сущности и природы активов разнится у различных групп участников рынка, что влечет за собой трудности в правоприменительной практике.

– Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»[20], определяющий цели и принципы экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. Экспериментальные правовые режимы предполагают временное освобождение от обычных правовых рамок, что потенциально может привести к нарушению прав граждан. Поскольку тестирование осуществляется в пределах определенных зон, субъекты эксперимента могут оказаться в неравных условиях по сравнению с остальными гражданами. Важно гарантировать, что любые эксперименты проводятся с соблюдением базовых прав и свобод, включая право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных.

– Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

---

[15] О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

[16] Об электронной подписи : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

[17] О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

[18] О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4736.

[19] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

[20] Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Федерации»[21], регулирующий отношения, которые возникают между субъектами, осуществляющими формирование технологической политики в Российской Федерации. Вместе с тем практика показала, что нынешние законодательные конструкции оставляют открытыми вопросы обеспечения непрерывности и доступности цифровых сервисов. Одной из центральных проблем является недостаточная синхронизация нормативной базы, регулирующей инфраструктуру, с современными технологиями.

Ключевым шагом на пути формирования цифрового права в России было внесение изменений в действующее регулирование в сфере гражданского законодательства. В 2019 году был принят Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[22], который ввел в гражданский оборот, а также в теорию и практику термин «цифровые права». Так, в соответствии со ст. 141.1 ГК РФ, цифровыми правами называют обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Необходимость совершенствования нормативных актов в области цифрового пространства обусловлена быстрым развитием технологий, появлением новых цифровых продуктов и услуг, а также усложнением киберугроз. Существующие нормы зачастую не успевают адекватно регулировать такие сферы, как искусственный интеллект, блокчейн, большие данные, интернет вещей и цифровые финансовые инструменты. Требуется обновление законодательства для повышения защиты персональных данных, усиления кибербезопасности, обеспечения прозрачности и ответственности в цифровой экономике, а также создания гибких механизмов адаптации к технологическим изменениям.

Заключение

В связи с изложенным полагаем необходимым ввести в гражданское законодательство понятие «цифровое пространство» в следующей редакции: «Цифровое пространство – единая среда, формируемая средствами информационных технологий и телекоммуникаций, предназначенная для осуществления юридически значимых действий, обмена информацией, размещения, хранения и обработки данных, а также для возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей».

Учитывая, что Гражданский кодекс Российской Федерации является основным источником частного права, регулирующим широкий спектр отношений между субъектами гражданского оборота, включение термина «цифровое пространство» в ГК РФ могло бы служить основой для последующего регулирования цифровой коммерции, защиты прав участников, порядка рассмотрения споров и устранения правовых пробелов. Добавление дефиниции «цифровое пространство» позволило бы закрепить общее концептуальное видение и базовые критерии этого явления, задать направление последующей детализации в специализированном законодательстве.

Таким образом, цифровое пространство оказывает огромное воздействие на современное гражданское право, став источником значительных преобразований и стимулом для выработки новой регулятивной политики. Успех дальнейшего развития этой сферы будет зависеть от своевременного реагирования законодателя на возникающие вызовы и интеграции новаторских решений в действующую систему права.

Список источников

1. *Право цифровой экономики – 2022* (18) : Ежегодник-антология / рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. Москва : Статут, 2022. Вып. 18. 414 с.

2. *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития: цивилистическое исследование : монография : в 5 т. Москва : Проспект, 2022. Т. 1. 287 с.

3. *Новоселова Л. А., Полежаев О. А.* Особенности выявления управомоченного отчуждателя цифровых активов // Власть Закона. 2022. № 2 (50). С. 34–44.

4. *Право и виртуальное пространство* : монография / Тихомиров Ю. А., Журавлева О. О., Кабытов П. П. [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. Москва : Проспект, 2025. 176 с.

5. *Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты* : коллективная монография / Богустов А. А., Щербак Н. В., Никифоров А. А. [и др.] ; науч. ред.: М. А. Рожкова. Москва : Государственный академический университет гуманитарных наук, 2023. 438 с. https://doi.org/10.18254/S6049894-5-6

[21] О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8533.

[22] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

6. *Савченко Е. А.* Актуальность вопроса кодификации законодательства, регулирующего отношения в виртуальном пространстве // Правовая информатика. 2025. № 2. С. 47–56. https://doi.org/10.24412/1994-1404-2025-2-47-56

7. *Архипов В. В.* «Реальное» право в «виртуальном» пространстве // Санкт-Петербургский университет. 2015. № 6 (3891). С. 16–19.

8. *Глазьева С. С.* Институциональные вехи создания единого цифрового рынка Европейского союза // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 5. С. 3633–3644. https://doi.org/10.18334/epp.15.5.123220

9. *Добровольская И. А.* Понятие «информационное пространство»: различные подходы к его изучению и особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2014. № 4. С. 140–147.

10. *Клементьева М. В.* Виртуальная среда как жизненное пространство современного человека // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 5. С. 63–69. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-5-63-69

11. *Кузнецов А. А.* Цифровизация российского образования: Перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2022. Т. 20, № 2. С. 52–66. https://doi.org/10.51314/2073-2635-2022-2-52-66

12. *Григорьева В. Н., Салихова Я. Ю.* Концептуальные основы многоуровневой конкуренции в цифровой среде / Экономическое развитие России: структурная перестройка и диверсификация мировой экосистемы : материалы международной научно-практической конференции, г. Сочи, 31 января – 4 февраля 2018 г. Сочи : Кубанский государственный университет, 2018. Т. 1. С. 135–138.

13. *Куликов С. Б.* Проекция понятия «цифровая среда» в понятийно-категориальном аппарате теории права // История государства и права. 2024. № 2. С. 9–15. https://doi.org/10.18572/1812-3805-2024-2-9-15

14. *Бородушко И. В., Жильский Н. Н.* Актуальные вопросы правового регулирования цифровой трансформации в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3 (231). С. 48–52. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_3_48

15. *Троян Н. А.* Правовое регулирование в сфере цифровых технологий в России: современное состояние, актуальные проблемы и перспективы развития // Правовая информатика. 2025. № 3. С. 146–153. https://doi.org/10.24412/1994-1404-2025-3-00-15

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 343.2/.7

Об общей правовой природе новых потенциально опасных психоактивных веществ и аналогов наркотических средств и психотропных веществ

Вячеслав Владимирович Адамович, адъюнкт

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
TRIGER228@yandex.ru

Аннотация:
Введение. *Правильное применение норм уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за совершение наркопреступлений, является одним из важнейших направлений противодействия наркопреступности. В связи с этим рассмотрение правовой природы аналогов наркотических средств и психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, их сравнение как предмета наркопреступлений, являющегося признаком объекта, имеет большое значение для оптимизации правоприменительной практики и определения общественной опасности преступления. Целью исследования является раскрытие уголовно-правовых проблем, возникающих при определении признаков предмета наркопреступлений в виде новых потенциально опасных психоактивных веществ, аналогов наркотических средств и психотропных веществ. Постановка проблемы. Практика по преступлениям, в которых предметом являются аналоги наркотических средств и психотропных веществ, с момента их появления в 2003 году и вплоть до настоящего момента продолжает оставаться нестабильной и нераспространенной, а по преступлениям, в которых предметом выступают новые потенциально опасные психоактивные вещества, появившиеся в 2015 году, отсутствует вовсе, что свидетельствует о наличии проблем, связанных в первую очередь с установлением признаков предмета наркопреступления.*
Методология. *В процессе исследования применялись различные общенаучные методы (диалектический, системный, логический, анализ, синтез, дедукция, индукция) и специально-юридические методы исследования (формально-юридический).*
Результаты. *В работе рассмотрены понятия и признаки новых потенциально опасных психоактивных веществ, аналогов наркотических средств и психотропных веществ как предметов наркопреступлений. Автор утверждает, что рассмотренные им предметы преступлений имеют общую правовую природу, и придание им законодателем самостоятельного характера обусловлено единой целью, в связи с чем целесообразно включить новые потенциально опасные психоактивные вещества*

Ключевые слова:
аналоги наркотических средств и психотропных веществ, новые потенциально опасные психоактивные вещества, правовая природа, общественная опасность, предмет преступления, медицинский признак

Для цитирования:
Адамович В. В. Об общей правовой природе новых потенциально опасных психоактивных веществ и аналогов наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 83–90.

© Адамович В. В., 2025

в содержание предмета наркопреступлений в виде аналогов наркотических средств и психотропных веществ, что оптимизирует правоприменительную практику противодействия наркопреступлениям.

Статья поступила в редакцию 14.03.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Статья заняла III место в международном конкурсе адъюнктов и аспирантов на лучшую научную статью 2025 года, проведенном Санкт-Петербургским университетом МВД России.

Original article

On the general legal nature of new potentially dangerous psychoactive substances and analogues of narcotic drugs and psychotropic substances

Vyacheslav V. Adamovich, Postgraduate

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
TRIGER228@yandex.ru

Abstract:
Introduction. *The correct application of criminal law provisions that establish liability for drug-related offences is one of the key areas in combating drug crime. In this context, examining the legal nature of analogues of narcotic drugs and psychotropic substances, as well as new potentially dangerous psychoactive substances, and comparing them as subjects of drug offences – which is a characteristic of the object – holds significant importance for optimising law enforcement practice and determining the social danger of the crime. The aim of the study is to uncover the criminal law issues that arise when defining the characteristics of the subjects of drug offences in the form of new potentially dangerous psychoactive substances and analogues of narcotic drugs and psychotropic substances. Problem Statement. The practice regarding offences involving analogues of narcotic drugs and psychotropic substances has remained unstable and uncommon since their emergence in 2003, while there is a complete absence of practice concerning offences involving new potentially dangerous psychoactive substances that appeared in 2015. This indicates the existence of issues primarily related to establishing the characteristics of the subject of drug offences.*
Methodology. *Various general scientific methods (dialectical, systemic, logical, analysis, synthesis, deduction, induction) and specific legal research methods (formal legal) were employed during the study.*
Results. *The paper examines the concepts and characteristics of new potentially dangerous psychoactive substances, analogues of narcotic drugs, and psychotropic substances as subjects of drug offences. The author asserts that the subjects of the crimes considered possess a common legal nature, and their classification by the legislator as independent entities is motivated by a unified goal. Therefore, it is advisable to include new potentially dangerous psychoactive substances within the scope of drug offences as analogues of narcotic drugs and psychotropic substances, which would optimise law enforcement practice in combating drug crime.*

Keywords:
analogues of narcotic drugs and psychotropic substances, new potentially dangerous psychoactive substances, legal nature, social danger, subject of the crime, medical characteristic

For citation:
Adamovich V. V. On the general legal nature of new potentially dangerous psychoactive substances and analogues of narcotic drugs and psychotropic substances // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 83–90.

The article was submitted March 14, 2024; approved after reviewing September 29, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

The article was awarded third place in an international competition for adjuncts and postgraduates for the best scientific article of 2025, held by Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

Введение

В настоящее время противодействие наркопреступности продолжает оставаться одним из актуальных направлений государственной политики, в связи с чем Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» определен вектор реализации рассматриваемой Стратегии, которым признается совершенствование антинаркотической

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

деятельности и государственного контроля за оборотом наркотиков[1]. Успешное достижение целей, поставленных стратегическим нормативным правовым актом, зависит в т. ч. и от правильного применения уголовно-правовых запретов, устанавливающих уголовную ответственность за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, наркосодержащих растений, новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Принимая это во внимание, особое внимание необходимо уделить предмету преступления, который является обязательным признаком для большинства из наркопреступлений.

Под предметом преступления в науке уголовного права понимается определенное уголовным законом материальное и нематериальное явление, на которое направлено преступное посягательство [1, с. 173]. Особая значимость предмета преступления как признака объекта преступления заключается в том, что, воздействуя на предмет преступления, преступник тем самым пытается нарушить охраняемые уголовным законом общественные отношения, что обусловливает наличие корреляционной связи между объектом и предметом преступления[2]. Общественная опасность деяния зависит от сущностных характеристик предмета преступления. Предмет наркопреступлений обладает вредными свойствами, в связи с чем совершение действий с такими предметами причиняет вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям в сфере охраны здоровья населения.

Уголовное законодательство, следуя развитию общества, претерпело ряд изменений, касающихся содержания предмета наркопреступлений. Изначально в нормах уголовного закона, устанавливающих уголовную ответственность за совершение наркопреступлений, в качестве предметов преступления в основном рассматривались наркотические средства и психотропные вещества. В 2003 году в систему предметов наркопреступлений были добавлены аналоги наркотических средств и психотропных веществ; в 2015 году – новые потенциально опасные психоактивные вещества.

Потребность выделения аналогов наркотических средств и психотропных веществ (далее – аналогов), новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее – НПОПВ) в качестве самостоятельных предметов наркопреступлений была обусловлена распространением среди населения новых веществ, не признанных наркотическими средствами и психотропными веществами, немедицинское употребление которых вызывало у человека состояние опьянения, создавало угрозу его здоровью, содействовало развитию в обществе наркомании [2, с. 8; 3, с. 38]. М. К. Кумышева пишет, что новыми такие вещества признаются в связи с тем, что ранее они не были известны государственным органам и не применялись в качестве предмета незаконного оборота, а их потребление приводило к социально значимым последствиям [4, с. 126]. Р. Б. Осокин, Н. Н. Заливина отмечают, что новыми рассматриваемые вещества являются для незаконного наркорынка, но не для науки [5, с. 343]. В связи с этим указанные вещества достаточно сложно назвать новыми в прямом смысле. Важное сходство аналогов, НПОПВ как предметов преступления заключается в целях их введения в качестве предметов преступления в уголовное законодательство. Их наркогенный потенциал во многом обусловил необходимость государственного вмешательства в регулирование их оборота для исключения негативных социальных последствий, которые могли возникнуть в результате беспорядочного распространения таких веществ.

Однако простое установление уголовной ответственности за оборот аналогов, НПОПВ без сущностного осмысления их природы породило ряд трудностей, возникающих в ходе практической реализации уголовно-правовых запретов, устанавливающих уголовную ответственность за совершение наркопреступлений. Так, количество уголовных дел, в которых предметом преступления выступают аналоги, невелико [6, с. 57]. Правоприменительная практика по преступлениям, в которых предметом являются НПОПВ, вообще отсутствует ввиду неурегулированности вопроса, связанного с Реестром новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен (далее – Реестр)[3].

Научные работы, в которых рассматриваются вопросы, посвященные предмету наркопреступлений, носят фрагментарный характер и не затрагивают общую правовую природу предметов наркопреступлений в виде НПОПВ и аналогов. Возникшие проблемы требуют большего внимания.

[1] Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 (ред. от 29.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2020. № 48. Ст. 7710.

[2] Российское уголовное право : курс лекций : в 8 т. / Бушуева Т. А., Голик Ю. В., Долгова А. И. [и др.] ; науч. ред. А. И. Коробеев. Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1999. Т. 1: Преступление. С. 309.

[3] Состояние преступности в России : архивные данные ГИАЦ МВД России // Министерство внутренних дел Российской федерации : [официальный сайт]. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 07.01.2025).

Методы

Методологической основой исследования выступил диалектический метод, основанный на взаимосвязи и взаимозависимости изучаемых объектов исследования. В ходе исследования также были использованы общенаучные (диалектический, системный, логический, анализ, синтез, дедукция, индукция) и специально-юридические методы исследования (формально-юридический). Методы дедукции и индукции послужили основой для выделения признаков НПОПВ, аналогов наркотических средств и психотропных веществ. Путем обобщения и систематизации теоретических положений автор пришел к выводу об общей правовой природе НПОПВ и аналогов наркотических средств и психотропных веществ, их тождественности друг другу, общности признаков, что служит основанием для включения первых в содержание последних. Формально-юридический метод исследования применялся при изучении и толковании отраслевых нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, НПОПВ, и содержащих нормативные определения понятий «новые потенциально опасные психоактивные вещества», «аналоги наркотических средств и психотропных веществ», а также при изучении уголовно-правовых запретов, устанавливающих уголовную ответственность за их противоправный оборот. Используя системный метод исследования, автор пришел к выводу о необходимости исключения излишних признаков НПОПВ, аналогов как предметов наркопреступлений.

Результаты

В ходе исследования были рассмотрены понятия и признаки предметов наркопреступлений в виде аналогов наркотических средств и психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Нормативные определения рассматриваемых предметов преступлений содержатся в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – ФЗ «О наркотических средствах»). Под аналогами наркотических средств и психотропных веществ понимаются «запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и со свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят»[4].

Под НПОПВ понимаются «вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен. Конкретизируется рассматриваемое понятие в ст. 2.2 ФЗ «О наркотических средствах», где к ним предлагается относить вещества, вызывающие у человека состояние наркотического или токсического опьянения, опасное для его жизни и здоровья состояние.

Общая правовая природа рассматриваемых понятий также свидетельствует о сходстве аналогов и НПОПВ. А. И. Ролик отмечает, что по своим свойствам НПОПВ ближе к наркотическим средствам, психотропным веществам и их аналогам, поскольку правовой статус НПОПВ, меры по установлению ограничения на их оборот определяются ФЗ «О наркотических средствах», а также что оборот аналогов и НПОПВ в общих чертах является схожим [7, с. 157].

Физический признак аналогов и НПОПВ, заключающийся в понимании таких предметов как веществ синтетического или естественного происхождения, предполагает их определенное сходство, состоящее в том, что по своему физическому характеру данные вещества в целом являются идентичными. Кроме того, значимость и общность указанного признака для аналогов и НПОПВ состоит в следующем:

1) определяет действия, совершение которых возможно с рассматриваемыми предметами;

2) определяет качественные и количественные свойства предметов.

Одинаковое толкование физического признака аналогов, НПОПВ позволяет сделать вывод о том, что перечень физических действий, т. е. актов внешнего выражения деяния в окружающей действительности, которые совершаются с ними, несмотря на существование определенных различий в их количестве, в большей степени схож, в связи с чем такие действия положены

[4] О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

в основу конструирования объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 228, 228[1], 234[1] Уголовного кодекса Российской Федерации[5], дифференцируемых по цели совершения соответствующих деяний.

Признак запрещенности рассматриваемых предметов предполагает наличие принятого в отношении таких предметов законодательного решения об ограничении их оборота [8, с. 167]. В частности, ч. 4 ст. 14 ФЗ «О наркотических средствах» устанавливается запрет на оборот аналогов; ч. 2 ст. 2.2 запрещает оборот НПОПВ, в связи с чем общая правовая основа, а также идентичная конструкция норм отраслевого нормативного правового акта в части запрета на свободный оборот таких веществ, указывает на сходство аналогов и НПОПВ.

Медицинский признак аналогов предполагает наличие у таких веществ потенциальной возможности оказать негативное влияние на центральную нервную систему человека, вызвать у него психическую и физическую зависимость в результате их немедицинского употребления. В свою очередь, медицинский признак НПОПВ заключается в возможности таких веществ при их употреблении вызвать состояние наркотического или токсического опьянения, опасное для жизни и здоровья состояние. Данный признак рассматриваемых предметов наркопреступлений указывает на наличие у них определенных вредных свойств, за счет которых причиняется вред объекту уголовно-правовой охраны, что свидетельствует об общности аналогов и НПОПВ. Аналоги так же, как и НПОПВ, оказывают психоактивное воздействие на организм человека, в связи с чем их неограниченный оборот причиняет вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям в области охраны здоровья населения.

Вредные свойства аналогов определяются судебной экспертизой, по результатам которой устанавливается сходство химической структуры и психоактивного воздействия аналога и наркотического средства, психотропного вещества. Так, в обоснование приговора Металлургического районного суда г. Челябинска от 6 марта 2017 г. по делу № 1-103/2017 суд приводит заключение эксперта, согласно которому представленные для исследования вещества, содержащие 1-(5-фторпентил)-1Н-индол-3-карбоновой кислоты нафталин-1-иловый эфир (CBL-2201), которые на момент производства исследования не включены в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в Списки сильнодействующих и ядовитых веществ, обладают сходством химической структуры с наркотическим средством хинолин-8-ил-1-пентил-1Н-индол-3-карбоксилат, включенным в Список I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсов, подлежащих контролю в Российской Федерации[6] (далее – Перечень), утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681[7]. Отмечая трудности установления корреляционных связей между сходством химической структуры и сходством психоактивного воздействия аналога и наркотического средства, психотропного вещества, В. В. Тихомирова указывает на необходимость проведения комплексных исследований, поскольку сходство химической структуры аналога и наркотического средства, психотропного вещества устанавливается посредством производства физико-химической экспертизы, а установление сходства психоактивного воздействия указанных предметов выходит за пределы компетенции эксперта-химика и требует производства иной экспертизы [3, с. 39–40]. Такой подход приводит к умалению медицинского признака аналогов, характеризующего их вредные свойства.

В свою очередь, выявление сущностных характеристик НПОПВ, определяющих общественную опасность совершаемых с ними действий, осуществляется на основе сбора сведений об их потреблении, подтвержденных результатами медицинского освидетельствования. Данная процедура также не лишена определенных изъянов, в связи с чем многие ученые-правоведы считают действующий порядок выявления НПОПВ, исходящий «от потребителя», неэффективным [9, с. 4]. Во многом данное обстоятельство обусловливается тем, что такой подход к установлению свойств НПОПВ не отвечает своему предназначению, поскольку игнорируется медицинский признак ввиду того, что исследования, проводимые в химико-токсикологических лабораториях, не определяют опасность конкретного вещества для жизни или здоровья человека, а фиксируют лишь факт нахождения человека в состоянии опьянения [10, с. 28]. При этом, компенсируя

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[6] Приговор Металлургического районного суда г. Челябинска от 6 марта 2017 г. по делу № 1-103/2017 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Iw0qEl10MJ5R (дата обращения: 09.01.2025).

[7] Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 (ред. от 07.02.2024) // СЗ РФ. 1998. № 27. Ст. 3198.

недостаток существующей процедуры, некоторые ученые-правоведы предлагают ориентироваться на заключения экспертно-криминалистических подразделений [11, с. 7]. Отсюда также видно сходство НПОПВ и аналогов, заключающееся в процедуре установления свойств, определяющих общественную опасность совершаемых с ними действий. Умаление медицинского признака рассматриваемых предметов преступления во многом и порождает их различия между собой, поскольку внимание законодателя и правоприменителей концентрируется на совершенно других незначительных признаках, исключение которых не будет искажать правовой природы сходных между собой веществ. Акцента на первоочередной роли медицинского признака НПОПВ и аналогов позволит исключить непонимание правоприменителем сущности рассматриваемых предметов, а также пересмотреть систему предметов наркопреступлений.

Дополнительным признаком для признания вещества аналогом наркотического средства или психотропного вещества является не только потенциальная возможность оказания психоактивного воздействия на организм человека, но и сходство такого воздействия с наркотическим средством или психотропным веществом, для которого аналог является «прототипом» [12, с. 77]. Во многом наличие данного признака обусловлено этимологией понятия «аналог», обозначающим «подобный чему-либо», «сходный». Однако в науке до сих пор остается неразрешенным вопрос, в какой степени аналог должен копировать психоактивное воздействие наркотического средства или психотропного вещества для признания его таковым, в связи с чем возникают правоприменительные трудности при установлении признаков аналога [13, с. 111]. Требование к наличию такого признака у НПОПВ отсутствует.

Формально-юридический признак аналогов предполагает отсутствие таких веществ в Перечне наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации в соответствии с законодательством. В случае включения таких веществ в Перечень они теряют статус аналогов и приобретают статус наркотического средства, психотропного вещества. Исходя из этого, можно сделать вывод, что правой статус аналогов ограничен моментом их включения в Перечень [12, с. 77]. В свою очередь сущность формально-юридического признака НПОПВ заключается в приобретении им соответствующего статуса исключительно после внесения таких веществ в Реестр. В настоящий момент в Реестр не включено ни одно вещество, имеющее статус НПОПВ, что во многом обусловлено организационной реформой правоохранительных органов, при которой была упразднена Федеральная служба по контролю за незаконным оборотом наркотиков[8], а полномочия по ведению Реестра были переданы Министерству внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), в связи с чем нормативные правовые акты первой, регламентирующие порядок ведения Реестра, утратили силу, а МВД России не было принято ни одного нормативного правового акта, устанавливавшего процедуру ведения Реестра. Ввиду этого в настоящее время Реестр не жизнеспособен. Однако часть 10 ст. 2.2 ФЗ «О наркотических средствах» устанавливает, что решение об установлении санитарно-эпидемиологических требований или мер контроля в отношении веществ, включенных в Реестр, должно быть принято в течение двух лет с момента их включения в Реестр. Исходя из этого, правовой статус НПОПВ имеет временный характер, поскольку после принятия государственными органами решения они либо приобретают статус наркотических средств, психотропных веществ, либо исключаются из Реестра и их оборот декриминализируется. Однако процедура установления санитарно-эпидемиологических мер и мер контроля в отношении веществ, включенных в Реестр, не определена, в связи с чем возникают определенные правоприменительные проблемы [4, с. 127]. Прослеживая взаимосвязь формально-юридического признака аналогов и НПОПВ, можно сделать вывод об их противоположности, поскольку требование о включении веществ в Реестр предъявляется только к НПОПВ, в то время как к аналогам предъявляется обратное требование – об отсутствии конкретных веществ в Перечне. Такой подход может быть объяснен необходимостью разграничения аналогов от других предметов, чтобы сохранить их самостоятельное значение в системе предметов наркопреступлений.

Несмотря на формальное различие аналогов и НПОПВ, важно отметить их существенное сходство, при котором каждый из рассматриваемых предметов преступления представляет собой по сути промежуточное звено между веществами, находящимися в легальном обороте, и наркотическими средствами и психотропными веществами. Во многом это обусловлено требованиями к соблюдению определенной растянутой во времени процедуры включения новых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, но обладающих схожими с ними свойствами, в Перечень, а также необходимостью ограничения их оборота ввиду их вредных свойств. С. Н. Бархатова полагает, что Реестр был призван служить

[8] Вопросы Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков : Указ Президента Российской Федерации от 28 июля 2004 г. № 976 (ред. от 13.08.2015) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3234. Утратил силу.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

временным пунктом для таких веществ с момента их выявления и до момента их включения в соответствующий Перечень, потребность введения которого была вызвана длительностью процедуры дополнения Перечня, однако его неработоспособность привела к тому, что он стал излишним препятствием, приводящим к нестабильности правоприменительной практики. Единственным оптимальным выходом видится исключение необходимости его ведения [14, с. 60], но такое решение проблемы приведет к еще большему отождествлению НПОПВ и аналогов, поскольку формально-юридический признак рассматриваемых предметов преступления будет идентичен.

Отличительным признаком аналогов является сходство химической структуры и свойств аналога и наркотического средства, психотропного вещества, психоактивное воздействие которого он воспроизводит. Данный признак не лишен ряда изъянов: неопределенность свойств, сходство которых должно наблюдаться у аналога и наркотического средства, психотропного вещества, а также неурегулированность вопроса о степени сходства структуры и свойств аналога и наркотического средства, психотропного вещества [13, с. 113]. Данные законодательные пробелы порождают существенные правоприменительные проблемы.

Такой признак отсутствует у НПОПВ, в связи с чем ими могут признаваться и вещества, не обладающие сходством свойств и химической структуры с наркотическими средствами, психотропными веществами. Однако, обращаясь к пояснительной записке к законопроекту № 638953-6, содержащему предложение о выделении НПОПВ в качестве самостоятельного предмета нормативного регулирования, следует отметить его «направленность на противодействие обороту новых психоактивных веществ, воспроизводящих основную химическую структуру наркотических средств или психотропных веществ и схожих с ними по физиологическому воздействию на организм человека (так называемых спайсов)»[9]. Данное определение очень напоминает существующее нормативное определение аналогов. В нынешней редакции ФЗ «О наркотических средствах» определение НПОПВ выглядит совершенно иначе, но ведь изначальный посыл законодателя был именно таким, как указанно выше. Возникает вопрос: чем по своей природе отличаются аналоги и НПОПВ? При учете такого подхода законодателя – ничем. Э. Н. Жевлаков считает основным отличием НПОПВ от аналогов исключительно формальный признак, при котором НПОПВ считаются таковыми в случае наличия их в Реестре, тогда как аналоги являются сходными с наркотическими средствами и психотропными веществами, включенными в иной Перечень [15, с. 109]. Г. В. Вершицкая полагает, что НПОПВ создаются в целях воспроизводства психоактивного воздействия на организм человека наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов [16, с. 83]. Такая позиция лишь подтверждает общность правовой природы НПОПВ, аналогов, поскольку их направленность на повторение «эффекта», вызываемого наркотическими средствами и психотропными веществами, свидетельствует о единой цели их введения в качестве самостоятельного предмета преступления.

Заключение

На наш взгляд, аналоги и НПОПВ являются сходными предметами преступлений и потенциально могут быть отожествлены в случае отказа от ведения Реестра НПОПВ и исключения специального признака аналогов в виде требования сходства его свойств и химической структуры с наркотическим средством, психотропным веществом, психоактивное воздействие которого он воспроизводит. Такое сходство напрямую следует из медицинского, физического признаков НПОПВ и аналогов, их общей нормативной основы, роли в уголовно-правовом противодействии наркопреступности, процедуры признания веществ опасными, а также целей их введения в уголовный закон. Медицинский признак аналогов и НПОПВ, заключающийся в наличии у каждого из этих предметов вредных свойств, позволяющих оказывать психоактивное воздействие на организм человека, вызвать у него опасное для жизни или здоровья состояние, не имеет принципиальных различий, а наоборот, свидетельствует об их сходстве. Появление в свободном обороте веществ, обладающих вредными свойствами и юридически не относящихся к наркотическим средствам и психотропным веществам, обусловило потребность законодателя в придании аналогам, НПОПВ самостоятельного значения в качестве предметов наркопреступлений, в связи с чем ограничение их оборота отвечает достижению общей цели. Выявление сущностных свойств, определяющих общественную опасность действий, совершаемых с аналогами, НПОПВ, потенциально осуществляется в ходе правоприменительной

[9] Пояснительная записка к законопроекту № 638953-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») : [официальный сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/638953-6 (дата обращения: 08.01.2025).

деятельности правоохранительных органов на основании сходных процедур. На общность таких предметов указывает и то, что аналоги, НПОПВ имеют временный характер и представляют собой промежуточное звено между веществами, находящимися в легальном обороте, и наркотическими средствами, психотропными веществами, предназначенное для оптимизации механизма реализации уголовной ответственности с последующей перспективой включения таких предметов в Перечень и наделения статусом наркотических средств и психотропных веществ. В связи с этим, говоря об аналогах и НПОПВ, следует понимать, что речь идет об одном и том же предмете, не являющемся наркотическим средством и психотропным веществом по формально-юридическому признаку, но обладающем его свойствами, ввиду чего НПОПВ признаются аналогами наркотических средств. Их общая правовая природа заключается в том, что аналоги наравне с НПОПВ должны быть «новыми», т. е. ранее не известными для незаконного оборота. Таким образом, сущность аналогов и НПОПВ едина, но при этом отлична от наркотических средств и психотропных веществ, которые уже включены в Перечень. Исключение излишних для аналогов признаков сходства свойств и химической структуры с наркотическим средством, психотропным веществом, психоактивное воздействие которых они воспроизводят, позволит сохранить их самостоятельное значение как предмета наркопреступлений. НПОПВ по сути и являются аналогами наркотических средств и психотропных веществ и могут оцениваться законодателем как таковые, поскольку основные различия рассматриваемых предметов преступления заключаются именно по формально-юридическому признаку и наличию специализированного признака аналогов. Изменение подхода к пониманию таких веществ позволит оптимизировать судебную практику и повысить эффективность реализации государственной политики в области противодействия наркопреступности.

Список источников

1. *Диалектика общего, особенного и единичного в праве: теоретико-правовые и философско-правовые аспекты* : монография / Куликов Е. А., Анисимова И. А., Казанцев Д. А., Коренная А. А. [и др.] ; под ред. Е. А. Куликова. Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2020. 250 с.

2. *Федоров А. В.* Вопросы криминализации и квалификации оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ // Антинаркотическая безопасность. 2016. № 1 (6). С. 5–14.

3. *Тихомирова В. В.* Правовые механизмы борьбы с незаконным оборотом синтетических психоактивных веществ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2014. № 2 (15). С. 37–43.

4. *Кумышева М. К.* Правовое регулирование запрета на оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ // Социально-политические науки. 2019. № 1. С. 126–127.

5. *Осокин Р. Б., Заливина Н. Н.* Правовой статус прекурсоров, аналогов и производных наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 2. С. 342–352.

6. *Нестеренко А. В., Уваров И. А.* Объективные признаки склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Юрист Юга России и Закавказья. 2019. № 3 (27). С. 55–63.

7. *Ролик А. И.* Предмет наркопреступлений: подходы к его определению // Lex Russica. 2016. № 12 (121). С. 148–166. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.121.12.148-166

8. *Степанов М. В.* Аналоги наркотических средств и психотропных веществ как предмет преступлений против здоровья населения / Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в современной России: уголовно-правовой и криминологический аспекты : Всероссийская научно-практическая конференция, г. Москва, 15 декабря 2014 г. / под общ. ред. И. И. Батыршина. Москва : Научно-исследовательский центр Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, 2015. С. 167–169.

9. *Бычкова А. М.* Судебный прецедент как способ противодействия распространению новых потенциально опасных психоактивных веществ // Baikal Research Journal : [электронный журнал]. 2016. Т. 7, № 5. С. 15. https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(5).15

10. *Лихолетов А. А., Решняк О. А.* Противодействие новым потенциально опасным психоактивным веществам: проблемы правоприменения // Наркоконтроль. 2015. № 2. С. 26–30.

11. *Кобец П. Н.* Совершенствование законодательства, регулирующего оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ / Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы : материалы международной научно-практической конференции, г. Вологда, 28 июня 2017 г. : в 2 ч. Вологда : Маркер, 2017. Ч. 2. С. 7–8.

12. *Жеребцов Г. А., Анисимов Е. Б.* Аналоги наркотических средств и психотропных веществ. Проблемы, пути решения / Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в современной России: уголовно-правовой и криминологический аспекты : Всероссийская научно-практическая конференция, г. Москва, 15 декабря 2014 г. / под общ. ред. И. И. Батыршина. Москва : Научно-исследовательский центр Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, 2015. С. 76–79.

13. *Федоров А. В.* Аналоги наркотических средств и психотропных веществ как предмет контрабанды // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2012. № 3 (43). С. 98–135.

14. *Бархатова Е. Н.* Категория «новые потенциально опасные психоактивные вещества» в уголовном праве России / Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 58–61.

15. *Жевлаков Э. Н.* Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ (комментарий к ст. 234.1 УК РФ) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 7. С. 104–111.

16. *Вершицкая Г. В.* Правовые аспекты незаконного оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 1. С. 81–87. https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-1-81-87

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 343.01:342.9

Соотношение уголовно-правовых и административно-правовых средств противодействия преступности на современном этапе

Максим Викторович Бавсун[1], доктор юридических наук, профессор
Андрей Николаевич Берестовой[2], кандидат юридических наук, доцент

[1] Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
[2] Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева
Санкт-Петербург (197046, Александровский парк, д. 5), Российская Федерация
[1] kafedramvd@mail.ru, [2] andreyberestovoy@gmail.com
[1] https://orcid.org/0000-0002-1407-2609, [2] https://orcid.org/0000-0003-0805-900X

Аннотация:
Введение. *Уголовное и административное право – максимально близкие друг к другу отрасли правового регулирования общественных отношений. Во многом именно в связи с этим и критерии разграничения содержащихся в них средств противодействия преступности представляются достаточно условными. Между тем такая условность носит не столько доктринальный, сколько практический характер, что находит соответствующее отражение как в законодательной, так и в правоприменительной деятельности. В полной мере это относится и к правовой регламентации конкретных средств принуждения, определенности в отнесении которых к той или иной сфере правового регулирования исторически так и не было выработано.*
Методы. *Методологическую основу данного исследования составили общенаучный диалектический и формально-логический метод.*
Результаты. *Используемые в уголовно-правовой теории категории вроде репрессии, кары или возмездия так же, как и другие оценочные признаки в виде жестокости воздействия или степени тяжести его реализации практически ничего не дают в плане понимания того, что необходимо относить к уголовной, а что к административной сферам правового регулирования. В свою очередь западная система правоотношений демонстрирует принципиально иной, значительно более гибкий и реалистичный подход к решению данной проблемы. Все это позволяет сформулировать вывод, согласно которому современная парадигма развития мер противодействия преступности в рамках обозначенных отраслей права требует соответствующего пересмотра.*

Ключевые слова:
ответственность, принуждение, взыскание, противодействие, воздействие, регулирование

Для цитирования:
Бавсун М. В., Берестовой А. Н. Соотношение уголовно-правовых и административно-правовых средств противодействия преступности на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 91–97.

Статья поступила в редакцию 09.08.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Relation between criminal law and administrative law means for counteracting crime at the present stage

Maksim V. Bavsun[1], Doc. Sci. (Jurid.), Professor
Andrey N. Berestovoy[2], Cand. Sci. (Jurid.), Docent

[1] Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
[2] North-West branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev
5, Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation
[1] kafedramvd@mail.ru, [2] andreyberestovoy@gmail.com
[1] https://orcid.org/0000-0002-1407-2609, [2] https://orcid.org/0000-0003-0805-900X

© Бавсун М. В., Берестовой А. Н., 2025

Abstract:
Introduction. *Criminal and administrative law are the most closely related branches of legal regulation of social relations. It is largely for this reason that the criteria for distinguishing between the means for counteracting crime they provide are rather conditional. Meanwhile, such conditionality is not so much doctrinal as practical in nature, which is reflected in both legislative and law enforcement activities. This approach fully applies to the legal specification of particular coercive measures, the classification of which into one or another sphere of legal regulation has historically never been developed.*
Methods. *The methodological basis of the research involves general scientific dialectical and formal-logical methods.*
Results. *The categories used in criminal law theory, such as repression, punishment or retribution, as well as other evaluative criteria such as brutality or severity of its implementation, contribute little to understanding what should be classified as criminal or administrative sphere of legal regulation. At the same time, the European system of legal relations demonstrates a fundamentally different, significantly more flexible and realistic approach to solving this issue. These facts make it possible to conclude that the current paradigm for developing measures for counteracting crime within the specified branches of law needs a thorough review.*

Keywords:
responsibility, coercion, recovery, counteraction, impact, regulation

For citation:
Bavsun M. V., Berestovoy A. N. Relation between criminal law and administrative law means for counteracting crime at the present stage // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 91–97.

The article was submitted August 9, 2024; approved after reviewing September 29, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Традиционным считается мнение, согласно которому уголовное право является карательной (охранительной) отраслью права, а средства, которые в его рамках предусмотрены, максимально репрессивны по отношению к их аналогам в других направлениях правового регулирования общественных отношений. Сам термин «наказание» исторически ассоциировался с наиболее жестким воздействием со стороны государства в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления. Тезис, наделенный статусом догмы, положенной в основу разделения двух отраслей права, имеющих принципиально различное отношение к тем средствам принуждения, которые они регламентируют. По крайней мере обозначенная позиция в рамках исторического аспекта типична для советского периода развития права и государства, когда, по сути, она и была сформулирована, а затем получила серьезное развитие и обоснование.

Между тем трансформация современного мира и общественных отношений, повлияв практически на все процессы и явления, не обошла стороной и фундаментальные правовые вопросы, включающие проблемы дифференциации различных сфер правового регулирования. Ее критерии не просто поменялись. Претерпев существенное перерождение, они по большому счету пока что остались до конца не определенными, а прежние наработки по их выделению отчасти потеряли свою актуальность. Их значимость формировалась, во-первых, историческими предпосылками, а во-вторых, теми периодами, в которых они были разработаны, так же, как и их в определенной мере невостребованность объясняется масштабностью изменений в общественных отношениях.

Методы

Методологическую основу данного исследования составили общенаучный диалектический и формально-логический метод. Оценка исторического контекста формирования уголовного и административного права проводилась с помощью историко-правового метода, который позволил проследить развитие взглядов на правоприменение и изменение концепции наказания в разные исторические периоды; сравнительный анализ подходов к уголовному и административному праву помог выявить сходства и отличия в регулировании средств принуждения в различных правовых системах, что важно для понимания текущих тенденций; анализ научных источников позволил обосновать выдвинутые тезисы, а также выявить актуальные дискуссии и проблемы; для иллюстрации того, как теоретические концепции и правовые нормы действуют в реальных ситуациях и как они могут изменяться в зависимости от контекста, применялся кейс-метод, а также метод интерпретации правовых норм; с помощью метода прогнозирования дана оценка возможных тенденций развития уголовного и административного права в свете современных вызовов, таких как изменения в общественных отношениях и новые угрозы безопасности. Каждый из этих методов помог сформировать комплексное понимание проблемы сращивания административных и уголовных средств принуждения, а также обосновать необходимость изменения подходов к правообразованию и правоприменению в современных условиях.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Результаты

Сегодня однозначно говорить о том, что может быть отнесено к средствам принуждения, имеющим исключительно административно-правовое происхождение, а что уголовно-правовое, крайне сложно, если это вообще возможно. Дело в том, что ни репрессивность средств воздействия, ни наличие или отсутствие в них элементов кары, а также возмездия, в современных условиях не дают ответа, к какой из отраслей права они должны быть отнесены, точно так же как далеко не всегда они указывают на их правовой статус. По сути, отсутствие самих критериев той же репрессивности или кары в условиях турбулентности правоотношений всех групп и направлений во многом легло в основу нестабильности решения на первый взгляд уже давно решенных вопросов. Данная проблема существовала всегда, однако ее серьезное обострение произошло именно сейчас, когда дополнительные сложности стали возникать при определении того, что из совершаемых деяний в современных условиях следует относить к общественно опасным, а что нет.

Отчасти этому способствовало проведение специальной военной операции на Украине и появление в связи с этим принципиально новых угроз. В некоторой степени это проблема миграционной безопасности, ставшая в определенный момент глобальной. Во многом это усилившаяся угроза государственной безопасности, конституционному строю и в целом официальной власти, защита которых прежними средствами стала практически невозможной. Безусловно, это и другие угрозы, возникновение которых обусловлено не только внутренними, но и внешними, включая внешнеполитические, факторами.

Глубокая трансформация значительной части жизнедеятельности, спровоцировавшая при этом появление новых опасностей для целых групп общественных отношений, вынудили законодателя подойти комплексно к модернизации нормативного материала, особенно в части регламентации средств противодействия преступности. С учетом рефлексивности принятия законодателем большинства решений, основанных как на высоком уровне угроз, так и на необходимости действовать быстро, снятие вопроса об отраслевой принадлежности той или иной меры принуждения также, по всей видимости, пока находится на уровне интуиции. В свою очередь уже сегодня это повлекло за собой возникновение сомнений относительно степени жесткости двух правовых отраслей – административной и уголовной, а соответственно, их нахождения в пределах тех догм, которые сформировались в данной части за последнее столетие.

«Интерес в данном случае представляет то обстоятельство, что, по сути, крайне жесткие меры государственного принуждения (выдворение, депортация, а также высылка (несмотря на то, что речь идет только о ее режиме) по-прежнему остаются в сфере административно-правового регулирования. Более того, уголовное право и законодательство пока не задействованы совершенно, и это с учетом их наибольшей репрессивности по отношению к любой другой правовой отрасли. Уголовный кодекс Российской Федерации[1] (далее – УК РФ), даже в ситуации максимально быстрого и эффективного реагирования на вновь возникающие угрозы, по-прежнему остается крайне консервативным в отношении любых нововведений в части совершенствования механизма принуждения» [1, с. 160].

Между тем административное законодательство планируется развивать в данном направлении и в дальнейшем. Об этом свидетельствует, например, решенный сегодня вопрос расширения возможностей для лишения ранее полученного лицом гражданства, или изменения размеров штрафов в административном законодательстве и особенно дифференциации их минимальных и максимальных пределов [2, с. 111–113], а также установления самого факта его отнесения к разряду уголовных или административных [3, с. 140–141] и др. Особенно важно отметить, что степень жесткости административного законодательства также определяется его оперативностью реагирования не только в плане совершенствования, но и применения, что существенно его отличает от УК РФ, делая именно более жестким упрощенностью своей процедуры, а соответственно, более реальным (оперативным) и эффективным орудием противодействия преступности.

М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, рассуждая о концентрации уголовной политики, обозначают несколько ее векторов. В частности: концентрация криминообразующих признаков деяния в составе преступления; в одном составе преступления; наказаний в санкциях статей; составы однородных преступлений в структурной единице текста уголовного закона; концентрация всех составов преступлений в едином уголовном кодексе (а также в правоприменительной практике:

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

концентрация судебной практики на отдельных видах наказаний; борьба с отдельными преступлениями в их наиболее типичных проявлениях и т. д.) [4, с. 22–26]. Соглашаясь с авторами по абсолютному большинству выдвигаемых ими идей, нельзя не отметить, что речь учеными ведется относительно концентрации *уголовной* репрессии. Соответственно, все рассуждения в отмеченной работе непосредственно связаны с уголовным законодательством и его применением, уголовной политикой, наказанием, преступлением и другими категориями уголовно-правового характера. Это вполне объяснимо, т. к. точка зрения, согласно которой уголовная политика может формироваться исключительно за счет уголовно-правовых средств, является если и не доминирующей, то достаточно распространенной [5, с. 11].

Однако на фоне приведенной выше информации, связанной с динамикой развития административного законодательства в части правовой регламентации мер принуждения, крайне интересным представляется вопрос о концентрации средств противодействия преступности в сфере административно-правового регулирования общественных отношений. Особенно это интересно на фоне высказываемых в литературе идей о переоценке уголовно-правовых средств в противодействии преступности [6], а также о том, что «одними только законодательными мерами невозможно достичь желаемого социального результата» [7], и что «современная уголовная политика требует новых идей в теории стратегии и тактики разрешения социальных конфликтов с помощью внеправовых методов, которые составляют основу эффективного противодействия преступности» [8]. Что характерно, специалисты в области уголовного процесса также отмечают, что достижение целей уголовного судопроизводства объективно оказалось затруднительным без использования наряду с собственно мерами уголовно-процессуального принуждения и других мер принуждения, в частности, мер административно-правового характера [9, с. 10].

И здесь нельзя не согласиться с гораздо более гибким подходом, который демонстрируется на Западе. Раскрывая его, И. А. Клепицкий пишет: «Страсбургское прецедентное право обусловило формирование в Европе новой доктрины „уголовной сферы" (*matiere penal*), которая привлекает пристальное внимание правоведов, широко дискутируется, и которой ведущие ученые посвящают свои исследования. Понятие уголовной сферы охватывает уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и часть административных правоотношений, в частности, отношения, связанные с применением административных взысканий. Это новое понятие связано с толкованием „уголовного обвинения" в ст. 6 Европейской конвенции, которая предусматривает право на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, и гласность судебного разбирательства как по гражданским делам, так и при рассмотрении уголовного обвинения (*accusation en matiere penale, criminal charge*)»[2].

Л. В. Головко в связи с этим подчеркивает, что проблема в данном отношении для нас созрела далеко не только на академическом уровне. «...ЕСПЧ уже давно прямо указал, что для него российские „административные правонарушения" являются частью *crirminal matter*, то есть уголовного, а не административного права». И далее: «При этом концепция уголовно-правовой сферы сегодня охватывает российское право не только в теоретической, но и в абсолютно практической плоскости» [10, с. 50–51]. Рассуждая, ученый прямо указывает, что сформированная советская правовая «школа», строящаяся на жестком разделении отраслей права между собой, так и не позволяет «...современной политико-юридической элите увидеть в ответственности за административные правонарушения отнюдь не административную, а административно-*уголовную* (с ударением на втором слове) ответственность». И далее: «...следует отказаться от устаревшей советской концепции о том, что уголовное право содержится только в Уголовном кодексе – данная концепция реальности не соответствует» [10, с. 50–51].

Полагаем, что дело даже не в приверженности той или иной системе и уж тем более не в критике одной и поддержке другой. Суть проблемы лежит в области фактического развития в настоящий момент как административного, так и уголовного законодательства, синхронно демонстрирующих «сращивание» средств принуждения, когда сделать однозначный вывод о принадлежности большей их части к той или иной отрасли правового регулирования стало практически невозможно.

Как показывает подход, который демонстрируется законодателем в последние несколько лет, условный «перенос» достаточно жестких средств воздействия в отношении тех, кто совершил, в т. ч. преступления, именно в данную правовую отрасль стал носить все более системный характер. По крайней мере, его регулярность не вызывает сомнений. Что интересно, все

[2] Клепицкий И. А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете европейской конвенции о правах человека и наказание в России в свете европейской конвенции о правах человека // Государство и право. 2000. № 3. С. 65–74.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

рассуждения относительно репрессивности данных средств принуждения, исходя из доктрины как уголовного, так и административного права, невозможны априори, и это тоже догма[3] [11, с. 44, 67, 92; 12, с. 107, 142; 13, с. 8; 14, с. 519–522; 15].

В то же время надо понимать, что так же, как и вопрос разграничения преступления и правонарушения применительно к средствам воздействия, их рассмотрение в качестве административно-правовой или уголовно-правовой меры носит максимально субъективный характер и находится полностью в рамках законодательного усмотрения. Лишь условно мы не можем рассуждать об отсутствии репрессивности многого из того, что сегодня находится в административном законодательстве, да и то это обусловлено лишь его статусом. Впрочем, и о репрессивности того, что сегодня содержится в УК РФ, с позиции обоснованности данного критерия можно рассуждать достаточно много и вполне обоснованно. В значительной степени это обусловлено именно тем, что в настоящее время разграничение средств принуждения, отнесенных к административно-правовому статусу и иных мер уголовно-правового характера (как и отдельных видов наказаний и их размеров), находится за пределами формализованного подхода. При этом именно с формальной точки зрения то, что находится в уголовно-правовой сфере, имеет более жесткий характер, а в административно-правовой – наоборот. Но это только с формальной точки зрения, а с фактической все не настолько очевидно. Именно поэтому нельзя не согласиться с Т. Г. Понятовской, которая, обращая внимание на такое средство принуждения, как административный надзор, указывает на его уголовно-правовую природу происхождения [16]. Точно так же и наоборот, авторы свидетельствуют о том, что далеко не все предусмотренные уголовным законом меры воздействия являются собственно уголовно-правовыми [17, с. 229–230].

В целом эта ситуация имеет массу примеров, характеризующих ее как с одной, так и с другой стороны. Нет сегодня, например, критериев, которые бы четко указали на то, что судебный штраф (глава 15^2 УК РФ) или даже штраф как вид наказания, более жесткая мера, чем, например, административный штраф (ст. 3.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[4] (далее – КоАП РФ)). То же самое можно сказать и о конфискации имущества (глава 15^1 УК РФ) и конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения (ст. 3.7 КоАП РФ), аресте имущества в целях обеспечения исполнения постановления о назначении административного наказания за незаконное вознаграждение от имени юридического лица за совершение в интересах юридического лица сделок или финансовых операций с имуществом, полученным преступным путем (ст. 27.20 КоАП РФ). Нет таких критериев и применительно к таким мерам принуждения, как прекращение гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступления (ст. 24 Федерального закона № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[5]), применение которого возможно, например, за государственную измену (ст. 275 УК РФ), санкция которой ее даже не предусматривает, и ограничение свободы, как раз в санкции статьи нашедшее свое отражение.

С одной стороны, обе меры несравнимы, а с другой – они предусмотрены за одно и то же деяние, но на принципиально различных уровнях. В свою очередь возможность их применения за одно и то же деяние позволяет нам рассуждать о них как об однопорядковых, но при этом нет никаких шансов оценить степень их жесткости в целом и по отношению друг к другу в частности. Это сравнение может носить лишь оценочный характер, но дело даже не в этом. С доктринальной точки зрения, сам факт того, что за установленный факт совершенного преступления применяется мера, напрямую в санкции статьи УК РФ не предусмотренная, создает весьма противоречивую ситуацию. Особенно это важно, если учесть, что это далеко не единичный случай, и одно только лишение гражданства сегодня может применяться по восьмидесяти составам УК РФ[6]. Таким образом, на данный момент можно признать массовой ситуацию, когда ответственность за значительное число преступлений (различных групп и категорий) может наступать в т. ч. в рамках административного законодательства, причем даже без какого-либо упоминания уголовного законодательства.

В связи с этим возникает как минимум три закономерных вопроса. Во-первых, почему принуждение происходит в рамках административного законодательства и почему его нельзя

[3] Догматизм в этом вопросе находит соответствующее обоснование в отечественной уголовно-правовой доктрине. Так, А. А. Нечепуренко среди всех форм реализации уголовной ответственности рассматривает исключительно: наказание, испытание и судимость.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[5] О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

[6] См.: Алексеева М. Закон о новых основаниях для лишения приобретенного гражданства РФ вступил в силу // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ» : [сайт]. URL: https://www.garant.ru/news/1841922/ (дата обращения: 14.08.2025).

предусмотреть в уголовно-правовой сфере, во-вторых, как определить, что административно-правовая мера воздействия носит менее жесткий характер, чем то, что содержится в санкциях статей УК РФ, и так ли это, и в-третьих, насколько это ответственность административная, или она все-таки *административно-уголовная*? Сам по себе статус не дает ответа на второй вопрос, точно так же как он может быть использован при ответе на первый. Дело в том, что отнесение той или иной меры к одной из отраслей правового регулирования, с одной стороны, носит крайне субъективный характер, а с другой – также находится под давлением догм, объясняющих в т. ч. позицию законодателя.

Монолитность системы наказаний наряду с традиционно и откровенно слабой (бессистемной) проработкой иных мер уголовно-правового характера, имеющих под собой мощную, многовековую ретроспективу, неизбежно порождает соответствующий и вполне закономерный подход законодателя в решении данного вопроса. В своем выборе относительно как самой меры принуждения, так и определения ее статуса (включая процедуру реализации), правотворцу, так же как и любому другому человеку, проще пойти по тому пути, который был пройден ранее другими [18, с. 168–178, 234–238]. Причем это касается не только нормотворческой деятельности, но и того, как это определено в доктрине и как преподается в юридических вузах (что имеет если и не ключевое, то крайне важное значение), а соответственно, и сформированных знаний, не позволяющих выйти за пределы тех самых догм, которые носят фундаментальный (на уровне базового образования) характер, лежащих в основе даже психологии принимаемых решений. При этом нельзя забывать, что у правоприменителя выбора не остается и у него также формируются своя психология и свое правосознание, в рамках которых имеется четкое понимание усиления роли средств административно-правового принуждения в современных условиях. Не самой ответственности, а именно принуждения, репрессивность которого становится все более очевидной.

Во многом это проблема самой уголовной ответственности, определения которой, равно как и ее пределов в сфере уголовно-правового регулирования, до сих пор так и нет. Отсюда и те вопросы, получения ответов на которые также пока не предвидится. Видение данной категории в ее максимально широком варианте, от момента совершения преступления до момента снятия или погашения судимости, с одной стороны, дает такие же широкие возможности в части определения конкретных средств воздействия. С другой – эта же позиция о границах и пределах ответственности также обязывает к крайне сложному процессу выстраивания такой системы противодействия преступности уголовно-правовыми средствами. Однако именно широта представления об уголовной ответственности наряду с совершенно неустоявшейся позицией по данному вопросу, не говоря уже об отсутствии официальной позиции законодателя по его регулированию, создает все необходимые предпосылки для неопределенности именно в части того, что может составлять то самое ее содержание. Формулировки – «тяготы и лишения»[7] [19, с. 6; 20, с. 31–32; 21, с. 31], или «обязанность виновного нести ответственность», «претерпевать тяготы и лишения», распространенные в теории уголовного права, лишь добавляют такой неопределенности, не просто не позволяя разграничить две сферы правового регулирования, а еще больше запутывая ситуацию, не давая необходимой в таком случае точки опоры законодателю, уводя его в область субъективной (мировоззренческой) оценки. Следует констатировать, что доктрина в данном конкретном случае на протяжении длительного исторического периода вносит лишь сумятицу в решение этого вопроса, уже даже толком не раскрывая наиболее его проблемные аспекты, не говоря уже об их решении. По крайней мере, результат в этих рассуждениях не прослеживается, оставляя место для постоянных разногласий по фундаментальным вопросам средств принуждения в отношении тех, кто признан виновным в совершении преступлений. В конечном итоге Ю. Е. Пудовочкин делает важное и вполне обоснованное заключение о непосильности решения задачи определения природы всех расположенных за пределами уголовного закона мер воздействия на лиц, совершивших преступления[8]. От себя лишь добавим, что это в равной степени распространяется в т. ч. и на сами меры, содержащиеся непосредственно в тексте уголовного закона.

Выводы

Как итог, обе отрасли, исторически развивавшиеся как единое целое, несмотря на состоявшуюся формально-юридическую попытку их разделения, продолжают демонстрировать

[7] См., например: Курс советского уголовного права Часть общая : В 6 т. / Пионтковский А. А., Стручков Н. А., Ромашкин П. С. [и др.]. Москва : Наука, 1970. Т. 3: Наказание. С. 7 ; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / Векленко В. В. [и др.] ; под общ. ред. В. В. Векленко. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2022. С. 65–70 и др.

[8] См.: Пудовочкин Ю. Е. Понятие и система уголовно-правовых последствий совершения преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 129. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-1-126-136

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

родственность подходов, по крайней мере, в части определения средств принуждения, применяемых в отношении тех, кто совершил не только правонарушения, но и преступления. Их практически «генетическая» связь, обусловленная природой своего происхождения в современных, по сути, экстремальных условиях, оказывает определяющее воздействие именно на направление трансформации, где такие категории, как безопасность общества, а соответственно, целесообразность и идеология противодействия преступности, объясняющие многие процессы, оказываются доминирующими. В свою очередь преодоление догм не может происходить в других условиях, а перестройка доктрины под влиянием действий законодателя наблюдается далеко не впервые для любой правовой отрасли в пределах исторических процессов и существующих у исследователей возможностей для их анализа.

Искусственность столь жесткого подхода при разделении средств воздействия в отношении тех, кто совершил преступления, который был принят в свое время, наряду с так и не выработанными критериями разграничении средств государственного принуждения в зависимости от отрасли правового регулирования, при малейшем изменении баланса в общественных отношениях неизбежно влечет за собой крайности в уже, казалось бы, решенных вопросах межотраслевого характера. Между тем все они имеют свои исторические предпосылки. Следует учитывать также зарубежные современные тенденции, указывающие на большую вероятность трансформации подхода к пониманию базовых, в значительной мере разработанных категорий: принуждение, воздействие, ответственность.

Список источников

1. *Бавсун М. В.* Выдворение, депортация и режим высылки, как иные меры уголовно-правового характера // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2 (97). С. 159–164. https://doi.org/10.24412/1999-625X-2025-297-159-164

2. *Рёрихт А. А., Дубовик О. Л.* Разграничение уголовной и административной ответственности: теоретические основания и практические последствия // Юридические исследования. 2017. № 5. С. 107–123. https://doi.org/10.25136/2409-7136.2017.5.22748

3. *Головко Л. В.* Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву // Lex Russika. 2016. № 1 (25). С. 139–145.

4. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Концентрация уголовной репрессии: проблемы теоретического понимания и практики воплощения // Научный портал МВД России. 2011. № 1. С. 22–31.

5. *Александрова И. А.* Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности : монография. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2014. 206 с.

6. *Рарог А. И.* Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 470–479. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).470-479

7. *Денисова А. В.* Российское уголовное право как открытая социальная подсистема / Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : материалы IX Российского Конгресса уголовного права, г. Москва, 29–30 мая 2014 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. Москва : Юрлитформ, 2014. С. 18–22.

8. *Лесников Г. Ю.* Уголовная политика как стратегия и тактика борьбы с преступностью / Современные проблемы уголовной политики : материалы IV международной научно-практической конференции, г. Краснодар, 27 сентября 2013 г. : в 3 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2013. Т. 1. С. 127–133.

9. *Булатов Б. Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2003. 320 с.

10. *Головко Л. В.* Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 42–52.

11. *Нечепуренко А. А.* Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2014. 175 с.

12. *Багрий-Шахматов Л. В.* Уголовная ответственность и наказание. Минск : Вышэйшая школа, 1976. 383 с.

13. *Жалинский А. Э.* Уголовная политология. Сравнительное международное уголовное право // Избранные труды : [в 4 т.] / сост. К. А. Барышева [и др.]. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. Т. 3. 618 с.

14. *Каплунов А. И.* Административная ответственность как форма административного принуждения // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 4. С. 518–524. https://doi.org/10.19073/2658-7602-2019-16-4-518-524

15. *Соловей Ю. П.* Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2014. № 2. С. 56–63.

16. *Понятовская Т. Г.* Предупреждение преступлений: меры безопасности, административный надзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 98–103.

17. *Генрих Н. В.* Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория, практика. Москва : Норма, 2011. 318 с.

18. *Кульчар К.* Основы социологии права : [перевод] / с предисл. и под общ. ред. В. П. Казимирчука. Москва : Прогресс, 1981. 256 с.

19. *Марцев А. И.* Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1990.125 с.

20. *Лейкина Н. С.* Личность преступника и уголовная ответственность. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1968. 128 с.

21. *Карпушин М. П., Курляндский В. И.* Уголовная ответственность и состав преступления. Москва : Юридическая литература, 1974. 231 с.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 343.3/.7

Уголовно-правовые последствия интимного взаимодействия человека с роботами

Ильдар Рустамович Бегишев[1], доктор юридических наук, доцент
Альбина Александровна Шутова[2], кандидат юридических наук

[1, 2] Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, Казань (420111, ул. Московская, д. 42), Российская Федерация
[1] begishev@mail.ru, [2] shutova1993@inbox.ru
[1] https://orcid.org/0000-0001-5619-4025, [2] https://orcid.org/0000-0003-3015-3684

Аннотация:
Введение. *Настоящая статья посвящена комплексному исследованию этико-правовых проблем, возникающих в условиях интимного взаимодействия между человеком и антропоморфными роботами, с позиций уголовно-правовой науки, криминологии и виктимологии. Отсутствие системного подхода к данному феномену создает правовые пробелы, потенциально способные стать катализатором девиантного поведения и криминогенных ситуаций. Представленное исследование фокусируется на следующих взаимосвязанных аспектах: правовом статусе роботов, регулировании их производства и использования, а также потенциальных уголовно-правовых последствиях. Авторы выявляют существующие правовые пробелы, а также предлагают возможные модели нормативного правового регулирования и прогнозируют тенденции правоприменения в условиях технологической конвергенции.*
Методы. *Материалами для работы послужили положения российского и зарубежного законодательства, а также теоретические воззрения авторов, исследовавших схожую тему. Достоверность полученных результатов обеспечивается изучением доктрины и практики, а также использованием общенаучных и частнонаучных методов познания: логического, формально-юридического, сравнительно-правового, системно-структурного и других методов научного познания.*
Результаты. *Представленное исследование задает основы дальнейших исследований, посвященных решению этико-правовых проблем интимного взаимодействия робота и человека. Сформулированные выводы имеют значение для совершенствования правового поля робототехники и технологий искусственного интеллекта в сфере интимного взаимодействия с человеком, закладывают основы этического регулирования.*

Ключевые слова:
робототехника, робот, искусственный интеллект, взаимодействие человека и робота, антропоморфный робот, интимное взаимодействие, правосубъектность

Благодарности: Статья подготовлена при стипендиальной поддержке Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП).

Для цитирования:
Бегишев И. Р., Шутова А. А. Уголовно-правовые последствия интимного взаимодействия человека с роботами // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 98–105.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; одобрена после рецензирования 07.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Sex with Robots: Legal Implications of Intimate Interaction

Ildar R. Begishev[1], Doc. Sci. (Jurid.), Docent
Albina A. Shutova[2], Cand. Sci. (Jurid.)

[1, 2] Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
42, Moscow str., Kazan, 420111, Russian Federation
[1] begishev@mail.ru, [2] shutova1993@inbox.ru
[1] https://orcid.org/0000-0001-5619-4025, [2] https://orcid.org/0000-0003-3015-3684

Abstract:
Introduction. *The article is dedicated to a comprehensive study of the ethical and legal issues arising from intimate interactions between humans and anthropomorphic robots, from the perspectives of criminal law, criminology, and victimology. The lack of a systematic approach to this phenomenon creates legal gaps that could potentially catalyse deviant behaviour and criminogenic situations. The presented research focuses on the following interconnected aspects: the legal status of robots, the regulation of their production and use, and the potential criminal legal consequences.*

Keywords:
robotics, robot, artificial intelligence, human-robot interaction, anthropomorphic robot, intimate interaction, legal subjectivity

© Бегишев И. Р., Шутова А. А., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

The authors identify existing legal gaps and propose possible models of normative legal regulation while forecasting trends in law enforcement in the context of technological convergence.
Methods. *The materials for this work include provisions of Russian and foreign legislation, as well as theoretical views of authors who have explored similar topics. The reliability of the obtained results is ensured by studying doctrine and practice, alongside the use of general scientific and specific scientific methods of cognition: logical, formal-legal, comparative-legal, systematic-structural, and other methods of scientific inquiry.*
Results. *The presented research lays the groundwork for further studies aimed at addressing the ethical and legal issues of intimate interaction between robots and humans. The conclusions drawn are significant for improving the legal framework surrounding robotics and artificial intelligence technologies in the realm of intimate interaction with humans and establish the foundations for ethical regulation.*

Acknowledgments: *The article was prepared with the scholarship support of the Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IUEML).*

For citation:
Begishev I. R., Shutova A. A. Sex with Robots: Legal Implications of Intimate Interaction // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 98–105.

The article was submitted May 22, 2025; approved after reviewing October 7, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта и робототехники общество сталкивается с беспрецедентными правовыми вызовами и угрозами. По мере того, как роботы становятся частью человеческого общества, они постепенно будут брать на себя роль партнеров для людей, когда это необходимо, как помощники, соратники или компаньоны [1, 566]. В настоящее время различные компании уже разрабатывают роботов, призванных обеспечить людям общение и сексуальное удовольствие, и несколько из них уже поступили в продажу. Опрос 2017 года показал, что почти половина американцев считает, что секс с роботами станет обычной практикой в течение 50 лет[1]. Дэвид Леви предположил, что к 2050 году близкие отношения между человеком и роботом будут нормализованы[2].

Одним из актуальных междисциплинарных вопросов становится проблема определения, имеется ли необходимость в правовом регулировании интимных взаимоотношений между человеком и антропоморфными роботами. Данная сфера, находящаяся на пересечении технических наук, этики и права, порождает множество дискуссионных вопросов, требующих фундаментального научного осмысления и, возможно, последующей правовой регламентации. Проблема интимного взаимодействия с роботами, выходящая за пределы традиционного правового регулирования, актуализирует необходимость критического пересмотра устоявшихся юридических доктрин и формирования новых нормативных конструкций. Отсутствие системного подхода к данному феномену создает правовые пробелы, потенциально способные стать катализатором девиантного поведения и криминогенных ситуаций.

В настоящей работе предпринимается попытка комплексного исследования проблем, которые могут возникнуть в ходе интимного взаимодействия человека с роботами, предназначенными для удовлетворения сексуальных потребностей человека, с позиций уголовно-правовой науки, криминологии и виктимологии.

Особое внимание уделяется таким аспектам, как правосубъектность робототехнических систем, превенция преступлений при использовании сексуальных роботов, а также виктимологические характеристики потенциальных потерпевших в сфере отношений, связанных с антропоморфными технологиями.

Изучение взаимодействия человека и робота важно не только для упреждающего решения этих проблем с интеграцией технологий в повседневную жизнь, но и может дать представление о том, как люди взаимодействуют друг с другом [2, с. 2365].

Методы и результаты

Степень разработанности темы исследования

Стоит уточнить, что в мире уже проводятся крупные мероприятия, посвященные изучению любви к роботам и секса с ними. На втором международном конгрессе по изучению любви и секса с роботами, швейцарский исследователь Оливер Бендель представил доклад о том,

[1] Sex with a robot? : 1 in 4 men would consider it // YouGov : [website]. URL: https://today.yougov.com/society/articles/19285-1-4-men-would-consider-having-sex-robot (дата обращения: 12.04.2025).

[2] Levy D. Love and Sex with Robots : The Evolution of Human-Robot Relationships. USA, New York : Harper Perennial, 2008. 334 p.

какими опасностями грозит человечеству развитие индустрии секс-роботов[3]. Однако в основном усилия авторов сосредоточены на вопросах этики и морали, философии и психологии в области взаимодействия человека с секс-роботами. Комплексных исследований в России практически не имеется и не проводилось. Имеется несколько философских исследований, посвященных рассматриваемой нами проблеме, подготовленных Ф. Г. Майленовой [3], Ю. С. Шарыповым [4] и О. В. Летовым [5]. В свою очередь за рубежом опубликовано немало исследований, посвященных проблеме интимного взаимодействия человека и робота. Авторы точечно изучают моральные, семейные и социальные последствия применения секс-роботов (П. Ли (P. Li)) [6]. Многие специалисты рассматривают данную проблему с позиции биоэтики (Элен К. Карвалью Насименту (E. C. Carvalho Nascimento), Эужениу да Силва (E. da Silva), Родриго Сикейра-Батиста (R. Siqueira-Batista) [7], Пасхальная Ммесома Укпака (Paschal Mmesoma Ukpaka) [8]). Есть и незначительное количество уголовно-правовых исследований. Ж. Данахер (J. Danaher) поднимает проблему роботизированного изнасилования и роботизированного сексуального насилия над детьми, задается вопросом об их криминализации [9].

Правовой статус секс-роботов: субъект или объект права?

Краеугольным камнем в дискуссии о правовом регулировании взаимодействия с роботами становится вопрос об их правовом статусе. В современной юриспруденции сформировались два противоположных подхода: объектный и субъектный.

Согласно первому подходу, робот представляет собой сложное техническое устройство, выступающее исключительно в качестве объекта права.

Второй подход предполагает возможность наделения роботов, в т. ч. оснащенных продвинутым искусственным интеллектом, определенными элементами правосубъектности.

При рассмотрении сексуальных взаимодействий правовая квалификация робота имеет принципиальное значение. Объектный подход приводит к приравниванию секс-робота к материальному имуществу, что исключает возможность применения правовых конструкций, связанных с согласием, насилием или принуждением. В данном ключе робот выступает как сложная вещь, а его использование регулируется нормами права собственности.

Субъектный подход, напротив, открывает перспективу формирования особой категории правосубъектности – «электронного лица». Данная конструкция предполагает наделение робота ограниченной правоспособностью, что потенциально создает основу для защиты его виртуальной личности от противоправных посягательств. Однако реализация субъектного подхода сопряжена с необходимостью разрешения фундаментальных философско-правовых вопросов о сущности сознания, воли и автономии. Так, Саудовская Аравия предоставила гражданство роботу Софии[4].

Следует отметить, что промежуточная позиция, признающая за роботами особый статус «квази-субъекта», получает все большее распространение в научном дискурсе. Сторонники этой концепции полагают, что по мере развития технологий искусственного интеллекта возникнет необходимость в создании специального правового режима, учитывающего уникальные характеристики высокоразвитых робототехнических систем. В разрезе интимных взаимодействий такой подход может привести к формированию правовых норм, регулирующих поведение роботов и их пользователей на основе принципов информированного согласия и предотвращения вреда.

Определение правового статуса подобного робота необходимо, оно позволит определять, какими правами и обязанностями будет обладать как его «собственник», так и он. К примеру, важным является вопрос о том, может ли собственник представленной вещи уничтожить ее, может ли осуществлять с ним иные формы насилия, снимать его избиение и другие.

Секс-робот: алгоритмическая неопределенность

Также стоит рассмотреть вопрос об алгоритмах секс-робота. К примеру, если робот непосредственно направлен на выполнение самых разных задач, от приготовления обеда для ребенка до поддержания компании пожилого родственника. Однако в т. ч. он может искусно ориентироваться как в сексуальных, так и в несексуальных контактах в силу его универсальности. Возникает сложный этико-правовой вопрос, связанный с тем, как концептуализировать

[3] Погорелова А. Ученые: Секс-боты смогут залюбить людей до смерти // Актуальные новости : [сетевое издание]. URL: https://actualnews.org/nauka/129490-seks-boty-smogut-v-bukvalnom-smysle-zalyubit-lyudey-do-smerti.html (дата обращения: 12.05.2025).

[4] Миклашевская А. Саудовская Аравия предоставила гражданство роботу // Коммерсантъ : [сетевое издание]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3454104 (дата обращения: 12.05.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

и управлять роботом, который может переключаться из режима «играть с детьми и готовить им» днем в режим «играть со взрослыми» ночью? В связи с этим предстоит решить важную проблему, связанную с доведением до конечного потребителя (покупателя) робота всего функционала (всех алгоритмов), которыми он обладает, а также запрет на продажу (дарение, получение в наследство) подобного робота лицам до 18 лет.

Представляется необходимым в целях решения данного вопроса определять, что следует понимать под социальным роботом, а также под секс-роботом. Секс-роботы – это разновидность социальных роботов, чьей основной целью является обеспечение сексуального удовлетворения и близости для людей.

Правовое регулирование создания и использования секс-роботов

Вопрос правового регулирования создания и использования секс-роботов представляет собой комплексную проблему, затрагивающую различные отрасли права. Существующее в настоящее время законодательство, как правило, не содержит специальных норм, непосредственно направленных на регламентацию данной сферы, что приводит к необходимости применения общих правовых принципов и аналогии закона.

С позиций гражданского права возникает необходимость четкого определения прав и обязанностей производителей, продавцов и пользователей секс-роботов. Важнейшими аспектами становятся вопросы ответственности за причинение вреда, гарантийные обязательства, а также правовой режим информации, генерируемой в процессе эксплуатации сексуальных робототехнических систем. Кроме того, возникают следующие вопросы: должен ли секс-робот быть «доступен» человеку в любое время, в каких местах использование секс-роботов будет считаться неприемлемым? Как мы можем гарантировать их безопасность? Как близость с секс-роботом повлияет на мозг человека? Будут ли считаться этичными интимные отношения человека с секс-роботом, похожим на ребенка?

В области публичного права ключевое значение приобретает разработка технических стандартов и требований к производству секс-роботов. Данные стандарты должны охватывать не только физическую безопасность устройств, но и цифровую безопасность пользователей. Особую актуальность приобретает регламентация сбора, хранения и обработки сведений о частной жизни лица, получаемых робототехническими системами в процессе взаимодействия с пользователями. Имеются ли перспективы того, что терапию с помощью секс-роботов могут включить в медицинскую страховку?

Уголовно-правовое регулирование взаимодействия с секс-роботами должно базироваться на принципе общественной опасности деяния. В соответствии с данным принципом криминализации подлежат только те формы поведения, которые объективно способны причинить существенный вред охраняемым законом общественным отношениям. Несмотря на то, что поднимаемая нами проблема пока является лишь возможной (вероятностной) угрозой будущего, полагаем, что обсуждение должно быть начато задолго до того, как она станет социально значимой, и в него должны быть вовлечены представители других профессий, включая юристов, психологов, инженеров и других.

В разрезе рассматриваемой проблематики негативные последствия могут быть связаны:

– С возможностью причинения подобным робоустройством физического вреда лицу, его использующему. Например, опасности скрываются даже, казалось бы, в невинной сцене, где секс-робот и человек держатся за руки и целуются. А если губы секс-роботов были изготовлены с применением свинца или другого токсина? А что если робот, обладающий силой нескольких человек, случайно сломает руку владельца в момент проявления страсти?

Кроме того, секс-робот может иметь техническую неисправность, следовательно, это увеличит риск заражения пользователей половыми инфекциями, а также может нарушить репродуктивную функцию человека, вообще может привести к импотенции и бесплодию.

– Цифровой безопасностью секс-роботов и их подверженностью цифровым атакам. Насколько секс-робот уязвим для взлома? Секс-роботы могут собирать, хранить и обрабатывать огромное количество интимной информации, которая относится к сведениям о частной жизни лица, составляющим его личную тайну. Возникают вопросы о том, каким образом будет защищена конфиденциальность этих данных. Возможна ли квалификация действий в виде незаконного собирания подобных сведений или их распространения по ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации[5] (далее – УК РФ)? Можно ли (гипотетически) использовать секс-роботов в качестве устройств наблюдения и слежения за людьми, а также сбора информации? Лица могут

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

взломать робот и полностью контролировать его с тем, чтобы приказать, например, взять в руки нож и напасть на собственника робота. Субъекты могут контролировать секс-роботов и использовать их в качестве оружия.

– Возможной пропагандой насилия (к примеру, избиение секс-робота) и демонстрация этого на сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

– Использованием детских секс-роботов для пропаганды педофилии [8, с. 91–107].

– Секс-роботы намеренно спроектированы и используются для совершения актов изнасилования, насильственных действий сексуального характера и сексуального насилия над детьми.

– Организация проституции с секс-роботами.

– Другие.

Перспективы развития правового регулирования взаимодействия человека с секс-роботами в России

Для начала остановимся на правовых стратегиях взаимодействия человека с секс-роботами. Полагаем, что следует выделить три возможные стратегии в данном направлении.

Первая стратегия сводится к полному запрету использования секс-роботов. Подобная стратегия скорее всего может породить незаконный рынок, а также возможность их использования на территории других государств, в которых более лояльное законодательство (или оно пока не разработано вообще).

Вторая стратегия сводится к частичному ограничению секс-роботов. Одновременно с разрешением владеть ими вводится запрет на определенные действия с роботами. Ограничения могут касаться продаж и продвижения секс-роботов, продажи секс-роботов, имитирующих детей, браков с секс-роботами, организации публичных домов с секс-роботами [10]. К примеру, в некоторых странах уже введены законы, регулирующие производство и использование секс-роботов (например, в Австралии, Германии и Дании запрещены секс-куклы, имитирующие детей [11]).

Третья стратегия сводится к одобрению применения секс-роботов и полного отсутствия каких-либо ограничений и запретов.

Прогнозирование тенденций развития правового регулирования в сфере взаимодействия с секс-роботами представляет собой многоаспектную задачу, требующую учета технологических, социальных и политических факторов. На основании анализа существующих трендов можно выделить несколько перспективных направлений эволюции правового поля.

В *краткосрочной перспективе* наиболее вероятным сценарием представляется точечное регулирование наиболее проблемных аспектов взаимодействия с секс-роботами посредством внесения изменений в существующие нормативные правовые акты. Данный подход предполагает применение принципа правовой аналогии, при котором роботы рассматриваются как особая категория технических устройств, требующих специфических правил эксплуатации и ответственности.

Среднесрочная перспектива связана с формированием комплексного законодательства в области робототехники и искусственного интеллекта, включающего специальные разделы, посвященные интимному взаимодействию с роботами. В масштабе данного подхода возможно создание механизмов сертификации и лицензирования производителей секс-роботов, а также разработка этических кодексов для разработчиков соответствующего программного обеспечения.

В *долгосрочной перспективе* можно прогнозировать формирование новой отрасли права – «робоправа», регулирующего весь комплекс отношений, возникающих в связи с созданием, применением и уничтожением робототехнических систем. В условиях данной отрасли вероятно возникновение особых правовых режимов для различных категорий роботов в зависимости от их функционального назначения и уровня автономности.

Особую роль в формировании правового регулирования взаимодействия с секс-роботами будет играть судебная практика, непосредственно сталкивающаяся с необходимостью разрешения конкретных правовых коллизий. Именно в процессе правоприменительной деятельности будут вырабатываться прецеденты, способные стать основой для последующей кодификации норм в данной области.

Нельзя недооценивать и значение саморегулирования отрасли, предполагающего формирование отраслевых стандартов и кодексов поведения непосредственно производителями и пользователями робототехнических систем. Данный подход, основанный на принципе субсидиарности правового регулирования, позволяет гибко реагировать на технологические изменения без необходимости постоянного обновления законодательной базы.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Криминологические аспекты использования секс-роботов

Анализ криминологических аспектов использования секс-роботов представляет особый научный интерес. С одной стороны, существует гипотеза о «катарсической» функции подобных технологий, согласно которой взаимодействие с роботами может снижать риск совершения сексуальных преступлений против реальных лиц. В этом ракурсе секс-роботы рассматриваются как средство канализации девиантных сексуальных желаний, снижающее общественную опасность потенциальных преступников.

С другой стороны, нельзя игнорировать теорию «эскалации», предполагающую, что использование секс-роботов может способствовать закреплению деструктивных поведенческих мотивов и последующему переносу противоправных действий на реальных людей. Данная теория базируется на криминологической концепции «спирали насилия», согласно которой толерантность к определенным формам девиантного поведения может приводить к постепенному повышению порога допустимости противоправных действий.

Особую обеспокоенность вызывает возможность создания и использования роботов, имитирующих детей или воспроизводящих сценарии насилия. С позиций уголовно-правовой науки возникает проблема: следует ли криминализировать создание и применение таких роботов на основании их потенциальной опасности для общества, или же подобное ограничение будет неоправданным вмешательством в частную жизнь граждан?

В свете данной проблематики целесообразно обратиться к концепции «превентивного запрета», широко применяемой в криминологии. Согласно данному подходу, государство вправе устанавливать ограничения на определенные виды деятельности, если существует обоснованное предположение об их криминогенном характере. Применительно к секс-роботам это означает возможность законодательного запрета на модели, способные негативно влиять на правосознание пользователей и повышать вероятность совершения ими противоправных деяний.

Нельзя не отметить, что в обсуждаемой сфере ведущую роль играет латентность потенциальных правонарушений. Использование секс-роботов обычно происходит в приватной обстановке, что значительно затрудняет выявление и пресечение возможных нарушений закона. Данное обстоятельство актуализирует необходимость разработки специальных криминологических методик, направленных на превенцию скрытых форм противоправного поведения в сфере взаимодействия с робототехническими системами.

Виктимологические характеристики взаимодействия с секс-роботами

Рассматривая виктимологические аспекты взаимодействия с секс-роботами, необходимо обратить внимание на неочевидный, но значимый феномен – возможность виктимизации пользователей таких цифровых технологий. В отличие от традиционных форм виктимизации, пользователи секс-роботов могут становиться жертвами в результате манипуляции их сознанием и поведением через программное обеспечение робототехнических систем.

Современные секс-роботы, оснащенные искусственным интеллектом, способны собирать и анализировать обширные массивы данных о предпочтениях, фантазиях и потребностях пользователей. Неконтролируемое использование этой информации создает риск психологического воздействия и формирования зависимости, что в виктимологической парадигме рассматривается как процесс латентной виктимизации. В данном разрезе уместно говорить о формировании новой категории потенциальных жертв – «технологически виктимизированных лиц».

Особую обеспокоенность вызывает риск манипулирования сексуальным поведением пользователей через внедрение определенных алгоритмов в программное обеспечение роботов. Такая манипуляция может преследовать коммерческие цели (стимулирование приобретения дополнительных услуг или аксессуаров), а в более серьезных случаях – провоцировать пользователя на противоправные действия в отношении третьих лиц. В виктимологической терминологии подобная ситуация описывается как «программируемая виктимность» – состояние повышенной уязвимости, искусственно формируемое внешними агентами.

Не менее значимым аспектом является потенциальное влияние взаимодействия с секс-роботами на способность индивида к формированию нормальных межличностных отношений. Виктимологическая наука рассматривает социальную изоляцию как фактор, повышающий риск виктимизации. Следовательно, замещение человеческих контактов взаимодействием с роботами может приводить к повышению уязвимости индивида перед различными формами противоправных посягательств.

В данном разрезе представляется целесообразным формирование превентивных виктимологических программ, направленных на снижение рисков технологической виктимизации. Такие программы должны включать информирование потенциальных пользователей о возможных

негативных последствиях взаимодействия с секс-роботами, а также разработку технических стандартов безопасности для производителей робототехнических систем.

Обсуждение

Проведенное исследование правовых основ последствий сексуального взаимодействия с роботами демонстрирует многогранность и сложность данной проблематики.

Секс-боты бросают вызов существующим концепциям взаимодействия человека и машины, более того, они затрагивают самую интимную сферу жизни людей. Придется принять во внимание интересы разных групп, этические соображения и правовые нормы, а также учесть реальный потенциал этой технологии и опасность роста насилия.

Находясь на пересечении различных отраслей права, этики и технологий, феномен секс-роботов требует комплексного подхода, учитывающего как частные интересы, так и общества в целом.

В связи с тем, что секс-роботы бросают вызовы и риски обществу, то оно обязано их учитывать. В связи с этим решение вопросов о том необходимо ли их регулирование, как они могут использоваться (и где), какие действия с ними будут приемлемы, а какие – нет. В будущем, когда секс-роботы станут спутниками человека, будет необходимым определение секс-роботов и формирование норм, регулирующих их использование, чтобы гарантировать, что их конструкция и эксплуатация не нарушают закон [6].

Анализ правового статуса роботов показал наличие фундаментальных теоретических разногласий, препятствующих формированию единой концепции регулирования. Объектный и субъектный подходы представляют собой крайние позиции спектра возможных правовых решений, между которыми располагается широкое поле потенциальных компромиссных моделей. Наиболее перспективной представляется концепция «квазисубъекта», предполагающая формирование особого правового режима для высокоразвитых робототехнических систем.

Обзор существующих подходов к правовому регулированию производства и использования секс-роботов демонстрирует преобладание точечных государственных мер при отсутствии системного законодательства. Данная ситуация создает правовые пробелы, потенциально способные приводить к злоупотреблениям как со стороны производителей, так и пользователей робототехнических систем.

Перспективы развития правового регулирования в рассматриваемой области связаны с постепенным формированием специализированного законодательства, учитывающего технологическую специфику и потенциальные риски использования секс-роботов. Важнейшим фактором эффективности такого регулирования становится его гибкость и адаптивность к стремительно меняющимся технологическим реалиям.

Криминологический анализ использования секс-роботов выявил наличие противоречивых теорий о влиянии данного феномена на преступность. Гипотезы «катарсиса» и «эскалации» представляют собой альтернативные модели, эмпирическая проверка которых затруднена в силу новизны и латентности исследуемых процессов. В данных условиях представляется обоснованным применение принципа предосторожности, предполагающего определенные ограничения в отношении потенциально опасных форм взаимодействия с роботами.

Виктимологическое исследование выявило новые формы виктимизации, связанные с технологическим воздействием на сознание и поведение пользователей секс-роботов. Концепция «технологически виктимизированных лиц» раскрывает механизмы формирования зависимости и уязвимости в процессе взаимодействия с искусственным интеллектом, что требует разработки специальных превентивных программ.

Заключение

Переход на цифровой виток развития в современности способствует переструктурированию всех социальных сфер и их систем связи [12, с. 1009]. Социальные роботы приобретают все большее распространение и популярность, меняя отношения между людьми и выстраивая новые социальные связи [13, с. 92]. В целом, правовое регулирование сексуального взаимодействия с роботами представляет собой развивающуюся область юриспруденции, требующую постоянного мониторинга технологических инноваций и их социальных последствий. Формирование сбалансированной правовой базы в данной сфере должно основываться на междисциплинарном подходе, учитывающем достижения не только юридической науки, но и робототехники, психологии, социологии и этики.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Необходимо уточнить, что данная статья задает вектор дальнейших наших исследований, посвященных теме интимного взаимодействия робота и человека. Считаем принципиально важным рассмотреть вопрос терминологии и однозначного понимания роботов (роботы для секса, роботы для интимного взаимодействия, секс-роботы, роботы-компаньоны, интимные роботы-компаньоны [14, с. 566]), риски создания и применения, а также трансформацию системы действующего правового регулирования, разработки этического кодекса создания и применения роботов, предназначенных для удовлетворения интимных потребностей человека. Подобные этические принципы могут создать основу правового регулирования представленной сферы и быть применены как разработчиками, так и лицами, их использующими для снижения рисков и угроз. По мнению Н. Ядав, цифровые технологии находятся на стадии зарождения и раннего развития, поэтому необходимо соблюдать этические нормы во всех случаях применения [15, с. 960].

Технологические трансформации обладают значительным потенциалом для оптимизации процессов обмена цифровой информацией, повышения эффективности работы и усиления взаимодействия между специалистами. Однако для успешного внедрения этих технологий необходимо учитывать и решать возникающие вызовы и риски [16, с. 219].

Список источников

1. *Bertoni S., Klaes C., Pilacinski A.* Human-Robot Intimacy: Acceptance of Robots as Intimate Companions // Biomimetics. 2024. Vol. 9. No. 9. P. 566. https://doi.org/10.3390/biomimetics9090566

2. *Leshner C. E., Johnson J. R.* Technically in love: Individual differences relating to sexual and platonic relationships with robots // Journal of Social and Personal Relationships. 2024. Vol. 41. No. 8. P. 2345–2365. https://doi.org/10.1177/02654075241234377

3. *Майленова Ф. Г.* Любовь и роботы. Станет ли человечество дигисексуальным? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23, № 3. С. 312–323. https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-3-312-323

4. *Шарыпов Ю. С.* Этические аспекты производства роботов с функцией физиологического взаимодействия с человеком // Гуманитарная информатика. 2017. № 12. С. 58–68. https://doi.org/10.17223/23046082/12/7

5. *Летов О. В.* Актуальные вопросы биоэтики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 2022. № 2. С. 122–128. https://doi.org/10.31249/rphil/2021.02.06

6. *Li P.* What Would Happen If Sex Robots Could Replace Human Partners? // Advances in Applied Sociology. 2024. Vol. 14. No 10. P. 537–545. https://doi.org/10.4236/aasoci.2024.1410036

7. *Carvalho Nascimento E. C., da Silva E, Siqueira-Batista R.* The “Use” of Sex Robots: A Bioethical Issue // Asian Bioethics Review. 2018. Vol. 10. No 3. P. 231–240. https://doi.org/10.1007/s41649-018-0061-0

8. *Ukpaka P. M.* Sex Robots and Moral Problems: A Conditional Approach // Zeitschrift für Ethik und Moralphilosophie. 2024. Vol. 7. No 1. P. 1–17. https://doi.org/10.1007/s42048-024-00168-3

9. *Danaher J.* Robotic Rape and Robotic Child Sexual Abuse: Should They be Criminalised? // Criminal Law and Philosophy. 2017. Vol. 11. Is. 1. P. 71–95. https://doi.org/10.1007/s11572-014-9362-x

10. *Marchant G. E., Climbingbear K.* Legal resistance to sex robots // Journal of Future Robot Life. 2022. Vol. 3, No 1. P. 91–107. https://doi.org/10.3233/FRL-210009

11. *Desbuleux J. C., Fuss J.* Child-like sex dolls: legal, empirical, and ethical perspectives // International journal of impotence research. 2024. Vol. 36. Is. 7. P. 722–727. https://doi.org/10.1038/s41443-024-00979-3

12. *Яковлева Е. Л., Григорьев Р. А.* Назад в будущее: примитивизация, варваризация или новые сценарии развития человека? // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18, № 4. С. 1007–1023. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.1007-1023

13. *Гасумова С. Е., Портер Л.* Роботизация социальной сферы // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10, № 1. С. 79–94. https://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-10006

14. *Bertoni S., Klaes C., Pilacinski A.* Human–Robot Intimacy: Acceptance of Robots as Intimate Companions // Biomimetics. 2024. Vol. 9. Is. 9. P. 566. https://doi.org/10.3390/biomimetics9090566

15. *Ядав Н.* Этика искусственного интеллекта и робототехники: ключевые проблемы и современные способы их решения // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 4. С. 955–972. https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.41

16. *Begishev I. [et al.].* Technological Transformations of Professional Communication in Society 5.0 // 2025 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS), Saint Petersburg, Russian Federation, April 9, 2025. P. 219–223. https://doi.org/10.1109/ComSDS65569.2025.10971306

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 343.985

Особенности возникновения конфликтной следственной ситуации

Михаил Александрович Бугера[1], доктор юридических наук
Наталья Николаевна Бугера[2], кандидат юридических наук

[1] Краснодарский университет МВД России
Краснодар (350005, ул. Ярославская, 128), Российская Федерация
[2] Волгоградская академия МВД России
Волгоград (400075, ул. Историческая, д. 130), Российская Федерация
[1] ma.bugera@mail.ru, [2] knn.76@mail.ru
[1] https://orcid.org/0000-0003-4752-0620, [2] https://orcid.org/0000-0002-2459-7855

Аннотация:
Введение. *В статье раскрываются психологические особенности возникновения конфликтных ситуаций между лицом, осуществляющим предварительное расследование, и лицами, подозреваемыми или обвиняемыми в совершении уголовно наказуемых деяний. Авторы детально анализируют различные аспекты, влияющие на зарождение и развитие конфликта, а также рассматривают характер формирующейся при этом следственной ситуации и присущие ей специфические черты, воздействуя на которые, субъект расследования может трансформировать ее в более благоприятную для следствия.*
Методы. *Для достижения цели и задач исследования использовались общенаучные методы, а также анализ и синтез, методы индукции и дедукции, системно-структурный, конкретно-социологический, сравнительно-правовой, социологический, статистический, лингвистический, формально-логический методы.*
Результаты. *Авторами раскрыты особенности возникновения конфликтных ситуаций. Определено, что проблематика криминалистической тактики в конечном счете может быть сведена к одной центральной задаче – оптимальному взаимодействию следователя с различными участниками уголовного процесса, что требует учета юридических, психологических и этических аспектов. В настоящее время вопросы коммуникации и межличностного взаимодействия исследуются множеством научных дисциплин, однако именно преимущественно психология уделяет повышенное внимание разработке технологических аспектов общения. Можно утверждать, что методологические принципы, лежащие в основе решения задач, связанных с криминалистической тактикой, в значительной мере основаны на психологических знаниях и подходах. Критический анализ понятий, касающихся конфликтов в деятельности субъекта расследования, дал возможность выделить несколько ключевых понятий, среди которых «конфликтная ситуация», «конфликт», «ситуация конфликта». Такая дифференциация понятий открыла возможность формулирования и решения отдельных, хотя и взаимосвязанных задач, которые включают в себя разработку инструментов для анализа конфликтных ситуаций, а также создание методов, которые помогут следователю эффективно действовать в условиях конфликта.*

Ключевые слова:
следственная ситуация, конфликт, интерес, противодействие расследованию, следователь, субъект расследования

Для цитирования:
Бугера М. А., Бугера Н. Н. Особенности возникновения конфликтной следственной ситуации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 106–116.

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 11.08.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Features of the occurrence of a conflict investigative situation

Mikhail A. Bugera[1], Doc. Sci. (Jurid.)
Natalya N. Bugera[2], Cand. Sci. (Jurid.)

[1] Krasnodar University of the MIA of Russia
128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, 350005, Russian Federation
[2] Volgograd Academy of the MIA of Russia
130, Istoricheskaya str., Volgograd, 400075, Russian Federation
[1] ma.bugera@mail.ru, [2] knn.76@mail.ru
[1] https://orcid.org/0000-0003-4752-0620, [2] https://orcid.org/0000-0002-2459-7855

© Бугера М. А., Бугера Н. Н., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Abstract:
Introduction. *The article reveals the psychological characteristics of the emergence of conflict situations between a person conducting the preliminary investigation and people suspected or accused of committing criminal offences. The authors analyse in detail various aspects that influence the emergence and development of conflict, and consider the nature of the investigative situation that arises in this process and its specific features, which, when influenced, can be transformed by the investigator into a situation that is more favorable for the investigation.*
Methods. *To achieve the research objectives and goals, general scientific methods were used, as well as analysis and synthesis, induction and deduction, systemic-structural, concrete-sociological, comparative-legal, sociological, statistical, linguistic, and formal-logical methods.*
Results. *The authors reveal the peculiarities of the emergence of conflict situations. It has been determined that the issue of criminal investigation tactics can ultimately be reduced to one central task – the optimal interaction of the investigator with various participants in the criminal process, which requires consideration of legal, psychological and ethical aspects. At present, issues of communication and interpersonal interaction are being studied by a variety of scientific disciplines, but it is psychology in particular that pays increased attention to the development of the technological aspects of communication. It can be argued that the methodological principles underlying the solution of problems related to criminal investigation tactics are largely based on psychological knowledge and approaches. A critical analysis of concepts related to conflicts in the activities of the subject of investigation made it possible to identify several key concepts, including "conflict situation", "conflict", and "conflict situation". This differentiation of concepts has made it possible to formulate and solve separate, albeit interrelated, tasks, which include the development of tools for analysing conflict situations, as well as the creation of methods that will help investigators to act effectively in conflict situations.*

Keywords:
investigative situation, conflict, interest, obstruction of investigation, investigator, subject of investigation

For citation:
Bugera M. A., Bugera N. N. Features of the Emergence of a Conflict Investigative Situation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 106–116.

The article was submitted May 14, 2025; approved after reviewing August 11, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Анализ официальных статистических данных, характеризующих результативность деятельности органов предварительного расследования в борьбе с преступностью, дает основания говорить о негативных тенденциях в области снижения качества проводимого расследования, что обусловлено кроме прочего и психологической неподготовленностью самих следователей к должной реализации своих функций. Установление обстоятельств расследуемого преступления предполагает достаточную степень адаптивности самого субъекта расследования к той обстановке противодействия, в которой он вынужден осуществлять свою деятельность.

Попадая в поле зрения органов предварительного расследования, лица, совершившие преступные деяния, начинают активно противодействовать следствию, что проявляется в разного рода конфликтах. Участники уголовного процесса, «играющие» на стороне преступника, как правило, целенаправленно стараются дестабилизировать процесс расследования, в т. ч. и посредством психологических средств воздействия, что, учитывая явный дефицит общественной поддержки своей деятельности, только усугубляет стрессовую ситуацию для следователя.

В настоящее время тема конфликтов занимает все более значимое место в области социальных наук, однако, к сожалению, результаты лишь немногих исследований могут быть эффективно использованы в правоприменительной деятельности. В них, как представляется, явно недостаточно внимания уделяется факторам, которые являются основополагающими в процессах психологического противостояния.

Очевидно также, что продолжение исследований применения психологических методов в контексте тех конфликтных ситуаций, которые проявляются в процессе уголовного судопроизводства, особенно на досудебных стадиях, будет способствовать укреплению психологической подготовленности следователей, а это позитивно скажется на эффективности их работы. Сказанное лишний раз подтверждает актуальность психологической составляющей криминалистической тактики.

Методы

В настоящем исследовании ставится задача выявления закономерности возникновения конфликтных ситуаций при производстве следственных и иных процессуальных действий, а при производстве расследовании уголовного в целом. Методологическую основу исследования представляют сравнительный анализ, изучение и синтез литературы, которые нашли отражение непосредственно в достижении выдвигаемой цели исследования и решении

поставленных задач, а именно, в синтезе структурных элементов деятельности, направленной на устранение конфликтных ситуаций, анализе организации деятельности на выявление и устранение первопричин конфликтов. Авторами применялся деятельностный методологический подход, использованы общенаучные методы исследования (системно-структурный анализ, метод диалектического познания).

Дедуктивный метод был использован при определении критериев определения возникновения конфликтных ситуаций. При разработке отдельных научных категорий, определенных тематикой исследования, использовались методы индукции, анализа и синтеза. Системно-структурный метод применялся при построении и разработке профилактических мер как единого комплекса взаимосвязанных мероприятий.

Результаты

Расследование общественно опасных деяний осуществляется в специфических условиях, определяемых временными, пространственными и иными факторами, которые в совокупности формируют обстановку, в которой действует субъект расследования. Указанные элементы находятся во взаимосвязи и оказывают большое влияние на процесс взаимодействия следователя с различными участниками уголовного производства.

Понятие следственной ситуации, а также ее значение для научного обеспечения предварительного расследования не раз становились предметом изысканий в теории отечественной криминалистики. В этих работах встречаются разные определения термина «следственная ситуация», предложены различные классификации данного феномена, а также даются рекомендации, способствующие эффективной организации расследования преступлений. Активное развитие концепция следственной ситуации получила с 80-х гг. прошлого века. В этот период исследователи следственных ситуаций подчеркивали их значимость для деятельности следственных подразделений.

Р. С. Белкин рассматривает данное явление как «совокупность реальных условий и обстоятельств, в которых на текущий момент осуществляется расследование преступления»[1]. Эта концепция предполагает, что следственная ситуация представляет собой сложную систему взаимосвязей, формирующую конкретную обстановку, в которой действует следователь и другие субъекты, задействованные в процессе установления обстоятельств совершенного преступного деяния.

В рамках данного исследования понимание следственной ситуации требует глубокого анализа множества значимых факторов, играющих решающую роль в процессе установления обстоятельств преступного деяния. В первую очередь следует уделить внимание информационным аспектам, которые могут способствовать выявлению новой информации и раскрытию дела. Параллельно необходимо учитывать психологические элементы, влияющие на поведение и мотивацию участников следственного процесса. В то же время важность процессуально-тактических факторов не может быть недооценена, т. к. они определяют порядок и эффективность проводимых следственных действий. Материальные аспекты, такие как собранные улики и их правильное представление, также играют ключевую роль в формировании доказательной базы. Наконец, организационно-технические элементы, касающиеся структуры и ресурсов следственного аппарата, оказывают заметное влияние на продуктивность и оперативность расследования, будучи основой успешного разрешения дела[2].

Т. С. Волчецкая трактует следственную ситуацию как уровень информационной осведомленности субъекта расследования относительно характера расследуемого события и состояния самого процесса установления обстоятельств его совершения на определенном временном этапе. Анализ и оценка данной ситуации обеспечивают лицу, осуществляющему расследование, возможность поступать наиболее рационально в рамках процесса расследования [1, с. 93]. Тем не менее в процессе анализа информации, имеющейся в распоряжении следствия, субъект расследования сталкивается с множеством факторов, оказывающих негативное влияние на принятие им решений. К числу этих факторов можно отнести в первую очередь дефицит информации о происшествии, который может включать и отсутствие крайне значимых данных, способных выступать в качестве доказательств; а также источников, из которых можно извлечь необходимую информацию. Кроме того, следователь часто встречается с активным противодействием

[1] Криминалистика : Краткая энциклопедия / авт.-сост. Белкин Р. С. Москва : Большая российская энциклопедия, 1993. 111 с. ; Белкин Р. С. Курс криминалистики : учебное пособие. 3-е изд., доп. Москва : Юнити-Дана, 2001. 837 с.

[2] Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. Москва : Юридическая литература, 1988. 302 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

со стороны заинтересованных лиц, что может значительно усложнить процесс расследования, в частности, сбор объективных данных и формирование полной картины деяния. Не менее важным является и недостаток профессиональных знаний следователя о тактических приемах, возможных к применению в условиях конкретной следственной ситуации. Наконец, организационные сложности, такие как ограниченность временных ресурсов, недостаток материально-технической базы и отсутствие ясного планирования следственного процесса, могут стать дополнительными преградами.

Думается, что указанные факторы определяют динамический характер следственной ситуации, который в т. ч. может привести к ее переходу в неблагоприятную, что в свою очередь порождает у лица, осуществляющего расследование, неопределенность дальнейших действий.

Ряд исследователей полагает, что следственная ситуация может быть охарактеризована как система элементов, в состав которой входят значимые признаки и свойства обстоятельств, имеющих юридическую значимость в контексте уголовно-процессуальной деятельности следователя. Эта модель включает не только аналитические связи и взаимосвязи между указанными обстоятельствами, но и взаимодействие между участниками процесса расследования. К тому же следственная ситуация подразумевает учет как фактически наступивших, так и предполагаемых последствий действий сторон, что оказывает заметное влияние на динамику расследования и его конечные результаты [2, с. 28].

В теории криминалистики существует несколько точек зрения на понимание следственной ситуации: понимание следственной ситуации как определенной системы, включающей в себя обстановку, условия и текущее состояние процесса установления обстоятельств преступного деяния в конкретный момент либо как модель контекста, формирующуюся к конкретному моменту.

Часть ученых акцентирует внимание на пути развития криминалистики, исследующей закономерности, связанные с процессом установления фактов, свидетельствующих о совершении преступления. Криминалистика анализирует ретроспективные процессы, основываясь на обнаружении и использовании сохранившихся следов. Эта деятельность направлена на создание предпосылок для предотвращения аналогичных преступлений в будущем, что обусловливает их актуальность. Для реализации этих задач в рамках криминалистики разрабатываются эффективные технические средства, тактические приемы и методы, направленные на исследование преступных деяний и достижение целей уголовного судопроизводства [3].

Мы согласны с мнением исследователей, которые, используя модельный подход, рассматривают следственную ситуацию как изменчивую мысленную систему (модель). Эта модель служит отражением различных аспектов – от информационно-логических и тактико-психологических до тактико-управленческих и организационно-управленческих, придающих процессу расследования успешный или затрудненный характер.

Думается, следует согласиться с необходимостью предварительной оценки и проверки всего комплекса значимой для достижения целей предварительного расследования информации. Важно учесть все ключевые характеристики обстановки совершения преступного деяния и разработать его соответствующую модель перед тем, как принимать те или иные решения по движению расследования [2, с. 27]. Другие ученые также акцентирует внимание на необходимости глубокого понимания реально существующей следственной ситуации через создание ее мысленной модели, что, безусловно, может значительно повысить эффективность проводимых следственных действий[3].

Очевидно, что модель ситуации, конструируемая субъектом расследования на определенном его этапе, представляет собой результат его субъективных характеристик: интеллекта, профессиональных знаний, профессионального и жизненного опыта, психологических особенностей и др. Крайне важно, чтобы его модель следственной ситуации была адекватна существующей, т. к. указанные субъективные особенности субъекта расследования предполагают не просто разное понимание и оценку реально существующей ситуации, но и ошибочное, неверное ее понимание, а значит и построение ложной модели последней, что может привести к отрицательным результатам деятельности следователя.

Анализ следственной ситуации требует правильного понимания ее элементов. Условия, которые в совокупности определяют суть этой ситуации, возникают под влиянием факторов как объективного, так и субъективного свойства[4].

К числу объективных факторов, оказывающих воздействие на формирование следственной ситуации, следует отнести несколько ключевых аспектов. Прежде всего необходимо отметить

[3] Волчецкая Т. С. Моделирование криминальных и следственных ситуаций : учебное пособие. Калининград : Калининградский университет, 1994. 43 с.

[4] Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1975. 184 с.

важность объема и характера доступной доказательной информации, а также ориентирующих данных о преступлении, находящихся в распоряжении следователя. Данные факторы могут включать в себя детали механизма совершения преступления, наличие материальных следов, а также условия, способствующие его совершению, что в свою очередь определяет эффективность следственных действий.

Далее следует обратить внимание на значимость объема и характера ориентирующей информации, особенно касающейся оперативно-розыскной деятельности, которая на момент проведения следственной работы может не быть полностью использована. При этом надежность источников данной информации имеет решающее значение и может существенно повлиять на динамику и результативность расследования.

Кроме того, можно выделить ресурсное обеспечение деятельности субъекта расследования, которое подразделяется на материальное и организационное. Эффективное использование этих ресурсов создает предпосылки для успешного проведения следствия.

Нельзя недооценивать и значение предварительной квалификации произошедшего, поскольку правильная уголовно-правовая оценка позволяет целенаправленно распределить усилия следствия, что значительно повышает шансы на успешное раскрытие уголовного дела.

Субъективные факторы, влияющие на формирование следственной ситуации, охватывают множество аспектов, которые необходимо учитывать в процессе уголовного судопроизводства. Важнейшим из них является психологическое состояние всех участников следственного процесса. Данное состояние может варьироваться и оказывать прямое воздействие на эффективность проводимых следственных действий. Существенное значение имеет и психологическое благополучие следователя, которое непосредственно связано с уровнем его профессиональной подготовки, интеллектуального развития и наличием специализированных навыков. Кроме того, практический опыт субъекта расследования определяет его подход к решению возникающих задач и принятию решений в условиях неопределенности и нестандартных ситуаций. Это становится особенно важным в свете потенциального противодействия со стороны заинтересованных лиц.

Следователь также может предпринять действия, направленные на трансформацию следственной ситуации в более благоприятную для себя, что требует от него не только высокого профессионализма, но и умения выстраивать стратегию поведения. Ошибки, допущенные им в рамках проводимого расследования, могут иметь далеко идущие последствия, влияние которых может быть ощутимо и на конечном результате его работы.

Рассматриваемые выше объективные и субъективные факторы играют ключевую роль в формировании уникальности ситуаций, в которых ведут свою деятельность лица, осуществляющие расследование. Каждая из этих ситуаций характеризуется специфическими особенностями, влияющими на подходы и методы, применяемые в ходе расследования.

В результате анализа работ ученых-криминалистов[5] можно выделить различные компоненты, определяющие следственную ситуацию, и осуществить их классификацию на основании нескольких ключевых аспектов. Прежде всего следует отметить значимость психологических компонентов, возникающих в результате взаимодействия следователя с участниками уголовного процесса, включая случаи возможных конфликтов. Во-вторых, важным элементом являются информационные компоненты, которые охватывают находящиеся в распоряжении следствия данные о криминальном акте, а также сведения о потенциальных доказательствах и методах их выявления. Уровень осведомленности заинтересованных лиц о стратегии следствия также является важным аспектом, поскольку, очевидно, может существенно затруднить установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Третий аспект касается процессуальных компонент, которые включают в себя количество и результаты проведенных процессуальных мероприятий, влияя тем самым на качество доказательной базы, собранной в ходе производства по конкретному уголовному делу. Четвертый аспект связан с тактическими компонентами, сущностью которых является правильный выбор тактики проведения того или иного планируемого следственного действия и, наконец, организационные компоненты, в частности, планирование и техническая оснащенность субъекта расследования.

Сейчас в теории криминалистики существует ряд общепринятых классификаций следственных ситуаций, но наиболее удачной нам представляется предложенная Л. Я. Драпкиным.

Для целей нашей работы целесообразны классификации, базирующиеся на следующих критериях. Во-первых, можно выделить типологии, основанные на характере и содержании факторов, влияющих на формирование ситуации. В этом контексте выделяются несколько категорий ситуаций, таких как познавательный тип, акцентирующий внимание на исследовательском

[5] Гусаков А. Н. Следственные действия и тактические приемы : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 1973. 15 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

аспекте следственной деятельности; организационно-управленческий тип, связанный с процессами системы управления расследованием; тактический риск, отражающий неопределенности и потенциальные угрозы в ходе следствия; а также ситуации конфликта, возникающие на фоне противоречий интересов участников уголовного судопроизводства[6]. Во-вторых, классификация, строящаяся на оценке качественных характеристик возможностей достижения промежуточных целей в процессе расследования. В данном аспекте можно выделить благоприятные ситуации, при которых достижение следственных целей возможно с минимальными затратами со стороны субъекта расследования, и ситуации неблагоприятные, когда имеется недостаток информации о криминальном акте или активное противодействие со стороны заинтересованных участников уголовного процесса[7]. Наконец, важным критерием дифференциации следственных ситуаций выступает факт соперничества и противодействия сторон, чьи интересы и цели могут существенно влиять на ход расследования: конфликтные и неконфликтные[8].

Следует отметить, что развитие конфликтной ситуации в процессе расследования обусловлено несколькими ключевыми факторами. Одним из них является понимание субъектом расследования данной ситуации как таковой, что предоставляет ему возможность выбрать адекватные процессуальные и криминалистические средства для ее трансформации в более благоприятную. Вторым значимым фактором становится потенциальное или реальное противодействие следствию заинтересованных лиц, чьи интересы отличны от интересов субъекта расследования.

Современный состязательный уголовный процесс определяется наличием прав и обязанностей, которые возложены на противоборствующие стороны, стремящиеся решить возникающие вопросы в свою пользу. Важным аспектом в разрешении противоречий между такими субъектами уголовно-процессуальной деятельности, имеющими зачастую несовместимые цели, является то, что это должно проистекать в рамках определенных методологических основ, зиждущихся на научно обоснованных закономерностях, связанных с возникновением, развитием и разрешением конфликтов.

Особенностью предварительного расследования, производимого по уголовному делу, как сферы человеческой деятельности, является его изначальная конфликтная природа. Принимаясь за производство по любому уголовному делу, субъект расследования отдает себе отчет в том, что один только процессуальный статус представителей стороны защиты уже предполагает возможность появления противоречий, которые могут с легкостью трансформировать следственную ситуацию в конфликтную. Представляется, что именно это и есть тот основополагающий побудительный фактор в поведении субъекта расследования, направленный в т. ч. на недопущение возникновения такого конфликта. Эффективное решение задач уголовного судопроизводства требует от субъекта расследования умения преобразовывать конфликтные ситуации в конструктивное сотрудничество. Кроме того, функции следователя базируются в т. ч. на общественных нормах поведения (морали, традициях), что увеличивает его преимущество перед правонарушителями, вступившими в конфликт именно с обществом.

Значимость данной проблемы, как представляется, обусловлена формальным провозглашением принципа состязательности в отечественном уголовном судопроизводстве, но не его фактической реализацией. Должное обеспечение состязательного процесса может быть достигнуто главным образом предоставлением равного объема процессуальных прав всем его сторонам. Важно подчеркнуть, что такое состязание не должно переходить в открытый антагонизм: возникающие противоречия должны разрешаться в рамках, определяемых как нормами морали, так и уголовно-процессуальными нормами, что предполагает соблюдение принципов справедливости и взаимного уважения между участниками процесса [4, с. 32].

В теории криминалистики вопросы конфликтов, связанных с процессом расследования преступных деяний, рассматриваются в контексте анализа диалектических противоречий, как межличностного, так и внутриличностного характера, которые возникают в ходе выполнения следователем его функциональных обязанностей с целью достижения общих задач уголовного судопроизводства. Эти противоречия обусловлены характером самой следственной деятельности и проявляются в нетождественности средств или методов их достижения, которые имеют важное значение как для субъекта расследования, так и для взаимодействующих с ним сторон.

[6] Волчецкая Т. С. Указ. соч.

[7] Криминалистика : Краткая энциклопедия...

[8] Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей : учебное пособие. Москва : [б. и.], 1967. 290 с.

Кроме того, конфликты могут возникать из-за столкновения моральных, когнитивных и других духовных ценностей, а также личных ориентаций субъектов расследования[9].

Существенным обстоятельством, которое определяет следственную ситуацию как конфликтную, является стратегия защиты, реализуемая подозреваемым, обвиняемым и их защитником, а также поведение иных участников уголовного процесса, занявших по различным причинам позицию, противоположную деятельности субъекта расследования.

Анализ имеющихся в теории криминалистики точек зрения[10] позволяет выделить наиболее существенные элементы конфликтной ситуации. Во-первых, стоит отметить, что соперничество между участниками с противоположными интересами есть основа конфликта. Во-вторых, это нехватка информации о намерениях противника, что только усугубляет ситуацию. И, в-третьих, демонстрация сторонами устремления к достижению своих целей, даже в условиях информационной неопределенности, которая ограничивает их действия и затрудняет прогнозирование поведения соперника. На наш взгляд, перечисленные факторы, определяющие конфликтную ситуацию в ходе установления обстоятельств расследуемого преступного события, можно считать универсальными для любых конфликтных ситуаций следственного процесса. Важно отметить, что конфликтные взаимодействия могут возникать не только между сторонами обвинения и защиты, но и между участниками, представляющими одну и ту же сторону. Примером такой ситуации может служить очная ставка между обвиняемыми по одному уголовному делу, где напряженность во взаимоотношениях способна порождать новые конфликты и усложнять ход расследования.

Очевидно, что глубина и острота конфликта не имеют ничего общего со степенью общественной опасности совершенного деяния. Убийца может не оказывать противодействия следствию, в отличие от, например, взяточника [4, с. 32]. Для устранения конфликта субъект расследования должен понять его глубинные причины, а его последующие действия должны быть продуманными и соответствовать нормам этики и закона. Лицо, ведущее расследование, обязано быть подготовленным к противодействию как с моральной, так и с психологической точки зрения. Важным аспектом его профессиональной компетенции является владение навыками правовых и нравственных механизмов, позволяющими эффективно преодолевать различные формы сопротивления [5, с. 10].

Работа следователя по установлению всех обстоятельств совершенного преступного деяния, осуществляемая в условиях конфликта, представляет собой сложный процесс, в котором присутствует не только противостояние, но и множество противоречий. Все это, взятое в совокупности, создает уникальную среду осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Конфликт – это многогранное явление, в основе которого лежат сложные социальные и психологические состояния участников. Эти состояния проявляются в их противостоянии и столкновениях. Одной из ключевых характеристик конфликта является возможность причинения оппоненту морального или материального ущерба в процессе взаимодействия и деятельности. Вторая – наличие как очевидных, так и скрытых негативных эмоций, связанных с оппонентом, которые могут варьироваться от негодования и раздражения до глубокой обиды, создавая прочную основу для дальнейших противоречий и столкновений.

Согласно мнению Р. С. Белкина, конфликт можно рассматривать как крайнюю форму разрешения противоречий, возникающих в процессе взаимодействия между людьми. Эти противоречия формируются в сознании индивидуумов и часто связаны с интенсивными эмоциональными переживаниями[11]. Данное определение ценно, поскольку охватывает ключевые аспекты, касающиеся участников конфликта, и затрагивает важнейшие социальные институты, такие как социальный статус, интересы индивидов, авторитет и моральные нормы.

Сущность конфликтов, возникающих в уголовном судопроизводстве, определяется процессуальным статусом их участников, таких, как, например, следователь и подозреваемый. Эта ситуация подразумевает, что конфликт следует рассматривать не как простое противостояние, а как взаимодействие уважающих друг друга сторон. Указанные конфликты – разновидность социальных конфликтов, а это подчеркивает важность понимания научных закономерностей, касающихся их появления, эволюции, а также методов преодоления и разрешения таких противоречий. Кроме того, необходимо учитывать, что работа следователя по предотвращению и разрешению конфликтов должна основываться на четких методологических принципах.

[9] Баев О. Я. Конфликты в деятельности следователя : (Вопросы теории). Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1981. 160 с. ; Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск : Вышэйшая школа, 1978. 175 с.

[10] Порубов Н. И. Указ. соч.

[11] Криминалистика : Краткая энциклопедия...

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Субъект расследования осознает, что появление в уголовном деле подозреваемого предполагает конфликтное взаимодействие, поэтому восприятие потенциальной конфликтной ситуации, складывающейся в сознании субъекта расследования, выступает в качестве основы для формирования системы его действий. Его основная задача заключается в том, чтобы предотвратить возникновение таких конфликтов, а в случае их возникновения – успешно разрешить их, достигнув своих целей в рамках конфликтного взаимодействия. Важно подчеркнуть, что субъект расследования в таких условиях стремится избежать возникновения конфликтных ситуаций во время следствия и при возможности изменить позицию противодействующей стороны.

Думается, что в процессе взаимодействия между сторонами обвинения и защиты субъект расследования обладает значительным преимуществом, связанным с его процессуальным положением. Ведь его деятельность как представителя государственной власти ориентирована на защиту интересов общества и государства, основывается на действующем законодательстве и подкреплена мерами государственного принуждения. Эти аспекты придают следователю не только формальные, но и морально-психологические преимущества перед подозреваемым или обвиняемым.

Вопрос восприятия первичной информации о криминальном событии субъектом расследования остается крайне актуальным. Следует рассматривать следственную ситуацию как ментальную модель, которая формируется в сознании субъекта расследования. При этом важно учитывать индивидуальные характеристики самого субъекта расследования, ведь именно ему предстоит принимать решения по делу, задавать направление и определять тактику расследования. Лица, ведущие расследование, не бывают одинаковыми; у каждого из них различны уровень профессиональной подготовки, практический опыт и множество других факторов. Эти различия создают условия, в которых принимаемые решения могут существенно влиять на динамику следствия, преобразуя его конфликтные аспекты в более благоприятные для раскрытия преступления и наоборот. Каждый субъект расследования использует свои уникальные методы и опирается на индивидуальный опыт работы, что, безусловно, подразумевает необходимое дифференцированное применение передовых приемов и рекомендаций криминалистики. В связи с этим становится важным изучение закономерностей влияния психологических характеристик следователя на процесс принятия тактических решений в рамках производства по уголовному делу. Это требует учета, как накопленного криминалистического опыта, так и различных средств и методов расследования, позволяя вырабатывать подходы, способствующие более эффективному раскрытию преступлений и успешному разрешению сложных следственных ситуаций.

Можно сделать вывод, что профессионально подготовленные и высококвалифицированные лица, ведущие расследование, принимают обоснованные организационно-тактические решения, которые в свою очередь воплощаются в верном определении направления расследования. Однако наличие ошибок в ходе расследования, а также непрофессионализм лиц, его осуществляющих, зачастую выступают в качестве причин не только принятия необоснованных и незаконных решений по уголовным делам, но и возникновения конфликтных ситуаций в следственной практике. Данное обстоятельство подчеркивает необходимость комплексного анализа факторов, влияющих на успешность расследования, а также акцентирует внимание на значении качественного выполнения профессиональных обязанностей его субъектами. Необходимо также учитывать важность применения новейших методов и технологий в процессе работы с доказательствами, особенно в тех случаях, когда может возникнуть конфликтная ситуация, что, в свою очередь, обусловливает возможность не только оптимизации следственных действий, но и повышения общей эффективности уголовного процесса [6, с. 16].

В юридической литературе детально анализируются разнообразные аспекты и механизмы противодействия процессу расследования на досудебных стадиях, включая участие различных субъектов в процессе доказывания и наличие носителей доказательственной информации[12]. Эти исследования охватывают не только методологические приемы сопротивления, но и их влияние на динамику следственных действий, а также на результаты производства по уголовному делу в целом [7, с. 46; 8 с. 138].

Конфликтные ситуации в процессе расследования не в каждом случае являются следствием действий его участников, которые могут проявляться в открытой конфронтации или жестком противоборстве. Часто такие ситуации имеют скрытый характер и могут развиваться в форме невидимого психологического напряжения между участниками уголовно-процессуальных отношений. Это латентное состояние в свою очередь может представлять собой серьезную

[12] Криминалистика : учебник / Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. ; под ред. Р. С. Белкина. Москва : Инфра-М, 1999. 971 с.

угрозу для нормального хода уголовно-процессуальной деятельности, нарушая взаимодействие между ее участниками и затрудняя решение задач, стоящих перед судопроизводством [9, с. 15]. Инициативная и добросовестная работа защитника своего клиента может создать условия, в которых конфликтная ситуация возникнет, инициированная субъектом расследования. Некоторые авторы справедливо подчеркивают, что отношение к защитнику в процессе расследования преступлений становится все более позитивным. Высококвалифицированные и опытные субъекты расследования, в отличие от своих менее компетентных коллег, зачастую поддерживают участие защитника, особенно когда тот выполняет свои обязанности компетентно и добросовестно. В этой роли защитник выступает в т. ч. и как своего рода надзорный элемент, способный замечать недостатки в ходе следствия и указывать на возможные пробелы в доказательственной базе. Для субъекта расследования такое сотрудничество является чрезвычайно полезным, так как оно способствует более тщательному и справедливому проведению расследования[13].

Указанное позволяет определить конфликтную следственную ситуацию как специализированную информационную модель, отражающую все условия обстановки осуществленного криминального деяния в сознании лица, ведущего расследование [10, с. 268; 11, с. 86]. Эта модель выступает индикатором определенного этапа расследования, в ходе которого субъект расследования сталкивается с реальными тактическим противодействием и сопротивлением со стороны заинтересованных лиц.

Причины возникновения конфликтных ситуаций в процессе следственной деятельности, обусловленные деятельностью самого субъекта расследования, могут быть проанализированы через ряд ключевых аспектов. Прежде всего, следует отметить недостаточную психологическую подготовленность самого лица, ведущего расследование, к работе в условиях сложной следственной обстановки, что негативно сказывается на его способности адекватно реагировать на быстро меняющиеся обстоятельства [12, с. 116; 13, с. 179]. Во-вторых, актуальна проблема недостатка профессиональных навыков и умений, необходимых для эффективного принятия тактических решений в условиях противодействия со стороны заинтересованных лиц.

Третьим значимым фактором является нехватка практического опыта в формировании системы доказательств по конкретному уголовному делу, а также в процессе их объективизации, что может негативно сказаться на убедительности доказательственной базы. Кроме того, следует учитывать, что недооценка роли защитника, который активно участвует в следственных действиях, также может служить источником конфликтов [14, с. 88].

Конфликтная ситуация, возникающая в процессе расследования, определяется наличием значительных противоречий в действиях лица, ведущего расследование, и иных участников уголовного процесса. Эти противоречия часто приводят к активному противоборству и сопротивлению, что осложняет решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. Участники данного процесса сталкиваются не только с фактическими обстоятельствами дела, но и с эмоциональными и психологическими аспектами своих действий. Это создает дополнительные сложности для изучения и разрешения конфликтов, что требует более глубокого анализа их природы и механизмов преодоления в рамках уголовного процесса.

Представляется целесообразным рассмотреть классификацию конфликтных ситуаций, возникающих в ходе производства предварительного расследования, с разных точек зрения. Во-первых, конфликты можно делить в зависимости от методов их разрешения. Одни ситуации требуют применения тактических приемов и методов. В других случаях решение может быть найдено через процессуальные действия самого следователя, который, основываясь на уголовно-процессуальном законодательстве, принимает соответствующие меры. Наконец, иногда результаты разрешения конфликтов зависят от действий других участников уголовного процесса, что тоже следует учитывать.

С точки зрения субъектов, участвующих в разрешении конфликтных ситуаций, различия проявляются в том, кто именно берет на себя инициативу. В некоторых случаях следователь самостоятельно решает вопросы, основываясь на процессуальных решениях, а порой использует тактические приемы для достижения желаемого результата [15, с. 106; 16, с. 248]. Защитники, участвующие в процессе, также могут быть источником разрешения конфликтов, и их роль в этом смысле весьма значима. Кроме того, и другие участники уголовного судопроизводства могут оказывать влияние на развитие конфликта и его разрешение.

[13] Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката / Леви А. А., Игнатьева М. В., Капица Е. И. Москва : Юрлитинформ, 2003. 128 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Не менее важно различать последствия, которые влекут за собой конфликтные следственные ситуации. В некоторых ситуациях конфликты могут иметь конструктивный характер.

Следовательно, предложенная в данной работе интерпретация понятия конфликтной следственной ситуации закладывает основу для разработки как методологических принципов, так и практических подходов, что, в свою очередь, будет способствовать повышению эффективности деятельности следователя в условиях, неблагоприятных для проведения расследования. Это позволит создать систематизированный подход, который обеспечит профессионалу возможность успешно ориентироваться в сложных ситуациях и принятия оптимальных решений.

Заключение

Государственные институты, включая правовую систему, нацелены на защиту не только своих интересов, но и интересов граждан от преступных посягательств. В контексте этого императива они не могут полностью воздержаться от применения насилия в отношении правонарушителей. В связи с этим научное освоение и расширение применения психологических методов в деятельности следственных органов представляют собой важнейшие направления гуманизации уголовного судопроизводства. Проблема криминалистической тактики, в конечном счете, может быть сведена к одной центральной задаче – оптимальному взаимодействию следователя с различными участниками уголовного процесса, что требует учета юридических, психологических и этических аспектов. Вопросы коммуникации и межличностного взаимодействия исследуются множеством научных дисциплин, однако именно психология преимущественно занята разработкой технологических аспектов общения. Методологические принципы, лежащие в основе решения задач, связанных с криминалистической тактикой, в значительной степени основаны на психологических знаниях и подходах. Критический анализ понятий, касающихся конфликтов в деятельности субъекта расследования, дал возможность выделить несколько ключевых понятий, среди которых следующие. Конфликтная ситуация – то, как следователь воспринимает существующее противоречие, а также свое собственное положение (цели, способности и т. д.) и «противника» (его цели, личные и индивидуальные характеристики) в рамках конкретных условий и обстоятельств перед началом противостояния. Кроме того, важно учитывать, как «противник» воспринимает представления следователя. Конфликт, в свою очередь, представляет собой психологическое противоборство между следователем и участником дела, когда их цели и интересы оказываются несовместимыми. Ситуация конфликта включает в себя восприятие следователя этого противоборства, а также своего собственного «я» и «противника» в конкретных условиях и обстоятельствах. Данное разделение понятий открыло возможность для формулирования и решения отдельных, хотя и взаимосвязанных задач. Это включает в себя разработку инструментов для анализа конфликтных ситуаций, а также создание методов, которые помогут следователю эффективно действовать в условиях конфликта.

Список источников

1. *Волчецкая Т. С.* Криминалистическая ситуалогия : монография / под ред. проф. Н. П. Яблокова. Калининград : Калининградский университет, 1997. 245 с.

2. *Драпкин Л. Я.* Понятие и классификация следственных ситуаций / Следственные ситуации и раскрытие преступлений : межвузовский сборник научных трудов / ред. кол.: И. Ф. Герасимов [и др.]. Свердловск : [б. и.], 1975. Вып. 41. С. 39–48.

3. *Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты* : монография / Гавло В. К., Клочко В. Е., Ким Д. В. ; под ред. В. К Гавло. Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2006. 224 с.

4. *Попов А. И., Шинкарева К. П.* Некоторые аспекты использования специальных познаний на досудебных стадиях состязательного уголовного судопроизводства // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2005. № 3 (9).

5. *Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга* : Тезисы докладов / под ред. А. А. Бодалева. Н. Н. Обозова. Краснодар : [б. и.], 1975. 341 с.

6. *Новик В. В.* Состязательность сторон и противодействие адвоката по уголовному преследованию: процессуальные и криминалистические аспекты // Вестник криминалистики. 2007. № 2 (22).

7. *Малахова В. Ю.* Психологические и тактические особенности допроса в конфликтной ситуации // Правовое регулирование экономической деятельности. 2023. № 4. С. 43–50.

8. *Кряжев В. С.* Тактические особенности допроса подозреваемого (обвиняемого) в условиях конфликтной ситуации при расследовании преступлений террористической и экстремистской направленности // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25, № 1 (95). С. 133–141. https://doi.org/10.17150/1819-0928.2024.25(1).133-141

9. *Вахмянина Н. Б.* Взаимодействие следователей и органов дознания в процессе разрешения конфликтных следственных ситуаций // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3 (11). С. 13–16. https://doi.org/10.24411/2587-9820-2019-00015

10. *Файзуллина А. А.* К вопросу о конфликтных ситуациях, возникающих на стадии предварительного расследования // Закон и право. 2024. № 11. С. 266–269. https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-11-266-269

11. *Виноградова О. П.* Теория и практика решения конфликтных ситуаций, возникающих в ходе обыска // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2 (38). С. 84–88.

12. *Евглевская К. В.* Тактика применения принуждения при разрешении конфликтных ситуаций при производстве допроса // Закон и право. 2019. № 12. С. 115–117. https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10572

13. *Колесников В. П.* Конфликтные ситуации в уголовном судопроизводстве / Новеллы права, образования, экономики и управления 2023. Трибуна молодого ученого : материалы IX Международной научно-практической конференции, г. Гатчина, 24 ноября 2023 г. Гатчина : Издательство Государственного института экономики, финансов, права и технологий, 2013. С. 178–180.

14. *Кирюшина Л. Ю.* Допрос как особая форма делового общения: предотвращение конфликтных ситуаций // Юрислингвистика. 2024. № 32 (43). С. 85–89. https://doi.org/10.14258/leglin(2024)3215

15. *Ткачук Т. А., Цветкова Е. В.* Способы решений конфликтных ситуаций после возвращения уголовного дела с участием несовершеннолетних на дополнительное расследование // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 4 (53). С. 103–107.

16. *Кузнецов М. С.* Предъявление доказательств на допросе как способ преодоления конфликтной ситуации // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2022. № 2. С. 246–250.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 343.4

Уголовно-правовая оценка вреда здоровью в условиях изменения научной парадигмы

Василий Владимирович Векленко[1], доктор юридических наук, профессор
Анна Михайловна Чихрадзе[2], кандидат юридических наук

[1] Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург (199106, Университетская наб., д. 7/9), Российская Федерация
[2] Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
[1] veklenkovv@yandex.ru, [2] anna.chikhradze@mail.ru
[1] https://orcid.org/0000-0003-1373-6271, [2] https://orcid.org/0009-0000-0763-2228

Аннотация:
Введение. *Статья посвящена исследованию проблем построения уголовно-правовых норм о преступлениях против здоровья. Авторами обоснована целесообразность переосмысления норм действующего законодательства в условиях изменения научной парадигмы: от узко биомедицинского к интегральному (биопсихосоциальному) пониманию здоровья и причиненного вреда. Показано, что действующая модель порождает рассогласованность между юридическим и медицинским (экспертным) подходом, оставляет вне поля зрения уголовного права психический и социальный вред, а также кумулятивные формы насилия. Цель исследования – сформировать доктринально выверенные основания уголовно-правовой оценки вреда, согласованные с новой научной парадигмой и ориентированные на качественное усиление охраны здоровья как одного из приоритетных прав.*
Методы. *Использован догматический метод при анализе норм главы 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а также подзаконных нормативных правовых актов; системно-структурный и формально-логический подходы при разграничении юридических и медицинских критериев оценки вреда здоровью человека; сравнительно-правовой метод при исследовании особенностей правовой регламентации ответственности за причинение вреда здоровью в ряде зарубежных стран.*
Результаты. *Обоснована методологическая уязвимость «постфактум-модели» уголовно-правовой охраны здоровья и несоответствие критериев задачам справедливой дифференциации ответственности. Сформулированы юридически значимые параметры оценки вреда, подлежащие последующей нормативной конкретизации, при этом медицинские критерии рассматриваются как средство верификации, не подменяя при этом юридический критерий. На основе анализа положений уголовного закона, подзаконных нормативных правовых актов, материалов уголовных дел и позиций Конституционного Суда Российской Федерации сформулированы направления современных исследований в целях системного реформирования главы 16 УК РФ.*

Ключевые слова:
здоровье, вред, парадигма, критерии, ответственность

Для цитирования:
Векленко В. В., Чихрадзе А. М. Уголовно-правовая оценка вреда здоровью в условиях изменения научной парадигмы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 117–126.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Criminal-legal assessment of harm to health in the context of scientific paradigm shift

Vasily V. Veklenko[1], Doc. Sci. (Jurid.), Professor
Anna M. Chikhradze[2], Cand. Sci. (Jurid.)

[1] Saint Petersburg State University
7, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199106, Russian Federation
[2] Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
[1] veklenkovv@yandex.ru, [2] anna.chikhradze@mail.ru
[1] https://orcid.org/0000-0003-1373-6271, [2] https://orcid.org/0009-0000-0763-2228

© Векленко В. В., Чихрадзе А. М., 2025

Abstract:
Introduction. *The article is devoted to the research into problems of criminal-legal norms construction on crimes against health. The authors justify rethinking of current legislation norms in the context of the scientific paradigm shift: from a narrowly biomedical to an integral (biopsychosocial) understanding of health and injury. It is pointed out that the current model creates an inconsistency between the legal and medical (expert) approach, leaves out of criminal law sight mental and social harm, as well as cumulative forms of violence. The aim of the research is to form doctrinally considered grounds for criminal-legal harm assessments, conformed to the new scientific paradigm and oriented to the qualitative health protection strengthening as one of the priority rights.*
Methods. *The dogmatic method was used in the analysis of the 16 chapter norms of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter - the CC of the RF), as well as by-laws; systemic-structural and formal-logical approaches when distinguishing legal and medical assessment criteria of harm to human health; comparative legal method when researching the particularities of legal regulation of responsibility for causing harm to health in a number of foreign countries.*
Results. *The methodological vulnerability of "post fact-model" of criminal-legal health protection and inadequacy of criteria to objectives of fair accountability differentiation was justified. Legally relevant parameters of harm assessment are formulated, subject to further normative specification, with medical criteria being considered as a means of verification without replacing the legal criterion. Based on the analysis of the provisions of criminal law, by-laws, criminal cases documents and positions of the Constitutional Court of the Russian Federation directions of modern studies with a purpose to systematic reform of chapter 16 of the Criminal Code are formulated.*

Keywords:
health, harm, paradigm, criteria, responsibility

Для цитирования:
Veklenko V. V., Chikhradze A. M. Criminal-legal assessment of harm to health in the context of scientific paradigm shift // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 117–126.

The article was submitted August 1, 2025; approved after reviewing September 29, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Защита здоровья граждан является приоритетным направлением деятельности государства, обусловленным конституционными гарантиями. Первоочередное право на охрану здоровья закреплено в ст. 41 Конституции Российской Федерации[1], Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ[2], а также провозглашено одной из приоритетных задач уголовно-правовой охраны (ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации[3] (далее – УК РФ)). Соответственно охрана жизни и здоровья человека рассматривается как одна из важнейших функций государства.

Законодатель выстраивает уголовно-правовую охрану здоровья через главу 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья», где предусмотрен ряд составов, основным непосредственным объектом которых выступает здоровье человека [1, с. 62]. Однако, несмотря на столь подробную и понятную, на первый взгляд, юридическую регламентацию оснований и особенностей уголовной ответственности за причинение вреда здоровью, в теории и практике выявлен ряд сложностей, влекущих за собой неоднозначное правоприменение. Как отмечается в уголовно-правовой науке, проблему правовой регламентации ответственности за преступления против здоровья нельзя считать исчерпанной или полностью решенной [2, с. 33]. Практика также показывает, что нормы о преступлениях против жизни и здоровья далеки от совершенства и нуждаются в серьезном переосмыслении с учетом современных реалий [3, с. 137].

Вопросам оснований, особенностей уголовной ответственности за причинение вреда здоровью, а также ее дифференциации уделяли внимание в разное время такие российские ученые, как Б. Т. Базылев, С. В. Бородин, Н. А. Горшкова, Н. И. Загородников, А. В. Иванчин, И. Я. Козаченко, Л. Л. Кругликов, В. Н. Кудрявцев, Н. А. Лопашенко, А. В. Наумов, Т. В. Непомнящая, Э. Ф. Побегайло, С. В. Познышев, Ю. Е. Пудовочкин, С. В. Расторопов, М. Н. Становский, М. Д. Шаргородский, Г. Ф. Шершеневич и др. На уровне диссертационных исследований особенности квалификации причинения вреда здоровью исследованы в работах М. И. Галюковой «Уголовно-правовые признаки причинения вреда здоровью»[4], А. С. Гудимова «Уголовно-правовая характеристика умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью человека»[5], В. Н. Камнева «Ответственность

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 10.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2011. № 48. Ст. 6724.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.03.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[4] Галюкова М. И. Уголовно-правовые признаки причинения вреда здоровью : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 215 с.

[5] Гудимов А. С. Уголовно-правовая характеристика умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью человека : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 213 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

за причинение средней тяжести вреда здоровью по российскому уголовному праву»[6], Д. П. Кириченко «Уголовно-правовые санкции за причинение вреда здоровью: теоретический, законодательный и правоприменительный аспекты»[7] и др. Однако, несмотря на повышенное внимание, которое в теории и практике уделяется вопросам уголовной ответственности за причинение вреда здоровью, сохраняется объективная необходимость в научном переосмыслении ее оснований и законодательной регламентации. Современные реалии порождают новые формы посягательств на здоровье, выходящие за рамки классического понимания телесного вреда и не охватываемые действующим уголовным законом в их совокупности, системной взаимосвязи и взаимной обусловленности. В этих условиях приобретает особую важность задача качественного повышения уровня уголовно-правовой охраны здоровья как одного из приоритетных прав человека, непосредственно связанных с обеспечением конституционного принципа охраны жизни и достоинства личности. Это предопределяет необходимость актуализации научного подхода к уголовно-правовой защите здоровья и формирует теоретическую основу для последующего концептуального сдвига в построении соответствующих составов преступлений.

Методы

Использован догматический метод при анализе норм главы 16 УК РФ, а также подзаконных нормативных правовых актов; системно-структурный и формально-логический подходы при разграничении юридических и медицинских критериев оценки вреда здоровью человека; сравнительно-правовой метод при исследовании особенностей правовой регламентации ответственности за причинение вреда здоровью в ряде зарубежных стран.

Результаты

Считаем перспективным определение основных направлений изменения научной парадигмы оценки тяжести причинения вреда здоровью, требующих современного научного осмысления базовых основ, связанных с законодательной конструкцией составов причинения вреда здоровью, что станет концептуальным сдвигом в подходе к криминализации посягательств на здоровье, учитывающим новые виды вреда и преодолевающие жесткую формально-материальную дихотомию составов.

Уголовный закон дифференцирует ответственность за причинение вреда здоровью человека в зависимости от степени тяжести наступивших последствий: тяжкий, вред средней тяжести и легкий вред (ст. 111, 112, 115 УК РФ). Справедливо отмечается, что, хотя законодатель ввел понятие «вред здоровью» в 1996 году, вокруг него до сих пор не утихают споры. Нельзя не согласиться с тем, что это одна из наиболее противоречивых дефиниций в уголовном праве [4]. Так, понятия категорий причинения вреда здоровью не находят своего точного и однозначного пояснения в уголовном законе, а законодатель фактически направляет к медицинским критериям. В примечаниях к статьям 111 и 112 УК РФ указано, что критерии определения степени тяжести вреда здоровью устанавливаются Правительством Российской Федерации[8]. Уже не одно десятилетие существует указанная бланкетная конструкция, когда для определения степени причиненного здоровью вреда и квалификации деяния с точки зрения уголовного права используются специальные правила судебно-медицинской экспертизы.

В силу указанного обстоятельства важным направлением является современный взгляд на соотношение юридических и медицинских критериев определения степени тяжести причинения вреда здоровью. Действующий порядок основан на Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью, впервые утвержденных в 1978 году[9], затем обновленных в 1996[10]

[6] Камнев В. Н. Ответственность за причинение средней тяжести вреда здоровью по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 216 с.

[7] Кириченко Д. П. Уголовно-правовые санкции за причинение вреда здоровью : теоретический, законодательный и правоприменительный аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 221 с.

[8] Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 (ред. от 17.11.2011) // СЗ РФ. 2007. № 35. Ст. 4308. Утратил силу.

[9] О введении в практику общесоюзных «Правил судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений» : приказ Минздрава СССР от 11 .декабря 1978 г. № 1208 // Уголовный кодекс РСФСР : с изменениями и дополнениями на 1 февраля 1987, с постатейными материалами. Москва : Юридическая литература, 1987. 463 с. Утратил силу.

[10] О введении в практику Правил производства судебно-медицинских экспертиз : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 10 декабря 1996 г. № 407 (ред. от 05.03.1997) // Медицинская газета. 1997. 21 марта. № 23. Утратил силу.

и 2008[11] гг. и с 1 сентября 2025 г.– в редакции приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 8 апреля 2025 г. № 172н[12].

Указанными подзаконными нормативными правовыми актами установлены медицинские критерии определения степени причиненного вреда здоровью. Элементами медицинского критерия являются анатомо-физиологические признаки повреждений, длительность расстройства здоровья, а также стойкость утраты трудоспособности. В ряде случаев учитывается также эстетический аспект, например, при причинении неизгладимого обезображивания лица. Казалось бы, подобный подход устоялся и не вызывает сомнений.

Однако детальный анализ показывает существенные проблемы действующей системы критериев. Во-первых, наблюдается рассогласование между юридическими формулировками уголовного закона и содержанием медицинских критериев, установленных подзаконным нормативным правовым актом. Так, в случае установления процентного определения утраты общей трудоспособности: в Правилах 1978 года тяжким считалось снижение общей трудоспособности более чем на 33 %, а с 1996 года порог установлен свыше 30 %. При этом уголовный закон оперирует не процентами в ее определении, а использует дефиницию «не менее одной трети». Возникает коллизия: формально порог в подзаконном акте (30 %) ниже, чем порог, следующий из текста УК РФ (33 ⅓ %), что в теории может приводить к разночтениям. На это указывает и М. И. Галюкова, отмечая, что нормативное определение критериев тяжести вреда здоровью требует законодательного закрепления, поскольку их существующая регламентация в подзаконных актах вызывает правовую неопределенность[13]. Действительно, вопрос о том, стоит ли считать, например, утрату трудоспособности на 31 % тяжким вредом здоровью, не имеет однозначного ответа при подобной рассогласованности норм. Сложившаяся ситуация подрывает принцип определенности уголовного закона и единообразия его правоприменения. В новом приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации (далее – Минздрав России) от 8 апреля 2025 г. № 172н предпринята попытка устранить данное противоречие: в п. 5.1.11 указано, что значительной стойкой утратой общей трудоспособности признается «не менее одной трети (свыше 30 %)»[14]. Однако юридически эта формулировка продолжает воспроизводить коллизию.

Во-вторых, на протяжении десятилетий медицинские критерии лишь незначительно обновлялись, по-прежнему акцентируя внимание исключительно на телесных повреждениях и их влиянии на функции организма, длительность нетрудоспособности и проценте ее утраты, т. е. рассматривалась через экономический признак. Между тем реальная картина посягательств на здоровье усложнилась, а существующая система критериев их фактически игнорирует, переводя в поле «невидимого вреда», оставляя его вне поля зрения уголовного закона.

В 2023 году был представлен проект приказа «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»[15], а в 2025 году, спустя почти два года обсуждения указанного проекта, утвержден новый Порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека[16]. Анализ указанного нормативного правового акта показал, что он в большей степени соответствует не только актуализированным положениям Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»[17] и медицинской практике, но и требованиям к судебно-экспертной деятельности, в частности, с учетом вступившего в силу приказа Минздрава России от 25 сентября 2023 г. № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы»[18].

---

[11] Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н (ред. от 18.01.2012) (зарег. в Минюсте России 13.08.2008, № 12118) // Российская газета. 2008. 5 сентября. № 188. Утратил силу.

[12] Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации (далее – Минздрав России) от 8 апреля 2025 г. № 172н (ред. от 19.08.2025) (зарег. в Минюсте России 02.06.2025, № 82483) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сетевое издание]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020040?index=2 (дата обращения: 27.07.2025).

[13] Галюкова М. И. Уголовно-правовые признаки причинения вреда здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 5.

[14] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020040?index=2 (дата обращения: 27.07.2025).

[15] Проект приказа Минздрава России «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Правовой Сервер КонсультантПлюс : [электронное издание]. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/82665.html (дата обращения: 27.07.2025).

[16] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020040?index=2 (дата обращения: 27.07.2025).

[17] СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[18] Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы : приказ Минздрава России от 25 сентября 2023 г. № 491н (зарег. в Минюсте России 24.10.2023, № 75708) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сетевое издание]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310250009 (дата обращения: 27.07.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

К позитивным изменениям также можно отнести более четкую и унифицированную структуру, обновление медицинских формулировок (исключены двусмысленные термины, детализированы признаки тяжкого вреда, особенно в отношении повреждений внутренних органов, травм позвоночника, органов чувств и опорно-двигательного аппарата). В тексте также отмечается тенденция к повышению точности описания производства экспертизы – закреплены требования к экспертам, медицинским документам, критериям допуска и методам исследований.

Однако, несмотря на эти шаги вперед, ряд концептуальных недостатков не устранены. Анализ проекта показал, что он не ликвидирует некоторые пробелы, имеющие ключевое значение для юридической оценки вреда здоровью. Прежде всего новый порядок по-прежнему основывается исключительно на медицинских критериях оценки вреда здоровью, не устраняя главного пробела – неразграниченности юридической и медицинской оценки тяжести вреда. Критерии тяжести вреда все также формулируются в клинических показателях, без достаточной юридической конкретизации. Кроме того, новый порядок не восполнил определенные пробелы, имеющие ключевое значение для юридической оценки вреда здоровью. Например, в нем по-прежнему отсутствуют критерии оценки психического вреда здоровью, если он не достигает степени тяжкого. Как отмечается в научной литературе, до сих пор не достигнуто единство в определении содержания признаков тяжкого вреда здоровью, особенно в части душевной болезни[19] [5, с. 11–12; 6, с. 74]. Расширение понимания вреда здоровью на психоэмоциональную сферу требует разработки новых уголовно-правовых категорий, на что неоднократно указывали ученые разных лет [7, с. 185; 8, с. 115]. Таким образом, принятые обновленные правила все так же не устраняют пробел пропорционального соотношения медицинских и юридических начал при оценке вреда.

Е. В. Безручко верно отметил, что «существующая сегодня система юридической и медицинской оценки характеризуется своей неопределенностью в тех случаях, когда возникновение психического расстройства… не повлекло диагностированное стойкое расстройство. Это приводит к правовой неопределенности и фрагментарности защиты…» [9, с. 42–43]. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 11 января 2024 г. № 1-П также обратил внимание на эту проблему[20]. Поводом послужила жалоба пенсионера-инвалида из Якутска, который был избит во дворе своего дома. Следствием полученных повреждений стало тревожное расстройство, которое квалифицировано как вред здоровью средней тяжести. Пострадавший обжаловал подобную квалификацию, оперируя тем, что оспариваемые нормы не содержат критериев определения тяжести психического расстройства, что порождает возможность их произвольного применения.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем решении подчеркнул необходимость градации психического вреда, аналогичной уже существующей градации телесных повреждений. Суд акцентировал внимание на том, что психические расстройства, которые существенно не повлияли на психическое и социальное благополучие, а также не повлекли возникновение хронических и обостряющихся периодически проявлений, не могут быть расценены как тяжкий вред здоровью. Однако возникновение подобных состояний как следствие совершения преступления также имеет уголовно-правовую значимость, поскольку они способны снижать качество жизни, ограничивать профессиональные, бытовые и иные функции. Также Суд отметил, что «отсутствуют разумные конституционные основания не применять критерии длительности расстройства и утраты трудоспособности и в случае причинения повреждений, повлекших психические расстройства»[21]. По сути, Конституционный Суд Российской Федерации указал законодателю на пробел: требуется установить в законе понятные критерии отличия легкого, среднего и тяжкого психического вреда здоровью. На практике же пока такие ситуации оцениваются неоднозначно, что ставит потерпевших в менее защищенное положение по сравнению с потерпевшими от сугубо физических повреждений. Таким образом, можно констатировать, что даже обновленные правила нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Кроме психической компоненты вреда здоровью, должны учитываться и новые его формы, которые осуществляются без непосредственного физического насилия, либо комбинировано с ним, однако сегодня находятся за рамками уголовного закона. Речь идет о ситуациях,

[19] Гудимов А. С. Уголовно-правовая характеристика умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью человека : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 9.

[20] По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б. : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2024 г. № 1-П // СЗ РФ. 2024. № 4. Ст. 591.

[21] Там же.

когда вред причиняется опосредованно (доведение до нервного срыва системными угрозами). Современные реалии таковы, что придерживаться исключительно медицинского подхода уже недостаточно. Решение видится в смене парадигмы: переходу к интегрированному учету вредных последствий для здоровья различной природы происхождения (физических, психических, длительно текущих незначительных и др.). Только в таком случае уголовный закон сможет адекватно реагировать на все посягательства, затрагивающие здоровье человека в широком смысле, включая психическое и социальное благополучие, что соответствует определению здоровья по Уставу Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)[22].

В подтверждение сказанному можно привести примеры из экспертной практики. Судебно-медицинские экспертизы сегодня фиксируют в заключениях повреждения, формально не причиняющие длительного расстройства здоровья, но свидетельствующие о насилии. Так, в заключении эксперта по делу И. И. Иванова от 14.03.2023 г. указано, что у потерпевшей множественные ушибы и ссадины, не повлекшие расстройства здоровья свыше 21 дня, которые были оценены как «поверхностные повреждения, не причинившие вреда здоровью». Фактически уголовно наказуемого вреда нет, однако, исходя из материалов, они были нанесены в ходе систематических побоев. Подобные случаи сейчас находятся в плоскости административного права (если лицо ранее не привлекали к административной ответственности), хотя очевиден совокупный ущерб здоровью потерпевшей – как физический, так и психологический. Пробелы в механизме учета кумулятивного вреда здоровью – серьезный изъян в действующей системе охраны здоровья, ведь в уголовно-правовой науке также отмечается, что вред здоровью может выходить за рамки сугубо физического и быть и в форме заболевания, патологического состояния, физической боли, страданий физических и психических [4, с. 25].

Можно констатировать, что юридические и медицинские критерии оценки тяжести вреда здоровью, а также их соотношение сегодня нуждаются в пересмотре, поскольку сегодня значительная часть общественно опасных последствий насилия (особенно психологических) остается не учтенной законом. Как верно отмечает Д. С. Читлов, «при разграничении вреда, прежде всего, необходимо руководствоваться критерием, при котором основное значение имеет болезнетворное влияние повреждения на здоровье» [10, с. 21].

Можно заключить, что в современных условиях последствия причиненного вреда могут выходить за рамки сугубо медицинского понимания и иметь социальный аспект последствий для потерпевшего. Еще М. Д. Шаргородский отмечал случай, когда, по нашему мнению, он проявляется наиболее явно. По его суждению, шрам на лице, который может обезобразить молоденькую балерину, может почти не попортить лицо отставного боцмана [11, с. 329]. Приведем иной пример. Ребенок вследствие полученной черепно-мозговой травмы утрачивает способность к обучению, что по действующим медицинским критериям будет признано тяжким вредом здоровью, с фиксацией утраты трудоспособности (п. 29.11 приказа Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н[23]). Однако в иной ситуации, когда ребенок вследствие менее выраженных повреждений приобретает умеренные, но стойкие психические расстройства, такие как среднетяжелая депрессия либо тревожное расстройство без выраженного психоза, они не могут быть сегодня оценены как тяжкий вред здоровью за отсутствием соответствующих критериев, хотя последствием также может быть утрата способности к обучению, как и в первом случае.

В мировой практике оценки вреда здоровью есть примеры более широкого подхода, используемого законодателем. Так, в Канаде под «телесным повреждением» понимается любой вред, нарушающий здоровье или комфорт лица и выходящий за рамки кратковременного или незначительного (физический либо психологический)[24]. Таким образом, смена научной парадигмы в оценке тяжести вреда здоровью предполагает отход от узкого фокуса на физических показателях и его смещение в сторону всех значимых последствий для здоровья человека. Здоровье в современном понимании – это состояние не только физического, но и психологического и социального благополучия и его уголовно-правовая охрана должна этому соответствовать.

Кроме этого, в практическом плане расширение понимания причинения вреда здоровью предполагает не только переосмысление роли, но и отказ от экономического критерия как мерила степени тяжести последствий, введение которого изначально не находило однозначного

[22] Устав Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (принят 22 июля 1946 г.) // Всемирной организации здравоохранения : [официальный сайт]. URL: https://www.who.int/ru/about/governance/constitution (дата обращения: 04.04.2025).

[23] Российская газета. 2008. 5 сентября. № 188. Утратил силу.

[24] Criminal Code of Canada // Government of Canada : Justice Laws : [website]. URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/section-2.html (дата обращения: 04.04.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

отношения в уголовно-правовой науке [12, с. 77; 13, с. 57]. Этот показатель был введен исходя из трудовой роли человека, однако сегодня утрата общей трудоспособности не означает, что на этом основании можно адекватно определить степень тяжести причиненного вреда. Во-первых, он абсолютно не применим к некоторым группам потерпевших – малолетним, несовершеннолетним, инвалидам, то есть лицам, не вовлеченным в трудовую деятельность. Дополнительно необходимо отметить, что сохранение сегодня этого признака как базового ориентира в оценке степени тяжести вреда здоровью вступает в противоречие с принципом справедливости. В рамках действующего подхода квалификация совершенного обусловлена не только анатомо-физиологическими последствиями, но и возможностью их перевода в экономические показатели – проценты утраты трудоспособности. Складывается ситуация, когда лицо, совершившее преступление, подлежит уголовной ответственности не в соответствии с характером и степенью общественной опасности совершенного, а в зависимости от социального или профессионального статуса потерпевшего. Таким образом, одинаковые по своей физиологической природе травмы могут получить разную уголовно-правовую оценку: повреждение суставов, связок либо позвоночника взрослого трудоспособного лица квалифицируется как тяжкий вред здоровью, если будет установлена утрата трудоспособности свыше 30 %, тогда как аналогичные повреждения у ребенка или пенсионера могут не быть признаны тяжкими по причине невозможности расчета утраты трудоспособности. Тем самым происходит нарушение равенства граждан перед законом в контексте степени охраны их здоровья и выстраивания зависимости между его охраной и правовым статусом потерпевшего.

Во-вторых, утрата как общей, так и профессиональной трудоспособности не способны охватить многих аспектов деятельности (вред здоровью в виде травмы, которая привела к невозможности самостоятельно передвигаться, очевидно, образует тяжкий вред здоровью даже при сохранении способности к труду).

Как альтернатива видится введение критерия функционального вреда, который отразит степень утраты основных способностей человека в обычной для него жизни (самостоятельно передвигаться, обслуживать себя, ориентироваться, общаться, обучаться и т. д.). Указанный критерий позволит обобщить то, что ранее оценивалось через утрату трудоспособности, но освободит оценку вреда от привязки к оценке в экономической сфере. Одновременно следует переосмыслить и медицинские показатели оценки тяжести вреда как в физиологическом, так и в психосоциальном аспекте, их место.

Классическое деление уголовно-правовых составов на формальные и материальные основывается на конструкции объективной стороны преступления. [14, с. 9]. В контексте причинения вреда здоровью материальные составы – ст. 111–115 УК РФ[25], а формальные – например, ст. 116[1] УК РФ. Как известно, до 2017 года любое умышленное нанесение побоев – вне зависимости от их характера и контекста – квалифицировалось по ст. 116 УК РФ. Однако в ходе гуманизации уголовного законодательства значительная часть таких деяний была переведена в административно-правовое поле. Так, сегодня значительная доля побоев подлежит административному преследованию (ч. 1 ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[26]), а уголовная ответственность предусмотрена в контексте административной преюдиции по ст. 116[1] УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному взысканию». Сегодня в рамках ст. 116 УК РФ «Побои» квалификации подлежат лишь действия, причинившие физическую боль, совершение которых обусловлено определенной преступной мотивацией, а равно с публичной демонстрацией, в т. ч. в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Такой законодательный подход вызывает серьезные сомнения в системности и эффективности построения юридической охраны одного из наиболее значимых социальных благ – здоровья человека. Исследование статистических данных до внесения изменений в 2017 году в УК РФ свидетельствует, что оснований для подобной «гуманизации» нет – по ст. 116 УК РФ в прежней редакции ежегодно осуждалось лиц столько, сколько по ст. 111, 112 и 115 УК РФ в совокупности. В 2016 году за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, были осуждены 17 838 человек, по ч. 1 ст. 111 УК РФ – 4 444 человека, по ч. 1 ст. 112 – 7 565 человек, а по ч. 1 ст. 115 УК РФ – 3 261 человек[27].

---

[25] СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[26] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[27] Данные судебной статистики : Отчет о числе осужденных по основным составам преступлений за 2016 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3837 (дата обращения: 24.08.2025).

Стоит отметить, что при таком положении особенно уязвимым представляется положение лиц, подвергающихся систематическим побоям в условиях близких (семейных), образовательных и трудовых отношений. Законодатель, формализовав состав побоев, ограничился выделением их в самостоятельный блок, не увязанный с остальными нормами главы 16 УК РФ, что привело к разрыву в логике дифференциации ответственности по степени опасности для здоровья. Подобная конструкция, предполагающая отсутствие уголовного преследования до наступления определенных последствий либо повторности, не учитывает кумулятивного эффекта (система мелких травм и постоянное психологическое давление может в совокупности наносить здоровью не меньший вред, чем одно серьезное повреждение).

Законодатель, выделив один вид побоев в отдельный блок, а другой переведя в поле административного права, допустил логический разрыв в системе ответственности за причинение вреда здоровью. Получилась ситуация, при которой единичный легкий вред здоровью, например, перелом пальца (вред средней тяжести по длительности нетрудоспособности свыше 21 дня) влечет привлечение к уголовной ответственности по ст. 115 УК РФ, а многократные болезненные удары, не оставляющие синяков, наказываются штрафом; либо систематическое унижение в семье, вызывающее длительные стрессы, нарушения психического равновесия – вовсе находятся вне зоны уголовной ответственности, что видится недопустимым. Как отмечает О. Ю. Савельева, посягательство на здоровье человека сопряжено с причинением физического, морального, а часто и материального вреда [15, с. 93], однако сегодня понимание «вреда здоровью» сводится сугубо к физическому ущербу.

Ряд стран, чтобы избежать подобных пробелов в уголовно-правовой охране здоровья прибегает к введению в уголовный закон составов, которые позволяют дать уголовно-правовую оценку за систематическое совершение мелких актов насилия различного типа, учитывая совокупный ущерб для потерпевшего (Великобритания, Ирландия, Швеция). Так, в Швеции с 1998 года есть состав преступления «Грубое нарушение неприкосновенности», предусматривающий уголовную ответственность за системное унижение и применение мелкого насилия в отношении близкого лица[28]. По сути, шведский законодатель ввел кумулятивную оценку действий виновного лица, соединив характеристики формального состава преступления (независимость последствия от каждого конкретного эпизода) и материального (учет общего результата совершенных деяний). Для российской системы уголовно-правовой охраны здоровья этот опыт весьма релевантен. Необходимо отметить, что подобные предложения не нацелены на чрезмерную криминализацию или «размытие» составов, предусматривающих уголовную ответственность за причинение вреда здоровью. Речь идет о восстановлении и укреплении целостности системы охраны здоровья.

Представляется оправданным переход от материальных составов к формальным в контексте охраны здоровья, исходя из задач предупреждения вреда: ряд деяний, представляющих опасность для здоровья, должны пресекаться уголовным законом до наступления тяжких последствий, а если они наступили – тем более. В настоящее время, чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности за причинение легкого вреда здоровью, нужна фиксация до 21 дня нетрудоспособности. При формальной конструкции достаточно фиксации факта совершения общественно опасного деяния (например, перелом без привязки ко времени восстановления). Уголовная ответственность в таком случае наступает за сам факт противоправного воздействия на здоровье другого лица. Таким образом, станет возможным пресечь эскалацию насилия на ранней стадии и предотвратить более тяжкие последствия.

Предлагаемая система предусматривает свое законодательное выражение с использованием формальных составов преступлений, где уголовно-правовая оценка посягательства производится по характеру, способу совершения деяния и его потенциальной способности причинить вред определенной степени. Иными словами, уголовная ответственность в такой модели наступает за сам факт противоправного воздействия на здоровье при наличии у деяния объективной опасности причинения соответствующего вреда вне зависимости от того, реализовались ли эти последствия в конкретном случае. В такой модели уголовно-правовой регламентации уголовной ответственности за причинение вреда здоровью человека превалирует юридический критерий – оцениваются объективные свойства деяния и присущая ему потенциальная вредоносность; фактический объем последствий учитывается на стадиях квалификации (при их наступлении – в сторону усиления) и индивидуализации наказания. Отдельного рассмотрения требует вопрос дифференциации вреда и медико-социальных критериев, позволяющих отнести конкретный вред здоровью к соответствующим категориям

[28] Уголовный кодекс Швеции (принят в 1962 году, вступил в силу 1 января 1965 г.) // Шведская Пальма = Svenska Palmen : [сайт]. URL: https://sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii (дата обращения: 06.04.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

в рамках предлагаемой модели. Тем не менее уже очевидно, что переход к предложенной системе способен устранить существующие пробелы, обеспечив логичную и научно обоснованную дифференциацию за соответствующие посягательства.

Такой подход способствовал бы существенному реальному укреплению уголовно-правовой охраны здоровья, поскольку также позволял при правовой регламентации учитывать описанные случаи «выпадения» из поля зрения уголовного закона сегодня ряда общественно опасных деяний. Таким образом, представляется обоснованным предусмотреть меры ответственности за деяния, совокупно причинившие значимый вред, даже если каждое в отдельности формально «мелкое». В приведенном выше примере с «поверхностными» повреждениями систематические побои могли бы квалифицироваться как причинение легкого вреда здоровью уже по факту многократного нанесения ударов, в то время как в рамках материального состава вред не причинен. Аналогично при формальном подходе стало бы возможным привлекать к ответственности за причинение вреда сугубо психическому здоровью даже при отсутствии явных телесных повреждений. В действующей же системе такое деяние может вовсе не подпадать под состав преступления, если нет телесного ущерба или конкретного тяжкого исхода.

Заключение

Проведенный анализ показал, что сложившаяся система уголовно-правовой охраны здоровья человека, построенная на дифференциации вреда по степени тяжести последствий, не в полной мере соответствует современным реалиям. Несмотря на кажущуюся завершенность, уголовно-правовой механизм охраны здоровья характеризуется рядом пробелов, а также некоей рассогласованностью, которые проявляются в квалификации отдельных общественно опасных деяний. Особого внимания требуют соотношение медицинских и юридических критериев оценки тяжести вреда, их соответствие объективным реалиям, уголовно-правовая оценка причиненного психического вреда, а также случаи физического и психологического насилия, которые в настоящее время находятся за рамками уголовного права.

Современный подход к ответственности за причинение вреда здоровью требует кардинального переосмысления на уровне научной парадигмы. Показано, что точечные изменения существующих норм не устраняют системных проблем и в долгосрочной перспективе не обеспечивают надлежащей охраны здоровья. Напротив, назрел концептуальный сдвиг: отказ от преобладания экономико-медицинского критерия оценки тяжести вреда в пользу пересмотра базовых принципов, включая переход к формальному построению составов преступлений. Необходимо устранить узкое понимание «вреда здоровью» как исключительно медико-биологической категории и утвердить более широкое его толкование, охватывающее все аспекты благополучия личности – физического, психического и социального. Такой подход позволяет учитывать психический и социальный вред наравне с телесными повреждениями, устраняя существующие проблемы правовой оценки. Учитывая, что недостаточная охрана здоровья ассоциируется с прямой угрозой национальной безопасности любого государства [16, с. 170–171], предложенная парадигма придает уголовно-правовой защите здоровья необходимую глубину и актуальность.

Очевидно, что вектор развития законодательства смещается от фрагментарных поправок к системной реформе, основанной на целостных научных представлениях о природе здоровья и вреда ему. Предложенный подход обладает новизной и комплексностью, не противореча при этом основополагающим принципам уголовного права – законности и определенности. Напротив, концепция призвана устранить существующую неопределенность, опираясь на достижения смежных областей знания (медицины, психологии и др.), и тем самым повысить научную обоснованность правовых решений. Системность предложенного подхода заключается в том, что он охватывает весь спектр посягательств на здоровье, соответствуя современному курсу уголовной политики на приоритетную защиту личности. Уже сегодня появляются признаки становления новой парадигмы: разрабатываются и принимаются нормативные правовые акты, уточняющие медико-биологические критерии вреда здоровью, и Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание законодателя на пробелы дифференциации психического вреда. Следующий шаг – воплощение данной концепции в конкретных законодательных решениях, что позволит реализовать полноценную уголовно-правовую охрану здоровья в условиях изменяющихся социальных реалиях.

Список источников

1. *Расторопов С. В.* Понятие преступлений против здоровья человека в доктрине уголовного права России // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3 (82). С. 62–65.

2. *Галюкова М. И.* Технико-юридические аспекты конструирования составов преступлений против здоровья // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. Т. 14, № 1. С. 33–36.

3. *Кириченко Д. П.* Санкции за преступления против здоровья в УК РФ: некоторые теоретические и правоприменительные аспекты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 7. С. 135–137. https://doi.org/10.23672/q9481-2133-1651-d

4. *Векленко В., Галюкова М.* Уголовно-правовой анализ понятия «вред здоровью» // Уголовное право. 2007. № 1. С. 7–11.

5. *Клевно В. А., Ткаченко А. А., Чибисова И. А., Кононов Р. В.* Теория и практика оценки степени тяжести вреда здоровью в виде психического расстройства // Судебная медицина. 2015. Т. 1, № 3. С. 11–16.

6. *Безручко Е. В.* Психическое расстройство здоровья человека как основной признак тяжкого вреда здоровью // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 3 (58). С. 74–77.

7. *Полубинская С. В.* Психическое расстройство как признак вреда здоровью: правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации / Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению : материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 21–22 мая 2024 г. Екатеринбург : Уральский юридический институт СК России, 2024. С. 183–188.

8. *Загородников Н. И.* Преступления против здоровья. Москва : Юридическая литература, 1969. 166 с.

9. *Безручко Е. В.* Пути оптимизации уголовного законодательства об ответственности за преступления, посягающие на безопасность здоровья человека // Юрист-Правоведъ. 2016. № 1 (74). С. 40–43.

10. *Читлов Д. С.* Охрана здоровья граждан от тяжких насильственных посягательств : Уголовно-правовое и криминологическое исследование/ под ред. И. С. Ноя. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1974. 183 с.

11. *Шаргородский М. Д.* Преступления против жизни и здоровья. Москва : Юридическая литература, 1948. 512 с.

12. *Ной И. С.* Критерии умышленного тяжкого телесного повреждения без отягчающих обстоятельств по УК РСФСР // Ученые записки. 1959. Вып. VIII. С. 53–84.

13. *Даурова Т. Г.* Уголовная ответственность за легкие телесные повреждения / год ред. И. С. Ноя. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1980. 121 с.

14. *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. Москва : Госюриздат, 1960. 244 с.

15. *Савельева О. Ю.* Ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при отягчающих обстоятельствах // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 3 (26). С. 92–94.

16. *Батомункуева В. Д.* Здоровье как общественное благо // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2012. № 3 (4). С. 170–171.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 343

Киберагентурные операции в системе методов оперативно-розыскной деятельности: международный опыт и национальные модели

Владимир Юрьевич Жандров, кандидат юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117997, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
vaisvladimir74@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-1353-2837

Аннотация:
Введение. *Трансформация преступности в условиях развития цифровых технологий сформировала потребность адаптации агентурного метода оперативно-розыскной деятельности к новой технологической реальности. Ряд шагов по созданию правовой основы проведения «операций под прикрытием» в интернете предприняты в рамках международных стандартов, на уровне отдельных государств представлены решения сохранения доказательственной пригодности сведений и минимизации рисков недопустимой провокации в цифровой среде. Российская практика реализации агентурного метода в условиях цифровизации складывается неоднозначно, что требует создания прочной теоретической и правовой основы его применения в противодействии киберпреступности.*
Методы. *При формулировании понятия метода киберагентурных операций применялся метод синтеза; подтверждение легитимации и стандартизации особого режима агентурной работы в информационно-телекоммуникационной среде осуществлялось с помощью анализа правовых актов Организации Объединенных Наций; для выявления общих тенденций в правовом регулировании агентурной работы в киберпространстве применялся метод сравнения формирующихся законодательных моделей США и ряда западноевропейских государств; определение границ допустимости и пределов законности агентурных кибероперациий достигалось методом изучения решений Европейского суда по правам человека.*
Результаты. *Обоснована необходимость введения в научный и правовой оборот метода киберагентурных операций (киберагентурного метода) как адаптированной к условиям цифровизации формы агентурной работы. Показано, что эффективность киберагентурных операций достигается при сочетании технических средств разведки с человеческим фактором, а легитимность – при условии четкого нормативного регулирования, многоуровневого надзора и соблюдения принципов необходимости, соразмерности и защиты прав личности. Предлагается основа для формирования российской модели киберагентурного метода ОРД, предусматривающая необходимость: нормативного закрепления конфидента и условий его применения в информационно-телекоммуникационной среде; выстраивания многоуровневой системы санкционирования и двойного контроля; детальную фиксацию всех этапов деятельности конфидента; задействование независимых надзорных и судебных механизмов; защиту конфиденциальности и предотвращение недопустимых провокаций при противодействии киберпреступности.*

Ключевые слова:
киберагентурный метод, методы оперативно-розыскной деятельности, Human Intelligence, киберпреступность, операции под прикрытием, международные стандарты, провокация преступления

Для цитирования:
Жандров В. Ю. Киберагентурные операции в системе методов оперативно-розыскной деятельности: международный опыт и национальные модели // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 127–138.

Статья поступила в редакцию 11.08.2025; одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Cyber-enabled human intelligence in law enforcement: international and domestic patterns

Vladimir Yu. Zhandrov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
vaisvladimir74@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-1353-2837

© Жандров В. Ю., 2025

Abstract:
Introduction. *The The transformation of crime in the context of digital technology development has created a need to adapt Human Intelligence methods to the new technological reality. Internationally, there has been a growing movement to codify rules that provide a legal foundation for undercover operations in cyberspace. The implementation of Human Intelligence methods in Russia's digital environment presents a complex and evolving challenge, necessitating the establishment of a robust theoretical and legal foundation for its application in combating cybercrime.*
Methods. *The conceptualisation of the cyber agent operations method was achieved via synthesis. The legitimacy and standardisation of a special regime for agent activities in the information and telecommunications environment were substantiated through an analysis of relevant United Nations legal instruments. To identify common trends in the legal regulation of agent work in cyberspace, the comparative method was applied to emerging legislative models of the United States and a number of Western European states. The determination of the boundaries of permissibility and the limits of legality for agent cyber-operations was achieved through the method of studying decisions of the European Court of Human Rights.*
Results. *The research establishes the necessity of incorporating the method of cyber agent operations (the cyber agent method) into both scholarly and legal frameworks as a form of agent-based activity adapted to the digital environment. The research indicates that the success of such operations relies on synergizing technical tools with human intelligence, whereas their lawfulness requires explicit legal provisions, layered supervision, and compliance with the tenets of necessity, proportionality, and safeguarding fundamental rights. It is proposed to establish a framework for a Russian model of cyber-enabled human intelligence. This framework necessitates the legal recognition and regulation of a "confident" (confidential informant), including the specific conditions for their lawful deployment in the information and telecommunications environment, the implementation of a multi-tiered authorization system with dual oversight mechanisms; and the meticulous documentation of every phase of the confidents' operational involvement; the engagement of independent supervisory and judicial mechanisms; and the protection of confidentiality alongside the prevention of impermissible provocations in countering cybercrime.*

Keywords:
cyber agent-based method; Human Intelligence; cybercrime; undercover operations; international standards; instigation of a crime

Для цитирования:
Zhandrov V. Yu. Cyber-enabled human intelligence in law enforcement: international and domestic patterns // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 127–138.

The article was submitted August 11, 2025; approved after reviewing October 14, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Переход значительной части коммуникационных процессов в онлайн-сферу, активное использование зашифрованных мессенджеров, даркнет-площадок и специализированных интернет-форумов существенно изменили характер функционирования как легальных социальных структур, так и криминальных сообществ. Указанные трансформации находят отражение и в статистике. Так, доля соответствующих преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий, от общего числа преступлений в 2024 году возросла до 40 %, а общее их количество по сравнению с 2023 года увеличилось на 13,1 % [1, с. 6]. Отчетность фиксирует весьма скромные успехи в раскрываемости киберпреступлений и возмещении причиненного ими вреда, что обусловлено как несовершенством правового регулирования, так и технической и технологической отсталостью правоохранительных органов [2, с. 103]. На этом фоне в литературе высказываются жесткие позиции, призывающие при объявлении войны с киберпреступностью принять чрезвычайные меры, направленные на ограничение банковской тайны и тайны связи, которые сегодня, по оценкам специалистов, существенно препятствуют оперативному получению информации [3, с. 124]. Значительные изменения технологической и социальной среды современного общества требуют адаптации оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) к новым условиям [4, с. 45], и особенно – ее методов.

Агентурный метод исторически составляет центральный элемент системы оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности. Конфиденты – одни из основных источников оперативно-значимой информации, которая ложится в основу для реализации практически всех форм оперативно-розыскной деятельности. Раскрыть сложное преступление без использования агентуры сегодня практически невозможно [5, с. 216].

Традиционные практики агентурной работы в новых технологических условиях оказываются ограниченными по эффективности, что объективно обусловливает необходимость разработки и внедрения новых форм скрытого взаимодействия. Одним из таких инструментов выступает метод киберагентурных операций (киберагентурный метод) – регулируемый правом и этикой комплекс приемов и способов оперативно-розыскной деятельности, в котором уполномоченный субъект ОРД, используя легендированную цифровую идентичность, целенаправленно вступает во взаимодействие с лицами в информационно-телекоммуникационной среде

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

(включая закрытые и анонимные площадки) для получения, документирования и верификации оперативно значимой информации при обязательном соблюдении принципов законности, необходимости, соразмерности, запрета провокации и независимого надзора. Его практическая ценность заключается в возможности получения уникальных сведений посредством управляемого человеческого взаимодействия, тогда как технические способы разведки зачастую не обеспечивают необходимой глубины и достоверности информации. При этом опыт работы оперативных подразделений органов внутренних дел показывает, что нельзя обеспечить неотвратимость ответственности преступников без противопоставления их криминальной деятельности целенаправленного комплекса оперативно-розыскных мер и следственных действий, без использования в качестве вспомогательной информации данных, полученных оперативно-розыскным путем, без привлечения граждан к противодействию преступности [6, с. 16].

Несмотря на актуальность проблемы совершенствования оперативно-розыскных мер в противодействии киберпреступности, степень научной разработанности поднимаемой проблемы представляется недостаточной. В широком перечне исследований, посвященных эволюции и общим вопросам кибербезопасности, комплексный анализ киберагентурного метода как самостоятельного инструмента оперативно-розыскной деятельности фактически отсутствует. В отечественной литературе данная тематика лишь намечается, тогда как зарубежные публикации заметно погрузились в вопросы правовых и этических аспектов скрытых операций в интернете. В отсутствие прочной теоретической основы практика вынуждена становиться на зыбкую почву экспериментального накопления опыта. В результате складывается ситуация, при которой практическое развитие киберагентурного метода опережает его научно-теоретическое осмысление и нормативное закрепление. Подобные методологические проблемы фиксируются и в более широком научном дискурсе по вопросам ОРД. В частности, отмечается некритическое воспроизводство устаревших научных позиций и недостаточная проработка современных направлений исследований [7, с. 65].

Массовый уход коммуникаций в «тень» зашифрованных алгоритмов связи снизил результативность классических приемов и поставил перед практикой задачу модернизации агентурной работы. При этом именно в российской научной и нормативной плоскости фиксируется разрыв: практика киберагентурных операций опережает теоретическое осмысление, стандарты фиксации/верификации действий агента и механизмы надзора сформулированы неполно, что повышает риски недопустимой провокации и утраты доказательственной пригодности. Необходима модель, которая соединяет человеческое взаимодействие в сети с техническими средствами, но при этом жестко встраивает вмешательство в правовые и этические рамки (законность, необходимость, соразмерность, запрет провокации, многоуровневый контроль).

Метод киберагентурных операций заслуживает самостоятельного научного исследования, в рамках которого актуальность приобретают вопросы оценки правовых, организационных и этических основ его применения. Вполне созрела потребность выявления особенностей и границ допустимости киберагентурного метода, а также разработка предложений по формированию его российской модели.

Методы

Исследование построено на введении в научный и правовой оборот адаптированной к условиям цифровизации новой формы агентурной работы – метода киберагентурных операций (киберагентурного метода), что потребовало анализа зарубежных и российских как литературных, так и нормативно-правовых источников. Это позволило выделить существенные признаки нового метода и с помощью синтеза сформулировать его дефиницию.

Подтверждение легитимации и определение возможностей стандартизации особого режима агентурной работы в информационно-телекоммуникационной среде осуществлялось с помощью анализа положений Конвенции Организации Объединенных Наций (далее – ООН) против транснациональной организованной преступности[1]. При выявлении общих тенденций в правовом регулировании агентурной работы в киберпространстве применялся метод сравнения формирующихся законодательных моделей США, Франции, Испании, Германии и Великобритании. Определение границ допустимости и пределов законности агентурных кибероперации достигалось методом изучения решений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ).

[1] Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (ред. от 15.11.2000) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2004. № 40. Ст. 3882.

Результаты

Эволюция агентурного метода в киберагентурный тесно связана с развитием концепции *Human Intelligence* (*HUMINT*) – направления, традиционно охватывающего методы получения информации через непосредственное взаимодействие с людьми [8, с. 161]. В классической разведывательной парадигме оно реализуется через агентурную работу, вербовку, наблюдение, опросы и внедрение. Однако в условиях стремительного усложнения цифровой преступности и трансформации средств коммуникации *HUMINT* получает новое практическое наполнение, расширяя поле своего применения.

Все чаще концепция выступает как интеллектуальный компонент кибероперации, обеспечивающий доступ к закрытым виртуальным пространствам, в которых технические средства разведки либо неприменимы, либо ограничены в эффективности. Если ранее рассматриваемое направление охватывало личные взаимодействия с источниками, то сегодня данная работа все чаще перемещается в виртуальную плоскость, формируя гибридные модели взаимодействия с фигурантами в даркнете, на форумах, в зашифрованных чатах и закрытых сетевых сообществах. В открытых источниках подчеркивается – *HUMINT* в киберпространстве представляет собой операционную дисциплину, ориентированную на получение уникальных сведений через взаимодействие с людьми (чаще всего злоумышленниками) на платформах, недоступных для пассивного мониторинга средствами *OSINT* (разведки по открытым источникам) и *SIGINT* (технической разведки)[2]. В условиях, когда автоматические средства мониторинга ограничены рамками публичного пространства, только методы цифрового *HUMINT* способны восполнить критически важные пробелы в аналитике и предупреждении преступлений в интернете.

С позиций теоретико-прикладного измерения цифровизация *HUMINT* превратила его в комплекс способов получения информации, основанный на непосредственном или опосредованном взаимодействии с людьми в информационно-телекоммуникационной среде. Особое внимание в современных подходах уделяется сочетанию такого взаимодействия с техническими средствами. Мониторинг даркнета с помощью систем цифровой защиты (*Digital Risk Protection Services*, *DRPS*) – перехват интернет-трафика, криптоанализ и инструменты *OSINT* – формируют многослойную архитектуру разведывательного цикла. В этой системе *HUMINT* играет критически важную роль в восполнении информационных пустот, остающихся за пределами досягаемости технической разведки. Однако эффективность этой модели зависит не только от технологической поддержки, но и от способности выстраивать доверительное взаимодействие в цифровой среде. Поэтому значительный объем содержания рассматриваемого подхода будет наращивать применение легендированных цифровых личностей, установление доверительных контактов с преступниками на форумах и в закрытых каналах, а также долгосрочную разработку фигурантов с целью получения оперативно значимой информации.

В научной литературе подчеркивается методологическая универсальность агентурного метода в системе ОРД. Так, И. А. Климов, Г. К. Синилов и Л. Л. Тузов [9, с. 18–19] обоснованно доказывают, что он одновременно выступает как способ получения оперативной информации, форма тактической реализации ОРМ и канал ее документированной фиксации. Такое многоаспектное понимание позволяет отнести агентурный метод к наиболее гибким и адаптируемым инструментам ОРД, сочетающим элементы психологии, правовой тактики и оперативной техники. Очевидно, в условиях радикального усложнения киберугроз и использования преступниками зашифрованных платформ, даркнета и виртуальных коммуникаций, меняется логика самой оперативной деятельности: от сбора эпизодических данных к глубокой цифровой разработке фигурантов. К сожалению, это закономерно приводит к существенному возрастанию рисков недопустимой провокации, нарушения границ частной жизни и непропорционального вмешательства. Вот почему применение агентурных кибероперации требует не только организационной проработанности и надежной конспирации, но и наличия самостоятельного нормативно-правового механизма, обеспечивающего законность, и как следствие – этическую оправданность и доказательственную пригодность получаемой информации. Эта необходимость подтверждается и практикой: как показывает весь опыт работы полиции, без использования комплексных негласных действий противодействие организованной преступной деятельности малоэффективно [10, с. 187].

Целенаправленный сбор, обработка и анализ информации в цифровом пространстве демонстрируют все большую сложность в части соблюдения баланса между эффективностью

[2] HUMINT and its Role within Cybersecurity // SANS : [website]. URL: https://www.sans.org/blog/humint-and-its-role-within-cybersecurity (дата обращения: 08.07.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

оперативной работы и необходимостью защиты прав человека. Поддерживать равновесие между интересами правопорядка и правами личности призваны международно-правовые стандарты, определяющие пределы допустимости HUMINT-практик в интернете.

Ключевую роль в легитимации и стандартизации агентурного метода, особенно в условиях расширения его применения в информационно-телекоммуникационной среде, играют международные правовые акты ООН. Одним из базовых международных документов, закрепляющих возможность применения специальных методов расследования, включая внедрение агентов под прикрытием, является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности[3]. Государства-участники могут предусматривать использование скрытых методов, включая «операции под прикрытием» (англ. *undercoveroperations*), в рамках своей правовой системы при условии, что такие меры четко закреплены законом, соответствуют принципам необходимости, соразмерности и реализуются под эффективным контролем соответствующих государственных органов (ст. 20 Конвенции).

Особая актуальность положений данной Конвенции прослеживается при рассмотрении правовых основ проведения агентурных операций в информационно-коммуникационной среде, где традиционные методы правового контроля сталкиваются с новыми вызовами – трансграничным характером коммуникаций и высокой степенью анонимности действий субъектов. Особое значение здесь приобретает вопрос экстерриториального доступа к цифровым данным и необходимости судебного контроля за действиями агентов. Как полагают D. Andrees и B. Schreij, отсутствие международного механизма принудительного исполнения запросов создает правовую неопределенность и увеличивает соблазн «нелегального взлома» без санкции принимающей стороны[4]. Поэтому закономерным шагом стало объединение, например, в рамках Европейской сети надзора за разведкой (англ. *European Intelligence Oversight Network*, EION) органов парламентского и специализированного надзора более чем из 18 стран, что позволяет им осуществлять обмен практиками по контролю за цифровыми методами разведывательной деятельности, включая правовую верификацию массового сбора данных[5].

Принципы юридической определенности, необходимости, пропорциональности и судебного надзора, закрепленные в Конвенции, служат ориентиром для национальных законодательств особенно в контексте регулирования кибероперациий с участием агентов, осуществляющих свою деятельность через социальные сети, зашифрованные мессенджеры или даркнет-форумы. Весьма обширный опыт законодательного регулирования агентурной работы в киберпространстве имеют США и страны Западной Европы.

В США деятельность агентов под прикрытием детально регламентирована на федеральном уровне. Основу нормативного регулирования составляет Руководство Генерального прокурора по тайным операциям ФБР[6] (далее – Руководство), разработанное Министерством юстиции США и Федеральным бюро расследований США. Согласно данному документу, агент под прикрытием определяется как лицо, действующее под вымышленной личностью и скрывающий свою аффилированность с ФБР от третьих лиц. Руководство устанавливает многоуровневую процедуру санкционирования операций, включая предварительное одобрение на уровне территориального управления (англ. *Special Agentin Charge*), а в особо чувствительных случаях – на уровне специального федерального комитета.

Особое внимание документ уделяет недопущению участия агента в нелегальной деятельности (англ. *other wise illegal activity*) без соответствующего разрешения, а также ограничению действий, способных квалифицироваться как провокация преступления или недобросовестное вмешательство в личную жизнь. Кроме того, Руководство обязывает фиксировать ключевые элементы взаимодействия *undercover*-агента с объектом и проводить внутренний аудит завершенных операций. Важным элементом контроля является разрешение на временное установление цифрового контакта с фигурантом в течение 30 дней до получения окончательного разрешения на операцию, что особенно актуально в контексте инфильтрации в интернет-среду.

---

[3] СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

[4] Grabosky P., Urbas G. Online Undercover Investigations and The Role of Private Third Parties // International Journal of Cyber Criminology. 2019. Vol. 13. Is. 1. P. 38–54.

[5] European Intelligence Oversight Network (EION) // Interface [website]. URL: https://www.interface-eu.org/focus-area/european-intelligence-oversight-network-eion (дата обращения: 17.07.2025).

[6] The Attorney General's Guidelines on FBI Undercover Operations United States Department of Justice // U.S. Department of Justice : [website]. URL: https://www.justice.gov/sites/default/files/ag/legacy/2013/09/24/undercover-fbi-operations.pdf (дата обращения: 14.07.2025).

Во Франции с принятием закона от 5 марта 2007 г. № 2007–297 «О предупреждении преступности»[7] появилось правовое основание для применения undercover агентурных методов в онлайн-пространстве, включая скрытое участие на форумах, в чатах и приватных группах при расследовании тяжких преступлений, таких как торговля наркотиками и распространение детской порнографии. Несколько позднее закон от 13 ноября 2014 г. № 2014–1353[8], направленный на усиление антитеррористических мер, расширил эти возможности, официально легализовав использование легендированных цифровых профилей в интернете и закрепив модель разведки в правоохранительных целях (франц. *Intelligence-ledPolicing*) с акцентом на проактивное вмешательство и интеграцию *HUMINT* совместно с технологическими средствами анализа угроз.

Закон **Испании** от 5 октября 2015 г. № 13/2015[9] установил строгий судебный контроль за тайными операциями в интернете – внедрение агента может происходить лишь по предварительному судебному ордеру, оно ограничивается по времени и должно быть оправдано необходимостью применения цифровых методов. Вся деятельность скрытого агента фиксируется и подлежат судебному пересмотру в целях защиты прав субъектов.

Федеративная Республика Германия все агентурные операции (нем. *Einsatzverdeckter Ermittler*) поставила в рамки норм Уголовно-процессуального кодекса[10] (*StPO*). Положения § 110a–110d *StPO* допускают использование официальным сотрудником полиции (нем. *verdeckter Ermittler*) постоянной легенды и при необходимости поддельных документов. Такие действия допустимы только при расследовании особо тяжких преступлений, включая организованную преступность, торговлю наркотиками, оружием, людьми и терроризм и в случае, если иные методы оказались неэффективными.

Применение агентов под прикрытием возможно исключительно по судебному разрешению, полученному в ходе согласования с прокуратурой. В экстренных случаях допускается временное внедрение с последующим подтверждением в течение трех рабочих дней (§ 110b *StPO*). Закон также требует документировать действия *undercover*-агента: фиксировать сроки операции, условия внедрения и использовать методы, исключающие нарушение конституционных прав граждан (§ 110c *StPO*). Кроме того, закон прямо запрещает провокации преступлений, ограничивая участие undercover-сотрудника ролью наблюдателя или контролируемого участника, не формирующего у фигуранта преступного умысла (§ 110a (1) *StPO*).

Правовая модель ФРГ подчеркивает значимость соблюдения принципов соразмерности и судебного контроля. Например, внедрение в жилые помещения требует дополнительного согласования с судом (§ 110b (2) *StPO*), а раскрытие личности агента после завершения операции допускается только при соблюдении условий сохранения его безопасности (§ 110d *StPO*). Кроме того, существует прецедентная практика Федерального Конституционного суда Германии (нем. *Bundesverfassungsgericht*, *BVerfG*) и Федерального верховного суда Германии (нем. *Bundesgerichtshof*, *BGH*), подтверждающая недопустимость провокации: доказательства, полученные с ее помощью, признаются недействительными, а наказание может быть смягчено.

Таким образом, ФРГ демонстрирует высокую степень правовой определенности и институциональной прозрачности в части использования *undercover*-методов, что делает ее правоприменительную практику значимой для сравнительного анализа и разработки нормативных моделей в других странах, включая Российскую Федерацию. Особенно важно, что положения § 110a–110d *StPO* (включая требования к судебному разрешению, ограничение целей и условий внедрения, запрет провокации и механизм документирования), распространяются не только на физическое пространство, но и полностью охватывают действия агентов под прикрытием в информационно-телекоммуникационной среде. Немецкие правоохранительные органы могут применять *undercover*-инструменты на форумах, в мессенджерах, игровых платформах и социальных сетях, однако только при условии соблюдения тех же правовых процедур и гарантий, которые предусмотрены для офлайн-среды. Такой подход обеспечивает непрерывность правового контроля вне зависимости от среды осуществления вмешательства, позволяя

[7] Loi n° 2007 297 du 5 mars 2007 relative à la prévention de la délinquance (dernière mise à jour des données de ce texte : 01 janvier 2016) // Journal officiel de la République française. 2007. n°0056 : [site web]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000615568 (дата обращения: 13.07.2025).

[8] Loi n° 2014 1353 du 13 novembre 2014 renforçant les dispositions relatives à la luttecontre le terrorisme (dernière mise à jour des données de ce texte : 15 novembre 2014) // Journal officiel de la République française. 2014. n°0263. [site web]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000029754374 (дата обращения: 13.07.2025).

[9] Ley Orgánica 13/2015, de 5 de octubre, para elfortalecimiento de las garantíasprocesales y la regulación de las medidas de investigacióntecnológicas // BoletínOficial del Estado. 2015. № 244. [sitio web]. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2015-10725 (дата обращения: 13.07.2025).

[10] Strafprozessordnung (StPO) = [Уголовно-процессуальный кодекс Германии] // Bundesamt für Justi : [webseite]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/BJNR006290950.html (дата обращения: 14.07.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

эффективно бороться с киберпреступностью, не нарушая при этом фундаментальные права личности. Схожие процессуальные ограничения закреплены и в российском законодательстве, где «оперативное внедрение» допустимо только на основании постановления, утвержденного руководителем оперативно-розыскного органа согласно ч. 5 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[11] [11, с. 177].

Особый интерес представляет сформировавшаяся нормативная база **Великобритании**, где деятельность агентов под прикрытием в цифровой среде урегулирована через развитую законодательную систему, базирующуюся на принципах законности, пропорциональности и независимого надзора. Основу такой системы составляет Закон о регулировании следственных полномочий 2000 года (*RIPA*), в рамках которого вводится правовое определение "*covert human intelligence source*" (*CHIS*) – скрытого агента, действующего на постоянной или временной основе, в т. ч. в киберпространстве[12]. Согласно положениям *RIPA*, проведение любой операции, связанной с внедрением агента в виртуальные сообщества (форумы, соцсети, платформы даркнета), требует предварительного санкционирования и точного документирования целей, методов и продолжительности операции; такое санкционирование осуществляется специально уполномоченными должностными лицами ("*designated persons*") в соответствующих государственных органах – от старших офицеров полиции (не ниже *Superintendent*) до руководителей и назначенных старших должностных лиц спецслужб (*MI5*, *MI6*, *GCHQ*, *NCA*, *HMRC* и др.), при обязательном последующем контроле со стороны Комиссара по полномочиям в сфере расследований (*Investigatory Powers Commissioner*)[13].

Дальнейшее развитие регулирования данной сферы произошло с принятием закона о следственных полномочиях 2016 года (*IPA*), который расширил сферу регулирования на цифровое пространство, включая механизмы перехвата интернет-трафика, внедрения в шифрованные каналы связи и скрытого анализа цифровых следов[14]. *IPA* ввел принцип так называемого «двойного замка» (англ. *double lock*), при котором каждая операция подлежит не только административному согласованию, но и обязательному судебному одобрению. Таким образом обеспечивается системный контроль и соответствие вмешательства требованиям необходимости и соразмерности.

Сегодня ключевую роль в обеспечении легитимности деятельности под прикрытием играют Офис комиссара по следственным полномочиям (*IPCO*)[15] и Трибунал по следственным полномочиям (*IPT*)[16]. *IPCO* осуществляет регулярный надзор за действиями спецслужб, включая аудит операций с участием *CHIS*, а *IPT* предоставляет гражданам возможность обжаловать действия государства в случае подозрения на нарушение прав человека, включая вмешательство в частную жизнь.

Практические аспекты киберагентурной работы регламентируются также утверждаемым Министерством внутренних дел Великобритании Кодексом практики агентурной разведки. В данном документе подробно изложены правила выбора, подготовки и управления *CHIS*, включая допустимые формы взаимодействия, обязательства по фиксации контактов, сохранению конфиденциальности и ограничения на участие агента в потенциально преступной деятельности[17]. Специальное внимание уделяется цифровому взаимодействию: установлены протоколы легендирования, правила поведения в онлайн-группах, а также процедуры реагирования на риски провокаций и компрометации агента.

Дополнительным шагом стало принятие закона о тайных источниках агентурной разведки 2021 года, который легализовал возможность совершения undercover-агентом ограниченного круга действий, формально подпадающих под уголовную ответственность (например, покупка наркотиков или участие в фиктивных сговорах), при условии получения санкции и соблюдения

[11] Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

[12] Regulation of Investigatory Powers Act 2000 // Legislation.gov.uk : [website]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/23/contents (дата обращения: 14.07.2025).

[13] Regulation of Investigatory Powers Act 2000 : Section 29, 30: Authorisation of covert human intelligence sources // Ibid. [website]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/23/contents (дата обращения: 14.07.2025).

[14] Investigatory Powers Act 2016 // Ibid. [website]. URL:https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/25/contents (дата обращения: 14.07.2025).

[15] Investigatory Powers Commissioner's Office (IPCO) // Investigatory Powers Commissioner's Office (IPCO) : [website]. URL: https://www.ipco.org.uk (дата обращения: 31.07.2025).

[16] The Investigatory Powers Tribunal (IPT) : [website]. URL: https://investigatorypowerstribunal.org.uk/about-the-tribunal (дата обращения: 31.07.2025).

[17] Covert Surveillance and CHIS Code of Practice // Legislation.gov.uk : Legislation.gov.uk : [website]. URL: https://www.gov.uk/government/publications/covert-surveillance-and-covert-human-intelligence-sources-codes-of-practice (дата обращения: 14.07.2025).

процедурных гарантий. Такая практика признана допустимой при условии соблюдения правовых рамок и тщательного независимого контроля[18].

Опыт нормативно-правового регулирования агентурной деятельности в интернете не является безупречным. В научной литературе подчеркивается, что киберагентурные операции могут вступать в противоречие с действующим законодательством, если отсутствует четкое разграничение между допустимым наблюдением и недопустимой провокацией преступления [12, с. 821]. При этом основной акцент делается на необходимости демонстрации «обоснованного подозрения» и минимизации вмешательства в частную жизнь субъектов наблюдения.

Как подчеркивает С. Ланнье, в цифровой среде граница между допустимым скрытым наблюдением и недопустимой провокацией оказывается очень размыта, особенно в случаях длительного участия агента в закрытых виртуальных сообществах [13, с. 4]. Такая ситуация может привести к трансформации из наблюдателя в участника, чьи действия провоцируют или усиливают преступную активность фигурантов. В связи с этим возникает необходимость введения не только внешней судебной и прокурорской проверки подобных действий, но и формализованных критериев оценки допустимости вмешательства: обоснования необходимости операции, формулирования ее целей и сроков, оценки риска посягательства на частную жизнь, разработки критериев оценки «уязвимости» вмешательства для прав фигуранта. Подобный подход соответствует как международным стандартам прав человека, так и требованиям процессуальной справедливости, особенно в случаях, когда результаты кибероперации могут быть использованы в уголовном преследовании. Более того, усиление независимого надзора и отчетности способствует не только легитимности действий оперативных подразделений, но и укреплению общественного доверия к правоохранительным институтам в цифровую эпоху.

Использование конфидентов в онлайн-среде нуждается в установлении четкой процедуры и прозрачных протоколов взаимодействия – особенно при проникновении в защищенные паролем сообщества или осуществлении «оперативной игры». Особого внимания требует проблема цифровых ловушек (англ. *honeypots*) и фишинговых платформ, которые, несмотря на эффективность, могут нарушать рассматриваемый принцип [6].

В настоящее время оперативно-розыскная деятельность в целом и в частности содействие граждан органам, ее осуществляющим, регулируются в Российской Федерации целым рядом законов, основным из которых является Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»[19] [14]. Содействие является одной из форм реализации гражданами своих конституционных прав и свобод; «право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию» обусловливает правомерность поиска информации и ее последующей передачи в оперативные подразделения [14, с. 208]. Результаты социологических опросов свидетельствуют о наличии объективной основы для реализации института содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: 48–52 % респондентов выразили готовность к конфиденциальному сотрудничеству, еще 23–26 % – при определенных условиях [15, с. 72].

На этом фоне остро встает вопрос не только о правовых, но и об этических границах *HUMINT* в киберпространстве. Очевидно, что даже при наличии формального процессуального основания оперативное внедрение агентов в цифровые сообщества с целью получения разведывательной информации должно оцениваться не только с точки зрения допустимости, но и с позиций соразмерности, предсказуемости и уважения к достоинству личности. При этом особую озабоченность вызывает практика активного манипулирования фигурантами, например, через подстрекательство, искажение мотивов или эксплуатацию уязвимости.

В условиях цифровой среды, где идентичность легко маскируется, а контакты с фигурантами происходят через платформы, лишенные традиционных механизмов верификации, особенно остро встает вопрос об информированном согласии и праве на неприкосновенность приватной цифровой среды. Например, создание агентом имитирующего реальную личность цифрового профиля (англ. *deepfakeprofile*) с целью получения доверия может не нарушать закон, но порождает моральный риск, особенно если результатом становится психологическая травма или искусственно сформированное поведение со стороны наблюдаемого субъекта. Такие действия могут формально не нарушать закон, но вступают в противоречие с принципами этической правоприменительной деятельности.

В странах с развитой правовой системой формируются надзорные механизмы, отслеживающие правомерность агентурной деятельности в киберпространстве. Развивается практика

[18] Covert Human Intelligence Sources (Criminal Conduct) Act 2021 // Ibid. [website]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2021/4/contents (дата обращения: 14.07.2025).

[19] СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

многоуровневой этической оценки, предполагающая вовлечение не только непосредственных исполнителей и юридических консультантов, но и независимых экспертных групп, а также институциональных надзорных органов, аналогичных тем, что действуют при национальных разведслужбах или органах внутренней безопасности в странах с развитой системой «сдержек и противовесов» (англ. *checks and balances*). Особенно важно это при использовании социальной инженерии, цифровых профилей интернет-персонажей и иных имитационных методов.

Так, в Германии действует Парламентская комиссия по надзору за разведслужбами (*PKGr*), которая после реформы 2014 года получила полномочия инициировать проверки, назначать уполномоченного по контролю и обеспечивать постоянную парламентскую подотчетность[20]. Аналогичный механизм реализован в Норвегии через Парламентский комитет по надзору за разведкой (англ. *Norwegian Parliamentary Intelligence Oversight Committee* (*EOS Committee*)) – независимый надзорный орган, функционирующий с 1996 года и обладающий полномочиями инспектировать спецслужбы, инициировать расследования и предоставлять ежегодные отчеты в парламент[21]. Внимания заслуживает и французская модель, в рамках которой функционирует Национальная комиссия по контролю за методами разведки (франц. *Commission nationale de contrôl edes techniques derenseignement*, *CNCTR*), включающая судей, депутатов и технических экспертов, уполномоченных осуществлять как предварительный, так и последующий надзор с возможностью доступа к логам операций и вынесения обязательных рекомендаций[22]. Указанные примеры показывают, что современные формы надзора в киберсфере ориентированы не только на судебную санкцию, но и на институционализированное экспертное сопровождение, технический аудит и участие независимых структур в контроле за правомерностью и пропорциональностью вмешательства.

Многоуровневые модели надзора за оперативной деятельностью весьма результативны, но, как показывает практика, эффективный контроль возможен только при наличии независимых и технически компетентных надзорных органов, обладающих достаточными ресурсами, правом на инициативное расследование, доступ к закрытой информации и полномочиями на применение санкций.

Достижение легитимности и эффективности *HUMINT*-операций возможно только при соблюдении следующих условий: международной согласованности правовых стандартов, институциональной подотчетности, технической транспарентности и правовой защиты цифровой неприкосновенности личности. Развитие этической инфраструктуры не менее значимый элемент, чем нормативное регулирование, особенно в условиях усиления автоматизации разведывательной деятельности. Признание этих требований должно стать основой для формирования справедливой, предсказуемой и правомерной модели киберагентурной работы на современном этапе. Как отмечает А. Л. Осипенко, «во многих ситуациях производства следственных действий копирование информации в электронном виде, имеющей значение для расследования, является приемлемой альтернативой изъятию электронных носителей этой информации, а в ряде случаев – единственно возможной формой фиксации» [16, с. 47]. В случае если оперативная информация, полученная с помощью специальных знаний, не может быть легализована, она не будет иметь и процессуальной значимости в качестве доказательств [17, с. 64].

Таким образом, в контексте *HUMINT* в киберпространстве этика становится не факультативным элементом, а необходимым уровнем правовой культуры, направленным на защиту не только целостности оперативной работы, но и доверия общества к инструментам цифровой безопасности. Подобные действия относятся к оперативно-розыскным мероприятиям и должны осуществляться исключительно уполномоченными правоохранительными органами в рамках действующего законодательства [1, с. 10]. Как отмечается в литературе, законодатель уже закрепил значимость общественного восприятия результатов правоохранительной деятельности: «Общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции» (п. 6 ст. 9 Федерального закона «О полиции»[23]) [18, с. 66].

По мнению исследователей, «большинство проблем фиксации доказательственной информации связано не с противоречивостью норм и пробелами правового регулирования, а с поверхностной, формальной их оценкой без учета уровня развития теории доказывания» [16, с. 45]. Правомерность применения агентурного метода в цифровом пространстве неоднократно

[20] Parliamentary Oversight Panel (Germany) // Deutscher Bundestag : [webseite]. URL: https://www.bundestag.de/resource/blob/537938/d52afbcb73b53eea59511515a1dd40a5/go_pkgr-data.pdf (дата обращения: 08.09.2025).

[21] Norwegian Parliamentary Intelligence Oversight Committee (EOS Committee) // EOS- Committee : [webseite]. URL: https://eos-utvalget.no/en/home (дата обращения: 17.07.2025).

[22] Commission nationale de contrôle des techniques de renseignement (CNCTR) // CNCTR : [webseite]. URL: https://www.cnctr.fr/en/statut (дата обращения: 17.07.2025).

[23] О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

становилась предметом рассмотрения ЕСПЧ, который в ряде решений установил правовые ориентиры допустимости использования скрытых агентов с учетом требований ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (*ECHR*) – права на уважение частной и семейной жизни[24]. Так, в прецедентном деле *Klass v. Germany* ЕСПЧ подтвердил, что вмешательство государства в частную жизнь через скрытое наблюдение допустимо, но только при наличии надлежащей правовой базы, строгой системы контроля и гарантий от злоупотреблений[25]. При этом особое внимание было уделено прозрачности процедуры санкционирования, необходимости информирования надзорных органов, а также временным ограничениям на проведение тайных мероприятий. С учетом этого важно, чтобы применение специального программного обеспечения для негласного дистанционного доступа к компьютерной информации преследовало законные цели, было необходимым и соразмерным общественной опасности преступлений, осуществлялось грамотно и осторожно [19, с. 52].

Другим значимым решением, формирующим подход к правомерности скрытых оперативных действий в цифровом пространстве, стало дело *Zakharov v. Russia* (2015)[26]. В данном деле ЕСПЧ установил, что законодательство и практика Российской Федерации в сфере прослушивания телефонных переговоров и слежки за цифровыми коммуникациями нарушают ст. 8 Конвенции, поскольку не обеспечивают достаточных гарантий от злоупотреблений со стороны государственных органов[27]. Суд подчеркнул необходимость четкой нормативной базы, содержащей: (а) критерии допустимости вмешательства; (б) процедуры получения санкции; (в) независимый и эффективный надзор как до, так и после проведения мероприятия; (г) механизм уведомления постфактум. Хотя дело непосредственно касалось технического перехвата, его правовые положения в полной мере применимы и к *undercover*-операциям в киберсреде, где действия агентов могут затрагивать переписку, цифровую идентичность и приватное онлайн-присутствие лица. Принципы, сформулированные судом, требуют, чтобы любые формы тайного взаимодействия, включая внедрение *undercover*-агентов в цифровые сообщества, проводились на основе закона, были пропорциональны цели вмешательства и находились под эффективным внешним контролем. Данные положения особенно важны в контексте современной оперативно-розыскной деятельности, где границы между наблюдением и провокацией, сбором информации и нарушением фундаментальных прав легко размываются в условиях анонимности и удаленности виртуального пространства.

Данные выводы находят подтверждение и развитие в более широком контексте международной правовой дискуссии. Так, согласно данным обзора, проведенного D. Murray, P. Fussey и L. McGregor в 2021 году, устойчивость и легитимность надзора над разведывательной деятельностью зависят от наличия действенных институциональных гарантий, включая четко определенные мандаты, технически оснащенные независимые органы и возможность как предварительного, так и последующего контроля [20]. В отсутствие таких механизмов цифровой надзор рискует утратить законность и превратиться в инструмент неконтролируемого вмешательства. Аналогичные проблемы выявлены и в отчете Агентства по фундаментальным правам ЕС (FRA) за 2023 год, в котором указано, что, несмотря на наличие формальных структур надзора во многих странах ЕС, часто этим органам не хватает ресурсов, технической экспертизы и санкционных полномочий для обеспечения реального контроля над агентурной деятельностью в интернете[28]. FRA подчеркивает необходимость укрепления правовой базы и внедрения многоуровневой модели контроля, способной гарантировать соблюдение прав человека даже в условиях быстро развивающихся технологий.

Обобщение опыта США и западноевропейских государств по регулированию *undercover*-операций в цифровой среде позволяет выделить следующие его ключевые признаки: нормативное закрепление статуса агента под прикрытием и условий его применения; выстраивание многоуровневой системы санкционирования и двойного контроля; детальная фиксация всех этапов

[24] European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms// European Court of Human Rights : [website]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf (дата обращения: 16.07.2025).

[25] European Court of Human Rights. Case of Klass and Others v. Germany, App. № 5029/71, Judgementof 6 September 1978 // Ibid. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57510 (дата обращения: 14.07.2025).

[26] European Court of Human Rights. Case of Roman Zakharov v. Russia. Application no. 47143/06. Jadgment Strasbourg. 4 December 2015 // Ibid. URL: https://www.statewatch.org/media/documents/news/2015/dec/echr-russian-secret-surveillance-judgment.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

[27] European Court of Human Rights. Case of Roman Zakharov v. Russia, App. № 47143/06, Judgementof 4 December 2015 // Ibid. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159324 (дата обращения: 14.07.2025).

[28] FRA Opinion Bulletin: Surveillance by intelligence services: Fundamental rights safeguards // European Union Agency for Fundamental Rights. [website]. URL: https://fra.europa.eu/en/publication/2023/surveillance-update (дата обращения: 17.07.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

деятельности конфидента; задействование независимых надзорных и судебных механизмов; защита конфиденциальности и предотвращение недопустимых провокаций. Эта модель находится в границах международных стандартов, представляет собой разумный баланс между оперативной необходимостью и защитой прав человека в условиях стремительной цифровизации, а ее регулятивный инструментарий может служить полезной демонстрацией при разработке нормативной базы киберагентурных операций, проводимых российскими субъектами ОРД.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что киберагентурный метод является естественным этапом эволюции классического HUMINT и отражает необходимость адаптации агентурных практик к цифровой среде. Перенос коммуникаций в зашифрованные мессенджеры, даркнет и закрытые онлайн-сообщества предопределил создание новых форм скрытого взаимодействия, в которых именно человеческий фактор обеспечивает доступ к информации, не достижимой для технической разведки. В условиях цифровизации агентурный метод ОРД не только не теряет, но и значительно повышает актуальность применения. Именно синтез агентурной работы с технологиями цифровой инфильтрации и анонимного присутствия создает уникальные возможности для получения оперативно значимой информации. Трансформируясь из агентурного в киберагентурный, рассматриваемый метод становится специализированной формой HUMINT, приспособленной к особенностям сетевой среды, и потому претендует на роль ключевого компонента современной разведывательной модели в ОРД.

В целом международные правовые стандарты устанавливают четкие рамки, в которых допустимо осуществление операций под прикрытием в условиях цифровизации, включая: наличие специального закона, определяющего допустимые формы и цели скрытых методов; обеспечение процессуальной прозрачности и контроля (предпочтительно судебного) на всех этапах операции; запрет на провокацию преступления, особенно при дистанционном контакте в цифровой среде; защиту прав на неприкосновенность частной жизни как в офлайн-, так и в онлайн-пространстве. Указанные принципы универсальны и подлежат применению независимо от формы и характера среды, в которой действуют агенты.

Анализ имеющейся практики показывает, что внедрение конфидентов в цифровую среду регулируется в большинстве развитых законодательств строго ограниченными правовыми рамками, требующими соблюдения принципов пропорциональности, субсидиарности и независимого надзора.

Сравнительный анализ международных моделей показал, что устойчивость и легитимность киберагентурных операций зависят от четкой нормативной базы, процедур санкционирования и эффективного независимого контроля. Опыт США, Франции, Испании, Германии и Великобритании демонстрирует, что ключевыми гарантиями являются принцип законности, судебный надзор, запрет провокации и документированность действий агента. Данные подходы позволяют сбалансировать интересы безопасности и защиту прав личности, что особенно важно в условиях цифровизации.

Тайные киберагентурные операции должны иметь четкую правовую регламентацию, касающуюся не только начала и целей вмешательства, но и критериев завершения, а также механизмов отчетности и последующего анализа воздействия на права лиц. В связи с этим актуальность приобретает вопрос «этической сертификации» агентурных методик, в т. ч. при участии представителей гражданского общества.

Таким образом, значимым условием легитимности HUMINT в цифровую эпоху становится не только формальное соблюдение процедур, но и включение оперативной практики в систему этического, международно-правового и технически подкрепленного надзора, обеспечивающего баланс между интересами безопасности и правами личности. Анализ международных подходов к HUMINT-деятельности в цифровом пространстве показывает растущую необходимость юридической и этической переоценки традиционных агентурных практик. Современные вызовы, связанные с трансграничным характером операций, использованием методов социальной инженерии, симуляцией цифровых личностей и внедрением в закрытые виртуальные сообщества, требуют системной нормативной реакции.

Для российской практики очевидна потребность в дальнейшем уточнении правовых и организационных оснований применения киберагентурного метода. Представляются перспективными развитие механизмов контроля, выработка критериев допустимости вмешательства, а также создание процедур фиксации и верификации действий киберагентов в сети. Не менее

значимой задачей становится формирование профессиональной подготовки, сочетающей технические компетенции с пониманием правовых и этических ограничений.

В целом киберагентурный метод следует рассматривать как междисциплинарный инструмент, соединяющий технические, правовые и этические элементы. Его дальнейшее развитие возможно лишь при условии международной согласованности стандартов, институциональной прозрачности и уважения фундаментальных прав личности, что позволит не только повысить эффективность борьбы с киберпреступностью, но и укрепить доверие общества к институтам цифровой безопасности.

Список источников

1. *Осипенко А. Л.* Участие граждан в противодействии преступности в сфере информационных технологий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 2 (68). С. 6–15.

2. *Гусев В. А.* Цифровая гигиена vs. киберпреступность // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1 (88). С. 102–108. https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2022-188-102-10

3. *Чечетин А. Е.* Борьба с киберпреступностью требует наращивания усилий // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2025. № 25. С. 123–125.

4. *Осипенко А. Л.* Оперативно-розыскная деятельность в информационном обществе: адаптация к условиям цифровой реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 38–46. https://doi.org/10.24411/1999-625X-2019-14007

5. *Шахматов А. В.* Современное состояние и проблемы конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел / Оперативно-разыскное противодействие преступлениям экономической направленности и коррупции: передовой опыт, проблемы и пути их решения : материалы всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 29 мая 2020 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 214–220.

6. *Шахматов А. В.* Содействие граждан в правоприменительной практике предупреждения и раскрытия преступлений органами внутренних дел / Актуальные вопросы противодействия организованной преступности в России (памяти профессора Д. В. Ривмана) : материалы региональной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 28 ноября 2014 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2014. С. 16–19.

7. *Румянцев Н. В., Шкабин Г. С.* Научный дискурс в сфере оперативно-разыскной деятельности : обзор докладов Межведомственной научно-практической конференции в НИИ ФСИН России // Научные исследования преступления и наказания. 2025. № 2 (22). С. 63–74.

8. *Лымарев А. В.* Агентурная разведка (HUMINT) в борьбе с международным терроризмом: опыт США // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1, № 4. С. 160–163.

9. *Климов И. А., Синилов Г. К., Тузов Л. Л.* Агентурный метод защиты интересов личности, общества, государства и борьбы с преступностью : монография / под общ. ред. Г. К. Синилова. Калининград : Калининградский юридический институт МВД России, 2002. 334 с.

10. *Осипенко А. Л.* Организованная преступная деятельность в киберпространстве: тенденции и противодействие // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 181–188.

11. *Латынин Е. В.* Реализация агентурного метода в следственных изоляторах на примере оперативно-розыскного мероприятия «оперативное внедрение» / Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Томск, 10–11 октября 2019 г. Томск : Томский институт повышения квалификации работников ФСИН, 2019. Вып. 7. С. 174–180.

12. *Tetzlaff-Bemiller M. J.* Undercover Online: An Extension of Traditional Policing in the United States // International Journal of Cyber Criminology. 2011. Vol 5. Is. 2. P. 813–824.

13. *Lannier S.* Infiltrating virtual worlds. The regulation of undercover agents through fundamental rights // Revista Brasileira de Direito Processual Penal. 2024. T. 10, Is. 3. P. 1–12. https://doi.org/10.22197/rbdpp.v10i3.1066

14. *Шахматов А. В.* Некоторые вопросы правового регулирования содействия граждан оперативным подразделениям ОВД // Оперативно-розыскная деятельность в современных условиях : материалы межведомственной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 22–23 июня 2023 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 208–212.

15. *Луговик В. Ф., Важенин В. В.* Развитие осведомительства как мировая тенденция // Общество и право. 2020. № 4 (74). С. 71–75.

16. *Осипенко А. Л., Гайдин А. И.* Проблемы фиксации доказательственной информации в электронном виде // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2015. № 1-1. С. 44–51.

17. *Хромов И. Л., Эзрохин П. В.* Использование специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности // Научный портал МВД России. 2018. № 1 (41). С. 62–66.

18. *Самоделкин А. С.* Объективные критерии оценки деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и их значение в борьбе с преступностью // Общество и право. 2025. № 2 (92). С. 65–75.

19. *Осипенко А. Л.* Сбор информации и полицейские операции по противодействию организованной преступности в киберпространстве: зарубежный опыт // Общество и право. 2021. № 1 (75). С. 47–55.

20. *Murray D., Fussey P., McGregor L.* Effective Oversight of Large Scale Surveillance Activities: A Human Rights Perspective // Journal of National Security Law & Policy. 2021. No. 11. URL: https://jnslp.com/wp-content/uploads/2021/09/Effective_Oversight_of_Large_Scale_Surveillance_Activities_2.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 343.102

Частная теория негласности в оперативно-розыскной деятельности: от идеи до реализации

Николай Владимирович Павличенко, доктор юридических наук, профессор

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний
Москва (125130, ул. Нарвская, д. 15 лит. А, стр. 1), Российская Федерация
pavlichenko.pro@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-7889-4743

Аннотация:
Введение. *Оперативно-розыскная наука в современных обстоятельствах объективной действительности переживает период серьезного переосмысления теоретических научных положений, которые описывают закономерности, входящие в предмет ее исследования. Каждое новое исследование в оперативно-розыскной сфере является значимым и весомым событием в науке вообще, а в теории оперативно-розыскной деятельности – особенно. Именно поэтому научное исследование А. И. Тамбовцева, направленное на формирование частной теории негласности в оперативно-розыскной деятельности, требует детального изучения и осмысления, т. к. затрагивает ключевой аспект оперативно-розыскной науки и практики – обеспечение негласности данной государственно-правовой формы борьбы с преступностью. Выводы и предложения автора позволяют констатировать решение им крупной научной проблемы имеющей важное социально-правовое и оперативно-розыскное значение.*
Методы. *В исследовании применялись общенаучные методы познания – обобщение и синтез научной информации, применен сравнительно-правовой анализ, направленный на сопоставление идей автора с законодательством и существующими научными подходами по решаемой автором проблеме, для проверки последовательности аргументации автора и выявления противоречий применялся логический анализ, а для оценки эволюции взглядов автора на проблему обеспечения негласности использовался исторический метод.*
Результат. *Анализ открытых для широкого читателя научных публикаций А. И. Тамбовцева, освещающих основные тезисы и постулаты его исследования, обоснованно доказывает, что им решена научная проблема, имеющая важное социально-правовое и оперативно-розыскное значение, построена и аргументирована стройная система положений частной теории негласности в оперативно-розыскной деятельности, определены ее основные функции и элементы, призванные решать задачи частной теории как формы знания и познания, способной всесторонне, полно, достаточно и доказательно выявлять, объяснять и прогнозировать все теоретические и практические вопросы, связанные с негласностью в оперативно-розыскной деятельности.*

Ключевые слова:
оперативно-розыскная деятельность, частная теория, негласность, тайна, предание гласности, разглашение, рассекречивание

Для цитирования:
Павличенко Н. В. Частная теория негласности в оперативно-розыскной деятельности: от идеи до реализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 139–148.

Статья поступила в редакцию 24.09.2025;
одобрена после рецензирования 29.10.2025;
принята к публикации 25.12.2025.

Original article

A private theory of secrecy in operative-investigative activities: from idea to implementation

Nikolay V. Pavlichenko, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
15A, build. 1, Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation
pavlichenko.pro@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-7889-4743

© Павличенко Н. В., 2025

Abstract:
Introduction. *In the current circumstances of existing reality, operative-investigative science is undergoing a period of serious rethinking of the theoretical scientific propositions describing the patterns that are the subject of its research. Each new study in the field of operative-investigative activities is a significant and important event in science in general, and in the theory of operative-investigative activities in particular. That is why the scientific research of A. I. Tambovtsev, aimed at forming a specific theory of secrecy in operative-investigative activities, requires detailed study and analysis, as it touches upon a key aspect of operative-investigative science and practice – ensuring the secrecy of this state-legal form of combating crime. The author's conclusions and proposals allow us to state that he has solved a major scientific problem of significant socio-legal and operative-investigative importance.*
Methods. *The study used general scientific methods of cognition – generalisation and synthesis of scientific information, comparative legal analysis aimed at comparing the author's ideas with the legislation and existing scientific approaches to the problem being solved by the author. Logical analysis was used to verify the consistency of the author's argumentation and identify contradictions, the historical method was used to assess the evolution of the author's views on the problem of ensuring confidentiality.*
Result. *Analysis of A. I. Tambovtsev's scientific publications, which are open to a wide readership and highlight the main theses and postulates of his research, reasonably proves that he has solved a scientific problem of significant socio-legal and operative-investigative importance, constructed and argued a coherent system of propositions of a private theory of secrecy in operative-investigative activities, defined its main functions and elements designed to solve the tasks of private theory as a form of knowledge and cognition capable of comprehensive, full, sufficient and conclusive identifying, explaining and predicting all theoretical and practical issues related to secrecy in operative-investigative activities.*

Keywords:
operative-investigative activities, private theory, secrecy, secret, divulgation, disclosure, declassification

For citation:
Pavlichenko N. V. A private theory of secrecy in operative-investigative activities: from idea to implementation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 139–148.

The article was submitted July 19, 2025; approved after reviewing September 29, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД), имея многовековую историю, предметом целенаправленных научных исследований российских ученых стала относительно недавно – со второй половины XX века. Можно оценить предполагаемый срок активных научных изысканий в области ОРД и различных ее направлений примерно в 70–75 лет, что для любой науки, конечно же, представляется ничтожно малым временем. Тем не менее результаты, полученные основоположниками и апологетами теории оперативно-розыскной деятельности и их многочисленными последователями, являются значимыми и очевидными и в своей совокупности составляют фундаментальные основы теории оперативно-розыскной деятельности как важнейшей юридической науки, имеющей экзистенциальное прикладное значение для борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка.

Примерно с середины 50-х гг. прошлого столетия российская юридическая общественность и оперативно-розыскное сообщество начали активное и многогранное исследование самых разнообразных проблем сыска, названного впоследствии оперативно-розыскной деятельностью, а с принятием Закона Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»[1], а позднее – его правопреемника Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[2] (далее – Закон об ОРД) и ряда статусных законов о спецслужбах[3] (субъектах ОРД), научные изыскания в указанной области деятельности общества и государства приняли постоянный и системный характер, что привело к защите целого ряда диссертаций на соискание доктора и кандидата юридических наук в этой области. К настоящему времени усилиями ученых в области общей теории оперативно-розыскной деятельности установлены, описаны, исследованы, разработаны, доказаны и реализованы в практической деятельности оперативных подразделений основные фундаментальные положения науки ОРД. Сформулированы базисные научные концепции и воззрения, многочисленные частные теории и основанные на них методики, методические рекомендации по максимально эффективному и рациональному использованию сил, средств и методов ОРД.

[1] Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 (ред. от 02.07.1992) // Российская газета. 1992. 29 апреля. Утратил силу.

[2] Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1995. № 33. Ст. 3349.

[3] См., например: О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269 ; О внешней разведке : Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 143 ; О государственной охране : Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594 и др.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Вместе с тем процесс научного исследования самых разнообразных сугубо теоретических и практико-ориентированных аспектов ОРД носит активный и непрерывный характер. На этом фоне установление действительно новых знаний и совершение научных открытий и прорывов в области оперативно-розыскной деятельности (как, впрочем, и юриспруденции вообще) представляется чем-то крайне затруднительным и редким, а потому – достойным пристального внимания, изучения, уважения и подражания.

В контексте сказанного каждое новое исследование в области ОРД, каждая новая кандидатская, а особенно – докторская диссертация является значимым и весомым событием в науке вообще, а в теории оперативно-розыскной деятельности – особенно. В связи с этим особый интерес представляет недавнее яркое событие в оперативно-розыскном научном сообществе России.

10 июня 2025 г. в специальном совете по защите диссертаций Д 03.2.010.01, созданном на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), подготовленной доцентом кафедры ОРД в органах внутренних дел университета, кандидатом юридических наук, доцентом Андреем Ивановичем Тамбовцевым. Научный консультант – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Максим Викторович Бавсун. В диссертации исследуются фундаментальные вопросы обеспечения негласности при использовании сил, средств и методов ОРД[4]. Диссертация А. И. Тамбовцева является первой докторской диссертацией, подготовленной на кафедре университета и защищаемой в специальном совете, с 2005 года.

По итогам публичной защиты и состоявшейся научной дискуссии за решение актуальной научной проблемы, имеющей важное социально-правовое и оперативно-розыскное значение, выразившееся в разработке частной теории негласности в ОРД, определении ее основных положений и элементов, призванных решать задачи частной теории как формы знания и познания, способной всесторонне, полно, достаточно и доказательно выявлять, объяснять и прогнозировать все теоретические и практические вопросы, связанные с негласностью в ОРД, специальный диссертационный совет принял решение присудить Тамбовцеву Андрею Ивановичу ученую степень доктора юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Будучи лично знакомым с А. И. Тамбовцевым с 2005 года и являясь свидетелем рождения в это же время (около 20 лет назад) идеи формирования частной теории негласности в оперативно-розыскной деятельности, а также, будучи на протяжении многих лет его коллегой и соавтором научных публикаций, считаю возможным и целесообразным высказать собственное мнение об уважаемом соискателе, его научных идеях, выраженных в научных статьях, опубликованных в рамках докторской диссертации, мировоззрении, планах и перспективах дальнейшего развития частной теории негласности в ОРД.

Методы

Методами исследования выступают общенаучные методы познания – обобщение и синтез научной информации, содержащейся в открытых научных публикациях А. И. Тамбовцева, обосновавшего необходимость научного осмысления частной теории негласности в оперативно-розыскной деятельности. Для формирования выводов и предложений использованы системный анализ, сравнительно-правовой анализ, логический анализ и исторический метод.

Результаты

Результаты докторской диссертации, как и любого научного исследования, должны быть доведены до научной общественности на страницах рецензированных научных изданий[5] или в докладах и выступлениях на научно-представительских мероприятиях – конференциях, форумах, круглых столах и пр. различного уровня и состава. Именно в них авторы излагают свои

[4] В Санкт-Петербургском университете МВД России состоялись защиты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата юридических наук и доктора юридических наук // Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: http://университет.мвд.рф./Press-sluzhba/Novosti/item/66003879/ (дата обращения: 18.06.2025).

[5] Пункт 11 Положения о присуждении ученых степеней (См.: О порядке присуждения ученых степеней (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») : постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 16.10.2024) // СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5074.

научные воззрения на исследуемую проблематику, ведут дискуссии и полемику, высказывают гипотезы и идеи, а также аргументы в их защиту. Докторская диссертация А. И. Тамбовцева посвящена исследованию социально-правового института негласности, нормативно и функционально свойственного оперативно-розыскной деятельности как экзистенциальному для общества и государства виду деятельности. И, конечно же, автором опубликовано значительное количество научных статей, а также монографий, ряд которых приведен нами в качестве доказательства обоснования частной теории негласности в ОРД и раскрывающих основное содержание его диссертации.

Важно отметить, что феномен негласности экстраполируется автором на все фундаментальные составляющие оперативно-розыскной деятельности и раскрывается с учетом их (составляющих) специфических особенностей. К таким составляющим ОРД, требующим осмысления с позиций обеспечения негласности, по мнению автора, относятся:

1. *Общетеоретические проблемы оперативно-розыскной деятельности.*

Тайна как социально-правовой феномен и различные способы ее защиты исследовалась представителями не только оперативно-розыскной, но и многих иных наук [1, с. 28; 2], что указывает на объективную значимость этого явления для государства и общества. Негласность же при этом рассматривалась учеными как определенный гарант защиты государством тайн и секретов. В научных публикациях А. И. Тамбовцевым исследуются основные теоретические аспекты института негласности вообще и в ОРД в частности. Доказывается междисциплинарный характер института негласности, его общая для всех областей деятельности человека природа, но с разными механизмами обеспечения. Автор убедительно показывает, что частной теории негласности как составной части общей теории ОРД свойственны те же проблемы, что и самой общей теории оперативно-розыскной деятельности. Однако эти проблемы усугублены спецификой изучаемой сферы и необходимостью обеспечения негласности как требуемого в ОРД состояния неведения общества об используемых силах, средствах и методах, с одной стороны, и ее исследования как предмета научной теории, с другой стороны.

Исследуя многочисленные работы о генезисе уголовного и политического сыска [3–5] и рассуждая о сложившейся в обществе социально-правовой ситуации, автор определяет и формулирует объективные предпосылки самой возможности выделения из общей теории оперативно-розыскной деятельности частной теории негласности как самостоятельной формы знания и познания, предназначение которой – научное обеспечение всей негласно-конспиративной проблематики ОРД, смежных с нею наук юридического цикла и иных сфер деятельности общества, нуждающихся в ситуативной (ограниченной) негласности и защите собственных корпоративных тайн [6; 7].

2. *Проблематика категорий и понятий в оперативно-розыскной терминологии как основа теории и практики оперативно-розыскной деятельности.*

Понятийно-категориальный аппарат, несомненно, является фундаментальным и системообразующим для любого вида человеческой деятельности, а тем более для научной теории, разрабатывающей эту область науки и практики и претендующей на некую самостоятельность. Автор придерживается точки зрения о том, что «бессистемное использование понятийного аппарата юриспруденции разрушает ее, как целостное, системное явление, ставит под сомнение ее регулятивные способности» [8, с. 142]. Именно поэтому он целенаправленно и даже предвзято-критично исследует понятия, категории и терминологические конструкции, составляющие не просто некий профессионально-научный лексикон, но именно тезаурус – систематизированную совокупность устойчивых разработанных понятий и категорий, актуальных как для практического использования, так и для сугубо научного, т. е. теоретического применения. Доказательством является тот факт, что А. И. Тамбовцев сформировал взаимосвязанную систему таких категорий, как информация, тайна, защита тайны, негласность, конспирация, маскировка, предание гласности, рассекречивание, разглашение, документы прикрытия и ряд других[6] [9–12].

Воззрения и аргументация автора могут быть в чем-то полемичны касательно отдельных рассматриваемых им понятий, но следует всецело согласиться с научной позицией о наличии (формировании) к настоящему времени системы понятий и категорий в сфере обеспечения негласности при осуществлении ОРД, позволяющих одновременно и эффективно осуществлять прикладное обеспечение негласности в реально осуществляемой ОРД и теоретическую (на уровне понятий и категорий) разработку института негласности в оперативно-розыскной деятельности.

[6] Тамбовцев А. И. Проблемы и особенности нормативной правовой регламентации использования «документов прикрытия» в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104). С. 227–244. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-227-244

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

3. *Нормативная правовая регламентация оперативно-розыскной деятельности как на уровне Федерального законодательства, так и на уровне ведомственных и межведомственных наставлений и инструкций.*

Заявляя о негласности как социально-правовом феномене, автор, конечно же, не мог оставить без пристального внимания правовую регламентацию негласно-конспиративной составляющей ОРД на всех возможных уровнях правовой иерархии, совершенствование которой, как отмечали В. М. Атмажитов и В. Г. Бобров, «необходимо осуществлять на основе системного подхода» [13, с. 4]. Некоторое сомнение может вызывать авторская позиция, согласно которой в основе института негласности вообще и в уголовном судопроизводстве в частности, а в оперативно-розыскной деятельности особенно, лежат положения Конституции Российской Федерации[7], декларирующие и закрепляющие институт тайны как таковой. Однако аргументация автора не имеет логических ошибок и внутренних противоречий и в связи с этим представляется вполне убедительной.

Проводя критический содержательный и сравнительно-правовой анализ широкого ряда федеральных законов, кодексов и основанных на них подзаконных нормативных актов, автор затрагивает множество проблем, негативно влияющих не только на прикладное обеспечение негласности в процессе осуществления ОРД, но и на их сугубо теоретическое осмысление и разработку. Разумеется, не все из них возможно решить в рамках одного, даже докторского исследования. Однако сам факт выявления, формулирования и декларирования (предания гласности) проблемы следует расценивать, как первый шаг к ее осознанию и разрешению.

Хотелось бы отметить, что наряду с идеями и положениями, носящими исключительно теоретический характер, автором разработаны и аргументированы собственные новаторские предложения по оптимизации российского законодательства (а именно – Уголовного кодекса Российской Федерации[8], Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[9], федеральных законов «О государственной тайне»[10], «Об оперативно-розыскной деятельности»[11]) в части формулирования фундаментального понятийного аппарата, механизма обеспечения негласности при передаче в уголовное судопроизводство результатов ОРД, обеспечения негласности и безопасности конфидентов при использовании в уголовном судопроизводстве полученной от них информации и пр.

Так, автором доказано фактическое несоответствие норм Федерального закона «О государственной тайне» актуальным запросам оперативно-розыскной теории и практики в части обеспечения негласности и необходимость внесения изменений в указанный закон, предложен работоспособный механизм правовой защиты должностных лиц и лиц, негласно содействующих органам, осуществляющим ОРД, при передаче и использовании в уголовном судопроизводстве оперативной информации[12] [14–17].

4. *Задачи оперативно-розыскной деятельности в целом и задачи оперативных подразделений в частности.*

В связи с «закрытым» характером диссертации целый ряд научных статей автора, посвященных обеспечению негласности при непосредственном решении многочисленных задач ОРД, был опубликован в ведомственных изданиях, имеющих ограниченный круг доступа. В то же время, даже относительно немногочисленные «открытые» работы об использовании сил, средств и методов ОРД (в т. ч. негласных) при розыске пропавших без вести лиц, раскрытии различных видов убийств, противодействии экстремизма и иным преступлениям позволяют исключительно положительно оценить усилия А. И. Тамбовцева по разработке указанной проблематики. Автор в своих работах убедительно показывает, что негласность при осуществлении

---

[7] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.03.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[9] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[10] О государственной тайне : Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 8220–8235.

[11] СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

[12] Тамбовцев А. И. Проблемы нормативной регламентации оборота и безопасности специальных химических веществ в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (102). С. 183–200. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-183-200 ; Тамбовцев А. И. Проблемы и особенности нормативной правовой регламентации использования «документов прикрытия» в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104). С. 227–244. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-227-244

прикладных задач ОРД и непосредственно реализуемых посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий [17, с. 15] – это неотъемлемый элемент, который не только позволяет решать их эффективно и быстро, но обеспечивает защиту служебных и государственных тайн, которые образуются при этом [18–20].

5. *Институт негласного содействия лиц органам, осуществляющим ОРД.*

Важнейшим институтом оперативно-розыскной деятельности является институт содействия лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Именно в нем проявляется принцип «взаимной ответственности граждан, общества и государства за состояние защищенности основных объектов безопасности» [21, с. 43]. Данный институт, как и вся как оперативно-розыскная сфера, требующая максимальной негласности в процессе своей реализации, на протяжении длительного времени является областью повышенного внимания и целенаправленного исследования автора. Проведенный им многофакторный анализ традиционных и современных научных воззрений на институт негласного содействия и полученные при этом результаты, отраженные в целом ряде научных публикаций от статей до монографий, наглядно отражают не только интерес автора к рассматриваемой сфере, но и весьма значительный перечень имеющихся в ней проблем и вопросов, порождающих этот интерес. Автором поднят и во многом раскрыт целый пласт проблем обеспечения негласности в институте содействия лиц органам, осуществляющим ОРД. Инновационными идеями автора можно признать предложения об изменении возрастных критериев привлечения к негласному содействию, процедур реализации социальных и правовых гарантий лиц, оказывающих содействие, а также использовании новых, в т. ч. цифровых технологий в обеспечении негласности.

Вероятно, некоторые из предлагаемых автором идей по оптимизации нормативной правовой регламентации или организации и тактики института негласного содействия могут быть расценены как спорные или недостаточно инновационные. Однако предлагаемые автором алгоритмы и механизмы реорганизации нормативной правовой регламентации и некоторых функциональных составляющих института содействия следует рассматривать именно с позиции обеспечения негласности при решении основных задач ОРД путем использования рассматриваемого инструментария. В этом случае эвристика предложений и идей автора становится очевидной и понятной[13] [22; 23 и др.].

6. *Институт оперативно-розыскных мероприятий во всей их вариативности и разновидности.*

Исследуя обеспечение негласности в процессе осуществления ОРД, автор закономерно приходит к заключению, что оперативно-розыскные мероприятия, являясь, по мнению Н. С. Железняка, «основным содержанием оперативно-розыскной деятельности»[14] и будучи в соответствии со ст. 1 Закона об ОРД законодательно провозглашенным средством осуществления ОРД, объективно нуждаются в обеспечении негласности на всех этапах их подготовки, непосредственного проведения, документального оформления и последующего использования результатов в уголовном судопроизводстве. При этом автор просто вынужден провести сравнительное исследование функционально «схожих» и даже во многом идентичных, но нормативно и доказательственно, несомненно, различных институтов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Вступая в научную полемику с целым рядом современных ученых в области общей теории права, уголовного-процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности [24–26], автор демонстрирует глубокое понимание рассматриваемой проблематики, определяет наиболее важные научные и практические проблемы в рассматриваемой сфере, предлагает подходы и пути к их раскрытию. В частности, им предложены пути дальнейшего развития института понятых, специальных технических средств, специальных химических веществ при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, детально рассмотренных сквозь призму предмета его исследования [27–29].

К сожалению, как и многие его предшественники и современники, автор не дает однозначного ответа и безоговорочного решения на поставленные им же (и иными учеными) вопросы. Это в свою очередь оставляет ему и его последователям поле для продолжения исследования и новых научных открытий.

---

[13] Тамбовцев А. И. Законодательный запрет на конфиденциальное содействие по контракту: вопросы и... вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 134–137.

[14] Железняк Н. С. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2010. С. 16–17.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

7. *Институт использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве.*

Подготовка и проведение гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий осуществляется не ради самого процесса, а с целью получения конкретных результатов в виде информации или материальных объектов, которые могут быть использованы в уголовном судопроизводстве как в качестве поводов и оснований для принятия определенных процессуальных решений, так и в качестве доказательств по уголовным делам. На протяжении многих лет процесс передачи результатов ОРД в уголовное судопроизводство и их дальнейшего использования является глобальной проблемой и камнем преткновения между представителями уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности. По мнению М. П. Полякова и Р. С. Рыжова, эта проблема является крупнейшей научно-прикладной проблемой современности и в настоящее время далека от разрешения [30, с. 3]. На основе анализа ряда научных трудов по указанной проблематике А. И. Тамбовцев в своих работах затрагивает данные аспекты не только с позиции уголовно-процессуального использования результатов ОРД, но более – с позиции обеспечения негласности и защиты государственных тайн. Им предложены теоретические концепты использования результатов ОРД, содержащих сведения ограниченного распространения, а также обсуждены вопросы их доказательственного использования[15] [31; 32].

8. *Институт надзора и контроля за оперативно-розыскной деятельностью.*

Оперативно-розыскная деятельность объективно осуществляется в обстановке и условиях надзора и контроля со стороны соответствующих структур, учреждений и организаций, и это логично, т. к. ОРД затрагивает права и свободы человека и гражданина [33]. Это обстоятельство предполагает увеличение числа лиц, вынужденно (прямо или косвенно) посвященных в оперативно-розыскные тайны, являющиеся служебными и даже государственными, а потому – требующими своей защиты путем обеспечения негласности. Автор на основе полученных эмпирических данных и предшествующих научных изысканий правоведов раскрывает прежде всего прикладные проблемы обеспечения негласности в процессе контроля и надзора за ОРД, предлагая механизмы обеспечения негласности при осуществлении надзорной и контрольной функции, а также при осуществлении оперативно-розыскного делопроизводства. Автор выходит на теоретический уровень осмысления данных проблем, их детерминант и путей решения [34]. За внешне простыми выводами и рекомендациями просматриваются результаты проведенного серьезного анализа законодательной базы и многолетней практики обеспечения негласности в процессе контроля и надзора за ОРД.

9. *Институт использования сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности.*

Работы автора, посвященные использованию оперативно-розыскного инструментария в широкой и вариативной совокупности гласных и особенно негласных сил, средств и методов, представляются самыми содержательными и значительными по объему. Фактически автор в своих работах погружает читателя в многогранные научные рассуждения о направлениях и способах негласного использования многочисленных и весьма вариативных оперативно-розыскных сил, средств и методов. Несмотря на то, что ряд затронутых автором аспектов ранее уже раскрывался в тематических исследованиях[16], автором предприняты попытки рассмотреть указанные сферы исключительно с позиций правового, организационно-тактического, технического, морально-психологического, этического и пр. обеспечения негласности.

Автор провел глубокий и всесторонний анализ научных воззрений и оперативно-розыскной практики использования в целях конспирации документов, зашифровывающих личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств оперативно-розыскных органов, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе. Кроме того, им проанализированы (с конкретными предложениями) вопросы создания предприятий, учреждений, организаций и подразделений, необходимых для решения оперативно-розыскных задач [27; 35; 36].

Именно с учетом вышеизложенных позиций можно и нужно рассматривать научные воззрения автора, представленные им на страницах научных изданий, в докладах и сообщениях на тематических конференциях.

---

[15] Тамбовцев А. И. Процедура и документальное оформление оперативно-розыскных мероприятий, как критерии их доказательственного значения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 127–134.

[16] См., например: Епихин А. Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства : дис. … д-ра юрид. наук. Сыктывкар, 2004. 460 с. ; Шахматов А. В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности : Теоретико-правовое исследование российского опыта : дис. … д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005. 438 с. ; Жаров С. Н. Оперативно-разыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование) : дис. … д-ра юрид. наук. Уфа, 2010. 459 с. и др.

Заглядывая вперед и рассматривая различные аспекты оперативно-розыскной деятельности сквозь призму обеспечения негласности, можно с высокой долей вероятности предположить, что вопросы обеспечения негласности при реализации отдельных направлений ОРД, решении задач ОРД, использовании тех или иных сил, средств и методов ОРД могут и должны рассматриваться как научные вопросы единой правовой и функциональной природы, что позволяет оценивать всю их совокупность, как «вопросы единой научной проблематики (негласность в ОРД), решаемые в рамках одного научного подхода/научной школы». Таким образом, частная теория негласности, разработанная А. И. Тамбовцевым, имеет хорошие перспективы и разнообразные направления для дальнейшего развития и продолжения научного исследования в рамках целого ряда кандидатских диссертаций.

Заключение

Подводя итог проведенному анализу научных публикаций А. И. Тамбовцева, освещающих основные тезисы и постулаты его исследования, научные рассуждения и наиболее значимые полученные результаты, можно с уверенностью и удовлетворением отметить, что им проделана действительно серьезная фундаментальная работа по обоснованию и разработке основных положений частной теории негласности в оперативно-розыскной деятельности, решена актуальная научная проблема, имеющая важное социально-правовое и оперативно-розыскное значение, выразившаяся в разработке частной теории негласности в оперативно-розыскной деятельности, определении ее основных положений и элементов, способных решать задачи частной теории как формы знания и познания, способной всесторонне, полно, достаточно и доказательно выявлять, объяснять и прогнозировать все теоретические и практические вопросы, связанные с негласностью в оперативно-розыскной деятельности,

Тезисно результаты ученого выражаются в следующем:

– выявлена и аргументированно доказана предопределенность частной теории негласности в оперативно-розыскной деятельности объективно создавшимися социально-экономическими, криминогенными, юридико-правовыми, психологическими, научно-исследовательскими, морально-этическими и иными основаниями и условиями;

– установлена сугубо научная природа частной теории негласности в оперативно-розыскной деятельности как самостоятельной формы научного знания и познания, обладающей всеми элементами научной теории как таковой;

– убедительно подтверждено предположение (тезис) о соответствии частной теории негласности в ОРД принципам научных теорий вообще и ее способность выполнять свойственные любой научной теории познавательные, объяснительные, диагностические, синтетические, методологические, прогностические и практические функции;

– разработан негласно-конспиративный глоссарий (тезаурус) как совокупность устойчивых понятий и категорий рассматриваемой области деятельности, полностью и всемерно удовлетворяющий требованиям и запросам оперативно-розыскной науки и практики;

– предложен целый ряд идей по нормативной правовой, функциональной и организационно-тактической оптимизации института негласности в оперативно-розыскной деятельности и многое другое.

Список источников

1. *Луговик В. Ф.* Негласность расследования и оперативно-розыскная деятельность // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2014. № 1 (3). С. 27–29.

2. *Колосович М. С.* Негласная деятельность по уголовному делу // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 138–145. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.63.2.138-145

3. *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. Москва : Новое литературное обозрение, 1999. 719 с.

4. *Озеров И. Н., Зоз В. А.* Историко-правовой генезис «личного сыска» как метода оперативно-розыскной деятельности против имущественных преступлений // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 3. С. 61–67.

5. *Панфилец А. В., Федоров А. Б., Бредихин А. Л.* Зарождение политического сыска России: от опричнины до Приказа тайных дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 37–43.

6. *Тамбовцев А. И.* Обеспечение негласности в оперативно-розыскной деятельности как научная проблема / Актуальные вопросы раскрытия преступлений оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность : материалы Межведомственной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 20 июня 2024 г. / сост.: М. Л. Родичев. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 151–156.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

7. *Тамбовцев А. И.* Детерминанты и предпосылки частной теории негласности в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2024. № 4. С. 76–83.

8. *Шаханов В. В.* Концепция уровневой организации научного познания как инструмент систематизации понятийно-категориального аппарата юриспруденции // Lex russuca. 2023. Т. 76, № 11. С. 140–153. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.204.11.140-153

9. *Тамбовцев А. И.* Терминология оперативно-розыскного законодательства: проблемы нормотворчества / Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности : материалы всероссийской научно-практической конференции, г. Омск, 29 ноября 2012 г. Омск : Омская юридическая академия, 2012. С. 231–239.

10. *Тамбовцев А. И.* Содержательно-правовой анализ понятий «гласность» и «негласность» с позиций уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности / Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 г. / науч. ред.: А. Р. Акиев, Т. А. Бадзарадзе, С. В. Смелова, О. Л. Романова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 503–507.

11. *Тамбовцев А. И.* Содержательно-правовой анализ понятия «предание гласности» в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 112–118.

12. *Тамбовцев А. И.* Проблемы определения и толкования понятия «тайна» в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 137–146.

13. *Атмажитов В. М., Бобров В. Г.* О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : научный доклад. Москва : ПИК ВИНИТИ, 2003. 23 с.

14. *Тамбовцев А. И.* Анализ законодательных запретов на конфиденциальное содействие граждан по контракту органам, осуществляющим ОРД // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1 (20). С. 91–100.

15. *Тамбовцев А. И.* Коллизии законодательного регулирования содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47). С. 25–33.

16. *Тамбовцев А. И.* Коллизии норм федеральных законов, регулирующих содействие лиц правоохранительным органам // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 1 (64). С. 31–36.

17. *Захарцев С. И.* Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом : монография / отв. ред. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004. 256 с.

18. *Тамбовцев А. И.* Убийства новорожденных: проблемы раскрытия преступления // Законодательство и практика. 2010. № 2 (25). С. 41–42.

19. *Тамбовцев А. И.* Розыск лиц, пропавших без вести: проблемы ведомственного нормативного регламентирования / Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, г. Омск, 10 ноября 2011 г. Омск : Омская юридическая академия, 2011. С. 151–161.

20. *Тамбовцев А. И.* Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму / Социально-экономические и политические корни экстремизма и терроризма : материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 17 июня 2016 г. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2016. С. 201–205.

21. *Маслов А. А.* К вопросу о содействии граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и сотрудничестве с ними на конфиденциальной основе // Научный портал МВД России. 2014. № 2. С. 43–47.

22. *Тамбовцев А. И.* Содействие лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, как проявление социальных девиаций // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3. № 4. С. 464–475. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-4-464-475

23. *Тамбовцев А. И.* Коллизии законодательного регулирования содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (45). С. 29–30.

24. *Захарцев С. И.* Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 4 (249). С. 135–139.

25. *Ковалев А. В.* Актуальные вопросы организации оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан / Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы Регионального круглого стола / под редакцией Е. Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. Рязань : Издательство «Концепция», 2015. С. 81–85.

26. *Колосович М. С.* Производство негласных следственных действий по УПК России, Украины, Казахстана и Киргизии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 139–146.

27. *Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В.* Оперативно-розыскной инструментарий : монография. Москва : Проспект, 2024. 304 с.

28. *Тамбовцев А. И.* Основания, процедура и результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий, как предмет прокурорского надзора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 3 (54). С. 35–40.

29. *Тамбовцев А. И.* Реабилитация в оперативно-розыскной деятельности: юридический нонсенс или реальность // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 3 (30). С. 167–172.

30. *Поляков М. П., Рыжов Р. С.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт : монография. Москва : Издательский дом И. И. Шумиловой, 2006. 110 с.

31. *Тамбовцев А. И.* Реабилитация в оперативно-розыскной деятельности: анализ некоторых положений статьи 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 1 (60). С. 17–22.

32. *Тамбовцев А. И.* Теоретические проблемы применения служебно-розыскных собак в оперативно-розыскной деятельности / Оперативно-розыскная деятельность в современных условиях : материалы межведомственной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 22–23 июня 2023 г. : [электронное издание] / сост.: М. Л. Родичев. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 173–179.

33. *Чечетин А. Е.* Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий : монография. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. 232 с.

34. *Тамбовцев А. И.* Проблемы обеспечения негласности при обращении судей с оперативно-розыскной информацией, содержащей государственную тайну // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1 (96). С. 29–36. https://doi.org/10.24412/1999-625X-2025-196-29-36

35. *Тамбовцев А. И.* Девиации как гипотетическая основа негласно-конспиративного сегмента оперативно-розыскной деятельности (на примере легендированных объектов) // Российский девиантологический журнал. 2023. № 3 (3). С. 324–334. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-3-324-334

36. *Тамбовцев А. И.* Легендированные объекты в оперативно-розыскной деятельности: современные воззрения законодателей / Криминалистика наука без границ: традиции и новации : материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 30 ноября – 1 декабря 2023 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 385–395.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 343.9

Криминологические и уголовно-правовые аспекты дистанционного мошенничества с применением deepfake-технологий и социальной инженерии

Екатерина Сергеевна Палий

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
alibi-2013@mail.ru
https://orcid.org/0009-0006-0590-4561

Аннотация:
Введение. *Статья посвящена актуальной проблеме дистанционного мошенничества в условиях цифровой трансформации общества, с особым упором на использование преступниками искусственного интеллекта (ИИ).*
Методы. *Автором проведен комплексный виктимологический анализ современных мошеннических схем, основанных на технологиях глубокого обучения, генерации текстов, аудио- и видеоподделок (deepfake).*
Результаты. *Подчеркивается, что доступность и развитие технологий ИИ существенно усиливают возможности мошенников по созданию персонализированных атак и автоматизированных схем социальной инженерии. Рассматриваются виктимологические последствия данного феномена, включая рост уязвимости широких слоев населения и снижение эффективности традиционных мер защиты. Исследование опирается на зарубежную научную традицию, отражающую передовые подходы к пониманию социальных и технических аспектов цифровой виктимизации. Выявлены ключевые направления противодействия мошенничеству, включая развитие антифрод-систем, многоуровневую аутентификацию, интеграцию обучающих материалов в популярные онлайн-платформы и совершенствование международного правового регулирования.*
Выводы. *Автор заключает, что для эффективного снижения виктимности в условиях использования ИИ необходимы комплексный подход, объединяющий технологические инновации, повышение цифровой грамотности и развитие правовых механизмов защиты.*

Ключевые слова:
дистанционное мошенничество, искусственный интеллект, виктимологический анализ, цифровая виктимизация, deepfake, социальная инженерия, антифрод-системы, машинное обучение, персонализированные атаки, цифровая безопасность, международное сотрудничество, киберпреступность

Для цитирования:
Палий Е. С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты дистанционного мошенничества с применением deepfake-технологий и социальной инженерии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 149–157.

Статья поступила в редакцию 11.07.2025; одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Criminological and criminal-legal aspects of remote fraud involving deepfake technologies and social engineering

Ekaterina S. Paliy

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
alibi-2013@mail.ru
https://orcid.org/0009-0006-0590-4561

Abstract:
Introduction. *The article is dedicated to the actual problem of remote fraud in the context of digital transformation of society, with a particular focus on the use of artificial intelligence (AI) by criminals.*
Methods. *The author carried out a comprehensive victimological analysis of modern fraud schemes based on deep learning technologies, text generation, and audio and video forgeries (deepfakes).*
Results. *The author emphasises that the accessibility and development of AI technologies significantly increase the possibilities for fraudsters to create personalised attacks and*

Keywords:
remote fraud, artificial intelligence, victimological analysis, digital victimisation, deepfake, social engineering, anti-fraud systems, machine learning, personalised attacks, digital security, international cooperation, cybercrime

© Палий Е. С., 2025

automated social engineering schemes. The victimological consequences of such a phenomenon are considered, including the increased vulnerability of broad segments of the population and the reduced effectiveness of traditional protective measures. The research is based on foreign scientific traditions reflecting advanced approaches to understanding the social and technical aspects of digital victimisation. Key areas for counteracting fraud are identified, including the development of anti-fraud systems, multi-level authentication, integration of educational materials into popular online platforms, and improvement of international legal regulation.

Conclusions. *The author concludes that in order to effectively reduce victimisation in the context of AI use, a comprehensive approach integrating technological innovation, increased digital literacy and development of legal protection mechanisms is required.*

For citation:
Paliy E. S. Criminological and criminal-legal aspects of remote fraud involving deepfake technologies and social engineering // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 149–157.

**The article was submitted July 11, 2025;
pproved after reviewing October 1, 2025;
accepted for publication December 25, 2025.**

Введение

Современное общество переживает стремительную цифровую трансформацию, в ходе которой информационно-коммуникационные технологии становятся все более доступными и многогранными. Интернет, мобильная связь, социальные сети и широкий спектр онлайн-сервисов радикально изменили способы взаимодействия людей, формируя новую среду для экономической, культурной и социальной деятельности. В научном дискурсе под дистанционным мошенничеством понимаются хищения, совершаемые удаленно с использованием информационно-коммуникационных технологий; при этом соответствующие деяния охватываются составами преступлений, предусмотренных ст. 159, 159[3] и 159[6] Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ). Вместе с тем по мере роста цифровых возможностей растут и угрозы преступного характера, среди которых одно из ведущих мест занимает дистанционное мошенничество. Это явление многократно усложнилось с появлением искусственного интеллекта (далее – ИИ), предоставляющего злоумышленникам инструменты анализа больших массивов данных, генерации фейковых сообщений и автоматизации атак. В результате столкновение с высокотехнологичным мошенничеством перестает быть редким исключением и все чаще превращается в рутинную опасность для массового пользователя сети, тогда как ущерб только в России составляет миллиарды рублей[2]. Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе феномена дистанционного мошенничества в цифровую эпоху (с особым акцентом на использование искусственного интеллекта злоумышленниками), выявлении его социальных, виктимологических и правовых особенностей и определении ключевых направлений противодействия данной угрозе. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи исследования:

1) сформулировать понятие и границы «дистанционного мошенничества», обосновав легитимность данного термина в научном дискурсе и соотнеся его с соответствующими нормами УК РФ;

2) проанализировать современные схемы и технологии дистанционного мошенничества (включая *deepfake* и другие методы социальной инженерии), выявив их криминологические характеристики;

3) исследовать виктимологические факторы и последствия подобных преступлений, определив наиболее уязвимые категории жертв и используемые злоумышленниками механизмы;

4) предложить перспективные меры профилактики и противодействия высокотехнологичным мошенническим схемам. Важно отметить, что настоящее исследование сфокусировано на виктимологических и криминологических аспектах проблемы (с учетом нормативного фона) и не предусматривает детального уголовно-правового анализа.

Материалы и методы

Методологическую основу работы составляет виктимологический анализ, направленный на выявление и исследование особенностей жертв дистанционного мошенничества в цифровую эпоху с акцентом на использование искусственного интеллекта преступниками. Для раскрытия поставленной задачи был использован широкий круг источников, отражающих современную отечественную и зарубежную научную традицию в области киберпреступности и социальной

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Прокурорами направлены в суды иски о взыскании 1,5 млрд рублей с владельцев банковских карт, куда первично поступали похищенные у людей деньги / Генеральная прокуратура Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=100723474 (дата обращения: 20.03.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

инженерии. Кроме этого, проведен контент-анализ актуальной зарубежной научной литературы по данной проблеме, что позволило учесть новейшие идеи зарубежных исследователей в отношении рассматриваемого явления. Особое внимание уделено трудам зарубежных авторов, поскольку именно международные исследования в большей степени раскрывают новейшие угрозы и технологические аспекты мошенничества, связанные с искусственным интеллектом [1–4]. Анализируются подходы авторов, раскрывающих виктимологическую специфику онлайн-преступлений, психологию жертв, технологии социальной инженерии [5–7]. Дополнительно были использованы материалы эмпирических исследований и статистических обзоров, посвященных современным схемам мошенничества, а также технические работы по антифрод-системам и машинному обучению[3] [8; 9]. Виктимологический анализ позволяет рассмотреть механизмы воздействия злоумышленников на жертвы, выявить социально-психологические и технические факторы уязвимости, а также предложить возможные направления противодействия [10].

Результаты

Расширение цифрового пространства усилило возможности для дистанционных атак, особенно учитывая, что многие социальные и экономические процессы переходят в онлайн-формат [11]. Банковский сектор, электронная коммерция, государственные услуги, образование и даже медицина все более тесно интегрируются с интернетом, предоставляя пользователям существенные удобства и ускоряя многие жизненно важные процессы. Однако вместе с тем повышается уязвимость, связанная с хранением и передачей личных данных, а также с доверительными механизмами идентификации и авторизации[4]. Если в первые годы эры интернета преобладали относительно примитивные мошеннические схемы, то с течением времени злоумышленники освоили социальную инженерию и начали использовать более изощренные методы. Особую значимость приобретают технологии искусственного интеллекта, которые позволяют автоматизировать действия, раньше выполнявшиеся вручную, и генерировать убедительные подделки – от фишинговых писем до синтетических медиафайлов, известных как *deepfake*. Исследователи подчеркивают, что данная тенденция ведет к существенному изменению парадигмы безопасности: если раньше для распознавания обмана достаточно было базовых навыков цифровой гигиены, то сегодня даже опытным пользователям бывает сложно отличить искусственно сгенерированные сообщения от реальных [12]. «Мошенники предпринимают определенные действия, чтобы получить доступ к банковской карте потенциальной жертвы: используют списки рассылки от имени банка, содержащие веб-адреса нужных страниц, копии официальных сайтов, предлагающих ввести реквизиты банковской карты для дальнейшего ее использования. Довольно часто встречаются ситуации, когда жертве звонит мошенник, представляющийся сотрудником банка, и просит сообщить конфиденциальные сведения о карте или данные для входа в онлайн-банк, для того чтобы пресечь подозрительную транзакцию, совершаемую с использованием банковской карты или счета абонента. В таких случаях потерпевший, находясь в состоянии испуга, предоставляет необходимую злоумышленнику информацию» [13].

Рост использования ИИ в криминальной сфере неразрывно связан с широкой доступностью высокопроизводительных вычислительных ресурсов и алгоритмов машинного обучения с открытым исходным кодом. В прошлом сложные нейронные сети требовали дорогого оборудования и штата высококвалифицированных специалистов, однако демократизация технологий, включая появление облачных платформ и готовых к использованию библиотек, значительно снизили порог входа для злоумышленников. Теперь разработка вредоносных программ, способных анализировать большие объемы украденных баз данных, становится значительно проще. Кроме того, инструменты ИИ позволяют оптимизировать сценарии мошеннических атак, подбирая конкретную «приманку» в соответствии с профилем потенциальной жертвы. Это может выражаться, например, в таргетированных фишинговых письмах, ориентированных на индивидуальные интересы пользователя, его социальный статус, сферу деятельности или даже психотип [5]. С точки зрения виктимологии, подобная персонализация, проводимая машинным алгоритмом, повышает эффективность обмана, ведь человек, получая письмо с темами, которые ему действительно интересны, менее склонен критически относиться к содержанию. Существует и другой аспект: искусственный интеллект способен генерировать правдоподобные

[3] Обзор операций, совершенных без согласия клиентов – 2020 // Банк России : [официальный сайт]. URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/32190/review_of_transactions_2020.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

[4] Online Holiday Shopping Scams // Cybersecurity and Infrastructure Security Agency (CISA) : (website). URL: https://www.cisa.gov/news-events/alerts/2020/11/24/online-holiday-shopping-scams (дата обращения: 20.03.2025).

тексты и даже вести переписку, имитируя стиль живого человека, что еще более затрудняет распознавание мошеннической схемы.

Если традиционное мошенничество требует определенного человеческого ресурса, времени и навыков, то с внедрением ИИ и автоматизации злоумышленники могут обрабатывать огромное количество потенциальных жертв. Речь идет о миллионных рассылках электронных писем, тысячах одновременных телефонных звонков, а также многоступенчатых атаках, где бот на одном этапе собирает информацию о пользователе, а на другом этапе уже генерирует индивидуальный сценарий вовлечения. Подобные схемы часто используют модули машинного обучения, которые анализируют реакции жертв и адаптируют сообщения, повышая вероятность успеха [14]. Одновременно расширяются и формы мошенничества. Если раньше злоумышленники в основном подделывали сайты банков и делали фишинговые письма, то теперь появляются инвестиционные платформы, полностью созданные фейковыми алгоритмами, или мобильные приложения, якобы предлагающие консультации на базе искусственного интеллекта, но фактически ворующие данные пользователей. В контексте этой эволюции традиционные меры кибербезопасности, основанные на статических сигнатурах и опознавании типовых шаблонов, могут быть недостаточны, поскольку ИИ на стороне преступников умеет генерировать все новые варианты вредоносных сценариев без явных повторений, которые можно было бы заранее занести в антивирусные базы [6].

На виктимологической структуре цифрового мошенничества влияние искусственного интеллекта сказывается очень заметно. Во-первых, искусственный интеллект позволяет преступникам анализировать громадные объемы утекших персональных данных – пароли, номера телефонов, профили в социальных сетях, предпочтения в покупках. Такие данные нередко продаются в так называемом даркнете (теневом сегменте интернета). Объединив несколько источников, нейронная сеть способна выделить закономерности и сегментировать пользователей по критериям возраста, пола, финансовых возможностей, интересов и даже психологических особенностей. Подобная дифференциация превращает «вспомогательную» деятельность мошенников в целое искусство высокоточной социальной инженерии. Каждый потенциальный пользователь может получать специфическое письмо или сообщение, рассчитанное именно на его слабые места и интересы [7]. Во-вторых, широкий доступ к технологиям генерации текста и медиа (включая *deepfake*) повышает уровень доверия жертвы, когда она слышит или видит, казалось бы, знакомого человека, просящего о денежном переводе, либо слышит голос «реального» сотрудника банка. Подмена личности становится проще, ведь алгоритмы могут синтезировать речь и мимику, неотличимые с первого взгляда от настоящих. Виктимологи, исследующие этот феномен, говорят о качественном скачке в методах социальной инженерии, поскольку традиционные сигналы, по которым человек мог разоблачить обман, становятся ненадежными [15]. Даже видеосвязь уже не гарантирует подлинности собеседника.

Особенно остро проблема проявляется в банковской и финансовой сферах. По данным ряда аналитических докладов, крупные международные банки периодически сталкиваются с тем, что их клиенты становятся жертвами звонков мошенников, которые подделывают не только номер банка, но и голос. Такие сценарии, подкрепленные собранными нейросетью данными о конкретном клиенте, выглядят крайне правдоподобно. Людям сообщают, что их счет якобы взломан, и для его защиты нужно срочно перевести деньги на «резервный» или «страховой» счет, после чего у человека исчезают накопления. С точки зрения классической криминологии, такое поведение со стороны жертвы может показаться нелогичным, ведь люди должны понимать, что настоящий банк не попросит перевести деньги на незнакомый счет. Однако технология синтеза речи, вызов с подмененного номера, обилие персонализированной информации и создание эффекта срочности формируют у жертвы сильнейшее стрессовое состояние. Подобная эмоциональная перегрузка снижает уровень критического мышления и повышает восприимчивость к обману [6]. Ключевую роль играет и фактор авторитета, когда пользователь убежден, что контактирует с официальным представителем организации.

Не меньшее беспокойство вызывает эволюция так называемого *romance scam* (мошенничества, основанного на имитации романтических отношений) и прочих мошеннических схем в социальных сетях. Здесь искусственный интеллект может использоваться для ведения долгосрочной переписки, имитируя стиль и манеру общения, характерные для определенных культурных групп. Некоторые исследования показывают, что преступники создают ботов, способных выдавать себя за реального пользователя и постепенно выстраивать эмоциональную привязанность жертвы, пробуждая у нее доверие и желание помочь. Сгенерированные фотографии и видеоролики добавляют убедительности, поскольку современные генеративные алгоритмы (GAN) в состоянии создавать правдоподобные лица, которые не принадлежат ни одному реальному

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

человеку. По мере укрепления отношений мошенник-бот просит деньги на «срочные нужды», «лечение», «билет для встречи» и т. п. Печальные примеры подобных ситуаций известны во многих странах мира, а пострадавшие часто вынуждены замалчивать свою историю из чувства стыда (как отмечалось ранее [9]). Виктимологическая природа таких преступлений весьма сложна, т. к. жертва становится заложником собственного эмоционального вклада, а преступник действует через тщательно подготовленные манипуляции, усиленные технологическими средствами.

С точки зрения социальной динамики нельзя упускать из виду возрастное и культурное многообразие жертв [9]. Пожилые люди традиционно рассматриваются исследователями как одна из наиболее уязвимых групп, поскольку у них нередко меньше навыков цифровой гигиены и они могут более доверчиво относиться к звонкам «от банка» или других официальных структур [16]. Однако в современных условиях и молодежь, а также люди среднего возраста не застрахованы от обмана, особенно если атака носит хорошо продуманный характер и подстраивается под индивидуальные особенности. Это делает проблему дистанционного мошенничества с использованием ИИ еще более актуальной и универсальной, разрушая миф о том, что достаточный уровень образования или технических знаний является абсолютной гарантией защиты. Парадокс в том, что высокотехнологичные пользователи могут испытывать излишнюю самоуверенность и пренебрегать элементарными правилами осторожности [17]. Кроме того, ИИ-системы, обучающиеся на огромном массиве данных, способны обнаруживать уязвимые места даже у подготовленных пользователей, анализируя временные паттерны их активности и подбирая момент, когда они наиболее склонны к ошибкам [18].

Еще одна важная деталь, формирующая современную структуру дистанционного мошенничества, – международный характер атак. Системы искусственного интеллекта могут быть развернуты в облачных центрах обработки данных, расположенных в юрисдикциях с низким уровнем правового контроля, а сами преступные группировки часто действуют по всему миру, подчиняя себе целые нелегальные колл-центры [12]. Трансграничный характер операций затрудняет преследование преступников, ведь правоохранительным органам приходится сталкиваться с несовершенством международных механизмов экстрадиции и сотрудничества. Более того, ИИ может маскировать источники трафика, использовать прокси-серверы и сети анонимизации, усложняя процедуру поиска реального организатора атак. В виктимологическом плане это означает, что риск стать жертвой имеется у пользователей из разных стран, при этом многие могут испытывать трудности с обращением в правоохранительные органы другого государства, не зная языка, процедур, имеющихся возможностей компенсации и защиты [15]. Таким образом, цифровая среда выступает своего рода глобальным «мегаполисом», где преступность не знает национальных границ, а системы ИИ еще более стирают оставшиеся барьеры.

Значительный интерес для исследователей представляет вопрос о том, каким образом искусственный интеллект может использоваться не только при исполнении мошеннических атак, но и при их подготовке. Проанализировав большое количество уязвимостей, утекших баз данных пользователей, паттернов поведения в сети, ИИ способен выдавать прогнозы о том, какая мошенническая схема принесет наибольшую выгоду. К примеру, в момент пандемии COVID-19 резко возросло число фейковых предложений медицинских товаров (тестов, лекарств, защитных масок), а затем стали появляться фиктивные схемы с «вакцинами» [10]. Злоумышленники использовали алгоритмы машинного обучения, чтобы мониторить рост поисковых запросов о коронавирусе, отслеживать содержание сообщений в соцсетях и подбирать релевантный контент для фишинга. Таким образом, преступники оперативно реагировали на тревоги и потребности людей, предлагая «решения», которые на деле были лишь мошенническими приманками. В контексте подобных ситуаций классическая киберзащита оказывалась неэффективной, поскольку специфические сигнатуры таких угроз не были заранее известны, и вредоносные сайты или письма оставались вне поля зрения антивирусных компаний в течение критически важного времени.

Отдельно нужно упомянуть *deepfake* – технологию, базирующуюся на генеративно-состязательных сетях (GAN). Первоначально этот термин ассоциировался в основном с созданием порнографических видео, где лица знаменитостей накладывались на реальных актеров, однако со временем сфера применения расширилась [3]. Теперь мошенники используют *deepfake*, чтобы, к примеру, сфабриковать аудио- или видеозаписи от имени представителей крупных компаний, политиков, общественных деятелей, выдавать себя за руководителя для подчиненных и давать «официальные» указания совершить финансовые переводы. Ситуации, когда бухгалтер или менеджер получает видеообращение босса с требованием срочно перевести деньги на другой счет, уже не являются сюжетами из научной фантастики. Атакуемая сторона может

не догадаться перепроверять личность, ведь она видит «живое» видео и слышит голос, в точности повторяющие мимику и интонации реального человека. На этот счет зафиксированы некоторые резонансные случаи в Европе и США, когда компании теряли крупные суммы, не распознав подделку [2]. Виктимологическая составляющая здесь особенно сложна, поскольку жертва действует из лучших побуждений, выполняя распоряжение начальника и не подозревая, что видео или аудио сгенерированы искусственно. В дальнейшем доказать факт обмана может быть крайне трудно, что подрывает доверие даже внутри коллектива и заставляет пересматривать привычные методы коммуникации.

Расширение возможностей мошенников в сфере *deepfake* и генеративного ИИ актуализирует вопрос о том, как сами люди будут реагировать на подобные новые вызовы и какие механизмы могут снижать риск виктимизации. Технологические компании, банки, государственные органы и правозащитные организации уже предпринимают усилия для создания антифейковых решений, позволяющих выявлять следы синтеза в аудио- и видеофайлах [4]. Разрабатываются алгоритмы распознавания аномалий в моргании, микродвижениях мышц лица, артефактах на фоне видеозаписи. Существуют программы, способные автоматически определять несоответствия в характеристиках звука, указывающие на машинную генерацию. Однако подобные инструменты требуют больших вычислительных ресурсов и часто отстают от прогресса генеративных технологий. Чем совершеннее становились нейросети для создания подделок, тем более изощренными приходилось делать системы их выявления. Возникает гонка вооружений, в которой преступники, обладая достаточными ресурсами и мотивацией, стремятся обходить новые фильтры и совершенствовать маскировку [1]. С другой стороны, обучать массового пользователя методам распознавания *deepfake* непросто, особенно если речь идет об аудиозвонках, где у человека нет возможности проводить детальный технологический анализ. В итоге реальной практикой борьбы становится многофакторная проверка личности: не верить голосу или видеозаписи на сто процентов, а перепроверять запрос, используя иные каналы связи, задавать контрольные вопросы, сверяться с внутренними корпоративными процедурами. Виктимологи подчеркивают, что распространение таких правил в корпоративной и повседневной среде может сократить число жертв, но требует изменения поведенческих привычек и отказа от безусловного доверия новым технологиям.

Проблема использования искусственного интеллекта в мошенничестве упирается и в этический аспект. Вопросы, связанные с разработкой и внедрением алгоритмов ИИ, становятся предметом международных дискуссий. С одной стороны, ИИ несет огромный положительный потенциал, применяясь в медицине, логистике, образовании, автоматизации монотонных задач, аналитике больших данных. С другой стороны, те же самые инструменты, попадая в руки злоумышленников, создают беспрецедентные возможности для обмана людей, кражи их денег и личных данных [15]. Очевидно, что запретить или существенно ограничить развитие ИИ в целом невозможно, равно как и удержать инновации внутри строго контролируемых лабораторий. Поэтому правовое сообщество и эксперты в области технологий стремятся найти компромисс между прогрессом и безопасностью. Одним из вариантов считают стимулирование ответственного проектирования ИИ – так называемый “*Responsible* AI” – где разработчики обязуются внедрять механизмы аутентификации, отслеживания происхождения данных и предотвращения злоупотреблений [19]. Однако криминальные элементы не станут придерживаться принципов этики, поэтому основная надежда остается на совершенствование систем обнаружения мошенничества и повышение цифровой грамотности пользователей.

Особое место во всех этих процессах занимает государство и его регулирующие органы. В разных странах предпринимаются попытки криминализировать те или иные аспекты создания и распространения *deepfake*, а также усилить ответственность за кражу персональных данных. Тем не менее правовое регулирование часто не поспевает за технологическими инновациями, а транснациональный характер преступлений затрудняет вынесение приговоров и пресечение деятельности международных группировок. Еще одна проблема – отсутствие единой терминологии и правовых стандартов, что создает лазейки для злоумышленников, способных действовать из юрисдикций с более слабыми законами. Вопрос о разработке глобальных соглашений по противодействию киберпреступности под эгидой ООН или иных международных организаций не раз поднимался, но до окончательного консенсуса еще далеко. Виктимологическая составляющая указывает, что без согласованности правовых норм и координации усилий на международном уровне жертвы, столкнувшиеся с высокотехнологичной атакой, вряд ли получат адекватное возмещение ущерба или помощь в привлечении преступников к ответственности [7]. Это порождает ощущение безнаказанности у мошенников, побуждая их к дальнейшему использованию ИИ и расширению масштабов операций.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

С точки зрения формирования культуры цифровой безопасности, эксперты сходятся во мнении, что ведущую роль должны играть просветительские кампании, информационная поддержка и разработка удобных инструментов самозащиты. Если пользователь не будет понимать принципы работы дистанционного мошенничества или возможности ИИ по созданию правдоподобных подделок, то его шансы вовремя распознать угрозу существенно снижаются [5]. Однако классические материалы вроде памяток и брошюр уже не справляются с поставленной задачей. Необходимо интегрировать модули обучения в сами платформы, которые люди используют ежедневно: социальные сети, онлайн-банкинг, государственные порталы. При выявлении подозрительной активности система должна не просто блокировать ее, но и объяснять пользователю потенциальные риски, обучая его алгоритмам выявления фейков. Механизмы геймификации (*gamification*) также могут помочь, если, например, перед подтверждением перевода деньги сервис предлагает небольшой тест-квест, помогающий отсеять мошеннические сценарии. В числе приоритетных направлений профилактики – внедрение многофакторной аутентификации, требование подтверждать операции не только кодами и паролями, но и биометрическими или другими независимыми методами верификации. Правда, биометрию тоже можно обмануть с помощью *deepfake*, если система несовершенна, поэтому одной лишь технологии часто недостаточно.

Обсуждение

Изменение природы дистанционного мошенничества на фоне развития ИИ отражается и на особенностях правоприменительной практики. Если раньше доказательства мошенничества заключались в переписке, показаниях свидетелей, номерах телефонов, реквизитах счетов, то теперь экспертам может понадобиться анализ машинного кода, лог-файлов, точек входа, взаимодействия нескольких нейросетей [2]. Расследование таких случаев требует уникальных технических компетенций, что создает дополнительную нагрузку на правоохранительную систему. В большинстве стран сотрудники полиции, прокуроры, судьи и адвокаты не обладают в достаточной степени знаниями в области больших данных и методов машинного обучения. Это ведет к затягиванию расследований и, возможно, к ошибочным приговорам. Одновременно возникает опасность перегрузки судов, т. к. число дел, связанных с кибермошенничеством, растет. Виктимологическая перспектива требует учета интересов жертв, которые нуждаются в быстром восстановлении справедливости и компенсации ущерба, однако при сложных технологических схемах расследование может длиться годами. Более того, есть риск, что преступник не будет найден, поскольку действовал из-за рубежа или маскировал свою личность с помощью продвинутых инструментов анонимизации [2]. Столкнувшись с подобной безнаказанностью, жертвы теряют веру в возможность правовой защиты, что усугубляет проблему латентности преступлений: люди перестают сообщать о произошедшем, считая, что это бесполезно.

Однако не следует думать, что ИИ однозначно является оружием лишь в руках преступников. Технологические компании и правоохранительные органы могут использовать искусственный интеллект для предотвращения атак, распознавания автоматизированных паттернов мошенничества и выявления аномальной активности на счетах. Существуют продвинутые антифрод-платформы, которые на основе машинного обучения анализируют миллионы транзакций в реальном времени, стараясь моментально определить вероятность мошенничества[5]. Существуют особенности проведения оперативно розыскных мероприятий (далее – ОРМ). В частности, «большое значение для успешного раскрытия и расследования дистанционных мошенничеств имеет и качество изучения и анализа первичных сведений, а не исключительно скорость их получения. Таким образом, извлечение первичных сведений о дистанционном мошенничестве зависит от реализации ОРМ и неотложных следственных действий по нахождению компьютерной техники, банковских карт, мобильных и иных телефонов. Такие оперативно-розыскные методы нахождения, как опрос, наблюдение, оперативное внедрение могут успешно применяться с этой целью» [20]. Автор указывает на механизм следообразования дистанционного мошенничества: «Учитывая его специфику, преобладают информационные или цифровые следы. При этом большое значение имеет то, что они образуются не только в определенном месте (где находится мошенник, например), а на всем маршруте прохождения информационного взаимодействия (сигнала), за счет чего правоохранительные органы могут их обнаружить и зафиксировать. Вместе с тем работать с этими следами довольно сложно и не вызывает сомнения обязательность специальной подготовки субъектов. Оперативное получение данных

[5] URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/32190/review_of_transactions_2020.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

о движении денежных средств в рамках расследуемого преступления, наименьший временной интервал между поступлением сведений о совершенном мошенничестве и направлением в работу технических средств, применяемых мошенниками, выполнение ОРМ по месту присутствия подозреваемого являются ведущими положениями успешного расследования дистанционных мошенничеств» [11]. Системы могут учитывать геолокацию, временной промежуток, историю предыдущих переводов, скорость ввода данных, чтобы составить профиль риска конкретной операции. Если система определяет высокий риск, она блокирует транзакцию или запрашивает у клиента дополнительную проверку. Подобные решения снижают уровень посредственных мошенничеств, где преступники не используют сложных схем персонализации. Тем не менее противодействие более продвинутым атакам, основанным на *deepfake* и таргетированном подходе, требует еще большего уровня технологического совершенства. Тогда возникает необходимость обмена информацией между банками, интернет-провайдерами, правоохранительными органами, что нередко упирается в вопросы конфиденциальности и конкуренции.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что в цифровую эпоху дистанционное мошенничество переживает глубокую трансформацию, поскольку злоумышленники начали активно использовать искусственный интеллект и смежные технологии для создания более изощренных, масштабных и труднораспознаваемых схем. Традиционные механизмы защиты, включая антивирусные программы и простые памятки о фишинге, уже не могут в полной мере противостоять высокотехнологичным атакам, где машинное обучение обеспечивает криминалистическую точность при выборе жертв и генерации контента. Виктимологические особенности данной угрозы выражаются в том, что практически каждый пользователь, независимо от уровня его технической компетенции, оказывается в зоне риска. Разрешить проблему невозможно, используя лишь репрессивные меры. Она не имеет простых решений, поскольку искусственный интеллект – это универсальный инструмент, способный служить как прогрессу, так и преступлению. Труднее всего будет выработать столь необходимые культурные и поведенческие изменения, формирующие у пользователей устойчивые привычки самопроверки, критического мышления и ответственности за собственные действия в сети. Роль виктимологии здесь неоценима, поскольку она позволяет фокусироваться на фигуре жертвы, анализировать причины ее уязвимости и разрабатывать меры снижения риска. В конечном итоге чем лучше общество понимает психологические и технологические аспекты высокотехнологичных мошеннических схем, тем успешнее может выстраивать многоуровневую защиту, делая цифровое пространство более безопасным и надежным для всех.

Список источников

1. *Jagielski M., Carlini N., Berthelot D., Kurakin A., Papernot N.* High Accuracy and High Fidelity Extraction of Neural Networks / Proceedings of the 29th USENIX Security Symposium (USENIX Security '20). 2020. P. 1345–1362. https://doi.org/10.48550/arXiv.1909.01838

2. *Chawki M.* Navigating legal challenges of deepfakes in the American context: a call to action // Cogent Engineering. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 2320971. https://doi.org/10.1080/23311916.2024.2320971

3. *Tolosana R., Fierrez J., Vera-Rodriguez R., Morales A.* DeepFakes and Beyond: A Survey of Face Manipulation and Fake Detection. 2020. 23 p. https://doi.org/10.48550/arXiv.2001.00179

4. *Verdoliva L.* Media Forensics and DeepFakes: An Overview // IEEE Journal of Selected Topics in Signal Processing. 2020. Vol. 14. Is. 5. P. 910–932. https://doi.org/10.1109/JSTSP.2020.3002101

5. *Hadnagy C.* Social Engineering: The Science of Human Hacking. 2nd ed. USA, Indianapolis : John Wiley & Sons, Inc., 2020. 322 p.

6. *Stajano F., Wilson P.* Understanding Scam Victims: Seven Principles for Systems Security // Communications of the ACM. 2019. Vol. 62, Is. 3. P. 70–75.

7. *Wall D. S.* How Big Data Feeds Big Crime // Current History. 2018. Vol. 795. No. 117. P. 29–34. https://doi.org/10.1525/curh.2018.117.795.29

8. *Макаров В. В., Блатова Т. А., Ворошилова Е. Ю.* Ускоренное развитие информационных технологий в период пандемии // Экономика и качество систем связи. 2021. № 2 (20). С. 12–19.

9. *Палий Е. С.* Виктимологическая характеристика лиц пенсионного возраста: постановка проблемы // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 1. С. 115–123.

10. *Еськова Л. К., Рябчиков В. В.* Новые преступные способы мошенничества в период пандемии коронавирусной инфекции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12-2. С. 68–70. https://doi.org/10.23672/c3413-0996-0433-v

11. *Иванцов С. В.* Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы предупреждения // Криминологический журнал. 2019. № 2. С. 35–39.

12. *McGuire M., Dowling S.* Cyber Crime: A Review of the Evidence : Research Report 75 : Summary of key findings and implications. London : Home Office Research Report, 2013. 29 p.

13. *Яковлева Л. В.* Современные способы совершения дистанционного мошенничества // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 4 (54). С. 77–80.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

14. *Brenig C., Accorsi R., Müller G.* Economic Analysis of Cryptocurrency Backed Money Laundering / European Journal of Information Systems. ECIS 2015 Completed Research Papers. Paper 20. 2015. https://doi.org/10.18151/7217279

15. *Gercke M.* Understanding Cybercrime: Phenomena, Challenges and Legal Response. Switzerland, Geneva : ITU: International Telecommunication Union, 2012. 356 p.

16. *Cross C., Lee M.* Exploring Fear of Crime for Those Targeted by Romance Fraud // Victims & Offenders. 2022. Vol. 17. No. 5. P. 735–755. https://doi.org/10.1080/15564886.2021.2018080

17. *Baym N. K.* Personal Connections in the Digital Age. 2nd ed. UK, Cambridge : Polity, 2015. 240 p.

18. *Leukfeldt E. R., Roks R.* Cybercrimes on the Streets of the Netherlands? An Exploration of the Intersection of Cybercrimes and Street Crimes // Deviant Behavior. 2021. Vol. 42. No. 11. P. 1458–1469. https://doi.org/10.1080/01639625.2020.1755587

19. *Floridi L.* What Is Data Ethics? // Philosophical Transactions A. 2016. Vol. 374 (2083). https://doi.org/1098/rsta.2016.0112

20. *Лустин В. И.* Дистанционные мошенничества // Закон и власть. 2023. № 5. С. 67–74.

Научная статья
УДК 343.98

Преодоление противодействия расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних: информационные аспекты

Инна Валериевна Тишутина, доктор юридических наук, профессор

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
inna_tishutina@mail.ru

Аннотация:
Введение. *С конца прошлого века вопросам выявления и преодоления противодействия расследованию посвящено немало исследований как общетеоретического, так и прикладного характера. При некоторых терминологических различиях единство подхода к сущности данного явления в криминалистическом сообществе очевидно, как и в целом признание важности разработки мер по его профилактике, выявлению и преодолению. Эффективность деятельности правоохранительных органов в этом отношении предопределяется наличием отвечающего реальным потребностям практики криминалистического обеспечения. В настоящее время с переходом общества к повсеместной цифровизации деятельности особое значение в этом отношении приобретает такой элемент криминалистического обеспечения, как информационное обеспечение. Его содержание динамично изменяется под влиянием развития научно-технического прогресса и внедрения его достижений в деятельность общества и государства. Информационное обеспечение выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних характеризуется рядом специфических черт, знание и учет которых оказывают непосредственное влияние на эффективность данной деятельности.*
Методы. *Методологическая основа исследования представлена совокупностью всеобщего, общенаучных и частнонаучных методов, приоритетными среди которых выступили диалектический для выявления глубинных противоречий и закономерностей изучаемого явления, формально-логические, исторический, системно-структурного анализа для изучения внутренней организации объекта исследования и сравнительный анализ для сопоставления его ключевых характеристик, а также ряд других методов.*
Результаты. *В статье обращается внимание на важность вопросов выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних. Отмечено, что в условиях тотальной цифровизации особое значение в этом отношении приобретает информационное обеспечение данной деятельности. Подчеркивается прямая зависимость между объемом и характером информации о противодействии расследованию, которой обладает субъект расследования, а также скоростью ее получения и эффективностью преодоления противодействия. Характеризуются основные направления информационного обеспечения и проблемы, возникающие при их реализации, предлагаются пути их решения. Рассматриваются перспективы расширения возможностей правоохранительных органов в этом направлении.*

Ключевые слова:
информация, информационное обеспечение, системы регистрации, цифровизация, информационно-телекоммуникационные технологии, противодействие расследованию, преодоление, преступления против семьи и несовершеннолетних

Для цитирования:
Тишутина И. В. Преодоление противодействия расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних: информационные аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 158–163.

**Статья поступила в редакцию 28.08.2025;
одобрена после рецензирования 06.10.2025;
принята к публикации 25.12.2025.**

Original article

Overcoming countering the investigation of crimes against families and minors: information aspects

Inna V. Tishutina, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
inna_tishutina@mail.ru

© Тишутина И. В., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Abstract:
Introduction. *Since the end of the last century, numerous studies, both general theoretical and applied in nature, have been devoted to the issues of identifying and overcoming countering investigation. Despite some terminological differences, there is a clear consensus in the criminalistics community on the nature of this phenomenon, as well as a general recognition of the importance of developing measures for its prevention, detection and overcoming. The effectiveness of law enforcement agencies activities in this regard is determined by the availability of criminal investigation support that meets the real needs of practice. At present, with the transition of society to the widespread digitalisation of activities, such an element of criminal investigation support as information support is becoming particularly important in this regard. Its content is changing dynamically under the influence of scientific and technological progress and the introduction of its achievements into the activities of society and the state. Information support for the detection and overcoming countering the investigation of crimes against families and minors is characterised by a number of specific features, knowledge and consideration of which have a direct impact on the effectiveness of this activity.*
Methods. *The methodological basis of the study is represented by a combination of general, general scientific and specific scientific methods, the priority among which are dialectical methods for identifying deep contradictions and patterns in the phenomenon under study, formal-logical, historical, and systemic-structural analysis to study the internal organisation of the object of research, and comparative analysis to compare its key characteristics, as well as by a number of other methods.*
Results. *The article draws attention to the importance of identifying and overcoming countering the investigation of crimes against families and minors. It is noted that in the context of total digitalisation, information support for this activity is of particular importance. The direct dependence between the volume and nature of information on countering investigation possessed by the investigating entity, as well as the speed of obtaining information and the effectiveness of overcoming countermeasures, is emphasised. The main areas of information support and the problems arising in their implementation are characterised, and ways to solve them are proposed. The prospects for expanding the capabilities of law enforcement agencies in this area are considered.*

Keywords:
information, information support, registration systems, digitalisation, information and telecommunications technologies, countering investigations, overcoming, crimes against families and minors

For citation:
Tishutina I. V. Overcoming countering the investigation of crimes against families and minors: information aspects // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 158–163.

**The article was submitted August 28, 2025;
pproved after reviewing October 6, 2025;
accepted for publication December 25, 2025.**

Введение

Проблема выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений в условиях глобальной цифровизации приобретает новые черты и требует разработки средств и методов, позволяющих правоохранительным органам эффективно реагировать на стремительно меняющиеся условия и появление новых форм преступной деятельности. При этом существенное значение имеет обеспечение оптимального с точки зрения скорости и объема получаемых сведений доступа к потенциально криминалистически значимой информации, большую часть которой составляют данные, накапливаемые в различных системах регистрации граждан. Унификация такой информации и создание единой базы данных, позволяющей в режиме реального времени получить доступ к ней, выступает одним из условий, с одной стороны, своевременного решения задач по раскрытию и расследованию преступлений, а с другой – является существенным фактором общей превенции. Не менее важно в этих целях и грамотное использование информации, содержащейся в пространстве интернета в открытом доступе, а значит, и алгоритмов ее поиска и фиксации. Особенно наглядно это проявляется на примере группы преступлений против семьи и несовершеннолетних, посягающих фактически на будущее стабильное и здоровое общество.

Методы

Методологическая основа исследования представлена совокупностью всеобщего, общенаучных и частнонаучных методов. Основные: диалектический – для выявления глубинных противоречий и закономерностей изучаемого явления; формально-логический, исторический, системно-структурный анализ – для изучения внутренней организации объекта исследования и сравнительный анализ – для сопоставления его ключевых характеристик, а также ряд других методов.

Применение комплекса обозначенных методов обеспечило всестороннее и последовательное изучение объекта исследования. Использование системно-структурного подхода позволило выявить взаимосвязи между его элементами.

Обращение к сравнительному анализу дало возможность сопоставить свойства и признаки объекта исследования с аналогичными характеристиками родственных явлений. Этот

прием помог определить специфические особенности изучаемого объекта, провести классификацию и обосновать теоретически значимые выводы, касающиеся особенностей его существования и эволюции.

Результаты

Эффективность выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних предопределяется рядом факторов, в числе которых приоритетное значение в условиях цифрового общества имеют: наличие и объем у субъекта расследования информации о личности преступника и факте противодействия. В этой связи залогом успеха выступает максимально быстрое получение такой информации и выявление признаков противодействия расследованию, позволяющих сформировать целостное представление о его характере: вид, форма, способ, субъект. От скорости решения этой задачи зависит корректность определения ситуации противодействия расследованию и выбор адекватных методов и средств его преодоления, а значит, и результативность такой деятельности.

В криминалистической науке вопросы выявления и преодоления противодействия расследованию данной группы преступлений, в частности, их информационного обеспечения, предметно не исследовались. В то же время, учитывая, что их совершение фактически закладывает мину замедленного действия под морально-нравственные устои общества и стабильность государства в будущем, их изучение представляется крайне важным. Пожалуй, впервые обратил внимание на данную проблему А. Р. Акиев, подчеркнув существенную специфику такого противодействия и объективную обусловленность его изучения в целях создания базы для последующей разработки криминалистических методов и средств его выявления и преодоления, в т. ч. опираясь на методы криминалистического прогнозирования [1, с. 67; 2, с. 90]. Стабильно высокие показатели демонстрирует статистика преступлений, совершаемых несовершеннолетними и с их участием[1]. Использование современных информационно-телекоммуникационных технологий стало одним из основных средств совершения преступлений против несовершеннолетних, вовлечения их в преступную деятельность и формирования у них антиобщественных установок [3–6]. Об этом свидетельствует постоянно увеличивающееся число фактов участия несовершеннолетних в совершении мошенничества, незаконного оборота наркотических средств, диверсий и иных тяжких преступлений. Озабоченность законодателя данной проблемой проявилась во включении квалифицирующего признака «использование информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети „Интернет”» в статьи соответствующей главы уголовного закона.

В этом контексте следует обратить внимание на социально-правовой контроль над преступностью в данной сфере. Он теснейшим образом связан с информационным обеспечением, поскольку ключевым элементом контроля над преступностью выступает информация [7; 8]. В свою очередь, данные социально-правового контроля, как показывает практика, позволяют выявлять потенциальных субъектов преступления и оказания противодействия расследованию, что дает возможность реализовывать весь потенциал предупредительных мер и грамотно выстраивать стратегию его преодоления. Особое значение для целей социально-правового контроля имеют средства и методы криминалистики в области техники с учетом современных возможностей компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий.

С расширением сфер, вовлеченных в процесс цифровизации, и всеобъемлющим охватом населения различными социальными сетями и мессенджерами, увеличением спектра услуг, оказываемых в цифровой форме, с одной стороны, возрастают риски пользователей стать объектом преступного интереса, а с другой – меняются и возможности социально-правового контроля. Помимо формирования и использования систем регистрации граждан учреждений и организаций, представляющих государственные органы, для целей контроля можно использовать базы данных корпоративных систем (торговые сети, транспортные фирмы, строительные компании и т. д.), на перспективность чего обращал внимание в своем исследовании еще М. М. Эндреев [9, с. 231]. Однако очевиден в этом отношении и все расширяющийся потенциал социальных сетей и мессенджеров. Согласно последним социологическим исследованиям, дети в возрасте 14–17 лет наиболее активно пользуются соцсетями: 98 % заходят хотя бы раз в месяц, 85 % – каждый день. Причем девочки от девяти до 17 лет используют соцсети чаще мальчиков того же возраста: ежедневно 78 против 68 %[2]. При таком погружении в цифровое

[1] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года // Томский политехнический университет : [сайт]. URL: https://portal.tpu.ru/ /Sbornik_UOS_2024.pdf (дата обращения: 12.08.2025).

[2] Как дети и подростки в России пользуются интернетом // РБК : [электронное издание]. URL: https://www.rbc.ru /technology_and_media/01/03/2025/67c1b67a9a7947a146b068c3 (дата обращения: 29.08.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

пространство объем информации, оставляемой в результате «цифрового взаимодействия» пользователей, колоссален. Игнорировать его при решении задач правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, – значит действовать ущербно. В связи с этим становятся еще более актуальными вопросы грамотного использования такой информации в соцсетях.

Важность социально-правового контроля в этом отношении в настоящее время предопределяется особенностями проявления преступности в цифровом пространстве. Постоянное увеличение доли информации, сосредоточенной в нем и выраженной в цифровой форме в общей массе значимых для расследования данных, отражает вектор изменения механизма преступной деятельности. Такая информация, как отмечено выше, может образовываться вследствие использования цифрового пространства интернета в целях общения, потребления контента и решения бытовых вопросов; а может быть результатом дистанционного взаимодействия с государственными органами и учреждениями. В рамках расследования преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних и преодоления противодействия ему большое значение будет иметь информация, являющаяся результатом коммуникации потерпевшего в цифровом пространстве с различными пользователями, в т. ч. с осуществлявшими на него преступное воздействие.

И потому не случаен интерес ученых к вопросам информационного обеспечения расследования и преодоления противодействия ему посредством получения и использования в расследовании преступлений цифровой информации открытого доступа. Ее источниками выступают: сайты, телеграм-каналы, группы в мессенджерах, аккаунты в социальных сетях, цифровые платформы агрегаторов каршеринга и кикшеринга и т. п. В научном обороте стал использоваться позаимствованный из практики термин OSINT-разведки (*Open source intelligence* – поиск и анализ информации из открытых источников) [10; 11].

В настоящее время по открытым источникам с помощью мониторинга закрытых форумов, маркетплейсов, даркнета, мессенджеров, анализа контента соцсетей и веб-страниц и т. п., можно получить информацию широкого спектра, а с использованием специального программного обеспечения установить лицо, его скрытые и удаленные аккаунты в соцсетях и профили, связь нескольких лиц, местоположение объекта и др. Замечено, что успешность поиска и анализа информации из открытых источников находится в прямой зависимости от комплексности подхода, а разработка специальных методов и инструментов этой технологии способна повысить эффективность выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [12, с. 44].

Очевидно, что только на уровне государственного реагирования и его качественно новых средств можно обеспечить эффективный социально-правовой контроль, а в конечном счете – борьбу с новыми формами преступности. Сегодня необходимо совершенствование такого контроля с учетом современных достижений науки и техники. Социально-правовой контроль над преступностью, предполагающий получение, обобщение и анализ информации о происходящих в обществе социально-экономических процессах, в которых, естественно, проявляются особенности поведения участвующих в них граждан [13, с. 532], является одним из важнейших составляющих информационного обеспечения в общей системе мер криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Следует подчеркнуть его особую роль в предупреждении и преодолении противодействия расследованию. В частности, системы государственной регистрации населения и данных о его жизнедеятельности, выступая средством контроля над преступностью, имеют ярко выраженную профилактическую направленность [14, с. 169]. В совершенствовании и обеспечении системы социально-правового контроля важное место занимает дальнейшая оптимизация использования возможностей различных систем регистрации граждан (общесоциальные, ведомственные, корпоративные). Именно этот подход предопределил, по сути, принятие решения о создании государственной информационной системы. Объединение информационных массивов в единую базу данных упростит обращение информации, нивелирует временные и организационные затраты, что в условиях постоянно ускоряющегося темпа жизни крайне актуально и будет способствовать повышению эффективности предупреждения, выявления и расследования преступлений.

Правовую основу для создания такой универсальной информационной системы заложил Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ, в соответствии с которым с 31 декабря 2025 г. в России начнет функционировать единая база данных о физических лицах: гражданах Российской Федерации, иностранных гражданах и лицах без гражданства, а также иностранных гражданах, временно прибывающих для осуществления трудовой деятельности. В федеральном

информационном регистре будут накапливаться сведения из государственных органов и учреждений через систему межведомственного электронного взаимодействия[3].

В развитие данного нормативного акта с учетом тех изменений, которые произошли в связи с расширением рамок цифровизации, и распространением информационно-телекоммуникационных технологий, 1 апреля 2025 г. был принят Федеральный закон № 41-ФЗ, регламентирующий создание государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий[4]. Разработка механизма формирования такой системы и алгоритма ее функционирования отнесены к компетенции Правительства Российской Федерации, которое в соответствующем Положении должно определить перечень обрабатываемой информации и компетенции лиц, которые ею оперируют; порядок обращения с такой информацией. Доступ к ней должен осуществляться через систему межведомственного электронного взаимодействия.

Унификация данных, рассредоточенных по различным системам регистрации, – давно назревшая необходимость, она позволит объединить и исключить дублирование сведений, а также изменит скорость доступа к ним. Однако по смыслу закона прежде всего предполагается накопление информации, уже попавшей в сферу интересов правоохранительных органов (о лицах, абонентских номерах, оборудовании и его характеристиках и т. п.). На наш взгляд, чем шире охват системы, тем выше результативность ее применения. Кроме того, отсутствие четкого алгоритма внедрения системы может повлечь сложности при практической реализации положений закона.

В настоящий момент значимый объем сведений передается операторами связи в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): о сетевых адресах, местах их использования, средствах связи и пользовательском оборудовании и др.[5]. Такой подход, безусловно, отвечает потребности формирования единой базы данных с информацией обо всем телекоммуникационном оборудовании пользователей операторов связи на территории Российской Федерации. Это существенно сократит временные затраты на идентификацию такого оборудования и будет способствовать оптимизации расследования преступлений, совершаемых с использованием технических средств скрытой передачи данных, а также для выявления каналов несанкционированной коммуникации.

Практика использования цифровой криминалистически значимой информации при расследовании преступлений позволила нам предложить ее дифференциацию на группы по таким основаниям, как форма накопления, форма передачи ее содержания, способ доступа к информации, содержание в криминалистическом аспекте [15, с. 161]. Думается, что данная классификация может выступить одним из инструментов совершенствования организации информационного обеспечения выявления и расследования преступлений, а также преодоления противодействия ему. По сути, информационное обеспечение вовлечения цифровой информации в процесс доказывания охватывает данные, сосредоточенные в различных системах регистрации и находящиеся в свободном доступе в сети. С криминалистической точки зрения в их массе преобладает информация двух видов – о личности и о способах и средствах ее действий.

Таким образом, подчеркнем, что важность информационного обеспечения как одной из составляющих криминалистического обеспечения в целом обусловливается тем, что в основе всех без исключения процессов лежит информация. Не располагая современными методами и средствами по сбору, накоплению и анализу криминалистически значимой информации в условиях цифровой трансформации преступной деятельности, невозможно обеспечить эффективность процесса расследования и преодоления противодействия ему. В современных

---

[3] О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации : Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2020. № 24. Ст. 3742.

[4] О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 14. Ст. 1574.

[5] Об утверждении порядка, сроков, состава и формата предоставления оператором связи в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, информации, позволяющей идентифицировать средства связи и пользовательское оборудование (оконечное оборудование) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации, территории субъекта Российской Федерации или части территории субъекта Российской Федерации, в электронной форме : приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 28 февраля 2025 г. № 51 (зарег. в Минюсте России 31.03.2025, № 81700) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504010019 (дата обращения: 11.09.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

условиях информационное обеспечение теснейшим образом связано с социально-правовым контролем над преступностью.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время в условиях постоянного расширения сфер цифровизации и всеобъемлющего вовлечения населения в использование социальных сетей и мессенджеров, выполняющих в т. ч. функции источника информации, характер информационного обеспечения выявления, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних, а также преодоления противодействия данной деятельности принципиально изменился, прежде всего из-за изменения источников информации.

2. Модификация содержания информационного обеспечения связана с темпами развития научно-технического прогресса и как результат – с изменением формы взаимодействия граждан с государственными органами и организациями, широтой охвата населения корпоративными системами регистрации граждан и вовлечением несовершеннолетних в цифровую среду общения.

3. Разработка и совершенствование средств и методов получения новых видов и форм информации и ее использования для целей расследования и преодоления противодействия ему выступают важной составляющей общей системы мер криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. Необходимо обеспечить их соответствие уровню технологического обеспечения преступности.

Список источников

1. *Акиев А. Р.* Понятие и виды противодействия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3 (43). С. 66–73.

2. *Акиев А. Р.* Задачи криминалистического прогнозирования в системе противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 88–96. https://doi.org/10.24412/2072-9391-2024-169-88-96

3. *Головин А. Ю., Акиев А. Р., Головина Е. В.* Дистанционное вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность как объект криминалистического исследования // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2 (76). С. 24–30. https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.2.3

4. *Акиев А. Р.* Криминалистические особенности высокотехнологичных преступлений против семьи и несовершеннолетних // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 3 (110). С. 87–92.

5. *Бычкова А. М., Раднаева Э. Л.* Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 101–115. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(1).101-115

6. *Занина Т. М., Караваев А. А.* Влияние информационной среды на особенности деликтности несовершеннолетних // Охрана, безопасность, связь. 2019. № 4–1. С. 157–162.

7. *Пучков Г. Ю.* К вопросу об использовании информационных технологий в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков / Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов : сборник трудов Международной научно-практической конференции, г. Москва, 7 июня 2024 г. / под общ. ред. А. В. Бецкова [и др.]. Москва : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. С. 246–250.

8. *Bennett G.* Crimewarps: The Future of Crime in America // American Journal of Sociology. 1989. Vol. 94. Is. 5. P. 1228–1229. https://doi.org/10.2307/2780485

9. *Эндреев М. М.* Современное состояние информационно-поисковых систем в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 3 (8). С. 228–232.

10. *Головин А. Ю., Головина Е. В.* К вопросу собирания криминалистически значимой информации по открытым цифровым данным / Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : сборник материалов международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 16–17 марта 2023 г. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2023. С. 29–32.

11. *Болвачев М. А.* Социальная сеть как объект криминалистического исследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 4. С. 64–71.

12. *Бессонов А. А.* Использование в расследовании преступлений информации из открытых источников информации / Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : сборник научных трудов Межведомственной научно-практической конференции, г. Москва, 16 сентября 2022 г. Москва : Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2022. С. 40–45.

13. *Тишутина И. В.* Социально-правовой контроль над преступностью как средство предупреждения и преодоления противодействия расследованию / Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений : сборник материалов 50-х Криминалистических чтений, г. Москва, 23 октября 2009 г. : в 2-х ч. Москва : Академия управления МВД России, 2009. Ч. 2. С. 529–535.

14. *Тишутина И. В.* Противодействие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления : монография / под ред. А. Ф. Волынского. Москва : Юрлитинформ, 2012. 346 с.

15. *Тишутина И. В.* Расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: актуальные вопросы правового обеспечения // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 160–165. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-3-160-165

Научная статья
УДК 343.98

Криминалистическая кодификация преступлений в сфере компьютерной информации и ее роль в унификации процесса расследования

Зарина Ирековна Харисова, кандидат технических наук, доцент

Уфимский юридический институт МВД России
Уфа (450103, ул. Муксинова, д. 2), Российская Федерация
Уфимский университет науки и технологий
Уфа (450076, ул. Заки Валиди, д. 32), Российская Федерация
zarinaid@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-3902-3459

Аннотация:
Введение. *В настоящее время преступления в сфере компьютерной информации отличаются не только широкой распространенностью, но и своим многообразием, что обусловлено использованием преступниками большого спектра высокотехнологичных средств и способов совершения преступных деяний. Имеющиеся правовые механизмы и методики расследования указанных преступлений зачастую не успевают адаптироваться под их эволюцию и трансформацию. Необходимо найти возможность для анализа обстоятельств криминального деяния и систематизации сведений о нем, чтобы сформировать максимально эффективную методику расследования. Рассматриваемый вид преступлений благодаря своей связи с цифровой формой информации может способствовать формированию принципиально новой системы унификации процесса расследования: присвоению криминальным актам уникальных кодов, однозначно идентифицирующих как распространенные в настоящее время, так и вновь появляющиеся средства и способы совершения преступных деяний во всем их многообразии.*
Методы. *Для обобщения и анализа эмпирического материала в рамках исследования использовался ряд общих методов научного познания (описание, обобщение и сравнение), а также совокупность общенаучных и частнонаучных методов (анализ, синтез, моделирование, формализация, описание, обобщение, сравнение, классификация и пр.).*
Результаты. *Предложена система кодификации преступлений в сфере компьютерной информации, использование которой может стать основой формирования эффективных методик их расследования в условиях постоянной трансформации способов совершения преступных деяний. Предлагаемый подход будет способствовать разработке новых и совершенствованию существующих технико-криминалистических средств на основе технологий искусственного интеллекта и методов анализа больших и разнородных данных, выступая связующим звеном между юридическими и техническими аспектами расследования.*

Ключевые слова:
кодификация преступлений, компьютерные преступления, киберпреступления, алгоритмизация расследования, унификация расследования, технико-криминалистические средства

Для цитирования:
Харисова З. И. Кодификация преступлений в сфере компьютерной информации и ее роль в унификации процесса расследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 164–172.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025;
одобрена после рецензирования 30.09.2025;
принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Codification of computer information crimes and its role in unifying the investigation process

Zarina I. Kharisova, Cand. Sci. (Techn.), Docent

Ufa Law Institute of the MIA of Russia
2, Muksinova str., Ufa, 450103, Russian Federation
Ufa University of Science and Technology
32, Zaki Validi str., Ufa. 450076, Russian Federation
zarinaid@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-3902-3459

© Харисова З. И., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Abstract:
Introduction. *Nowadays, crimes in the field of computer information are both pervasive and multifaceted. This is largely due to a broad spectrum of high-tech tools and methods of committing criminal acts used by criminals. Current legal tools, mechanisms and investigation techniques often fall short in adapting to the fast evolution and transformation of the crimes. To develop the most effective investigation techniques, it is essential to devise a method for analysing the circumstances of a criminal act and systematising information about it. Given its connection to digital data, this particular type of crime may potentially lead to the formation of a new unification system of investigation process: assigning unique codes to criminal acts, thereby ensuring the clear identification of both the currently pervasive and the recently emergent means and methods of committing criminal acts, encompassing their entire spectrum.*
Methods. *In summarising and analysing the empirical material within the framework of the study, general scientific methods of cognition (description, generalisation and comparison) were used, as well as a set of general scientific and private scientific methods (analysis, synthesis, modelling, formalisation, description, generalisation, comparison, classification, etc.).*
The results. *A codification system of crimes in the field of computer information is proposed, the use of which can become the basis for the formation of effective investigation techniques of these crimes in the context of the constant evolution of methods of committing criminal acts. This approach will contribute to the development of new and improved technical-criminalistic tools based on artificial intelligence technologies and big data analysis methods, acting as a link between the legal and technical aspects of the investigation.*

Keywords:
codification of crimes, computer crimes, cybercrime, algorithmisation of investigation, unification of investigation, technical and criminalistic tools

For citation:
Kharisova Z. I. Codification of computer information crimes and its role in unifying the investigation process // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 164–172.

The article was submitted July 23, 2025; approved after reviewing September 30, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Эволюция информационных технологий неизменно опережает темпы формирования правовых механизмов, что создает колоссальный разрыв между возможностями преступников и инструментами, доступными правоохранительным органам. Подобный дисбаланс требует адаптации правовых механизмов к динамичной природе преступлений в сфере компьютерной информации, что обеспечит гибкость системы уголовного правосудия в условиях стремительно развивающихся технологий. Следовательно, необходима модернизация отдельных направлений криминалистики в соответствии со способами, средствами и условиями совершаемых преступлений.

Преступления в сфере компьютерной информации – это законодательное определение преступных деяний, предусмотренных главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ), объединяющей ст. 272, 272[1], 273, 274, 274[1], 274[2]. Рассмотрение вопросов противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации обусловлено их существенным увеличением за последние несколько лет[2], что преимущественно связано с неправомерным доступом к охраняемой законом информации (ст. 272 УК РФ), ростом утечек конфиденциальных данных, способных нанести ущерб объектам критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (ст. 274[1] УК РФ), хищением персональных данных граждан, их неправомерным использованием и распространением (ст. 272[1] УК РФ), противоправным применением информационно-телекоммуникационных технологий организованными преступными группами, которые все чаще используют вредоносное программное обеспечение (ст. 273 УК РФ), нарушением правил эксплуатации технических средств и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ), а также несоблюдением порядка централизованного управления средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации сети «Интернет» и сетей связи (ст. 274[2] УК РФ).

Вопросы совершенствования методик расследования преступлений в сфере компьютерной информации, в т. ч. интеграции различных информационных технологий в процесс расследования, в последние годы рассматривались часто и подробно (Е. П. Ищенко, Е. Р. Россинская, В. Я. Колдин, В. Б. Вехов, С. А. Ковалев, А. А. Бессонов, Л. В. Бертовский, А. В. Нестеров, А. Б. Смушкин и др.). Однако рассматриваемые преступления отличаются многообразием и трансформацией с течением времени, что объясняет сложность в определении эффективных мер противодействия им. Стоит также отметить недостаток имеющихся сегодня сведений по систематизации методик расследований в зарубежной литературе (B. Carrier, S. Reyes, J. Hansen, C. Hooper,

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 года и ожидаемые тенденции ее развития : аналитический обзор / Гончарова М. В., Бабаев М. М., Черкасов Р. В. [и др.]. Москва : ВНИИ МВД России, 2025. С. 54.

P. Hunton, V. Kebande, I. Yaqoob, P. Sharma A. Harisha и др.). Часть исследований по решению имеющихся проблем носит шаблонный, односторонний характер. Часто при выявлении тех или иных особенностей расследования преступлений в сфере компьютерной информации изучается лишь отдельно взятое преступное деяние. Как следствие, формируется узконаправленная методика расследования именно рассмотренного криминального акта. Вопросы интеграции информационных технологий в процесс расследования часто носят рекомендательный характер и, как правило, не затрагивают промежуточные процессы систематизации и анализа разнородных данных по той или иной группе преступных деяний.

Думается, назрела необходимость структурировать имеющиеся сведения по рассматриваемой теме и систематизировать особенности учета указанных преступных деяний для унификации процесса их расследования. В связи с этим ставится задача формирования универсальной криминалистической кодификации преступлений (в значении упорядочивания), в целях реализации адаптированных методик их расследования в условиях постоянной трансформации и эволюции преступлений в сфере компьютерной информации.

Методы

В процессе исследования использовалась совокупность общих методов научного познания (описание, обобщение и сравнение), ряд общенаучных (анализ, синтез, моделирование, формализация, описание, обобщение, сравнение и классификация), а также частнонаучных методов (статистический и кибернетический и пр.), применение которых позволило провести обобщение и анализ материала, а также систематизировать методы учета разнообразных преступлений в сфере компьютерной информации с возможностью унификации процесса их расследования.

Результаты

Классификация как метод научного познания выступает одним из ключевых инструментов криминалистического исследования механизма преступного деяния [1, с. 33]. Именно в рамках классификации формируется наиболее полная систематизированная форма криминалистических категорий, детерминирующих преступление как объект криминалистического познания. Такой подход служит основой для последующего анализа криминального деяния, обеспечивая системно-структурное представление результатов исследования, поиск аналогий, сравнение сложившихся обстоятельств с ранее возникавшими следственными ситуациями, а также формирование наиболее подходящей методики расследования.

На фоне стабильного роста количества преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации и с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, процессы синергии в криминалистике резко возросли, что обусловлено развитием теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [2, с. 35] и появлением новых закономерностей и механизмов следообразования, современных технологий, позволяющих собирать, анализировать и оценивать криминалистически значимую информацию с применением относительно новых подходов криминалистической тактики и методики. Объектами указанной теории являются технические средства и информационные системы как носители доказательственной информации, а также система действий и отношений в механизмах преступлений с использованием технических средств, а также различных информационных технологий, применяемых в целях поиска, фиксации, изъятия и анализа криминалистически значимой компьютерной информации.

Учитывая целостность предмета и системы криминалистики, для исследования технических средств и информационных систем необходим особый комплекс специальных знаний [3, с. 146], откуда возникает необходимость формирования системы, позволяющей классифицировать [4, с. 157] и кодифицировать [5, с. 107] рассматриваемые преступления (в значении упорядочивания как одного из видов работ в области инженерии знаний), что даст возможность избежать фрагментарности их учета, сложности обработки больших объемов цифровых данных. Данная кодификация может стать основой универсальной концепции стандартизированного учета преступлений в сфере компьютерной информации, упростив процесс идентификации их составов. Рассмотрим имеющиеся критерии для предлагаемой кодификации.

Концепцией государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий[3], рассматриваемые противоправные деяния с учетом критериев их квалификации классифицируются по трем основным типам:

[3] Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий : распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р // СЗ РФ. 2025. № 2. Ст. 76.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

– правонарушения и преступления в сфере компьютерной информации (в соответствии с главой 28 УК РФ);

– правонарушения и преступления, криминообразующим или квалифицирующим признаком которых является их совершение с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»;

– правонарушения и преступления, при совершении которых применение информационно-телекоммуникационных технологий является альтернативным способом.

Для преступлений в сфере компьютерной информации в контексте указания Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25 июня 2024 г.[4] квалифицирующим значением является в т. ч. средство совершения указанных деяний (таблица 1), которое входит в структуру механизма преступления и может указывать на применяемый преступником способ совершения преступления, а также на время и место его осуществления.

Таблица 1

Система кодификации методов (способов) совершения преступного деяния[5]

Table 1

Codification system of methods of committing criminal act [5]

Метод (способ) совершения преступления	**Код (Mxxx*)**
Использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»	M048
Использование средств мобильной связи	M049
Неправомерное списание средств с банковских карт	M050
Использование вредоносного программного обеспечения	M055
Использование информационно-телекоммуникационных технологий (при использовании различных технологий, не имеющих самостоятельных кодовых значений)	M056
Использование компьютерной техники	M057
Использование пластиковых расчетных карт	M058
Использование программных средств (любое программное обеспечение, установленное на компьютер, смартфон или иную технику)	M059
Использование фиктивных электронных платежей	M060
Создание вредоносного программного обеспечения	M072
Распространение вредоносного программного обеспечения	M073
Использование социальных сетей	M086
Использование интернет-мессенджеров	M087
Использование электронных платежных систем	M088
Операции с цифровой валютой	M089
Использование SIP-телефонии	M092
Неправомерный доступ к информации	M094
Операции с цифровыми финансовыми активами	M095
Использование сети “Darknet”	M126
Фишинговые сайты и ссылки	M127
Программы-шифровальщики	M128
Бот-сети (ботнеты)	M130
DDoS-атаки	M131
Использование технологии «Дипфейк»	M132
Компрометация банковских устройств самообслуживания	M133
Использование информационной инфраструктуры (зарубежных серверов (услуг хостинг-провайдеров, интернет-провайдеров, почтовых серверов), доменных зон, телефонных сетей и т. п.) иностранного государства	M134
Использование информационной инфраструктуры стран-участников Содружества Независимых Государств)	M135

Примечание – * Метод (способ) совершения преступления (*Method Mxxx*).

[4] О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25 июня 2024 г. // Справочно-правовая система (далее – СПС) КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483902/251f7ac207ca304c6331640eb36b162351c24684/ (дата обращения: 12.07.2025).

[5] В соответствии с перечнем № 25 преступлений, совершенных с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации = [In accordance with list No. 25 of crimes committed using (application) information and telecommunication technologies or in the field of computer information] (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483902/251f7ac207ca304c6331640eb36b162351c24684 (дата обращения: 12.07.2025)).

Переходя к рассмотрению способов совершения преступления как одного из важнейших элементов криминалистической характеристики преступлений, необходимо отметить, что повсеместное использование информационно-телекоммуникационных технологий и внедрение программного обеспечения за последние два десятка лет потребовало систематизации данных обо всех имеющихся уязвимостях в информационной сфере. Так, некоммерческая компания *Mitre* сформировала набор матриц "*Mitre Att&ck*"[6] (от англ. "*adversarial tactics, techniques & common knowledge*" – тактики, техники и общеизвестные факты о злоумышленниках), представляющий собой основанную на реально существующих наблюдениях базу данных инцидентов безопасности. Каждая составляющая указанной базы представляет собой таблицу с указанием угроз и соответствующих им тактик киберпреступников [6, с. 2].

Матрицы рассматриваемой базы данных, описывающие все возможные способы совершения преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, объединены в три группы: тактики и техники, применяющиеся злоумышленниками в ходе атак на операционные системы компьютеров [7], на мобильные устройства и на промышленные системы управления.

Основу любой методики расследования составляет криминалистическая характеристика преступлений в виде информационной модели [8, с. 69]. Она строится путем обобщения сведений о криминалистически значимых признаках определенного вида преступного деяния, которые, в свою очередь, формируются на основе анализа уголовных дел [9, с. 589]. Однако различные виды преступлений в сфере компьютерной информации могут совершаться одним и тем же способом, но с применением различных техник и тактик. С учетом сказанного можно отметить, что матрица "*Mitre Att&ck*" по сути является отражением такого ключевого элемента криминалистической характеристики преступления в сфере компьютерной информации как «способ совершения преступления». Содержание матрицы "*Mitre Att&ck*" регулярно обновляется [10, с. 2443] и служит надежным источником информации о новых методах (способах) атак злоумышленников, позволяя адаптироваться к меняющемуся ландшафту киберугроз.

На основе вышесказанного теоретико-правовыми основами классификации и последующей кодификации преступлений в сфере компьютерной информации могут выступить три уровня:

– уровень норм, представленных ст. 272, 272[1], 273, 274, 274[1], 274[2] главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ (таблица 2);

– уровень, представленный способами совершения противоправного деяния, в виде квалифицирующего признака, определяемого в соответствии с перечнем преступлений, совершенных с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации[7] (см. таблица 1);

– уровень, отражающий тактику, приемы и методы (способы), используемые преступниками, а также возможности противодействия им, сформированный на базе матрицы "*Mitre Att&ck*"(таблица 3).

Таблица 2

Система кодификации в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации

Table 2

Codification system in accordance with the Criminal Code of the Russian Federation

Статья УК РФ	Наименование преступления	Пример преступлений	Код (Cx*)
272	Неправомерный доступ к компьютерной информации	Модификация базы данных информационной системы в целях кражи информации ограниченного доступа, несанкционированный доступ к информационной системе путем завладения учетных данных пользователя и пр.	C1

[6] База данных угроз безопасности информации "Mitre Att&ck" // Mitre : [сайт]. URL: https://attack.mitre.org (дата обращения: 12.07.2025).

[7] В соответствии с перечнем № 25 преступлений, совершенных с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483902/251f7ac207ca304c6331640eb36b162351c24684/ (дата обращения: 12.07.2025)).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Окончание таблицы 2

Статья УК РФ	Наименование преступления	Пример преступлений	Код (Cx*)
272[1]	Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения	Распространение персональных данных граждан путем формирования базы данных, создание информационных ресурсов с персональными данными граждан в сети «Интернет» и пр.	C2
273	Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ	Разработка вредоносного программного обеспечения и его распространение в целях получения доступа к вычислительным ресурсам технических средств, распространение фишинговых ссылок и пр.	C3
274	Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей	Использование ботнет-сетей (сети зараженных компьютеров) в целях реализации DDoS-атак на средства хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей и пр.	C4
274[1]	Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации	Кибератака на оборудование объекта критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, игнорирование требований политики безопасности и пр.	C5
274[2]	Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования	Невыполнение предписаний уполномоченного органа по внедрению необходимых обновлений в системе противодействия угрозам и пр.	C6
Примечание – * Категория преступления (*Category Cx*).			

Для удобства сопоставления с матрицей “*Mitre Att&ck*” предлагаемую кодификацию (далее – CMT-кодификация) целесообразнее именовать на английском языке.

Общий формат предлагаемой системы кодификации имеет вид:

[Категория преступления (*Category Cx*)] – [Метод (способ) совершения преступления (*Method Mxxx*)] – [Техника Mitre (*Techniques Txxxx*)] – [Подтехника *Mitre* (*Sub-techniques Sxxx*)] – [Способ обнаружения (вероятные места нахождения типичных следов преступления) (*Detection Dxxxx*)] – [Меры реагирования (меры противодействия, исключающие обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений)) (*Reaction Rxxxx*)].

Рассмотрим систему кодификации на примере преступления, связанного с несанкционированным распространением вредоносного программного обеспечения в виде фишинговой ссылки, направленной пользователю в мессенджере (например, фишинг с утратой логина и пароля для доступа к единому порталу государственных и муниципальных услуг «Госуслуги») (таблица 3).

Таблица 3

Пример описания фишинга с утратой логина и пароля пользователя в соответствии с CMT-кодификацией

Table 3

Example of phishing with loss of user login and password in accordance with CMT codification

Уровень кодификации	**Описание кода**					
Код категории преступления (Category Cx)	C3 (Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ)					
Метод (способ) совершения преступления (Method Mxxx) выявленные варианты	M-048 Использование сети «Интернет»; M-049 Использование средств мобильной связи; M-073 Распространение вредоносного программного обеспечения; M-087 Использование интернет-мессенджеров; M-094 Неправомерный доступ к информации; M-127 Фишинговые сайты и ссылки					
Коды по матрице “Mitre Att&ck”	Техника (Techniques Txxxx)	Подтехника (Subtechnique Sxxx)	Способ обнаружения (вероятные места нахождения типичных следов преступления) (Detection Dxxxx)			Меры реагирования (меры противодействия) (Reaction Rxxxx)
	T1566 фишинг	S001 целевой фишинг с вложением	D0015 журналы приложений (содержимое журналов приложений)	D0022 файл (создание файла)	D0029 сетевой трафик: содер-жимое сетевого трафика	R 1021 ограничения для веб-контента, R 1031 предотвращение сетевых вторжений
	T1586 компро-метация учетных записей	S000	D0021 фиктивная личность (социальные сети, мессенджеры)	D0029 сетевой трафик (содержимое сетевого трафика)		R1056 предкомпрометация

Общий случай описания рассматриваемого преступления в соответствии с CMT-кодификацией будет иметь вид: C3-M048-T1566-S001-D0015-R1021.

Расширенный вариант можно представить следующим образом: C3 – [M048 / M049 / M073 / M087 / M094 / M127] – [[T1566-S001 - D0015 / D0022 / D0029 - R1021 / R1031] / [T1586-S000 - D0021 / D0029 - R1056]].

Стоит отметить, что на международном уровне матрицы “*Mitre Att&ck*” используют для декомпозиции преступлений на этапы, что позволяет систематизировать поиск и анализ цифровых доказательств (логи, артефакты памяти, данные сетевого трафика и пр.) [11, с. 780; 12]. Предполагается перспективным интегрировать матрицы “*Mitre Att&ck*” в инструменты цифровой криминалистики, что позволит автоматически маркировать индикаторы компрометации и соотносить их с конкретными тактиками преступников. Кроме того, анализ повторяющихся атак поможет выявить шаблоны совершения преступлений, что возможно использовать для прогнозирования будущих угроз и укрепления имеющихся средств защиты информации.

Результаты проведенного сопоставления категорий преступлений в сфере компьютерной информации и техник матрицы “*Mitre Att&ck*” позволят сформировать новую универсальную криминалистическую кодификацию преступлений (в значении упорядочивания) в целях реализации адаптированных методик их расследования в условиях трансформации и эволюции киберпреступности. Предлагаемая унификация как техника приведения к единообразию всех видов преступлений в сфере компьютерной информации соответствует рекомендациям

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Будапештской конвенции Совета Европы ETS 185[8], поскольку единые стандарты данных являются основой глобального противодействия киберугрозам.

Таким образом, предлагаемая кодификация преступлений способствует формированию единой системы, регулирующей не только ответственность за деяния, совершаемые в киберпространстве, выявление возможных связей личности преступника с предметом посягательства и/или личностью потерпевшего, но и возможные векторы атак [13, с. 30], а также методы противодействия им [14, с. 110]. Обеспечивая предсказуемость правоприменения, она создает основу для адаптации уголовного законодательства к постоянно меняющимся технологическим реалиям.

В основе кодификации лежат признанные на международном уровне принципы, заложенные в матрице "M*itre* Att*&ck*", которая постоянно обновляется. Таким образом появляется механизм учета новых видов преступлений. Наличие подобного единообразного набора правил по учету преступлений может упростить международное сотрудничество в сфере борьбы с киберпреступностью, позволяя эффективнее обмениваться унифицированной информацией. Кроме того, возможно формирование аналогичных национальных матриц [15, с. 44], отчасти схожих с банком данных угроз безопасности информации Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России).

Предлагаемое решение возможно реализовать в виде программного технико-криминалистического средства, реализованного на основе:

1) технологий искусственного интеллекта: метод глубокого обучения (сверхточные нейронные сети (например, для анализа мультимедийных данных), рекуррентные сети (для исследования сетевого трафика и пр.), трансформеры (для анализа текстовых данных, выявления взаимосвязей между интересующими объектами)), графовые сети (для формирования ветвящихся алгоритмов расследования); обучение без учителя (кластеризация данных); обучение с подкреплением (внедрение программных агентов в процессы расследования и пр.); генеративный (для прогнозирования преступности) и объяснимый искусственный интеллект (для повышения уровня доверия к выдаваемым системой заключениям) и т. п.;

2) технологий анализа данных (визуализация результатов анализа данных, выявление взаимосвязей между ними, реализация дашбордов, наглядно отображающих динамику изменений данных и т. п.);

3) распределенных вычислений и облачных технологий (реализация платформ для обработки больших и разнородных данных, облачных платформ для анализа и хранения цифровых доказательств, масштабирования хранилищ данных и пр.).

Предлагаемая CMT-кодификация преступлений в сфере компьютерной информации, закладываемая в программное технико-криминалистическое средство, может представлять собой не только средство структурирования данных о преступных деяниях и упорядочения существующих их вариантов, но и выступать стратегически важным шагом в создании эффективной системы противодействия преступности.

Система такого рода в дальнейшем сможет заложить новый вектор развития цифровой криминалистики как комплекс специальных знаний, сформированный на основе частной криминалистической теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, позволяющий определить наиболее подходящую в соответствии со сложившимися обстоятельствами преступного деяния методику расследования. Стоит также отметить, что предлагаемый подход обеспечит процесс унификации расследования преступлений в сфере компьютерной информации благодаря заложенным в набор данным интеллектуальной системы алгоритмов действий для любой комбинации тактик и техник совершения преступного деяния.

Заключение

Всякая исследовательская деятельность, связанная с систематизацией, направлена на выявление в объекте исследования элементов, структур и связей, что может значительно облегчить его изучение в целях решения поставленных задач. Основными объектами систематизации в криминалистике выступают знания, полученные в результате изучения преступной деятельности как в целом, так и ее отдельных видов механизма образования криминалистически значимой информации, а также совокупность разработанных на основе полученных знаний

[8] Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (заключена в г. Будапеште 23.11.2001) (в ред. от 28.01.2003) // ГАРАНТ.РУ : [сетевое издание]. URL: https://base.garant.ru/4089723/ (дата обращения: 12.07.2025). Россия не участвует.

рекомендаций по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений [16, с. 40]. Соответственно, криминалистическая кодификация как процесс систематизации преступлений в сфере компьютерной информации может стать основой формирования систем на основе искусственного интеллекта, которые объединят в себе юридические и технические аспекты расследования. Выступая катализатором эволюции цифровой криминалистики, кодификация может создать условия для внедрения передовых методов и технологий, обеспечивающих достоверность, целостность и допустимость цифровых доказательств в суде.

Предлагаемый подход будет способствовать разработке новых и совершенствованию существующих программных технико-криминалистических средств на основе перспективных информационных технологий, а также методических рекомендаций по их применению в целях эффективного поиска, собирания, фиксации и исследования цифровых доказательств.

Список источников

1. *Головин А. Ю.* Базовые криминалистические классификации преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 31–40.

2. *Россинская Е. Р.* Теория информационно-компьютерного обеспечения судебно-экспертной деятельности как новая частная теория судебной экспертологии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 2 (90). С. 27–40. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.90.2.027-040

3. *Россинская Е. Р.* К вопросу об инновационном развитии криминалистической науки в эпоху цифровизации // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С. 144–151. https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-144-151

4. *Mandal S.* Cybercrime Classification: A Victimology-Based Approach // International Conference on Cyber Warfare and Security. 2024. Vol. 19. No 1. P. 156–167. https://doi.org/10.34190/iccws.19.1.2199

5. *Owen T.* Codifying and Applying the Genetic-Social Framework to Cybercrime and Cyber Terrorism // Cybercrime and Cyber Terrorism: Palgrave Macmillan, Cham, 2025. P. 107–181. https://doi.org/10.1007/978-3-031-87853-4_6

6. *Al-Sada B., Sadighian A., Oligeri G.* Mitre Att&ck: State of the art and way forward // ACM Computing Surveys. 2024. Vol. 57. No 1. P. 1–37. https://doi.org/10.1145/3687300

7. *Branescu I., Grigorescu O., Dascalu M.* Automated mapping of common vulnerabilities and exposures to mitre att&ck tactics // Information. 2024. Vol. 15. No 4. P. 214. https://doi.org/10.3390/info15040214

8. *Россинская Е. Р., Семикаленова А. И.* Информационно-компьютерные криминалистические модели компьютерных преступлений как элементы криминалистических методик (на примере кибершантажа) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 42. С. 68–80. https://doi.org/10.17223/22253513/42/5

9. *Эксархопуло А. А., Макаренко И. А., Зайнуллин Р. И.* Криминалистика. Теоретический курс : монография. Уфа : НИИ ППГ, 2022. 649 с.

10. *Jaouhari S., Tamani N., Jacob R.* Improving ML-based Solutions for Linking of CVE to Mitre Att&ck Techniques / 2024 IEEE 48th Annual Computers, Software, and Applications Conference (COMPSAC), Osaka, Japan. 2024. P. 2442–2447. https://doi.org/ 10.1109/COMPSAC61105.2024.00392

11. *Chamkar S. A., Maleh Y., Gherabi N.* Security Operations Centers: Use Case Best Practices, Coverage, and Gap Analysis Based on Mitre Adversarial Tactics, Techniques, and Common Knowledge // Journal of Cybersecurity and Privacy. 2024. Vol. 4. No 4. P. 777–793. https://doi.org/10.3390/jcp4040036

12. *Hargreaves C., Beek H., Casey E.* Solve-it: A proposed digital forensic knowledge base inspired by Mitre Att&ck // Forensic Science International: Digital Investigation. 2025. Vol. 52. P. 301864. https://doi.org/10.1016/j.fsidi. 2025.301864

13. *Веревкин С. А. Федорченко Е. В.* Сравнительный анализ баз данных Mitre Att&ck и Capec // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2023. № 4. С. 29–39. https://doi.org/10.24412/2071-6168-2023-4-29-39

14. *Akbar K. A. [et al.].* Knowledge mining in cybersecurity: From attack to defense // Sural Sh., Lu H. (eds.) Data and Applications Security and Privacy XXXVI. 36th Annual IFIP WG 11.3 Conference, DBSec 2022, Newark, NJ, USA, July 18–20, 2022. P. 110–122. https://doi.org/10.1007/978-3-031-10684-2_7

15. *Середкин С. П.* Моделирование угроз безопасности информации на основе банка угроз ФСТЭК России // Информационные технологии и математическое моделирование в управлении сложными системами : [электронный журнал]. 2022. № 1 (13). С. 43–54. URL: http://ismm-irgups.ru/toma/113-2022. https://doi.org/10.26731/2658-3704.2022.1(13).43-54

16. *Головин А. Ю.* Криминалистическая систематика : монография. Москва : ЛексЭст, 2002. 305 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 343.3

Квалификация возбуждения ненависти либо вражды с учетом изменений, внесенных в статью 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 24 июня 2025 г. N° 173-ФЗ

Артем Геннадьевич Хлебушкин, доктор юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д.1), Российская Федерация
agh178@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-4898-024X

Аннотация:
Введение. *Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ была изменена ст. 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Новые признаки состава данного преступления, равно как и усложнение его законодательной конструкции, относящееся к административной преюдиции, неоднократности и систематичности совершения экстремистских деяний, требуют самостоятельного исследования. Особого внимания заслуживают особенности квалификации возбуждения ненависти либо вражды по одному из таких признаков – оправдание или пропаганда применения насилия либо угрозы его применения (п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ). Также вследствие указанных изменений могут возникать проблемы квалификации деяний по ст. 282 УК РФ, связанные с совокупностью преступлений, при одновременном наличии признаков, предусмотренных ч. 1 и 2 данной статьи.*
Методы. *Работа основана на диалектическом методе и методе системного анализа. Также применялись общелогические методы и догматический метод.*
Результаты. *Представлена характеристика новых признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Выработаны рекомендации по квалификации возбуждения ненависти либо вражды с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ в ст. 282 УК РФ, включая способы решения проблем, связанных с определением соотношения ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ.*

Ключевые слова:
возбуждение ненависти, возбуждение вражды, унижение достоинства, административная преюдиция, судимость, насилие, оправдание, пропаганда, уголовная ответственность, совокупность преступлений, конкуренция норм, единичное преступление

Для цитирования:
Хлебушкин А. Г. Квалификация возбуждения ненависти либо вражды с учетом изменений, внесенных в статью 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 173–183.

Статья поступила в редакцию 28.09.2025;
одобрена после рецензирования 19.11.2025;
принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Classification of incitement to hatred or enmity taking into account the amendments made by Federal Law No. 173-FZ of 24 June 2025 to the Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation

Artem Gennadievich Khlebushkin, Doc. Sci. (Jurid.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
agh178@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-4898-024X

© Хлебушкин А. Г., 2025

Abstract:
Introduction. *Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation was amended by Federal Law No. 173-FZ of 24 June 2025. The new elements of this crime, as well as the complications of its legislative interpretation, relating to administrative prejudice, repetition and systematic commission of extremist activities, necessitate independent research. It is crucial to pay particular attention to the specific features of incitement to hatred or enmity based on one of the following grounds: justification or propaganda of the use of violence or threats of its use (clause (b) of part 1 of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation). Consequently, these amendments may complicate the classification of criminal acts under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, connected with aggregate of crimes in the presence of the characteristics outlined in parts 1 and 2 of the aforementioned article.*
Methods. *The study is based on the dialectical method and system analysis. Both general logical and the dogmatic methods were employed in this study.*
Results. *The following study presents the characteristics of new elements of the crime under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. Recommendations have been formulated concerning the classification of incitement to hatred or enmity. These recommendations take into account the amendments made by Federal Law No. 173-FZ of 24 June 2025 into Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, including ways to resolve issues related to determining the relationship between Parts 1 and 2 of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Keywords:
incitement to hatred, incitement to enmity, abasement of human dignity, administrative prejudice, conviction, violence, justification, propaganda, criminal liability, aggregate of crimes, competition of norms, single crime

For citation:
Khlebushkin A. G. Classification of incitement to hatred or enmity taking into account the amendments made by Federal Law No. 173-FZ of 24 June 2025 to the Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 173–183.

The article was submitted September 28, 2025; approved after reviewing November 19, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Динамичное реформирование антиэкстремистского законодательства, определяющего применение мер государственного принуждения, выражающихся в лишении или ограничении прав и свобод виновных лиц, ставит перед правоприменителями новые вопросы, относящиеся к деятельности по оценке конкретных актов поведения с позиции наличия основания юридической ответственности. Осложняется ситуация как межотраслевой регламентацией ответственности, при которой за аналогичное деяние в отношении лица могут применяться нормы административного или уголовного законодательства в зависимости от разных обстоятельств, так и все более детальной дифференциацией уголовной ответственности на уровне конкретных норм Уголовного Кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ). Очередным законодательным решением, обусловливающим возникновение прикладных вопросов уголовной ответственности за типичное проявление экстремизма – возбуждение ненависти либо вражды – стал Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ[2], которым была существенно изменена ст. 282 УК РФ. Новизна указанных положений уголовного закона определяет актуальность их изучения.

При определении цели, задач и структуры работы принимались во внимание выделяемые в методологии права компоненты, из которых должно состоять основание научных исследований: 1) определение объекта исследования; 2) проблемность состояния объекта исследования; 3) логически последовательный путь исследования объекта в его проблемном состоянии; 4) обоснованность и доказательность результатов исследования; 5) возможность непосредственного или опосредованного использования результатов исследования на практике [1, с. 93].

Целью настоящего исследования является выработка рекомендаций по установлению при квалификации преступлений отдельных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, с учетом изменений, внесенных в нее Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи: рассмотреть новые признаки состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, привести их характеристику; выделить возможные проблемы квалификации преступлений по этим признакам; предложить способы решения данных проблем.

При проведении исследования использовалось действующее уголовное и регулятивное законодательство, материалы судебной практики, научные работы, посвященные структуре уголовного закона, конструированию состава преступления, теоретическим основам квалификации преступлений, конкуренции уголовно-правовых норм, множественности преступлений, квалификации преступлений с признаками оправдания и пропаганды.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3503.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Методы

Основа исследования – диалектический метод и метод системного анализа. Также применялись общелогические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, обобщение). Уяснение содержания конкретных уголовно-правовых норм, исходя из их структуры и используемой законодателем терминологии, осуществлялось с использованием догматического метода. В сочетании с изучением материалов судебной практики, отражающих официальную квалификацию конкретных общественно опасных деяний, это позволило обеспечить комплексность анализа положений уголовного закона с учетом реального правоприменения, выделить общие подходы к уголовно-правовой оценке деяний, предусмотренных разными статьями Особенной части УК РФ, но имеющих схожие черты, и сформулировать конкретные рекомендации по применению ст. 282 УК РФ в ее новой редакции.

Результаты

Общая характеристика изменений статьи 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации

Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ[3] была изменена ст. 282 УК РФ. Основные изменения выразились в следующем:

1. Увеличено количество криминообразующих признаков, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, путем указания нового альтернативного признака специального субъекта – наличие судимости за совершение любого из преступлений, предусмотренных ст. 282, 280 и 282[4] УК РФ (п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ), а также включения альтернативного обязательного признака, относящегося к объективной стороне – сопряженности совершаемых действий с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения (п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ).

2. В пункте «в» части 2 ст. 282 УК РФ расширен перечень форм соучастия – если ранее в нем было указано только совершение преступления организованной группой, то в новой редакции данный пункт также предусматривает совершение преступления группой лиц и группой лиц по предварительному сговору.

К менее существенным изменениям можно отнести следующую новую формулировку, включенную в ч. 1 ст. 282 УК РФ: вместо предусматривавшегося ранее совершения действий лицом «после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года» теперь указывается их совершение «лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние». Но смысл рассматриваемой нормы в этом отношении не изменился, и квалификация преступлений по данному признаку будет осуществляться в прежнем порядке, т. к. согласно ч. 1 ст. 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[4] (далее – КоАП РФ) «лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления» (за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 и 3 данной статьи).

Квалификация возбуждения ненависти либо вражды[5] с учетом административной преюдиции, неоднократности и систематичности совершения экстремистских деяний

Содержание анализируемых изменений ст. 282 УК РФ свидетельствует о расширении круга криминализированных деяний и, соответственно, сферы применения данной нормы путем отнесения к признакам состава преступления дополнительных видов повторного отклоняющегося поведения. В новой редакции ст. 282 УК РФ нашли отражение как неоднократное совершение преступлений (речь идет о включении в п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ признака наличия судимости за преступления экстремистской направленности, предусмотренные ст. 282, 280 и 282[4] УК РФ),

[3] СЗ РФ.2025. № 26 (ч. I). Ст. 3503.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[5] Здесь и далее общей краткой формулировкой «возбуждение ненависти или вражды» обозначаются одинаково указанные в ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ деяния: «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в т. ч. с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет"».

так и систематическое[6] совершение правонарушений экстремистского характера, поскольку составы двух из указанных преступлений, наличие судимости по которым является альтернативным криминообразующим признаком, включают административную преюдицию (ст. 282 УК РФ отсылает к ст. 20.3[1] КоАП РФ, ст. 284[2] УК РФ – к ст. 20.3 КоАП РФ).

Системный анализ данных положений позволяет выделить следующие возможные варианты квалификации неоднократно или систематически совершаемых экстремистских деяний по п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ при условии сохранения правовых последствий первичного привлечения лица к юридической ответственности (имеется в виду срок в один год, предусмотренный ст. 4.6 КоАП РФ, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, либо наличие судимости за указанные выше преступления с учетом положений ст. 86 УК РФ):

1) неоднократность: ст. 20.3[1] КоАП РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ;
2) неоднократность: ст. 282 УК РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ;
3) неоднократность: ст. 280 УК РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ;
4) неоднократность: ст. 282[4] УК РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ;
5) систематичность: ст. 20.3[1] КоАП РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ;
6) систематичность: ст. 20.3 КоАП РФ → ст. 282[4] УК РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Как видно, Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ была усложнена система регламентации ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, что выражается в увеличении количества комбинаций нарушений правовых запретов, которые в сумме образуют состав преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ. Три из приведенных вариантов непосредственно связаны с административной преюдицией, что свидетельствует о все более активном использовании этих законодательных решений для комплексной охраны общественной отношений.

Возможно, для выделения таких специфических конструкций в общей и постоянно расширяющейся массе составов преступлений с административной преюдицией целесообразно использовать понятие административной преюдиции с кумулятивным значением, поскольку в пятом и шестом приведенных вариантах противоправного поведения административная ответственность предшествует появлению судимости, наличие которой, в свою очередь, является криминообразующим признаком уже следующего преступления. Совершение административного правонарушения обусловливает наличие составов двух последовательно совершаемых преступлений.

Деяния экстремистского характера, поэтапно получающие правовую оценку как административное правонарушение, а затем как преступление, в результате «аккумулируются», «суммируются» в третье, новое деяние – преступление, предусмотренное п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Н. А. Лопашенко, рассматривая общественную опасность деяния и отмечая, что она «не носит исключительный, только к преступлению относящийся характер», ею обладают и административные правонарушения, обращает внимание на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, который «стал подчеркивать в своих решениях не просто общественную опасность, а криминальную общественную опасность преступления» [2, с. 129]. В выделяемых нами законодательных конструкциях прослеживается двойной переход именно к такой криминальной общественной опасности от опасности, присущей административному правонарушению.

Квалификация возбуждения ненависти или вражды по признаку оправдания или пропаганды применения насилия либо угрозы его применения (п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ)

В пояснительной записке к законопроекту, которым был введен п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, указывалось, что в 2023 году дела по ст. 20.3[1] КоАП РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» в 42,6 % возбуждались по фактам совершения действий, «оправдывающих, обосновывающих, одобряющих или пропагандирующих применение насилия либо угрозу его применения в отношении человека либо группы лиц по мотивам национальной (в абсолютном большинстве), расовой, религиозной принадлежности, а также принадлежности к социальной группе. Такие деяния обладают более высокой общественной опасностью по сравнению с иными проявлениями возбуждения ненависти или вражды, а равно унижения человеческого достоинства в рамках статьи 20.3[1] КоАП РФ... Применение насилия или угроза его применения в рамках пункта „а" части второй статьи 282 УК связаны только с фактическим причинением вреда здоровью или действиями, выражающими намерение виновного применить к потерпевшему физическое насилие, если имелись основания опасаться

[6] Под неоднократным совершением деяния мы понимаем его совершение два раза, под систематическим – совершение более двух раз (см., например, примечание к ст. 232 УК РФ).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

осуществления угрозы... В то же время, учитывая, что рассматриваемые действия, сопряженные с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения, не связаны с реальным применением физического насилия, за их совершение не могут быть установлены меры ответственности, равные предусмотренным пунктом „а" части второй статьи 282 УК РФ»[7].

Как отмечал В. Н. Кудрявцев, «уголовно-правовая норма закрепляет не любые случайные комбинации и формы объективной стороны того или иного деяния, а лишь такие ее формы, в которых проявляется определенная общественно вредная закономерность», указанная закономерность выражается, прежде всего, в «целенаправленности нормы, в ее „смысле"» [3, с. 39]. Таким образом, анализируемые изменения ст. 282 УК РФ, обусловленные выявленными закономерностями, связанными с распространенностью соответствующих действий, направлены на криминализацию возбуждения ненависти либо вражды, сопряженного с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения, но не связанного с фактическим применением насилия и обладающего поэтому меньшей степенью общественной опасности.

В Уголовном Кодексе Российской Федерации содержание понятий «оправдание» и «пропаганда» раскрывается в примечаниях к ст. 205[2] УК РФ применительно к терроризму. Данные определения можно взять за основу при анализе п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ и оправдание применения насилия либо угрозы его применения рассматривать как заявление о признании идеологии и практики применения насилия или угрозы его применения при возбуждении ненависти либо вражды правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

Под пропагандой применения насилия либо угрозы его применения следует понимать деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии насильственного возбуждения ненависти или вражды, убежденности в ее привлекательности, представлений об уместности применения насилия либо угрозы его применения при возбуждении ненависти или вражды.

Учитывая значение слов «оправдание», «пропаганда», «поддержка», «подражание», «идеология»[8], а также выделяемые в теории при анализе отдельных составов преступлений признаки оправдания и пропаганды[9] [4, с. 136; 5, с. 86–88; 6, с. 136; 7, с. 86–88; 8, с. 233], можно сделать следующие выводы:

– оправдание выражается в распространении сведений, содержащих одобрение указанных действий и направленных на формирование у других лиц мнения о том, что это допустимые акты поведения, заслуживающие воспроизводства;

– пропаганда выражается в совокупности действий, направленных на обеспечение усвоения другими лицами идей о целесообразности применения насилия либо угрозы применения насилия при возбуждении ненависти или вражды, положительных оценок такого поведения. Однако пропаганда не предполагает одобрения реальных совершенных актов применения насилия либо угрозы его применения, т. к. это относится к оправданию.

Принимая во внимание судебную практику по делам об оправдании и пропаганде терроризма, специфику соотношения терроризма и экстремизма, а также противоправный характер возможных одобряемых действий, выделим две особенности квалификации преступлений по п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ исходя из новизны этого законодательного положения.

1. *Соотношение антитеррористических и антиэкстремистских уголовно-правовых норм при оценке оправдания и пропаганды применения насилия либо угрозы его применения.*

Терроризм и экстремизм – это достаточно близкие по своему социально-деструктивному содержанию явления. А. И. Рарог справедливо пишет о «генетической связи терроризма с экстремизмом», указывая на возможное совершение террористических актов по экстремистским мотивам [9, с. 154]. Есть определенная схожесть и в юридическом отношении. Например, согласно ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[10] к экстремизму отнесены публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность. Антитеррористические и антиэкстремистские нормы в УК РФ в основном распределены по разным главам (24 и 29 соответственно). Однако оправдание

[7] Паспорт проекта Федерального закона № 835233-8 «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») : [официальный сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/835233-8 (дата обращения: 01.08.2025).

[8] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. С. 236, 456, 534, 541, 616.

[9] Костылева О. В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма: уголовно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. С. 19.

[10] О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

и пропаганда в качестве альтернативных действий, образующих объективную сторону преступления, отнесены к признакам составов преступлений, предусмотренных как ст. 205², так и ст. 282 УК РФ. Такое внешнее «наложение» криминализации разных видов вредоносного информационного воздействия, осуществляемого в отношении других лиц, может приводить к неверному определению соотношения указанных норм и ошибкам при квалификации преступлений.

Так, М. был осужден по ч. 1 ст. 205² УК РФ за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма. Судебная коллегия приговор изменила, отметив следующее. «При постановлении приговора окружной военной суд исключил из обвинения М. ч. 1 ст. 282 УК РФ как излишне вмененную, указав, что незаконные действия осужденного совершены с одним умыслом, направленным на распространение материалов и информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности, обосновывающих и оправдывающих ИГИЛ*, одной из целей которой, как установлено решением Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г., является ведение так называемой священной войны (джихада) с неверными (кафирами) во всем мире, а поэтому они образуют единое продолжаемое преступление, предусмотренное специальной уголовно-правовой нормой – ч. 1 ст. 205² УК РФ»[11]. Далее, ссылаясь на отличия данных преступлений в объекте, объективной стороне и субъективной стороне, Судебная коллегия указала, что составы преступлений, предусмотренные ст. 282 и ст. 205² УК РФ, не являются по отношению друг к другу общей и специальной нормами уголовного закона, а поэтому они не могут в этом смысле конкурировать между собой. В связи с этим действия М. были дополнительно квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Необходимо исходить из того, что преступления, предусмотренные ст. 282 и ст. 205² УК РФ – это самостоятельные деяния, которые не охватывают друг друга.

Таким образом, *несмотря на содержательную и юридическую близость терроризма и экстремизма, а также включение оправдания и пропаганды в число признаков составов преступлений, предусмотренных как ст. 205², так и ст. 282 УК РФ, эти нормы в отношениях конкуренции не находятся, что допускает идеальную совокупность данных преступлений при наличии к тому оснований.*

2. *Значение официальной юридической оценки действий, оправдываемых виновным.*

С учетом того, что при оправдании применения насилия или угрозы его применения речь идет об одобрении виновным лицом действий не только вредоносных, но и противоправных, может возникать вопрос о том, получили ли эти оправдываемые действия официальную отрицательную юридическую оценку как конкретное правонарушение (преступление).

Представляется, что данное обстоятельство не должно оказывать влияния на установление признаков состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, поскольку принципиальное значение имеет не квалификация оправдываемых действий, а их насильственный характер и связь этих действий с одобрением применения насилия либо угрозы его применения при возбуждении ненависти или вражды. По сути, совершенные кем-либо ранее насильственные действия используются виновным как повод, основание для выражения своей позиции, подкрепления осуществляемого негативного информационного воздействия, придания ему определенного направления в целях формирования у других лиц убеждения в допустимости аналогичных действий в отношении потерпевших, выделяемых по признакам, указанным в ст. 282 УК РФ. Изложенное подтверждается и судебной практикой по оправданию терроризма, которое в рассматриваемом аспекте аналогично оправданию применения насилия либо угрозы его применения при возбуждении ненависти или вражды.

Так, Б. была осуждена по ч. 2 ст. 205² УК РФ. Судебная коллегия указала следующее. «После ознакомления Б. ... с содержанием одной из страниц в социальной сети „ВКонтакте" о совершении взрыва в здании Управления ФСБ России по Архангельской области она в течение часа разместила в социальной сети „Интернет" текстовые комментарии к этому событию, содержащие лингвистические и психологические признаки оправдания практики терроризма... Суд при принятии решения о квалификации деяния правильно исходил из очевидной опасности случившегося 31 октября 2018 г. в здании Управления ФСБ России по Архангельской области, а также того, что содержание размещенных осужденной в сети „Интернет" комментариев указывает на наличие в них лингвистических и психологических признаков оправдания действий лица, совершившего взрыв в здании Управления ФСБ России по Архангельской области, как

* Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

[11] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 6 (окончание).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

реакции на принимаемые органами государственной власти решения и с целью воздействия на их принятие. Фактически взрыв был использован осужденной как повод для публичного заявления о признании идеологии и практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания. При таких данных отсутствие оценки правоохранительными органами взрыва как террористического акта на момент размещения Б. комментариев к этому событию не влияет на правильность квалификации содеянного ею как публичного оправдания терроризма»[12].

Таким образом, *при квалификации возбуждения ненависти либо вражды по признаку оправдания применения насилия или угрозы его применения наличие официальной юридической оценки оправдываемых действий на момент их оправдания обязательного значения не имеет. Важен насильственный характер этих действий, выстраивание виновным на основе данных фактов определенных суждений и оценок, использование их для наполнения соответствующим содержанием своих публичных заявлений и обращений.*

Новая редакция статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации и проблемы совокупности преступлений

В рамках статьи 282 УК РФ с технико-юридических позиций несколько специфическим образом было реализовано законодательное решение, связанное с отражением степени общественной опасности разных действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды.

Дело в том, что санкция ч. 2 ст. 282 УК РФ строже, чем санкция ч. 1 ст. 282 УК РФ. Но при этом состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК РФ, не является квалифицированным видом состава преступления, предусмотренного частью первой данной статьи, поскольку обязательные альтернативные признаки последнего, указанные в п. «а» и «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, не включены в описание преступления, ответственность за совершение которого установлена ч. 2 ст. 282 УК РФ. Как отмечает А. В. Иванчин, «закрепление состава преступления в ч. 2 и последующих частях статьи Особенной части УК еще не является достаточным основанием для того, чтобы считать его квалифицированным. Он вполне может оказаться автономным, т. е. недифференцированным составом или основным» [10, с. 204].

Такая конструкция ст. 282 УК РФ может вызывать ряд вопросов при квалификации преступлений. Для примера представим две ситуации.

1. Лицо, имеющее судимость за совершение любого из преступлений, предусмотренных ст. 280, 282 или 282[4] УК РФ, совершает возбуждение ненависти либо вражды в составе группы лиц по предварительному сговору. В данном случае есть признак, предусмотренный п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ, и признак, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ.

2. Также возможно сочетание нового признака, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, с признаком, указанным в п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, когда виновный, совершая возбуждение ненависти либо вражды с пропагандой применения насилия к определенной категории потерпевших, при этом одновременно и сам фактически применяет насилие к таким лицам в целях обеспечения «наглядности» своей пропаганды.

Допустимо ли содеянное в приведенных случаях квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими пунктами ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ? С одной стороны, деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 282 УК РФ, является более общественно опасным, что нашло отражение как в санкциях ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, так и в отнесении данных преступлений к разным категориям (преступлениям средней тяжести и тяжким преступлениям соответственно). С другой стороны, в ч. 2 ст. 282 УК РФ нет квалифицирующих признаков (отягчающих обстоятельств) по отношению к ч. 1 ст. 282 УК РФ, поэтому обосновывать лишь более строгой санкцией квалификацию содеянного в рассматриваемых ситуациях только по ч. 2 ст. 282 УК РФ нельзя.

Данные нормы (ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ) в состоянии конкуренции не находятся, а являются смежными, различающимися по отдельным признакам состава преступления. Н. Ф. Кузнецова указывала, что «квалификация по специальным нормам должна основываться на признаках, указанных в общей норме»[13]. Л. В. Иногамова-Хегай отмечает следующее: «Конкурирующие нормы отличаются от смежных норм тем, что конкурирующая норма о преступлении (специальная или целое) всегда содержит все признаки, имеющиеся во второй норме (общей или части), и дополнительный признак, отсутствующий во второй норме, а вторая не содержит признака, отсутствующего в первой норме» [11, с. 191].

---

[12] Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2022 г. № 222-УД22-14-А6 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 5.

[13] Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В. Н. Кудрявцев. Москва : Городец, 2007. С. 126.

Но, как подчеркивалось выше, альтернативные обязательные признаки, указанные в п. «а» и «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, не включены в описание преступления, ответственность за совершение которого установлена ч. 2 ст. 282 УК РФ, и вследствие этого квалификация преступлений по ч. 2 ст. 282 УК РФ не основывается на признаках ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Обозначенная проблема станет более очевидной, если мысленно преобразовать ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ в самостоятельные статьи или поменять их местами, указав сначала более тяжкое, а затем менее тяжкое преступление, как это сделано, например, в ч. 2 и 7 ст. 222 УК РФ.

Таким образом, мы возвращаемся к вопросу о возможной совокупности преступлений. В. Н. Кудрявцев писал, что совокупность преступлений «имеется в тех случаях, когда все содеянное охватывается не менее чем двумя разными нормами Особенной части. Эта юридическая характеристика совокупности преступлений позволяет довольно четко отграничивать ее от конкуренции норм Особенной части. При конкуренции также имеется несколько статей Особенной части, содержащих признаки данного деяния, но при этом все содеянное может быть охвачено одной из этих норм. Для совокупности же характерно то, что ни одна из норм не охватывает содеянного полностью; оно может получить правильную правовую оценку только путем применения двух или более норм Особенной части, вместе взятых» [12, с. 244].

Здесь можно было бы сделать промежуточный вывод о том, что в обеих приведенных ситуациях содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими пунктами ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, но он вряд ли соответствует тому смыслу дифференциации ответственности, который был заложен законодателем в ст. 282 УК РФ.

На первый взгляд, с учетом того, что речь идет об идеальной совокупности преступлений, аргументом против такого варианта квалификации могло бы быть буквальное толкование ч. 2 ст. 17 УК РФ, согласно которой совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных *двумя или более статьями* УК РФ, поскольку анализируемые нами деяния предусмотрены *одной статьей*. Но в теории справедливо отмечается необходимость расширительного толкования ч. 2 ст. 17 УК РФ путем отнесения к совокупности преступлений и случаев, когда *разные* составы преступлений описаны в разных *частях одной статьи* [11, с. 182–183].

Такое толкование представляется верным и даже необходимым. Иной подход повлек бы значительные правоприменительные проблемы. Например, при буквальном толковании ч. 2 ст. 17 УК РФ нельзя было бы квалифицировать по совокупности преступлений по ч. 2 и 7 ст. 222 УК РФ одновременный сбыт двух пистолетов – огнестрельного и газового. Но другой законный и справедливый вариант квалификации преступлений тут вряд ли возможен. Это подтверждается и судебной практикой. Так, Ф. был осужден по ч. 2 ст. 222 УК РФ за незаконный сбыт как огнестрельного оружия и боеприпасов, так и газового оружия. Судебная коллегия приговор изменила, указав следующее. «Уголовная ответственность за незаконный сбыт огнестрельного оружия и боеприпасов предусмотрена ч. 2 ст. 222 УК РФ, а за незаконный сбыт газового оружия – ч. 7 ст. 222 УК РФ. Это два разных состава преступления, по отношению друг другу они не являются основным и квалифицированным. При этом первое преступление является тяжким, а второе – средней тяжести. С учетом изложенного, действия Ф. по незаконному сбыту газового оружия подлежали квалификации по ч. 7 ст. 222 УК РФ, которая относится к категории средней тяжести, а суд, квалифицировав данные действия по ч. 2 ст. 222 УК РФ, являющейся тяжким преступлением, ухудшил его положение. Таким образом, действия Ф. по факту незаконного хранения, перевозки и сбыта огнестрельного оружия и боеприпасов судебная коллегия квалифицирует по ч. 2 ст. 222 УК РФ, а по факту незаконного сбыта газового оружия – по ч. 7 ст. 222 УК РФ»[14]. В приведенном примере не указано, был ли сбыт оружия указанных видов одновременным или нет, но сути подхода по квалификации это не меняет.

Рассматриваемая проблема является дефектом законодательный техники. Достаточно было включить в ч. 1 ст. 282 УК РФ традиционную формулировку: «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного частью второй настоящей статьи» или аналогичную ей. Этот технический прием уже успешно реализуется. Так, уголовная ответственность за побои предусмотрена двумя статьями – 116[1] и 116 УК РФ. Статья 116[1] УК РФ, так же, как и п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ, в качестве альтернативных признаков преступления предусматривает совершение указанных в ней действий лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ч. 1) и лицом, имеющим судимость за определенные преступления (ч. 2). Но при этом

[14] Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.07.2025 № 77-1686/2025 (УИД 77RS0022-02-2024-010004-54) // Справочная правовая система (СПС) КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=178843&cacheid=F43CE1FD4DA60143CE8D94920DA89069&mode=splus&rnd=ADaYaQ#Ld9yA3Vi6F0Janaz1 (дата обращения: 01.08.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

и в ч. 1, и в ч. 2 ст. 116[1] УК РФ указывается на отсутствие признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ.

Однако действующая редакция ст. 282 УК РФ обязывает нас рассматривать ситуацию *de lege lata* и выбирать один из двух вариантов квалификации преступлений в рассматриваемых ситуациях:

1) квалифицировать содеянное по совокупности преступлений по соответствующим пунктам ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ;

2) либо ч. 1 ст. 282 УК РФ толковать ограничительно в том смысле, что она применяется лишь при отсутствии признаков преступления, предусмотренного частью второй данной статьи. Исходя из этого, при наличии в деянии одновременно признаков, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, преступление квалифицируется только по соответствующему пункту (пунктам) ч. 2 ст. 282 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Именно второй вариант представляется более предпочтительным по следующим причинам: несмотря на то, что формально в ч. 2 ст. 282 УК РФ указан самостоятельный состав преступления, в своем сочетании обе части ст. 282 УК РФ ближе по конструкции к составу *сложного единичного преступления с альтернативными признаками*, пусть и указанными в двух разных частях статьи. Некоторые из них действительно повышают степень общественной опасности деяния, но к квалифицирующим признакам в традиционном понимании их отнести нельзя, поскольку последние не могут существовать сами по себе, а проявляются только по отношению к основному составу, которого в ст. 282 УК РФ просто нет. И здесь должно работать устоявшееся правило квалификации таких единичных преступлений: для наличия состава преступления, сконструированного с альтернативными признаками, достаточно установления одного любого из них, указанных в норме Особенной части, но при этом наличие двух и более таких признаков из них не образует множественности преступлений [13, с. 115]. Например, не образует совокупности преступлений приобретение наркотического средства и его последующее хранение (ч. 1 ст. 228 УК РФ), либо нанесение удара, повлекшего одновременно утрату зрения и слуха (ч. 1 ст. 111 УК РФ).

И распределение этих альтернативных признаков по двум частям ст. 282 УК РФ с установлением разного наказания принципиального значения в рамках рассматриваемого вопроса квалификации не имеет.

Такая оценка статьи 282 УК РФ соответствует подходу, применяемому в судебной практике по единичным преступлениям, признаки которых тоже распределены по разным частям одной статьи Особенной части УК РФ. Например, после изменений, внесенных в ст. 222 УК РФ Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ[15], ч. 1 ст. 222 УК РФ устанавливает ответственность за незаконные приобретение, передачу, хранение, перевозку, пересылку или ношение огнестрельного оружия и иных предметов. Часть 2 ст. 222 УК РФ устанавливает более строгую ответственность за незаконный сбыт огнестрельного оружия и иных предметов.

Д. был осужден по ч. 1 ст. 222 и ч. 2 ст. 222 УК РФ. Судебная коллегия указала, что в соответствии с разъяснениями, приведенными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»[16], незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка и ношение одних и тех же огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, не требуют самостоятельной квалификации каждого из незаконных действий по частям первой–третьей статьи 222 УК РФ. При установленных обстоятельствах все действия Д., связанные с незаконным приобретением, хранением, перевозкой и сбытом одного и того же огнестрельного оружия надлежало квалифицировать как единое преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 222 УК РФ. На основании этого Судебная коллегия приговор в отношении Д. изменила, квалифицировав его действия как одно преступление по ч. 2 ст. 222 УК РФ[17].

В. Д. Филимонов, рассматривая общественно опасное деяние как признак объективной стороны, выделял его материальное и идеологическое содержание, относя ко второму произнесение слов, выражений, передачу информации и указывая при этом в качестве примеров призывы к совершению преступлений и возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды

[15] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5109.

[16] О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 (ред. от 11.06.2019) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 5 ; 2019. № 9.

[17] Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 марта 2025 г. № 77-506 /2025 // СПСКонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=168280&cacheid=22CA9345DAAB48D85164AF1B69115812&mode=splus&rnd=ADaYaQ#3amzA3VyIFZ3L5sJ1 (дата обращения: 01.08.2025).

[14, с. 104–105]. Деяния, указанные в ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, обладают схожим идеологическим содержанием, т. к. описание общего базового деяния в виде возбуждения ненависти либо вражды в них совпадает полностью. Видимо, эта схожесть и обусловливала объединение их законодателем в одной статье Особенной части УК РФ.

При этом в ч. 2 ст. 282 УК РФ признаки, предусмотренные п. «а» и «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, заменяются, а не дополняются иными признаками, повышающими степень общественно опасности. П. С. Дагель писал: «Нередко при совершении преступления действия виновного выражаются в одновременном совершении различных видов посягательства на один и тот же объект… Если эти посягательства фактически образуют элементы одного преступления, они квалифицируются по статье Особенной части кодекса, предусматривающей наиболее тяжкий вид посягательства из числа совершенных виновным»[18].

В пользу отсутствия совокупности преступлений в рассматриваемых ситуациях можно привести и иные аргументы. М. Д. Шаргородский, рассматривая технику уголовного законодательства, выделял «прием определения через ближайший род и видовое отличие» [15, с. 128]. С учетом того, что ответственность за возбуждение ненависти либо вражды предусмотрена нормами разных отраслей права, можно выделить общее родовое деяние в форме такого возбуждения и три деяния в рамках этого рода, содержащие видовые отличия:

1) административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.3[1] КоАП РФ;

2) преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 282 УК РФ;

3) преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 282 УК РФ.

Эти нормы в своей взаимосвязи представляют систему, в которой в рамках одного рода каждый следующий вид деяния является более опасным. Как представляется, смысл анализируемого построения ст. 282 УК РФ был именно в исключении искусственной оценки идеологически одинаковых деяний как совокупности преступлений. В теории выделяют технико-юридическую функцию конструирования составов преступлений с альтернативными признаками, заключающуюся в «законодательном отграничении сложных единичных преступлений от множественности преступных деяний» [16, с. 108]. Возбуждение ненависти либо вражды, представляющее собой в простом (основном) варианте административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.3[1] КоАП РФ, возводится признаками, указанными в ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, в ранг преступлений средней тяжести (ч. 1 ст. 282 УК РФ) или тяжких преступлений (ч. 2 ст. 282 УК РФ). Содеянное при такой межотраслевой конструкции должно квалифицироваться только по одной норме, предусматривающей наиболее тяжкий признак, которой и является ч. 2 ст. 282 УК РФ.

Выводы

1. По смыслу пункта «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ под оправданием применения насилия либо угрозы его применения следует понимать заявление о признании идеологии и практики применения насилия либо угрозы его применения при возбуждении ненависти или вражды правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. Задача такого оправдания – убедить других лиц в том, что это допустимые акты поведения, заслуживающие воспроизводства.

2. Пропаганда применения насилия либо угрозы его применения – это деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии насильственного возбуждения ненависти или вражды, убежденности в ее привлекательности, представлений об уместности применения насилия либо угрозы его применения при возбуждении ненависти или вражды. Пропаганда выражается в совокупности действий, направленных на обеспечение усвоения другими лицами идей о целесообразности применения насилия либо угрозы применения насилия при возбуждении ненависти или вражды, положительных оценок такого поведения. Пропаганда не предполагает одобрения реальных совершенных актов применения насилия либо угрозы его применения, так как последнее относится к оправданию.

3. Несмотря на содержательную и юридическую близость терроризма и экстремизма, а также включение оправдания и пропаганды в число признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 205[2] и ст. 282 УК РФ, эти нормы в отношениях конкуренции не находятся, что допускает идеальную совокупность данных преступлений при наличии к тому оснований.

4. При квалификации возбуждения ненависти или вражды по признаку оправдания применения насилия либо угрозы его применения наличие официальной юридической оценки оправдываемых действий на момент их оправдания обязательного значения не имеет. Важен насильственный характер этих действий, выстраивание виновным на основе данных фактов

[18] Дагель П. С. Множественность преступлений : (Лекция по курсу советского уголовного права, часть Общая). Владивосток : [б. и.], 1969. С. 12.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

определенных суждений и оценок, использование их для наполнения соответствующим содержанием своих публичных заявлений и обращений.

5. Состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК РФ, не является квалифицированным видом состава, указанного в части первой данной статьи. Идеальная совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, исключается в силу построения ст. 282 УК РФ на основе альтернативности криминообразующих признаков, указанных в разных частях данной статьи. При наличии в деянии одновременно признаков, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, преступление квалифицируется только по соответствующему пункту (пунктам) ч. 2 ст. 282 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Заключение

Включение новых признаков в ст. 282 УК РФ и изменение ее конструкции привели к возникновению новых вопросов квалификации преступлений по данной норме. Поиск соответствующих решений при подготовке настоящей работы осуществлялся с учетом положений уголовного закона, обращения к иным нормам УК РФ, содержащим схожие признаки состава преступления, судебной практики, сложившихся правоприменительных подходов и теоретических основ квалификации преступлений. Особой сложностью характеризуются проблемы определения соотношения норм, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, при решении вопроса о возможности уголовно-правовой оценки предусмотренных ими деяний как идеальной совокупности преступлений. Проведение системного исследования позволило выработать представленные выше обоснованные рекомендации по квалификации возбуждения ненависти либо вражды с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ в ст. 282 УК РФ.

Список источников

1. *Керимов Д. А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права : монография. Москва : Аванта+, 2000. 559 с.

2. *Лопашенко Н. А.* Общественная опасность деяния: верификация невозможна? // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 8. С. 127–138. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.165.8.127-138

3. *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. Москва : Госюриздат, 1960. 244 с.

4. *Агапов П. В.* Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. 2007. № 1. С. 4–6.

5. *Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г.* Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2 (868). С. 14–16.

6. *Агапов П. В., Шевелева К. В.* Уголовная ответственность за неоднократные пропаганду и демонстрирование запрещенной федеральным законодательством атрибутики и символики // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 2 (75). С. 133–140.

7. *Кунашев А. А.* Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 81–89.

8. *Этнорелигиозный терроризм* : монография / под ред. Ю. М. Антоняна. Москва : Аспект Пресс, 2006. 318 с.

9. *Рарог А. И.* Террористический акт: качество уголовно-правовой нормы // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 1 (10). С. 150–156. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.98.10.150-156

10. *Иванчин А. В.* Конструирование состава преступления: теория и практика : монография / отв. ред. Л. Л. Куликов. Москва : Проспект, 2014. 352 с.

11. *Иногамова-Хегай Л. В.* Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография. Москва : Норма: Инфра-М, 2015. 288 с.

12. *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и дополн. Москва : Юрист, 1999. 301 с.

13. *Совокупность преступлений: проблемы теории и практики квалификации* : монография / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2016. 364 с.

14. *Филимонов В. Д.* Норма уголовного права : [монография]. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 279 с.

15. *Шаргородский М. Д.* Избранные труды / сост. и предисл. Б. В. Волженкина. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2004. 655 с.

16. *Ображиев К. В., Чикин Д. С.* Сложные единичные преступления : монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. 179 с.

Научная статья
УДК 343

Особенности квалификации преступлений против личности, связанных с использованием инновационных медицинских технологийм

Евгения Евгеньевна Черных, кандидат юридических наук, доцент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород (603022, пр-т Гагарина, д. 23), Российская Федерация
Нижегородская академия МВД России
Нижний Новгород (603144, Анкудиновское шоссе, д. 3), Российская Федерация
ewg.cherniykh84@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-7637-1866

Аннотация:
Введение. *Статья посвящена анализу правовых и криминологических особенностей квалификации преступлений против личности, связанных с использованием высоких технологий в здравоохранении. С развитием телемедицины, генетических исследований, роботизированной хирургии и других высокотехнологичных методов лечения возрастает риск преступных действий, затрагивающих жизнь, здоровье и личные данные пациентов. В работе рассматриваются проблемы правоприменения, связанные с определением умысла, причинно-следственной связи, а также характером и объемом вреда в условиях активного внедрения и применения инноваций. Анализируются современные международные и национальные подходы к регулированию этой сферы на примере судебной практики из России и США.*
Методы исследования. *Применены формально-юридический и догматический методы для оценки бланкетных норм и их связи с профильным регулированием; сравнительно-правовой метод при сопоставлении российского подхода с англо-американскими инструментами противодействия посягательствам на личность с использованием инновационных медицинских технологий; криминологический анализ рисков цифровизации медицинских услуг; системно-структурный подход к распределению ответственности виновных лиц; правоприменительный анализ судебной практики.*
Результаты. *В исследовании продемонстрированы ключевые трудности уголовно-правовой оценки, включая установление ответственности различных участников (врачей, технических специалистов, медицинских организаций), а также необходимость адаптации действующего законодательства к стремительно развивающимся общественным отношениям. В статье предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования и разработке специальных норм, направленных на предотвращение преступлений и защиту прав личности в «век цифровой медицины».*

Ключевые слова:
инновационная медицина, уголовный закон, квалификация, преступление, ответственность, противодействие, телемедицина, здравоохранение

Для цитирования:
Черных Е. Е. Особенности квалификации преступлений против личности, связанных с использованием инновационных медицинских технологий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 184–189.

**Статья поступила в редакцию 18.09.2025;
одобрена после рецензирования 22.10.2025;
принята к публикации 25.12.2025.**

Original article

Specifics of the classification of crimes against persons involving the use of innovative medical technologies

Evgeniya E. Chernykh, Cand. Sci. (Jurid), Docent

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23, Gagarin ave, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation
Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia
3, Ankudinovskoye high., Nizhny Novgorod, 603144, Russian Federation
ewg.cherniykh84@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-7637-1866

© Черных Е. Е., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Abstract:
Introduction. *The article deals with the analysis of legal and criminological specifics of the classification of crimes against persons involving the use of high technology in healthcare. With the development of telemedicine, genetic research, robotic surgery and other high-tech treatment methods, there is an increased risk of criminal acts affecting the life, health and personal data of patients. The author examines issues of law enforcement in relation to determining the intent, cause and effect, as well as the nature and extent of harm in the context of active implementation and application of innovations. Modern international and national approaches to regulating such matters are analysed with reference to judicial practice in Russia and the United States.*
Research methods. *Formal legal and dogmatic methods were used to assess blanket norms and their connection with sectoral regulation; a comparative legal method was applied to compare the Russian approach with Anglo-American instruments for preventing encroachments on an individual by using innovative medical technologies. A criminological analysis of the risks of digitalisation of medical services was conducted, along with a systemic-structural approach to the distribution of responsibility among guilty parties and a law enforcement analysis of judicial practice.*
Results. *The findings of the study highlight the key challenges in criminal law assessment, including determining the responsibility of various parties (doctors, technical specialists, medical organisations), as well as the need to adapt existing legislation to rapidly evolving social relations. The author provides recommendations for improving legal regulation and developing special rules aimed at preventing crimes and protecting individual rights in the "age of digital medicine".*

Keywords:
innovative medicine, criminal law, qualification, crime, responsibility, counteraction, telemedicine, healthcare

For citation:
Chernykh E. E. Specifics of the classification of crimes against persons involving the use of innovative medical technologies // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 184–189.

The article was submitted September 18, 2025; approved after reviewing October 22, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

В настоящее время внедрение инноваций в здравоохранение стремительно меняет облик данной области государственного обеспечения населения, что проявляется как в содержательном, так и в концептуальном плане, а следовательно, *закономерно отражается на ее объективном восприятии не только базовыми поставщиками и потребителями соответствующих услуг, но и представителями иных сфер общественных отношений, в т. ч. осуществляющих правотворчество и правосудие*. Роботизированная хирургия, искусственный интеллект, генетическая терапия и иные достижения технологического прогресса значительно расширяют возможности диагностики и лечения, их применение порождает сложные социальные, политические, юридические и этические вопросы, в т. ч. касающиеся проблем **эффективности их правового обеспечения и криминогенных рисков**, многие из которых остаются нерешенными[1] [1–6].

В указанном контексте на повестку дня встает необходимость переосмысления уголовной политики применительно к экосистеме инновационной медицины как к самостоятельному объекту правового регулирования и правоприменения. При этом речь идет не о точечных реакциях на отдельные инциденты или конкретные технологические новации, а о формировании целостной концепции, способной адекватно соотнести темпы научно-технического прогресса, публично-правовые интересы государства, права пациента и профессиональную автономию медицинского сообщества.

Методы

Помимо традиционного для гуманитарной доктрины диалектического метода научного познания, в работе также использовался формально-юридический подход: нормы уголовного закона сопоставлялись с предписаниями, регламентирующими осуществление профессиональной деятельности в сфере здравоохранения, выявлялись разрывы в бланкетных отсылках и терминологии. Правоприменительная часть опиралась на изучение судебных решений и иных официальных документов по делам о вмешательствах в электронные медицинские карты, злоупотреблениях при назначении соответствующих процедур и обращении медицинских изделий, а также посягательствах на информационную инфраструктуру здравоохранения; анализировались отдельные события преступлений, квалификация, доказательства и ошибки при установлении причинной связи. Для проверки и уточнения выводов использовалось сопоставление с зарубежной практикой. Для целей распределения ответственности применялась классификация причин наступления неблагоприятных последствий: небрежность или ошибка врача, техническая неисправность, конструктивный дефект, организационный сбой. Наряду с этим в исследовании применялся описательно-аналитический обзор научных и иных публикаций, посвященных отдельным аспектам инновационной медицины и связанным с ней рискам.

[1] Черных Е. Е. Искусственный интеллект в здравоохранении России: современное состояние и уголовно-правовые риски // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 127–131. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-4-127-131

Результаты

С одной стороны, использование той же телемедицины позволяет оказывать необходимую помощь удаленно, что, на первый взгляд, особенно важно в отдаленных регионах, хотя в действительности территориальный пик ее социальной[2] [7; 8] и законодательной[3] [9–11] востребованности вплоть до настоящего времени прослеживается лишь в крупных городах и центральной части России[4] [12]. Тем не менее современная эпидемиологическая обстановка, ежегодно демонстрирующая новые вызовы и угрозы, выступает весомым аргументом в пользу того, насколько важны соответствующие цифровые платформы, причем не только для отдельного гражданина, но и для реализации фундаментальных задач государства в области обеспечения охраны здоровья населения. Однако имеется и «обратная сторона медали», связанная с активизацией криминальной активности, обусловленной появлением значительного количества возможностей для реализации самых различных преступных целей, что сформировало новый спектр угроз для конституционных прав, свобод и законных интересов человека.

Как ни парадоксально, но большинство подобного рода посягательств касаются не столько благ, предусмотренных главой 16 Уголовного кодекса Российской Федерации[5] (далее – УК РФ), сколько аспектов конфиденциальности информации о частной жизни пациентов. Различного рода злоупотребления с использованием персональных данных о личности клиентов телемедицинских услуг предоставили целую совокупность ранее не существовавших перспектив по извлечению личной выгоды для заинтересованных лиц. Отечественное правосудие, несмотря на относительную новизну интересующего нас спектра общественных отношений, уже располагает весомым количеством вступивших в законную силу решений – от манипуляций с электронными медицинскими картами[6] до посягательств на критическую информационную инфраструктуру в сфере здравоохранения[7]. Вместе с тем представляется методологически оправданным обращение к международной правоприменительной практике, располагающей несколько большим опытом не только в аспектах реализации соответствующих инноваций, но и в части их юридической оценки. В этом ключе наглядным примером выступает уголовное дело о дистанционном оказании врачебных услуг в США, где ущерб в рамках реализации федеральной программы страхования *Medicare* превысил 4,5 млрд долларов[8].

Обвиняемые, выписывали рецепты на соответствующие препараты, протезы и иные устройства, назначали диагностические тесты без объективной необходимости, а в отдельных случаях вообще осуществляли это без какого-либо взаимодействия с больными. В числе главных проблем квалификации здесь фигурировала проблематика субъективного вменения, что было детерминировано необходимостью вычленения из многоэпизодного продолжающегося преступления, выражающегося в незаконном использовании конфиденциальной информации,

---

[2] Прибыловский М. Должен топнуть президент»: почему телемедицина в России не пошла в массы // NEWS.ru : [электронное издание]. URL: https://news.ru/society/dolzhen-topnut-prezident-pochemu-telemedicina-v-rossii-ne-poshla-v-massy/?ysclid=m3tz4kacpz707502424 (дата обращения: 19.11.2023) ; Кинякина Е., Курашева А. Телемедицина не нашла поддержки у Минздрава // Ведомости : [сетевое издание]. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2022/07/20/932329-telemeditsina-podderzhki#140737497404437 (дата обращения: 19.11.2023).

[3] Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан : постановление Правительства Российской Федерации от 18 июля 2023 г. № 1164 (ред. от 01.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее - СЗ РФ). 2023. № 30. Ст. 5693.

[4] О географии востребованности услуг телемедицины в России : компания ГидМаркет : Магазин исследований // РБК :[сетевое издание]. URL: https://marketing.rbc.ru/articles/13476/?ysclid=m3tzbncvgc389386722 (дата обращения: 19.11.2023).

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[6] Приговор Сибайского городского суда Республики Башкортостан от 19 июня 2024 года по делу № 1–126/2024 // Правовой сервер КонсультантПлюс : [электронное издание]. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOPV&n=13259653&rnd=GKtzKg (дата обращения: 19.11.2023).

[7] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 мая 2023 г. № 77–1943/2023 // Там же. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ006&n=118784&rnd=GKtzKg (дата обращения: 19.11.2023).

[8] National Health Care Fraud and Opioid Takedown Results in Charges Against 345 Defendants Responsible for More than $6 Billion in Alleged Fraud Losses : Press Release // Criminal Division : U.S. Department of Justice : [website]. URL: https://www.justice.gov/criminal/criminal-fraud/hcf-2020-takedown/press-release (дата обращения: 19.11.2023) ; Federal Indictments & Law Enforcement Actions in One of the Largest Health Care Fraud Schemes Involving Telemedicine and Durable Medical Equipment Marketing Executives Results in Charges Against 24 Individuals Responsible for Over $1.2 Billion in Losses : Press Release // Ibid. URL: https://www.justice.gov/opa/pr/federal-indictments-and-law-enforcement-actions-one-largest-health-care-fraud-schemes (дата обращения: 19.11.2023).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

фактов объективно недобросовестной врачебной практики (халатности), также фигурировавших в работе соответствующих учреждений здравоохранения. Процесс корректной уголовно-правовой оценки затрудняло то обстоятельство, что виновные лица проводили формальные телефонные консультации, длившиеся несколько минут, а это порой не позволяло однозначно ответить на вопрос о возможности идентификации таких действий с точки зрения достаточности для признания их несоответствия установленным правилам и стандартам. Бланкетные нормы уголовного законодательства[9] в совокупности с англосаксонским прецедентным правом не в полной мере охватили процедуру осуществления подобного рода преступных схем, что позволило подсудимым апеллировать к отсутствию нормативного закрепления их обязанности по документальному подтверждению взаимодействия с пациентом.

С учетом этого в обозначенном контексте прослеживается **системная проблема рассогласованности отраслевых юридических регуляторов в области использования медицинских инноваций**, когда уголовный закон предусматривает ответственность за определенные действия, связанные с выполнением профессиональных обязанностей, а корреспондирующая норма профильного нормативного акта не позволяет однозначно говорить о факте нарушения, поскольку те или иные аспекты предмета доказывания оказываются вне правового поля. Нельзя не отметить глобальный характер такого рода казусов, поскольку они имеются в законодательной практике многих государств. В частности, и Россия не лишена указанных недостатков. Ярким подтверждением тому выступают **положения о запрете на постановку *диагноза*** при оказании телемедицинских услуг. Фигурирующая здесь категория фактически не имеет официальной интерпретации, на что обращают внимание и сами представители сферы здравоохранения: «*Отсутствие четкого определения данного понятия образует разночтения в толковании полномочий медицинских работников, а также пациентов, что, в свою очередь, может вызвать правовую неопределенность в случаях врачебных ошибок, вопросов конфиденциальности и иных юридических споров*» [13, с. 14], т. е. профильные специалисты уже сформировали для себя варианты и пути обхода соответствующих ограничений, что закономерно станет очередным препятствием на пути корректной квалификации преступлений, отграничения их друг от друга и других девиантных действий, а также восстановления социальной справедливости и в целом решения задач правосудия [14]. В свою очередь решение подобных технико-юридических проблем, характеризующихся очевидными правовыми пробелами, представляется возможным лишь законодательным путем, посредством интерпретации терминологии, используемой в соответствующих отраслевых нормативных актах.

Возвращаясь к рассматриваемому уголовному делу, следует отметить, что определенные проблемы вызывало и применение института соучастия, поскольку помимо непосредственно медицинского персонала те или иные функции, связанные с обеспечением функционирования преступной схемы, осознанно и намеренно либо «автоматически» выполняли поставщики оборудования/медикаментов, диагностические лаборатории, аптеки и т. д., которые могли быть лишь косвенно вовлечены в процесс содействия незаконной деятельности, умело замаскированной под правомерную, в т. ч. и за счет отсутствия строгого аудита в период распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Законодательство США относительно реализации федеральных программ *Medicare* и *Medicaid* устанавливает ответственность за фальсификацию данных, однако использование «прокладок» (компаний, участвующих в движении финансовых потоков) выступило серьезным препятствием в вопросах установления вины и роли каждого субъекта. Квалификация противоправного характера соответствующих действий реализовывалась за счет применения положений *Anti-Kickback Statute*, предусматривающего уголовное преследование для тех, кто умышленно предлагает, получает или выплачивает комиссионное вознаграждение в обмен за направление к ним пациентов для обследования или приобретения медикаментов согласно выписанному рецепту[10].

Данные нормы, на наш взгляд, имеют весьма серьезный превентивный потенциал и наряду с этим позволяют избежать процедуры поиска соответствующей статьи, например, в том же УК РФ[11], выбор которой весьма ограничен и не столь однозначен, а также в значительной степени зависит от возможности установления статуса специального субъекта у виновного лица. Так, например, до кассационной инстанции дошло многоэпизодное дело по обвинению Ю. в фальсификации цифровых данных, составляющих врачебную тайну. Сторона защиты

[9] 18 U.S. Code § 1347 – Health care fraud / LII : Legal Information Institute : [website]. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1347 (дата обращения: 19.11.2023) ; The False Claims Act // Criminal Division : U.S. Department of Justice : [website]. URL: https://www.justice.gov/civil/false-claims-act (дата обращения: 19.11.2023).

[10] 42 U.S. Code § 1320a–7b – Criminal penalties for acts involving Federal health care programs / LII : Legal Information Institute : [website]. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1347 (дата обращения: 19.11.2023).

[11] СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

апеллировала к тому, что при совершении указанных преступлений не выполнял организационно-распорядительные функции и не являлся должностным лицом. Вопреки указанным доводам, действия Ю. по внесению заведомо ложных и недостоверных сведений в электронные медицинские карты пациентов, у которых ранее было диагностировано заболевание новой коронавирусной инфекцией COVID-19, и предоставлению списка этих людей персоналу ГБУЗ РБ Дюртюлинская ЦРБ, закрепленному за соответствующим направлением, с целью получения специальных социальных выплат, находятся за рамками сугубо профессиональных обязанностей и являются юридически значимыми, порождающими правовые последствия в виде получения осужденным бюджетных денежных средств[12].

С учетом такого рода правоприменительных проблем представляется целесообразным исследование вопроса о возможности криминализации девиантного поведения, выражающегося в неоправданном расходовании бюджетных средств за счет назначения объективно необоснованных медицинских процедур и рецептов на соответствующие препараты и оборудование, в т. ч. сопряженного с получением комиссионного вознаграждения (отката) от заинтересованного субъекта, к которому был направлен пациент.

В то же время нельзя не обратить внимания, что *в подобного рода случаях речь не всегда ведется исключительно о нарушении конституционного права личности на неприкосновенность частной жизни в совокупности с хищением бюджетных средств, поскольку жизнь и здоровье также нередко выступают дополнительными объектами посягательства*, особенно когда пациентов подвергают ненужным инвазивным тестам и радиологическим исследованиям[13].

С другой стороны, роботизированные системы, такие как программно-аппаратный комплекс *Da Vinci*, используются в сложных операциях и оказывают содействие в реализации задач хирургического профиля, но ошибки в их программировании или управлении могут привести к серьезным общественно опасным последствиям. В судебной практике часто возникает вопрос о разграничении ответственности между разработчиками, обслуживающим персоналом, операторами, администрацией и непосредственно самими врачами. В целях обеспечения превентивного воздействия на подобного рода случаи создана международная база данных неисправных медицинских устройств (IMDD), которая фиксирует случаи отзыва устройств, связанных с их дефектами, в разных странах[14]. Аналогичного рода функции в России на основании приказа Росздравнадзора от 20 мая 2021 г. № 4513[15] выполняет Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения, которая осуществляет мониторинг безопасности соответствующих изделий при их применении в здравоохранении[16].

Искусственный интеллект в диагностике, например, в анализе рентгенологических снимков, позволяет значительно сократить время постановки диагноза. Однако ошибки алгоритмов соответствующего программного обеспечения, такие как пропуск острой декомпенсации в состоянии здоровья пациента или ложноположительные результаты, создают риски для безопасности граждан. При этом стоит учитывать, что указанные инновации в действительности хороши ровно настолько, насколько качественны сами данные, заложенные в основу их самообучения, т. е если соответствующая информация носит предвзятый, субъективный, либо недостаточно репрезентативный характер, то результативность работы конкретной системы будет иметь значительные погрешности при возникновении нетипичных ситуаций [15]. С учетом этого вполне закономерно, что в гуманитарной доктрине критикуется категория «самообучение», поскольку, как отмечают исследователи, «в машину загружаются заранее заданные алгоритмы и критерии эффективности решения соответствующих задач, которые позволяют ей оценить „правильность" своих действий и их корректировать в пределах предоставленных полномочий» [16, с. 31].

---

[12] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 1 марта 2024 г. № 77-920/2024 // Правовой сервер КонсультантПлюс : [электронное издание]. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ006&n=147045&rnd=GKtzKg (дата обращения: 19.11.2023).

[13] The people of the State New York v Payam Toobian : Supreme Court of the State New York. 2022. 6 Jul. // New York State Office of the Attorney General : [website]. URL: https://ru.ag.ny.gov/sites/default/files/certified_copy_of_ind._no._688-2022_redacted.pdf (дата обращения: 19.11.2023).

[14] Díaz-Struck E. New Database Tracks Faulty Medical Devices Across the Globe // The International Consortium of Investigative Journalists : [website]. URL: https://www.icij.org/investigations/implant-files/new-database-tracks-faulty-medical-devices-across-the-globe/ (дата обращения: 19.11.2023).

[15] Об утверждении классификации неблагоприятных событий, связанных с обращением медицинских изделий : приказ Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения от 20 мая 2021 г. № 4513 (зарег. в Минюсте России 10.06.2021, № 63826) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5600202206100006 (дата обращения: 19.11.2023).

[16] Об утверждении Порядка осуществления мониторинга безопасности медицинских изделий : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 15 сентября 2020 г. № 980н (зарег. в Минюсте России 02.11.2020, № 60697) // Там же. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011020039 (дата обращения: 19.11.2023).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Заключение

Таким образом представляется возможным вести речь о дифференциации ключевых вариантов наступления неблагоприятных последствий для пациента:

– *халатность врача*, если тот не перепроверил результат и/или не контролировал процесс его подготовки;

– *техническая неисправность*, если сбой произошел из-за ошибки в операционной системы;

– *производственный дефект*, если базовый алгоритм изначально сформирован на некорректных данных.

Данная классификация формирует определенные ориентиры и в части установления роли и вины лиц, задействованных в применении искусственного интеллекта, отграничивая зоны ответственности разработчиков, обслуживающего и медицинского персонала. Тем не менее, в контексте использования инновационных технологий в сфере здравоохранения основополагающая роль по-прежнему остается за лечащим врачом, поскольку именно он обладает необходимыми квалификацией, опытом и информацией о состоянии здоровья пациента, позволяющими ему координировать курс лечения и прогнозировать перспективы его реализации в режиме реального времени.

Список источников

1. *Черных Е. Е.* Оценка современных криминогенных рисков в сфере инновационной медицины // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4 (91). С. 313–319. https://doi.org/10.24412/1999-625X-2023-491-313-319

2. *Черных Е. Е.* Коррупционные риски в сфере здравоохранения // Законность и правопорядок. 2022. № 3 (35). С. 67–70.

3. *Черных Е. Е.* Риски правореализации в сфере трансплантологии // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 4. С. 55–58. https: //doi.org/10.34076/22196838_2021_4_55

4. *Черных Е. Е.* Цифровая медицина: риски правореализации инноваций в сфере здравоохранения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4 (52). С. 84–94. https://doi.org /10.36511/2078-5356-2020-4-84-94

5. *Черных Е. Е.* Ответственность за «неблагоприятные последствия» в сфере медицины: теория, техника, практика // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 94–104.

6. *Черных Е. Е.* Основные направления стратегий развития искусственного интеллекта в медицине: гонка за первенство и правовые риски // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 74–77.

7. *Морхат П. М.* К вопросу о специфике правового регулирования искусственного интеллекта и о некоторых правовых проблемах его применения в отдельных сферах // Закон и право. 2018. № 6. С. 63–67. https://doi.org /10.24411/2073-3313-2018-10015

8. *Кобякова О. С., Кадыров Ф. Н.* Проблемы развития телемедицинских технологий в России сквозь призму зарубежного опыта // Национальное здравоохранение. 2021. № 2 (2). С. 13–20. https://doi.org/10.47093/2713-069X.2021.2.2.13-20

9. *Малина М. А.* Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. 2022. № 1. С. 91–97.

10. *Шутова А. А.* Применение технологий искусственного интеллекта в сфере здравоохранения: уголовно-правовые девиации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № (3). С. 92–100. https://doi.org/10.47475/2311-696X-2023-38-3-92-100

11. *Шутова А. А.* Особенности квалификации преступлений, совершаемых лицами, использующими технологии искусственного интеллекта в здравоохранении. Lex russica. 2023. Т. 76. № 12. С. 113–123. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.205.12.113-123

12. *Малина М. А.* Мировая юстиция и искусственный интеллект // Мировой судья. 2021. № 4. С. 17–21. https://doi.org/10.18572/2072-4152-2021-4-17-21

13. *Диагноз в эпоху цифровой медицины* / Шадеркин И. А., Лебедев Г. С., Фомина И. В., Федоров И. А. [и др.] // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2024. № 10 (1). С. 7–32. https://doi.org/10.29188/2712-9217-2024-10-1-7-32

14. *Шадеркин И. А.* Можно ли поставить диагноз дистанционно // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2022. № 8 (1). С. 69–79. https://doi.org/10.29188/2712-9217-2022-8-1-69-79

15. *Agarwal R. [et al.].* Addressing algorithmic bias and the perpetuation of health inequities: an AI bias aware framework // Health Policy and Technology. 2023. Vol. 12. No 1. P. 100702. https://doi.org/10.1016/j.hlpt.2022.100702

16. *Малина М. А.* Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. 2021. № 2. С. 29–32. https://doi.org/10.18572/1812-3783-2021-2-29-32

Научная статья
УДК 343.13

Особенности нормативной регламентации и практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в рамках досудебного производства

Никита Александрович Шатов, адъюнкт

Уральский юридический институт МВД России
Екатеринбург (620057, ул. Корепина, д. 66) Российская Федерация
nnshatov@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0001-0836-4621

Аннотация:
Введение. *Заключение под стражу, являясь по характеру накладываемых ограничений самой строгой мерой пресечения, требует в связи с этим тщательной правовой регламентации, исключающей возможность двоякого толкования уголовно-процессуальных норм и неоднородной судебной практики ее избрания и применения. В данной статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с избранием и применением заключения под стражу в рамках досудебного производства при расследовании уголовных дел в форме дознания, а также в отношении обвиняемых (подозреваемых), наделенных иммунитетом от уголовного преследования. Заявлена проблема необходимости совершенствования уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок избрания данной меры пресечения в отношении несовершеннолетних с учетом последних изменений ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).*
Методы. *В ходе исследования использовались общенаучные методы познания, такие как анализ, дедукция, аналогия, системно-структурный метод, а также частно-научные: формально-юридический и сравнительно-правовой метод.*
Результаты. *По итогам исследования были сделаны предложения по внесению изменений в разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации в части установления срока заключения под стражу подозреваемых, уголовное дело в отношении которых расследуется в форме дознания. Также было предложен путь устранения юридической коллизии, касающейся порядка избрания заключения под стражу в отношении лиц, имеющих иммунитет от уголовного преследования. Разработан перечень исключительных случаев, учитываемых судом при избрании заключения под стражу несовершеннолетним, совершившим преступления средней тяжести, в условиях последних изменений ст. 108 УПК РФ, а также сделаны выводы о несостоятельности полной замены данной меры пресечения на альтернативные.*

Ключевые слова:
меры пресечения, судебный порядок избрания мер пресечения, заключение под стражу, дознание, подозреваемый, иммунитет от уголовного преследования

Для цитирования:
Шатов Н. А. Особенности нормативной регламентации и практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в рамках досудебного производства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 190–200.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Статья заняла II место в международном конкурсе адъюнктов и аспирантов на лучшую научную статью 2025 года, проведенном Санкт-Петербургским университетом МВД России.

Original article

Features of normative regulation and practice of choosing preventive measures in the form of detention during pre-trial proceeding

Nikita A. Shatov, Postgraduate

Ural Law Institute of the MIA of Russia
66, Korepina str., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation
nnshatov@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0001-0836-4621

© Шатов Н. А., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Abstract:
Introduction. *Detention is the most restrictive preventive-imposed measure. Consequently, it is subject to careful legal regulation. The aim of this regulation is to prevent any ambiguity in the interpretation of criminal procedure rules, and inconsistent judicial practice regarding its selection and application. The present article explores certain issues of the selection and application of detention in pre-trial proceedings during criminal investigations, particularly in the context of inquiry, as well as in relation to the accused (suspects) who possess immunity from criminal prosecution. The issue of the necessity to enhance the criminal procedural norms governing the procedure of imposing this preventive measure on minors has come to the forefront due to recent amendments to Article 108 Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter the CPC RF).*
Methods. *General scientific methods of cognition, such as analysis, deduction, analogy, the systemic-structural method, as well as private scientific methods: the formal-legal and comparative-legal methods were used in this study.*
The results. *The results of the study laid the groundwork for recommendations to revise and amend the explanations issued by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation concerning the determination of the detention period for suspects whose criminal cases are in the form of inquiry. In addition, a proposal was made for the resolution of the legal dispute concerning the procedure for the imposition of detention on persons who are immune from criminal prosecution. In response to recent amendments to the Article 108 Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a list of exceptional cases that are taken into account by the court when determining the detention of minors who have committed crimes of medium gravity has been developed. It has been conclusively determined that the complete substitution of this preventive measure with alternative measures is not feasible.*

Keywords:
preventive measures, judicial procedure of choosing preventive measures, detention, inquiry, suspect, immunity from criminal prosecution

For citation:
Shatov N. A. Features of normative regulation and practice of choosing preventive measures in the form of detention during pre-trial proceeding // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 190–200.

The article was submitted March 24, 2025; approved after reviewing September 29, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

The article was awarded second place in an international competition for adjuncts and postgraduates for the best scientific article of 2025, held by Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

Введение

Принуждение, являющееся неотъемлемой частью уголовно-процессуального права, представляет собой совокупность мер, применяемых при производстве по уголовным делам к различным участникам судопроизводства против их воли [1, с. 124]. Данный правовой институт позволяет органам предварительного расследования и суду максимально быстро и эффективно осуществлять свою деятельность, не допуская при этом совершения другими участниками правоотношений действий, препятствующих производству по делу. Применение правовых норм института мер уголовно-процессуального принуждения характерно для большинства стадий уголовного процесса. В связи с тем, что их использование предполагает ограничение в той или иной мере прав и свобод человека, необходимо особо тщательно подходить к вопросу, связанному с законностью и обоснованностью их применения.

Институт мер пресечения обслуживает центральное, основное производство в уголовном процессе – расследование и судебное разбирательство уголовного дела [2, с. 136]. Именно поэтому особое внимание в контексте обеспечения защиты прав и свобод обвиняемых (подозреваемых) по уголовным делам среди мер уголовно-процессуального принуждения следует уделять мерам пресечения, а именно, заключению под стражу, выступающему самой строгой из них по характеру и степени накладываемых ограничений и в связи с этим требующей самой подробной законодательной регламентации.

Особое положение заключения под стражу в части накладываемых ограничений подчеркивает и Конституционный Суд Российской Федерации, утверждая в одном из своих постановлений, что правовое положение лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления и заключенных при этом под стражу, значительно отличается от правового положения осужденных к лишению свободы в худшую сторону[1]. Также Конституционным Судом Российской Федерации было справедливо отмечено, что применение заключения под стражу может быть оправдано, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей[2].

[1] По делу о проверке конституционности статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статей 17 и 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и пунктов 139 - 143 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы в связи с жалобой гражданина Е. В. Парамонова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2020 г. № 50-П // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2021. № 1 (ч. II). Ст. 290.

[2] По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П // СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7552.

Поиск правоприменительными органами баланса между охраной публичных интересов участников уголовного судопроизводства от неправомерного воздействия обвиняемого (подозреваемого), недопущения иных негативных для процесса расследования последствий и защитой важнейших конституционных прав лица, в отношении которого данная мера пресечения избирается, является важнейшим фактором, необходимым для ее законного избрания.

Цель исследования: рассмотрение особенностей нормативной регламентации и практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на досудебных стадиях производства по уголовным делам. В связи с этим необходимо решить следующие задачи:

1) проанализировать вопросы, связанные с порядком избрания и применения заключения под стражу при производстве дознания, а именно, с определением правовой природы механизма предъявления обвинения в данной форме предварительного расследования, сроками действия данной меры пресечения и разъяснениями процессуального порядка ее применения;

2) рассмотреть юридические коллизии и пробелы в праве в области избрания заключения под стражу отдельных категорий лиц, наделенных иммунитетом от уголовного преследования, и разработать пути их разрешения;

3) исследовать проблему отсутствия в законе исключительных случаев, при наличии которых допускается возможность избрания и применения вышеуказанной меры пресечения в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление средней тяжести с применением насилия или угрозой его применения.

Методы

В исследовании применен комплекс взаимодополняющих методов. Общенаучные методы познания использованы системно: при помощи анализа выявлены структурные противоречия в нормативной регламентации. С помощью дедукции выведены коллизии из общих принципов уголовного судопроизводства и положений иных нормативных правовых актов. Аналогия использована с целью сопоставления процедуры избрания заключения под стражу при расследовании уголовных дел в форме дознания и следствия. Благодаря системно-структурному методу определены иерархические конфликты в правовом регулировании.

Из числа частнонаучных методов применены следующие: формально-юридический позволил интерпретировать нормы ст. 100, 108, 109, 224, 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[3] (далее – УПК РФ) и позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Благодаря использованию сравнительно-правового метода выявлены различия в регламентации особенностей избрания заключения под стражу в отношении отдельных категорий лиц и общем порядке применения данной меры пресечения.

Эмпирическая составляющая включает анализ судебной практики (30 апелляционных постановлений 2023–2024 гг.), что позволило зафиксировать неоднородность правоприменительной практики. Синтез перечисленных методов обеспечил комплексный подход к изучению процессуальных пробелов и коллизий.

Результаты

Особенности порядка избрания и применения заключения под стражу при расследовании уголовных дел в форме дознания

Одной из особенностей организации такой стадии уголовного судопроизводства, как предварительное расследование, являются две его формы: предварительное следствие и дознание. Несмотря на некоторые различия в производстве отдельных процессуальных действий, эти формы во многом схожи и направлены на решение тождественных задач. Одной из отличительных черт дознания является отсутствие по общему правилу процессуальной фигуры обвиняемого вплоть до момента составления должностным лицом, осуществляющим расследование, обвинительного акта (постановления).

Вместе с этим в соответствии с ч. 1 ст. 100 УПК РФ избрание меры пресечения в отношении подозреваемого допускается на срок не более 10 суток с момента применения меры пресечения либо с момента задержания. После истечения указанного срока мера пресечения должна быть немедленно отменена. В ходе расследования уголовных дел в форме предварительного следствия действие данной нормы вопросов практически не вызывает, поскольку в ней обвиняемый в качестве процессуального участника появляется непосредственно после предъявления

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

следователем обвинения подозреваемому. После этого производство по уголовному делу продолжается, а мера пресечения, избранная ранее, продолжает действовать. Таким образом, по уголовным делам, расследуемыми органами предварительного следствия, мера пресечения избирается судом на весь период расследования с учетом того, что следователь в установленный законом срок предъявит подозреваемому обвинение.

В то же время анализ порядка избрания меры пресечения по уголовным делам, расследуемым в форме дознания, выявляет вопросы, требующие теоретической проработки и законодательного разрешения. Поскольку в дознании институт предъявления обвинения не предусмотрен и подозреваемый является таковым на протяжении всего активного периода расследования, остается неясным, на какой срок необходимо избирать меру пресечения в виде заключения под стражу: на 10 суток или на весь срок предварительного расследования в форме дознания.

Один из подходов к решению данного вопроса предполагает буквальное толкование положений ч. 1 ст. 100 УПК РФ[4]: при производстве дознания заключать под стражу подозреваемого допустимо на срок до 10 суток. Несмотря на то, что данная позиция представляет большой интерес с точки зрения соблюдения прав и свобод подозреваемых по уголовным делам, она все же вызывает ряд важных для теории и практики уголовного процесса вопросов. Начать следует с того, что вышеуказанный подход вызывает системные противоречия между механизмами применения меры пресечения при производстве предварительного следствия и дознания. Если для предварительного следствия институт мер пресечения позволяет обеспечить беспрепятственный процесс производства по уголовному делу, ограничивая в той или иной степени права и свободы обвиняемого (подозреваемого) на протяжении всего периода расследования, то в дознании согласно данному подходу у лица исключается возможность негативно влиять на ход работы органов предварительного расследования или скрыться от них только на 10 суток, а в дальнейшем столь важный механизм контроля за поведением привлекаемого к уголовной ответственности лица утрачивается.

Особое внимание необходимо обратить на нормы ст. 224 УПК РФ, в которой законодатель устанавливает процедуру предъявления обвинения дознавателем подозреваемому, если по истечении 10 суток не был составлен обвинительный акт. Следует отметить, что институт предъявления обвинения для дознания является нетипичным и даже в какой-то степени исключительным и применяется лишь в вышеуказанном случае. Одной из основных особенностей дознания является отсутствие процессуальной фигуры обвиняемого до момента составления итогового документа данной стадии – обвинительного акта или обвинительного постановления. По замыслу законодателя, дознание создано как форма предварительного расследования для производства по уголовным делам, которые не составляют особой сложности, в более короткие сроки и с отсутствием ряда процессуальных действий, которые обязательны для предварительного следствия. Данные особенности этой формы расследования сконструированы законодателем для процессуальной экономии, для максимально быстрого расследования преступлений, поэтому институт предъявления обвинения в дознании по общему правилу не применяется, т. к. законодатель посчитал его избыточным с точки зрения фиксации правового статуса привлекаемого к уголовной ответственности лица. Иными словами, законодатель исходит из того, что при производстве дознания преступления в целом носят очевидный характер, доказательства собираются в полном объеме в относительно сжатый срок, и тот объем уголовного преследования, который формулируется в отношении подозреваемого, является окончательным, что делает излишней процедуру привлечения данного лица в качестве обвиняемого. В то же время законом предусмотрена возможность предъявления обвинения в данной форме расследования при необходимости заключения подозреваемого под стражу на срок более, чем на 10 суток. Однако, как верно отмечает В. Е. Санкин, «фактически законодатель обязывает дознавателя уже в момент избрания подозреваемым меры пресечения определить, сможет ли дознаватель в течение 10 дней получить достаточные доказательства для подготовки обвинительного акта» [3, с. 119].

Предварительное расследование вне зависимости от формы, в которой оно осуществляется, имеет общую цель, задачи и систему процессуальных действий. В связи с этим предполагается, что и механизм применения мер уголовно-процессуального принуждения, в частности, мер пресечения, должен быть унифицирован. Необходимо согласиться с позицией Х. Ф. Гараева, полагающего, что при производстве дознания срок заключения под стражу должен составлять 30 суток [4, с. 74]. Действительно, в тех случаях, когда дознаватель ходатайствует об избрании заключения под стражу подозреваемому, суду необходимо избирать данную меру пресечения на весь срок расследования, как это реализуется при производстве предварительного следствия.

[4] СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Однако судами еще не выработан однозначный подход к урегулированию данного вопроса. Решения судов можно разделить на две группы. В одной из них заключение под стражу избирается на срок 30 суток, т.е. на весь срок расследования уголовных дел в форме дознания[5]. В другой категории судебных решений данная мера пресечения избирается на два месяца, как это осуществляется при производстве предварительного следствия[6]. Представляется, что основной причиной появления рассогласованности судебной практики является буквальное толкование нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 109 УПК РФ[7]. Кроме того, еще одним условием видится использование судьями уголовно-процессуальных норм при рассмотрении ходатайства дознавателя аналогично тому, как это осуществляется в предварительном следствии, при производстве в рамках которого данная мера уголовно-процессуального принуждения избирается на два месяца. Таким образом, на практике складываются ситуации, при которых заключение под стражу по ходатайству дознавателя избирается судом на срок, в два раза превышающий общий срок расследования по уголовному делу, что определенно требует корректировки.

По нашему мнению, решение данного вопроса заключается в унификации правоприменительной практики путем установления запрета на избрание данной меры пресечения на срок, превышающий срок расследования уголовного дела в форме дознания, поскольку это может повлечь некоторые неблагоприятные последствия. Во-первых, заключение под стражу лица на два месяца не обязывает дознавателя повторно обращаться в суд с ходатайством о продлении действия данной меры пресечения перед окончанием общего срока расследования уголовного дела. В соответствии с ч. 3 ст. 108 УПК РФ в ходатайстве должностного лица, осуществляющего расследование по уголовному делу, о продлении срока заключения под стражей должны быть указаны основания и мотивы необходимости принятия судом данного решения. В связи с тем, что изначально мера пресечения была избрана на срок, превышающий срок расследования, дознаватель от продления действия данной меры пресечения и, в частности, необходимости обоснования своего ходатайства перед судом освобождается. А. Б. Судницын справедливо отмечает, что для продления срока содержания под стражей требуется дополнительно обосновать, что фактические данные, подтверждающие основания избрания меры пресечения, продолжают оставаться существенными [5, с. 128].

Во-вторых, представляется, что данные судебные решения нарушают права и свободы подозреваемых по уголовным делам ввиду назначения срока изоляции их от общества в специализированном помещении на срок, превышающий длительность расследования.

Как замечает В. Ю. Стельмах, «по смыслу закона, срок действия меры пресечения не может быть длительнее срока предварительного расследования, то есть, для дознания - 30 суток» [6, с. 59]. В разъяснениях Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации указывается, что данную меру пресечения недопустимо избирать на срок, превышающий срок расследования по уголовному делу.

Отдельно следует остановиться на особенностях процедуры предъявления обвинения. Видится, что она должна быть идентична той, которая предусмотрена при производстве предварительного следствия, с соблюдением положений главы 23 УПК РФ без каких-либо изъятий или дополнений. Как правило, в практической деятельности суды принимают решение избрать заключение под стражу на весь срок предварительного следствия. Данные обстоятельства заранее предопределяют то, что уполномоченным должностным лицом процедура предъявления обвинения будет проведена в установленный законом срок (10 суток). Так, если судом было избрано заключение под стражу подозреваемому сроком на два месяца, то в случае предъявления следователем обвинения в установленный законом срок данная мера пресечения продолжит свое действие до конца срока расследования, несмотря на новый процессуальный статус лица.

Следует отметить, что практика идет именно этим путем, и следователь вновь не ходатайствует перед судом об избрании меры пресечения после проведения им процедуры предъявления обвинения.

[5] Апелляционное постановление Калининградского областного суда от 22 декабря 2023 г. по делу № 3/2-198/2023 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/CRFXsckRPEVa/ (дата обращения: 19.01.2025) ; Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 17 декабря 2023 г. № 22К-3719/2023 по делу № 3/2-90/2023 // Там же. https://sudact.ru/regular/doc/iCvehl70dhZ4/ (дата обращения: 19.01.2025) ; Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 16 декабря 2023 г. № 22К-2336/2023 по делу № 3/1-98/2023 // Там же. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 19.01.2025).

[6] Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 16 января 2024 г. № 22К-200/2024 // Там же. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.01.2025) ; Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 22 февраля 2024 г. № 22К-273/2024 по делу № 3/2-3/2024 // Там же. URL: https://sudact.ru/regular/doc/VuqvFYisT76p/ (дата обращения: 20.01.2025) ; Апелляционное постановление Камчатского краевого суда от 28 февраля 2024 г. № 22К-191/2024 по делу № 3/2-8/2024 // Там же. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Rvvv3OQiw66W/ (дата обращения: 20.01.2025).

[7] СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Видится, что по идентичному принципу должен работать механизм избрания заключения под стражу подозреваемому при производстве дознания. После процедуры предъявления обвинения заключение под стражу должно продолжать действовать «автоматически», без необходимости повторного составления дознавателем ходатайства перед судом об избрании данной меры пресечения.

Поскольку заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения, предполагающей наложение комплекса ограничений, в т. числе ограничения права на свободу, она должна быть наиболее тщательно регламентирована с целью недопущения незаконного и необоснованного ее применения. Так как подозреваемый для органов предварительного расследования еще не является лицом, в виновности которого есть полная уверенность, ввиду, например, недостаточного объема доказательств, то и заключение под стражу, как и иные меры пресечения, допустимо применять к данному лицу лишь на срок до 10 суток, тогда как обвиняемый может находиться под стражей более длительное время. Представляется, что именно по этой причине законодателем разработан правовой механизм, в соответствии с которым следователь (дознаватель) обязан по истечении 10-суточного срока предъявить лицу обвинение.

Таким образом, существующий законодательный механизм избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого при производстве дознания является оптимальным и не требующим изменений. Несмотря на это, видится необходимой разработка теоретических положений, разъясняющих его применение с целью формирования единой практики и, как следствие, соблюдения прав и свобод подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам.

Заключение под стражу отдельных категорий лиц, наделенных иммунитетом от уголовного преследования

Системное исследование уголовно-процессуального закона и иных нормативных правовых актов позволяет выявить и другие правовые пробелы и коллизии, допущенные законодателем при регламентации порядка заключения под стражу лиц, обладающих иммунитетом от уголовного преследования. Для нас интерес представляют лица, речь о которых идет в ч. 2–4 ст. 450 УПК РФ[8], а именно, судьи Конституционного Суда Российской Федерации и иных судов, сенаторы Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

Наделение законодателем лиц данной категории иммунитетом от применения в отношении них меры пресечения в виде заключения под стражу непосредственно связано с особенностями их профессиональной деятельности. Данная «процессуальная привилегия» необходима для защиты от незаконного и необоснованного избрания меры уголовно-процессуального принуждения и, как следствие, бесперебойной деятельности государственных органов и структур, к которым они относятся.

Анализ нормативно установленного порядка избрания заключения под стражу в отношении указанной группы субъектов позволяет сделать вывод о наличии системных противоречий, нуждающихся в законодательной корректировке. В частности, как следует из положений ст. 450 УПК РФ, исполнению судебных актов об избрании данной меры пресечения в отношении указанных категорий лиц предшествует получение предварительного санкционирования со стороны соответствующих государственных органов. Указанный механизм, будучи формой реализации процессуальных иммунитетов, порождает дискуссионные вопросы правоприменительного характера.

Таким образом, буквальное толкование закона позволяет сделать вывод о существовании следующего порядка процессуальных действий: следователь обращается в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, суд выносит постановление, однако исполнять его не допускается до тех пор, пока не будет получено согласие от соответствующего компетентного органа. Это вступает в прямое разногласие с нормой, содержащейся в ч. 1 ст. 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», которая предусматривают обязательность исполнения судебных решения всеми без исключения органами государственной власти, должностными и физическими лицами[9]. Таким образом, налицо противоречие норм закона (УПК РФ[10]) и Федерального конституционного закона. Данную юридическую коллизию избрания заключения под стражу предлагается устранить,

[8] СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

[9] О судебной системе Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

[10] СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

изменив порядок процессуальных действий. Представляется, что в первую очередь органам предварительного расследования необходимо получать разрешение на избрание данной меры пресечения, после чего уже обращаться с ходатайством в суд.

Следует отметить, что на практике государственные органы придерживаются именно данного подхода. Так, бывший сенатор Российской Федерации Д. В. Савельев 2 августа 2024 г. был лишен неприкосновенности решением Совета Федерации по представлению Генерального прокурора Российской Федерации[11], и только после этого был задержан и доставлен в Басманный районный суд г. Москвы, где ему была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Анализ порядка избрания заключения под стражу в отношении данной категории выявляет еще одну проблему, требующую законодательного разрешения – отсутствие закрепления единого срока, в течение которого соответствующим государственным органам необходимо дать согласие органам предварительного расследования и суду на применение мер уголовно-процессуального принуждения в отношении лиц, наделенных иммунитетом.

Так, Советом Федерации вопрос о лишении сенатора Российской Федерации неприкосновенности рассматривается на очередном заседании данной палаты[12]. В то же время Государственная Дума подобное решение принимает на ближайшем пленарном заседании по истечении семи дней со дня внесения представления[13].

Таким образом, нормативными документами, регламентирующими деятельность данных государственных органов, не предусмотрен конкретный срок дачи согласия на лишение неприкосновенности и, в частности, на возможность заключения вышеуказанных лиц под стражу. Отсутствие законодательно закрепленной обязанности предоставления разрешения на возможность применения меры пресечения в четко определенный срок может негативно сказаться на процессе расследования уголовного дела. Например, лицо может скрыться от органов расследования, оказать воздействие на свидетелей, потерпевших или иным образом воспрепятствовать деятельности правоохранительных органов.

Решение видится в закреплении в нормах ст. 450 УПК РФ строго определенного срока, в течение которого уполномоченные органы обязаны принять решение о даче согласия органам расследования и суду на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу.

Процессуальные проблемы избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних

Особый интерес вызывают особенности избрания заключения под стражу в отношении несовершеннолетних. Сложности, связанные с применением данной меры пресечения к несовершеннолетним, обусловлены неоднозначностью ситуаций, в которых они оказываются. Так, с одной стороны, требуется оградить несовершеннолетнего от неблагоприятного воздействия, оказываемого процессом расследования по уголовному делу, не допустить попадания его в психотравмирующую обстановку, защитить его права и свободы. С другой стороны, в целях охраны публичных интересов, решения задач уголовного судопроизводства и обеспечения беспрепятственного расследования по уголовному делу в отдельных случаях возникает необходимость применять к несовершеннолетнему меру пресечения, в частности, заключение под стражу.

Несмотря на большое количество научных исследований и детальную теоретическую разработанность данной тематики, ряд проблем в данной правовой области еще требуют разрешения.

Правовая основа заключения под стражу с момента принятия УПК РФ претерпела немало изменений. В целом нормы, регулирующие порядок избрания и применения данной меры пресечения, являются одними из самых «подвижных» в уголовно-процессуальном законодательстве [7, с. 134]. Тенденция развития института мер пресечения, как отмечает О. И. Цоколова, определена стремлением государства снизить ограничения прав и свобод подозреваемых и обвиняемых, а также расширением мер пресечения, не связанных с заключением под стражу [8, с. 27].

[11] О лишении неприкосновенности сенатора Российской Федерации Савельева Дмитрия Владимировича и даче согласия на его задержание, привлечение в качестве обвиняемого, производство обыска в местах его жительства, работы и в помещении его общественной приемной, применение меры пресечения в виде заключения под стражу: постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 2 августа 2024 г. № 375-СФ // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. II). Ст. 5143.

[12] О регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ (ред. от 17.07.2024) // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 635.

[13] О регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (ред. от 23.07.2024) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

В феврале 2025 года законодатель внес изменения в ст. 108 УПК РФ[14], регулирующую избрание меры пресечения в виде заключения под стражу.

В пояснительной записке к законопроекту «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу)» отмечается, что он разработан в целях гуманизации законодательства путем ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу, а также для исключения случаев содержания под стражей лиц, не представляющих большой общественной опасности, когда они не препятствуют предварительному расследованию и рассмотрению уголовного дела[15].

К. В. Муравьев охарактеризовал направление государственной политики в этом отношении следующим образом: «Государство осуществляет политику в сторону модели „надлежащей правовой процедуры", приоритетом которой является защита индивидуальных прав и свобод, предоставление максимального числа гарантий лицу, защищающемуся от уголовного преследования» [9, с. 10].

О. В. Качалова полагает, что выбор государством такого вектора реформирования института мер пресечения продиктован изменением общественного сознания по пониманию значимости личной свободы и недопустимости ее необоснованного ограничения [10, с. 46].

Для того чтобы сделать выводы о целесообразности указанных в пояснительной записке задачах законопроекта, необходимо провести сравнительно-правовой анализ норм, регулирующих порядок избрания меры пресечения под стражу в отношении лиц, не достигших 18 лет.

Прежде всего начать следует с особенностей избрания заключения под стражу несовершеннолетних, обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений средней тяжести. Положения закона в этом отношении подверглись значительным видоизменениям. Если ранее законодатель указывал, что в таких случаях заключение под стражу избирается в исключительных случаях, которые не были конкретизированы ни в законе, ни в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, то в настоящее время подход к регулированию данного вопроса изменился. Теперь следователю (дознавателю), а также суду необходимо определить не только категорию преступления, к совершению которого причастен совершеннолетний (преступления средней тяжести), но также установить факт применения им насилия либо угрозы его применения. Кроме того, обязательным стало наличие одного из следующих обстоятельств:

а) подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации;

б) его личность не установлена;

в) им нарушена ранее избранная мера пресечения;

г) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Таким образом, в настоящее время порядок избрания данной меры пресечения стал более тщательно регламентирован в связи с появлением необходимости установления органами предварительного расследования и судом дополнительных обстоятельств. Безусловно, данные изменения направлены на снижение количества случаев заключения под стражу несовершеннолетних и вполне соответствуют вектору гуманизации института мер пресечения и уголовного судопроизводства в целом. Однако следует отметить, что законодатель по-прежнему не отказался от формулировки «в исключительных случаях», добавив к ним лишь ряд новых оснований и условий.

Ранее ученые-процессуалисты, говоря об отсутствии перечня исключительных случаев, необходимых для избрания несовершеннолетнему меры пресечения в виде заключения под стражу, придерживались различных позиций. Д. С. Зайцев [11, с. 82], Т. Г. Залунина [12, с. 66], И. А. Макаренко [13, с. 86] отмечали, что под исключительными случаями, учитываемыми судом при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу при совершении ими преступления средней тяжести, необходимо понимать обстоятельства, указанные ранее в ч. 1 ст. 108 УПК РФ[16]. Иной позиции придерживаются С. В. Медведва, М. А. Ментюкова, А. М. Попов, полагая, что обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 108 УПК РФ, учитывать в качестве исключительных случаев для решения вопроса об избрании заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступления средней тяжести, недопустимо [14, с. 323].

[14] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 9. Ст. 842.

[15] Пояснительная записка к проекту № 301930-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу)» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») : [официальный сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/301930-8 (дата обращения: 20.06.2025).

[16] СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Следует отметить, что законодатель пошел по пути закрепления необходимости установления следователем (дознавателем) и судом хотя бы одного из обстоятельств, которые ранее были указаны в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ[17] как обязательные для принятия соответствующего решения, хотя ранее они распространяли свое действие исключительно на случаи, в которых решался вопрос о заключении под стражу лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести. Однако в ходе изменений положений закона в ч. 2 ст. 108 УПК РФ формулировка «в исключительных случаях» изъята из текста статьи не была. В связи с этим неясным остается вопрос о толковании данной правовой нормы: либо она имеет то же значение, которое имела ранее, во время действия предыдущей редакции статьи, либо же те обстоятельства, наличие которых в настоящее время является обязательным, и являются этими самыми «исключительными случаями».

Полагаем, необходимо придерживаться первого варианта толкования данной нормы, поскольку нововведенные основания избрания заключения под стражу несовершеннолетних не отражают особенностей совершения данной категорией лиц преступлений и производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. В качестве исключительных случаев должны быть признаны несколько иные обстоятельства, речь о которых пойдет ниже, а не те, которые были дополнительно закреплены законодателем в новой редакции УПК РФ. Таким образом, вышеуказанная проблема остается неразрешенной. Кроме того, некоторые ученые-процессуалисты высказываются в поддержку подобных государственных инициатив [15, с. 127]. Другие же, расценивают данные нововведения как негативные и носящие оценочный характер [16, с. 141], и с ними сложно не согласиться. Думается, что избранное законодателем направление реформирования правовых основ заключения под стражу носит скорее казуальный характер, что, как правило, не свидетельствует о высокой эффективности функционирования закона в этом отношении.

Потребность в разрешении проблемы отсутствия исключительных случаев в законе и разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации обуславливается необходимостью устранения разнородности правоприменительной практики. В настоящее время создаются предпосылки для различного понимания судьями данных исключительных случаев при принятии решения об удовлетворении ходатайства следователя (дознавателя). В аспекте особой охраны несовершеннолетних это недопустимо, поскольку свободное толкование судом оснований и условий, необходимых для заключения под стражу лиц, относящихся к данной категории, существенно нарушает процессуальные права несовершеннолетних.

Наиболее целесообразным решением была бы разработка ориентирующего перечня исключительных случаев, которые отражают особенности преступности несовершеннолетних, а также учитывают отличительные черты производства по уголовным делам в отношении последних. А. М. Гасанов на основе анализа правоприменительной деятельности органов предварительного расследования считает, что судом при принятии решения о применении данной меры уголовно-процессуального принуждения должен быть учтен ряд обстоятельств. Среди них он перечисляет отрицательную характеристику личности несовершеннолетнего, совершение им умышленного преступления или нескольких преступлений за небольшой промежуток времени, наличие непогашенных судимостей, отсутствие у несовершеннолетнего места учебы и работы, склонность к бродяжничеству, отсутствие контроля со стороны родителей, злоупотребление спиртными напитками, наркотическими средствами и т. д. [17, с. 46]. Автор придерживается мнения, что данные исключительные случаи необходимо закрепить законодательно, но с этим нельзя в полной мере согласиться, поскольку каждый случай возникновения необходимости избрания заключения под стражу несовершеннолетнего по подозрению в совершении им преступления средней тяжести индивидуален. Все обстоятельства, исследуемые в ходе судебного заседания по данному вопросу, разнородны, поэтому следует сделать вывод о несостоятельности идеи закрепления исчерпывающего перечня таких исключительных случаев в УПК РФ ввиду отсутствия возможности закрепить их все в рамках одной статьи закона.

Предполагается, что наиболее эффективным средством урегулирования данной правовой проблемы с учетом необходимости неукоснительного соблюдения принципа законности является регламентация ориентирующего перечня обстоятельств, которые должны принимать во внимание судьи при заключении под стражу лиц, не достигших 18 лет, являющихся обвиняемыми (подозреваемыми) по уголовным делам. Данные исключительные случаи нецелесообразно закреплять в уголовно-процессуальном законе ввиду их многообразия и значительного количества ситуаций, которые могут складываться в ходе производства по делу. Гораздо более эффективным будет отразить эти обстоятельства в постановлении Пленума Верховного

[17] СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Суда Российской Федерации путем внесения в него обобщенного перечня случаев для того, чтобы задать вектор, в направлении которого суд будет отбирать отдельные обстоятельства, являющихся основаниями избрания меры пресечения. Считаем, что к ним необходимо отнести:

1) совершение преступления несовершеннолетним повторно;

2) преступление носит групповой характер и в совершении которого несовершеннолетний играл ведущую роль;

3) отсутствие контроля за поведением несовершеннолетнего со стороны законных представителей, занятие бродяжничеством, попрошайничеством;

4) несовершеннолетний состоит на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также в других органах;

5) несовершеннолетний не имеет места учебы или работы, не занимается общественно-полезной деятельностью и т. д.

Закрепление данного неисчерпывающего перечня исключительных случаев в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации создаст возможность рамочно сориентировать суды для того, чтобы законно и обоснованно избрать меру пресечения в отношении несовершеннолетних, способствуя тем временем образованию единой правоприменительной практики по данному вопросу.

Также среди существующих в науке уголовного процесса механизмов совершенствования порядка применения заключения под стражу к лицам, не достигшим возраста 18 лет, особый интерес вызывают теоретические разработки, суть которых сведена к необходимости применения к данной категории лиц альтернативных мер пресечения, а также разработки принципиально новых, предназначенных исключительно для несовершеннолетних. Предполагается, что наличие данных предложений и разработок продиктовано несовершенством действующего в УПК РФ[18] порядка избрания данной меры пресечения в отношении подростков. Данные исследования представляют большой интерес в связи с чрезвычайной важностью особой правовой охраны несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых).

Например, С. И. Глизнуца предлагает ввести новую меру пресечения – помещение несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в специализированное учреждение для несовершеннолетних, определяя ее как альтернативу заключения под стражу[19]. Данное предложение вызывает большой интерес в контексте обеспечения особой охраны прав и свобод несовершеннолетних, однако возникает вопрос о целесообразности подобных нововведений. Так, в соответствии с действующими законодательством несовершеннолетние обвиняемые (подозреваемые) содержатся отдельно от взрослых[20]. Данное положение разработано с целью ограничить возможность оказания негативного влияния на еще не сформировавшуюся личность, не позволить оказывать деструктивное воздействие на ее правовое сознание и не склонить к совершению новых общественно опасных деяний. Предполагается, что данная правовая норма отвечает требованиям охраны прав и свобод несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых).

Говоря об альтернативных заключению под стражу механизмах, направленных на недопущение оказания несовершеннолетними противодействия производству по уголовному делу, следует обратить внимание на мнение Р. М. Муртазина, который предлагает помещать вышеуказанных лиц в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (далее – ЦВСНП) [18, с. 50]. По смыслу закона данное учреждение предназначено для профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями, их ресоциализации и воспитания. Помещение в ЦВСНП преимущественно является мерой административного характера, поэтому содержание в данном учреждении лиц, совершивших преступные деяния, представляется неэффективным. Во-первых, условия содержания в ЦВСНП не позволяют должным образом воздействовать на сознание несовершеннолетнего с целью недопущения совершения им новых преступлений и оказания противодействия производству по уголовному делу, поскольку в данных учреждениях установлен гораздо более мягкий режим пребывания. Во-вторых, не достигший восемнадцатилетнего возраста обвиняемый (подозреваемый) сам может оказать негативное влияние на других несовершеннолетних, находящихся в ЦВСНП за менее строгие нарушения закона, например, за административные правонарушения. Следовательно, помещение несовершеннолетних в данные учреждения в качестве аналога меры пресечения в виде заключения под стражу нецелесообразно.

---

[18] СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

[19] Глизнуца С. И. Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С. 46.

[20] О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

Заключение

Таким образом, порядок применения заключения под стражу несовершенен и в некоторых аспектах требует законодательной корректировки, унификации судебной и следственной практики, а также проведения дополнительных теоретических исследований. Предложенные в статье пути оптимизации избрания данной меры пресечения позволят улучшить деятельность правоприменительных органов, повысить эффективность их работы, а также дополнительно усилить защиту прав и свобод обвиняемых (подозреваемых) по уголовным делам, в отношении которых данная мера уголовно-процессуального принуждения избирается, что крайне важно в условиях следования вектору гуманизации уголовно-процессуального права.

Перечень вопросов, рассмотренных в статье, не является исчерпывающим. Большое количество проблем, юридических коллизий и пробелов в праве, связанных с избранием заключения под стражу, не менее актуальны и также должны стать предметом научных исследований.

Список источников

1. *Кутуев Э. К., Виноградов А. С., Колосович М. С.* Совершенствование мер пресечения, ограничивающих конституционные права подозреваемых и обвиняемых // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 123–129.

2. *Николюк В. В.* Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: что изменилось за десять лет? / Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции : в 3 ч., г. Москва, 25 апреля 2025 г. Москва : Академия управления МВД России, 2025. Ч. 2. С. 132–142.

3. *Санкин В. Е.* Особенности избрания мер пресечения и предъявление обвинения при дознании / Актуальные проблемы государства и права на современном этапе : сборник научных статей по материалам VIII Республиканской научно-практической конференции, посвященной Дню юриста, г. Стерлитамак, 3 декабря 2019 г. Стерлитамак : Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, 2019. Вып. VIII. С. 117–120.

4. *Гараев Х. Ф.* Актуальные проблемы правой регламентации института дознания / Современные научные исследования: актуальные вопросы и инновации : сборник статей XXI Международной научно-практической конференции, г. Пенза, 10 октября 2021 г. Пенза : Наука и Просвещение, 2021. С. 72–74.

5. *Судницын А. Б.* Обеспечение надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого) путем избрания меры пресечения в виде заключения под стражу / Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXV международной научно-практической конференции, г. Красноярск, 7–8 апреля 2022 г. / отв. ред. Д. В. Ким. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2022. Ч. 1. С. 126–129.

6. *Стельмах В. Ю.* Некоторые проблемы нормативной регламентации дознания // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 58–60.

7. *Муравьев К. В.* Заключение под стражу: результаты двадцатилетнего совершенствования / Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV международной научно-практической конференции, г. Красноярск, 8–9 апреля 2021 г. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2021. Ч. 1. С. 132-135.

8. *Цоколова О. И.* Меры пресечения: проблемы и тенденции (2019-2022 годы) // Российский следователь. 2020. № 6. С. 26–31.

9. *Муравьев К. В.* 20 лет совершенствования института мер пресечения: итоги и направления дальнейшего реформирования // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. № 1 (3). С. 7–16.

10. *Качалова О. В.* Современные подходы к применению мер пресечения в российском уголовном процессе // Предварительное расследование. 2018. № 2 (4). С. 41–47.

11. *Зайцев Д. С.* Особенности применения мер принуждения в отношении несовершеннолетних // Вестник научного общества студентов, аспирантов, молодых ученых. 2024. № 2. С. 80–85.

12. *Залунина Т. Г.* Особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних / Правовая система России : сборник материалов IV заочной научно-практической конференции, г. Благовещенск, 25 ноября 2016 г. Благовещенск : Амурский государственный университет, 2017. С. 62–67.

13. *Макаренко И. А.* К вопросу о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2007. № 2. С. 85–88.

14. *Медведева С. В., Ментюкова М. А., Попов А. М.* Эффективность применения к несовершеннолетним мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста // Актуальные проблемы государства и права. 2023. № 26. С. 319–330. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-319-330

15. *Кутуев Э. К.* Совершенствование мер пресечения, ограничивающих конституционные права подозреваемых и обвиняемых // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 123–129.

16. *Давлетов А. А., Азаренок Н. В.* Заключение под стражу как мера пресечения, применяемая к лицу, представляющему угрозу для общества // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3 (77). С. 140–147. https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.3.16

17. *Гасанов А. М.* Особенности применения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого мер пресечения // Colloquium-journal. 2019. № 16-7 (40). С. 46–47.

18. *Муртазин Р. М.* Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 3. С. 49–51.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Научная статья
УДК 378.046.4

Особенности профессионального портрета начинающего преподавателя современной российской образовательной организации высшего образования

Полина Михайловна Алексеева, кандидат педагогических наук, доцент

Институт технологий предпринимательства и права
Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения
Санкт-Петербург (190000, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А), Российская Федерация
polina.m.alekseeva@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-7960-2351

Аннотация:
Введение. *Актуальность темы исследования обусловлена трансформацией системы высшего образования в России, связанной с переходом к компетентностной модели и необходимостью адаптации к вызовам цифровой экономики. Молодые преподаватели образовательных организаций высшего образования (далее – ООВО) сталкиваются с необходимостью освоения новых педагогических технологий, информационно-коммуникационных средств в процессе адаптации к условиям работы. В связи с этим формирование адекватного профессионального портрета начинающего преподавателя с учетом специфики современной российской высшей школы приобретает особую значимость для разработки эффективной системы сопровождения педагогической деятельности. Цель исследования состоит в выявлении ключевых особенностей профессионального портрета начинающего преподавателя современной российской ООВО. Задачи исследования включают: анализ теоретических подходов к построению профессионального портрета преподавателя ООВО; выявление специфических требований к профессиональным компетенциям начинающего преподавателя в контексте модернизации высшего образования; разработку обобщенного профессионального портрета начинающего преподавателя. Научная проблема исследования заключается в необходимости систематизации специфических характеристик, определяющих профессиональную идентичность и компетентность начинающего преподавателя ООВО.*
Методы. *Методология исследования включает в себя группу общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение, формально-логический метод), а также ряд специальных методов: историографический анализ научной литературы по теме*

Ключевые слова:
педагогика высшей школы, начинающие преподаватели, российское образование, профессиональный портрет, профессиональные компетенции преподавателя, сопровождение профессиональной деятельности

Для цитирования:
Алексеева П. М. Особенности профессионального портрета начинающего преподавателя современной российской образовательной организации высшего образования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 201–209.

© Алексеева П. М., 2025

исследования, невключенное педагогическое наблюдение, метод описательного анализа.

Результаты. *Профессиональный портрет начинающего преподавателя характеризуется, с одной стороны, высоким уровнем предметной компетентности и научной квалификации, с другой, недостаточным опытом практической педагогической деятельности и первоначально низкой степенью адаптации к организационным требованиям конкретной ООВО. Формирование профессионального портрета осложняется разрывом между теоретической подготовкой в аспирантуре и реальными условиями преподавания, а также недостаточной методической поддержкой со стороны опытных коллег и администрации образовательных организаций, что обусловливает необходимость разработки эффективной системы профессионального сопровождения начинающих преподавателей ООВО.*

Статья поступила в редакцию 30.03.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Peculiarities of professional portrait of entry-level teacher in modern russian institution of higher education

Polina M. Alekseeva, Cand. Sci. (Ped.), Docent

Institute of Entrepreneurship Technologies and Law of the Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
67A, Bolshaya Morskaia str., Saint Petersburg, 190000, Russian Federation
polina.m.alekseeva@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-7960-2351

Abstract:

Introduction. *The rurgency of this research topic stems from the transformation of Russia's higher education system, which is associated with a shift to a competency-based model and the necessity to adapt to challenges posed by the digital economy. Young teachers of educational institutions of higher education (hereinafter referred to as EIHE) are faced with the need to master new pedagogical technologies and information and communication tools in order to adapt to working conditions. Therefore, the formation of a professional profile of a novice teacher that takes into account the specific features of modern Russian education is essential for developing an effective support system for pedagogical activity.*

The purpose of the study is to identify the key features of a professional portrait of a novice teacher of a modern Russian EIHE.

The objectives of the research include: analysis of theoretical approaches to building a professional portrait of a teacher of EIHE; identification of specific requirements for the professional competencies of a novice teacher in the context of modernising higher education; development of a generalised professional portrait of a novice teacher.

The scientific problem of the research lies in the need to systematise the specific characteristics that determine the professional identity and competence of a novice teacher of EIHE.

Methods. *The research methodology includes a group of general scientific methods (analysis, synthesis, generalization, formal-logical method), as well as a number of special methods: historiographic analysis of scientific literature on the topic of research, non-inclusive pedagogical observation, a method of descriptive analysis.*

Results. *A professional portrait of a novice teacher is characterised, on the one hand, by a high level of subject competence and scientific qualifications, on the other, by insufficient experience in practical pedagogical activity and an initially low degree of adaptation to the organisational requirements of a particular EIHE. The formation of a professional portrait is complicated by the gap between theoretical postgraduate training and actual teaching conditions, as well as insufficient methodological support from experienced colleagues and the administration of educational institutions, which necessitates the development of an effective system of professional support for aspiring teachers of EIHE. The formation of a professional portrait is complicated by the gap between theoretical graduate training and actual teaching conditions, as well as the lack of methodological support from experienced colleagues and administrators of educational institutions. This necessitates developing an effective system for supporting aspiring teachers in EIHE.*

Keywords:
higher school pedagogy, novice teachers, Russian education, professional portrait, professional competencies of a teacher, professional activity support

For citation:
Alekseeva P. M. Peculiarities of professional portrait of entry-level teacher in modern russian institution of higher education // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 201–209.

The article was submitted March 30, 2025; approved after reviewing September 30, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающими требованиями к качеству преподавания, необходимостью адаптации к новым технологиям и методикам обучения, а также необходимостью формирования конкурентоспособных выпускников образовательных организаций высшего образования (далее – ООВО). Недостаточная разработанность теоретических и практических аспектов профессионального становления начинающих преподавателей снижает эффективность их адаптации и может негативно влиять на качество образовательного процесса в ООВО. Профессионально-педагогический портрет преподавателя высшего учебного заведения фактически представляет собой всестороннюю оценку его научной квалификации. Особое внимание уделяется владению современными методиками и технологиями обучения, ориентированными на профессиональное воспитание, личностное развитие и наставничество в сфере сопровождения педагогической деятельности начинающего преподавателя.

Еще одним важным аспектом является использование личностно-ориентированных образовательных технологий, а также эффективное управление реализацией учебных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами (далее – ФГОС) [1, с. 228]. Преподаватель должен демонстрировать навыки разработки дидактических, учебно-методических и информационных материалов, а также уметь применять современные цифровые инструменты, принимать участие в разработке и активном использовании электронных образовательных ресурсов. Ключевым элементом профессионального портрета (далее – ПП) является «педагогическая позиция и убеждения относительно актуальных вопросов высшего образования, а также активное участие в научно-исследовательской деятельности и профессиональный рост как ученого» [2, с. 411].

Акмеологический портрет преподавателя фиксирует мотивацию к самосовершенствованию, стремление к достижению высокого уровня мастерства и демонстрацию выдающихся результатов в профессиональной деятельности [3, с. 94]. Данный аспект подчеркивает важность непрерывного обучения и стремления к вершинам мастерства.

Философский анализ ПП преподавателя высшей школы акцентирует внимание на смысловых, мировоззренческих и концептуально-методологических установках, а также корпоративных ценностях [4, с. 88]. Рассматриваются нарративные представления, особенности культурного дискурса, межпоколенческие социальные отношения, идентификация с определенной социальной группой, представление о своей миссии, социальных идеалах, свободе и ответственности личности.

Праксеологический портрет преподавателя ООВО представляет собой описание разнообразных видов деятельности, выполняемых преподавателем, с акцентом на конкретных действиях, операциях и функциях. Нормативным отражением этого является профессиональный стандарт, который устанавливает требования к знаниям, умениям, навыкам и трудовым функциям, необходимым для эффективной деятельности [5, с. 30].

Компетентностный подход предполагает, что набор компетенций, необходимых для осуществления профессионально-педагогической деятельности, подвержен постоянным изменениям и дополнениям, поскольку данный набор адаптируется в зависимости от изменяющихся условий образовательного процесса и характеристик обучающихся [1, с. 226].

Методы

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя группу общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение, формально-логический метод), а также ряд специальных методов: историографический анализ научной литературы по теме исследования, невключенное педагогическое наблюдение, метод описательного анализа. Применение системного подхода обусловлено необходимостью рассмотрения педагогического процесса как сложной, многоуровневой системы, включающей взаимосвязанные элементы. Анализ и синтез позволяют выделить ключевые компоненты исследуемого явления и установить связи между ними. Метод обобщения способствует формированию целостного представления об исследуемом предмете, а формально-логический метод обеспечивает строгость и последовательность в построении теоретических выводов.

Историографический анализ научной литературы направлен на изучение эволюции взглядов на проблему исследования, выявление основных этапов ее развития и критическую оценку

существующих подходов. Данный метод позволяет определить степень разработанности изучаемой темы и наметить перспективные направления дальнейших исследований.

Метод описательного анализа используется для систематизации и интерпретации полученных данных и включает описание характеристик изучаемого явления, выявление закономерностей и построение классификаций. Важным элементом описательного анализа является установление причинно-следственных связей между различными факторами, влияющими на педагогический процесс.

Совокупность применяемых методов обеспечивает комплексный всесторонний анализ исследуемой проблемы, позволяет получить достоверные и обоснованные результаты. Применение различных методов повышает валидность и надежность исследования. Полученные результаты могут послужить основой для разработки научно-практических рекомендаций, направленных на совершенствование педагогической деятельности.

Результаты

Согласно исследованию таких авторов, как С. А. Павлова и Н. А. Деева [6], в области педагогики высшей школы, ПП начинающего преподавателя должен включать ряд ключевых компетенций и личностных характеристик. В частности, выделяются следующие компоненты:

1) предметная компетентность, подразумевающая глубокое знание преподаваемой дисциплины и смежных областей;

2) методическая компетентность, обеспечивающая эффективную передачу знаний и формирование навыков у обучающихся посредством применения современных образовательных технологий и методик;

3) коммуникативная компетентность, необходимая для установления конструктивного взаимодействия с обучающимися, коллегами и администрацией ООВО;

4) цифровая грамотность, включающая умение использовать информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе и научно-исследовательской работе;

5) личностные качества, необходимые для адаптации к новым условиям и успешной профессиональной деятельности в ООВО, такие как ответственность, инициативность и способность к саморазвитию.

В частности, предметная компетентность предполагает глубокое знание преподаваемой дисциплины и умение транслировать предмет на доступном для обучающихся уровне [7, с. 80].

Методическая компетентность включает владение современными образовательными технологиями и умение выбирать эффективные методы обучения в зависимости от специфики преподавания дисциплины.

Коммуникативная компетентность подразумевает умение устанавливать конструктивные отношения с обучающимися, коллегами и администрацией ООВО [8, с. 89].

Цифровая грамотность также является неотъемлемой частью ПП современного преподавателя ООВО и выражается в умении использовать информационные технологии в образовательном процессе, создавать онлайн-курсы и эффективно взаимодействовать с обучающимися в цифровой среде.

Такие личностные качества, как ответственность, инициативность, креативность и стремление к саморазвитию, играют важную роль в успешной адаптации начинающего преподавателя к новым условиям и способствуют его профессиональному росту [9, с. 17].

Несмотря на многообразие существующих методологических подходов, попытки создания универсального «компетентностного профиля» для преподавателя высшей школы сталкиваются с серьезными проблемами и внутренними противоречиями. Это обусловлено главным образом трудностями точной передачи сложной и, во многом, творческой природы педагогической деятельности с помощью жестких формализованных алгоритмов и последовательных инструкций [10, с. 64]. Профессиональная деятельность педагога, помимо своей комплексности и предметной специфики, отличается высокой степенью личностной обусловленности [11, с. 68].

Профессиографический подход, являясь методологической основой формирования ПП начинающего преподавателя, акцентирует внимание на детальном изучении и структурировании требований, предъявляемых к этой профессии. Данный подход основан на анализе трудовой деятельности, выделении ключевых функций, компетенций и личностных качеств, необходимых для успешной реализации профессиональных обязанностей. При этом должна учитываться специфика конкретного образовательного учреждения, уровень подготовки обучающихся и специфика преподаваемой дисциплины. Комплексное профессиографическое исследование

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

позволяет определить перечень необходимых знаний и умений, а также выявить дефициты в подготовке начинающего преподавателя, требующие целенаправленной коррекции.

Действующее законодательство в сфере образования, в частности, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[1], устанавливает общие требования к педагогическим работникам, включая начинающих преподавателей. В статье 46 закреплено право на занятие педагогической деятельностью лицами, обладающими средним профессиональным или высшим образованием, и соответствующими квалификационным требованиям, зафиксированным в квалификационных справочниках и/или профессиональных стандартах.

Методическое обеспечение деятельности начинающего преподавателя опирается на ФГОСы, определяющие требования к результатам освоения образовательных программ, а также примерные основные образовательные программы, разработанные на их основе. Перечисленные выше документы служат ориентиром для разработки рабочих программ учебных дисциплин (модулей), определяя содержание и структуру образовательного процесса.

Организационные документы, такие как учебные планы, графики учебного процесса и расписание занятий, определяют структуру и временные параметры образовательного процесса. Начинающему преподавателю необходимо тщательно изучить данные документы для эффективного планирования своей работы и организации учебной деятельности обучающихся.

Таким образом, формирование ПП преподавателя, особенно на начальном этапе деятельности, представляет собой важный инструмент для достижения ряда стратегических целей:

1. Профессиональный портрет может служить:

Во-первых, методическим ориентиром для верификации уровня профессиональной компетентности, позволяя зафиксировать текущий объем знаний, умений и навыков преподавателя как в контексте научно-исследовательской работы, так и в сфере педагогической практики. Он способствует выявлению сильных сторон, зон потенциального роста и имеющихся дефицитов, что является необходимым условием для разработки персонализированных планов повышения квалификации и дальнейшего развития. Такой анализ позволяет определить нереализованные профессиональные роли у начинающего преподавателя, анализировать причины и вырабатывать стратегии решения существующих проблем.

Во-вторых, основой для планирования карьерной траектории, обеспечивая разработку индивидуальных планов, учитывающих специфические потребности и цели преподавателя: портрет позволяет определить приоритетные направления для дальнейшего обучения, повышения квалификации, участия в научно-исследовательских проектах и профессиональных инициативах.

2. Создание ПП также дает возможность формирования эффективной системы педагогического сопровождения, ориентированной на индивидуальные потребности преподавателя, что включает в себя предоставление необходимой поддержки и наставничества в процессе реализации им профессиональных ролей. Например, сопоставление качеств преподавателя с портретом помогает эффективной разработке программ повышения квалификации и мероприятий по профессиональному развитию, учитывающих конкретные задачи и требования, предъявляемые к преподавателю.

Использование ПП как методического образца способствует повышению качества образовательного процесса в учебном заведении за счет систематического развития научно-педагогического состава. Такой подход позволяет отслеживать динамику профессионального роста преподавателя, реализацию ролевого репертуара, оценивать эффективность применяемых методик преподавания и развивать систему педагогического сопровождения. Кроме того, на основе ПП формируется аналитическая база для оценки деятельности кафедры и ООВО в целом, выявляя области, требующие корректировок и улучшений.

С точки зрения определения начинающего преподавателя высшей школы необходимо отметить отсутствие единого подхода к данному понятию в научно-методической литературе [12, с. 11]. На наш взгляд, под начинающим преподавателем необходимо понимать *специалиста, осуществляющего преподавательскую деятельность в ООВО в течение первых 3–5 лет, независимо от его возраста*, поскольку ключевым критерием является практический опыт преподавания.

В своем исследовании О. В. Москаленко [13, с. 32] предлагает поделить молодых преподавателей на несколько категорий. Первая группа включает преподавателей, прошедших путь от студентов и аспирантов до доцентов. Основная характеристика данной группы – это акцент на знаниях при обучении студентов, при этом часто ощущается недостаток практического опыта. Вторая группа состоит из преподавателей, совмещающих преподавание с практической

[1] Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

деятельностью. Для данной группы, как правило, характерна нехватка времени для углубленного анализа теоретических источников, однако богатый практический опыт позволяет придать их занятиям более практико-ориентированный характер. К третьей группе относятся преподаватели, имеющие опыт работы в практической сфере (бизнес, государственная служба и др.) [6, с. 59].

При этом подход к познанию и деятельности (включая мышление и преподавание) опосредован предыдущим профессиональным опытом. Эта категория преподавателей может испытывать трудности, связанные с «недостатком методических и технологических знаний в области преподавания дисциплин» [2, с. 410].

Иными словами, в процессе решения образовательных и воспитательных задач каждый преподаватель создает и реализует уникальную педагогическую систему, опирающуюся на индивидуальный набор знаний, применение авторских методик и трансляцию личных ценностей. Формализация, унификация и стандартизация подобной системы представляет собой сложную задачу, связанную с рядом методологических и практических трудностей. Необходимо отметить, что в условиях непрерывного развития образовательной среды данная система постоянно пересматривается и обновляется под воздействием внешних факторов и потребностей самого преподавателя как субъекта профессиональной деятельности.

В связи с этим ключевым вопросом при разработке профессионального профиля преподавателя ООВО является определение его целей и выявление заинтересованных в нем сторон. В первую очередь заинтересованной стороной является сам преподаватель, который сравнивает свой профессиональный облик с идеальным образом представителя данной профессии. С теоретической точки зрения результатом такого анализа должна стать разработка программы самосовершенствования, направленной на развитие и корректировку конкретных компетенций и профессиональных качеств. Руководство образовательной организации, заинтересованное в повышении качества научно-педагогического состава и организации непрерывного профессионального развития, также является заинтересованной. В определенных случаях заинтересованными сторонами могут выступать члены конкурсных и аттестационных комиссий, сотрудники отделов кадров, заведующие кафедрами и руководители образовательных программ.

При формировании целостного представления о профессиональной квалификации начинающего преподавателя необходимо учитывать как его достижения, так и области, требующие развития. При этом карьерная траектория молодого преподавателя высшего учебного заведения неразрывно связана с исполнением им специализированных функций, которые формируют его профессиональное самосознание и определяют его вклад в образовательный процесс. Данную взаимосвязь можно охарактеризовать как реципрокную, поскольку «профессиональный облик формируется в процессе реализации профессиональных ролей, а успешность исполнения ролей, в свою очередь, обусловлена уровнем компетенций и личностных качеств, отраженных в профессиональном портрете» [14].

Например, высококвалифицированное владение предметной областью знаний оказывает непосредственное влияние как на исполнение роли педагога, так и на деятельность научного сотрудника. Углубленные знания в специализированной области гарантируют высокое качество преподавания, повышают заинтересованность в дополнительном обучении, а также позволяют преподавателю проводить самостоятельные исследования и вносить вклад в развитие научного знания [15, с. 301].

При этом, на наш взгляд, именно сформированные компетенции служат основой для успешного выполнения преподавателем функций педагога и методиста: знание современных методик обучения, использование инновационных технологий и способность к эффективному взаимодействию со студентами позволяют преподавателю эффективно передавать знания, формировать профессиональные навыки и стимулировать развитие критического мышления обучающихся.

Наряду с этим развитые компетенции преподавателя позволяют ему учитывать весь спектр индивидуальных особенностей студентов, оказывать им индивидуальную поддержку и помощь в решении профессиональных и личных вопросов, а в некоторых случаях – выполнять функции психолога и создавать оптимальную образовательную среду для обучения студентов [16, с. 236].

Личностные качества и коммуникативные навыки также играют немаловажную роль в успешном исполнении преподавателем профессиональных ролей: в частности, эффективные коммуникативные навыки способствуют установлению конструктивного взаимодействия с обучающимися, созданию атмосферы доверия и мотивации к обучению. Ответственность,

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

дисциплинированность, креативность и стремление к постоянному самосовершенствованию и повышению квалификации способствуют формированию у обучающихся позитивных ценностей, моральных принципов, чувства ответственности и толерантности, что согласуется с ролью наставника [17, с. 203]. В свою очередь готовность делиться опытом и учиться у опытных коллег обеспечивает оперативную интеграцию начинающего преподавателя в профессиональное сообщество и способствует дальнейшему профессиональному развитию в роли администратора.

По итогу изучения профессиональных качеств и ролей, можно представить ПП начинающего преподавателя в виде иерархической модели, состоящей из базовых и надстроечных элементов, где каждый компонент играет важную роль в достижении главной цели – освоения и успешной реализации профессиональных ролей (рисунок 1).

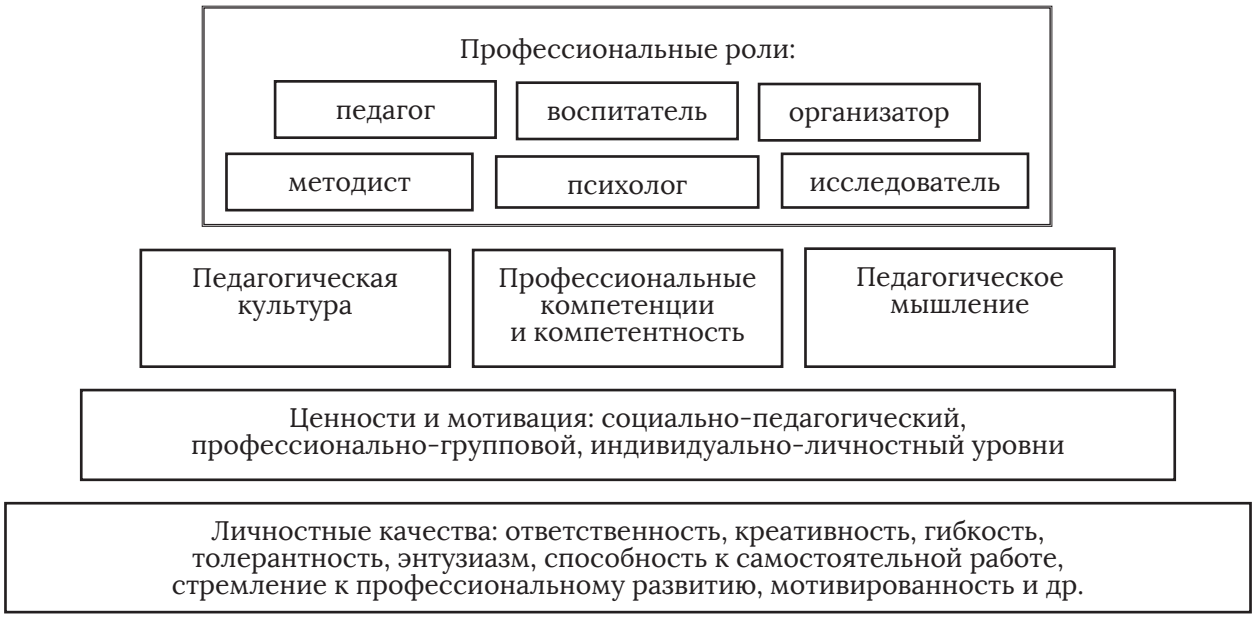

Рис. 1. Профессиональный потрет начинающего преподавателя высшей школы
Fig. 1. Professional portrait of an aspiring high school teacher

Таким образом, в основе деятельности педагога лежат его персональные характеристики. В рамках данного исследования были идентифицированы ключевые личностные качества, необходимые начинающему преподавателю для успешной интеграции в профессиональную среду:

1) ответственность: преподаватель несет прямую ответственность за уровень знаний, приобретаемых обучающимися, качество учебного процесса, соблюдение утвержденных учебных планов и достижение высоких показателей академической успеваемости;

2) креативность: данное качество проявляется в способности генерировать нестандартные решения, разрабатывать инновационные подходы к обучению, создавать новые методики и образовательные формы, а также внедрять современные образовательные технологии;

3) гибкость: адаптивность к динамично меняющимся условиям работы, учет индивидуальных особенностей обучающихся, применение вариативных методов преподавания в зависимости от конкретной ситуации;

4) толерантность: уважительное отношение к другим людям, признание различий, понимание и учет разнообразных взглядов и позиций, которые могут быть представлены обучающимися;

5) энтузиазм: увлеченность самого преподавателя предметом, энергичность и позитивный настрой, способные мотивировать его интерес к обучению;

6) автономность в работе: преподаватель должен обладать навыками самостоятельного планирования и проведения учебных занятий, разработки методических материалов, эффективного поиска и анализа информации;

7) стремление к профессиональному развитию: необходимость постоянного совершенствования знаний и навыков, отслеживание актуальных тенденций в сфере образования, участие в программах повышения квалификации;

8) мотивированность: ориентированность на работу с обучающимися, желание передавать знания, способствовать раскрытию их потенциала, активно участвовать в образовательном процессе и научной деятельности.

Наличие вышеперечисленных личностных качеств играет существенную роль в успешной профессионализации начинающего педагога высшей школы, ускоряет адаптацию к новым профессиональным ролям, способствует приобретению необходимых компетенций и формированию профессиональной идентичности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Эффективность профессиональной деятельности начинающего преподавателя детерминируется совокупностью компетенций, выходящих за рамки предметной области. При этом особенно важны умение организации образовательного процесса, навыки коммуникации с обучающимися и коллегами, способность к саморазвитию и рефлексии. Необходимо учитывать также современные требования к цифровой грамотности как способности использовать информационно-коммуникативные технологии в образовательной деятельности.

Формирование ПП начинающего преподавателя – это не просто статичное отражение существующих качеств, а инструмент непрерывного профессионального развития, направленный на выявление как сильных сторон, так и потенциальных зон роста, а также на определение индивидуальной траектории карьерного развития преподавателя.

Эффективность применения ПП определяется его способностью выступать в качестве методологического ориентира для верификации уровня профессиональной компетентности, планирования карьерного роста и формирования адресной системы педагогического сопровождения.

В то же время преподаватели с опытом практической деятельности нуждаются в поддержке при освоении методических и технологических аспектов преподавания. Следовательно, ПП позволяет разрабатывать дифференцированные программы повышения квалификации, учитывающие специфические потребности каждого педагога.

Внедрение ПП в практику высшего образования способствует повышению качества образовательного процесса, развитию педагогического состава и формированию аналитической базы для оценки результативности деятельности кафедры и ООВО в целом.

Реализация ролевого репертуара преподавателя, как утверждают исследователи, напрямую коррелирует с уровнем его профессиональных компетенций и личностных качеств. Развитые профессиональные компетенции, включающие владение современными методиками обучения и применение инновационных образовательных технологий, позволяют педагогу эффективно транслировать знания, формировать профессиональные навыки и стимулировать развитие критического мышления у обучающихся. При этом такие личностные качества, как ответственность, креативность и стремление к самосовершенствованию, способствуют формированию у обучающихся позитивных ценностных установок и моральных принципов.

Более того, формирование ПП начинающего преподавателя – это новая методическая возможность для руководства ООВО определять сильные и слабые стороны конкретного начинающего педагога высшей школы. Внедрение программ наставничества, проведение семинаров и тренингов, стимулирование участия в научно-методических конференциях и грантовых программах – все это способствует их профессиональному росту и адаптации.

Таким образом, детальный ПП начинающего преподавателя современной российской ООВО может стать эффективным методическим инструментом в рамках более широкой системы профессионального сопровождения, ориентированной на его всестороннюю поддержку.

Список источников

1. *Жданова С. Ю., Пузырева Л. О.* Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы / Методы и технологии обучения в вузе в условиях цифровой трансформации образования : сборник статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научно-методической конференции, г. Пермь, 18–19 мая 2023 г. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 225–231.

2. *Nguyen T., Cao Ph. T. L., Dang L. Th. N., Huynh H. H.* Mindfulness Interventions into University Teachers' Well-Being and Professional Development: An Empirical Analysis // Harnessing Happiness and Wisdom for Organizational Well-Being. 2024. P. 409–426. https://doi.org/10.4018/979-8-3693-8457-2.ch015

3. *Баландина О. В., Вешкурова А. Б., Филимонова И. В., Шапиро С. А.* Формирование новых профессиональных и личностных компетенций преподавателей высшей школы в условиях цифровизации экономики // Труд и социальные отношения. 2020. Т. 31, № 3. С. 93–113. https://doi.org/10.20410/2073-78152020-31-3-93-113

4. *Виноградова Н. И.* Акмеолого–методологические проблемы становления профессионализма преподавателя высшей школы / Н.И. Виноградова // Гуманитарный вектор. 2008. № 3. С. 87–92.

5. *Гнатышина Е. А.* Построение модели профессиональной компетентности будущего педагога // Профессиональное образование. Столица. 2008. № 3. С. 30–31.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

6. *Павлова С. А., Деева Н. А.* Ведущие профессиональные компетенции преподавателя высшей школы и их ключевые индикаторы // Гуманизация образования. 2022. № 1. С. 58–70. https://doi.org/10.24411/1029-3388-2020-10216

7. *Кавешникова Л. А.* Мотивация преподавателей как основа качества высшего образования // Научное обозрение. Экономические науки. 2016. № 2. С. 78–81.

8. *Калмыков В. Е., Малоземов А. В.* Повышение профессионально-педагогических компетенций преподавателей высшей школы // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-4. С. 88–91.

9. *Кокоева Р. Т., Хетагов В. К.* Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. С. 13–21.

10. *Ларионова М. А.* Особенности развития профессионализма преподавателя вуза // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 2. С. 63–65.

11. *Латухина А. Л., Маринина Ю. А.* Профессиональный портрет преподавателя русского языка как иностранного: компетентностный подход // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, № 4. С. 4. https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-4-4

12. *Монахова Л. Ю., Федотова В. С.* Праксиоцентризм в профессиональном стандарте педагога // Образование и науки. 2017. Т. 19, № 4. С. 9–38. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-4-9-38

13. *Москаленко О. В.* Высшее образование как одно из важнейших гуманитарных оснований социального прогресса современной России / Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность : сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Москва, 25–27 апреля 2016 г. Москва : Московский государственный университет дизайна и технологии, 2016. Ч. 8. С. 31–36.

14. *Yi Zhang, Thada S.* Continuous Professional Teacher Development Model in Yunnan Provincial Universities // Journal of Management World. 2025. Vol. 1. P. 567–572.

15. *Zhong G, Nagappan R.* Role Orientation and Functioning of Artificial Intelligence in the Professional Development of University Teachers // International Journal of Education and Humanities. 2024. Vol. 16. No. 2. P. 300–304. https://doi.org/10.54097/9f2fv691

16. *Wu N., Liu Y.* Professional Development of Chinese University-Based Teacher Educators Working as Guide Professors in the Reciprocal Learning Program // Xu, S., Liu, Y., Zhang, Z., Connelly, M., Chi, C. (eds.) West-East Reciprocal Learning in Teacher Education. Intercultural Reciprocal Learning in Chinese and Western Education. Palgrave Macmillan, Cham. 2024. P. 221–239. https://doi.org/10.1007/978-3-031-69714-2_10

17. *Ngibe N. C. Ph., Ntshuntshe Z.* Experiences of online teaching in South African university: Towards teacher professional development // International Journal of Research in Business and Social Science. 2024. Vol. 13. No. 8. P. 203–211. https://doi.org/10.20525/ijrbs.v13i8.3669

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Научная статья
УДК 378.1

Оперативное совещание у начальника образовательной организации Министерства внутренних дел Российской Федерации как форма политико-воспитательной работы

Игорь Филиппович Амельчаков[1], кандидат юридических наук, доцент
Елена Геннадьевна Беляева[2], кандидат юридических наук
Антон Алексеевич Рожков[3], кандидат педагогических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д.1), Российская Федерация
[1] universpb@mvd.ru, [2] belyaeva.belyaevaelena2016@yandex.ru, [3] anrozkov@mail.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-7232-9492, [3] https://doi.orcid/0000-0003-1890-0368

Аннотация:
Введение. *Актуальность исследования определяется необходимостью поиска новых способов и средств повышения эффективности политико-воспитательной работы в образовательных организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России). В статье авторы обращают внимание читателя на возможности использования потенциала служебного совещания как формы политико-воспитательной работы для совершенствования данного направления деятельности.*
Методы. *Авторами применялись исторический метод, метод формальной логики, анализ нормативных правовых актов, анализ документов.*
Результаты. *На основе сопоставления содержания нормативных правовых актов, регламентирующих политико-воспитательную (воспитательную) работу в органах внутренних дел в различные исторические периоды, авторы делают вывод о том, что реформирование системы воспитания в МВД России направлено на нейтрализацию внешних и внутренних угроз, обеспечение надежности функционирования правоохранительной системы Российской Федерации. Авторы задаются вопросом о поиске способов и средств повышения результативности воспитания личного состава для достижения целей и решения задач, закрепленных в приказе МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов*

Ключевые слова:
служебное совещание, оперативное совещание у начальника образовательной организации системы МВД России, политико-воспитательная работа, личностные и профессионально значимые качества сотрудников органов внутренних дел, неформальное образование

Для цитирования:
Амельчаков И. Ф., Беляева Е. Г., Рожков А. А. Оперативное совещание у начальника образовательной организации Министерства внутренних дел Российской Федерации как форма политико-воспитательной работы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 210–221.

© Амельчаков И. Ф., Беляева Е. Г., Рожков А. А., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

внутренних дел Российской Федерации». Поскольку в настоящее время существуют организационные и экономические причины, препятствующие широкому использованию формального образования при профессиональной подготовке личного состава образовательных организаций системы МВД России, в статье рассматриваются возможности использования внутренних ресурсов образовательных организаций в подготовке кадров на основе принципов неформального образования. Важное место в этом процессе отводится совершенствованию взаимодействия начальника образовательной организации системы МВД России с руководителями структурных подразделений в рамках оперативного совещания с целью передачи профессиональных знаний и личного опыта, распространения положительного опыта профессиональной деятельности.

Статья поступила в редакцию 29.09.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Command staff meetings as a tool for fostering political awareness and educational development at an institution of the Russian Ministry of the Interior

Igor F. Amelchakov[1], Cand. Sci. (Jurid.), Docent
Elena G. Belyaeva[2], Cand. Sci. (Jurid.)
Anton A. Rozhkov[3], Cand. Sci. (Ped.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
[1] universpb@mvd.ru, [2] belyaeva.belyaevaelena2016@yandex.ru, [3] anrozkov@mail.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-7232-9492, [3] https://doi.orcid/0000-0003-1890-0368

Abstract:
Introduction. *This study is driven by the urgent need to identify new means of improving political and educational work within the Russian Ministry of the Interior's institutions. This paper focuses on leveraging the command staff meeting as a vehicle for political awareness and educational development to advance this aspect of professional training.*
Methods. *The study is based on historical and formal-logical analysis, as well as the examination of legal documents and regulations.*
Results. *A historical comparison of regulations on political and educational work reveals that the current reform of the professional and ethical development system within the Interior Ministry aims to counter key threats and secure the resilience of the national law enforcement framework. The authors explore ways to enhance the efficacy of personnel development in order to meet the objectives set forth in the Russian Ministry of the Interior Order No. 500 of 27 August 2024, "On the Approval of the Regulations on the Organisation of Moral and Psychological Support for the Activities of the Russian Law Enforcement Agencies". Currently, there exist organisational and economic constraints that hinder the widespread use of formal education in the professional training of personnel at educational institutions within the Russian Ministry of the Interior. Therefore, this article explores the potential of utilising the internal resources of these institutions for staff development based on the principles of non-formal education. A key role in this process is assigned to enhancing the interaction between the head of an educational institution and the heads of its structural units during command staff meetings. The aim of this interaction is to facilitate the transfer of professional knowledge and personal experience, as well as to disseminate best practices in professional activity.*

Keywords:
briefing, command staff meeting, political and educational work, personal and professionally relevant qualities of law enforcement officers, non-formal education

For citation:
Amelchakov I. F., Belyaeva E. G., Rozhkov A. A. Command staff meetings as a tool for fostering political awareness and educational development at an institution of the Russian Ministry of the Interior // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 210–221.

The article was submitted September 29, 2025; approved after reviewing November 24, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Вопросы воспитания личного состава всегда находились и находятся в центре внимания руководства Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), органов, организаций и подразделений МВД России [1], что обусловлено социальной значимостью профессиональной деятельности и ее характером – «служение России и закону». Законодательством предусмотрены особые требования к служебному поведению сотрудников органов внутренних дел[1] (далее – ОВД), закреплена обязанность их неукоснительного соблюдения

[1] Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 (ред. от 02.05.2023) // Справочная правовая система (далее – СПС) ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/74482191/ (дата обращения: 15.09.2025).

и меры уголовной, административной и дисциплинарной ответственности за их нарушение[2].

Исторический опыт показывает, что система воспитания в МВД России не является статичной, она претерпевает существенные изменения под влиянием новых социальных, политических, экономических и криминогенных условий. Ее реформирование на протяжении длительного исторического периода и за последние 25 лет[3] вызвано необходимостью нейтрализации внешних и внутренних угроз для Российской Федерации, созданием условий сохранения целостности России, ее суверенитета, обеспечения национальных интересов и надежности функционирования правоохранительной системы.

Обновление системы воспитания в условиях реформирования определяется прежде всего изменениями целей воспитания и необходимостью совершенствования средств, форм и методов воспитания. Такие преобразования влекут за собой изменения в структуре и организации воспитательного процесса, что выявляется при анализе нормативных правовых актов, регламентирующих политико-воспитательную (воспитательную) работу в ОВД[4].

Методы

Авторами применялись исторический метод, анализ нормативных актов, анализ документов, метод формальной логики. Исторический метод позволил выявить причины реформирования системы воспитания в органах внутренних дел. Анализ нормативных актов был проведен в целях изучения личностных и профессионально значимых качеств, которые должны получить развитие у сотрудников в период прохождения службы. Анализ документов позволил выявить противоречия в организации политико-воспитательной работы в образовательных организациях системы МВД России, обеспечить достоверность представленной информации. Метод формальной логики использовался для анализа и систематизации информации, полученной в процессе исследования, формулирования выводов и их обоснования.

Результаты

В настоящее время политико-воспитательная работа с личным составом ОВД направлена на формирование личности сотрудника как гражданина, патриота и профессионала, а также на закрепление в его сознании соответствующих знаний, ценностных ориентиров, взглядов, убеждений, установок и чувств.

Анализ отдельных положений приказа МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»[5] позволил выделить группы личностных и профессионально значимых качеств, которые должны получить развитие у сотрудников в период прохождения службы. Личностными качествами являются: патриотизм, личная ответственность за судьбу Отечества, гражданственность, стремление к добросовестному труду, общая культура; группу профессиональных качеств составляют: верность Присяге, верность многовековым профессиональным традициям, профессионализм, профессиональная культура, стремление к совершенствованию профессионального мастерства, стремление к повышению образовательного уровня, стремление к строгому и точному соблюдению требований законодательства Российской Федерации, дисциплинированность, нетерпимость к правонарушениям как аморальным поступкам, порочащим честь сотрудника ОВД.

[2] О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 (ред. от 22.12.2021) // Президент России : [официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36139 (дата обращения: 15.09.2025).

[3] О мерах по совершенствованию воспитательной работы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 25 сентября 2000 г. № 995 (ред. от 28.08.2003) // Бюллетень текущего законодательства. 2000. № 3. С. 367. Утратил силу ; О комплексном реформировании системы воспитательной работы в органах внутренних дел : приказ МВД России от 1 февраля 2007 г. № 120 // СПС ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/1357201/ (дата обращения: 15.09.2025).

[4] О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 11 февраля 2010 г. № 80 // АО «Кодекс» : Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации : [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/902252453 (дата обращения: 15.09.2025). Утратил силу ; Вопросы организации морально-психологического обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 // СПС ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/400791288/ (дата обращения: 15.09.2025) ; Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 (зарег. в Минюсте России 20.09.2024, № 79534) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024 (дата обращения: 15.09.2025).

[5] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024 (дата обращения: 15.09.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

При организации политико-воспитательной работы следует принять во внимание, что качества личности по своей психологической природе являются динамическими структурами и изменяются в результате воздействия множества факторов. Вектор их развития зависит от силы и частоты новых воздействий на личность, направленности таких воздействий, устойчивости сформированных ранее качеств, личного опыта каждого сотрудника в преодолении негативного информационно-психологического, а также провокационного воздействия и других причин.

Нельзя полагаться на то, что академическая среда образовательных организаций МВД России как высококультурная среда, а также выполнение сотрудниками служебных обязанностей в условиях образовательной организации сформируют у них необходимые качества и будут способствовать их дальнейшему совершенствованию. Важным условием развития, на наш взгляд, является непосредственное участие начальника образовательной организации, его заместителей, руководителей структурных подразделений в воспитательном процессе личного состава.

В целях достижения результативности политико-воспитательная работа должна осуществляться на научных основах и принципах целенаправленности, непрерывности, комплексности и гуманизации воспитания, индивидуального и дифференцированного подходов в воспитании, опираться на положительные качества личности даже в ситуациях критики поступков, сочетать высокую требовательность к подчиненным сотрудникам и уважение их прав и личного достоинства. Политико-воспитательная работа должна осуществляться в процессе повседневной деятельности и в интересах службы использовать возможности воспитания личности в служебном коллективе и через коллектив, строиться на основе личной примерности должностных лиц, организующих воспитательный процесс[6].

Анализ актов о результатах инспектирования образовательных организаций МВД России в период с 2023 года по настоящее время позволил выявить противоречия в осуществлении политико-воспитательной работы. В актах содержится указание на необходимость использования субъектами политико-воспитательной работы всех ее форм, применять дифференцированный подход при выборе методов и средств воспитания.

На основании изложенного, мы можем сделать вывод о том, что в настоящее время актуальной потребностью образовательных организаций системы МВД России является совершенствование компетенций у руководителей структурных подразделений в области организации и осуществления политико-воспитательной работы с личным составом, применения в учебно-воспитательном процессе современных форм, средств и методов воспитания.

С целью изучения возможности руководителей структурных подразделений повысить свою компетентность нами были изучены условия профессиональной деятельности в образовательных организациях. Следует отметить, что повысить свою компетентность в системе МВД России руководители могут на занятиях по профессиональной служебной и физической подготовке при изучении тем психолого-педагогической направленности; на занятиях, организованных в рамках Единого дня государственно-правового информирования; при участии в постоянно действующем семинаре для заместителей начальников факультетов, начальников курсов, заместителей начальников курсов; в процессе обучения по программам дополнительного профессионального образования.

Анализ тематических планов занятий по профессиональной служебной и физической подготовке, занятий в рамках Единого дня государственно-правового информирования, содержания тематики постоянно действующего семинара позволяет утверждать, что проведение данных занятий как способ повышения компетентности руководителей в области организации и проведения политико-воспитательной работы с личным составом не может быть рассмотрен как основной ввиду малочисленности тем воспитательного содержания и ограниченной возможности образовательных организаций МВД России существенно их изменить в соответствии с целями данных форм работы.

Анализ «Плана повышения квалификации и переподготовки сотрудников (федеральных государственных гражданских служащих и работников) МВД России» за 2022–2025 годы показал, что сотрудники образовательных организаций МВД России имеют возможность повысить квалификацию в области политико-воспитательной работы в процессе обучения по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации «Начальники курсов (их заместители), командиры взводов образовательных организаций МВД России по теме: „Организация воспитательной работы с обучающимися образовательных организаций”», «Политико-воспитательная работа». В системе МВД России данные программы реализуют три образовательные организации: Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Всероссийский

[6] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024 (дата обращения: 15.09.2025).

институт повышения квалификации сотрудников МВД России и Санкт-Петербургский университет МВД России. Предельные цифры комплектования по указанным программам составляют 80–85 сотрудников в год, что является недостаточным для удовлетворения потребностей образовательных организаций системы МВД России в квалифицированных специалистах.

Выход из сложившейся ситуации мы видим в использовании внутренних ресурсов каждой образовательной организации системы МВД России в подготовке своих сотрудников путем применения практик неформального образования. Данный подход позволяет охватить широкий круг субъектов, организующих и осуществляющих политико-воспитательную работу [2]. Принципы и содержание неформального образования в рамках иных направлений подготовки специалистов в системе МВД России описаны в научных трудах доктора педагогических наук М. Р. Илакавичус [3] и ее учеников Е. Ю. Иванова [4], П. В. Селина [5], Т. А. Самойловой [6], Н. В. Хисматулиной [7].

Технология распространения практик неформального образования в образовательной организации системы МВД России предполагает передачу со стороны начальника образовательной организации профессиональных знаний, своего личного опыта и опыта профессиональной деятельности заместителям начальника и начальникам структурных подразделений. А они в свою очередь, получив новый профессиональный опыт, делятся им со своими подчиненными. Такая модель неформального профессионального образования будет успешной, если все участники данной работы будут не только накапливать новые знания, усваивать и разделять профессиональные ценности, но и проявят усилия и настойчивость в их передаче другим. Реализация неформальных практик образования так же, как и организация формального образования, является системной и трудоемкой работой, предъявляющей высокие требования к личностным ресурсам и самоорганизации ее участников. Она имеет свою цель, задачи, профессиональную аудиторию, осуществляется на плановой основе, предполагает высокий уровень владения педагогическими средствами и методами со стороны организатора этой работы, использование им различных форм обучения и воспитания, а результаты работы подлежат оценке с целью дальнейшего совершенствования деятельности.

В арсенале начальника образовательной организации системы МВД России имеется широкий арсенал форм, средств и методов профессионального развития подчиненных. В рамках заявленной проблематики авторы предлагают рассмотреть оперативное совещание у начальника образовательной организации МВД России (далее – оперативное совещание) как важную и действенную форму политико-воспитательной работы с личным составом[7], которая позволяет обеспечить профессиональное развитие личного состава на основе реализации принципов неформального образования.

Теоретическую основу изложенной идеи составляют:

– положения о профессиональном развитии сотрудников ОВД (Л. Т. Бородавко[8], Н. Ф. Гейжан [8], А. Т. Иваницкий[9], И. А. Калиниченко [9], В. Я. Кикоть [10], В. Л. Кубышко [11], Н. В. Сердюк [12], Н. Н. Силкин [13], И. С. Скляренко [14], А. М. Столяренко [15], А. Ю. Федотов [16], В. И. Хальзов[10], Н. В. Ходякова [17], В. Л. Цветков [18]);

– идеи контекстного обучения и воспитания (А. А. Вербицкий [19]);

– положения о воспитании в высшей школе и неформальном образовании (М. Р. Илакавичус [20], А .В. Мудрик [21], Л. И. Новикова [22], А. А. Реан [23], Н. Л. Селиванова [24], В. А. Стародубцев [25], В. В. Сериков [26] и др.).

В соответствии с Положением[11] оперативное совещание является одной из форм рассмотрения текущих вопросов деятельности образовательной организации системы МВД России; его постоянными членами являются руководители всех структурных подразделений образовательной организации; проводится в виде заседаний; в заседаниях при рассмотрении отдельных

[7] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024 (дата обращения: 15.09.2025).

[8] Бородавко Л. Т., Силкин Н. Н., Корзунин В. А. Значение руководителя служебного коллектива органа внутренних дел в формировании нормативного поведения его участников: эмпирическое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 300–310. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-300-310

[9] Иваницкий А. Т. Организационно-педагогическая система профессионального развития и саморазвития курсантов (слушателей) вузов МВД России : дис. … д-ра пед. наук. Санкт-Петербург, 2000. 354 с.

[10] Хальзов В. И., Смирнов Ю. В. Развитие самостоятельности в профессиональной деятельности у курсантов образовательных учреждений МВД России в ходе проведения ситуационно-ролевых игр// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3 (59). С. 158–162.

[11] Например, Об утверждении Положения об оперативном совещании у начальника Санкт-Петербургского университета МВД России : приказ Санкт-Петербургского университета МВД Росси от 25 апреля 2025 г. № 382. Документ опубликован не был.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

вопросов могут принимать участие приглашенные лица; заседания организуются на принципах законности, соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина, централизации управления, сочетания коллегиальности и единоначалия и других. Перечисленные положения являются важными организационно-управленческими и педагогическими условиями профессионального развития личного состава, т. к. позволяют: комплексно подходить к решению задач служебной деятельности, стоящих перед образовательной организацией; оперативно и гибко реагировать на любые изменения оперативной обстановки и учебно-воспитательного процесса; анализировать в присутствии руководителей образовательной организации и руководителей всех ее структурных подразделений результаты деятельности образовательной организации в целом и отдельных структурных подразделений; анализировать возникающие на различных уровнях управления и исполнения затруднения при достижении поставленных целей; использовать коллективную форму выработки управленческих и педагогических решений; приглашать на заседания ведущих специалистов по различным направлениям деятельности образовательной организации в целях их дальнейшего совершенствования.

Для того чтобы оперативное совещание имело не только управленческий эффект, но и носило ярко выраженный воспитательный и обучающий характер, необходимо определить его педагогические цели и наполнить педагогическим содержанием. Заседания оперативного совещания следует рассматривать как образовательное событие, как способ передачи и освоения профессиональных знаний, ценностей и распространения положительного опыта; как пространство профессионального и ценностно-смыслового взаимодействия начальника образовательной организации системы МВД России с личным составом; как событийное взаимодействие между постоянными участниками оперативного совещания. Такой подход позволяет руководителю при проведении оперативного совещания решать не только текущие оперативно-служебные задачи, но и задачи политико-воспитательные, а возникшие служебные ситуации на совещании преобразовывать в педагогические ситуации.

Следствием реализации такого подхода становится переосмысление участниками оперативного совещания своего профессионального опыта. Они как бы разворачиваются из прошлого через настоящее в будущее и действуют в целостном пространственно-временном контексте, заново осознают имеющийся опыт, понимают значение происходящих событий «здесь и сейчас» для успешности собственного профессионального развития и по-новому прогнозируют свою деятельность в будущем. Оперативное совещание приобретает для сотрудников не только профессиональный, но и личностный смысл. Совещание становится для них источником «живого знания и опыта» в ситуациях компетентного предметного действия и поступка, источником уточнения и детализации ориентировочной основы дальнейшей профессиональной деятельности.

Анализ содержания вопросов, рассмотренных на заседаниях оперативного совещания в образовательных организациях системы МВД России, показал, что ежегодно рассматриваются вопросы, обязательные к заслушиванию в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации и локальными нормативными актами образовательных организаций, а также вопросы по основным направлениям деятельности (учебной, научной, по работе с личным составом, по организации службы, по тыловому обеспечению, по финансовому обеспечению) (таблица 1).

Таблица 1

Перечень вопросов, рассматриваемых на оперативном совещании

Table 1

List of issues discussed at the command staff meeting

№ п/п	Рассматриваемые вопросы на заседаниях оперативного совещания	Докладчики
1	Об организации работы и системе контроля за выполнением Программы развития образовательной организации; Плана работы образовательной организации МВД России на календарный год и других планов	Исполнители, указанные в планирующей документации, заместители начальника образовательной организации по направлениям деятельности
2	О развитии приоритетного профиля подготовки образовательной организации в соответствии с приказом МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных организаций МВД России»	Заместитель начальника университета, ответственный за развитие приоритетного профиля подготовки

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Рассматриваемые вопросы на заседаниях оперативного совещания	Докладчики
3	О проведенной работе по направлениям служебной деятельности (учебной, научной, по работе с личным составом, по организации службы, по тыловому обеспечению, по финансовому обеспечению) за текущий период	Заместители начальника образовательной организации по направлениям деятельности
4	Об организации в образовательной организации оперативного внутреннего контроля за работой структурных подразделений и направлений деятельности	Заместитель начальника образовательной организации, на которого возложена эта обязанность
5	Об организации работы отдельных структурных подразделений и мерах по повышению эффективности и результативности деятельности	Начальники структурных подразделений
6	О подготовке к проведению значимых событий, мероприятий, памятных дат	Должностное лицо, ответственное за проведение
7	О готовности образовательной организации к проведению вступительной кампании, о текущем состоянии, проблемах комплектования переменным составом и путях их решения	Ответственный секретарь приемной комиссии, заместитель начальника образовательной организации
8	О результатах проведения вступительной кампании и выполнении плана комплектования на учебный год	Ответственный секретарь приемной комиссии, заместитель начальника образовательной организации
9	Об итогах комплексной проверки структурного подразделения	Председатель комиссии комплексной проверки структурного подразделения, заместитель начальника образовательной организации, несущий ответственность за деятельность структурного подразделения
10	Об организации и состоянии системы управления учебно-воспитательным процессом и методической деятельностью в образовательной организации	Заместитель начальника образовательной организации, ответственный за учебно-воспитательный процесс
11	Об организации изучения процесса адаптации обучающихся всех форм обучения к новым условиям учебной (служебной) деятельности, формировании конструктивного взаимодействия подразделений образовательной организации в целях минимизации адаптационного периода на начальном этапе обучения курсантов и слушателей	Заместитель начальника образовательной организации, ответственный за учебно-воспитательный процесс, начальник факультета, начальники (сотрудники) подразделений по работе с личным составом, осуществляющие психологическую работу и политико-воспитательную работу
12	О результатах реализации программ профессионального обучения и программ дополнительного профессионального образования, а также о результатах работы с данной категорией слушателей всеми участниками учебно-воспитательного процесса	Заместитель начальника образовательной организации, ответственный за учебно-воспитательный процесс, начальник факультета, начальник (сотрудник) подразделения по работе с личным составом, осуществляющий политико-воспитательную работу
13	Об итогах проведенной работы в истекшем периоде по поддержанию служебной дисциплины и законности в отдельных структурных подразделениях, о проблемных вопросах, путях решения, мерах по совершенствованию деятельности	Начальники структурных подразделений, начальник инспекции по работе с личным составом, заместитель начальника образовательной организации по работе с личным составом
14	О противодействии коррупции	Заместитель начальника по работе с личным составом

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Рассматриваемые вопросы на заседаниях оперативного совещания	Докладчики
15	О материальном и материально-техническом обеспечении образовательной организации, о проблемных вопросах, путях решения, мерах по совершенствованию деятельности	Заместитель начальника по тыловому обеспечению
16	Об итогах служебных командировок	Заместитель начальника по работе с личным составом
17	Об организации и состоянии работы в филиале образовательной организации	Начальник филиала
18	Об организации и состоянии работы на факультете	Начальник факультета и заместители начальника факультета по отдельным направлениям
19	Об организации и состоянии работы по обеспечению личного состава образовательной организации социальными гарантиями	Заместитель начальника образовательной организации по работе с личным составом
20	О контрактации и реализации лимитов бюджетных обязательств	Заместитель начальника по тыловому обеспечению
21	О приемке товаров, работ, услуг	Заместитель начальника по тыловому обеспечению
22	О контроле за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг	Заместитель начальника по тыловому обеспечению
23	Об организации работы по обеспечению пожарной безопасности в образовательной организации	Заместитель начальника по тыловому обеспечению
24	Об организации и состоянии работы по обеспечению безопасности объектов образовательной организации от преступных посягательств	Заместитель начальника образовательной организации по организации службы, заместитель начальника по тыловому обеспечению
25	Об итогах работы по социально-жилищному обеспечению в образовательной организации	Председатель или секретарь жилищно-бытовой комиссии; об актуальных вопросах правовой работы в образовательной организации и мерах по ее совершенствованию докладывает начальник правового подразделения
26	Об организации мероприятий в образовательной организации с участием иностранных граждан, о мерах по повышению эффективности и контроля	Должностное лицо, ответственное за приглашение и размещение иностранных граждан
27	Об организации и состоянии работы по ведению Сервиса обеспечения кадровой деятельности МВД России	Начальник отдела кадров
28	Об организации в образовательной организации работы по охране труда	Начальник отдела кадров
29	Об организации в образовательной организации внутреннего финансового контроля	Начальник финансового подразделения
30	О санитарно-техническом состоянии помещений, зданий, сооружений и территории объектов образовательной организации и проведенной работе в текущем периоде	Заместитель начальника образовательной организации по тыловому обеспечению
31	О результатах проведения различного вида практик с обучающимися	Заместитель начальника образовательной организации, ответственный за учебно-воспитательный процесс, начальник управления (отдела) учебно-методической работы

Окончание таблицы 1

№ п/п	Рассматриваемые вопросы на заседаниях оперативного совещания	Докладчики
32	Об итогах работы по разработке локальных нормативных актов в образовательной организации	Начальник правового подразделения
33	О подведении итогов служебной деятельности за календарный год	Заместители начальника образовательной организации по направлениям деятельности

Рассмотрение данных вопросов в процессе заседаний оперативного совещания при правильно организованной педагогической работе со стороны начальника образовательной организации позволяет выявить и распространить положительный профессиональный опыт среди участников оперативного совещания, обнаружить упущения в работе по отдельным направлениям деятельности образовательной организации и в работе конкретных должностных лиц, обсудить в высококвалифицированной среде профессионального сообщества – с руководителями всех структурных подразделений – причины упущений, факторы, которые этому способствовали, выработать меры по дельнейшему совершенствованию деятельности. Это позволяет абстрагировать конкретную служебную ситуацию, определить и уточнить последовательность действий, научить руководителей разрешать аналогичные ситуации в будущем.

В наиболее общем виде методический инструментарий оперативного совещания представлен таблице 2.

Таблица 2

Примерный сценарий оперативного совещания

Table 2

Sample agenda for the command staff meeting

Миссия	Создать условия личностного и профессионального развития личного состава образовательной организации системы МВД России
Цель использования	Распространить положительный опыт профессиональной деятельности; помочь руководителям структурных подразделений преодолеть трудности в служебной деятельности, создать условия для развития у сотрудников личностных и профессионально значимых качеств, духовно-нравственных ценностей
Решаемые задачи	Создать условия для переосмысления личным составом образовательной организации системы МВД России своего профессионального опыта и поведения; обозначить направления дальнейшего развития образовательной организации и согласовать действия личного состава по достижению целей образовательной организацией; научить руководителей структурных подразделений организовывать и осуществлять политико-воспитательную работу с личным составом
Способ взаимодействия	Диалоговый стиль общения в процессе обсуждения значимых служебных ситуаций, упущений в работе по отдельным направлениям деятельности образовательной организации системы МВД России и в работе конкретных должностных лиц; конструктивная критика действий и поступков с опорой на положительные качества личности; коллегиальный характер обсуждения выступлений участников оперативного совещания и принятия решений; оказание помощи в процессе выступления вновь назначенным руководителям структурных подразделений и не имеющим опыта выступления на оперативном совещании
Пространственно-средовое обеспечение	Выступление на оперативном совещании осуществляется за трибуной; выступающий располагается лицом к аудитории; соблюдение регламента выступления; использование дистанционной формы участия руководителей и сотрудников филиалов при их невозможности участия очно

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Окончание таблицы 2

Психолого-педагогические основания потенциала	Создание условий для диалога в профессиональном сообществе; объединение разновозрастной аудитории с различным управленческим и профессиональным опытом
Способ и содержание	1. Вручение сотрудникам образовательной организации системы МВД России государственных наград и ведомственных знаков отличия, поощрение правами начальника образовательной организации; вручение погон при присвоении очередного специального звания; чествование сотрудников, добившихся высоких показателей в служебной, спортивной, творческой деятельности; чествование сотрудников, уволенных со службы в органах внутренних дел; представление сотрудников, назначенных на вышестоящую должность; поздравление участников оперативного совещания с днем рождения. 2. Исключение формального подхода со стороны руководителей структурного подразделения при подготовке к выступлению на оперативном совещании: оценка качества подготовки справки; проверка знания содержания документов стратегического планирования, нормативных правовых актов, локальных актов образовательной организации, должностного регламента (инструкции). 3. Исключение формального подхода со стороны руководителей структурных подразделений в работе с личным составом. 4. Оценка умения со стороны руководителя структурного подразделения: – планировать деятельность структурного подразделения; – организовывать работу в структурном подразделении; – осуществлять мониторинг деятельности структурного подразделения и делать правильные выводы; – готовить служебные документы; – принимать управленческие решения; – вырабатывать меры по совершенствованию работы структурного подразделения; – анализировать, оценивать и докладывать результаты выполнения поставленной задачи начальником образовательной организации МВД России или заместителями начальника. 5. Разъяснение руководителям структурных подразделений недостатков, выявленных в служебной деятельности; анализ их причин; обучение участников оперативного совещания новым способам действия. 6. Содействие развитию у руководителей структурных подразделений навыков служебного поведения, соответствующего профессиональным и этическим требованиям. 7. Оказание помощи руководителям структурных подразделений, вновь назначенным на должность, в адаптации, организация мероприятий введения в должность.

Проведение такой работы в процессе оперативного совещания на регулярной основе позволяет повысить компетентность участников оперативного совещания: развить личностные и профессиональные качества, совершенствовать способы аналитико-рефлексивной деятельности, которая предполагает «переход» сотрудников из мыслительного пространства нормативно-организационной деятельности в пространство анализа и проектирования личностно-ценностного способа деятельности; совершенствовать умение анализировать результаты и способы своей профессиональной деятельности, выявить проблемные зоны, дефициты и степень их выраженности в служебной деятельности, обнаруживать противоречия и находить пути их решения; на основе полученного профессионального опыта изменять представления о собственной профессиональной деятельности и наполнять ее новым смысловым содержанием; совершенствовать методы взаимодействия с личным составом при осуществлении политико-воспитательной работы, выстраивать собственное профессиональное развитие.

Закономерным результатом педагогического процесса станет формирование субъектной позиции профессионала ОВД, руководителя, позволяющей ему при высокой мотивации способствовать профессиональному развитию сотрудников вверенных подразделений.

Заключение

Оперативное совещание у начальника образовательной организации МВД России – это важная форма политико-воспитательной работы, которая способствует не только решению управленческих и организационных задач, но задач обучения и воспитания личного состава. Педагогический процесс рекомендуется реализовывать с помощью диалогического метода, метода проблемного обучения, кейс-метода и ориентирован на передачу начальником образовательной организации профессиональных знаний и личного опыта участникам оперативного совещания, развитие у них личностных и профессиональных качеств, взаимообогащение профессиональным опытом. В качестве методологической основы построения процесса предлагается придерживаться принципов неформального образования, контекстного обучения и воспитания, андрагогики.

Список источников

1. *Зыбин С. Ф.* Избранные труды : [монография]. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2012. 481 с.

2. *Илакавичус М. Р.* Практики неформального образования в системе морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10, вып. 6. С. 849–855. https://doi.org/10.30853/ped20250101

3. *Илакавичус М. Р.* Взаимодействие сообществ неформального образования взрослых и традиционных учебных организаций: концептуальные основы // Непрерывное образование: XXI век. 2020. № 2 (30). С. 29–39. https://doi.org/10.15393/j5.art.2020.5686

4. *Иванов Е. Ю.* Модель подготовки сотрудников суворовских военных училищ МВД России к педагогическому сопровождению социализации // Инновации в образовании. 2025. № 6. С. 85–92. https://doi.org/10.36809/2309-9380-2025-46-145-149

5. *Селин П. В.* Модель подготовки начальствующего состава и педагогических работников суворовского военного училища МВД России к совместной воспитательной деятельности // Человеческий капитал. 2022. № 8 (164). С. 183–193. https://doi.org/10.25629/HC.2022.08.21

6. *Самойлова Т. А.* Структура и содержание модели подготовки будущих сотрудников подразделений по вопросам миграции к межкультурной коммуникации в образовательных организациях высшего образования МВД РФ // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2024. Т. 16, № 3 (64). С. 35–45.

7. *Хисматулина Н. В.* Модель развития метапредметных компетенций у будущих судебных экспертов средствами профессионально ориентированной иноязычной подготовки и результаты ее апробации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2024. Т. 13, № 3 (48). С. 176–181.

8. *Гейжан Н. Ф., Бородавко Л. Т.* Особенности профессионального воспитания обучающихся в образовательных организациях высшего образования МВД России / Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2023) : материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2023 г. / под ред. Ю. А. Шаранова, В. Л. Ситникова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 186–191.

9. *Калиниченко И. А., Зиборов О. В., Гасанов К. К., Федотов А. Ю.* Содержание воспитательного процесса в контексте реализации образовательных программ высшего образования. Часть 2. Понятийный аппарат, основные концепции, тенденции развития // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 12–23. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-4-12-23

10. *Аврутин Ю. Е., Кикоть В. Я.* Кадровая политика и профессиональное образование в системе МВД России XXI века: горизонты развития // Юриспруденция XXI века: горизонты развития : Очерки. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. С. 213–268.

11. *Кубышко В. Л., Крук В. М., Федотов А. Ю.* Психологическая подготовка: уроки и перспективы в контексте профессионально-личностного развития специалиста // Психология и право. 2018. Т. 8, № 4. С. 219–235. https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080419

12. *Научная школа «Педагогика смысложизненных ориентаций в системе подготовки кадров для органов внутренних дел России»: актуальные направления* : монография / Ульянова И. В., Сердюк Н. В., Ярмак К. В., Попова Т. А. [и др.] / под ред. И. В. Ульяновой. Москва : ИП Колупаева Е. В., 2023. 273 с.

13. *Кустов П. В., Силкин Н. Н.* Патриотическая направленность как начальное звено в подготовке специалистов для органов внутренних дел // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 86-6. С. 67–70. https://doi.org/10.18411/trnio-06-2022-260

14. *Скляренко И. С., Ходякова Н. В.* Организация групповой учебной деятельности как проектирование личностно развивающей образовательной среды // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 249–255. https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10059

15. *Столяренко А. М., Пузанов Ю. П.* Личностно-формирующая функция высшего образования // Вестник Академии права и управления. 2008. № 11. С. 58–62.

16. *Федотов А. Ю., Медведев И. Н., Головатюк А. М.* Профессионально-личностное развитие офицера как фактор повышения профессиональной надежности // Вестник Академии военных наук. 2022. № 1 (78). С. 74–81.

17. *Педагогические подходы к развитию личности сотрудника органов внутренних дел* : монография / Ходякова Н. В., Сердюк Н. В., Скляренко И. С., Лозовицкая Г. П. [и др.]. Москва : Проспект, 2021. 192 с.

18. *Цветков В. Л., Хрусталева Т. А., Юрова А. С.* Структура и особенности развития профессиональной компетентности психолога ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 294–298. https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10299

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

19. *Вербицкий А. А.* Контекстное образование: теория и практика / Профессиональное развитие педагога : материалы Второй Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 25–30 мая 2017 г. Иркутск : Аспринт, 2017. С. 9–14.

20. *Илакавичус М. Р.* Неформальные образовательные практики и развитие образования взрослых // Европейский журнал социальных наук. 2016. № 4. С. 296–300.

21. *Мудрик А. В.* Социальная психология воспитания (избранные социально-педагогические очерки) : монография. Москва : Московский психолого-социальный университет, 2017. 440 с.

22. *Новикова Л. И.* Педагогика воспитания : Избранные педагогические труды : монография. Москва : Пер Сэ, 2010. 338 с.

23. *Реан А. А., Коновалов И. А., Ставцев А. А.* Педагог как субъект воспитания: возможности и риски / Психологические и педагогические проблемы образования в условиях цифровой трансформации и социальных вызовов : сборник статей / под ред. Н. В. Бордовской, С. Т. Посоховой. Москва : Русайнс, 2022. С. 80–92.

24. *Басюк В. С., Селиванова Н. Л., Шакурова М. В., Ромм Т. А.* Особенности современных практик вузов по приобщению студенческой молодежи к традиционным духовно-нравственным ценностям: проблемно-ориентированная экспертная оценка // Science for Education Today. 2025. Т. 15, № 4. С. 7–33. https://doi.org/10.15293/2658-6762.2504.01

25. *Киселева А. А., Стародубцев В. А.* Персональная образовательная сфера как агрегатор формального и неформального образования // Открытое образование. 2013. № 6 (101). С. 52–59.

26. *Давэй С., Сериков В. В.* Потенциал неформального образования в Китае и России // Педагогический журнал. 2024. Т. 14, № 8А. С. 15–21.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 378.6

Об основных результатах работы по модернизации производственной преддипломной практики на примере будущих участковых уполномоченных полиции

Андрей Иванович Бутиков

Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
Муринское городское поселение (188662, Ленинградская область, Всеволожский муниципальный район, производственная зона «Мурино», ул. Лесная, д. 18А), Российская Федерация
butikov-ai003@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-8850-8516

Аннотация:
Введение. *Проведение производственных (преддипломных) практик образовательными организациями в территориальных подразделениях МВД России дает возможность выпускникам полностью подготовиться к своей будущей служебной деятельности. Анкетирование выпускников и руководителей практик от территориальных подразделений позволило уточнить направления служебной деятельности, при изучении которых у практикантов возникали наибольшие затруднения. Изучение характера и причин проблемных вопросов, возникающих при прохождении производственной практики у слушателей – будущих участковых уполномоченных полиции – показало необходимость модернизации порядка организации и проведения таких практик. Экспериментальное исследование по определению и созданию необходимых организационно-педагогических условий проведения практического обучения и повышения его качества, проведенное в период 2022–2025 гг., подтвердило выдвинутую гипотезу и показало положительный результат при решении поставленных задач.*
Методы. *Методологическую основу исследования составили: системно-деятельностный подход для определения структурных элементов производственной практики и путей их модернизации; интегративно-модульный подход, направленный на выявление единого для всех субъектов обучения содержания задач и функций, возложенных на участковых уполномоченных полиции; компетентностный подход, определяющий условия взаимодействия всех субъектов организации и проведения производственных практик с учетом профессиональных требований. При проведении статистического анализа результативности экспериментальной работы применялся непараметрический критерий Манна–Уитни (U-критерий Манна–Уитни).*
Результаты. *Выявлена статистически значимая положительная динамика по всем критериям оценивания практической подготовки, входящим в программу производственной (преддипломной) практики для экспериментальной группы. Выделены организационно-педагогические условия совершенствования и модернизации производственных (преддипломных) практик.*

Ключевые слова:
производственная практика, модернизация, результаты, участковый уполномоченный полиции

Для цитирования:
Бутиков А. И. Об основных результатах работы по модернизации производственной преддипломной практики на примере будущих участковых уполномоченных полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 222–229.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025; одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

On the main results of the work to modernize the pre-diploma on-the-job practice, using the example of future district police officers

Andrej I. Butikov

Leningrad Regional Branch of St. Petersburg University of the MIA of Russia
18A, Lesnaya str., “Murino” industrial zone, Murino urban settlement, Vsevolozhsk municipal district, Leningrad region, 188662, Russian Federation
butikov-ai003@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-8850-8516

© Бутиков А. И., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Abstract:
Introduction. *Carrying out on-the-job (pre-diploma) practice in the territorial divisions of the Russian Ministry of Internal Affairs enables graduates of educational institutions to fully prepare for their future professional activities. A survey of graduates and on-the-job practice supervisors from territorial divisions made it possible to identify the areas of professional activity that caused the most difficulty for trainees. The study of the nature and causes of the problems encountered by trainees – future district police officers – during their on-the-job practice revealed the need to modernise the organisation and realisation of such practice. The experimental study to identify and create the necessary organisational and pedagogical conditions for practical training and improving its quality, conducted in 2022–2025, confirmed the hypothesis and showed positive results in solving the tasks set.*
Methods. *The methodological basis of the study consisted of: a system-activity approach to identify the structural elements of on-the-job practice and ways to modernise them; an integrative-modular approach aimed at identifying the content of tasks and functions assigned to district police officers that is common to all training subjects; a competency-based approach that defines the conditions for interaction between all subjects of the organisation and carrying out on-the-job practice based on professional requirements. The Mann-Whitney nonparametric test (Mann-Whitney U test) was used to conduct a statistical analysis of the effectiveness of the experimental work.*
Results. *Statistically significant positive dynamics was identified for all the criteria for assessing practical training included in the program of on-the-job (pre-diploma) practice for the experimental group. Organisational and pedagogical conditions for the improvement and modernization of on-the-job (pre-diploma) practice were identified.*

Keywords:
on-the-job practice, modernisation, results, district police officer

For citation:
Butikov A. I. On the main results of the work to modernise the pre-diploma on-the-job practice, using the example of future district police officers // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 222–229 .

The article was submitted September 25, 2025; approved after reviewing November 27, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Организация и проведение производственных практик для будущих участковых уполномоченных полиции, проходящих обучение в образовательных организациях МВД России, является важной частью образовательных программ. Объем блоков «Практика», согласно программам обучения, должен составлять не менее 24 зачетных единиц. Сама практика подразделяется на два вида – учебную и производственную, при этом основная роль в практическом обучении отводится производственной преддипломной практике, длительность которой составляет четыре месяца.

Результативность практического обучения во время преддипломной практики напрямую влияет на готовность выпускников к самостоятельному выполнению служебных обязанностей по окончании образовательной организации. Именно во время производственной (преддипломной) практики обучающиеся получают и закрепляют те практические умения, которые составляют основу профессиональных компетенций по получаемой специальности. Создание педагогических условий при организации практического обучения на высоком профессиональном уровне – основная задача руководителей практик от территориальных подразделений и преподавателей-кураторов.

Вопросы научного подхода к качественному улучшению организации практического обучения являются актуальными и требуют постоянного изучения и развития.

Значимый вклад в педагогический аспект формирования профессиональных компетенций у обучающихся в образовательных организациях МВД России внесли Л. Т. Бородавко [1], А. С. Душкин [2], А. Ю. Денисова [3], Е. А. Никитская [4] и другие.

Применение современных педагогических технологий в профессиональном обучении будущих участковых уполномоченных полиции не только необходимое условие качественного образовательного процесса, в нем заложена и возможность дальнейшей модернизации этих технологий в условиях непрерывного развития педагогики как науки.

В своих научных исследованиях А. Ю. Денисова делает акцент на вариативном подходе при организации проведения практик и считает необходимым условием согласованность взаимодействий всех субъектов на каждом из этапов проведения практик [5, с. 355].

Е. А. Никитская полагает, что системообразующим элементом практико-ориентированного обучения в высшей школе является специально организованная практика как форма педагогического процесса [6, с.443].

Считая практическую сторону профессиональной подготовки курсантов значимой и уникальной, Ю. А. Брылева предлагает применение кластерного подхода при обучении будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних [7, с. 189].

Однако, уделяя внимание применению различных педагогических технологий, направленных на достижение результативности практического обучения в связке педагог–практикант,

исследователями слабо изучены потенциальные возможности и проблематика педагогического взаимодействия непосредственно руководителей практики от территориального подразделения с обучающимися, приступившими к производственной практике.

Применение современных методов обучения при организации производственной (преддипломной) практики непосредственно руководителем практики – действующим участковым уполномоченным полиции, не имеющим педагогической подготовки, – может быть сопряжено с затруднениями. В то же время применение методических материалов, не адаптированных к их использованию сотрудниками полиции, не являющимися профессиональными педагогами, не может в полной мере способствовать достижению высоких результатов в формировании профессиональных компетенций у обучающихся.

В связи с этим возникла необходимость модернизации практического обучения в контексте комплексного подхода к его организации и проведению, а также исследования результативности проводимой опытно-экспериментальной работы и адаптации современных педагогических технологий к их применению руководителями практик от территориальных подразделений МВД России.

Цель исследования – определение и создание необходимых организационно-педагогических условий проведения практического обучения и повышение его качества.

Методы

Методологическую основу исследования составили:

– системно-деятельностный подход, позволяющий определить структурные элементы производственной практики как педагогической системы и пути их модернизации;

– интегративно-модульный подход, направленный на выявление единого для всех субъектов содержания при проведении практик;

– компетентностный подход, определяющий целевую основу взаимодействия всех субъектов подготовки и проведения производственных практик.

При проведении исследования за основу были взяты профессиональные отношения, возникающие в группах закрытого взаимодействия «обучающийся - руководитель практики (действующий сотрудник)», а также оценивалась результативность практического обучения при его модернизации. Было проведено сопряжение изучаемых профессиональных компетенций по специальности «участковый уполномоченный полиции» с выполняемыми действиями обучающего характера, необходимыми для достижения этих профессиональных компетенций.

И. А. Третьякова пишет о содержании понятия «сопряжение» как о «мощном методологическом средстве умственной деятельности учащихся, студентов и преподавателей» [8, с. 1933] и «дидактическом принципе реализации системно-деятельностного и личностного подходов при формировании профессиональных компетенций» [9, с. 204].

Модель сопряженной образовательной системы профессионального педагогического образования представила Д. С. Ткач, которая говорит об «образовании особых устойчивых межсистемных связей, дающих ряд положительных педагогических эффектов, в т. ч. повышение уровня доверия, взаимной заботы между всеми участниками образовательного процесса» [10, с. 203].

Предложенная модель модернизации практического обучения заключалась в создании педагогических условий и разработке методического обеспечения для его использования руководителями практик от территориальных подразделений и обучающимися (практикантами), состоявшего из индивидуального задания, методических рекомендаций по проведению практики, критериев оценивания и программы дополнительной самостоятельной работы.

Индивидуальное задание подготовлено по модульному принципу обучения и состоит из 8 модулей практической работы, включающих основные направления деятельности участкового уполномоченного полиции в соответствии с нормативными документами, регулирующими этот вид служебной деятельности[1]:

– модуль «Административный участок» включает практические задания по обучению практической деятельности на территории закрепленного административного участка при совершении профилактических обходов и посещении зданий и сооружений;

– модуль «Прием граждан и рассмотрение обращений» направлен на участие обучающихся в приеме граждан в помещении участкового пункта полиции и в оформлении обращений от граждан во время приема.

[1] О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 (ред. от 06.02.2024) (зарег. в Минюсте России 03.07.2019, № 55115) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328491/ (дата обращения: 19.11.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

– модуль «Проведение индивидуальной профилактической работы» обеспечивает обучение практикантов работе с различными категориями поднадзорных лиц;

– модуль «Проведение участковым уполномоченным полиции иных мероприятий по профилактике правонарушений» наполнен практическими мероприятиями по осуществлению контроля за поведением лиц различных категорий;

– модуль «Рассмотрение дел об административных правонарушениях» направлен на обучение осуществлению производства по делам об административных правонарушениях;

– модуль «Раскрытие преступлений» направлен на формирование профессиональных компетенций по выявлению и раскрытию преступлений;

– модуль «Розыск» включает в себя мероприятия по осуществлению розыска лиц;

– модуль «Электронные сервисы» направлен на обучение работе в «Сервисе охраны общественного порядка» Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России.

А. А. Рожков считает, что «формирование готовности к любому виду деятельности должно осуществляться не само по себе с помощью методов убеждения и внушения, а через выполнение действующим субъектом конкретных действий и операций, входящих в состав этой деятельности» [11, с. 90].

Индивидуальное задание позволяет практикантам системно изучить перечень практических мероприятий служебной деятельности, с которыми они в обязательном порядке должны ознакомиться в период проведения практики, и дает возможность практиканту осуществлять самоконтроль за ходом практики, позволяет накопить и систематизировать материалы для отчета по результатам практического обучения.

Методические рекомендации по практическому обучению в период прохождения производственных (преддипломных) практик предназначены для руководителей практик от территориальных подразделений и раскрывают перечень необходимых действий по организации изучения и выполнения основных обязанностей участкового уполномоченного полиции в соответствии с каждым из восьми модулей индивидуального задания. Методические рекомендации также помогают осуществлять руководителям производственных практик более полное и детальное личное участие в процессе обучения практикантов, о недостатке которого пишет И. Н. Тюрина: «Недостаточное участие в практической деятельности отмечается и самими обучающимися в качестве недостатков при прохождении практики» [12, с. 120].

Руководители практики на основе методических рекомендаций имеют возможность планово построить работу обучающихся по выполнению ими конкретных практических заданий, сопряженных с необходимыми профессиональными компетенциями. «Принципиально важно, чтобы за период прохождения практики в территориальном органе МВД России обучающиеся выполнили все задачи и все виды работ, изложенные в программе практики», считают О. О. Попова и Л. В. Кузнецова [13, с. 150].

Поэтапное и неоднократное выполнение изучаемых практических действий обеспечивает получение профессиональных умений с их последующим закреплением.

Для выработки критериев оценивания уровня готовности обучающихся к самостоятельной работе было проведено сопряжение 35 изучаемых профессиональных компетенций по специальности с индивидуальным заданием модульного типа и практическими действиями обучающего характера, необходимыми для достижения этих профессиональных компетенций в соответствии с каждым изучаемым практическим модулем, с пятибалльной системой оценивания выполняемых практических заданий.

С целью выявления затруднений, возникающих при прохождении модернизированного практического обучения и внесения необходимых корректировок по окончании производственных (преддипломных) практик, проводилось анкетирование обучающихся.

На основе результатов выявленных затруднений при формировании профессиональных компетенций для обучающихся составлялась программа дополнительного самостоятельного изучения служебных мероприятий, предусмотренных индивидуальным заданием.

Результаты

В период с 2022 по 2025 год к экспериментальной работе по модернизации практического обучения привлекались слушатели выпускных курсов – будущие участковые уполномоченные полиции, во время прохождения ими производственной (преддипломной) практики.

Общая численность слушателей, принявших участие в проведенном исследовании, составила 213 человек, из которых 106 вошли в экспериментальную группу, 107 – в контрольную группу. Распределение участников эксперимента по годам показано в таблице 1.

Таблица 1

Количество участников экспериментальной работы в период с 2022 по 2025 гг.

Table 1

Number of participants in the experimental work in 2022–2025

Год	Экспериментальная группа (количество человек)	Контрольная группа (количество человек)
2022	30	30
2023	33	33
2024	23	23
2025	20	21

После окончания производственных практик проводился анализ результативности проводимой модернизации практического обучения, при необходимости в программу вносились изменения и корректировки, направленные на ее совершенствование. Изменения касались как непосредственно самих методических материалов обучения в связи с изменениями в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность участкового уполномоченного полиции, так и организации дополнительной самостоятельной работы слушателями по изучению практических и теоретических вопросов до начала практического обучения и по окончании производственной (преддипломной) практики.

Оценка результативности проведенной экспериментальной работы по модернизации практического обучения показала увеличение среднего балла оценивания уровня овладения профессиональными компетенциями в экспериментальной группе больше, чем в контрольной группе, на 0,5 балла (таблица 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика результатов подготовленности слушателей после прохождения производственной практики

Table 2

Comparative characteristics of the results of trainees proficiency after completing on-the-job practice

средний балл
average score

Оцениваемый критерий	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Полученные профессиональные компетенции	4,517	4,000

Выявлены значимые положительные отличия у слушателей, входящих в экспериментальную группу, в сравнении со слушателями контрольной группы по усвоению необходимых практических умений и овладению профессиональными компетенциями до необходимого уровня, позволяющего самостоятельно выполнять служебные обязанности по окончании образовательной организации.

Для обнаружения статистически значимых различий между независимыми группами применялся непараметрический критерий Манна–Уитни (U-критерий Манна–Уитни), который подтвердил достоверность результатов в положительной выраженности показателей полученных данных при освоении практикантами 34 профессиональных компетенций из 35 вошедших в программу модернизированного обучения (ПК-3, ПК-5, ПК-6, ПК-10, ПК-12, ПК-14, ПК-15, ПК-16, ПК-18, ПК-20, ПК-21, ПК-22, ПК-23, ПК-25, ПК-26, ПК-27, ПК-28, ПК-29, ПК-30, ПК-31, ПК-32, ПК-33, ПК-34, ПК-35, ПК-37, ПК-38, ПК-39, ПК-40, ПК-41, ПК-42, ПК-43, ПК-44, ПК-45, ПК-46, ПК-51).

Отсутствие значимых различий в овладении уровнем знаний и умений в экспериментальной и контрольной группах по профессиональной компетенции ПК-3 «Способен решать задачи профессиональной служебной деятельности по противодействию преступлениям и иным правонарушениям, в том числе совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

технологий и средств массовой информации» объясняется недостаточно конкретной формулировкой выполняемых участковым уполномоченным полиции практических действий при выполнении служебных обязанностей.

Результаты комиссионного оценивания защиты отчетов по производственной (преддипломной) практике также показали положительные отличия в результатах подготовленности слушателей экспериментальной и контрольной групп (таблица 3).

Таблица 3

Результаты комиссионного оценивания защиты отчетов по производственной (преддипломной) практике

Table 3

Results of the commission's assessment of the defense of on-the-job (pre-diploma) practice reports

Оцениваемый критерий	Экспериментальная группа		Контрольная группа		U- критерий Манна–Уитни	P
	Средний ранг	Средний балл	Средний ранг	Средний балл		
Итоговая оценка защиты практики	39,83	4,641	21,17	3,943	170,000	0,000

В основу проектирования оценочной системы модернизированной производственной практики были положены принципы профессионализма, ориентации на компетентность, квалификационной состоятельности, принцип организации обучающей среды, принцип рефлексивного практического обучения.

В соответствии с вышеназванными принципами были выделены критерии, внедрение которых согласно гипотезе исследования может повысить эффективность практической подготовки будущих участковых уполномоченных полиции. Объединяет эти критерии в единую систему субъект-субъектный подход обучающего и оценочного взаимодействия, который предполагает учет мнений и оценок всех субъектов, включенных в профессиональное обучение и производственную практику – преподавателей, руководителей практик и слушателей (практикантов).

1. Готовность к выполнению служебных обязанностей. Показателем является служебная характеристика практиканта.

2. Полнота практического опыта. Показателем является оценка руководителя практики в территориальном органе.

3. Самооценка полноты практических умений. Показателем является оценка результатов практики слушателем.

4. Самооценка удовлетворенности слушателя процессом практики. Показателем является самоотчет практиканта.

Предложенный комплекс оценок позволил оценить результативность модернизированной практики, как по среднему баллу оценивания результатов практической подготовки, так и по каждому критерию и показателям в частности. По данной системе оценивалась как экспериментальная, так и контрольная группа, а результаты подтвердили достоверность в положительной выраженности показателей полученных данных (таблица 4).

Таблица 4

Статистические данные результатов экспериментальной работы по модернизации практического обучения

Table 4

Statistical data on the results of the experimental work to modernise practical training

Оцениваемые критерии	Экспериментальная группа		Контрольная группа		U-критерий Манна–Уитни	P
	Средний ранг	Средний балл	Средний ранг	Средний балл		
Готовность к выполнению служебных обязанностей	146,79	4,820	67,58	3,916	1453,000	0,000

Окончание таблицы 1

Оцениваемые критерии	Экспериментальная группа		Контрольная группа		U-критерий Манна–Уитни	P
	Средний ранг	Средний балл	Средний ранг	Средний балл		
Полнота полученного практического опыта	150,12	4,886	64,28	3,981	1100,000	0,000
Самооценка полноты полученных практических умений	144,94	4,877	69,42	4,168	1649,500	0,000
Самооценка удовлетворенности практикой	147,46	4,924	66,92	4,168	1382,000	0,000

Заключение

Анализ результатов опытно-экспериментальной работы позволяет сделать вывод, что модернизация подготовки и проведения производственных (преддипломных) практик существенно увеличивает уровень готовности и подготовленности выпускников образовательной организации к практической работе в территориальных органах МВД России.

Особенно заметны различия по критериям «Готовность к выполнению служебных обязанностей» и «Полнота практического опыта».

Вместе с тем анализ и обобщение результатов проведенной работы показал, что возможно дальнейшее совершенствование организации и проведения производственных практик. Были выделены следующие организационно-педагогические условия их совершенствования и модернизации, т. е. приведения педагогического сопровождения практик в соответствие с меняющимися современными условиями:

1) учет региональной специфики [14, с. 87] при организации производственных (преддипломных) практик и поддержание взаимосвязи педагог–практикант в случаях прохождения практик слушателями в местах будущего прохождения службы, находящихся не в регионе расположения образовательной организации;

2) определение структурных подразделений МВД России с наличием положительного передового опыта по направлениям служебной деятельности в соответствии со специализациями обучения курсантов и слушателей, направляемых на производственные практики;

3) проведение производственных (преддипломных) практик в условиях мегаполиса – в условиях максимальной интенсивности преступности с учетом криминологических прогнозов;

4) совершенствование производственных (преддипломных) практик с учетом индивидуальных особенностей слушателей;

5) проведение мониторинга [15, с. 169] отзывов руководителей территориальных подразделений МВД России об уровне готовности выпускников и предложений по совершенствованию практического обучения.

Список источников

1. *Бородавко Л. Т.* Улучшение педагогической диагностики курсантов вузов МВД России в процессе обучения, как основное условие совершенствования их профессионального развития / Проблемы непрерывного профессионального образования : сборник научных трудов по материалам межвузовской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 22 октября 2014 г. / под ред. Л. Н. Бережновой. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт ВВ МВД России, 2014. С. 31–36.

2. *Душкин А. С., Баринова М. Г., Коноплева И. Н., Душкина Е. В.* Субъективные и объективные показатели, влияющие на удовлетворенность профессиональной служебной деятельностью сотрудников органов внутренних дел // Психология и право. 2025. Т. 15, № 1. С. 193–208. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150113

3. *Денисова А. Ю.* Современные подходы и опыт организации учебной, производственной практик как компонентов профессиональной подготовки будущих специалистов правоохранительных органов // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2024. № 1 (46). С. 101–106.

4. *Никитская Е. А.* Межведомственная профессионально-ориентированная межвузовская практика обучающихся высшей школы как инновационная образовательная технология // Вестник педагогических наук. 2025. № 5. С. 164–168.

5. *Денисова А. Ю., Тихомиров С. Н.* Условия совершенствования производственной практики как важного элемента практической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России // Педагогический журнал. 2024. Т. 14, № 5А. С. 353–364.

6. *Никитская Е. А., Мудрик А. В.* Практика как важнейший компонент профессиональной подготовки будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних на этапе обучения в высшей школе // Российский девиантологический журнал. 2024. Т. 4, № 3. С. 440–452. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-3-440-452

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

7. *Брылева Ю. А.* Кластерный подход в подготовке социальных педагогов / Шамовские педагогические чтения : сборник статей XIV Международной научно-практической конференции : в 2-х ч., г. Москва, 22–25 января 2022 г. Москва : Научная школа управления образовательными системами, 2022. Ч. 1. С. 189–192.

8. *Третьякова И. А.* Сопряжение как внутренняя сторона взаимодействия и методология познания // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-9. С. 1929–1933.

9. *Третьякова И. А.* Методологическая роль категории сопряжения в формировании профессиональных компетенций будущего учителя // Современные проблемы науки и образования : [электронный журнал]. 2017. № 2. С. 204. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=26340

10. *Ткач Д. С.* Сопряженная образовательная система профессионального педагогического образования // Вестник МГИМО–Университета. 2013. № 1 (28). С. 200–204. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-1-28-200-204

11. *Рожков А. А., Хрусталева Т. А.* Психологические и педагогические особенности формирования готовности сотрудников органов внутренних дел к пресечению противоправных действий // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4 (37). С. 88–92.

12. *Тюрина И. Н.* Пути повышения эффективности проведения производственной преддипломной практики / Право и политика: история и современность : материалы Восьмой международной научно-практической конференции, г. Омск, 14–15 ноября 2019 г. / ред. кол.: А. В. Быков, Т. Е. Грязнова, Е. С. Зайцева, М. А. Кожевина [и др.]. Омск : Омская академия МВД России, 2020. С. 119–122.

13. *Попова О. О., Кузнецова Л. В.* Особенности практической подготовки в образовательных организациях МВД России // Молодежный вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2024. № 1. С. 147–151.

14. *Григорьев А. Н., Крамаренко В. П.* Использование методологии ситуационного подхода в профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (56). С. 85–88.

15. *Буткевич С. А.* Организационно-правовые основы деятельности участковых уполномоченных полиции в современных условиях: проблемные вопросы и их решение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10, № 4. С. 165–175.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 378

Методологические основания подготовки сотрудников, осуществляющих информационно-пропагандистскую работу в подразделениях органов внутренних дел

Наталия Федоровна Гейжан[1], доктор педагогических наук, профессор
Игорь Андреевич Кравцун[2], адъюнкт

[1, 2] Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
[1] naftus@yandex.ru, [2] kravia52@gmail.com
[1] https://orcid.org/0000-0002-1272-8766, [2] https://orcid.org/0009-0007-1818-7888

Аннотация:
Введение. *В статье обсуждается процесс обоснования и выбора методологических и теоретических подходов к исследованию проблем подготовки сотрудников подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел (далее – ОВД), ответственных за информационно-пропагандистскую работу (далее – ИПР). Показывается необходимость подготовки и переподготовки сотрудников по ИПР в ОВД. Рассматриваются четыре уровня методологии в научных исследованиях. Основное внимание уделяется обоснованию выбора и содержательному раскрытию методологических оснований, определяющих теоретические и методические подходы к подготовке сотрудников по ИПР для ОВД.*
Методы исследования. *Анализ методологии в психолого-педагогических исследованиях; рассмотрение нормативных требований к работе сотрудников по ИПР; анализ понятий и видов деятельности в информационно-пропагандистской работе с сотрудниками ОВД; теоретические и методические выводы.*
Результаты. *На основе анализа возможных методологических подходов в сопоставлении с задачами информационно-пропагандистской работы с сотрудниками ОВД доказываются преимущества и продуктивность личностно-развивающего, субъектно-деятельностного и герменевтического подходов к подготовке и переподготовке кадров в заявленной сфере. Анализируется влияние этих подходов на теоретические основы исследования, а также на организацию и содержание опытно-экспериментальной работы по теме подготовки, повышения квалификации и спецкурса сотрудников по ИПР для ОВД в образовательных организациях высшего образования в системе МВД России.*

Ключевые слова:
информационно-пропагандистская работа в органах внутренних дел, подготовка сотрудников по ИПР для ОВД, методология исследования подготовки и переподготовки кадров, процесс выбора методологии исследования

Для цитирования:
Гейжан Н. Ф., Кравцун И. А. Методологические основания подготовки сотрудников, осуществляющих информационно-пропагандистскую работу в подразделениях органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 230–241.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Methodological foundations for training specialists engaged in information and political education work within law enforcement agencies

Natalya F. Geyzhan[1], Doc. Sci. (Ped.), Professor
Igor A. Kravtsun[2], Postgraduate

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
[1] naftus@yandex.ru, [2] kravia52@gmail.com
[1] https://orcid.org/0000-0002-1272-8766, [2] https://orcid.org/0009-0007-1818-7888

© Гейжан Н. Ф., Кравцун И. А., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Abstract:
Introduction. *The article discusses the process of justifying and selecting methodological and theoretical approaches to researching the training of human resources staff in law enforcement responsible for information and political education work (IPEW). The necessity of training and retraining law enforcement officers in information and political education work is demonstrated. Four levels of methodology in scientific research are described. The primary focus is placed on justifying the choice and substantively elaborating the methodological foundations that underpin the theoretical and methodological approaches to training IPEW specialists for law enforcement agencies.*
Research methods. *The study employs analysis of methodology in psychological and pedagogical research; examination of regulatory requirements for IPEW specialists; analysis of concepts and activities in information and political education work among law enforcement personnel; theoretical and methodological conclusions.*
Results. *Based on the analysis of potential methodological approaches in relation to the objectives of information and political education work for law enforcement personnel, this study substantiates the advantages and efficacy of the person-centered developmental, subject-activity, and hermeneutic approaches for relevant training and professional development. The influence of these approaches on the theoretical foundations of the research, as well as on the organisation and content of experimental work on training, professional development, and specialised courses for IPEW specialists in higher education institutions of the RF Ministry of the Interior is analysed.*

Keywords:
information and political education work within law enforcement agencies, training of IPEW specialists for law enforcement agencies, methodology for researching personnel training and retraining; research methodology selection process

For citation:
Geyzhan N. F., Kravtsun I. A. Methodological foundations for training specialists engaged in information and political education work within law enforcement agencies // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 230–241.

The article was submitted April 21, 2025; approved after reviewing October 6, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Исследование любого психолого-педагогического явления уже на первом этапе требует определения методологических основ, той базы, на которой будет строиться и теоретическая, и опытно-экспериментальная работа. Как показал предварительный анализ, подготовка сотрудников, осуществляющих информационно-пропагандистскую работу (далее – ИПР) в подразделениях органов внутренних дел (далее – ОВД), стала в высокой степени актуальной проблемой в связи с быстро меняющейся социально-политической ситуацией, которая напрямую связана с широким распространением и возможностями современных средств массовой информации, в т. ч. деструктивного, враждебного характера.

Действующие в настоящее время программы подготовки и повышения квалификации сотрудников подразделений по работе с личным составом, в обязанности которых входит проведение ИПР, перегружены содержанием большого количества функциональных обязанностей, возложенных на эти подразделения [1; 2], и остаются мало теоретически и методически разработанными.

Выход в 2024 году приказа МВД России № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»[1] усилил внимание к задачам и направлениям информационно-пропагандистской работы в ОВД, а также ее теоретическому и методическому обеспечению. Тем более важно определить методологические основания для организации и проведения исследований и экспериментальной проверки теоретических выводов в этом направлении.

В педагогической литературе традиционным стало выделение четырех уровней методологии, которые часто предлагаются в различающихся формулировках:

1. Общенаучный – законы диалектики как теории линейного, поступательного развития; законы функционирования систем как взаимодействия целого и его элементов; законы синергетики как теории развития саморазвивающихся, неравновесных систем – определяет мировоззренческую, философскую основу исследования в любой области науки.

2. Концептуальный – на этом уровне действуют законы и закономерности конкретных наук, близких областей знания, в нашем случае гуманитарных. Он определяет общие идеи, парадигмы, основные подходы к изучению объекта исследования.

3. Теоретический – определяются принципы, идеи, взгляды, позиции исследователей в конкретной науке, в нашем случае – педагогики, андрагогики как науки об образовании взрослых, педагогической психологии высшей школы.

4. Научно-методический или технологический – определяет выбор методов изучения психолого-педагогических явлений и проведения опытно-экспериментальной работы в конкретной области исследования.

[1] Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 (зарег. в Минюсте России 20.09.2024, № 79534) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сетевое издание]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024 (дата обращения: 10.04.2025).

«Если первый и второй уровень чаще в исследованиях относят к методологической основе, то третий – к теоретической. До недавнего времени методологическая и теоретическая основа в диссертационных исследованиях прописывалась отдельно. В последние годы эти два основных положения совмещаются в „теоретико-методологические основания". Следует подчеркнуть, что трудности разделения подходов, концепций, теорий на трех рассмотренных уровнях нередко приводят к тому, что исследователь обосновывает так называемую „теоретико-методологическую" основу своей работы, смешивая методологические идеи с их дальнейшими теоретическими разработками. Это правомерно в ряде случаев, когда речь идет о представителях единой научной школы. Но чаще происходит из реальной сложности выделения теоретико-концептуального и теоретико-содержательного уровня»[2].

Действительно, второй и третий уровень методологии исследовательской работы наиболее сложны и требуют сопоставления большого количества разного рода обоснований для выбора продуктивной основы [3]. Сами по себе концепции, подходы, теории, принципы педагогического исследования являются взаимопроникающими, влияющими друг на друга, причем в разной мере в зависимости от объективных и субъективных условий. Ограничить и определить их выбор возможно как минимум при двух основаниях – теоретическом и практическом. Теоретически может быть полезно следующее суждение: «Методологическое знание, независимо от иерархического уровня его рассмотрения, выступает как знание о целесообразной деятельности в той или иной предметной области, приводящей, в конечном счете, к оптимальным, наиболее продуктивным результатам. В этом смысле методологический принцип – это руководящая норма деятельности, направленной на достижение поставленных целей в теории и практике»[3].

Практическим ориентиром и ограничителем выбора методологических оснований служит конкретный результат, на достижение которого направлено исследование – совершенствование системы подготовки сотрудников для ИПР в ОВД. Таким образом, центральной проблемой, решаемой в данной статье, становится поиск и комплексное обоснование такой методологической платформы, которая в наибольшей степени соответствовала бы специфике и высоким требованиям к профессиональной деятельности сотрудника, ответственного за ИПР в системе МВД России.

Целью статьи является теоретическое обоснование выбора и раскрытие содержания методологических подходов (личностно-развивающего, субъектно-деятельностного и герменевтического), определяющих построение процесса подготовки и переподготовки сотрудников для информационно-пропагандистской работы в подразделениях ОВД.

Методы

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, реализованный через взаимодополняющую систему методов. Системный анализ методологических основ психолого-педагогических исследований в области профессиональной подготовки сотрудников ОВД. Сравнительно-сопоставительный анализ современных концепций и подходов к формированию профессиональных компетенций в сфере информационного противоборства. Контент-анализ нормативной правовой базы, регламентирующей ИПР. Основным нормативным документом, определяющим задачи и формы пропагандистской деятельности, стал приказ МВД России № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»[4].

Основная часть

Определений категории «методология» множество. В прагматических целях можно трактовать ее как систему принципов и способов организации, построения теоретической и практической деятельности. Принципы – это базовые, фундаментальные правила, определяющие порядок и процесс достижения цели в конкретных условиях. Их нарушение уводит ход исследования в сторону, теория и методы не могут быть согласованы с методологической основой. Современная педагогическая мысль чаще использует для методологического обоснования слово «подходы», а «принципы» используются для описания теоретических основ. Какие основные подходы предлагаются в педагогической литературе, и какие из них наиболее соответствуют

[2] Гейжан Н. Ф., Никитина С. С. О методологии педагогики высшей школы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 154–161.

[3] Шипилина Л. А. Методология психолого-педагогических исследований : учебное пособие. 5-е изд., испр. Москва : Наука, 2013. С. 20.

[4] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024 (дата обращения: 10.04.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

задачам исследования подготовки сотрудников по ИПР для ОВД?

В первом приближении, не претендуя на окончательную классификацию, можно говорить о следующих подходах при выборе методологических оснований исследования в педагогической (психолого-педагогической) науке.

Сама формулировка темы исследования определяет первоначальные цель и средство педагогической деятельности[5]. Если объект – это собственно процесс (обучение, воспитание, формирование, развитие, подготовка, обеспечение, оптимизация, совершенствование), а предмет исследования заключен в его средствах, то цель выбирается, как правило, из двух основных характеристик – это *субъект* (обучающийся, курсант, слушатель, специалист, сотрудник, впервые поступающий на службу) или *личность* с ее ценностно-смысловыми, духовно-нравственными, социальными характеристиками. Много реже выделяется *индивидуальность* с ее стилевыми особенностями и уровнями социализации, но и здесь стили характеризуют больше субъектные качества, а социализация личностные.

По сути эти две цели – субъектные или личностные характеристики человека – определяют выбор тех методологических подходов, путей, на которых исследователь будет искать средства, позволяющие обучить, воспитать, подготовить или социализировать человека в педагогическом процессе.

Если акцент делается на обучении, развитии, подготовке субъекта (в высшей школе специалиста какого-то профиля), то речь обычно идет о знаниях, умениях, навыках, способностях, мышлении, опыте, практике, компетентностях. Субъект – это человек, который может действовать самостоятельно, ставить цели, выбирать средства, контролировать и оценивать процесс и результат. Методологическим основанием выбирается, как правило, *деятельностный* подход с большим разнообразием его характеристик. Например, в обучении выделяются проблемный подход, предполагающий формирование самостоятельности; акмеологический подход, ориентированный на вершины профессионализма; герменевтический, направленный на развитие понимания и интерпретации текстов и отношений.

Если акцент делается на воспитании, формировании, социализации *личности*, то речь идет о качествах, характеризующих отношение человека к себе, к другим, к делу, т. е. о самооценке, нравственности, ответственности, взаимоотношениях в командной работе, которые, формируясь и закрепляясь, переходят в убеждения, ценности, смыслы, мировоззрение. В этих случаях методологическим основанием становятся личностно-ориентированный, аксиологический, гуманитарный, антропологический, андрагогический подходы.

Но, как известно, личность не воспитывается по частям, нет обучения без воспитания, а воспитания без обучения, поэтому в современных педагогических исследованиях методологические подходы смешиваются, объединяются. Понимание целей обучения и воспитания усложняется через необходимость рефлексивного, культурно-исторического, системного и других подходов.

Результатом усложнения предмета исследования стало распространение комбинированных формулировок, требующих учета психологических основ педагогического взаимодействия. Наиболее распространенными из них можно считать такие, как субъектно-деятельностный, личностно-деятельностный, личностно-развивающий, гуманитарно-андрагогический, гуманитарно-антропологический. Конкретизация каждого из подходов определяется теоретическими принципами моделирования педагогического процесса в целом и его отдельных задач при разработке научно-методических основ исследования.

Выше говорилось, что выбор методологического основания для исследования любой темы, в т. ч. темы подготовки и переподготовки сотрудников, отвечающих за ИПР в ОВД, должен определяться практикой, компетентностной моделью специалиста. Как правило, модель бывает очень сложной в силу множества профессиональных задач, которые должен исполнять сотрудник, и здесь работает общенаучный принцип необходимого и достаточного основания при исследовании объекта.

Задачи информационно-пропагандистской работы в ОВД определяются ведомственным приказом[6], который требует от сотрудников по ИПР разъяснения политики государства, формирования активной гражданской позиции и укрепления доверия сотрудников к государственным институтам. Среди важных задач названы также защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической правды, рассмотрение актуальных

[5] О соотношении цели и средства как сущностной характеристики педагогики еще в 1923 году писал С. И. Гессен (Гессен С. И. Основы педагогики : Введение в прикладную философию : учебное пособие. Москва : Школа-Пресс, 1995. С. 23).

[6] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024 (дата обращения: 10.04.2025).

вопросов обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка. Предусматривается противодействие деструктивной идеологии, распространяемой в информационном пространстве, и формирование у сотрудников устойчивости к информационно-психологическим атакам.

Если выделить ключевые профессионально-важные качества для решения этих непростых задач, то нужно назвать как минимум следующие:

во-первых, это владение понятиями, содержанием и методами информационно-пропагандистской работы в условиях доступности, разнородности и разнонаправленности информационных потоков, усложнения международной обстановки и столкновения групповых интересов в стране;

во-вторых, это понимание сущности и социальной значимости ИПР во всей сложности взаимосвязей целого и его частей для государства, общества, отдельных личностей;

в-третьих, это выраженная личностная позиция каждого сотрудника по ИПР, осознающего собственные убеждения, ценностно-смысловые основы, мотивацию и цели взаимодействия в служебной деятельности сотрудников ОВД.

Перечисленные характеристики можно многократно усложнять, расширять перечень, углублять содержание, устанавливать их соподчинение, взаимосвязи и взаимовлияние. Но то, что эти качества являются сущностными, ключевыми, доказывается анализом практики, изучением затруднений и запросов сотрудников по ИПР в ОВД, выявленных на диагностическом этапе исследования, а также требованиями нормативных документов.

Выбор методологических оснований любого исследования предполагает не только обоснование продуктивности избранных подходов, но и критический анализ потенциальных альтернатив с объяснением причин отказа от них. В контексте нашего исследования подготовки сотрудников для ИПР в ОВД были рассмотрены и другие, широко распространенные в педагогике подходы, которые, однако, были признаны недостаточными или непродуктивными в качестве базовых.

Системный подход. Безусловно, системный подход является общенаучным, и его элементы должны учитываться при проектировании любой педагогической системы [4], включая подготовку кадров. Он позволяет рассматривать подготовку как целостный процесс, связанный с внешней средой. Однако, будучи взятым в качестве единственного или ведущего методологического основания, он оказывается слишком абстрактным и «обезличенным». Его применение позволяет описать структуру и связи элементов системы подготовки, но не дает ответа на ключевые вопросы о механизмах личностного становления сотрудника, ответственного за ИПР, формирования его субъектной позиции и развития способности к интерпретации сложных информационных потоков. Системный подход фиксирует статику и структуру, в то время как наше исследование сфокусировано на динамике личностно-профессионального развития.

Компетентностный подход. Данный подход является чрезвычайно популярным в современном профессиональном образовании, т. к. ориентирует на формирование конкретных практических результатов [5]. В контексте нашей темы он мог бы быть применен для формирования перечня компетенций сотрудника по ИПР. Тем не менее он не был взят в качестве методологического основания по нескольким причинам. Во-первых, он часто критикуется за сведение образовательного процесса к «натренированности» на выполнение стандартных операций. Во-вторых, и это главное, сущность ИПР заключается не столько во владении набором технологий (хотя это и важно), сколько в способности занимать осмысленную гражданско-нравственную позицию, убежденно ее отстаивать и гибко интерпретировать информацию в зависимости от контекста. Компетентностный подход, акцентируя внешне заданные стандарты, не затрагивает глубинные внутренние механизмы формирования убеждений и ценностей, которые являются центральными для нашей темы.

Аксиологический подход. Этот подход, ставящий во главу угла ценности и ценностные отношения [6], безусловно, очень близок к задачам нашего исследования. Более того, он неявно присутствует в выбранном нами личностно-развивающем подходе. Однако, будучи рассмотренным изолированно, аксиологический подход рискует свести подготовку к трансляции готового набора «правильных» ценностей без должного внимания к процессу их личностного присвоения, осмысления и выработки собственной позиции. Он может привести к дидактике и назиданию, в то время как наша задача – создать условия для самостоятельного ценностного самоопределения будущего специалиста в поле профессиональной деятельности, что требует соединения аксиологии с развитием рефлексии и субъектности.

Таким образом, отказ от рассмотренных альтернативных подходов в качестве методологического ядра исследования обусловлен их неспособностью в полной мере обеспечить

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

решение главной задачи теоретического и методического обоснования процесса, направленного на становление сотрудника ОВД как целостной личности, активного субъекта и компетентного интерпретатора в сфере ИПР. Выбранные же нами личностно-развивающий, субъектно-деятельностный и герменевтический подходы в их комплексном единстве позволяют преодолеть ограничения каждого из них в отдельности и создать целостную методологическую модель, адекватную объекту и предмету исследования.

Соответственно, методологическим основанием исследования темы «Подготовка сотрудников, осуществляющих информационно-пропагандистскую работу в подразделениях органов внутренних дел», были выделены три подхода: *субъектно-деятельностный*, *герменевтический* и *личностно-развивающий*. Каждый из них разносторонне рассмотрен в отечественной психолого-педагогической литературе, существует большое количество истолкований их сущности и возможностей. Поэтому требуется конкретизация и уточнение этих параметров при обосновании их выбора.

Субъектно-деятельностный подход получил распространение в 50–60-е годы XX века, раскрывая идеи С. Л. Рубинштейна, который сделал акцент на активности человека, познающего и преобразующего мир и самого себя в процессе деятельности. Этот подход получил широкое распространение в теориях развивающего обучения. Понятие субъекта трактуется как «качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам деятельности» [7; 8], как деятельное отношение к самому себе [9].

Вместе с тем в профессиональной педагогике высшей школы данный подход разработан недостаточно. На это справедливо указывает в докторском исследовании Г. В. Сороковых. «Процесс формирования личности будущего учителя анализируется в основном с позиций деятельностного, личностно-деятельностного, личностно-ориентированного, индивидуально-творческого подходов, что привносит в методологию педагогики терминологическую неясность, „размытость" понятийного аппарата, отождествление сущности различных категорий. До настоящего времени понятие „субъектно-деятельностный подход"» в теории и методике профессионального образования остается недостаточно разработанным, «что приводит к усилению противоречия между педагогической теорией и образовательной практикой» [10, с. 6]. Далее автор определяет субъектно-деятельностный подход (в процессе обучения иностранному языку в неязыковой образовательной организации высшего образования) как «способ познания и организации деятельности, направленной на формирование личности обучаемого как самоорганизующегося субъекта, способного самостоятельно осуществлять свою учебную деятельность и осознанно управлять ею, брать на себя ответственность за результаты своих действий и поступков. Субъектно-деятельностный подход реализуется через активность, творчество, креативность, новейшие инновационно-информационные образовательные и педагогические технологии, через процесс самообразования, через моделирование учебно-профессиональной деятельности субъекта как открытие и создание мира культуры в себе[7].

Более узко субъектно-деятельностный подход рассматривается как методологическая основа, например, исследовательской компетентности субъекта, которая понимается как «способность искать, изучать и использовать информацию согласно своим потребностям, целям, ценностям и тем самым преобразовывать пространство жизнедеятельности» [10, с. 65].

Следует признать, что раскрытие субъектно-деятельностного подхода с перечисленных точек зрения, во-первых, правильно, но излишне широко формулирует сущность субъекта в отрыве от профессиональных задач, которые приходится ему решать на практике; во-вторых, сама деятельность рассматривается как учебная (или исследовательская), акцентирующая внимание на особенностях познавательной, но не практической деятельности субъекта.

Рассмотрение данного подхода в аспекте профессиональной подготовки позволяет конкретизировать его понимание, опираясь на сущностные характеристики профессиональных задач, субъекта и деятельности. Субъект – это человек, который может, умеет самостоятельно ставить цели, выбирать средства для их достижения, контролировать себя и отвечать за свои действия. Деятельность также имеет свои устойчивые признаки, вполне утвердившиеся в отечественной психологии – это мотив, цель, средства, условия, процесс (включая действия и операции), результат.

[7] Сороковых Г. В. Субъектно-деятельностный подход в лингвистической подготовке студентов неязыковых вузов : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Курск, 2004. С. 8.

Субъектно-деятельностный подход означает, что субъект формируется в осознанной деятельности [11], которая имеет свою логику, алгоритм построения (отсюда логика дела, знания, умения, опыта, мышления), специфическое взаимодействие с другими и свою социальную значимость.

Это требует такого построения подготовки сотрудников, в процессе которой субъект осознает свои мотивы, цели ИПР, объективные и субъективные условия ее проведения, содержание и возможные результаты. Отсюда важнейшим теоретическим принципом моделирования (и планирования) процесса подготовки сотрудников по ИПР будут выступать принципы профессионального самосознания, осознанности целей и задач деятельности, практической направленности учебного материала, ориентации на проблемы и затруднения обучающихся.

Анализ литературы и практических занятий в данном направлении показал, что действенными методами с этой точки зрения являются моделирование ситуационных задач, разбор кейсов, самостоятельное создание и коллективный анализ проблемных ситуаций, обсуждения и дискуссии.

Наряду с субъектно-деятельностным в психолого-педагогических исследованиях часто выступают личностно-деятельностный и личностно-развивающий подходы. Личностно-деятельностный делает акцент на социальной значимости деятельности, культурно-исторической сущности каждой профессии, обязательном взаимодействии с другими, что позволяет оценивать собственную успешность в сравнении с успешностью коллег. По сути, он подчеркивает, что личность (как социальная характеристика человека) формируется в социально значимой деятельности, которой в т. ч. является и профессия. В качестве цели преимущественно выступают ценности и смыслы деятельности человека.

Личностно-развивающий подход, как и субъектно-деятельностный, получил распространение в 60–70-е гг. XX века в связи с разработкой идей развивающего обучения школьников, разнопланово обоснованного в теориях трех психолого-педагогических школ, последователей идей развития личности Л. С. Выготского – П. Я. Гальперина, Л. В. Занкова, Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова. По сути, речь шла о развитии субъектных характеристик в процессе обучения, акцент делался на развивающих ситуациях и средствах. Понятие «личность» использовалось как замена слова «человек» или «школьник» [11]: «Особенностью образовательного процесса являются признание субъектности обучаемых, их субъективный опыт, саморегулируемое учение, ценностно-смысловая направленность. Большое значение придается созданию личностно-развивающей ситуации и учебно-пространственной среде обучения» [12, с. 7].

С появлением концепции личностно-ориентированного обучения, в частности, работ В. В. Серикова, внимание стало акцентироваться на формировании системы ценностей личности и смыслов ее деятельности как ведущей цели. Однако целостность образовательного процесса приводит к постоянному смешению задач развития субъектных и личностных качеств обучающихся. Например, как фактор развития личности и субъектности студентов рассматривается образовательная среда [12]; «Личностно-развивающий подход понимается как методологическая основа формирования устойчивой субъектной позиции будущего учителя в профессиональной среде» [13, с. 8]; цель новой методологии – «приобщение будущих педагогов к смыслам профессиональной деятельности, направленным на профессиональное развитие, ... результат – конструирование себя в пространстве вузовского образовательного процесса» [14, с. 92].

Как и в предыдущем случае, широкое толкование основных терминов и тесная связь понятий друг с другом затрудняют четкое выделение теоретических принципов и методических требований к профессиональной подготовке специалистов. Тем не менее, разрабатывая методологические основания подготовки сотрудников по ИПР для ОВД, мы исходили из двух постулатов, утвердившихся в психологических исследованиях.

Во-первых, личность понимается как социальная характеристика человека, выражающаяся в его отношении к себе (самооценка, самоопределение), к другим (нравственность, патриотизм, гражданственность), к делу (ответственность, чувство долга). На основе этих отношений в процессе воспитания и социализации выстраивается система ценностей и смыслов человека.

Во-вторых, развитие – это общенаучная категория, понимаемая как процесс поступательного изменения, происходящий в соответствии с законами диалектики – единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, перехода количества в качество (с учетом категорий «причина» и «следствие», «форма» и «содержание», «количество» и «качество», «мера»); законами функционирования систем, которые определяют соотношение общего и отдельного в системе; законами синергетики, учитывающими влияние целого на его части, влияние малых величин и случайных факторов в системе. Развитие происходит как процесс разрешения

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

противоречий, преодоления трудностей, выбора позиций и отношений, если мы говорим о психолого-педагогических явлениях.

Опора на первоосновы позволяет понимать личностно-развивающий подход как обоснование условий не только для формирования, но для рефлексии, осознания, осмысления, человеком собственных отношений, ценностей, смыслов, убеждений, идеалов, стремлений, включая выборы, решения, потребности и мотивы деятельности, в которую он вовлекается. Понятна сложность отношений и разноплановых влияний на личность с этой точки зрения, однако это не отменяет возможности выделения ключевых факторов и условий, действующих на данном пути.

На теоретическом уровне личностно-развивающий подход требует организации подготовки сотрудников по ИПР на следующих принципах: осознание собственных убеждений, политической, гражданской, патриотической и нравственной позиции, рефлексии на отношения с другими и способы разрешения нравственных конфликтов, противоречий во взаимоотношениях.

На методическом уровне из данного подхода вытекает значимость интерактивных, диалоговых, дискуссионных методов, обсуждения нравственных конфликтов и этических противоречий, ценностной основы фейковой и деструктивной информации, поиска конструктивных способов общения.

Третьим методологическим подходом к исследованию проблем подготовки сотрудников по ИПР для ОВД был выбран *герменевтический подход*. Герменевтика – искусство толкования, интерпретации каких-либо текстов или понятий, т. к. любые тексты или понятия воспринимаются в многозначной среде или контексте. Понятие введено еще в XVI веке и с тех пор исследовалось и развивалось многими представителями философской, а затем юридической, психологической и педагогической науки.

В начале XIX века в философию введено понятие герменевтического круга, которое стало основным в герменевтике. Герменевтический круг – метафора, описывающая взаимообусловленность объяснения и интерпретации, с одной стороны, и понимания, с другой. Это принцип понимания текста, основанный на диалектике части и целого. Преодоление этого противоречия разрешается понятием «целостность». «Как целое понимается из отдельного, но и отдельное может понято только из целого» [15, с.38]. Разработка понимания происходит за счет взаимного согласования целого и частей. В литературе приводится аналогия с анализом и синтезом, которые дополняют друг друга, при этом каждый из них осуществляется с помощью и посредством другого.

Герменевтический подход в психологии – это исследовательская методология, основанная на интерпретации и понимании текстов. При этом текст понимается в широком смысле, как любая система знаков, любые смыслы и образы, мир в целом. «В герменевтике понять текст – значит усилить сказанное им, фокусируясь на заключенных в нем смыслах. ... герменевтическая интерпретация сродни переводу с одного языка на другой, когда переводчику приходится предпринимать усилие выражения, сказанного в тексте на своем языке. Интерпретатор, как и переводчик, оказывается причастен смыслу сказанного. Одни и те же выражения в зависимости от контекста приобретают разное значение, и интерпретатор собирает из этих выражений связное символическое целое» [16, с. 62].

Педагогическая герменевтика развивается на основе философских и психологических изысканий «как методология гуманитарного освоения феноменов культуры, идея которой состоит в опосредованном влиянии методов осмысления культурных текстов на сознание человека, на способы его мышления и миропонимания» [17, с. 42]. Текст в этом случае определяется как «явление гуманитарной культуры и механизм, управляющий процессом понимания» [17, с. 44].

Для целей нашего исследования наиболее продуктивной представляется концепция Л. А. Беляевой о педагогической герменевтике как теории и практике понимающей педагогики, для которой «процесс рационалистического освоения действительности должен дополняться опытным познанием, опытом жизни, опытом истории. Понимание есть, таким образом, процесс осознания себя в культуре, форма самосознания, самоосмысления и самоопределения» [18, с. 6]. Автор выделяет три модели понимания, соответствующие разным видам отношения человека к действительности:

– рефлексивная модель – теоретическому отношению;
– практически-деятельностная модель – практическому отношению;
– ценностно-эмпатическая модель – ценностному отношению.

Разрабатывая постулаты понимающей педагогики, автор предлагает движение «от дидактики фактов к дидактике смыслов», которая «учит ориентироваться в полях культуры» [18, с. 8].

Если конкретизировать общепедагогические методологические положения в сфере информационно-пропагандистской деятельности в подразделениях ОВД, то в «гуманитарное»

и «понимающее» направление педагогической герменевтики требуется включение политического контекста и задач профессиональной деятельности сотрудников по ИПР.

Несмотря на сложность герменевтики как методологического основания данного исследования, могут быть выделены ключевые идеи, важные для разработки теории и практики подготовки будущих сотрудников по ИПР в системе высшего образования МВД России. На теоретическом уровне к ним относятся принципы учета моделей понимания пропагандистской информации – рефлексивного, практического, ценностного; принцип опоры на исторические и культурные смыслы при интерпретации информации; принцип опоры на традиционные духовно-нравственные ценности, принцип конструктивного поиска общих интересов в процессе общения и взаимодействия.

В методическом плане сложность информационно-пропагандистских задач требует усиления методов анализа и обобщения, выделения главного, сравнения, упорядочивания и соподчинения учебной и пропагандистской (профессиональной) информации в аспекте выделенных теоретических принципов.

Важнейшим результатом методологического обоснования является его перевод в практическую плоскость – определение конкретных педагогических принципов, методов и форм организации обучения. Чтобы наглядно продемонстрировать, как выбранные методологические подходы трансформируются в практику подготовки сотрудников по ИПР в ОВД, представим следующую таблицу 1.

Таблица иллюстрирует, что предложенные методологические основания не остаются абстрактной теорией, а напрямую диктуют содержание, методы и формы организации учебного процесса, обеспечивая его прямую направленность на формирование ключевых компетенций сотрудника, осуществляющего ИПР.

Заключение

Проведенный анализ и вербализация процесса выбора методологии исследования показали свою продуктивность, позволив перейти от теоретического обоснования к решению прямых практических задач построения системы подготовки сотрудников подразделений по работе с личным составом ОВД, ответственных за ИПР. Доказано, что выбор личностно-развивающего, субъектно-деятельностного и герменевтического подходов в их комплексном единстве является не только теоретически обоснованным, но и создает прочный фундамент для проектирования учебного процесса.

Основным практическим результатом данного методологического обоснования является модель построения подготовки, интегрирующая все три подхода.

Таблица 1

Реализация методологических подходов в практике подготовки сотрудников для информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел

Table 1

Implementation of Methodological Approaches in the Practice of Training Specialists for Information and Political Education Work Within Law Enforcement Agencies

Методологический подход	**Ключевая идея применительно к подготовке сотрудника по ИПР**	**Примеры практической реализации в учебном процессе**
Субъектно-деятельностный	Формирование сотрудника как активного, осознанного субъекта, способного самостоятельно ставить и решать задачи ИПР	Метод кейсов: анализ реальных ситуаций (например, реакция на фейковую новость в коллективе) с разработкой и защитой плана информационно-разъяснительных мероприятий. Проектная деятельность: самостоятельная разработка

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Окончание таблицы 1

Методологический подход	Ключевая идея применительно к подготовке сотрудника по ИПР	Примеры практической реализации в учебном процессе
		слушателем проекта беседы или брифинга на актуальную тему (например, о патриотизме) с последующей рефлексией выбранных целей, аргументов и методов. Тренинги профессионального общения: отработка умений ведения сложных дискуссий, ответов на провокационные вопросы в смоделированной аудитории.
Личностно-развивающий	Становление ценностно-смысловой позиции сотрудника, осознание им личной ответственности и морально-нравственных основ своей профессии	Диалоговые и дискуссионные формы: проведение круглых столов или дебатов на темы, связанные с профессиональной этикой, гражданским долгом, противоречиями в трактовках исторических событий («Что для вас значит „быть патриотом" в современных условиях?»). Анализ нравственных дилемм: разбор сложных ситуаций морального выбора, с которыми может столкнуться пропагандист (например, конфликт между служебным долгом и личными убеждениями). Написание рефлексивного эссе на тему «Моя мотивация в работе пропагандиста» или «Ценности, которые я защищаю своей работой».
Герменевтический	Развитие способности к критической интерпретации, пониманию скрытых смыслов и контекстов информации, а также к созданию собственных убедительных текстов/высказываний	Критический анализ медиатекстов: практические занятия по разбору новостных сообщений, публикаций в соцсетях, выявлению манипулятивных техник, логических ошибок, скрытых оценок. «Герменевтический круг» в действии: работа с нормативными документами, когда сначала изучаются отдельные положения, затем – дух и общая цель документа, после чего происходит возврат к частным статьям с их новым, глубоким пониманием. Упражнения по интерпретации: перевод официальных тезисов государственной политики на язык конкретной аудитории (например, для молодых сотрудников), подбор понятных аналогий.

В организационно-деятельностном аспекте модель предполагает доминирование интерактивных и практико-ориентированных форм (разбор кейсов, проектная деятельность, тренинги) над пассивным усвоением информации, что обеспечивает реализацию субъектно-деятельностного подхода и формирование сотрудника как активного, осознанного субъекта своей профессии.

В содержательно-ценностном аспекте ядром подготовки становятся не только знания и технологии, но и целенаправленное формирование ценностно-смысловой сферы через дискуссии, анализ нравственных дилемм и рефлексию, что соответствует личностно-развивающему подходу и направлено на становление твердой гражданско-нравственной позиции.

В инструментально-методический аспект обязательным компонентом входит формирование герменевтических умений работы с информацией – ее критический анализ, интерпретация, деконструкция манипуляций и конструирование собственных убедительных сообщений, что реализует герменевтический подход.

Вытекающие из данной методологии теоретические принципы (осознанности, практической направленности, рефлексии, опоры на ценности) и конкретные методы работы (см. таблицу 1) согласуются с постулатами андрагогики и адекватны условиям организации обучения – в частности, краткосрочности программ повышения квалификации. Именно синтез предложенных подходов позволяет в сжатые сроки достичь ключевой цели: не просто передать набор сведений, а сформировать у сотрудников мотивацию к самосовершенствованию и установку на осознанную, ценностно-ориентированную и методически грамотную профессиональную деятельность.

Таким образом, предложенное методологическое основание обладает не только научной ценностью, но и значительным прикладным потенциалом. Разработанные на его основе учебные программы и методические материалы для подразделений ОВД и образовательных организаций высшего образования системы МВД России являются логичным следующим шагом и в настоящее время проходят апробацию в рамках дальнейшего опытно-экспериментального исследования.

Список источников

1. *Миронкина О. Н., Гейжан Н. Ф.* Интенсификация обучения сотрудников кадровых подразделений территориальных органов МВД России в системе повышения квалификации : монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. 192 с.

2. *Кравцун И. А.* О необходимости повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих информационно-пропагандистскую работу // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 3 (105). С. 204–214.

3. *Бережнова Е. В., Скударева Г. Н.* Методология педагогики в структуре новых стандартов и образовательных программ (бакалавриат, магистратура) // Гуманитарные науки и образование. 2019. Т. 10, № 4 (40). С. 7–13.

4. *Харламов И. В., Буткевич А. С.* Системный подход: синергия процессного и проектного подходов // Инновации и инвестиции. 2023. № 7. С. 68–71.

5. *Толочек В. А.* Компетентностный подход и ПВК-подход: возможности и ограничения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9, вып. 2. С. 123–137. https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.202

6. *Лымарев В. Н., Уварина Н. В.* Применение аксиологического подхода к проблеме формирования профессиональной мотивации военнослужащих Росгвардии // Инновационное развитие профессионального образования. 2022. № 3 (35). С. 72–81.

7. *Брушлинский А. В.* Психология субъекта / отв. ред. В. В. Знаков. Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. 268 с.

8. *Павлова Н. С.* Исследование субъектных и личностных характеристик в русле системно-субъектного подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13, вып. 4. С. 462–474. https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.402

9. *Волкова Е. Н.* Субъектность как деятельное отношение к самому себе, к другим людям и к миру // Мир психологии. 2005. № 3 (43). С. 33–40.

10. *Минюрова С. А., Скотникова А. М.* Субъектно-деятельностный подход как методологическая основа изучения исследовательской компетентности субъекта // Приложение к журналу «Образование и наука». 2007. № 2 (6). С. 65–73.

11. *Аксенова Г. И.* Субъектно-деятельностный подход к профессиональному образованию курсантов // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 26–33.

12. *Зеер Э. Ф.* Основные смыслообразующие положения личностно-развивающего образования // Образование и наука. 2006. № 5 (41). С. 3–8.

13. *Литвин Д. В.* Личностно-развивающий подход в непрерывном образовании в контексте средовой парадигмы // Педагогика и психология: академический журнал. 2023. № 3 (3). С. 8–16.

14. *Асадуллин Р. М., Фролов О. В.* Личностно-развивающий подход к профессиональной педагогической подготовке будущего учителя в вузовском образовательном процессе // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 6. С. 92–103. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-6-92-103

15. *Зверева Я. В.* Реализация модели герменевтического круга в интерпретации текстов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 17 (155). С. 38–41.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

16. *Бусыгина Н. П.* Феноменологический и герменевтический подходы в качественных психологических исследованиях // Культурно-историческая психология. 2009. Т. 5, № 1. С. 57–65.

17. *Закирова А. Ф.* Теоретические основы педагогической герменевтики и варианты ее реализации в научно-образовательной практике // Образование и наука. 2012. № 6 (95). С. 19–42. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2012-6-19-42

18. *Беляева Л. А.* Разработка педагогической герменевтики как теории и практики понимающей педагогики // Педагогическое образование. 2008. № 3. С. 4–11.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 374.1

Факторы проектирования наставничества в тыловых подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации

Мария Александровна Ермолина, кандидат педагогических наук

Главное управление МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области
Санкт-Петербург (191015, пр. Суворовский, д. 50/52), Российская Федерация
mm-a-r-i-a@mail.ru
https://orcid.org/0009-0001-4544-652X

Аннотация:
Введение. *Тыловая служба представляет собой специфическую деятельность, направленную на всестороннее материально-техническое обеспечение функционирования органов внутренних дел Российской Федерации. В современных условиях требования к сотрудникам тыловых подразделений возрастают, в т. ч. к уровню их профессиональной компетентности, а также физической и огневой подготовленности. Существующая система ведомственного образования не может удовлетворить имеющуюся потребность тыловой службы МВД России в специалистах. Наставничество является действенным инструментом в решении задачи сохранения и восполнения кадрового потенциала. Фактор представляет собой существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении. К значимым факторам при проектировании наставничества в тыловых подразделениях МВД России относятся: характеристика личности руководителя, нормативно-правовое регулирование наставничества, социально-педагогическая характеристика служебного коллектива.*
Методы. *В исследовании использованы анализ нормативных, правовых источников, научных исследований, анкетирование, интерпретация, синтез.*
Результаты. *Проведенное анкетирование позволило выявить социально-педагогические характеристики сотрудников тыловых служб Санкт-Петербурга, Москвы, Омска (пол, возраст, семейное положение, уровень и направление образования, стаж службы). Определены условия для организации наставничества (разнообразие возрастных и гендерных групп, наличие педагогического опыта) и риски (дефицит потенциальных наставников ввиду возможных пауз, связанных с беременностью и родами, а также прекращения деятельности и выхода на пенсию).*

Ключевые слова:
тыловая служба МВД России, человеческий потенциал, работа с личным составом, социально-педагогический фактор кадровой работы, наставничество

Для цитирования:
Ермолина М. А. Факторы проектирования наставничества в тыловых подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 242–250.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Mentoring design factors in the rear units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Maria A. Ermolina, Cand. Sci. (Ped.)

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Saint Petersburg and the Leningrad Region
50/52, Suvorovskiy ave., Saint Petersburg, 191015, Russian Federation
mm-a-r-i-a@mail.ru
https://orcid.org/0009-0001-4544-652X

© Ермолина М. А., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Abstract:
Introduction. *The rear service is a specific activity aimed at providing comprehensive material and technical support for the functioning of the internal affairs bodies of the Russian Federation. In modern conditions, the requirements for employees of rear units are increasing, including the level of their professional competence, as well as physical fitness and firearms training proficiency. The existing system of departmental education cannot meet the current need for specialists in the rear service of the Russian Ministry of Internal Affairs. Mentoring is an effective tool for solving the problem of retaining and replenishing qualified staff. A factor is an essential circumstance in a process or phenomenon. Significant mentoring design factors in the rear units of the Russian Ministry of Internal Affairs include: the characteristics of the manager's personality, the regulatory and legal regulation of mentoring, and the socio-pedagogical characteristics of the service team.*
Methods. *The study uses analysis of regulatory and legal sources, scientific research, questionnaires, interpretation, and synthesis.*
Results. *The questionnaire survey revealed the socio-pedagogical characteristics of the employees of the rear service in St. Petersburg, Moscow, and Omsk (gender, age, marital status, level and field of study, length of service).*
The conditions for organising mentoring (diversity of age and gender groups, presence of pedagogical experience) and risks (shortage of potential mentors due to possible breaks related to pregnancy and childbirth, as well as termination of employment and retirement) were identified.

Keywords:
rear service of the Ministry of Internal Affairs of Russia, human potential, work with personnel, socio-pedagogical factor of personnel management, mentoring

For citation:
Ermolina M. A. Mentoring design factors in the rear units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 242–250.

The article was submitted September 23, 2025; approved after reviewing November 27, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

В настоящее время многие отрасли нашей страны испытывают острую потребность в квалифицированных кадрах. Уровень компетентности сотрудников напрямую влияет на развитие любой организации, качественное выполнение возложенных на нее задач и ее конкурентоспособность. Органы внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) не являются исключением и наравне с другими сталкиваются с проблемой кадрового голода. Как отметил министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев на расширенном заседании коллегии МВД России 5 марта 2025 года[1], общее количество вакансий в ведомстве за год увеличилось более чем на 33 тысячи и превысило 172 тысячи должностей, из которых 145 тысяч – аттестованные. Ситуация усугубляется тем, что помимо опытных сотрудников, имеющих право на получение пенсии за выслугу лет, прекращают службу лица, не достигшие пенсионного возраста. Таких, по словам министра, 40 %. Отток кадров не восполняется в полном объеме. Аналогичная ситуация складывается и в тыловой службе МВД России.

Тыловую деятельность в ОВД можно образно охарактеризовать как «обратную сторону службы», а ее сотрудников – «бойцами невидимого фронта». Тыловики не изобличают преступников, не расследуют уголовные дела, не ловят нарушителей на дорогах, не патрулируют улицы – они создают условия для нормального несения службы и обеспечивают социальные гарантии сотрудников ОВД и членов их семей. Благодаря этим людям, их ежедневной кропотливой работе подразделения полиции могут эффективно и бесперебойно функционировать. Тыл ответственен за поддержание боеспособности ОВД. Заметим, что деятельность сотрудников тыловых подразделений имеет свою специфику.

С одной стороны, это высококвалифицированные специалисты, отвечающие за материально-техническое обеспечение полиции. Как отмечает В. И. Долинко, материально-техническое снабжение ОВД осуществляется «на основе изучения рынка, знания экономической конъюнктуры, условий экономической деятельности и экономических возможностей регионов и государства в целом»[2]. В современной ситуации особенно востребована компетенция сотрудников тылового блока, направленная на эффективное использование упреждающих и эффективных защитных механизмов деятельности обеспечивающих подразделений и служб, поскольку «без экономической проработки практически невозможно решить ни одну проблему социально-культурного и бытового характера, материально-технического, вещевого и продовольственного обеспечения» [1, с. 26].

С другой стороны, на них распространяются права и обязанности полицейских, в т. ч. (при определенных обстоятельствах) в части охраны общественного порядка и обеспечения

[1] Текст официального выступления В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://мвд.рф/document/3172398 (дата обращения: 27.09.2025).

[2] Долинко В. И. Материально-техническое снабжение ОВД МВД России: принципы, процессы, субъекты и объекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (53). С.163.

общественной безопасности. Поэтому к ним предъявляются нормативно определенные требования к состоянию здоровья, физической и огневой подготовленности, а также нравственным качествам, обусловленные выбором в качестве смысла жизни беззаветного служения Отечеству.

В условиях увеличивающегося некомплекта и возрастающей служебной нагрузки внимание руководства Министерства направлено на поддержание достойных условий службы личного состава, в связи с чем тыловая деятельность приобретает особое значение. В соответствии с приказом МВД России от 29 августа 2012 г. № 820[3] подготовкой специалистов соответствующего профиля занимается только Краснодарский университет МВД России, однако в настоящее время ведомственные учебные заведения не обеспечивают тыловую службу квалифицированными кадрами. Согласно данным сайта Краснодарского университета МВД России, в 2024 году в соответствии с предельными цифрами приема в образовательные организации системы МВД России было зачислено на обучение по направлению подготовки 38.03.02 «Менеджмент», специализация «Тыловое обеспечение органов внутренних дел» по очной форме 16 человек (по заочной форме не зачислялись)[4], на 2025 год предельные цифры приема составили 18 мест[5]. Указанные цифры несопоставимо малы в сравнении с реальной потребностью, поэтому восполнение кадрового дефицита идет за счет перевода сотрудников из других служб, а также путем формального и неформального образования лиц, впервые принятых на службу в ОВД, преимущественно руководителями структурного подразделения, опытными сотрудниками, а также внешними специалистами. В описанных условиях перспективным инструментом подготовки личного состава тыловых подразделений представляется наставничество.

Обратимся к нормативам реализации наставничества в МВД России. Место и роль наставничества определены Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ[6] и урегулированы приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации»[7]. В соответствии с ним наставническая деятельность осуществляется как в отношении стажера, т. е. на этапе приема на службу в ОВД, так и в отношении действующего сотрудника при перемещении по службе, в т. ч. после окончания ведомственного учебного заведения МВД России. На стадии поступления на службу наставничество представляет собой деятельность, осуществляемую в ходе индивидуального обучения на основе планирования, в т. ч. по оказанию методической и практической помощи стажеру в изучении нормативной базы, разъяснению вопросов выполнения служебных обязанностей; всесторонней помощи в овладении профессиональными приемами и методами; изучению личных качеств, интересов, увлечений, образа жизни и поведения.

Вопросы воспитательной работы, направленной на развитие профессионально значимых качеств личности стажера, решение проблем его профессионального становления возложены на сотрудника кадрового подразделения, для которого данное направление морально-психологического обеспечения деятельности ОВД приоритетно [2], и непосредственного руководителя стажера. При перемещениях по службе (вне зависимости от уровня перемещения: на нижестоящую, равнозначную или вышестоящую должность) наставническая деятельность также осуществляется в ходе индивидуального обучения и направлена на подготовку сотрудника к самостоятельному выполнению служебных обязанностей: овладение нормативной правовой базой служебной деятельности и контроль ее применения на практике, консультация сотрудника по служебным вопросам, оказание практической и методической помощи. Срок индивидуального обучения на данном этапе устанавливается от одного до трех месяцев и находится в прямой зависимости от уровня образования сотрудника и стажа его службы в ОВД. Таким образом, наставничество в МВД России служит для адаптации сотрудника к новым условиям службы, введения в профессию путем взаимодействия с наиболее подготовленным сотрудником.

---

[3] О профилизации образовательных организаций МВД России : приказ МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 (ред. от 02.08.2013). Документ опубликован не был.

[4] Результаты приема в Краснодарский университет МВД России в 2024 году // Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://крду.мвд.рф/Obrazovatelnaya_deyatelnost/результаты-приема (дата обращения: 27.09.2025).

[5] Количество выделенных приемных мест для поступления в Краснодарский университет МВД России в 2025 году // Там же. URL: https://крду.мвд.рф/Postuplenie/kandidatam/места-регистрации-для-сдачи-егэ-и-сроки-/сведения-о-количестве-вакантных-мест-для (дата обращения: 27.09.2025).

[6] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

[7] Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 (ред. от 28.08.2025) (зарег. в Минюсте России 22.03.2018, № 50460) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201803230012?rangeSize=%D0%92%D1%81%D0%B5 (дата обращения: 22.11.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Тематика наставничества актуальна для научно-педагогических исследований специалистов МВД России, МЧС России, Росгвардии, Минобороны России. В целом наставничество рассматривается как средство педагогического сопровождения учебного процесса в ведомственных образовательных организациях (И. В. Гойнов[8], Р. Б. Зайцев[9], Е. Ю. Иванов[10], А. В. Обрезкова[11], Т. В. Павлушкина[12], Д. А. Рубан[13], О. В. Свинарева[14], Т. И. Тебердиева[15] и др.). Факторы институционального становления наставничества на государственной службе в целом исследовались Д. А. Кеменевым [3]. Тенденции правового регулирования наставничества в ОВД выявлены Е. Д. Заяевым[16]. Необходимость методического сопровождения обновления процесса реализации наставничества в ОВД обоснована И. С. Скляренко и М. А. Благовещенской [4].

Фактор представляет собой момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении[17]. К значимым для проектирования наставничества относятся следующие факторы: характеристика личности руководителей подразделений, в которых осуществляется наставничество, нормативное правовое регулирование реализации данного процесса, социально-педагогические характеристики личного состава.

Проектирование наставнического взаимодействия в тыловых подразделениях МВД России ранее не исследовалось. Опыт советского периода, доказавший свою продуктивность в условиях ясной идеологии [5], в современных условиях должен быть модернизирован по причине коренных социокультурных изменений. Модернизация должна основываться на достижениях современной педагогики в части корпоративного образования, с учетом специфики каждой службы, в т. ч. выявления специфики социально-педагогической характеристики личного состава [6]. Анализ массива публикаций, посвященных наставничеству, не выявил наличия искомых данных в части подразделений тыловой службы МВД России, что определило цель исследования: выявление и анализ социально-педагогической характеристики сотрудников тыловой службы МВД России как фактора проектирования наставничества.

Методы

Анализ нормативных и правовых источников позволил установить требования государства, предъявляемые к сотрудникам тыловых подразделений, к организации наставничества; с помощью анализа положений научных трудов по теме был выявлен современный исследовательский контекст рассматриваемой проблемы; на основании указанных теоретических методов были интерпретированы результаты анкетирования целевой группы, что дало возможность с помощью синтеза сформулировать вывод.

Результаты и обсуждение

Анализ современных исследований области наставничества в силовых ведомствах показал, что возвращение к данной теме обусловлено дефицитом кадров и актуализацией человекоцентрированного подхода в кадровой работе. Как пишет М. Р. Илакавичус [7], общество снова

[8] Гойнов И. В. Педагогическое сопровождение повышения квалификации лиц среднего и старшего начальствующего состава ФСИН России : автореф. дис. … канд. пед. наук. Ставрополь, 2019. 27 с.

[9] Зайцев Р. Б. Педагогическое сопровождение профессионально-личностного становления сотрудников органов внутренних дел на этапе получения квалификационного звания в профессии «полицейский» : автореф. дис. … канд. пед. наук. Москва, 2024. 24 с.

[10] Иванов Е. Ю. Педагогическое сопровождение социализации воспитанников Суворовских военных училищ МВД России на начальном этапе обучения : автореф. дис. … канд. пед. наук. Челябинск, 2025. 22 с.

[11] Обрезков А. В. Педагогическое сопровождение профессионального становления курсантов военного вуза : автореф. дис. … канд. пед. наук. Челябинск, 2022. 23 с.

[12] Павлушкина Т. В. Педагогическое сопровождение социальной адаптации иностранных военнослужащих в российском военном вузе : автореф. дис. … канд. пед. наук. Москва, 2015. 25 с.

[13] Рубан Д. А. Педагогическое сопровождение личностно-профессионального развития курсовых офицеров в университетах МВД России : автореф. дис. … канд. пед. наук. Армавир, 2019. 27 с.

[14] Свинарева О. В. Педагогическое сопровождение курсантов образовательных организаций МВД России в период адаптации к образовательному процессу : автореф. дис. … канд. пед. наук. Москва, 2017. 25 с.

[15] Тебердиева Ж. И. Педагогическое сопровождение развития субъектно-профессионального потенциала курсантов в образовательной организации МВД России : автореф. дис. … канд. пед. наук. Армавир, 2022. 23 с.

[16] Заяев Е. Д. Наставничество в ОВД: правовое регулирование на отдельных этапах развития и пути совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4. С. 46–55. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-4-46-55

[17] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва : Азбуковник, 1997. 939 с.

нуждается в реализации принципа «кадры решают все», постперестроечное утверждение «незаменимых нет» продемонстрировало контрпродуктивность, особенно в профессиях служения, к которым относится и профессия полицейского. Это аксиоматичное для гуманитаристики утверждение постепенно осваивается и современной теорией кадрового менеджмента, в которой обозначилась тенденция рассмотрения работника не в идеологеме человеческого ресурса, а в гуманизирующем контексте человеческого потенциала. Анализ работ зарубежных специалистов (Р. Майлс, П. Касс, С. К. Калра и др.) позволил А. А. Дрегало и В. И. Ульяновскому сделать вывод: «Общая тенденция развития современного кадрового менеджмента – снижение значения функции труда как источника материального дохода (деньги) и одновременно рост личностных ценностей – содержательности работы, признания, сохранения индивидуальности, самоуправления, самоконтроля, справедливости, творчества» [8, с. 42]. В корпус понятий современной социологии управления специалисты определили такие элементы, как экзистенциальное поле работника, гендерные аспекты, формальная и неформальная организация и т. п.[18] Категория человеческого потенциала традиционна для психолого-педагогического знания, она разрабатывается с помощью методологии антропологической направленности. Так, В. И. Слободчиков на основании гуманитарно-антропологического подхода определяет ее как «базовые, родовые способности человека, позволяющие ему быть и отстаивать собственную человечность, не только быть материалом и ресурсом, но и стать подлинным субъектом культуры и исторического действия» [9, с. 6]. Уточним применительно к теме статьи – субъектом профессиональной культуры полицейского как составляющей отечественной культуры. Социально-педагогическая характеристика кадрового состава является базовой составляющей человеческого потенциала, ее анализ позволяет выявить условия успешности проектирования и реализации наставничества, особенно в службах, требующих от сотрудников принятия традиционных ценностей, совершенствования многосоставных профессиональных умений.

С целью выявления социально-педагогической характеристики сотрудников тыловой службы МВД России в 2024 году было проведено анкетирование 76 сотрудников тыловых подразделений системы МВД России из Санкт-Петербурга, Москвы, Омска. Различия в данных регионах незначительны.

Было выявлены следующие показатели.

– *Половая принадлежность*. Указанной деятельностью занимаются наравне мужчины и женщины в процентном соотношении 50 : 50.

– *Возраст*. Преобладают сотрудники в возрасте 40–50 лет (39,5 %) и лишь $^{1}/_{5}$ (19,7 %) приходится на молодых специалистов в возрасте от 20 до 30 лет (рисунок 1).

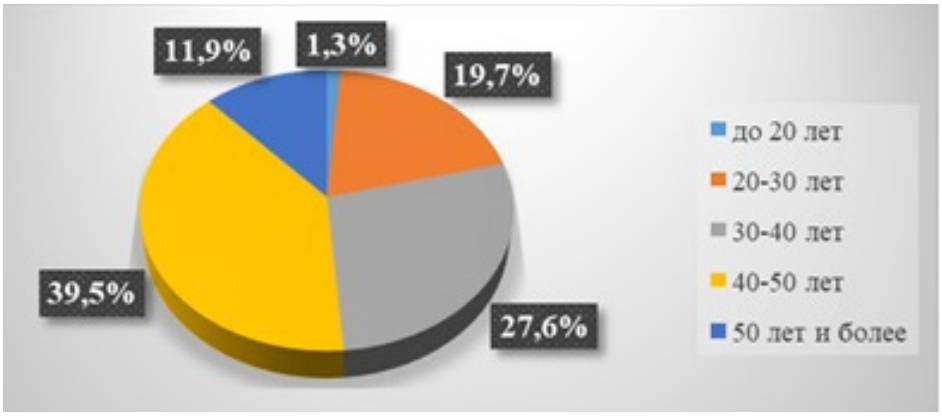

Рис. 1. Возрастная характеристика сотрудников тыловой службы Санкт-Петербурга, Москвы, Омска
Fig. 1. Age characteristics of rear service employees in St. Petersburg, Moscow, and Omsk

– *Семейное положение*. 59,2 % респондентов находятся в браке, не замужем (холост) или – 27,6 %, в разводе – 13,2 % (рисунок 2).

75 % опрошенных сотрудников имеет минимум одного ребенка, у 25 % респондентов детей нет, что соотносится с количеством молодых сотрудников (рисунок 3).

[18] Кравченко А. И., Тюрина И. О. Социология управления: фундаментальный курс : учебное пособие. Москва : Академический Проект, 2005. С. 24.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Рис. 2. Семейное положение сотрудников тыловой службы Санкт-Петербурга, Москвы, Омска
Fig. 2. Marital status of rear service employees in St. Petersburg, Moscow, and Omsk

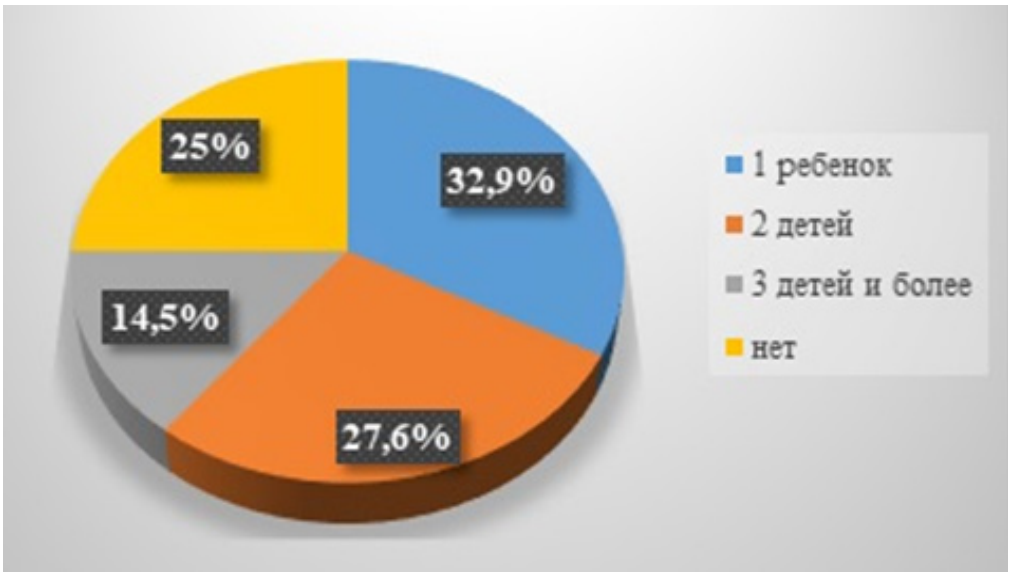

Рис. 3. Сведения о наличии детей у сотрудников тыловой службы Санкт-Петербурга, Москвы, Омска
Fig. 3. Information on the presence of children among rear service employees in St. Petersburg, Moscow, and Omsk

– *Образование.* Квалифицированное большинство (86,8 %) опрошенных лиц имеют высшее образование, преимущественно полученное в образовательных организациях высшего образования (далее – ООВО) системы МВД России (39,2 %). При этом 2,6 % имеют два и более высших образования (как правило, юридическое и экономическое); 5,3 % участников опроса имеют ученую степень. При этом 4 % опрошенных получили профильное («тыловое») образование (получено в ООВО Минобороны России) (рисунок 4).

По направлению подготовки преобладают юристы (53,9 %), среди опрошенных также встречаются респонденты с педагогическим, медицинским, управленческим, филологическим образованием.

– Стаж службы. Треть сотрудников имеет достаточный стаж службы для назначения пенсии по выслуге лет (20 лет и более). 34,2 % респондентов отработали от 10 до 20 лет. На молодых специалистов с выслугой от 1 года до 3 лет приходится 13,2 % (рисунок 5).

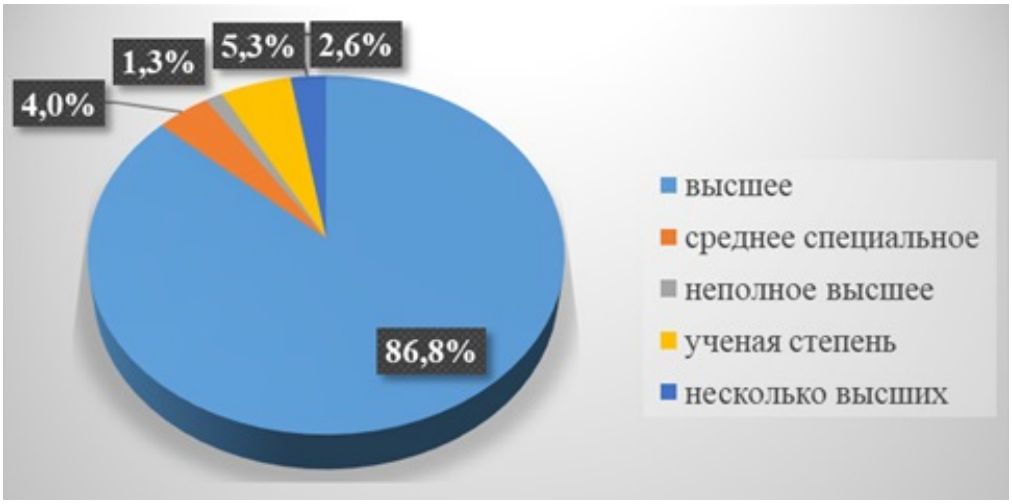

Рис. 4. Сведения о наличии образования у сотрудников тыловой службы Санкт-Петербурга, Москвы, Омска
Fig. 4. Information on the education of rear service personnel in St. Petersburg, Moscow, and Omsk

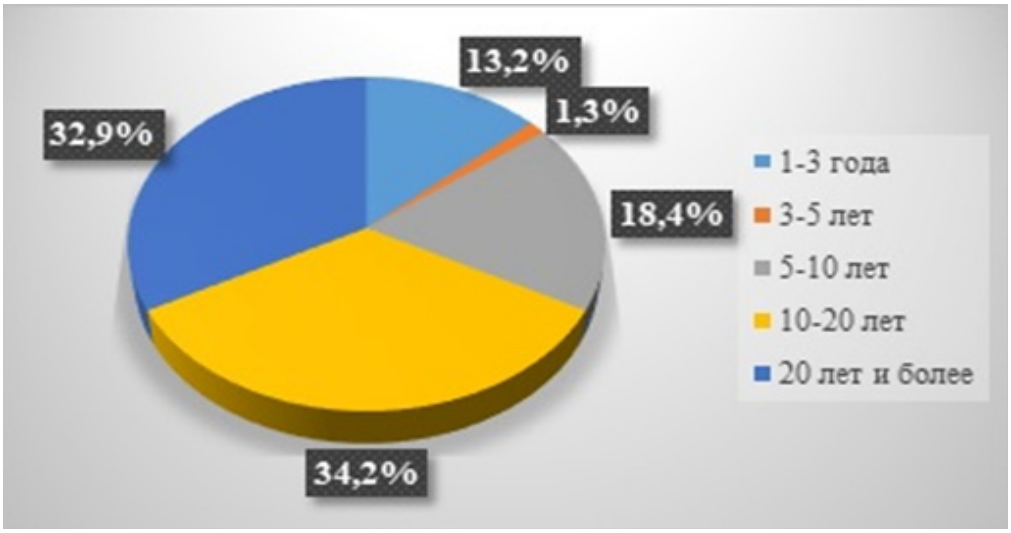

Рис. 5. Стаж службы сотрудников тыловой службы СПб, Москвы, Омска
Fig. 5. Length of service of rear service personnel in St. Petersburg, Moscow, and Omsk

Для анализа выявленных данных будем использовать определение наставничества, данной Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации: это «форма обеспечения профессионального становления, развития и адаптации к квалифицированному исполнению служебных обязанностей лиц, в отношении которых осуществляется наставничество»[19]. В данном определении фиксируется оптимальный спектр ситуаций, в котором сотруднику необходима помощь наставника, использован термин «обеспечение», который акцентирует внимание на создании условий для достижения цели (профилактика и противодействие кадровому дефициту). Также будем использовать типологический ряд исторически укорененных позиций в профессиональном развитии, смена которых составляла план реализации наставничества: подмастерье (начинающий работник), ремесленник (работник, освоивший стандарт качества), мастер (работник, отличающийся своим стилем, признанным профессиональным сообществом, эксперт) [10]. Выводы, указанные ниже, были сформулированы с учетом результатов исследований в области кадрового менеджмента и социологии образования, описанных Е. В. Яшковой, Н. Л. Синевой и В. А. Соколовым [11], О. А. Рассказовой [12], А. А. Фёдоровым, Е. Ю. Илалтдиновой, С. В. Фроловой [13].

[19] Методический инструментарий по применению наставничества на государственной гражданской службе. Москва : Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, 2015. С. 5.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Возрастной спектр сотрудников службы свидетельствует, с одной стороны, о наличии условий для организации наставничества. Имеются представители:

– обоих полов, что позволяет выбирать при необходимости, участников пар по этому признаку (в случае культурных и религиозных взглядов);

– возрастных страт, соотносимых со всеми тремя позициями (влияет на формирование разновидовых групп потенциальных наставников и наставляемых);

– разных поколений (как носителей специфических ценностей, представлений о службе в органах внутренних дел, связанных с традициями советской милиции);

– носителей естественного педагогического опыта (наличие детей);

– ООВО гуманитарной направленности, в т. ч. педагогической (влияет на потенциал развития умения трансформировать трудовые действия в обучающие, предотвращать конфликты).

Также следует учитывать опыт наставнического взаимодействия[20] (как со стороны наставляемого, так и со стороны наставника), которым формально или неформально овладевают сотрудники, получившие образование в системе МВД России, а также лица, впервые принятые на службу из гражданских организаций, в которых наставничество реализуется в логике бизнес-моделей [14].

С другой стороны, полученные данные позволяют определить риски для организации наставничества в тыловых подразделениях МВД России. К ним отнесем следующие позиции:

– естественный риск дефицита потенциальных наставников по причине пауз в работе (беременность и роды), связанный с безусловно позитивной для страны тенденцией увеличения количества детей в семьях;

– риск дефицита потенциальных наставников: значительную часть респондентов составляют сотрудники со стажем службы, достаточным для назначения пенсии по выслуге лет, опыт которых востребован в гражданских структурах: в 2024 году, по данным аналитиков HH.ru[21], спрос на работников предпенсионного возраста в целом в России вырос в два раза (представители поколения 1965–1975 г. р. качественно выполняют трудовые функции, их сильные стороны – опыт, дисциплина и системный подход[22]);

– риск отмены личностно-развивающего фактора, связанного с принятием на себя роли наставника [15], в случае увольнения лиц, достигших пенсии по выслуге лет.

Заключение

Возвращаясь к выявленным данным, отметим, что личный состав тыловых подразделений обладает мощным человеческим потенциалом для организации наставничества. Опытные сотрудники – это еще и носители важного жизненного опыта, что является базой для установления контакта, личностно-развивающих отношений для обоих участников пары. Наставляемый в них имеет возможность получить ценные знания профессиональной области, а наставник – возможность реализовать свой педагогический потенциал. Однако все перечисленное в тыловых подразделениях МВД России будет работать только в случае научно обоснованного проектирования процесса наставничества, которое определяется нами как цель исследования.

Список источников

1. *Абиркин В. В.* Организационно-экономические аспекты материально-технического обеспечения МВД России в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 2. С.28–31.

2. *Скачкова И. И., Антимонова О. Н., Камышанова Л. В.* Кадровая политика в органах внутренних дел РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 2–3 (101). С. 255–258. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2025-2-3-255-258

3. *Кеменев Д. А.* Закономерности наставничества как факторная обусловленность его институционализации на государственной службе // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. № 4. С. 228–240. https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-4-228-241

4. *Скляренко И. С., Благовещенская М. А.* Методические основания развития института наставничества в правоохранительных органах // Пенитенциарная наука. 2024 Т. 18, № 4 (68). С. 449–458. https://doi.org/10.46741/2686-9764.2024.68.4.012

5. *Галагузова М. А., Головнев А. В.* Наставничество: из прошлого в настоящее // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. № 6 (79). С. 16–22.

6. *Патутина Н. А.* Социализация сотрудников: социально-педагогическая характеристика // Мир науки. Педагогика и психология : [сетевое издание]. 2016. Т. 4, № 6. URL: http://mir-nauki.com/PDF/67PDMN616.pdf.

[20] Данный вопрос относим к перспективным для исследования.

[21] HeadHunter-hh.ru : [сайт]. URL: https://headhunter-hh.ru/ (дата обращения: 27.09.2025).

[22] Игнатова О. В два раза вырос спрос на сотрудников старше 50 лет // Российская газета : [сетевое издание]. URL: http://rg.ru/2025/02/17/shestdesiat-plius-rabota.html (дата обращения: 27.09.2025).

7. *Илакавичус М. Р.* Наставничество в современной России: актуализация ценностей и смыслов // Мир науки. Педагогика и психология : [сетевое издание]. 2024. Т. 12, № 1. URL: https://mir-nauki.com/PDF/115PDMN124.pdf.

8. *Дрегало А. А., Ульяновский В. И.* Стратегия кадрового менеджмента: оптимизация выбора // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 41–47.

9. *Слободчиков В. И.* Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования // Новые ценности образования. 2010. Т. 43, № 1. С. 4–13.

10. *Илакавичус М. Р.* Онтологический и историко-педагогические основания неформальных образовательных практик // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия: Педагогика. Психология. 2016. № 3 (42). С. 22–30. https://doi.org/10.15382/sturIV201642.22-30

11. *Яшкова Е. В., Синева Н. Л., Соколов В. А.* Теория поколений: особенности управления сотрудниками в современном мире // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-2. С. 353–357.

12. *Рассказова О. А.* Конфликты поколений в современных организациях и пути их решения // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 1. С. 89–95. https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_1_89

13. *Фёдоров А. А., Илалтдинова Е. Ю., Фролова С. В.* «Конвенция поколений» в новом мире образования // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 7. С. 28–38. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-7-28-38

14. *Кларин М. В.* Современное наставничество: новые черты традиционной практики в организациях XXI века // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2016. № 5. С. 92–112.

15. *Илакавичус М. Р.* Внедрение целевой модели наставничества: проблемы и решения // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 4 (38). С. 15–24. https://doi.org/10.23951/2307-6127-2021-4-15-24

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 343.98

Особенности подготовки специалистов для расследования преступлений в сфере компьютерной информации

Александр Анатольевич Нечай[1], кандидат педагогических наук, доцент
Анна Владимировна Ничагина[2], кандидат педагогических наук, доцент

[1] Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
[2] Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
Санкт-Петербург (196605, Петербургское шоссе, д. 10), Российская Федерация
[1] webexpromt@mail.ru, [2] 89315104502@mail.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-1202-4830, [2] https://orcid.org/0000-0001-7630-0446

Аннотация:
Введение. *В современных условиях, когда использование интернета и информационных технологий стремительно развивается, преступления в сфере компьютерной информации становятся актуальной проблемой. Сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с трудностями в расследовании таких преступлений из-за недостатка специальных знаний и навыков. Актуальность исследования заключается в необходимости повышения готовности правоохранительных органов к борьбе с киберпреступностью и разработки эффективных методов реагирования на новые вызовы.*
Методы. *В рамках исследования был разработан инструмент в сфере информационной безопасности, известный как «Контрольный список необходимых навыков для расследователя преступлений в сфере компьютерной информации» (далее – Контрольный список). В исследовании приняли участие две группы курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России, где одна группа обучалась по традиционной программе, а другая – с акцентом на навыки, указанные в контрольном списке. Для анализа результатов использовался критерий Пирсона χ^2.*
Результаты. *Результаты исследования показали, что в экспериментальной группе 69,57 % курсантов достигли положительных результатов в освоении необходимых навыков, в то время как в контрольной группе этот показатель составил лишь 27,27 %. Полученные результаты исследования подчеркивают важность систематического обучения сотрудников правоохранительных органов в области кибербезопасности и целесообразности внедрения Контрольного списка в практику.*

Ключевые слова:
преступления в сфере компьютерной информации, кибербезопасность, профессиональные компетенции в области расследования, контрольный список, правоохранительные органы

Для цитирования:
Нечай А. А., Ничагина А. В. Особенности подготовки специалистов для расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 251–261.

Статья поступила в редакцию 06.04.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Characteristic features of training specialists for investigating crimes in the field of computer information

Alexander A. Nechai[1], Cand. Sci. (Ped.), Docent
Anna V. Nichagina[2], Cand. Sci. (Ped.), Docent

[1] Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
[2] Saint Petersburg State University named after A. S. Pushkin
10, Petersburg hig., Saint Petersburg, 196605, Russian Federation
[1] webexpromt@mail.ru, [2] 89315104502@mail.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-1202-4830, [2] https://orcid.org/0000-0001-7630-0446

© Нечай А. А., Ничагина А. В., 2025

Abstract:
Introduction. *In today's world, with the rapid development of the Internet and information technologies, crimes in the field of computer information are becoming a pressing issue. Law enforcement officers face difficulties in investigating such crimes due to the lack of specialised knowledge and skills. The relevance of the study lies in the need to improve the readiness of law enforcement agencies to combat cybercrime and develop effective methods of responding to new challenges.*
Methods. *As part of the study, an information security tool was developed, known as the "Checklist of essential skills for investigators of crimes in the field of computer information" (hereinafter referred to as the Checklist). Two groups of cadets from St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia participated in the study, with one group being trained according to the traditional academic course working program and the other one – with an emphasis on the skills specified in the checklist. Pearson's χ^2 criterion was used to analyse the results.*
Results. *The results of the study showed that in the experimental group, 69,57 % of cadets achieved positive results in mastering the necessary skills, while in the control group, this figure was only 27,27 %. The results of the study emphasise the importance of systematic training of law enforcement officers in the field of cybersecurity and the advisability of implementing the Checklist in practice.*

Keywords:
crimes in the field of computer information, cybersecurity, professional investigative competencies, checklist, law enforcement agencies

For citation:
Nechai A. A., Nichagina A. V. Characteristic features of training specialists for investigating crimes in the field of computer information // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 251–261.

**The article was submitted April 6, 2025;
approved after reviewing September 30, 2025;
accepted for publication December 25, 2025.**

Введение

В условиях стремительного развития информационных технологий и повсеместного использования интернета проблема расследования преступлений в сфере компьютерной информации становится все более актуальной. Увеличение числа пользователей сети и рост числа киберпреступлений создают новый вызов для правоохранительных органов, которые должны адаптироваться к изменяющейся природе преступности. Преступления в этой области представляют собой сложное и динамично развивающееся явление, требующее от сотрудников полиции глубоких знаний в области компьютерных технологий и специальной подготовки для эффективного расследования таких дел [1].

В последние десятилетия развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) привело к возникновению такого явления, как преступления в сфере компьютерной информации, включая взломы и использование вредоносного программного обеспечения, что стало большой социальной проблемой и серьезным вызовом для правоохранительных органов. Виртуальная среда предоставляет множество возможностей для незаконной деятельности, что негативно сказывается на экономической и социальной безопасности. Правоохранительным органам необходимо заранее планировать эффективные меры по предотвращению киберпреступлений и реагированию на них, учитывая различные технические и законодательные сложности [2].

Научная проблема заключается в недостаточной подготовленности сотрудников правоохранительных органов к ведению расследований в сфере компьютерной информации, а также в отсутствии четких критериев для определения необходимых квалификаций и технических навыков. Преступления в сфере компьютерной информации наносят значительный ущерб гражданам и обществу, подрывая основы экономической и социальной безопасности. Важно понимать, что киберпреступления – совершенно особый вид криминальной деятельности и требует пересмотра подходов к их расследованию, а также адаптации существующих методов к новым условиям.

Научная новизна исследования заключается в его направленности на преступления в сфере компьютерной информации как уникальной категории, отличающейся от традиционных правонарушений. Исследование включает анализ методов расследования и стратегий предотвращения преступлений в этой области, основанных на профессиональных навыках, необходимых сотрудникам правоохранительных органов в сфере компьютерной безопасности. В рамках исследования акцентируется внимание на ключевых вопросах, касающихся необходимых навыков, которые должны иметь полицейские для успешного расследования киберпреступлений, а также способностей, требуемых от оперативных подразделений для эффективного выполнения их задач.

Цель исследования: разработка и оценка методики подготовки специалистов для расследования преступлений в сфере компьютерной информации. Для достижения этой цели поставлены задачи: контент-анализ компетенций программы подготовки, обновление учебного материала с акцентом на ключевые навыки, включая знание современных информационных технологий и оценку угроз кибербезопасности, а также разработка инструмента оценки квалификаций для выявления и оценки знаний сотрудников правоохранительных органов.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

База исследования. Исследование проводилось с использованием методов педагогического эксперимента с участием двух параллельных групп курсантов 3-го курса Санкт-Петербургского университета МВД России, обучающихся по специальности 10.05.05 – «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере», специализация – «Компьютерная экспертиза». Формирование экспериментальной (n = 23) и контрольной (n = 22) групп осуществлялось методом случайного отбора с соблюдением принципов эквивалентности по следующим параметрам: исходный уровень подготовки (результаты входного тестирования); средний балл успеваемости за предыдущий семестр; возрастно-половой состав; продолжительность обучения по программе.

Для обеспечения валидности эксперимента группы были уравнены по ключевым характеристикам с применением статистических методов проверки однородности (критерий Манна-Уитни, $p > 0{,}05$). Контрольная группа обучалась по традиционной программе, экспериментальная – с использованием разработанного авторами контрольного списка навыков и модернизированных методик.

Проблеме выявления и расследования преступлений в сфере компьютерной информации посвящено значительное количество научных исследований. В частности, рассматриваются аспекты раскрытия и расследования таких преступлений, как в Российской Федерации, так и за рубежом, включая опыт различных стран (В. О. Аманкулиева, М. В. Жижина, Д. В. Завьялова) [3; 4]. Исследуются особенности расследования компьютерных преступлений, включая методики и подходы к их проведению (Т. В. Лукьянова) [5], а также опыт различных стран в данной области (Е. А. Москалева, А. И. Раду) [6]. Дополнительно рассматриваются ключевые особенности розыскных мероприятий при расследовании преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации (А. С. Киселев, К. А. Горбунова) [7], и специфические моменты производства экспертиз при анализе мошенничества (А. М. Милащенко) [8]. Кроме того, исследуются вопросы становления и развития российского уголовного законодательства в данной области (И. А. Патраш) [2]. Рассматриваются современные реалии расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с терроризмом и экстремизмом в интернет-пространстве (В. Д. Петровских) [1], цифровое доказательственное право при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации (А. Б. Сергеев) [9] и методика проведения практических занятий по дисциплине «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации» (М. О. Янгаева) [10].

Термин «*преступление в сфере компьютерной информации*» возник в начале 60-х гг. в американской печати, когда были зафиксированы первые случаи преступлений с использованием компьютеров [11]. В обобщенном виде это понятие охватывает преступное поведение, осуществляемое с помощью компьютеров и интернета, включая действия, в которых компьютер может выступать как инструмент для совершения преступления, объект преступного посягательства или средство для хранения и передачи информации. Однако в научной литературе до сих пор отсутствует единое и общепризнанное определение данного термина, что затрудняет его понимание [12].

Часто термины «преступление в сфере компьютерной информации» и «киберпреступление» употребляются как синонимы, хотя на самом деле они имеют различные значения. Преступление в сфере компьютерной информации охватывает действия, непосредственно связанные с компьютером, в то время как *киберпреступление* представляет собой более широкое понятие, включающее разнообразные виды преступлений, использующих информационные технологии. Важно отметить, что «преступление в сфере компьютерной информации» – это термин, который используется в главе 28 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] и связан с компьютером как материальным предметом, что подчеркивает его специфическую природу в контексте правоприменения [13].

С учетом природы преступлений в сфере компьютерной информации можно выделить *четыре основные категории*: преступления против личности, направленные на причинение вреда конкретным людям (взлом, кибербуллинг, мошенничество с картами); преступления против собственности, охватывающие угрозу собственности (интеллектуальная собственность, кибервандализм, передача вредоносного программного обеспечения); преступления против организаций, совершаемые против правительственных учреждений и компаний (кибертерроризм, распространение пиратского программного обеспечения); преступления против общества, включая распространение порнографии, фишинг и продажу незаконных товаров [14].

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

Методы расследования преступлений в сфере компьютерной информации включают: осмотр места происшествия для выявления виртуальных и трасологических следов; обеспечение неприкосновенности носителей следов, исключая контакт с устройствами; изъятие электронных носителей с копированием данных и использованием специализированных средств; привлечение специалистов для анализа изъятых данных; допрос подозреваемых с применением психологических приемов; производство обыска на основании предположений о наличии оборудования; проведение судебной компьютерно-технической экспертизы; создание единого криминалистического учета ключей шифрования и данных о программно-техническом обеспечении. Эти методы требуют от следователей юридических и технических знаний, основанных на профессиональных навыках, необходимых сотрудникам полиции в области компьютерной безопасности, а также постоянного обновления информации о современных технологиях [5, 15].

Стратегии предотвращения преступлений в сфере компьютерной информации включают обучение сотрудников основам кибербезопасности через регулярные тренинги, внедрение практики обновления программного обеспечения для снижения рисков уязвимостей, использование многофакторной аутентификации (MFA) для защиты учетных записей, инвестиции в современные технологии безопасности, разработку четких политики безопасности и процедур реагирования на инциденты, а также активное сотрудничество и обмен информацией между организациями и правоохранительными органами. Дополнительно важны регулярные аудиты безопасности, программы повышения осведомленности пользователей и создание систем мониторинга инцидентов для быстрого реагирования на угрозы [16].

Как показывают исследования [10; 15–18], для успешной борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации необходимо развивать знания и навыки сотрудников правоохранительных органов, а также обеспечивать их необходимыми ресурсами и оборудованием. Это подчеркивает актуальность нашего эксперимента, который направлен на анализ и обновление учебных программ для подготовки специалистов в данной области.

Методы

Разработанная авторская методика подготовки специалистов в области расследования компьютерных преступлений основывается на синтезе компетентностного и контекстного подходов в профессиональном образовании. Методика включает три компонента: диагностический, содержательно-методический и оценочный.

Диагностический компонент предполагает комплексный анализ профессиональных дефицитов через призму требований профессионального стандарта «Специалист по защите информации» (приказ Минтруда от 14 сентября 2022 г. № 525н[2]). На данном этапе применялись методы контент-анализа нормативных документов и анкетирования научно-педагогического состава, что позволило выявить ключевые проблемные зоны в подготовке специалистов, в частности, недостаточную практическую ориентированность курсов по компьютерной криминалистике.

Содержательно-методический компонент реализуется через систему специально разработанных практико-ориентированных заданий, моделирующих профессиональную деятельность следователя в цифровой среде. Особое внимание уделяется кейс-методу, где используются адаптированные материалы реальных уголовных дел, что соответствует принципам аутентичного обучения. Технология динамических симуляций, реализуемая на платформе *CyberLab*, обеспечивает формирование профессиональных навыков в условиях, максимально приближенных к реальной оперативной работе.

Оценочный компонент методики базируется на принципах формирующего оценивания и включает многоуровневую систему контроля, где особую роль играет разработанный авторами Контрольный список профессиональных навыков. Данный инструмент позволяет не только фиксировать достижение запланированных результатов обучения, но и осуществлять коррекцию образовательного маршрута каждого курсанта.

Реализация методики обеспечивает последовательное формирование профессиональных компетенций через систему взаимосвязанных учебных задач, что соответствует требованиям федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по направлению подготовки 10.05.05 «Безопасность информационных технологий в правоохранительной

[2] Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по защите информации в автоматизированных системах» : приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (далее – Минтруд России) от 14 сентября 2022 г. № 525н (зарег. в Минюсте России 14.10.2022, № 70543) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сетевое издание]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210170003 (дата обращения: 24.05.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

сфере». Особенностью методики является ее адаптивность, позволяющая оперативно вносить коррективы в содержание обучения с учетом изменений в сфере информационной безопасности и законодательной базе.

Педагогический эксперимент осуществлялся в рамках трех последовательных этапов, что соответствует общепринятой методологии организации научно-педагогических исследований.

На первом, констатирующем этапе, проводившемся в сентябре 2024 года, был выполнен комплекс диагностических процедур, включавший экспертизу содержания рабочей программы дисциплины, анализ учебно-методического обеспечения и входное тестирование курсантов. Результаты данного этапа позволили выявить существенный дисбаланс между теоретической и практической составляющими подготовки, а также установить недостаточный уровень владения современными методами цифровой криминалистики у обучающихся.

На данном этапе мы провели контент-анализ рабочей программы дисциплины (далее – РПД) по направлению подготовки 10.05.05 «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере», по профилю подготовки: «Технологии защиты информации в правоохранительной сфере».

В рамках данного этапа мы определили, что дисциплина «Основы информационных технологий и кибербезопасности органов внутренних дел Российской Федерации» играет важную роль в системе подготовки специалистов в области правоохранительных органов. Она имеет общую трудоемкость три зачетные единицы, что эквивалентно 108 часам, и изучается в течение второго семестра на дневном отделении. В рамках курса предусмотрены аудиторные занятия, которые составляют 60 часов, включая 14 часов лекций и 46 часов практических занятий, а также 44 часа на самостоятельную работу. Результаты освоения дисциплины требуют овладения компетенциями: ОПК-9; ОПК-11; ОПК-12.

Для эффективного выполнения задач оперативных подразделений в сфере расследования преступлений в области компьютерной информации необходим ряд ключевых навыков и способностей. Во-первых, понимание места и роли кибербезопасности в системе национальной безопасности (ОПК-9.з.1) и знание современных информационных технологий (ОПК-12.з.1) обеспечивают у обучающихся развитие профессиональных навыков быть в курсе актуальных угроз и методов защиты. Осведомленность о строении и функциях подсистем безопасности (ОПК-11.з.1) важна для оценки уязвимостей, а знание вопросов эксплуатации единой системы информационно-аналитического обеспечения МВД (ПК-8.з.1) необходимо для эффективного использования ресурсов. Понимание методов аналитической работы (ПК-8.з.2) также является важным для обеспечения комплексной защиты информации.

Кроме того, умение классифицировать и оценивать угрозы кибербезопасности (ОПК-9.у.1) позволяет выявлять потенциальные риски, а способность рационально выбирать средства и методы киберзащиты (ОПК-11.у.2) обеспечивает эффективную защиту данных. Применение нормативных правовых актов (ОПК-11.у.3) является обязательным условием соблюдения законности, а умение выбирать современные технологии (ОПК-12.у.1) гарантирует актуальность принимаемых решений. Владение профессиональной терминологией (ОПК-9.в.1) и знание методов киберзащиты (ОПК-9.в.2) позволяют эффективно реагировать на угрозы. Навыки установки и технического обслуживания операционных систем (ОПК-11.в.1) и работы в информационно-аналитических системах (ПК-8.в.1) обеспечивают необходимую подготовленность сотрудников. Все эти навыки формируют базу для успешного расследования преступлений в сфере компьютерной информации и поддерживают высокий уровень безопасности в органах внутренних дел.

Основываясь на авторской модели информационно-правового знания специалистов в сфере расследования компьютерных преступлений (Д. И. Чукова, Д. А. Медведев, М. В. Литвиненко) [18] и комплексе специальных знаний, необходимых для расследования преступлений в сфере компьютерной информации (Э. В. Лантух, В. С. Ишигеев, О. П. Грибунов) [17], а также на анализе РПД, была разработана трехуровневая структура профессиональных компетенций. Данная структура отражает поэтапное формирование компетенций: от базовых знаний через практические умения до автоматизированных навыков, обеспечивающих эффективное расследование преступлений в сфере компьютерной информации (таблица 1).

Второй, формирующий этап исследования, реализованный в период с октября 2024 по март 2025 года, характеризовался внедрением модернизированной методики подготовки, основанной на интеграции кейс-технологий и практико-ориентированного подхода. Особое внимание уделялось организации учебного процесса в условиях специализированной цифровой лаборатории, что обеспечивало формирование профессиональных умений в условиях, максимально приближенных к реальной оперативной деятельности. Регулярный мониторинг образовательных результатов подтвердил эффективность применяемых педагогических технологий.

В ходе исследования учебные материалы дисциплины были актуализированы (таблица 2). Для каждого раздела применялись классические методы активного обучения (мозговой штурм,

кейс-анализ, ролевые игры), а также адаптированы формы и средства преподавания, что повысило соответствие программы современным требованиям кибербезопасности.

Таблица 1

Структура профессиональных компетенций для расследования преступлений в сфере компьютерной информации

Table 1

Structure of professional competencies for investigating crimes in the field of computer information

Компонент компетенции	Описание	Рабочая программа дисциплины		Уровень значимости
		уровень освоения	индекс компетенции	
Знание сетевых технологий	Понимание модели OSI, TCP/IP, принципов работы межсетевых экранов и VPN	Знание (З)	ОПК-11.з.1	Базовый
Знание файловых систем	Понимание структур FAT, NTFS, EXT, ReFS и особенностей восстановления данных	Знание (З)	ОПК-11.з.2	Базовый
Умение работать с аппаратным обеспечением	Применение знаний о компонентах компьютерных систем при проведении экспертизы	Умение (У)	ОПК-12.у.1	Повышенный
Умение составлять технические отчеты	Документирование процессов и результатов цифровой экспертизы	Умение (У)	ОПК-12.у.2	Критический
Навык сохранения цифровых доказательств	Соблюдение процессуальных норм при изъятии, фиксации и хранении электронных доказательств	Навык (Н)	ОПК-11.н.1	Критический
Навык виртуализации	Создание и настройка изолированных сред для анализа вредоносного ПО	Навык (Н)	ОПК-11.н.2	Повышенный

Обновленная учебная программа включает разнообразные методы и приемы, которые помогли студентам не только усвоить теоретические знания, но и развить практические навыки, необходимые для работы в сфере кибербезопасности.

По итогам изучения дисциплины нами был разработан и внедрен инструмент оценки сформированности профессиональных компетенций в сфере информационной безопасности, названный «*Контрольный список необходимых навыков для расследователя преступлений в сфере компьютерной информации*» (далее – Контрольный список). При разработке данного списка мы учли:

– постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2016 г. № 399[3]; приказы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 сентября 2016 г. № 522н[4] и от 14 сентября 2022 г. № 525н[5]; приказ Минобрнауки России от 17 ноября 2020 г. № 1427[6];

[3] Об организации повышения квалификации специалистов по защите информации и должностных лиц, ответственных за организацию защиты информации в органах государственной власти, органах местного самоуправления, организациях с государственным участием и организациях оборонно-промышленного комплекса (вместе с «Правилами организации повышения квалификации специалистов по защите информации и должностных лиц, ответственных за организацию защиты информации в органах государственной власти, органах местного самоуправления, организациях с государственным участием и организациях оборонно-промышленного комплекса») : постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2016 г. № 399 (ред. от 11.07.2018) // СЗ РФ. 2016. № 20. Ст. 2838.

[4] Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по защите информации в автоматизированных системах» : приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (далее – Минтруд России) от 14 сентября 2022 г. № 525н (зарег. в Минюсте России 14.10.2022, № 70543) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сетевое издание]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210170003 (дата обращения: 24.05.2025).

[5] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210170003 (дата обращения: 24.05.2025).

[6] Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 10.03.01 Информационная безопасность : приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 17 ноября 2020 г. № 1427 (ред. от 27.02.2023) (зарег. в Минюсте России 18.02.2021, № 62548) // Там же. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102180040 (дата обращения: 24.05.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

– результаты работы коллег [10; 17; 18] по вопросам информационной безопасности и личный педагогический опыт [12; 19].

Таблица 2

Актуализация рабочей программы дисциплины «Основы информационных технологий и кибербезопасности органов внутренних дел Российской Федерации»

Table 2

Updating the academic course working program "Fundamentals of Information Technologies and Cybersecurity of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation"

Наименование разделов и тем	**Кол-во часов**	**Обновление материала (дидактические компоненты)**	**Результат с учетом компетенций**
Характер понятия информации	6	Метод мозгового штурма для свободного обмена мыслями о значении информации и ее роли в современном мире	Развитие критического мышления и осмысление понятий
Основные понятия и представления теории информации	6	Использование визуальных инструментов (инфографика, диаграммы) и обсуждения в малых группах	Улучшение усвоения теоретических аспектов и моделирование проблемных ситуаций
Модели информационных процессов передачи, обработки и хранения данных	14	Внедрение симуляционных игр для моделирования процессов передачи и обработки данных	Возможность увидеть, как работают различные модели на практике
Автоматизированные информационные системы, их задачи и функции	18	Анализ кейсов для изучения конкретных примеров автоматизированных систем в правоохранительных органах	Понимание влияния автоматизированных систем на эффективность работы
Документационные автоматизированные информационные системы	12	Работа с реальными документами и системами для практического понимания их функционирования	Осознание роли документационных систем в расследовании преступлений
Информационные технологии в правоохранительной сфере	28	Ролевые игры, где обучающиеся выступали в роли следователей и аналитиков	Понимание динамики взаимодействия между участниками процесса
Нормативно-правовое обеспечение кибербезопасности	8	Выполнение заданий на основе анализа законодательных актов и нормативных документов	Углубленное понимание правовых аспектов работы в сфере кибербезопасности
Принципы обеспечения компьютерной безопасности	12	Практические занятия семинарского типа для применения полученных знаний при разработке стратегий защиты информации	Способность применять теоретические знания на практике

Для удобства работы мы создали бланк Контрольного списка. Цель данного инструмента заключается в выявлении и оценке знаний и технических навыков, необходимых сотрудникам правоохранительных органов для эффективного расследования преступлений в области компьютерной информации.

Вводная часть Контрольного списка представляет собой анкету, предназначенную для сбора личных данных сотрудников правоохранительных органов, участвующих в расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Этот раздел включает в себя вопросы о возрасте, поле, семейном положении, уровне образования, полицейском ранге, стаже службы и опыте работы с киберпреступлениями. Сбор этих данных позволит оценить квалификацию и опыт участников, а также выявить их готовность к расследованию преступлений в области компьютерной безопасности.

Основная часть состоит из четырех осей:

Первая ось Контрольного списка посвящена уровню знакомства участников с инструментами и методами, используемыми для совершения киберпреступлений. Вопросы в этой оси охватывают такие темы, как компьютерные вирусы, трояны, программы для взлома паролей и социальная инженерия. Оценка знаний в этой области позволит определить, насколько хорошо сотрудники понимают механизмы, используемые преступниками, и как это знание может помочь в их расследованиях.

Вторая ось фокусируется на уровне осведомленности о некоторых аспектах киберпреступности, включая известные случаи преступлений, текущую реальность, категории преступников и законодательство, касающееся этих преступлений. Этот раздел помогает понять, насколько сотрудники правоохранительных органов осведомлены о современных тенденциях в области киберпреступности и как это знание может быть применено в их работе.

Третья ось Контрольного списка касается уровня знаний о различных типах киберпреступлений и их характеристиках. Вопросы этой оси позволяют оценить, насколько хорошо участники понимают такие преступления, как кража данных, кибертерроризм и мошенничество.

Четвертая ось направлена на уровень знакомства с программами и инструментами, используемыми в расследовании киберпреступлений, что важно для эффективного выполнения служебных обязанностей.

Для оценки ответов участников исследования на утверждения основных переменных использовалась пятибалльная шкала Лайкерта [20], где значения соответствуют следующим категориям: «отлично» (5), «очень хорошо» (4), «хорошо» (3), «плохо» (2) и «очень плохо» (1).

Разработанный инструмент был апробирован на экспериментальной группе (далее – ЭГ) курсантов, обучавшихся с упором на Контрольный список необходимых навыков, в то время как контрольная группа (далее – КГ) использовала традиционные программы без акцента на направления информационной безопасности, указанные в этом списке.

Третий, заключительный контрольный этап, проведенный в апреле 2025 года, включал комплексную оценку достигнутых результатов с использованием разработанного авторами контрольно-измерительного инструментария. Статистический анализ полученных данных продемонстрировал существенный прогресс в формировании профессиональных компетенций у курсантов экспериментальной группы. Применение непараметрического критерия Пирсона χ^2 подтвердило достоверность выявленных различий между экспериментальной и контрольной группами.

Результаты

Для анализа результатов использовался критерий Пирсона χ^2 (хи-квадрат), который широко применяется в педагогических исследованиях для проверки гипотез о зависимости между категориальными переменными. В рамках исследования были сформулированы гипотезы: нулевая (*H0*) – между экспериментальной и контрольной группами нет значительных различий в успеваемости; альтернативная (*H1*) – такие различия существуют благодаря применению Контрольного списка необходимых навыков для расследователя преступлений в сфере компьютерной информации.

Результаты, достигнутые курсантами в ключевых направлениях, распределяются следующим образом: в ЭГ 16 человек достигли положительных результатов (69,57 %), а семь – не достигли положительного результата (30,43 %). В КГ положительные результаты показали шесть курсантов (27,27 %), в то время как 16 человек не достигли успеха (72,73 %).

Для расчета критерии хи-квадрат (χ^2) Пирсона необходимо выполнить следующее:

Шаг 1: Составляется таблица сопряженности (таблица 3), после чего применяется формула χ^2.

Таблица 3

Результаты педагогического эксперимента (первый контрольный срез)

Table 3

Results of the pedagogical experiment (first control section)

Группа	Положительный результат	Не достигли положительного результата	Общее количество человек в группе
Экспериментальная	16 чел. (69,57 %)	7 чел. (30,43 %)	23
Контрольная	6 чел. (27,27 %)	16 чел. (72,73 %)	22
Итого	22 чел.	23 чел.	45

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Шаг 2: Производится расчет ожидаемых частот. Расчет критерия Пирсона χ^2 осуществляется по формуле:

$$\chi^2 = \frac{\sum (O_i - E_i)^2}{E_i}, \quad (1)$$

где: O_i – наблюдаемые значения;
E_i – ожидаемые значения, которые определяются по формуле:

$$E_{ij} = \frac{(\text{Сумма строки}_i) \times (\text{Сумма столбца}_j)}{(\text{Общая сумма})}, \quad (2)$$

После подстановки значений получим ожидаемые частоты для каждой ячейки:
ЭГ (положительный результат):

$$E_{11} = \frac{23 \times 22}{45} \approx 11{,}24$$

ЭГ (отрицательный результат):

$$E_{12} = \frac{23 \times 23}{45} \approx 11{,}75$$

КГ (положительный результат):

$$E_{21} = \frac{22 \times 22}{45} \approx 1{,}75$$

КГ (отрицательный результат):

$$E_{21} = \frac{22 \times 23}{45} \approx 11{,}24$$

Шаг 3: Выполняется расчет χ^2. Теперь мы можем использовать формулу для расчета критерия Пирсона χ^2:

$$\chi^2 = \frac{\sum (O_{ij} - E_{ij})^2}{E_{ij}}, \quad (3)$$

где: O_{ij} – наблюдаемые частоты;
E_{ij} – ожидаемые частоты.
Подсчитаем χ^2 для каждой ячейки:
ЭГ (положительный результат): $\frac{(16 - 11{,}24)^2}{11{,}24} \approx 2{,}01$

ЭГ (отрицательный результат): $\frac{(7 - 11{,}75)^2}{11{,}75} \approx 1{,}92$

КГ (положительный результат): $\frac{(6 - 10{,}75)^2}{10{,}75} \approx 2{,}09$

КГ (отрицательный результат): $\frac{(16 - 11{,}24)^2}{11{,}24} \approx 2{,}01$

Теперь сложим все значения:

$$\chi^2 = 2{,}01 + 1{,}92 + 2{,}09 + 2{,}01 = 8{,}03$$

Шаг 4: Интерпретация результата. Чтобы интерпретировать полученное значение χ^2, необходимо сравнить его с критическим значением из таблицы распределения χ^2 для заданного уровня значимости (обычно 0,05) и числа степеней свободы (df = 1), которое составляет примерно 3,841.

Поскольку полученное расчетное значение критерия Пирсона χ^2 = 8,03 больше, чем критическое значение 3,841 из таблицы распределений, можно отвергнуть нулевую гипотезу и сделать вывод, что существует статистически значимая разница в результатах между экспериментальной и контрольной группами.

Обсуждение

Полученные результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что разработанная методика подготовки специалистов в области расследования преступлений в сфере компьютерной информации, основанная на использовании Контрольного списка необходимых навыков, положительно влияет на уровень подготовки курсантов. В ЭГ 69,57 % курсантов достигли положительных результатов, в то время как в КГ этот показатель составил лишь 27,27 %. Это свидетельствует о том, что целенаправленная подготовка, акцентирующая внимание на актуальных знаниях и навыках, значительно улучшает готовность сотрудников правоохранительных органов к расследованию преступлений в сфере компьютерной информации.

В ходе подготовки был проведен контент-анализ компетенций программы, что позволило выявить ключевые навыки, необходимые для эффективного расследования компьютерных преступлений. Обновление учебного материала с акцентом на знания современных информационных технологий и оценку угроз кибербезопасности также способствовало улучшению усвоения материала курсантами. Однако следует отметить некоторые недостатки исследования. Во-первых, выборка курсантов состояла всего из двух учебных взводов, что может снижать обобщаемость результатов на более широкую аудиторию сотрудников правоохранительных органов. Во-вторых, исследование проводилось в рамках одного учебного заведения, что может повлиять на репрезентативность результатов и ограничивает возможность их прямого переноса, поскольку методики и технологии подготовки могут различаться в других образовательных организациях.

Несмотря на эти ограничения, результаты исследования доказывают важность систематической подготовки сотрудников правоохранительных органов в области компьютерных преступлений. Разработанный инструмент оценки квалификаций для выявления и оценки знаний сотрудников является важным шагом к повышению эффективности расследования киберпреступлений. В дальнейшем рекомендуется проводить дополнительные исследования, направленные на оценку долгосрочной эффективности предложенных методов подготовки и их влияние на профессиональную деятельность сотрудников правоохранительных органов, а также на возможность внедрения этих методов в учебные программы других учебных заведений.

Заключение

Данное исследование подтвердило значимость специализированной подготовки сотрудников правоохранительных органов в области расследования преступлений в сфере компьютерной информации. Результаты показали, что применение разработанной методики подготовки, включая Контрольный список необходимых навыков, существенно повышает уровень знаний и готовности курсантов к эффективному реагированию на преступления в сфере компьютерной информации.

Перспективным направлением дальнейших исследований является совершенствование методики обучения с внедрением актуальных образовательных подходов и анализом их результативности в реальной работе правоохранительных структур. Рекомендуется также исследовать влияние этих обновлений на профессиональную подготовку сотрудников правоохранительных органов, проводить межведомственные тренинги и симуляции, направленные на улучшение взаимодействия между различными структурами в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. Учитывая динамичное развитие технологий и угроз, необходимо регулярно обновлять содержание учебных программ и методы подготовки сотрудников правоохранительных органов в данной области.

Список источников

1. *Петровских В. Д.* Современные реалии расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с терроризмом и экстремизмом, противодействие преступности в Интернет-пространстве / Проблемы борьбы с терроризмом и экстремизмом с учетом современных реалий : сборник научных статей межведомственной конференции, г. Саратов, 21 сентября 2022 г. Саратов : Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2022. С. 64–72.

2. *Патраш И. А.* К вопросу о становлении и развитии российского Уголовного законодательства в сфере компьютерной информации // NovaUm.Ru. 2022. № 36. С. 16–19.

3. *Аманкулиева В. О.* Раскрытие и расследование преступлений в сфере компьютерной информации // Научное образование. 2024. № 1 (22). С. 154–157.

4. *Жижина М. В., Завьялова Д. В.* Расследование преступлений в сфере компьютерной информации в Российской Федерации и зарубежных странах : монография. Москва : Проспект, 2023. 136 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

5. *Лукьянова Т. В.* Особенности расследования компьютерных преступлений // Научный аспект. 2024. Т. 38, № 5. С. 5204–5210.

6. *Москалева Е. А., Раду А. И.* Расследование преступлений в сфере компьютерной информации: российский и зарубежный опыт / Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере компьютерной информации или с применением компьютерных технологий в условиях цифровизации экономики и государственного управления : материалы Межвузовского круглого стола, Москва, 23 ноября 2023 г. Москва : Русайнс, 2024. С. 160–166.

7. *Киселев А. С., Горбунова К. А.* Особенности розыскных мероприятий при расследовании преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 147–154. https://doi.org/10.47475/2311-696X-2023-39-4-147-154

8. *Милащенко А. М.* Особенности производства экспертиз при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации / Миссия права 2024 : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, г. Великий Новгород, 17 апреля 2024 г. Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2024. С. 92–98.

9. *Сергеев А. Б.* Цифровое доказательственное право при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: вопросы целесообразности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3 (61). С. 66–72.

10. *Янгаева М. О.* О методике проведения практического занятия по дисциплине «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации» // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2024. № 2 (47). С. 35–38.

11. *Петрова И. А., Лобачев И. А.* Преступления в сфере компьютерной информации: дискуссионные вопросы определения понятия, объекта уголовно-правовой охраны и предмета посягательств // Журнал прикладных исследований. 2020. № 1. С. 52–62.

12. *Нечай А. А.* Использование инновационных методов и современных технологий для повышения квалификации в области кибербезопасности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 193–196. https://doi.org/10.26140/anip-2020-0903-0043

13. *Сабирзянова Э. Р.* К вопросу о понятии и классификации киберпреступлений как угрозы экономической безопасности Российской Федерации / Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции : в 6 т., г. Казань, 22 сентября 2023 г. / ред.:: И. Р. Бегишев [и др.]. Казань : Познание, 2023. Т. 3. С. 319–322.

14. *Гринев В. А., Захаров С. В.* Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты борьбы с преступностью в России в условиях «цифровизации» современного общества / Актуальные проблемы борьбы с преступностью : материалы межвузовской научно-практической конференции, Тула, 25 марта 2021 г. Тула : Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 103–114.

15. *Зеленкина О. Ю.* Особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2 (24). С. 92–100.

16. *Ерастов Е. Д.* Современные проблемы кибербезопасности: вызовы и решения // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 10 (79). С. 745–749.

17. *Лантух Э. В., Ишигеев В. С., Грибунов О. П.* Использование специальных знаний при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 6. С. 882–890. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(6).882-890

18. *Чукова Д. И., Медведев Д. А., Литвиненко М. В.* Модель формирования компетенций специалиста в сфере расследования компьютерных преступлений // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 3 (31). С. 57–62.

19. *Нечай А. А., Ничагина А. В.* Анализ использования информационных систем для мониторинга образовательной деятельности в вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023. Т. 12, № 4 (45). С. 112–116. https://doi.org/10.57145/27128474_2023_12_04_23

20. *Квон Г. М., Вакс В. Б., Поздеева О. Г.* Использование шкалы Лайкерта при исследовании мотивационных факторов, обучающихся // Концепт : [электронный журнал]. 2018. № 11. С. 84–96. https://doi.org/10.24411/2304-120X-2018-11086

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 37.018.43:004

Проектирование многомерной модели формирования субъектной позиции студентов в цифровой образовательной среде

Ольга Артуровна Чопик, доктор педагогических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д.1), Российская Федерация
milinisoa@maail.ru
https://orcid.org/0000-0003-1108-752X

Аннотация:
Введение. *Современная цифровая трансформация высшего образования сопровождается активным внедрением технологий искусственного интеллекта, что вызывает необходимость переосмысления роли обучающегося как субъекта образовательного процесса. Актуальность исследования обусловлена противоречием между технологическим прогрессом и потребностью в сохранении личностно-деятельностных характеристик студентов. Отсутствие научно обоснованных педагогических моделей, отражающих влияние ИИ на формирование субъектной позиции обучающихся, определяет научную и практическую значимость проведенного исследования.*
Цель исследования: *теоретическое обоснование и проектирование многомерной модели формирования субъектной позиции студентов в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта в цифровую образовательную среду вуза, а также эмпирическая проверка ее эффективности в процессе профессиональной подготовки курсантов.*
Методы. *Методологическую основу составили системно-деятельностный, субъектно-ориентированный, аксиологический и компетентностный подходы. Использовались методы теоретического анализа и моделирования, анкетирования, педагогического наблюдения, формирующего эксперимента и статистической обработки данных (t-критерий Стьюдента).*
Результаты. *Разработана и апробирована многомерная модель формирования субъектной позиции студентов, включающая когнитивный, мотивационно-ценностный, регулятивно-деятельностный и технологический компоненты. Определены три уровня ее развития: репродуктивный, ситуативно-автономный и интегративно-субъектный. Пилотажное исследование подтвердило эффективность модели: доля курсантов с интегративно-субъектным уровнем выросла с 13,2 до 31 %, что свидетельствует о росте осознанности, автономии и рефлексивности. Результаты демонстрируют возможность перехода от технологически ориентированной цифровизации образования к субъектно-ориентированной цифровой педагогике, в которой искусственный интеллект становится инструментом личностного и профессионального саморазвития обучающихся.*

Ключевые слова:
субъектная позиция, цифровая образовательная среда, искусственный интеллект, модель формирования субъектной позиции студентов в цифровой образовательной среде, цифровая педагогика

Для цитирования:
Чопик О. А. Проектирование многомерной модели формирования субъектной позиции студентов в цифровой образовательной среде // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 262–273.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 13.11.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Designing a multidimensional model for forming the subject position of students in a digital educational environment

Olga A. Chopik, Doc. Sci. (Ped.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
milinisoa@maail.ru
https://orcid.org/0000-0003-1108-752X

© Чопик О. А., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Abstract:
Introduction. *The The current digital transformation of higher education is accompanied by the active introduction of artificial intelligence (hereinafter – AI) technologies. This fact makes it urgent to rethink the role of a learner as a subject of the educational process. The relevance of the research is determined by the contradiction between technological progress and the need to preserve the personal-active characteristics of students. The absence of scientifically based pedagogical models reflecting the influence of AI on the formation of the subject position of learners determines the scientific and practical significance of the carried-out research.*
Research purpose: *theoretical substantiation and development of a multidimensional model for forming the subject position of students in the context of introducing artificial intelligence technologies into the digital educational environment of a higher education institution, as well as empirical verification of its effectiveness in the process of professional training of cadets.*
Methods. *The methodological framework was based on system-activity, subject-oriented, axiological, and competency-based approaches. The methods used included theoretical analysis and modeling, questionnaires, pedagogical observation, formative experiments, and statistical data processing (Student's t-test).*
Results. *A multidimensional model for forming the subject position of students has been developed and tested, including cognitive, motivational-value, regulatory-activity, and technological components. Three levels of its development have been identified: reproductive, situational-autonomous, and integrative-subject. A test study has confirmed the effectiveness of the model: the proportion of cadets with an integrative-subject level has increased from 13.2% to 31%, indicating a growth in awareness, autonomy and reflectiveness. The results demonstrate the possibility of transitioning from technology-oriented digitalisation of education to subject-oriented digital pedagogy, where artificial intelligence becomes a tool for students' personal and professional self-development.*

Keywords:
subject position, digital educational environment, artificial intelligence, model of forming subject position of students in a digital educational environment, digital pedagogy

For citation:
Chopik O. A. Designing a multidimensional model for forming the subject position of students in a digital educational environment // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 262–273.

The article was submitted October 10, 2025; approved after reviewing November 13, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Современная трансформация высшего образования происходит в условиях быстрого роста цифровизации и широкого внедрения систем искусственного интеллекта, что приводит к качественному изменению условий учебной и профессиональной подготовки. Появление адаптивных образовательных платформ, генеративных систем и инструментов автоматизированного анализа учебной деятельности создает новые возможности для персонализации обучения и оперативной обратной связи, но одновременно ставит перед педагогикой задачу сохранения и развития личностных характеристик обучающегося как активного субъекта образовательного процесса. Существенная научная и практическая значимость данной проблематики подтверждается аналитическими обзорами и прикладными исследованиями, фиксирующими как потенциал ИИ для повышения эффективности обучения, так и риски, связанные с технологической зависимостью, размыванием ответственности обучающегося и трудностями в обеспечении академической честности [1; 2].

С позиций психолого-педагогической теории актуальность проблемы обусловлена необходимостью переосмысления понятия субъектности в условиях цифровой среды. Субъектная позиция, традиционно рассматриваемая как интегративное образование, включающее саморегуляцию, осознанность, инициативность и рефлексию, в цифровой среде получает новое измерение: к классическим когнитивным и мотивационно-ценностным компонентам добавляются технологические компетенции, умение критически интерпретировать алгоритмическую продукцию и этическая осознанность при работе с данными. Отсутствие достаточно разработанных и проверенных на практике моделей, которые учитывают взаимосвязь основных компонентов субъектности, затрудняет целенаправленное педагогическое проектирование и эффективное отслеживание развития субъектности в условиях трансформации образования.

Научно-педагогическая актуальность также связана со специфическими требованиями к результатам деятельности образовательных организаций высшего образования (далее – ООВО) правоохранительного профиля, где выпускники должны обладать высокой степенью ответственности, самостоятельности в принятии решений и готовностью к действиям в ситуациях неопределенности. В таких контекстах неконтролируемое внедрение цифровых инструментов без соответствующего методического сопровождения может привести к снижению самостоятельности и формированию практик поверхностного использования искусственного интеллекта (далее – ИИ), что противоречит целям профессионального становления. Российские практики подчеркивают необходимость разработки методических стратегий, объединяющих цифровые инструменты и технологии формирования субъектности, а также создания валидных диагностических процедур для мониторинга динамики личностных изменений

Эмпирическая значимость данного исследования обусловлена наличием существенных пробелов в отечественных и зарубежных научных работах по этой проблеме. Во-первых, большинство эмпирических работ по внедрению ИИ в образование сосредоточено на технологических, организационных результатах, тогда как влиянию ИИ на личностно-деятельностные характеристики обучающихся, особенно на структуру и динамику субъектной позиции, уделено существенно меньше внимания. Во-вторых, имеющиеся отечественные исследования по субъектности, в т. ч. диссертационные исследования, демонстрируют разнообразие подходов к операционализации показателей субъектности, но редко включают в свои схемы уровневую градацию развития субъектности, применимую в условиях работы с ИИ в образовательной деятельности.

Наконец, с позиции методологии актуальность исследования определяется потребностью в интеграции научных подходов, значимых для психологии личности, теории обучения и цифровой педагогики. Разработка многомерной модели, объединяющей когнитивный, мотивационно-ценностный, регулятивно-деятельностный и технологический компоненты, а также введение уровней развития субъектной позиции (репродуктивный – ситуативно-автономный – интегративно-субъектный) обеспечит теоретическую систематизацию и практическую применимость инструментов, необходимых для проектирования педагогического взаимодействия и оценки его эффекта в условиях цифровой трансформации высшего образования.

Постановка проблемы

Проблемное поле статьи определяется ключевым противоречием между активной цифровизацией и интеграцией искусственного интеллекта в образовательный процесс высшего образования и отсутствием научно обоснованных педагогических моделей, гарантирующих формирование и развитие субъектной позиции студентов в условиях трансформации традиционных форм учебной деятельности под воздействием технологий ИИ. Возникает необходимость теоретического осмысления и педагогического проектирования новых моделей взаимодействия человека и технологии, в которых обучающийся выступает не объектом педагогических воздействий, а активным субъектом собственного развития.

Несмотря на возрастающий интерес к проблеме субъектности в педагогике, до настоящего времени не сформировано целостного представления о том, как именно искусственный интеллект влияет на становление субъектной позиции студентов и курсантов ООВО. Исследования в области цифровой педагогики в основном сосредоточены на технологических аспектах внедрения ИИ, например, на адаптивных системах обучения, интеллектуальных помощниках, анализе учебных данных, тогда как вопросы личностно-деятельностных изменений обучающегося, его внутренней мотивации, способности к самоопределению и саморегуляции остаются изученными фрагментарно. Это создает разрыв между технологическим прогрессом и педагогическими задачами формирования активной, ответственной и рефлексивной личности.

Проблема усугубляется спецификой ведомственного высшего образования, в котором профессиональная подготовка курсантов требует не только усвоения знаний, но и формирования устойчивой субъектной позиции, обеспечивающей готовность к самостоятельному принятию решений, профессиональной ответственности и рефлексии в условиях неопределенности. При этом внедрение ИИ в такие образовательные системы требует особого педагогического сопровождения, способного интегрировать цифровые технологии в процессы личностного и профессионального становления.

Анализ научных источников показывает, что большинство существующих моделей формирования субъектной позиции строятся на традиционных принципах субъектно-деятельностного подхода (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровский), которые не учитывают влияния цифровых медиаторов и интеллектуальных систем. Однако именно искусственный интеллект становится сегодня фактором, трансформирующим структуру учебной деятельности, характер познавательной активности и способы самоорганизации студентов. Возникает необходимость проектирования многомерной модели, способной отразить сложное взаимодействие когнитивных, мотивационно-ценностных, регулятивных и технологических компонентов субъектности, проявляющихся в цифровой образовательной среде.

С одной стороны, ИИ предоставляет широкие возможности для персонализации обучения, повышения рефлексивности и самостоятельности студентов; с другой – отсутствие целостных моделей педагогического проектирования приводит к риску технологической зависимости и снижения субъектности.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Проблема исследования заключается в необходимости выявления педагогических оснований и проектирования многомерной модели формирования субъектной позиции студентов и курсантов ООВО в условиях внедрения искусственного интеллекта в образовательную среду. Решение этой проблемы требует междисциплинарного подхода, объединяющего идеи педагогики, психологии субъектности и цифровизации образования.

Научная новизна проведенного исследования состоит в разработке, теоретическом обосновании и эмпирической апробации многомерной модели формирования субъектной позиции студентов при использовании искусственного интеллекта в образовательной среде ООВО.

По нашему мнению субъектная позиция рассматривается как динамическая система, интегрирующая четыре взаимосвязанных компонента: когнитивный, мотивационно-ценностный, регулятивно-деятельностный и технологический, развитие которых сопряжено с использованием средств искусственного интеллекта в образовательной деятельности.

Новизна проявляется также в выделении трех уровней развития субъектной позиции (репродуктивного, ситуативно-автономного и интегративно-субъектного), позволяющих проследить переход обучающегося от внешне детерминированной к внутренне мотивированной деятельности в цифровой среде.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанная модель может быть использована для совершенствования образовательных программ ООВО, разработки и оценки эффективности цифровых педагогических технологий, а также для построения индивидуальных траекторий профессионального развития студентов и курсантов. Полученные результаты позволяют перейти от технологически ориентированной цифровизации образования к субъектно-ориентированной цифровой педагогике, в которой искусственный интеллект выступает инструментом, стимулирующим саморазвитие и самоопределение обучающегося при обязательном педагогическом сопровождении.

Методология и методы исследования

Методологической основой проведенного исследования послужила совокупность философских, психологических и педагогических подходов, обеспечивающих целостное понимание процесса формирования субъектной позиции студентов в условиях внедрения искусственного интеллекта в образовательную среду. Исследование опирается на системно-деятельностный, субъектно-ориентированный, аксиологический подходы и ведущие идеи педагогической концепции цифрового профессионального образования и обучения, интеграция которых позволила рассмотреть развитие субъектности как многоуровневый и многомерный процесс, включающий когнитивные, мотивационно-ценностные, регулятивно-деятельностные и технологические компоненты.

Системно-деятельностный подход (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин и др.) определил исследовательскую стратегию, в рамках которой субъектная позиция рассматривается как результат активной деятельности обучающегося, направленной на преобразование учебной и профессиональной реальности. Согласно этому подходу, формирование субъектности возможно только в деятельности, предполагающей личностную вовлеченность, целеполагание и рефлексию.

Субъектно-ориентированный подход (В. И. Андреев, В. А. Петровский, В. И. Слободчиков, О. А. Чопик и др.) позволил осмыслить субъектную позицию как интегративное качество личности, включающее способность к саморегуляции, самоопределению и ответственности. С этих позиций внедрение искусственного интеллекта в образовательную среду рассматривалось не как технологический процесс, а как средство формирования новой образовательной субъектности, в которой студент проявляет активность в освоении цифровых инструментов и в управлении собственным образовательным маршрутом.

Аксиологический подход (Е. В. Бондаревская, Б. С. Брушлинский, Н. Д. Никандров, В. А. Сластенин и др.) обусловил внимание к ценностным аспектам субъектности, ее связи с профессиональной идентичностью и внутренней мотивацией. В контексте исследования он позволил рассматривать искусственный интеллект не только как технологический ресурс, но и как педагогический феномен, способный стимулировать ценность саморазвития и профессиональное самосознание обучающихся.

Педагогическая концепция цифрового профессионального образования и обучения (П. Н. Биленко, В. И. Блинов, М. В. Дулинов, Е. Ю. Есенина, А. М. Кондаков, И. С. Сергеев)[1] стала

[1] Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / Биленко П. Н., Блинов В. И., Дулинов М. В., Есенина Е. Ю. [и др.] ; под науч. ред. В. И. Блинова. Москва : Перо, 2019. 98 с.

методологической основой анализа взаимодействия человека и искусственного интеллекта в образовательной среде. В рамках данного подхода образовательная среда понимается как открытая система, в которой ИИ выполняет функции когнитивного и коммуникативного медиатора, обеспечивающего адаптацию содержания, поддержку рефлексии и развитие самостоятельности студента.

Для обеспечения полноты исследования применялись взаимодополняющие методы: теоретические (анализ и синтез философской, психолого-педагогической и методологической литературы; моделирование педагогической системы; типологизация и классификация); эмпирические (анкетирование, педагогическое наблюдение; формирующий эксперимент); статистические (корреляционный анализ, t-критерий Стьюдента, методы сравнительного анализа средних значений).

Организация эмпирического исследования включала три этапа. На констатирующем этапе был проведен анализ исходного уровня сформированности субъектной позиции курсантов, определены ведущие трудности и особенности восприятия ИИ в образовательном процессе. Формирующий этап предусматривал внедрение разработанной многомерной модели формирования субъектной позиции в учебный процесс в течение двух месяцев. В ходе этого этапа использовались интерактивные образовательные задания, интегрированные с инструментами ИИ, ситуационные тренинги и проектные формы деятельности. Контрольный этап включал повторную диагностику по тем же методикам с целью выявления динамики показателей и оценки эффективности предложенной модели.

Статистическая обработка данных осуществлялась через проверку достоверности различий между показателями констатирующего и контрольного этапов с применением t-критерия Стьюдента при уровне значимости $p < 0{,}05$.

Результаты и обсуждение

Под субъектной позицией автор понимает комплекс личностных, мотивационно-регулятивных и деятельностных качеств, обеспечивающих способность студента целенаправленно планировать, реализовывать и ответственно оценивать собственное обучение и профессиональное развитие. Субъектность трактуется как многоуровневое личностное образование, реализующееся через механизмы саморазвития, самообразования и самореализации, что отражает активную и творческую природу включенности индивида в образовательную, профессиональную и социокультурную деятельность (В. И. Андреев) [3].

В этой парадигме особое значение приобретает теоретическое положение о том, что субъектная позиция не является изначально заданным или фиксированным свойством личности, а формируется в процессе ее постоянного взаимодействия с внутренними и внешними противоречиями. Становление личности как субъекта проявляется в процессе преодоления и разрешения внутренних конфликтов, возникающих между индивидуальными целевыми ориентациями, мотивационными структурами, уровнем притязаний и актуальными социальными условиями, включая профессиональные взаимодействия, деятельность и жизненные ситуации, детерминирующие динамику этих противоречий (А. А. Деркач) [4].

Анализ научных психолого-педагогических работ показывает, что исследовательское поле формирования субъектной позиции студентов при внедрении искусственного интеллекта в образовательную среду распределяется по нескольким переплетающимся кластерам от классических психолого-педагогических представлений о субъектности и субъектной позиции как интегративном личностном образовании; исследований саморегуляции и метапознания как функциональных основ субъектности; эмпирических работ и диссертаций, сфокусированных на формировании субъектной позиции в разных учебных контекстах (волонтерская деятельность, речевая деятельность, инженерное обучение и т. п.) до исследования цифровой педагогики и применения искусственного интеллекта в образовании с акцентом на возможности и риски, а также работ по организационно-педагогическим условиям и оцениванию в цифровой среде. Это распределение предметного поля позволяет видеть, что проблема формирования субъектной позиции в цифровую эпоху лежит на стыке классической педагогики личности и новых проблем цифровой грамотности и этики использования искусственного интеллекта (А. А. Николаев, М. Ю. Кузнецов, В. А. Николаев) [1].

Психолого-педагогическое исследование формирования субъектной позиции в образовательной среде цифровой эпохи демонстрирует многослойную структуру предметного поля, в которой классические концепты субъектности пересекаются с новыми проблемами цифровой грамотности и этики использования искусственного интеллекта. Современные научные обзо-

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ры показывают, что осмысление субъектности обучающегося происходит на стыке личностно-ориентированной педагогики, теории саморегуляции и метапознания, а также цифровой дидактики, формирующей новые контексты педагогического взаимодействия [5].

В отечественной психолого-педагогической традиции субъектная позиция понимается как результат становления активности личности в процессе деятельности. Исследования О. Г. Селивановой раскрывают личностно-ориентированные механизмы формирования субъектности через организацию учебного процесса, обеспечивающего целеполагание, рефлексию, автономию и ответственность обучающегося [6]. Эта методологическая линия получает развитие в ряде диссертационных исследований, где выделяются педагогические условия формирования субъектной позиции. Например, в работе Г. Р. Халюшевой подчеркивается роль специально организованной коммуникативной практики как средства развития субъектных проявлений[2], а в докторской диссертации А. Г. Гогоберидзе конкретизируются критерии субъектности как целостного личностного образования[3]. Тем самым подтверждается, что без целенаправленного педагогического сопровождения технологические инновации, в т. ч. средства ИИ, не обеспечивают воспитательного эффекта, если не опираются на внутренние механизмы личностного развития.

Современные эмпирические исследования саморегуляции и метапознания показывают, что эти когнитивные механизмы выступают функциональной основой субъектности, обеспечивая осознанное планирование, контроль и коррекцию учебной деятельности. Так, в исследовании Е. И. Периковой и В. М. Бызовой выявляется прямая зависимость между метакогнитивной включенностью и способностью студентов к саморегуляции [7]. Аналогичные результаты демонстрируют диссертационные исследования Н. А. Киселевской, Е. Н. Корнеевой, в которых разработаны рекомендации по развитию регулятивных учебных умений через проектную и рефлексивную деятельность [8; 9]. Эти выводы служат эмпирическим основанием для выделения регулятивно-деятельностного измерения субъектности, в рамках которого важными становятся не только оценка результата, но и процессуальные показатели планирования и самоконтроля.

Анализ отечественных исследований подтверждает, что становление субъектной позиции студентов носит контекстно-зависимый характер. В работах Н. П. Устиновой [10], И. Н. Емельяновой, О. А. Тепляковой, Д. О. Теплякова [11] подчеркивается, что формирование субъектности в разных профилях обучения (гуманитарном и техническом) требует дифференцированного методического подхода. Эмпирические данные показывают, что в инженерных и правоохранительных ООВО акцент смещен в сторону деятельностной и прагматической составляющей субъектности, тогда как в гуманитарных направлениях (образование, психология и др.) ведущими являются ценностно-смысловые и коммуникативные аспекты. Это указывает на необходимость проектирования модели, способной учитывать вариативность институциональных условий и специфики учебного контекста.

Исследования цифровой педагогики фиксируют сложный и во многом амбивалентный эффект внедрения искусственного интеллекта в образование. Международные обзоры [12] и отечественные публикации констатируют, что ИИ расширяет возможности персонализации, адаптивного обучения и оперативной обратной связи, но при этом одновременно усиливает риски зависимости от технологий, подмены автономной активности внешней регуляцией и угрозу академической недобросовестности [2]. Российские авторы (А. А. Николаев, М. Ю. Кузнецов, В. А. Николаев) подчеркивают необходимость XAI-ориентированных подходов и методического сопровождения преподавателей, что позволяет встроить инструменты ИИ в процесс формирования субъектности без утраты личностно-ориентированного характера обучения [1]. Следовательно, технологический компонент должен рассматриваться не только как внешний фактор, но и как интегральная составляющая субъектной модели, предполагающая развитие цифровой грамотности, навыков использования инструментов ИИ, интерпретации и этической оценки решений.

Сопоставление данных классических и современных исследований показывает, что развитие субъектной позиции подчинено определенной динамике уровней. Так, в ряде диссертационных исследований (Ю. В. Зарецкий и др.) [13], фиксируется переход от репродуктивных форм активности к ситуативно-автономным и далее к интегративно-субъектным проявлениям. Эти уровни характеризуются нарастанием самостоятельности, глубины рефлексии и устойчивости мотивации, что задает основания для построения шкалы с четкими критериями перехода. Подобная шкала позволяет не только диагностировать текущее состояние субъектности, но

[2] Халюшева Г. Р. Формирование субъектной позиции студента университета в речевой деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2006. 202 с.

[3] Гогоберидзе А. Г. Теоретические основы развития субъектной позиции студента в условиях высшего профессионально-педагогического образования : дис. ... д-ра пед. наук. Санкт-Петербург, 2002. 537 с.

и проектировать педагогическое взаимодействие, направленное на продвижение обучающихся к более высоким уровням субъектной деятельности.

Системный анализ литературы выявляет ряд противоречий. С одной стороны, существует консенсус относительно центральной роли саморегуляции и рефлексии как механизмов субъектности, подтвержденный как теоретическими, так и эмпирическими исследованиями. С другой стороны – подходы к операционализации понятия остаются неоднородными: одни исследователи ограничиваются анкетными шкалами, другие обращаются к продуктивной деятельности и экспертной оценке, однако лишь немногие включают технологический фактор как самостоятельное измерение. Современные работы по цифровой педагогике чаще всего сосредоточены на функциональности ИИ, оставляя без должного внимания трансформацию субъектной позиции обучающегося под воздействием этих инструментов. Кроме того, в современных исследованиях часто недостаточна методологическая интеграция всех трех компонентов – когнитивного, мотивационного и технологического – в единую модель. Эти пробелы и противоречия формируют научное поле для проектирования многомерной модели, которая бы устранила фрагментарность и обеспечила системный анализ развития субъектности обучающихся в цифровой среде.

Логика дальнейшего развития научной мысли приводит к необходимости построения многомерной модели субъектности, включающей когнитивное, мотивационно-ценностное, регулятивно-деятельностное и технологическое измерения. Когнитивный и регулятивный компоненты образуют ядро субъектности, обеспечивая осознанную саморегуляцию и планирование. Мотивационно-ценностное измерение отвечает за устойчивость личностных изменений, а технологический компонент отражает способность к этически осмысленному взаимодействию с цифровыми средами и инструментами ИИ. Организационно-педагогический контекст, подтвержденный в диссертационных исследованиях и научных статьях, выступает внешним модератором, определяющим возможность перехода между уровнями развития субъектности. Синтез этих позиций дает методологическое обоснование для многоуровневой (уровни развития субъектности) и многомерной (несколько измерений) модели, позволяющей как диагностировать текущее состояние, так и проектировать воздействие и взаимодействие, а также отслеживать их эффекты.

Процесс моделирования многомерной модели формирования субъектной позиции студентов при внедрении технологий искусственного интеллекта в образовательную среду ООВО строился на основе системно-деятельностного, аксиологического, субъектно-ориентированного и компетентностного подходов.

Разработка модели осуществлялась в несколько последовательных этапов. На первом этапе был проведен системный анализ теоретических источников и эмпирических исследований, что позволило выделить ключевые компоненты субъектной позиции: когнитивный, мотивационно-ценностный, регулятивно-деятельностный и технологический. Эти компоненты отражают структуру субъектности как интегративного качества личности, обеспечивающего осознанность, автономность и ответственность обучающегося в образовательном процессе.

На втором этапе проводилось концептуальное моделирование – определение функций, взаимосвязей и логики взаимодействия компонентов. В структуре модели мы выделили:

– *Когнитивный компонент* включает совокупность знаний, метапознавательных стратегий и интеллектуально-аналитических умений, которые обеспечивают осознанное целеполагание, планирование и контроль учебной деятельности. В рамках этого компонента выделяются: предметные знания и концептуальные представления; метакогнитивные способности – планирование стратегии познания, мониторинг понимания и коррекция методов познания; навыки критического анализа информации и аргументации, в т. ч. верификации выводов ИИ. Педагогическая значимость когнитивного компонента заключается в том, что он выступает базисом для автономной учебной деятельности, т. к. высокий уровень метапознания коррелирует с эффективностью самостоятельного решения задач и устойчивостью к когнитивным искажениям, создаваемым автоматизированными подсказками.

– *Мотивационно-ценностный компонент* отражает систему мотивационных детерминант и ценностных ориентаций, определяющих смысловую значимость учебной деятельности для субъекта и степень внутренней мотивации к самообразованию. В нем выделяются: структура мотивации (внутренняя или внешняя); осмысленность учебной цели и профессиональные ценности; установки по отношению к этике использования ИИ и академической честности. В педагогическом отношении мотивационно-ценностный компонент играет ключевую роль в закреплении изменений, инициированных внешними инструментами (включая ИИ),

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

поскольку без устойчивой внутренней мотивации любые технологические решения дают краткосрочный эффект.

– *Регулятивно-деятельностный компонент* описывает совокупность процессов целеполагания, планирования, контроля, коррекции и оценки результата собственной деятельности. В условиях интеграции ИИ этот компонент дополнительно включает умение работать в ситуации опций (когда ИИ предлагает варианты), способность принимать решения с учетом объяснений ИИ. Регулятивная компетентность обеспечивает переход от РЕактивного воспроизведения к ПРОактивному управлению учебной траекторией.

– *Технологический компонент* объединяет цифровую и ИИ-грамотность, умение формулировать корректные запросы и инструкции, интерпретировать объяснения ИИ, оценивать ограничения моделей и управлять этической стороной работы. Важными характеристиками являются: технические умения – навык работы с интерфейсами и редакторами; аналитические – понимание вероятностной природы выводов моделей и источников ошибок; рефлексивные – осознанное принятие решений о применимости результата ИИ.

Каждый компонент имеет три уровня развития субъектной позиции: репродуктивный (базовый), ситуативно-автономный (средний) и интегративно-субъектный (высокий) (таблица 1).

Таблица 1

Структура и уровни многомерной модели формирования субъектной позиции студентов

Table 1

Structure and levels of the multidimensional model for forming the subject position of students

Компонент	**Содержание**	**Репродуктивный уровень**	**Ситуативно-автономный уровень**	**Интегративно-субъектный уровень**
Когнитивный	Осознание и применение знаний о деятельности и технологиях ИИ	Знания фрагментарные, использование ИИ шаблонное	Проявляется выборочное критическое оценивание применения ИИ, понимания алгоритмов	Полное осознание возможностей и ограничений ИИ, критический анализ результатов
Мотивационно-ценностный	Внутренние мотивы, ценностное отношение к обучению и технологиям	Внешняя мотивация, ориентация на оценку	Возникает интерес к использованию ИИ для саморазвития	Устойчивая внутренняя мотивация, ценностное осмысление применения ИИ
Регулятивно-деятельностный	Саморегуляция, планирование и рефлексия	Отсутствие целеполагания, низкая саморегуляция	Частичная самостоятельность, ситуативная рефлексия	Полная автономия, осознанное управление деятельностью, развитая рефлексия
Технологический	Цифровая и ИИ-грамотность, этическая ответственность	Пассивное использование ИИ, зависимость от подсказок	Целенаправленное, но эпизодическое применение ИИ	Ответственное, творческое и этически осознанное использование ИИ в обучении

Выявление уровней сформированности субъектной позиции студентов при внедрении искусственного интеллекта в образовательную среду ООВО предполагает сочетание количественных и качественных процедур диагностики, например, анкетирования, тестирования, практических заданий с обязательными экспертными мнениями, что позволяет оценить как внутренние, так и внешне проявляемые формы субъектной активности; также важно использование кейсов на интерпретацию решений ИИ и заданий по генерации инструкций для языковых моделей, что дает возможность определить технологический компонент сформированности субъектной позиции студентов.

Мы считаем, что многомерная модель формирования субъектной позиции студентов выступает неким методологическим ответом на выявленные противоречия между традиционными и цифровыми формами образовательного взаимодействия. Она позволяет не только диагностировать текущее состояние субъектной позиции обучающегося, но и проектировать пути ее развития в условиях опосредованной ИИ образовательной среды. Для эмпирической проверки модели необходимы исследования, направленные на верификацию устойчивости переходов между уровнями, а также анализ роли различных типов инструментов ИИ (генеративных и рекомендательных) как медиаторов влияния на субъектность. Подобная работа отвечает запросу современной педагогической науки на создание валидных инструментов мониторинга субъектного развития личности в условиях цифровой трансформации образования.

Пилотажное исследование проводилось автором на базе правоохранительных ООВО в течение двух месяцев. Целью эксперимента являлась проверка эффективности проектируемой многомерной модели формирования субъектной позиции курсантов при использовании технологий искусственного интеллекта в образовательной среде. В исследовании приняли участие 42 курсанта четвертого и пятого курсов, распределенные на контрольную и экспериментальную группы.

Исследование включало три последовательных этапа: констатирующий, формирующий и контрольный. На констатирующем этапе определялся исходный уровень развития субъектной позиции курсантов с использованием комплекса диагностических методик. На формирующем этапе внедрялись педагогические условия, обеспечивающие развитие субъектности на основе многомерной модели. Контрольный этап был направлен на анализ динамики изменений и подтверждение эффективности разработанной модели.

Формирующий этап предполагал реализацию комплекса педагогических условий, направленных на развитие субъектной позиции курсантов средствами искусственного интеллекта. Курсанты экспериментальной группы участвовали в обучении, где элементы ИИ применялись для решения профессионально ориентированных учебных задач. Образовательный процесс строился по принципам субъектно-деятельностного подхода и включал следующие формы работы: проектно-исследовательская деятельность с использованием ИИ для анализа информации и прогнозирования результатов; выполнение практических кейсов, требующих выбора стратегии взаимодействия с ИИ; групповая и парная работа с распределением ролей и коллективной рефлексией; педагогическое сопровождение преподавателя, способствующее развитию критического мышления и саморегуляции. Особое внимание уделялось формированию метапредметных умений: постановке целей, анализу собственной деятельности, осознанному выбору инструментов ИИ, рефлексии и оценке эффективности взаимодействия с цифровой средой.

На начальном этапе преобладал репродуктивный уровень, отражающий внешне управляемое поведение курсантов и ограниченную самостоятельность. После проведения формирующего этапа количество курсантов с данным уровнем в экспериментальной группе сократилось более чем в два раза, что свидетельствует о развитии субъектной активности и самостоятельности. Наиболее заметен рост доли курсантов с интегративно-субъектным уровнем – с 13,2 до 31 %. Различия между этапами оказались статистически значимыми ($\chi^2 = 23{,}41$; $p < 0{,}001$). Распределение уровней по результатам исследования представлено в таблице 2.

Таблица 2

Динамика уровней развития субъектной позиции курсантов

Table 2

Dynamics of the development levels of the subject position of cadets

в процентах
in percent

Уровень субъектной позиции	**Экспериментальная группа**		**Контрольная группа**	
	Т1	**Т2**	**Т1**	**Т2**
Репродуктивный (базовый)	45,6	20,3	44,8	42,1
Ситуативно-автономный (средний)	41,2	48,7	41,5	43,8
Интегративно-субъектный (высокий)	13,2	31,0	13,7	14,1

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Качественный анализ рефлексивных эссе подтвердил переход от внешне мотивированных форм взаимодействия с ИИ к осознанному самоуправлению и рефлексивной оценке собственной деятельности. Курсанты стали чаще использовать в высказываниях категории анализа, самооценки и прогноза, что отражает становление субъектного поведения.

Результаты пилотажного исследования демонстрируют эффективность предложенной многомерной модели формирования субъектной позиции курсантов ведомственных ООВО. Наблюдается переход от репродуктивного к интегративно-субъектному уровню, сопровождаемый ростом осознанности, внутренней мотивации, способности к самоорганизации и рефлексивному применению ИИ. Статистически подтвержденная динамика свидетельствует о системном характере изменений и внутренней согласованности модели, что обосновывает ее дальнейшее использование в педагогической практике и масштабирование в рамках профессионального образования.

Сопоставление полученных данных с результатами предшествующих исследований показывает, что выявленные тенденции согласуются с концептуальными положениями субъектно-деятельностного и компетентностного подходов. По мнению С. Л. Рубинштейна, субъектность представляет собой интегративное качество личности, проявляющееся в активности, осознанности и способности к саморегуляции [14]. Аналогичные характеристики отмечаются в исследованиях В. И. Слободчикова, где субъект рассматривается как самоорганизующаяся система, способная к развитию через внутренние противоречия и рефлексию [15]. В контексте цифровизации образования и применения ИИ эти характеристики приобретают новое содержание: искусственный интеллект становится инструментом, стимулирующим метапознавательную активность, критическое мышление и личностную ответственность обучающихся.

Динамика уровней субъектной позиции подтверждает, что предложенная модель эффективно обеспечивает личностный и профессиональный рост курсантов. Сокращение доли репродуктивного уровня с 45,6 до 20,3 % и увеличение интегративно-субъектного с 13,2 до 31,0 % свидетельствуют о становлении устойчивой внутренней мотивации, способности к самостоятельному целеполаганию и ответственности за результаты деятельности. Эти данные подтверждают переход от внешне управляемого к внутренне мотивированному типу обучения, что соответствует идеям субъектно-ориентированного образования.

Следует подчеркнуть, что формирование субъектной позиции средствами ИИ не является линейным процессом. Наибольшие изменения происходят при переходе от ситуативно-автономного к интегративно-субъектному уровню, требующему целенаправленного педагогического сопровождения, создания ситуаций выбора, анализа и рефлексии. Преподаватель при этом выполняет функции модератора и фасилитатора, создающего условия для осознанного профессионального саморазвития [16].

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в подтверждении системного характера субъектной позиции как многомерного образования, включающего взаимосвязанные когнитивный, мотивационно-ценностный, регулятивно-деятельностный и технологический компоненты. Практическая значимость определяется возможностью использования разработанной модели для проектирования образовательных программ, направленных на развитие субъектности курсантов в условиях цифровизации. Модель может служить основой для педагогического мониторинга и программ адаптивного сопровождения студентов, работающих с технологиями ИИ.

Результаты пилотажного исследования демонстрируют, что применение искусственного интеллекта в образовательной среде выступает не только средством повышения эффективности обучения, но и фактором личностного роста обучающихся. ИИ становится педагогическим медиатором, инициирующим процессы саморефлексии, самоорганизации и смыслообразования, что задает стратегию развития современного субъектно-ориентированного образования.

Заключение

Проведенное исследование позволило подтвердить эффективность разработанной многомерной модели формирования субъектной позиции курсантов правоохранительных ООВО в условиях внедрения искусственного интеллекта в образовательную среду. Теоретический и эмпирический анализ показал, что субъектная позиция является сложным интегративным образованием, включающим когнитивный, мотивационно-ценностный, регулятивно-деятельностный и технологический компоненты, развитие которых поддается целенаправленному педагогическому воздействию при использовании технологий ИИ.

Результаты пилотажного исследования подтвердили, что внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс способствует существенным позитивным изменениям во всех компонентах модели. Эти изменения указывают на переход курсантов от ситуативно-автономного к интегративно-субъектному уровню развития субъектной позиции.

Динамика уровней развития субъектной позиции продемонстрировала, что доля курсантов, находящихся на репродуктивном уровне, снизилась более чем в два раза, при этом значительно увеличилась доля обучающихся с интегративно-субъектным уровнем. Это свидетельствует о формировании у курсантов способности к осознанному выбору способов взаимодействия с ИИ, рефлексивному анализу собственных действий и ответственности за результаты обучения. Таким образом, предложенная модель обеспечивает постепенное и устойчивое развитие субъектных характеристик личности, включая инициативность, критичность, саморегуляцию и профессиональную самоидентификацию.

Проведенное исследование подтвердило тезис о том, что искусственный интеллект является не только инструментом цифровизации, но и средством личностного развития. При целенаправленном педагогическом сопровождении ИИ становится фактором формирования метапредметных умений, когнитивной гибкости и способности к самообразованию. Этот вывод соотносится с современными концепциями цифровой педагогики и субъектно-ориентированного образования, в которых акцент смещается с передачи знаний на формирование способности обучающегося быть активным субъектом собственной деятельности.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые была спроектирована многомерная модель формирования субъектной позиции курсантов ведомственных ООВО при внедрении искусственного интеллекта, включающая систему взаимосвязанных компонентов и уровней развития. Модель сочетает системно-деятельностный, субъектно-ориентированный подходы и ведущие идеи концепции цифровой дидактики, что обеспечивает ее применение в современных условиях цифровой трансформации образования. Полученные результаты подтверждают, что развитие субъектности возможно не только в традиционных педагогических условиях, но и в цифровой образовательной среде, при условии осознанного использования ИИ как средства самопознания и саморазвития.

Практическая значимость работы состоит в том, что предложенная модель может быть использована при проектировании образовательных программ правоохранительных ООВО, направленных на развитие субъектных качеств курсантов, в программах повышения квалификации преподавателей, а также при создании цифровых тренажеров, основанных на принципах субъектно-ориентированного обучения. Разработанные уровни могут применяться для мониторинга динамики субъектной позиции и оценки эффективности образовательных инноваций, связанных с использованием ИИ.

Перспективы дальнейших исследований связаны с уточнением механизмов влияния различных типов инструментов ИИ (генеративных, аналитических, обучающих систем) на развитие субъектности обучающихся, расширением выборки и проведением лонгитюдных исследований. Особое внимание может быть уделено разработке этических и педагогических оснований для использования искусственного интеллекта в образовательной практике, чтобы сохранить баланс между технологической эффективностью и гуманистической направленностью образовательного процесса.

В целом результаты исследования подтверждают, что субъектная позиция курсантов правоохранительных ООВО может эффективно формироваться в цифровой образовательной среде при системном педагогическом проектировании, использовании технологий искусственного интеллекта и целенаправленном развитии рефлексивно-деятельностных способностей обучающихся. Искусственный интеллект в данном контексте выступает не как замена педагога, а как инструмент расширения возможностей личности, способствующий становлению нового типа субъектности – рефлексивно-цифровой, характеризующейся активностью, самостоятельностью, ответственностью и готовностью к профессиональному саморазвитию.

Список источников

1. *Николаев А. А., Кузнецов М. Ю., Николаев В. А.* Искусственный интеллект в системе высшего и послевузовского образования: обзор возможностей для преподавателя // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14, № 9-2. С. 151–161. https://doi.org/10.25726/j3748-9233-4547-c

2. *Чопик О. А.* Искусственный интеллект как фактор трансформации субъектной позиции студентов в высшем образовании // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 8-9. С. 54–73. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-8-9-54-73

3. *Андреев В. И.* Базовые законы и идеология гарантированного качества высшего образования // Образование и саморазвитие. 2014. № 3 (41). С. 11–16.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

4. *Деркач А. А.* Субъектные феномены: акмеологический подход : монография. Москва : Издательство РАГС, 2010. 239 с.

5. *Гасанова Р. Р., Романова Е. А.* Искусственный интеллект в высшей школе: проблемы, возможности, риски // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2024. Т. 21, № 4. С. 501–515. https://doi.org/10.22363/2312-8631-2024-21-4-501-515

6. *Селиванова О. Г.* Концептуальные основы становления субъектности ученика в личностно ориентированном обучении // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 62. С. 285–293.

7. *Перикова Е. И., Бызова В. М.* Метапознание учебной деятельности студентов с разным уровнем психической саморегуляции // Science for Education Today. 2020. Т. 10, № 5. С. 104–118. https://doi.org/10.15293/2658-6762.2005.06

8. *Киселевская Н. А.* Саморегуляция учебной деятельности как средство профилактики неблагоприятных психических состояний студентов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 8, С. 34–38.

9. *Корнеева Е. Н.* Теоретические и прикладные аспекты проблемы мотивации учебной деятельности в рамках концепции субъектной регуляции образовательного взаимодействия // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2, № 1. С. 298–307.

10. *Устинова Н. П.* Становление субъектной позиции обучающегося в вузе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 72–75. https://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-72-75

11. *Емельянова И. Н., Теплякова О. А., Тепляков Д. О.* Субъектная позиция студента как условие успешности профессионального обучения // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 5. С. 9–30. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-5-9-30

12. *Yan L. [et al.].* Practical and ethical challenges of large language models in education: A systematic review // British Journal of Educational Technology. 2023. Vol. 55. No. 1. P. 90–112. https://doi.org/10.48550/arXiv.2303.13379

13. *Зарецкий Ю. В., Зарецкий В. К., Кулагина И. Ю.* Методика исследования субъектной позиции учащихся разных возрастов // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19, № 1. С. 98–109.

14. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. Санкт-Петербург : Питер, 2003. 508 с.

15. *Рябцев В. К., Слободчиков В. И.* Педагогические условия и механизмы формирования ценностно-смысловых ориентаций детей в образовательной организации // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14. № 3. С. 113–130. https://doi.org/10.17759/psyedu.2022140307

16. *Кларин М. В.* Корпоративное образование и обучение в организациях: цели и особенности // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2016. № 1. С. 6–16.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

LABOUR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY AND COGNITIVE ERGONOMICS

Научная статья
УДК 159.9.02

Опросник «Психологическая безопасность субъекта служебной деятельности»: разработка и стандартизация

Наталья Николаевна Красноштанова[1], кандидат педагогических наук
Валерий Сергеевич Агапов[2], доктор психологических наук, профессор

[1, 2] Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
[1] krasnoschtanova.n@yandex.ru, [2] agapov.vs@mail.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-4367-8271, [2] https://orcid.org/0000-0002-1999-7408

Аннотация:
Введение. *В статье описывается процедура и результат разработки нового метода оценки психологической безопасности личности – опросника «Психологическая безопасность субъекта служебной деятельности». Разработка опросника стала логическим продолжением концептуализации конструкта «Психологическая безопасность субъекта служебной деятельности» и способствовала его операционализации и эмпирической верификации. Психологическая безопасность субъектов служебной деятельности рассматривается с позиций системно-деятельностного и субъектно-ресурсного подходов, и трактуется как «интегральное личностное образование, проявляющееся в особенностях оценивания угроз, их прогнозирования, эмоционального отношения и волевой саморегуляции, а также реального опыта действий, обеспечивающих самосохранение в потенциально угрожающих и реально опасных ситуациях». Шкалы опросника имеют одноименные названия с компонентами структуры теоретической модели исследуемого феномена. Опросник содержит 26 вопросов и позволяет оценить по отдельности когнитивный, прогностический, аффективный, регулятивный и деятельный компоненты структуры психологической безопасности субъекта служебной деятельности и ее общий уровень: высокий, средний или низкий. Выборка респондентов, на которой проводилась стандартизация опросника, составила 1484 человека женского и мужского пола в возрасте от 17 до 54 лет. Психометрические показатели опросника по критерию альфа Кронбаха для общего балла 0,895 и 0,712–0,913 для отдельных шкал свидетельствуют о высокой согласованности-надежности как каждой шкалы в отдельности, так и опросника в целом.*

Ключевые слова:
психологическая безопасность субъекта служебной деятельности, компонент, структура, разработка опросника, стандартизация, психометрические показатели, шкала, операционализация понятия, эмпирическая верификация, теоретический конструкт

Для цитирования:
Красноштанова Н. Н., Агапов В. С. Опросник «Психологическая безопасность субъекта служебной деятельности»: разработка и стандартизация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 274–293.

© Красноштанова Н. Н., Агапов В. С., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Методы. *Пятикомпонентная теоретическая модель психологической безопасности субъектов служебной деятельности была подтверждена методом конфирматорного факторного анализа.*
Результаты. *Опросник предназначен для практического применения в органах внутренних дел Российской Федерации и в других силовых ведомствах для диагностики особенностей проявления психологической безопасности сотрудников, а также для научных психологических исследований в интересах изучения предметного поля данного феномена.*

Статья поступила в редакцию 31.07.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Questionnaire ‘psychological safety of the professional activity subject’: development and standardization

Natalia N. Krasnoshtanova[1], Cand. Sci. (Ped.)
Valerij S. Agapov[2], Doc. Sci. (Ped.), Professor

[1, 2] Kikot Moscow University of the MIA of Russia
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
[1] krasnoschtanova.n@yandex.ru, [2] agapov.vs@mail.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-4367-8271, [2] https://orcid.org/0000-0002-1999-7408

Abstract:
Introduction. *The article describes the procedure and results of developing a new method for assessing an individual’s psychological safety – the ‘Psychological Safety of the Professional Activity Subject’ questionnaire. The development of the questionnaire was a logical continuation of the conceptualisation of the ‘Psychological Safety of the Professional Activity Subject’ construct and contributed to its operationalisation and empirical verification. The psychological safety of professional activity subjects is considered from the perspectives of the system-activity and subject-resource approaches and is defined as an integral personal characteristic manifested in the specifics of threat assessment, their prediction, emotional attitude and volitional self-regulation, as well as practical experience in actions ensuring self-preservation in potentially threatening and genuinely dangerous situations. The questionnaire scales bear the same names as the components of the theoretical model of the studied phenomenon. The questionnaire consists of 26 items and allows for separate assessment of the cognitive, prognostic, affective-regulatory, and behavioural components of the psychological safety structure of the professional activity subject, as well as its overall level: high, medium, or low. The respondent sample used for the questionnaire standardisation comprised 1,484 individuals of both sexes, aged 17 to 54. Psychometric indicators based on Cronbach’s alpha were 0.895 for the total score and ranged from 0.712 to 0.913 for individual scales, indicating high consistency-reliability for each scale separately and for the questionnaire as a whole.*
Methods. *The five-component theoretical model of the psychological safety of professional activity subjects was confirmed using confirmatory factor analysis.*
Results. *The questionnaire is intended for practical application within the law enforcement agencies of the Russian Federation and other security forces to diagnose the features of employees’ psychological safety manifestation, as well as for scientific psychological research aimed at studying the subject area of this phenomenon.*

Keywords:
psychological safety of the professional activity subject, component, structure, questionnaire development, standardisation, psychometric indicators, scale, concept operationalisation, empirical verification, theoretical construct

For citation:
Krasnoshtanova N. N., Agapov V. S. Questionnaire ‘psychological safety of the professional activity subject’: development and standardization // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 274–293.

The article was submitted July 31, 2025; approved after reviewing October 10, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Опросник «Психологическая безопасность субъекта служебной деятельности» (далее – ПБССД), был построен на основе предложенной авторами теоретической модели психологической безопасности субъектов служебной деятельности [1] как системы составляющих ее компонентов [2], раскрывающих особенности *оценивания опасности и своих возможностей противостояния ей* (когнитивный компонент), *вероятности ее наступления* (прогностический компонент), *эмоционального переживания опасности* (аффективный компонент), *саморегуляции поведения при угрозе и опасности* (регулятивный компонент) и *психической работы* (деятельный компонент) [3], направленных на самосохранение субъекта служебной деятельности в опасных ситуациях. Теоретическая модель психологической безопасности субъектов служебной

деятельности была намерено создана с избыточным количеством переменных, раскрывающих ее компонентную структуру. Это было сделано с целью охвата максимального количества психологических характеристик личности, которые гипотетически могут отражать компонентную структуру исследуемого феномена, и минимизации оставшихся латентными признаков его сущности, в ходе эмпирической верификации создаваемого теоретического конструкта. Подробно структурно-содержательное наполнение теоретической модели психологической безопасности субъектов служебной деятельности было представлено в публикациях авторов [1; 2].

Методологической основой разработки опросника ПБССД послужили подходы к конструированию психологических тестов, предложенные А. Анастази [4], Н. А. Батуриным и Н. Н. Мельниковой [5], С. А. Башкатовым [6], Е. В. Битюцкой, Т. Ю. Базаровым. А. А. Корнеевым [7], О. Ю. Зотовой [8], Т. В. Корниловой, М. А. Чумаковой [9], П. Клайном[1], А. Н. Кричевцом, А. А. Корнеевым, К. В. Сугоняевым [10], Д. В. Люсиным [11], С. А. Маничевым, В. Е. Погребицкой [12], О. В. Митиной[2], А. Д. Наследовым[3], Е. Н. Осиным [13], М. А. Падун, А. В. Котельниковой [14], Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленской, И. И. Ветровой [15], М. Г. Сороковой[4], Р. М. Фером, В. Р. Бакараком [16].

Методы

На начальном этапе разработки опросника статистическому анализу представленности в структуре феномена психологической безопасности было подвергнуто 36 показателей, для объективирования которых были сформулированы прямые, однозначно воспринимаемые утверждения (по одному, а в некоторых случаях по два) на каждую переменную. Исходный вариант опросника содержал 44 утверждения (таблица 1).

Таблица 1

Исходный вариант опросника «Психологическая безопасность субъектов служебной деятельности»

Table 1

Initial version of the "Psychological Safety of Professional Activity Subjects" questionnaire

Номер пункта	Утверждение	Измеряемая переменная
Когнитивный компонент		
1	Я всегда хорошо представляю, что будет в результате моих действий	Когнитивный контроль
2	Я делаю ошибки, потому что не сразу замечаю изменение ситуации	
3	Я достаточно компетентен чтобы качественно решать задачи служебной деятельности	Самоэффективность
4	Моих возможностей хватает для того, чтобы справиться с любой трудностью на службе	
5	Я убежден в безопасности мира и возможности ему доверять	Доброжелательность окружающего мира
6	В жизни каждый должен получать по заслугам	Справедливость
7	Мои достоинства вполне перевешивают мои недостатки	Образ Я
8	Я удачливый человек	Удача
9	Я убежден, что могу контролировать ситуацию в большинстве ситуаций служебной деятельности	Убежденность в контроле

[1] Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов : Введение в психометрическое проектирование / [перевод с англ.] ; ред. Л. Ф. Бурлачук. Киев : ПАН Лтд., 1994. 228 с.

[2] Митина О. В. Разработка и адаптация психологических опросников : учебное пособие Москва : Смысл, 2013. 235 с.

[3] Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования: анализ и интерпретация данных : учебное пособие. [4-е изд., стер.]. Санкт-Петербург : Речь, 2012. 389 с.

[4] Руководство по стандартизации психодиагностического инструментария: требования и оценка качества : учебное пособие / Сорокова М. Г., Карданова Е. Ю., Радчикова Н. П., Федоров В. В. ; под ред. М. Г. Сороковой. Москва : Московский государственный психолого-педагогический университет, 2024. 48 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Продолжение таблицы 1

Номер пункта	Утверждение	Измеряемая переменная
10	Моя потребность в реализации принципов законности и порядка полностью удовлетворена	Удовлетворенность потребности в безопасности
11	Моя потребность в наличии достоверной информации о будущих событиях полностью удовлетворена	
12	Моя потребность в надежной работе со стабильным заработком полностью удовлетворена	
13	Я полностью удовлетворен в потребности быть любимым и желанным	
14	Моя потребность быть защищенным от опасностей и враждебного мира полностью удовлетворена	
15	Я полностью защищен от реальных угроз (война, общественные беспорядки)	
Прогностический компонент		
16	Я готов к оправданному необходимому риску	Готовность к риску
17	Мне нравится пребывать в ситуациях, где нужно рисковать, мне доставляет это удовольствие	
18	Я предпочитаю ситуации, в которых есть четкие правила, ясны цели и есть проверенные способы их достижения	Интолерантность к неопределенности
19	Неопределенность и неизвестность не пугают меня	Толерантность к неопределенности
20	Я часто принимаю решения интуитивно, без долгих размышлений, опираясь на внутренние ощущения	Использование интуиции
21	У меня хорошая способность к суждениям. Я могу логически прийти к правильному выводу	Способность к суждениям
22	Будущее кажется мне угрожающим, и я тревожусь по этому поводу	Тревожная оценка перспективы
Аффективный компонент		
23	Я обладаю высокой чувствительностью к угрозам и опасностям	Чувствительность к угрозам
24	Я тревожный человек	Тревожность
25	Я склонен в прямом смысле слова «убегать» от опасности	Эмоциональный дискомфорт
26	После тревожной угрожающей ситуации я чувствую очень сильную усталость, вялость апатию	Астенический компонент тревожности
27	У меня нередко возникает ощущение непонятной, необъяснимой угрозы, неуверенности в себе, собственной беззащитности	Фобический компонент тревожности
28	Основную угрозу для себя я чувствую от окружающих меня людей	Социальные реакции защиты
29	Я всегда осознаю свое эмоциональное состояние	Эмоциональный контроль
30	На данный момент жизни я удовлетворен собственными достижениями и социальным положением	Социальная фрустрированность
Регулятивный компонент		
31	Я способен выдерживать стрессовые ситуации, сохраняя при этом спокойствие и не снижая успешность деятельности	Жизнестойкость

Окончание таблицы 1

Номер пункта	Утверждение	Измеряемая переменная
32	Я быстро восстанавливаюсь и прихожу в норму после сильной стрессовой нагрузки	Резильентность
33	Я могу сосредоточиться на своем деле и не отвлекаться при его выполнении	Волевой контроль
34	Я могу контролировать свою мимику и жесты и сохранять внешнее спокойствие даже если внутренне испытываю сильные эмоции	Контроль экспрессии
Деятельный компонент		
35	Я чувствую, что имею полную свободу и автономность в принятии решений в опасной ситуации	Автономность
36	Окружающие оценивают меня как компетентного сотрудника	Компетентность
37	Круг моего общения очень узкий	Принадлежность
38	Я адаптируюсь к быстро изменяющейся обстановке путем решительных и активных действий	Освоение изменений
39	В ситуации, несущей вероятную угрозу, я точно знаю, что найду выход	Преодоление трудностей
40	Я стремлюсь к изменениям в жизни, потому что иначе она выглядит однообразной и неинтересной	Стремление к изменениям
41	Рутинным ситуациям я предпочитаю неопределенные и быстроизменяющиеся	Предпочтение неопределенности
42	В ситуации изменений я тяжело переношу нарушение устоявшегося образа жизни	Избегание изменений
43	Незапланированные события вызывают у меня негативные эмоции	Упреждение изменений
44	В изменяющихся условиях я упорно пытаюсь применить известный алгоритм действий	Сохранение стабильности

Шкалы опросника называются так же, как и компоненты модели психологической безопасности субъектов служебной деятельности, представленные в авторской концепции: «Когнитивный компонент», «Прогностический компонент», «Аффективный компонент», «Регулятивный компонент» и «Деятельный компонент». Являясь латентными, они в свою очередь манифестируются через соответствующие измеряемые переменные.

Замыслом разработки опросника ПБССД предусматривалось, что ответы на предложенные утверждения даются респондентами письменно в бланковой форме. При этом бланк опросника может быть представлен как в печатном виде, так и в электронном, созданном при помощи инструмента «Яндекс-формы» или аналогичного. По своему содержанию разрабатываемый опросник является личностным. Задания представлены в виде утверждений, предполагающих предоставление респондентом стандартизированных сведений о себе (самоотчет). Разрабатываемый опросник носит закрытый характер с жестко заданными вариантами ответов, которые дифференцируются по шкале Лайкерта и представлены в формате, который содержит как нейтральный балл, связанный со средними вариантами ответа, так и две крайние точки: 1) абсолютно неверно; 2) скорее неверно; 3) не уверен; 4) скорее верно; 5) абсолютно верно.

Респонденту предлагается оценить утверждения по степени своего согласия с ними и выбрать один ответ из предложенных вариантов. При обработке результатов каждой позиции присваивается балл от 1 (абсолютно неверно) до 5 (абсолютно верно). Полученные данные соответствуют порядковой шкале, что позволяет ранжировать полученные результаты и использовать методы математической статистики для их обработки.

Общее число баллов, которые набрал респондент, рассчитывается по формуле:

$$O = \Sigma_{i=1}^{k} R_i (W_{max} + W_{min}) + (-1)^{Ri} W_i \ , \quad (1)$$

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

где: W_{max} – максимальный балл выраженности согласия, предусмотренный при ответе на пункты опросника;

W_{min} – минимальный балл выраженности согласия, предусмотренный при ответе на пункты опросника;

W_i – балл по i-му пункту опросника, показанный респондентом;

$R_i = 0$, если i-й пункт опросника является прямым;

$R_i = 1$, если i-й пункт опросника является обратным.

Для установления психометрических характеристик разрабатываемого опросника была сформирована выборка на основе требования к отношению количества респондентов к числу переменных не менее 5, что для нашего исследования обусловило количество респондентов – не менее 245 человек[5].

Методом случайного отбора была сформирована выборка из 1 484 респондентов, из них курсанты Московского университета МВД России – 909 человек (543 женского пола и 366 – мужского пола, возраст 17–23 года), сотрудники специального полка полиции Главного управления МВД России (далее – ГУ МВД России) по Московской области и 1-го оперативного полка полиции ГУ МВД России по г. Москве – 575 человек (49 сотрудников женского пола и 526 – мужского пола, возраст от 20 до 54 лет).

Теоретическое представление о пятикомпонентной структуре опросника проверялось путем проведения разведочного факторного анализа.

Обработка данных проводилась в системах SPSS 26.0 и *Jamovi* 2.3.28. Нормальность распределения полученных данных подтверждена при помощи критерия Шапиро-Уилка и одновыборочного критерия Колмогорова-Смирнова.

Результаты

Эксплораторный факторный анализ позволил подтвердить пятикомпонентную структуру психологической безопасности субъектов служебной деятельности и выявить показатели, имеющие наибольшую факторную нагрузку (таблица 2).

Таблица 2

Факторная нагрузка на пункты опросника ПБССД

Table 2

Factor loadings for the items of the Psychological Safety of the Professional Activity Subject (PSPAS) questionnaire

Номер пункта	Утверждение	Факторная нагрузка (модуль)
Первый фактор. Доля дисперсии 21,75 %		
29	Я всегда осознаю свое эмоциональное состояние	0,896
21	У меня хорошая способность к суждениям. Я могу логически прийти к правильному выводу	0,891
13	Я полностью удовлетворен в потребности быть любимым и желанным	0,681
3	Я достаточно компетентен, чтобы качественно решать задачи служебной деятельности	0,652
4	Моих возможностей хватает для того, чтобы справиться с любой трудностью на службе	0,639
10	Моя потребность в реализации принципов законности и порядка полностью удовлетворена	0,631
11	Моя потребность в наличии достоверной информации о будущих событиях полностью удовлетворена	0,629
15	Я полностью защищен от реальных угроз (война, общественные беспорядки)	0,615
14	Моя потребность быть защищенным от опасностей и враждебного мира полностью удовлетворена	0,525

[5] Митина О. В. Разработка и адаптация психологических опросников : учебное пособие. Москва : Смысл, 2013. 235 с.

Продолжение таблицы 2

Номер пункта	Утверждение	Факторная нагрузка (модуль)
32	Я быстро восстанавливаюсь и прихожу в норму после сильной стрессовой нагрузки	0,474
Второй фактор. Доля дисперсии 10,944 %		
6	Как правило, хорошим людям сопутствуют счастье и удача	0,864
38	Я адаптируюсь к быстро изменяющейся обстановке путем решительных и активных действий	0,807
39	В ситуации, несущей вероятную угрозу, я точно знаю, что найду выход	0,775
41	Рутинным ситуациям я предпочитаю неопределенные и быстроизменяющиеся	0,76
2	Я делаю ошибки, потому что не сразу замечаю изменение ситуации	0,713
44	В изменяющихся условиях я упорно пытаюсь применить известный алгоритм действий	0,712
40	Я стремлюсь к изменениям в жизни, потому что иначе она выглядит однообразной и неинтересной	0,689
36	Окружающие оценивают меня как компетентного сотрудника	0,679
18	Я предпочитаю ситуации, в которых есть четкие правила, ясны цели и есть проверенные способы их достижения	0,642
23	Я обладаю высокой чувствительностью к угрозам и опасностям	0,629
26	После тревожной угрожающей ситуации я чувствую очень сильную усталость, вялость апатию	0,614
42	В ситуации изменений я тяжело переношу нарушение устоявшегося образа жизни	0,608
20	Я часто принимаю решения интуитивно, без долгих размышлений, опираясь на внутренние ощущения	0,525
Третий фактор. Доля дисперсии 8,544 %		
35	Я чувствую, что имею полную свободу и автономность в принятии решений в опасной ситуации	0,91
34	Я могу контролировать свою мимику и жесты и сохранять внешнее спокойствие, даже если внутренне испытываю сильные эмоции	0,889
30	На данный момент жизни я удовлетворен собственными достижениями и социальным положением	0,846
19	Неопределенность и неизвестность не пугают меня	0,753
Четвертый фактор. Доля дисперсии 9,172 %		
33	Я могу сосредоточиться на своем деле и не отвлекаться при его выполнении	0,902
1	Я всегда хорошо представляю, что будет в результате моих действий	0,86
5	Я убежден в безопасности мира и возможности ему доверять	0,834
16	Я готов к оправданному необходимому риску	0,747
8	Я удачливый человек	0,678
37	Круг моего общения очень узкий	0,643
7	Мои достоинства вполне перевешивают мои недостатки	0,542
27	У меня нередко возникает ощущение непонятной, необъяснимой угрозы, неуверенности в себе, собственной беззащитности	0,518
Пятый фактор. Доля дисперсии 3,274 %		
28	Основную угрозу для себя я чувствую от окружающих меня людей	0,689

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Окончание таблицы 2

Номер пункта	Утверждение	Факторная нагрузка (модуль)
22	Будущее кажется мне угрожающим, и я тревожусь по этому поводу	0,63
24	Я тревожный человек	0,612
25	Я склонен в прямом смысле слова «убегать» от опасности	0,61
Пункты, не вошедшие в факторы		
12	Моя потребность в надежной работе со стабильным заработком полностью удовлетворена	0,231
9	Я убежден, что могу контролировать ситуацию в большинстве ситуаций служебной деятельности	0,206
31	Я способен выдерживать стрессовые ситуации, сохраняя при этом спокойствие и не снижая успешность деятельности	0,157
43	Незапланированные события вызывают у меня негативные эмоции	0,327
17	Мне нравится пребывать в ситуациях, где нужно рисковать, мне это доставляет удовольствие	0,143

По результатам оценки исходных данных статистическая значимость критерия сферичности Бартлетта (p = 0,00) меньше уровня значимости 0,05, что свидетельствует *о достаточной корреляции переменных для обеспечения надежной факторной структуры*, а величина меры адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (KMO = 0,916) превышает критическое значение 0,6 и показывает, *что данные пригодны для проведения факторного анализа.*

При проведении *эксплораторного факторного анализа методом максимального правдоподобия с последующим вращением облимин с нормализацией по Кайзеру* было обнаружено пятифакторное решение, разбившее шкалу на пять субшкал, которые в сумме объясняют 59,119 % дисперсии.

Теоретическое предположение о пятифакторной структуре психологической безопасности в целом эмпирически подтвердилось. Однако наше представление о содержании показателей ее компонентов потребовало корректировки, поскольку показатели компонентов распределились по факторам не так, как предполагалось теоретическим замыслом. Результаты *эксплораторного факторного анализа* обнаружили *неудовлетворительные показатели соответствия данным исходной пятифакторной модели* (χ^2 = 14 122, df = 692, $p \leq 0{,}001$; *CFI* = 0,695; *RMSEA* = 0,114; 90 % *CI* [0,113; 0,116]), поэтому структура опросника была уточнена с помощью конфирматорного факторного анализа с применением метода максимального правдоподобия. Из состава факторов были исключены пункты, имеющие низкие факторные нагрузки, а также были учтены ковариации остатков факторных нагрузок пунктов, что позволило достичь приемлемых показателей соответствия модели исходным данным (χ^2 = 2 728, df = 306, $p \leq 0{,}001$; *CFI* = 0,920; *RMSEA* = 0,073; 90 % *CI* [0,0705; 0,0756] (рисунок 1).

Исключение пункта № 27 «В изменяющихся условиях я упорно пытаюсь применить известный алгоритм действий», характеризующего показатель «сохранение стабильности» как типа реагирования на ситуацию изменений, было возможным без ухудшения информативности, учитывая, что в блок утверждений, формирующих шкалу «Деятельный компонент» входит целых семь пунктов.

Таким образом, при помощи конфирматорного анализа была оптимизирована структура разрабатываемого опросника. Для оценки надёжности (внутренней согласованности) полученных субшкал и общего показателя опросника рассчитывались показатели коэффициента альфа Кронбаха (таблица 3).

Полученные значения коэффициента альфа Кронбаха как для общего показателя, так и для каждой шкалы показали высокую согласованность-надежность, что свидетельствует о высокой согласованности-надежности опросника в целом. Для проверки конвергентной валидности разработанного опросника ПДССД применялись методики, представленные в таблице 4.

По результатам корреляционного анализа, проведенного расчетом коэффициента корреляции Спирмена, установлены положительные корреляционные взаимосвязи между показателями шкал авторского опросника и соответствующими шкалами известных валидных и надежных методик, положительно зарекомендовавших себя в отечественной психологической науке и практике. Итоговый вариант опросника ПБССД представлен в приложении.

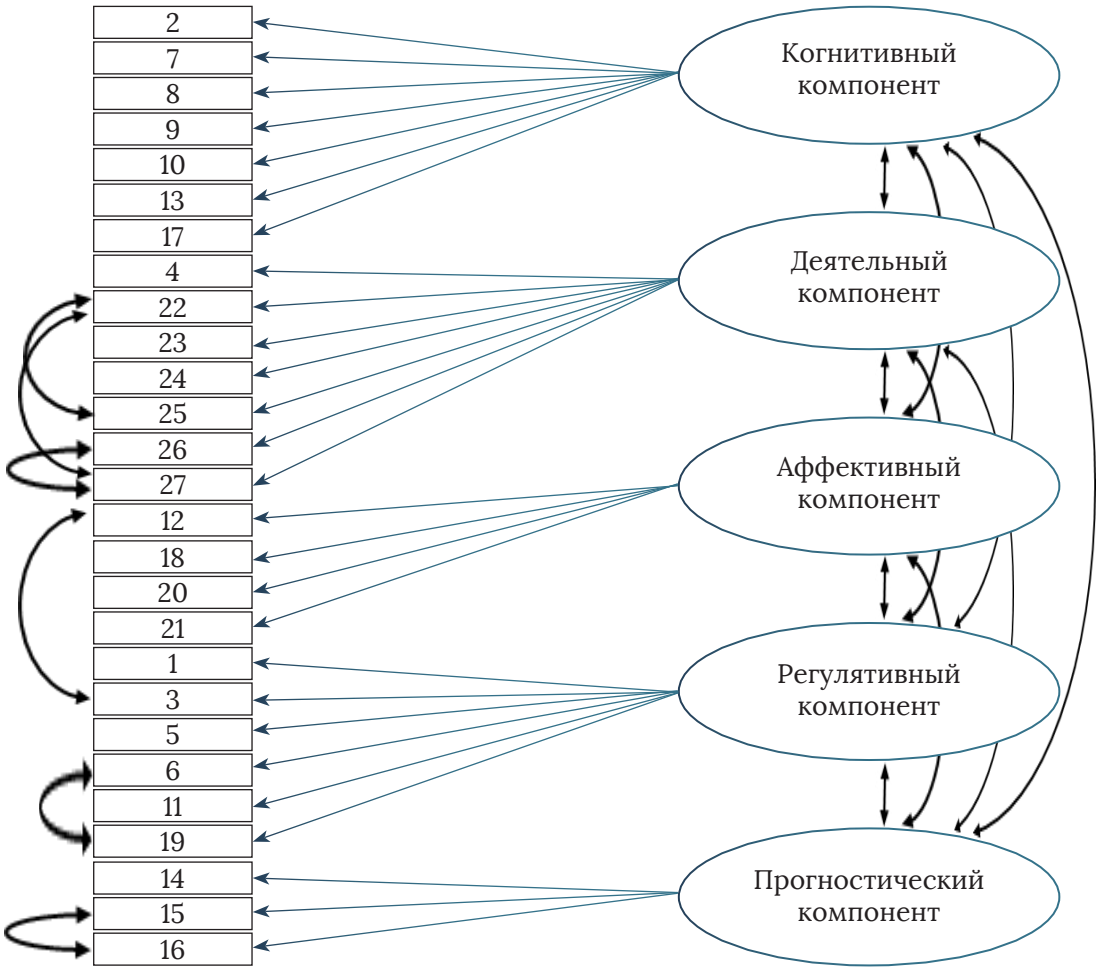

Рис. 1. Графическое представление структуры взаимосвязей переменных, характеризующих компоненты психологической безопасности субъекта служебной деятельности, полученное в ходе конфирматорного факторного анализа

Fig. 1. Graphical representation of the structure of interrelationships between variables characterising the components of the professional activity subject's psychological safety, obtained through confirmatory factor analysis

Таблица 3

Показатели надежности опросника ПБССД

Table 3

Reliability indicators of the PSPAS questionnaire

Шкала	Альфа Кронбаха	
	До коррекции	После коррекции
Общий показатель опросника ПБССД	0,871	0,895
«Когнитивный компонент»	0,880	0,880
«Деятельный компонент»	0,738	0,913
«Аффективный компонент»	0,911	0,911
«Регулятивный компонент»	0,898	0,898
«Прогностический компонент»	0,712	0,712

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Таблица 4

Корреляция показателей шкал опросника «Психологическая безопасность субъектов служебной деятельности» и показателей валидных методик исследования аналогичных переменных с применением коэффициента Спирмена

Table 4

Correlation between the scales of the "Psychological Safety of Professional Activity Subjects" questionnaire and indicators from validated methods measuring similar variables using Spearman's coefficient

Показатель	Методика	Коэффициент корреляции
1. Когнитивный компонент		
Удовлетворенность потребности в безопасности	Опросник «Оценка удовлетворенности личности в потребности безопасности» (О. Ю. Зотова)	0,750* p = 0,000
Эмоциональный контроль	Опросник «Контроль поведения» (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, И. И. Ветрова)	0,910** p = 0,000
Способность к суждениям	Опросник «Ценности в действии: инвентаризация достоинств» (К. Петерсон, М. Селигман, в адаптации С. А. Башкатова)	0,961** p = 0,000
Самоэффективность	Опросник «Психологический капитал» (А. Беккер, в адаптации С. А. Маничева, В. Е. Погребицкой)	0,837** p = 0,000
2. Прогностический компонент		
Тревожная оценка перспективы	«Интегративный тест тревожности» (А. П. Бизюк, Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев)	0,807** p = 0,000
Социальные реакции защиты		0,102* p = 0,021
Склонность к риску	Методика «Диагностика уровня личностной готовности к риску» (А. М. Шуберт)	0,168** p = 0,000
3. Аффективный компонент		
Автономность	Опросник «Удовлетворение базовых психологических потребностей» (Э. Деси, Р. Райан, в адаптации И. Ю. Суворовой, А. А. Бабий, Н. В. Корзун)	0,953** p = 0,000
Контроль экспрессии	Опросник «Эмоциональный интеллект» (Д. В. Люсин)	0,111* p = 0,012
Социальная фрустрированность	Методика диагностики уровня социальной фрустрированности (Л. И. Вассерман, в модификации В. В. Бойко)	0,175** p = 0,000
Толерантность к неопределенности	Шкала толерантности к неопределенности (С. Баднер, в адаптации Т. В. Корниловой, М. В. Чумаковой)	0,298** p = 0,000
4. Регулятивный компонент		
Волевой контроль	Опросник «Контроль поведения» (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, И. И. Ветрова)	0,090* p = 0,041
Когнитивный контроль		0,623** p = 0,000

Окончание таблицы 2

Показатель	Методика	Коэффициент корреляции
Доброжелательность окружающего мира	«Шкала базисных убеждений» (Р. Янофф-Бульман, в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой)	0,133** p = 0,002
Удача		0,878** p = 0,000
Образ Я		0,623** p = 0,000
Готовность к риску	Методика «Диагностика уровня личностной готовности к риску» (А. М. Шуберт)	0,168** p = 0,000
5. Деятельный компонент		
Освоение изменений	Опросник «Типы реагирования на ситуацию изменений» (Е. В. Битюцкая, Т. Ю. Базаров, А. А. Корнеев)	0,623** p = 0,000
Преодоление трудностей		0,168** p = 0,000
Стремление к изменениям		0,623** p = 0,000
Предпочтение неопределенности		0,168** p = 0,000
Справедливость	«Шкала базисных убеждений» (Р. Янофф-Бульман, в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой)	0,285** p = 0,000
Компетентность	Опросник «Удовлетворение базовых психологических потребностей» (Э. Деси, Р. Райан, в адаптации И. Ю. Суворовой, А. А. Бабий, Н. В. Корзун)	0,285** p = 0,000
Примечания: * $p < 0,05$. ** $p < 0,01$.		

Половые различия проверялись при помощи расчета критерия $\chi^2$2 Пирсона. Эти различия были установлены по всем шкалам опросника, в т. ч. и по интегральной шкале (таблица 5).

Таблица 5

Половые различия по шкалам опросника «Психологическая безопасность субъекта служебной деятельности»

Table 5

Gender differences on the scales of the "Psychological Safety of the Professional Activity Subject" questionnaire

Шкала опросника	Мужская выборка		Женская выборка		χ^2 Пирсона	Размер аффекта d Коэна
	Медиана	Среднее значение	Медиана	Среднее значение		
Когнитивный компонент	8,00	7,61	6,00	6,29	124,3548	0,699
Прогностический компонент	8,00	7,74	7,00	6,88	92,80683	0,499
Аффективный компонент	8,00	7,94	8,00	7,47	24,62431	0,211

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Окончание таблицы 5

Шкала опросника	Мужская выборка		Женская выборка		χ^2 Пирсона	Размер аффекта d Коэна
	Медиана	Среднее значение	Медиана	Среднее значение		
Регулятивный компонент	8,00	8,09	8,00	7,59	57,57735	0,310
Деятельный компонент	8,00	7,21	6,00	5,98	122,6317	0,615
Психологическая безопасность	102,00	102,67	92,00	91,76	153,2879	0,817

Установлено, что по всем шкалам опросника средние значения ответов мужчин превышают аналогичные у женщин. Расчетные значения χ^2 критерия Пирсона превышают критическое значение критерия для уровня значимости $\alpha = 0,05$ при степени свободы 4, равное 9,49, что свидетельствует о значимости различий между выборками. Размеры эффекта для достоверных различий (*d* Коэна [16]) располагаются в диапазоне от 0,211 до 0,817, что позволяет интерпретировать эти *различия как сильные и достоверные*. Это свидетельствует о *необходимости учитывать половые различия* при интерпретации полученных результатов психологической безопасности субъектов служебной деятельности.

Однако по результатам расчета одновыборочного критерия Колмогорова-Смирнова установлено, что распределение ответов респондентов *отличается от нормального*, эмпирическое значение асимптотической значимости составляет 0,00, что меньше критического 0,05, *тем самым отвергается классический вариант интерпретации результатов проведения методики «Психологическая безопасность субъекта служебной деятельности» при помощи среднего значения по выборке +/- стандартное отклонение.*

Интерпретировать результаты необходимо следующим образом. Для получения «сырых» баллов по интегральной шкале ПБССД суммируются баллы по всем 26 пунктам, а для каждой из пяти шкал – суммируются баллы по соответствующим пунктам. Затем производится преобразование эмпирических «сырых» оценок для каждой шкалы в пятибалльную шкалу в соответствии с таблицей 6.

Таблица 6

Преобразование «сырых» баллов в пятибалльную шкалу с учетом половых различий ответов респондентов

Table 6

Conversion of raw scores into a five-point scale, accounting for gender differences in respondents' answers

Шкала	Пол	Номер интервала				
		1	2	3	4	5
Диапазон «сырых» баллов от 7 до 35						
«Когнитивный компонент»	М	17 и менее	от 18 до 23	от 24 до 30	от 31 до 33	34 и более
	Ж	16 и менее	от 17 до 21	от 22 до 25	от 26 до 31	32 и более
Диапазон «сырых» баллов от 3 до 15						
«Прогностический компонент»	М	7 и менее	от 8 до 10	от 11 до 13	14	15
	Ж	6 и менее	от 7 до 8	от 9 до 11	от 12 до 13	14 и более
Диапазон «сырых» баллов от 4 до 20						
«Аффективный компонент»		9 и менее	от 10 до 15	от 16 до 18	19	20
		8 и менее	от 9 до 12	от 13 до 16	от 17 до 19	20

Окончание таблицы 6

Шкала	Пол	Номер интервала				
		1	2	3	4	5
Диапазон «сырых» баллов от 6 до 30						
«Регулятивный компонент»	М	17 и менее	от 18 до 22	от 23 до 26	от 27 до 29	30
	Ж	16 и менее	от 17 до 20	от 21 до 26	от 27 до 28	29 и более
Диапазон «сырых» баллов от 6 до 30						
«Регулятивный компонент»	М	17 и менее	от 18 до 22	от 23 до 26	от 27 до 29	30
	Ж	16 и менее	от 17 до 20	от 21 до 26	от 27 до 28	29 и более
Диапазон «сырых» баллов от 26 до 130						
Интегральный показатель ПБССД	М	79 и менее	от 80 до 93	от 94 до 111	от 112 до 125	126 и более
	Ж	75 и менее	от 76 до 85	от 86 до 95	от 96 до 105	106 и более

Интерпретация полученных результатов: 1 балл – «значительно ниже среднего» (нижние 7 % выборки), 2 балла – «несколько ниже среднего» (24 % выборки ниже среднего), 3 балла – «среднее» (средние 38 % выборки), 4 балла – «несколько выше среднего» (24 % выборки выше среднего), 5 баллов – «значительно выше среднего» (верхние 7 % выборки)[6].

Таким образом, после всех выше названных процедур статистической обработки эмпирических данных был получен итоговый вариант опросника «Психологическая безопасность субъекта служебной деятельности», включающий 26 утверждений (приложение). Анализ факторной нагрузки на каждое утверждение позволил эмпирически уточнить и оптимизировать изначально гипотетически предполагавшуюся структуру исследуемого феномена, в созданной *намеренно избыточно* его теоретической модели (таблица 7). В результате стало возможным определить то главное, что действительно определяет сущность категории «психологическая безопасность субъектов служебной деятельности», какой из компонентов является системообразующим и определить вклад остальных в это системное личностное образование.

Таблица 7

Итоговый вариант опросника
«Психологическая безопасность субъекта служебной деятельности»

Table 7

Final version
of the "Psychological Safety of the Professional Activity Subject" questionnaire

Номер пункта	Утверждение	Параметр	Факторная нагрузка (модуль)
Прогностический компонент			
22 (14)	Будущее кажется мне угрожающим и я тревожусь по этому поводу	Тревожная оценка перспективы	1,341
28 (16)	Основную угрозу для себя я чувствую от окружающих меня людей	Социальные реакции защиты	0,746
25 (15)	Я склонен в прямом смысле слова «убегать» от опасности	Склонность к риску	0,256
Деятельный компонент			
39 (24)	В ситуации, несущей вероятную угрозу, я точно знаю, что найду выход	Преодоление трудностей	1,322

[6] Митина О. В. Разработка и адаптация психологических опросников : учебное пособие. Москва : Смысл, 2013. 235 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Окончание таблицы 7

Номер пункта	Утверждение	Параметр	Факторная нагрузка (модуль)
38 (23)	Я адаптируюсь к быстро изменяющейся обстановке путем решительных и активных действий	Освоение изменений	1,247
6 (4)	В жизни каждый должен получать по заслугам	Справедливость	1,191
40 (25	Я стремлюсь к изменениям в жизни потому, что иначе она выглядит однообразной и неинтересной	Стремление к изменениям	0,844
41 (26)	Рутинным ситуациям я предпочитаю неопределенные и быстроизменяющиеся	Предпочтение неопределенности	0,662
36 (22)	Окружающие оценивают меня как компетентного сотрудника	Компетентность	0,497
Аффективный компонент			
35 (21)	Я чувствую, что имею полную свободу и автономность в принятии решений в опасной ситуации	Автономность	1,065
34 (20)	Я могу контролировать свою мимику и жесты и сохранять внешнее спокойствие, даже если внутренне испытываю сильные эмоции	Контроль экспрессии	1,034
30 (18)	На данный момент жизни я удовлетворен собственными достижениями и социальным положением	Социальная фрустрированность	0,991
19 (12)	Неопределенность и неизвестность не пугают меня	Толерантность к неопределенности	0,667
Когнитивный компонент			
13 (9)	Я полностью удовлетворен в потребности быть любимым и желанным	Удовлетворенность потребности в безопасности	0,987
10 (7)	Моя потребность в реализации принципов законности и порядка полностью удовлетворена		0,934
15 (10)	Я полностью защищен от реальных угроз (война, общественные беспорядки)		0,905
11 (8)	Моя потребность в наличии достоверной информации о будущих событиях полностью удовлетворена		0,891
29 (17)	Я всегда осознаю свое эмоциональное состояние	Эмоциональный контроль	0,636
21 (13)	У меня хорошая способность к суждениям. Я могу логически прийти к правильному выводу	Способность к суждениям	0,617
4 (2)	Моих возможностей хватает для того чтобы справиться с любой трудностью на службе	Самоэффективность	0,564
Регулятивный компонент			
33 (19)	Я могу сосредоточиться на своем деле и не отвлекаться при его выполнении	Волевой контроль	0,991
1 (1)	Я всегда хорошо представляю, что будет в результате моих действий	Когнитивный контроль	0,786
5 (3)	Я убежден в безопасности мира и возможности ему доверять	Доброжелательность окружающего мира	0,761
16 (11)	Я готов к оправданному необходимому риску	Готовность к риску	0,658
8 (6)	Я удачливый человек	Удача	0,555
7 (5)	Мои достоинства вполне перевешивают мои недостатки	Образ Я	0,376

Примечание – В столбце 1 в круглых скобках указаны номера пунктов, с которыми они вошли в бланк опросника (приложение).

Заключение

Во-первых, *установлена высокая надежность опросника* по результатам расчета альфа-коэффициента Кронбаха как для опросника в целом, так и для каждой из его шкал (общий показатель – 0,895, для шкал – от 0,712 до 0,913).

По результатам проверки конвергентной валидности опросника *выявлены сильные положительные корреляционные взаимосвязи между показателями шкал опросника и шкалами методик, выступившими основой для операционализации теоретической модели психологической безопасности субъекта служебной деятельности*. Выявлены половые различия ответов респондентов на вопросы пунктов опросника, средние значения ответов мужчин превышают аналогичные у женщин, значимость различий подтверждена результатами расчета χ^2 критерия Пирсона (от 24,62 431 до 153,2 879), а их сила и достоверность – d Коэна (от 0,211 до 0,817). В целях стандартизации ответов респондентов «сырые» оценки преобразованы в пятибалльную шкалу с учетом половых различий ответов респондентов. Все полученные эмпирические результаты по итогам создания опросника «Психологическая безопасность субъекта служебной деятельности» (проверка факторной структуры, надежности, конвергентной валидности), свидетельствуют о достаточной пригодности полученного диагностического инструментария для изучения уровня психологической безопасности сотрудников органов внутренних дел.

Список источников

1. *Агапов В. С., Красноштанова Н. Н.* Теоретическое обоснование модели психологической безопасности субъектов служебной деятельности // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 2. С. 17–22. https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-2-17-22

2. *Красноштанова Н. Н.* Системогенез психологической безопасности субъектов служебной деятельности // Прикладная психология и педагогика. 2025. Т. 10, №. 2. С. 29–51. https://doi.org/10.12737/2500-0543-2025-10-2-29-51

3. *Magomed-Eminov M. Sh.* Psychic as a Work // Российский научный журнал. 2014. № 5 (43). С. 216–222.

4. *Анастази А.* Психологическое тестирование : Книга 1: Пер. с англ. / под ред. К. М. Гуревича, В. И. Лубовского ; предисл. К. М. Гуревича, В. И. Лубовского. Москва : Педагогика, 1982. 320 с.

5. *Батурин Н. А., Мельникова Н. Н.* Технология разработки тестов : часть I // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2009. № 30 (163). С. 4–14.

6. *Башкатов С. А.* Адаптация сокращенного варианта опросника К. Петерсона и М. Селигмана «Ценности в действии: инвентаризация достоинств» (Values in action inventory of strengths, VIA-IS) на русскоязычной выборке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17, № 4. С. 738–754. https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-738-754

7. *Битюцкая Е. В, Базаров Т. Ю., Корнеев А. А.* Опросник «Типы реагирования на ситуацию изменений»: структура шкал и психометрические показатели // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 2. С. 297–316. https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-2-297-316

8. *Зотова О. Ю.* Потребность в безопасности у представителей разных социально-экономических групп // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2011. № 4. С. 84–91.

9. *Корнилова Т. В., Чумакова М. А.* Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 92–110.

10. *Кричевец А. Н., Корнеев А. А., Сугоняев К. В.* Проблема однородности шкал интеллектуальных способностей: психометрическая оценка // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». 2021. № 1. С. 144–169. https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.06

11. *Люсин Д. В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.

12. *Маничев С. А., Погребицкая В. Е.* Опросник «Психологический капитал» А. Беккера: адаптация на русскоязычной выборке // Труды Института психологии РАН : Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. Москва : Институт психологии РАН, 2018. Вып. 8. С. 489–500.

13. *Осин Е. Н.* Факторная структура краткой версии теста жизнестойкости // Организационная психология. 2013. Т. 3, № 3. С. 42–60.

14. *Падун М. А., Котельникова А. В.* Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4. С. 98–106.

15. *Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ветрова И. И.* Новый метод оценки психической регуляции – опросник «Контроль поведения» // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16, № 1. С. 182–200. https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160111

16. *Фер Р. М., Верн Р. Б.* Психометрика : Введение / пер. с англ. А. С. Науменко, А. Ю. Попова ; под ред. Н. А. Батурина, Е. В. Эйдмана. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2010. 445 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Приложение

Бланк опросника «Психологическая безопасность субъектов служебной деятельности»

Уважаемый коллега!

Просим Вас предоставить сведения, необходимые для обработки данного опросника, которые останутся строго конфиденциальными.

Имя и фамилия (ник) _____

Возраст (полных лет) _____

Пол (поставьте галочку в соответствующем окошке)

Мужской	
Женский	

Стаж служебной деятельности (полных лет) _____

Занимаемая должность (поставьте галочку в соответствующем окошке)

Рядовой состав	
Младший начальствующий состав	
Средний начальствующий состав	
Высший начальствующий состав	

Согласие на обработку персональных данных.

Заполняя данную анкету, вы выражаете свое согласие на сбор, обработку, использование, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, обезличивание, блокирование, удаление своих персональных данных, указанных в настоящей анкете, в целях обработки статистической информации.

Инструкция

Вам предлагается набор утверждений. Оцените, пожалуйста, насколько эти утверждения описывают Ваше состояние, мысли и чувства. Оцените утверждения по степени своего согласия с ними и выберите один ответ из предложенных вариантов (1 – абсолютно неверно; 2 – скорее неверно; 3 – не уверен; 4 – скорее верно; 5 – абсолютно верно) и поставьте значок в соответствующей графе. Старайтесь не пропускать утверждения. Давайте первый ответ, который приходит в голову. Здесь нет правильных и неправильных ответов, так как это не испытание Ваших способностей, а лишь выявление индивидуальных особенностей.

№ п/п	Утверждение	Абсолютно не верно	Скорее не верно	Не уверен	Скорее верно	Абсолютно верно
1	Я всегда хорошо представляю, что будет в результате моих действий					
2	Моих возможностей хватает для того, чтобы справиться с любой трудностью на службе					
3	Я убежден в безопасности мира и возможности ему доверять					
4	В жизни каждый должен получать по заслугам					
5	Мои достоинства вполне перевешивают мои недостатки					
6	Я удачливый человек					
7	Моя потребность в реализации принципов законности и порядка полностью удовлетворена					

Продолжение таблицы

№ п/п	Утверждение	Абсолютно не верно	Скорее не верно	Не уверен	Скорее верно	Абсолютно верно
8	Моя потребность в наличии достоверной информации о будущих событиях полностью удовлетворена					
9	Я полностью удовлетворен в потребности быть любимым и желанным					
10	Я полностью защищен от реальных угроз (война, общественные беспорядки)					
11	Я готов к оправданному необходимому риску					
12	Неопределенность и неизвестность не пугает меня					
13	У меня хорошая способность к суждениям. Я могу логически прийти к правильному выводу					
14	Будущее кажется мне угрожающим, и я тревожусь по этому поводу					
15	Я склонен в прямом смысле слова «убегать» от опасности					
16	Основную угрозу для себя я чувствую от окружающих меня людей					
17	Я всегда осознаю свое эмоциональное состояние					
18	На данный момент жизни я удовлетворен собственными достижениями и социальным положением					
19	Я могу сосредоточиться на своем деле и не отвлекаться при его выполнении					
20	Я могу контролировать свою мимику и жесты и сохранять внешнее спокойствие, даже если внутренне испытываю сильные эмоции					
21	Я чувствую, что имею полную свободу и автономность в принятии решений в опасной ситуации					
22	Окружающие оценивают меня как компетентного сотрудника					
23	Я адаптируюсь к быстро изменяющейся обстановке путем решительных и активных действий					
24	В ситуации, несущей вероятную угрозу, я точно знаю, что найду выход					
25	Я стремлюсь к изменениям в жизни, потому что иначе она выглядит однообразной и неинтересной					
26	Рутинным ситуациям я предпочитаю неопределенные и быстроизменяющиеся					

Спасибо, что вы ответили на все вопросы!

Подсчет результатов ПБССД

За ответы респондентов присваиваются баллы следующим образом: «абсолютно верно» – 5; «скорее верно» – 4; «не уверен» – 3; «скорее неверно» – 2; «абсолютно неверно» – 1.

Высчитывается общий показатель ПБССД – суммируются баллы по всем 26 пунктам.

Высчитываются баллы по каждой из пяти шкал (суммируются баллы за ответы по пунктам каждой шкалы) и преобразовываются в пятибалльную шкалу с учетом половых различий ответов респондентов.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Преобразование «сырых» баллов в пятибалльную шкалу с учетом половых различий ответов респондентов

Шкала	Пол	Номер интервала				
		1	2	3	4	5
«Когнитивный компонент»	Диапазон «сырых» баллов от 7 до 35					
	М	17 и менее	от 18 до 23	от 24 до 30	от 31 до 33	34 и более
	Ж	16 и менее	от 17 до 21	от 22 до 25	от 26 до 31	32 и более
«Прогностический компонент»	Диапазон «сырых» баллов от 3 до 15					
	М	7 и менее	от 8 до 10	от 11 до 13	14	15
	Ж	6 и менее	от 7 до 8	от 9 до 11	от 12 до 13	14 и более
«Аффективный компонент»	Диапазон «сырых» баллов от 4 до 20					
	М	9 и менее	от 10 до 15	от 16 до 18	19	20
	Ж	8 и менее	от 9 до 12	от 13 до 16	от 17 до 19	20
«Регулятивный компонент»	Диапазон «сырых» баллов от 6 до 30					
	М	17 и менее	от 18 до 22	от 23 до 26	от 27 до 29	30
	Ж	16 и менее	от 17 до 20	от 21 до 26	от 27 до 28	29 и более
«Деятельный компонент»	Диапазон «сырых» баллов от 6 до 30					
	М	10 и менее	от 11 до 20	от 21 до 25	от 26 до 28	29 и более
	Ж	9 и менее	от 10 до 14	от 15 до 21	от 22 до 26	27 и более
Интегральный показатель	Диапазон «сырых» баллов от 26 до 130					
	М	79 и менее	от 80 до 93	от 94 до 111	от 112 до 125	126 и более
	Ж	75 и менее	от 76 до 85	от 86 до 95	от 96 до 105	106 и более

Ключ к опроснику

Шкала	Показатель	Номер вопроса
«Когнитивный компонент»	Удовлетворенность потребности в безопасности	7, 8, 9, 10,
	Эмоциональный контроль	17
	Способность к суждениям	13
	Самоэффективность	2
«Деятельный компонент»	Преодоление трудностей	24
	Освоение изменений	23
	Справедливость	4
	Стремление к изменениям	25
	Предпочтение неопределенности	26
	Компетентность	22
«Аффективный компонент»	Автономность	21
	Контроль экспрессии	20
	Социальная фрустрированность	18
	Толерантность к неопределенности	12

Продолжение таблицы

Шкала	Показатель	Номер вопроса
«Регулятивный компонент»	Волевой контроль	19
	Когнитивный контроль	1
	Доброжелательность окружающего мира	3
	Готовность к риску	11
	Удача	6
	Образ Я	5
«Прогностический компонент»	Тревожная оценка перспективы	14*
	Социальные реакции защиты	16*
	Склонность к риску	15*
Примечание – * Полученный результат инвертируется		

Шкала «Когнитивный компонент» показывает, насколько респондент способен к осмыслению ситуаций в континууме «опасно – не опасно» и насколько удовлетворены его потребности в безопасности, отраженные в желании быть любимым и желанным, защищенным от реальных угроз жизни, потребности в законности и порядке, обладании достоверной информацией о будущем, что делает его жизнь предсказуемой и создает впечатление о мире как «невраждебном» и своей защищенности в нем. Осознание своего текущего эмоционального состояния дает чувство подконтрольности ситуативных эмоций и повышает представление о самоэффективности в угрожающей ситуации, т. е. уверенности в своих силах и способности совладать с чувством страха и справиться с опасностью.

Шкала «Деятельный компонент» отражает *совокупность психических действий, обеспечивающих самосохранение в потенциально угрожающих и реально опасных ситуациях*. Такими психическими действиями являются «принятие/непринятие» ситуаций изменений и «*удовлетворение*» базовой потребности в компетентности как способности и готовности справиться с опасностью. В случае принятия ситуация воспринимается как «вызов», возможность для самореализации, в случае непринятия – как угроза. Шкала дает возможность оценить особенности типа ситуативного реагирования респондента по параметрам индивидуальных особенностей *преодоления* трудностей, *освоения* изменений, *стремления* к изменениям, *предпочтения* неопределенности. Низкие баллы по этим переменным шкалы будут свидетельствовать о реагировании в угрожающей ситуации по типу «непринятия» и соответственно о склонности к преувеличению угрозы в изменяющейся ситуации. Показатель «*справедливость*» входит в данную шкалу *как мотивационная основа действия в ситуации*, воспринимаемой как угрожающая. Он показывает отношение к «воздаянию» за любое действие и необходимости действовать согласно своим убеждениям, т. е. убеждение в неизбежности получения «вознаграждения» в опасной ситуации в виде защищенности, или наказания – в виде ущерба и нарушения безопасности.

Шкала «Аффективный компонент» измеряет чувство свободы в принятии решений в опасной ситуации и степень контроля своей экспрессии, а также уровень страха перед неизвестностью и неопределенностью, возникающего в угрожающей ситуации. Показатель толерантности к неопределенности вошел в эту шкалу, как отражение способности к проявлению положительных эмоций в неопределенных ситуациях, преодолению тревоги, связанной с непредсказуемостью и отсутствием гарантированности чего-либо. Проявляется как отсутствие доминирующих негативных эмоций и восприятие ситуации скорее, как вызова, чем как угрозы. Показатель социальной фрустрированности отражает чувство угрозы своему социальному статусу. Низкие баллы по этому показателю говорят о склонности респондента видеть угрозы своей безопасности от более статусных людей в ситуациях социального взаимодействия и в этой связи испытывать тревогу, другие негативные чувства и эмоции.

Шкала «Регулятивный компонент» отражает личностные диспозиции, определяющие произвольность поведения в различных ситуациях и отношение к ним. В основе регулятивного компонента психологической безопасности субъекта служебной деятельности лежит волевой контроль, *означающий сознательное управляемое усилие, направленное на преодоление возникающих затруднений в потенциально угрожающей ситуации*. Показатель когнитивного

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

контроля позволяет оценить, насколько респондент адекватно отражает ситуацию и понимает, к каким результатам приведут его действия в той или иной ситуации. Иными словами, волевой и когнитивный контроль позволяют оценить, насколько человек способен к мысленному моделированию вероятной опасности и в зависимости от этого контролирует свое поведение. Мотивационной основой произвольной регуляции представлений о своей психологической безопасности у респондентов является убеждение в доброжелательности окружающего мира, ценности собственного я и своей удачливости.

Показатель готовности к риску позволяет объективировать особенности принятия решений в ситуациях, характеризующихся неопределенностью и воспринимаемых как вероятно угрожающие.

Шкала «Прогностический компонент» позволяет измерить способность предвосхитить вероятность опасности до ее наступления, а также возможность мысленно представить вариант решения проблемы до того, как она возникнет в действительности. Показатели *тревожной оценки перспективы* отражают уровень тревожности личности, вызванной неопределенностью будущего. *Это ключевой показатель, определяющий психологическую безопасность субъекта.* Высокие баллы по этому параметру будут свидетельствовать о склонности переоценивать угрозу и значительном снижении психологической безопасности. Показатель *социальной реакции защиты отражает ожидание угрозы от окружающих людей.* В сочетании с показателем склонности к риску этот показатель дает качественную характеристику личностных особенностей психологической безопасности субъекта, откуда он ожидает угрозу: от окружающих людей или же от окружающего внешнего мира, от внезапности ситуации, от своей некомпетентности или собственного низкого социального статуса. *Склонность к риску как показатель мотивационной направленности на рискованные действия* дает возможность прогнозирования поведения субъекта в опасных ситуациях.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 159.9.07

Ресурсные функции вины, совести и стыда в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности

Евгения Геннадьевна Зуева, кандидат психологических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
zueva.eg@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-6919-0306

Аннотация:
Введение. *Статья посвящена рассмотрению ресурсной функции вины, совести, стыда, в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности. Актуальность проблемы исследования определяются необходимостью реализации Федерального закона «О пробации в Российской Федерации».*
Цель исследования. *Обоснование психологических ресурсов вины, совести и стыда в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности. Рассматриваются теоретические концепции вины, стыда и совести, позволяющие определить соотношение данных феноменов.*
Методы. *В исследовании применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, анализ нормативных правовых актов и литературных источников, непосредственно связанных с исследованием проблемы трансформаций субъектности постпенитенциарной личности.*
Результаты. *Общим атрибутом вины, стыда и совести является понятие ответственности, которая предполагает свободу поступков. Анализируются функциональные различия вины, стыда и совести и их взаимосвязи с правонарушениями. Отмечается, что степень ресурса феноменов вины, стыда и совести зависит от типа ситуации, реальной или воображаемой, в момент совершения проступка. Вина, совесть и стыд выступают как механизмы социального контроля постпенитенциарного субъекта. Их единство предполагает когнитивный, эмоциональный контроль, а также мотивы, установки. Вина представляет собой эмоцию более высокую по объему, содержанию, уровню, интенсивности переживания, совесть и стыд представлены структурными компонентами вины. Вина продуцирует феномены совести и стыда, является глубинным образованием. Совесть представляет собой социально-культурное образование, а стыд – личностное образование. В заключении делается вывод, что в совокупности вина, совесть и стыд обеспечивают высокий уровень адаптивности, целостности личности и развития «экзистенциального» опыта субъекта, в целом образуя его ресурсный потенциал.*

Ключевые слова:
вина, совесть, стыд, функции, ресурс, трансформация субъектности, постпенитенциарная личность

For citation:
Зуева Е. Г. Ресурсные функции вины, совести и стыда в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 294–302.

**Статья поступила в редакцию 22.04.2025;
одобрена после рецензирования 18.10.2025;
принята к публикации 25.12.2025.**

© Зуева Е. Г., 2025

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Original article

The resource potential of guilt, conscience, and shame in the transformation of subjectivity among individuals with a history of incarceration

Evgeniya G. Zueva, Cand. Sci. (Psy.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
zueva.eg@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-6919-0306

Abstract:
Introduction. *This article examines the resource functions of guilt, conscience, and shame in the process of subjectivity transformation among individuals with a history of incarceration. The relevance of this research is underscored by the practical need to implement the Federal Law "On Probation in the Russian Federation", which necessitates a deeper psychological understanding of rehabilitation processes.*
Research Aim. *To substantiate the psychological resources of guilt, conscience, and shame in the process of subjectivity transformation among individuals with a history of incarceration. The study examines theoretical concepts of guilt, shame, and conscience to delineate the relationship between these phenomena.*
Methods. *The study employed general scientific methods of data collection, analysis, and synthesis, alongside an analysis of normative legal documents and literature relevant to the transformation of subjectivity among individuals after incarceration.*
Results. *The analysis reveals that responsibility – which entails freedom of action - constitutes a common attribute of guilt, shame, and conscience. The study delineates the functional distinctions between these phenomena and examines their connection to offending behaviour. A key finding is that the resource potential of guilt, shame, and conscience varies depending on whether the situation surrounding the misconduct is real or imagined. Ultimately, these phenomena function as mechanisms of social control for individuals after incarceration. Their inherent unity encompasses cognitive and emotional regulation, along with underlying motives and attitudes. Guilt is characterised as a higher-order emotion in terms of its scope, content, level, and experiential intensity, with conscience and shame constituting its structural components. Guilt generates the phenomena of conscience and shame, representing a more profound psychological construct. Conscience is conceptualised as a socio-cultural construct, whereas shame is viewed as a personal one. The conclusion posits that, collectively, guilt, conscience, and shame foster a high degree of adaptability, personal coherence, and the cultivation of an 'existential' experience for the individual, thereby constituting their overarching resource potential.*

Keywords:
guilt, conscience, shame, functions, resource potential, subjectivity transformation, individuals after incarceration

For citation:
Zueva E. G. The resource potential of guilt, conscience, and shame in the transformation of subjectivity among individuals with a history of incarceration // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 294–302.

**The article was submitted April 22, 2025;
approved after reviewing October 18, 2025;
accepted for publication December 25, 2025.**

Введение

Актуальность постановки проблемы ресурсности функций вины, стыда и совести в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности в настоящее время определяется необходимостью реализации Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»[1]. Стыд, вина и совесть – моральные эмоции – занимают особое место в системе регулирования поведения лиц, в отношении которых применяется пробация и реабилитация. Морально-нравственный потенциал личности, ее способность испытывать стыд, вину и совесть может выступать онтогенетическим механизмом торможения и преодоления социально нежелательного поведения и одновременно стимулировать трансформацию просоциального поведения постпенитенциарной личности.

Вместе с тем среди ученых и практиков нет единодушной поддержки тех, кто предлагает обратиться к потенциалу морально-нравственных и духовных интенций с целью реинтеграции бывших осужденных в общество. Сомнения скептиков подкрепляются соответствующими исследованиями, в которых находит подтверждение идея о том, что склонность испытывать стыд часто связывается не с прекрасными, порядочными моральными качествами и поведением

[1] О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 6. Ст. 917.

субъекта, а скорее с уклонением от ответственности, обвинением жертвы, неправильным управлением гневом и в крайнем случае враждебной агрессией [1].

Целью данного исследования является обоснование психологических ресурсов вины, стыда и совести в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности. Для достижения цели предполагается подробно рассмотреть феномены вины, стыда и совести, их структуру и функции, предпринять попытку их концептуальной операционализации. Начнем с анализа соотношения феноменов вины, совести и стыда.

Методы

В исследовании применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, анализ нормативных правовых актов и литературных источников, непосредственно связанных с исследованием проблемы трансформаций субъектности постпенитенциарной личности.

Результаты

Вина, стыд и совесть являются предметом изучения ряда областей знаний, таких как философия, психология, религиоведение, культурология [2]. В психологических исследованиях стыд и вина часто обсуждаются совместно при анализе соотношений и различий вины, стыда и совести. Феномен вины как одного из механизмов культурно-нравственной регуляции поведения человека, включающего в себя стыд, совесть, способность к раскаянию и покаянию, выходит далеко за границы предмета юридической психологии [3].

Согласно идеям С. Л. Рубинштейна, трансформация необходимых качеств личности происходит посредством соотношения внешних условий и внутренних факторов. Безусловно, активность различных социальных систем, институтов на макро- и микроуровне путем проведения всесторонних профилактических и психокоррекционных мероприятий будет влиять на изменения психики постпенитенциарной личности. Успешная реализация мероприятий субъектами может способствовать повышению ее социально-ориентированной мотивации, актуализации позитивных установок и стремлению к самоизменениям. Однако с точки зрения трансформации нас в большей степени интересуют внутриличностные факторы, направленные на формирование нравственных ценностей, внутренней культуры личности, самостоятельной способности к изменениям, потому что именно сам субъект должен принять ответственность за изменения на себя. В связи с этим внутренним источником позитивного самоизменения, радикальной трансформации выступает феномен вины как одного из центральных проявлений сложного культурно-нравственного комплекса современного человека [3]. Вина через личную ответственность конструирует конечную цель, которая направляет процесс созидания, помогая превращать возможность в действительность [4]. Можно сделать вывод, что переживание вины побуждает человека к ответственности за свое будущее и, следовательно, к действию.

Е. П. Ильин, подробно изучая феномен совести и ее соотношение с другими категориями, отмечал, что вина является эмоцией, с помощью которой проявляется совесть. По его мнению, вина – не что иное, как эмоциональное обострение совести [5]. Однако, как представляется, такая узкая трактовка не учитывает всех потенциальных ресурсов вины.

Клиническая теория, клинические наблюдения, качественные и количественные эмпирические исследования показывают, что когда люди чувствуют вину за определенное поведение, у них появляется мотивация признаваться, извиняться и исправлять ошибки, они более сочувствуют жертвам своих проступков, они с большей вероятностью примут меры ответственности и будут стараться исправить ситуацию [6]. Оценивая конкретные «плохие», «аморальные» поступки, переживая факт включенности в систему нравственных ценностей общества, люди сохраняют чувство личной идентичности и психологической целостности.

Стыд – эмоция, выражающая осознание человеком своего (а также близких и причастных к нему людей) несоответствия принятым в данной среде нормам или предполагаемым ожиданиям.

Рядом авторов стыд рассматривается как синоним вины (Hartmann, Loewenstein, 1962; Piers, Singer, 1953; Sandler et al., 1963; Jacobson, 1964) [7–10]. С этим трудно согласиться, т. к. между стыдом и виной имеются существенные различия. Так, Е. П. Ильин отмечает, что стыд, как и совесть, базируется на сформированных моральных обязательствах, самооценке и самоконтроле личностью своих помыслов и поступков через призму нравственных требований. Известно, что совесть может вызывать удовлетворение собственным нравственным поведением и помыслами

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

(чистая совесть), тогда как в стыде всегда осуществляется негативная оценка собственных действий и помыслов, но это не может являться основанием для их противопоставления.

В настоящее время понятия вины и стыда в психологической литературе гораздо чаще становятся предметом изучения, чем понятие совести. Так, проводились исследования взаимосвязи между чувством вины, стыда и правонарушениями без учета концепции совести [11].

Е. П. Ильин отмечает, что совесть в психологии – это нравственное качество личности, связанное с субъективным осознанием личностью своего долга и ответственности как перед отдельными людьми, так и перед обществом [5].

М. И. Воловикова на основе исследований правового сознания у россиян пришла к выводу о глубокой взаимосвязи феномена стыда с совестью [12]. Главная функция совести – осуществление самоконтроля.

Проведенный теоретический анализ позволяет утверждать, что вина имеет сложную структуру и соотносится с эмоциями совести и стыда. При этом совесть выступает социализированной формой вины, а стыд отвечает за ее динамическое проявление.

Переживание вины, совести и стыда зависит от культуры, в которую включен субъект, именно культура является универсальным средством оценки поведения личности. По лекалам культурного контекста и необходимо выстраивать пространство психокоррекционных мероприятий для постпенитенциарного субъекта. При этом в зависимости от типа культуры и включенности в нее субъекта будет зависеть уровень проявления моральных эмоций. Например, в культурных и антропологических исследованиях обсуждалось, следует ли понимать стыд как культурный феномен, т. е. как следствие исторического, культурного развития (Н. Элиас, 1978) [13], или как универсальный и повсеместный феномен, имеющий отношение, например, к сексуальности [14]. Исследования в области этнопсихологии открывают новое видение функций чувств вины и стыда, а также их роли и места в современном обществе (И. К. Макогон, С. Н. Ениколопов, 2015) [15].

Как пример можно привести кросс-культурные исследования в отношении эмоции стыда [2]. Как оказалось, западные, индивидуалистические типы культур негативно относятся к стыду, тогда как восточные, коллективистские общества ценят эту эмоцию и эффективно используют методы стыда для мотивации просоциального поведения. Приходится признать наличие различий в культуре стыда, особенностях форм реакций, которые стыд с большей вероятностью вызывает. Однако стоит отметить, что стыд мотивирует просоциальное поведение и у представителей западных типов культуры, что было обнаружено в упомянутых выше исследованиях. Наше понимание соотношения феноменов вины, совести и стыда представлено на рисунке 1.

Рис. 1. Соотношение вины, совести и стыда

Fig. 1. The relationship between guilt, conscience and shame

Как видно на рисунке, вина представляет собой эмоцию более высокую по интенсивности переживания, совесть и стыд представлены структурными компонентами вины. Вина продуцирует феномены совести и стыда, является глубинным образованием. Совесть представляет собой социально-культурное образование, а стыд – динамическое личностное образование. Культура лежит в основе формирования субъектных качеств и границ личности, которые в свою очередь влияют на характер интенсивности и глубину переживания вины, совести и стыда.

Зарубежные авторы выделяют общие черты у стыда и вины. Отмечается, что это эмоции самосознания, которые подразумевают самоанализ и самооценку[2], сопряженные с негативной самооценкой и чувством дистресса, вызванные воспринимаемыми неудачами или проступками (например, Tangney, Stuewig, Mashek, 2007) [6], находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и сосуществуют вместе.

Одна из постоянных тем, обсуждающихся в исследованиях, заключается в том, что стыд и вина не являются одинаково «моральными» эмоциями. При этом вина считается более адаптивной эмоцией, приносящей пользу отдельным людям и их отношениям различными способами [15–17].

Большинство социальных и клинических психологов называют «моральную» эмоцию, ориентированную на поведение, «виной», а эгоцентричную «моральную» эмоцию – «стыдом» [1, p. 711]. Реинтегративная теория стыда (*RST*) Брейтуэйта (1989) различает два типа практики стыда [17]. Первый, получивший название «восстанавливающий стыд», касается практик, которые идентифицируют преступление или поведение как безответственное, неправильное или плохое, а не самого человека. Согласно реинтегративной теории, стыд тоже связан с ответственностью, т. к. акцент ставится на поведении, а не на личности, и предполагает исправление ситуации. Данный тип стыда более соответствует функциям и динамике вины, рассматриваемой в психологической литературе. Второй тип практики стыда называется «дезинтегративным стыдом» или стигматизацией, что предполагает изоляцию и унижение субъекта в попытке вызвать чувства, более близкие нашему понятию стыда [17].

Можно отметить, что общим атрибутом вины, стыда и совести является понятие ответственности. При этом следует заметить, что ответственность предполагает свободу выбора поступков. Находясь в местах лишения свободы, осужденный действует по правилам, принятым в пенитенциарном учреждении. После же освобождения у него возникает необходимость брать на себя ответственность за свои поступки.

Возникают следующие вопросы: как структура вины, совести и стыда помогает трансформировать субъекта? Какие ситуации могут стимулировать изменения субъекта?

Для более ясного понимания динамики изменений личности постпенитенциарного субъекта следует подробно рассмотреть функциональные различия вины, совести и стыда и их связь с правонарушениями.

Функциональные различия вины, совести, стыда

Определить содержание и возможности вины можно, рассмотрев ее функции.

Вина стимулирует мотивацию восстановления справедливости и появление чувства личной ответственности, формирует потребность в соблюдении общественных норм [18; 19].

Анализируя литературу, можно выделить три основные функции, которые выполняет вина: 1) выступает в качестве морального регулятора для поддержания норм просоциального поведения; 2) участвует в формировании самоотношения и 3) способствует профилактике психических расстройств [5].

Однако успешное осуществление этих функций возможно только в том случае, если уровень переживания вины будет у человека не слишком большим, но и не слишком малым, т. е. оптимальным[3].

Вина генерирует механизм эмпатии, направленный на исправление и регулирование поведения, и побуждает внутреннее волнение[4] (Barret, 1998) [11]. Исследования убедительно показывают отрицательную связь между чувством вины и преступлением: чувство вины подавляет желание совершить правонарушение (Tangney et al., 2011) [1].

---

[2] Tangney J. P., Tracy J. L. Self-conscious emotions // Leary M., Tangney J. P. (eds.). Handbook of self and identity. New York, NY, USA : Guilford Press, 2012. P. 446–478.

[3] Белик И. А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2006. 21 с.

[4] Barret K. C. The origins of guilt in early childhood // Bybee J. (ed.). Guilt and children. London, England : Academic Press, 1998. P. 75–90. https://doi.org/10.1016/B978-012148610-5/50004-7

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Стыд определяется в социологии как «механизм социального контроля», осуществляющийся в тех контекстах, которые предполагают возможность непосредственного взаимного наблюдения [5].

К. Изард раскрывает функции стыда, отмечая, что средоточие эмоции стыда находится в Я [20]. Стыд активирует самооценку. Осознание, сопутствующее переживанию стыда, способствует усилению Я, уменьшению уязвимости личности. Сенситивность проявляется в отношении мнений и чувств значимых людей, а также к своему физическому Я. Стыд крайне враждебен по отношению к рациональным, интеллектуальным процессам.

Льюис (Lewis, 1971) отметила, что по сравнению с эмоцией вины эмоция стыда – менее дифференцированная, более иррациональная, более примитивная, труднее вербализуемая реакция, содержание которой почти не поддается осмыслению. Стыд порождает критицизм в отношении собственного Я и кратковременное ощущение несостоятельности. Преодоление переживания стыда способствует развитию личностной автономии и идентичности, способности к зрелым чувствам [21].

Результаты исследований связи между стыдом, агрессией и правонарушениями неоднозначны из-за широкого спектра поведенческих моделей, определяющих правонарушения (например, мелкие преступления, кражи или насильственные преступления) или агрессию (например, использование нецензурной брани) (Stuewig, Tangney, 2007) [22].

Рассмотрим ресурсные функции совести, способствующие самоизменению постпенитенциарного субъекта. Совесть имеет две основные функции: предупреждающую и ретроспективную [5].

Кроме того, совесть проявляет себя как побуждающий, запрещающий, корректирующий и оценивающий фактор, что имеет большое значение в реабилитационном процессе осужденных.

Совесть непрерывно оценивает этический характер наших мыслей, указывает на возникающие дурные помыслы или на попытки самооправдания.

Выполнение совестью ее функций не есть простой автоматический акт. Это всегда сложный динамический процесс, в котором сама совесть зависит от общих нравственных установок личности, от степени приближения личности к нравственному идеалу [5].

Исследователи предполагают, что совесть является психической функцией для оценки своей идентичности: как то, что я делаю, думаю, относится к моему «Я» [6]? Активность совести субъективно переживается через осознание сознательных эмоций, таких как стыд, гордость, вина или смущение (также называемых моральными эмоциями [6]). Их необходимо регулировать, поскольку они касаются «Я» или идентичности [11].

Повседневное функционирование совести меняется: в некоторых ситуациях субъект может быть категоричным в своих самооценках, тогда как в других обстоятельствах может оценивать себя нейтрально или даже положительно (Hoffman, 2002) [23], что свидетельствует о ее динамическом характере. Некоторые люди действительно лишены какого-либо самосознания, что является признаком патологии (Shaw, 2014) [24], тогда как другие чрезмерно склонны испытывать вину или стыд, страдая от деспотии своей совести (Lansky, 2005) [25]. Таким образом, в исследованиях, посвященных взаимосвязи вины, стыда, совести и совершаемых правонарушений, основное внимание уделяется стыду и вине.

Исследования, как правило, сосредоточены на стыде и чувстве вины в реакции на собственные проступки. Интересным является рассмотрение «коллективных» эмоций самосознания.

«Коллективный» стыд и вина: групповые эмоции самосознания

В последние годы ряд исследователей существенно расширил объем литературы по эмоциям самосознания, рассматривая «заместительный» или «групповой» стыд и вину – чувства, возникающие в ответ на проступки и неудачи других людей [6, p. 358]. Эти исследования представляет собой интеграцию теории эмоций самосознания с социальной идентичностью, групповыми и межгрупповыми процессами. Поскольку личность частично определяется нашими межличностными отношениями и членством в группе, можно истолковать поведение члена группы как размышление о себе. Таким образом, личная причинность не всегда является предпосылкой для переживания стыда или вины. Во многом явления опосредованного стыда и вины параллельны личному стыду и переживанию вины.

Б. Ликель и другие (Lickel, Schmader, Barquissau, 2004) разработали модель процесса, связывающую конкретные типы оценок с опосредованным опытом стыда и вины соответственно [26]. Они представили доказательства того, что групповой стыд чаще всего возникает, когда что-либо угрожает общей идентичности, т. е. когда возникают опасения по поводу сохранения

позитивной групповой идентичности. С другой стороны, викарная вина более вероятна, когда межличностная зависимость с преступником заметна и когда опасения, основанные на отношениях, подчеркиваются акцентом на причинении вреда другой группе или отдельному человеку.

С. В. Павлов полагает, что субъектность может быть синонимом свободы[5]. Мы согласны с этим утверждением, поскольку обретение субъектности – это и есть способность думать, чувствовать, принимать решения и нести за них ответственность. В связи с этим, когда речь идет о трансформации постпенитенциарного субъекта, мы подразумеваем становление и развитие его новых форм отношений и формирование новых способов утверждения личностной свободы. Трансформация свободы и субъектности раскрывает проблему и способы деятельности человека во имя обретения свободы. Таким образом, обретая свободу, постпенитенциарный субъект получает возможность к самоизменениям путем трансформации вины, стыда и совести, которые выступают как механизмы социального контроля постпенитенциарного субъекта. Их единство предполагает когнитивный, эмоциональный контроль, а также мотивы, установки.

Обретение свободы тесно связано с приобретением субъектом «экзистенциального» опыта. Категория «экзистенциальный опыт» рассматривается как философами, так и психологами. При этом если философия рассматривает экзистенциальный опыт с точки зрения культуры, развития человечества, то в рамках психологии важно операционализировать данное понятие. В. В. Знаков в структурном плане рассматривает экзистенциальный опыт как совокупность компонентов: «имплицитного знания», рассматривающего невозможность вербализации имеющихся знаний, интенциональный компонент, определяющий направленность и избирательность индивидуальной психической активности, и этический компонент, помогающий субъекту ориентироваться в житейских ситуациях и адекватно воспринимать их [27*]. Таким образом, приобретение экзистенциального опыта постпенитенциарным субъектом способствует активному его становлению, осмыслению переживаний вины, стыда и совести, ориентации и направленности к самопреобразованию. С психологической точки зрения экзистенциальный опыт определяется переживаниями личностью своей судьбы, готовностью связывать свою дальнейшую жизнь со свободой и освобождением от груза переживаний вины.

Сегодня психологам необходимо обратить внимание на разработку теории технологий работы с человеком, созидающим самого себя [28], что предполагает переход к переосмыслению категории «субъект» в контексте постпенитенциарного сюжета жизни личности: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала – к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Ю. А. Шаранов пишет, что человек конструирующий, т. е. заботящийся о себе, живет в неопределенном, изменяющемся мире, в котором невозможно быстро и однозначно самоопределиться. Вместе с тем направленность на самопреобразование выступает своеобразным вызовом не только окружающей действительности, но зачастую и самому себе [29].

J. P. Tangney и др. отмечают, что моральные эмоции – это факторы «здесь и сейчас», которые теоретически поддаются вмешательству [30, p. 715]. Так же, как тревога и депрессия эффективно лечатся рядом социально-когнитивных, когнитивно-поведенческих и межличностных терапий, должна быть возможность использования этих подходов для изменения морально-эмоциональных характеристик правонарушителей – в частности, для повышения их способности к адаптивному чувству вины и снижения их склонности испытывать стыд [30]. В нашей концепции важно сохранение гармоничного единства переживания вины, совести и стыда как составляющей идентичности, целостности личности.

Говорить о субъектности и свободе постпенитенциарной личности можно в той мере, в которой она способна к социальному выбору, самостоятельности и осуществлению самопреобразующей деятельности. Таким образом, субъект представляет ресурсный потенциал постпенитенциарной личности, а субъектность выступает атрибутом свободы личности, демонстрируя ее социально значимые качества: чувства долга и ответственности за свое настоящее и будущее. При этом переживание вины, совести и стыда демонстрирует обращенность личности к высшим духовно-нравственным ценностям и идеалам общества, одновременно выступая внутренним морально-психологическим смыслом ее «жизни по совести».

Реинтеграция и реадаптация постпенитенциарной личности осуществляются в контексте определенного типа культуры вины, совести и стыда, которые различаются динамикой, частотой

[5] Павлов С. В. Трансформация свободы и субъектности в современном обществе : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Волгоград, 2008. 24 с.

* Настоящий материал (информацию) произвел иностранный агент Синеокая Юлия Вадимовна, либо материал (информация) касается деятельности данного иностранного агента.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

проявления, относительной «выпуклостью» стыда и вины, зависящей от особенностей той или иной культуры – т. е. людьми в разных культурах чувствам вины, совести и стыда придается разное значение, они по-разному чувствительны к проявлениям стыда и вины. По этой причине в обществе отсутствует единый целостный механизм, который бы регулировал поведение своих членов каким-либо одним (хотя бы и преимущественно) регулятором поведения. Среди специалистов также наблюдается многообразие подходов к пониманию социальных механизмов и психологических факторов, на которые следовало бы опираться в процессе реализации Закона о пробации[6]. Мы пришли к выводу, что необходимо обратить внимание на универсальные функции чувства вины (совести и стыда), которые способны одновременно следовать логике переживания вины (стыда и совести) каждой уникальной личностью, и снимать эффект многообразия и уникальности ситуаций, судеб и смыслов жизни людей, потерпевших в результате конфликта с законом.

Полагаем, динамика совершения поступка проявляется в том, что в начале формируется вина, которая определяется в способности отличать добро и зло. Затем формируется совесть как факт включенности человека в морально-нравственные отношения, связанные с формированием культурной идентичности субъекта. И уже затем формируется стыд, который является динамическим образованием, т. к. обеспечивает контроль и регуляцию поведения, взаимодействие с другими людьми и обращение к эмоционально-волевой сфере.

Совесть и стыд обладают различными модусами и динамикой, тогда как вина является стабильным образованием, поскольку обращена к духовно-нравственным формам проявления активности человека, что предполагает переживания совокупностей интенционального опыта, добра и зла, самоопределения самого себя в качестве порождающей инстанции, заботы и помощи другим людям. При изменении отношений субъекта к добру и злу происходят изменения в переживаниях совести и стыда, что впоследствии влияет на характер переживания протекания процесса вины.

Таким образом, онтологические функции вины заключаются в обеспечении чувства личной идентичности и психологической целостности, которые обеспечивают факт включенности личности в социокультурную среду. При этом погруженность постпенитенциарной личности в систему социальных отношений вызывает экстремальные чувства переживания свободы и несвободы, требующие адекватных поведенческих актов в ситуации выбора. Поступок личности, как правило, выступает результатом переживания ее социальности, ответственности перед Я в прошлом, Я настоящим и Я-Другим в будущем. Процесс переживания вины в фундирует потенциал личности, путем активизации структурных образований ее культуры, переводя личность в сензитивное состояние к интенциям совести и стыда. Тем самым динамика механизмов адаптации делает личность самодостаточной и конгруэнтной в ситуации неопределенности и вызовов окружающей реальности. Стыд предполагает ситуативный контроль с целью поддержания необходимого поведения. Как правило, он может возникать при переживании неконгруэнтности норм и ценностей культуре, принятой в обществе. Тем самым, в органическом единстве вина, совесть и стыд, действуя комплексно, представляют собой ресурсный потенциал функционирования постпенитенциарной личности.

Выводы

Переживание постпенитенциарным субъектом чувства вины, совести и стыда зависит от его культуры, которая является универсальным средством оценки поведения личности. Именно от этого в зависимости от типа культуры и включенности в нее субъекта будет зависеть уровень проявления моральных эмоций. Вина осуществляет проекцию на совесть и стыд и осознание того, что во всех ситуациях быть правым невозможно.

Вина, совесть и стыд образуют целостность постпенитенциарного субъекта, обеспечивая его способность к динамической адаптации и нравственно-созидательной деятельности и образуя континуальное (процессуальное) единство человека во времени и пространстве. Однако следует учитывать, что динамика переживания, скорость протекания вины, совести и стыда различны.

Степень ресурса феноменов вины, совести и стыда зависит от типа ситуации, реальной или воображаемой, в момент совершения проступка. Вина, стыд и совесть выступают как механизмы социального контроля постпенитенциарного субъекта. Их единство предполагает когнитивный, эмоциональный контроль, а также мотивы, установки. Вина – базовая онтологическая функция. Социализированная форма вины – совесть, которая является социально-

[6] СЗ РФ. 2023. № 6. Ст. 917.

нагруженной формой поведения субъекта. Стыд – эмоциональная и динамическая форма поведения культуры человека.

Переживание вины, совести и стыда дает возможность трансформации субъекта, формированию таких его качеств, как ответственность, честь, порядочность, долг. В совокупности вина, стыд и совесть обеспечивают высокий уровень адаптивности, целостности личности и развития «экзистенциального» опыта постпенитенциарного субъекта, в целом образуя его ресурсный потенциал.

Список источников

1. *Tangney J. P., Stuewig J., Mashek D., Hastings M.* Assessing Jail Inmates' Proneness to Shame and Guilt: Feeling Bad About the Behavior or the Self? // Criminal Justice and Behavior. 2011. Vol. 38. No. 7. P. 710–734. https://doi.org/10.1177/0093854811405762

2. *Karlsson G., Sjöberg L. G.* The Experiences of Guilt and Shame: A Phenomenological–Psychological Study // Human Studies. 2009. Vol. 32. No. 3. P. 335–355. https://doi.org/10.1007/s10746-009-9123-3

3. *Шаранов Ю. А., Зуева Е. Г.* Психолого-юридическая динамика структуры и функций вины в процессе решения постпенитенциарной проблемы российского общества // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 1 (96) С. 6–11. https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-6-11

4. *Гришина Е. С.* Из истории понимания сущности вины // Научное обозрение. Педагогические науки. 2023. № 1. С. 10–14; https://doi.org/10.17513/srps.2463

5. *Ильин Е. П.* Психология совести: вина, стыд, раскаяние. Санкт-Петербург : Питер, 2016. 288 с.

6. *Tangney J. P., Stuewig J., Mashek D. J.* Moral Emotions and Moral Behavior // Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. No. 1. P. 345–372. https://doi.org/10.1146/annurev.psych.56.091103.070145

7. *Hartmann H., Loewenstein R.* Notes on the superego // Psychoanal Study Child. 1962. No. 17. P. 42–81.

8. *Piers G., Singer M. B.* Shame and Guilt : A Psychoanalytic and a Cultural Study. USA, Illinois, Springfield : Ch. C Thomas, 1953. 87 p.

9. *Sandler J. [et al].* The Ego Ideal and the Ideal Self // Psychoanal Study Child. 1963. No. 18. P. 139–158.

10. *Джекобсон Н.* Алгебры Ли / пер. с англ. А. Б. Жижченко ; под ред. А. И. Кострикина. Москва : Мир, 1964. 355 с.

11. *Schalkwijk F. [et al.].* The Conscience as a Regulatory Function: Empathy, Shame, Pride, Guilt, and Moral Orientation in Delinquent Adolescents // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2016. Vol. 60. No. 6. P. 675–693. https://doi.org/10.1177/0306624X14561830

12. *Воловикова М. И.* Представления русских о нравственном идеале. Москва : Институт психологии РАН, 2003. 300 с.

13. *Elias N.* The civilizing process / transl. by E. Jephcott. New York : Urizen Books, 1978. 187 p.

14. *Makogon I. K., Enikolopov S. N.* Problems with the assessment of shame and guilt // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. Vol. 6. No. 4. P. 168–175. https://doi.org/10.11621/pir.2013.0415

15. *Макогон И. К., Ениколопов С. Н.* Апробация методики измерения чувств вины и стыда (Test of self-conscious Affect-3 - TOSCA-3) Tangney J. P., Dearing R. L., Wagner P. E., Gramzow R. H. // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 1. С. 6–21.

16. *Tangney J. P.* Moral Affect: The Good, the Bad, and the Ugly // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. Vol. 61. No. 4. P. 598–607. https://doi.org/10.1037//0022-3514.61.4.598

17. *Braithwaite J.* Crime, shame and reintegration. New York : Cambridge University Press, 1989. 226 p.

18. *Modigliani A.* Embarrassment, face work and eye contact : Testing a theory of embarrassment // Journal Personality and Social Psychology. 1971. Vol. 17. No. 1, P. 15–24. https://doi.org/10.1037/h0030460

19. *Fischer B.* The process of healing shame // Alcohol. 1987. Vol. 4. P. 25–38.

20. *Изард К. Э.* Психология эмоций / перев. с англ. Санкт-Петербург : Питер1999. 464 с.

21. *Lewis H. B.* Shame and guilt in neurosis. New York : International Universities Press. 1971. 525 p.

22. *Stuewig J., Tangney J. P.* Shame and guilt in antisocial and risky behaviors // The Self-Conscious Emotions. Theory and Research. 2007. P. 371–388.

23. *Hoffman M. L.* Empathy and moral development: implications for caring and justice. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2002. 344 p.

24. *Shaw D.* Traumatic Narcissism: Relational Systems of Subjugation. Hove, UK : Routledge, 2013. 192 p. https://doi.org/10.4324/9781315883618

25. *Lansky M. R.* Hidden shame // Journal of the American Psychoanalytic Association. 2005. Vol. 53. No. 3. P. 865–890.

26. *Lickel B., Schmader T., Barquissau M.* The Evocation of Moral Emotions in Intergroup Contexts : The Distinction Between Collective Guilt and Collective Shame // Branscombe N. R., Doosje B. (eds.). Collective Guilt: International Perspectives. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2004. P. 35–55. https://doi.org/10.1017/CBO9781139106931.005

27. *Знаков В. В., Касавина Н. А., Синеокая Ю. В.** Экзистенциальный опыт: таинство и проблема // Философский журнал. 2018. Т. 11, № 2. С. 123–137. https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-2-123-137

28. *Знаков В. В.* Самосозидание человека – новый этап развития психологии субъекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9, вып. 2. С. 112–122. https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.201

29. *Шаранов Ю. А.* Самосознание субъекта: авторская рефлексия концептуальной модели / Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2020) : материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 23 апреля 2020 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 569–572.

30. *Tangney J. P., Stuewig J.* Shame, Guilt and Remorse: Implications for Offender Populations // Journal of Forensic Psychiatry and Psychology. 2011. Vol. 22. No. 5. P. 706–723. https://doi.org/10.1080/14789949.2011.617541

* Настоящий материал (информацию) произвел иностранный агент Синеокая Юлия Вадимовна, либо материал (информация) касается деятельности данного иностранного агента.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

Научная статья
УДК 159.9.07

Имидж сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации и проблемы текучести кадров

Валерий Леонидович Ситников, доктор психологических наук, профессор

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
sitnikof@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3229-5096

Аннотация:
Введение. *Исследование посвящено проблеме комплектования кадров в системе МВД России и ее связи с социально-перцептивной сферой, ролью имиджа и социально-перцептивных образов. Проделан теоретический анализ имиджа и образа сотрудников полиции в общественном сознании. Актуальность обоснована противоречивыми результатами исследования проблемы имиджа полиции и отношения к ней граждан, необходимостью теоретического обоснования ведущей роли многомерных и многофункциональных образов в развитии и становлении профессионального сознания личности действующих сотрудников полиции.*
Методы. *В работе применялись общенаучные методы исследования: теоретический анализ и синтез, индукция и дедукция, систематизация информации о динамике кадров органов внутренних дел, об исследованиях имиджа полиции в сознании граждан и роли субъективных образов в профессиональной деятельности сотрудников.*
Результаты. *Обобщены данные кадровой динамики. Описаны причины роста текучести и хронического некомплекта кадров сотрудников МВД России в 2020-е гг., связанные не столько с недостаточным финансированием, сколько с условиями службы и сложившимся имиджем полиции. Исследована специфика понятий «имидж» и «образ», выявлены неоднозначность и позитивная динамика имиджа сотрудников полиции в общественном сознании, проанализированы диагностические возможности субъективных образов для исследования особенностей личности сотрудников полиции.*

Ключевые слова:
проблема кадров, сотрудники полиции, МВД, имидж, социальная перцепция, образ, профессия, Я-образы, самооценка

For citation:
Ситников В. Л. Имидж сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации и проблемы текучести кадров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 303–312.

Статья поступила в редакцию 15.08.2025; одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Original article

The image of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the problem of staff turnover

Valery L. Sitnikov, Doc. Sci. (Psychol.), Professor

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
sitnikof@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3229-5096

Abstract:
Introduction. *The study is devoted to the problem of staffing in the Ministry of Internal Affairs system of Russia and its connection with the socio-perceptual sphere, the role of image and social perceptions. A theoretical analysis of the image and perception of the figure of a police officer in the public consciousness has been done. The relevance is substantiated by the contradictory results of research studying police image issues and citizens' attitudes toward the police, as well as the need for theoretical justification of the leading role of multidimensional and multifunctional images in the development and formation of the professional consciousness of active police officers.*
Methods. *General scientific research methods were used in this work: theoretical analysis and synthesis, induction and deduction, systematization of information on the dynamics of internal affairs personnel, research on the image of the police in the*

Keywords:
staffing issues, police officers, the Ministry of Internal Affairs, image, social perception, profession, self-image, self-esteem

© Ситников В. Л., 2025

minds of citizens, and the role of subjective images in the professional activities of employees.
Results. *The data on personnel dynamics has been summarised. The reasons for the increase in turnover and chronic understaffing of the Ministry of Internal Affairs in the 2020s are described, which are related not so much to insufficient funding as to the conditions of service and the established image of the police. The specifics of the concepts of "image" and "appearance" were studied. The ambiguity and positive dynamics of the image of police officers in the public consciousness were identified, and the diagnostic capabilities of subjective images for studying the personality traits of police officers were analyzed.*

For citation:
Sitnikov V. L. The image of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the problem of staff turnover // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 303–312.

The article was submitted August 15, 2025; approved after reviewing November 18, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Актуальность изучения проблемы отражения себя и окружающих сотрудниками органов внутренних дел (далее – ОВД) напрямую связана с проблемой текучести кадров. Выявление особенностей имиджа полиции в сознании разных слоев населения и самих сотрудников позволяет понять причины выбора и ухода из профессии, исследовать их связь с социально-политическими изменениями в обществе, эффективностью управления правоохранительной системой и внутри самих ОВД. Анализ закономерностей и механизмов социальной перцепции, структуры и содержания субъективных и групповых образов сотрудников полиции дает возможность выявить неявные особенности личности и отношения к окружающим. Это в свою очередь открывает новые возможности организации эффективной деятельности и взаимодействия сотрудников с гражданами, между собой, с руководством и подчиненными.

Методы

В работе применялись общенаучные методы исследования: теоретический анализ и синтез, индукция и дедукция, систематизация информации о динамике кадров ОВД, об исследованиях имиджа полиции в сознании граждан и роли субъективных образов в профессиональной деятельности сотрудников.

Результаты

Проблемы комплектования личностного состава

Некомплект личного состава сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) все увеличивается, о чем систематически информируют руководство МВД России и СМИ. Так, третьего марта 2021 г. на расширенном заседании коллегии МВД России Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев доложил: «Товарищ Верховный Главнокомандующий! ... поставленные перед нами задачи решались в условиях возросших нагрузок, связанных в том числе со значительным некомплектом: сегодня он составляет порядка 70 тысяч человек»[1].

19 октября 2022 г. многие средства массовой информации сообщили о встрече В. А. Колокольцева с депутатами Государственной Думы: «Колокольцев на заседании фракции СРЗП в Госдуме обратил внимание на то, что в его ведомстве „огромный некомплект – 90 тысяч личного состава"»[2]. На совещании МВД России 10 августа 2023 г. В. А. Колокольцев назвал критическим уровень нехватки сотрудников МВД: ««...некомплект личного состава очень большой. Я бы сказал, что он уже является критическим. 5 000 сотрудников МВД России уволились за прошедший месяц»[3].

В ходе пленарного заседания Совета Федерации 14 мая 2024 г., на котором обсуждались кандидаты на посты силовых ведомств и спецслужб, отвечая на вопросы парламентариев, генерал полиции В. А. Колокольцев вновь сообщил о хронической нехватке кадров: «Мы не можем напечатать деньги, увеличить зарплату как основной мотив для привлечения на службу в органы

[1] Расширенное заседание коллегии МВД России // Президент России : [официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090 (дата обращения: 12.04.2025).

[2] Глава МВД пожаловался, что теряет полицейские кадры из-за низких зарплат // EADaily : [сетевое издание]. URL: https://eadaily.com/ru/news/2022/10/19/glava-mvd-pozhalovalsya-chto-teryaet-policeyskie-kadry-iz-za-nizkih-zarplat (дата обращения: 12.04.2025).

[3] Колокольцев назвал критическим уровень нехватки сотрудников в МВД // Информационное агентство ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/obschestvo/18484515 (дата обращения: 12.04.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

внутренних дел. А ситуация у нас не просто изменилась, она усугубилась. Могу сказать, что на сегодняшний день у нас некомплект личного состава 152 тыс. Это в среднем по всем регионам... Даже если взять патрульно-постовую службу в Москве, например, в Красносельском районе, то там некомплект равен 78 %»[4]. Через полгода после очередного утверждения В. А. Колокольцева на посту Министра внутренних дел некомплект кадров увеличился на 21 800 человек. Как сообщила 26 ноября 2024 г. официальный представитель Министерства внутренних дел Российской Федерации генерал-майор полиции И. В. Волк: «На 1 ноября 2024 г. некомплект личного состава ОВД составил 173,8 тысяч единиц или 18,8 % от штатной численности»[5]. Приведенные ею данные показывают, что наибольший отток кадров произошел в период с 2022 по 2024 год. За полтора года с 3 марта 2021 г. до 19 октября 2022 г. некомплект увеличился на 20 тысяч человек, а за два года с 20 марта 2022 г. по 26 октября 2024 г. некомплект составил уже 83,8 тысяч единиц. Именно в этот период началась мобилизация, и в соответствии с Указом Президента России[6] уровень денежного содержания мобилизованных приравнен к уровню денежного содержания военнослужащих-контрактников, для них также были определены значительные единовременные выплаты и другие льготы участникам боевых действий. После объявления мобилизации значительное число рядовых, сержантов и офицеров полиции уволились, часть заключила контракты, часть была мобилизована, а часть перешла в гражданскую сферу деятельности.

К марту 2025 года по сравнению с апрелем 2024 года некомплект личного состава в системе МВД России увеличился на 33 тысячи человек. «Некомплект аттестованного состава в уголовном розыске в среднем по стране составляет 23,9 %, в патрульно-постовой службе – 31,4 %, в подразделениях по контролю за оборотом наркотиков – 24,7 %, в органах предварительного следствия – 22,7 %. В некоторых подразделениях ряда регионов некомплект достигает 40 % ... штатный состав участковых уполномоченных за шесть лет практически полностью обновился. Только за минувший год уволился каждый второй опытный сотрудник с выслугой в этом подразделении от 10 лет и более»[7], – отметил глава МВД России.

Главными причинами некомплекта кадров руководство МВД России называет катастрофическую нехватку финансирования и необеспеченность сотрудников полиции жильем. Но эта проблема отнюдь не сводится лишь к финансовым трудностям. Как ни странно на первый взгляд, это связано и с систематическим увеличением норматива штатного состава. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2022 г. № 878 «Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации»[8] с 1 января 2025 г. штат МВД должен включать 938 856 аттестованных сотрудников, государственных гражданских служащих и работников. А постановлением Правительства России от 20 июня 1992 г. численность состава МВД определялась в 521 200 сотрудников, при том, что тогда в состав МВД входили внутренние войска МВД России и сотрудники пенитенциарной системы (Главное управление исполнения наказаний и Главное управление лесными исправительно-трудовыми учреждениями)[9].

Указом Президента РСФСР от 20 октября 1991 г. внутренние войска МВД СССР, дислоцированные на территории РСФСР, были подчинены МВД РСФСР[10]. «По оценке западных специалистов, во внутренних войсках МВД СССР на 1990 год числилось 250 000 человек личного состава»[11]. На 1 декабря 2011 г. по данным СМИ, во внутренних войсках МВД России несли службу

---

[4] Некомплект личного состава в МВД РФ превысил 150 тыс. человек // Интерфакс.ру : [сетевое издание]. URL: https://www.interfax.ru/russia/960388 (дата обращения: 12.04.2025).

[5] Ирина Волк : [телеграмм-канал]. URL: https://t.me/IrinaVolk_MVD/3009 (дата обращения: 27.11.2024).

[6] Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2022. № 39. Ст. 6590.

[7] За год нехватка сотрудников в МВД выросла на 13,1 % // Деловой квартал (DK.RU) : [сайт]. URL: https://www.dk.ru/news/237218789 (дата обращения: 12.06.2025).

[8] Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2022 г. № 878 // СЗ РФ. 2022. № 50 (ч. III). Ст. 8891.

[9] Об укреплении органов внутренних дел Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 20 июня 1992 г. № 408 (ред. от 06.07.1999) // Российские вести. 1992. № 31.

[10] О передаче внутренних войск Министерства внутренних дел СССР, дислоцирующихся на территории РСФСР, под юрисдикцию Российской Советской Федеративной Социалистической Республики : Указ Президента РСФСР от 20 октября 1991 г. № 146 // Президент России : [официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/313 (дата обращения: 12.04.2025).

[11] The Miltary Balance / The International Institute for Strategic Studies (IISS). Abingdon, UK : Routledge, 1990. С. 43.

212 000 человек[12]. Указом Президента Российской Федерации 5 апреля 2016 г. предписано образовать Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия), а внутренние войска МВД России были преобразованы в войска национальной гвардии Российской Федерации, численность которых в 2024 году озвучил глава Росгвардии В. В. Золотов: «Все структуры насчитывают 370 тыс., еще будем увеличивать в связи с тем, что сейчас вошли территории (и на этих территориях тоже надо обеспечить свои структуры)»[13].

В настоящее время пенитенциарная система выведена из состава МВД России и является самостоятельной Федеральной службой системы исполнения наказаний (ФСИН России), в которой на март 2025 года по информации директора ФСИН России не хватает 53 975 сотрудников[14], при том, что в 2015 году штатная численность сотрудников составляла 234 176 единиц[15]. Получается, что сегодня сотрудников этих силовых ведомств, составлявших ранее единую структуру, в сумме стало в три с лишним раза больше, чем в 1992 году. Причины этого понятны, но вряд ли просто объяснить, почему в двух из трех этих структур постоянно растут кадровые проблемы, а в Росгвардии такой острой проблемы нет.

Ответ на вопрос о причинах «критического», по словам В. А. Колокольцева, некомплекта личного состава сотрудников МВД России еще с советских времен ищут юристы, философы, социологи, политологи, педагоги, психологи, регулярно проводя разнообразные опросы и эксперименты. Так, в 2024 году социологический эксперимент и его психологический анализ показали: «Причины проблем нынешнего поколения органов внутренних дел:

– низкая заработная плата;
– условия и организация труда находятся на низшем уровне;
– наличие психологического барьера (сложные взаимоотношения в коллективе подразделения);
– моральное давление со стороны руководителей;
– специфичный контингент;
–работа без выходных, нет времени на элементарный отдых;
– отсутствие профессионализма в работе руководителей;
– социальный пакет не соответствует современным запросам общества;
– разочарование в самой деятельности;
– отсутствие стабильности;
– невозможность сделать карьеру» [1, с. 276].

Имидж как фактор текучести кадров

Все это работает на снижение авторитета и имиджа системы ОВД, которые являются мощными факторами формирования мотивации и отношения к службе. Не случайно за последние 15 лет произошел лавинообразный рост научных публикаций на тему образа и имиджа сотрудника милиции/полиции в обществе. В июле 2025 года на запрос «имидж полиции» в научной электронной библиотеке *eLIBRARY* оказалась информация о 9 710 научных публикациях, а на аналогичный запрос «образ полицейского» – информация о 100 586 научных публикациях, включающих такое словосочетание.

Понятия «имидж» и «образ» фактически синонимы-близнецы, поскольку с английского на русский “*image*” переводится как «образ» и наоборот: «образ» = “*image*”. И то и другое слово, как правило, характеризуют отражение представления о некоем человеке, но сегодня они нередко употребляются по отношению к определенному явлению или предмету (например: «образ революции», «имидж бренда»). Но и в русском языке, и в английском это очень многозначные понятия. Достаточно сказать, что русский интернет-словарь синонимов приводит 171 синоним к слову «образ»[16], а английский *Thesaurus* к термину “*image*” предлагает 2 410 слов и фраз, синонимичных этому понятию[17].

Тем не менее, несмотря на такое многообразие определений, смысловое значение этих понятий, терминологический смысл их довольно четко разделяется. Под образом обычно понимается достаточно произвольно возникающее отражение в сознании человека представления

[12] Численность Внутренних войск МВД РФ сократят на 20 процентов // Российская газета : [электронное издание]. URL: https://rg.ru/2011/10/31/sokrashenie-anons.html (дата обращения: 12.04.2025).

[13] Численность Росгвардии увеличится в связи с присоединением Новороссии // Информационное агентство ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/obschestvo/19836829 (дата обращения: 12.06.2025).

[14] Глава ФСИН заявил о нехватке в ведомстве около 54 тыс. сотрудников // Деловой квартал (DK.RU) : [сайт]. URL: https://www.dk.ru/news/237219197 (дата обращения: 12.06.2025).

[15] Об установлении штатной численности работников уголовно-исполнительной системы : Указ Президента Российской Федерации от 27 ноября 2015 г. № 577 (ред. от 10.05.2024) // СЗ РФ. 2015. № 48 (ч. II). Ст. 6818.

[16] См.: Словарь синонимов русского языка (sinonim.org) : [сайт]. URL: https://sinonim.org/s/образ (дата обращения: 02.07.2025).

[17] Power Thesaurus : [website]. URL: https://www.powerthesaurus.org/image/synonyms (дата обращения: 02.07.2025).

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

о других людях, предметах или явлениях, а под имиджем подразумевается целенаправленно создаваемое (как правило, с помощью СМИ или слухов) впечатление о людях, предметах или явлениях. Понятие «образ человека» отражает социально-психологический подход к непосредственному восприятию личности, а «имидж человека» – социально-политический, целенаправленно сконструированный для формирования определенного восприятия, отношения.

Это проявилось уже при введении данных житейских понятий в научный оборот. Как правило, специалисты в области социальных наук сходятся в том, что первым понятие «имидж» ввел в современную науку Зигмунд Фрейд, который в 30-х гг. XX века начал издавать журнал с таким названием. И он уже рассматривал имидж не столько как отражение "*ego*", т. е. того, каким человек является, сколько как создание "*Super ego*" – того, каким человек должен быть в идеале.

Новый импульс внедрению понятия «имидж» в научные исследования внёс американский экономист Кеннет Эварт Болдуинг. В 1956 году вышла его книга «Имидж: Знание в жизни и обществе» [2]. В ней он утверждает, что знания в жизни и поведение в обществе зависят от имиджа – суммы того, что, по нашему мнению, мы знаем, и того, что заставляет нас действовать так, как мы поступаем. Тем самым он вводит новое понимание имиджа как образа, который влияет на наше восприятие реальности, направляет процесс принятия решений и способствует динамичному развитию общества. В седьмой главе этой книги он пишет о том, что политику надо рассматривать как процесс формирования имиджа под воздействием передаваемых сообщений. С тех пор понятие «имидж» нередко используется в политике и экономике, активно исследуется политологами, маркетологами, социологами, социальными психологами. В России это понятие в 1970-х гг. стало появляться в публикациях СМИ лишь в отрицательных коннотациях и толковалось как средство буржуазного воздействия на массовое сознание обывателей. В 1974 году в издательстве «Мысль» вышла монография сотрудника Института США АН СССР О. А. Феофанова «США: реклама и общество» [3], первая в Советском Союзе работа, посвященная проблеме рекламы, где автор характеризует "*image*", пока еще называя его «имэдж», как «средство воспитания американцев в духе политического конформизма, шовинизма, антикоммунизма» [4, с. 14], «основное средство психологического воздействия рекламодателя на потребителя» [3, с. 89],

В 80-х гг. намечаются попытки более объективно отнестись к пониманию принятой на Западе концепции имиджа, и в шестом номере журнала «Вопросы философии» тот же профессор Олег Александрович Феофанов публикует статью «Стереотип и „имидж" в буржуазной пропаганде», где в слове имидж уже исчезает буква «э» [5]. В 1990-х гг. понятие имиджа стало объектом пристального внимания не только СМИ, но и ученых самых разных отраслей – и уже не с позиции критики, а с позиции активного исследования и применения с той же целью – воздействия на массовое сознание общества.

Двадцать лет назад, выступая 25 апреля 2005 г. с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации, В. В. Путин сказал: «Прежде всего, следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой… Массовая бедность стала восприниматься как норма. И все это происходило на фоне тяжелейшего экономического спада, нестабильных финансов, паралича социальной сферы»[18]. Эта драма не могла не отразиться на системе охраны общественного порядка. Спровоцированный этой геополитической катастрофой разгул криминала и рост негативных публикаций СМИ привели к резкому падению имиджа сотрудников и ОВД в целом. О реальных проблемах в системе МВД России свидетельствовало и то, что за 20 лет (1992–2012 гг.) сменились одиннадцать руководителей МВД России (В. П. Баранников, А. Ф. Дунаев, В. Ф. Ерин, А. С. Куликов, П. Т. Маслов, С. В. Степашин, В. А. Васильев, В. Б. Рушайло, Б. В. Грызлов, Р. Г. Нургалиев, В. А. Колокольцев). Рост криминала привел к резкому усилению давления на появившийся еще в восьмидесятых годах и бурно развивавшийся в 90-х гг. средний и крупный бизнес, что привело к серьезному оттоку опытных кадров из силовых структур, прежде всего из МВД России. Криминал же, пользуясь растущей нехваткой кадров, активно пытался внедриться в ОВД, что еще более способствовало ухудшению их имиджа.

Увеличение числа негативных публикаций с обеспокоенностью государства и общества привело к росту количества исследований, посвященных изучению причин деформации имиджа милиции и путей его улучшения. В научных журналах все чаще стали появляться статьи на эти темы. Особенно резкий рост подобных публикаций произошел после принятия Государственной Думой 28 января 2011 г. Федерального закона «О полиции»[19], переименовавшего

[18] Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России : [официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/22931 (дата обращения: 04.07.2022).

[19] О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

российскую милицию в полицию. Если необходимость реальной реформы организации работы системы МВД России мало у кого вызвала сомнения, то формальное переименование милиции до сих пор не работает на повышение престижа службы в системе МВД, скорее – наоборот.

Фактически уже с конца 1920-х гг. милиция реально и формально стала не общественной, а государственной структурой, в сознании большинства граждан в противовес дореволюционной полиции по-прежнему воспринимаясь как «народная», защищающая не только власть, но и все общество. После Великой Отечественной войны само слово «полицейский» стало практически ругательным, ассоциируясь у подавляющего большинства граждан с предателями и негодяями. В результате переименование потребовало от средств массовой информации и ученых, прежде всего гуманитарного профиля, значительного увеличения количества публикаций, посвященных имиджу сотрудников ОВД и, как правило, негативному отношению к ним со стороны общества.

После смены наименования системы МВД России одной из первых публикаций, посвященных психологическому анализу имиджа полицейского, стала работа С. А. Мусатовой «Социально-психологический анализ имиджа полицейского» [6], в 2014 году она защитила кандидатскую диссертацию по социальной психологии и опубликовала очередную статью. Основываясь на результатах ассоциативного эксперимента и психосемантического анализа, автор констатирует, что даже в тех случаях, когда люди имеют личный опыт позитивного взаимодействия с конкретными сотрудниками полиции, это не изменяет их эмоционально негативное отношение к правоохранительным органам и заключает: «Нами выявлен особо значимый факт отсутствия трансформации негативной эмоциональной окрашенности образа полицейского, детерминированного стереотипным социальным представлением… Из этого следует вывод о высокой степени устойчивости и ригидности социальных представлений граждан о полиции» [7, с. 164].

Подавляющее большинство исследований имиджа российской полиции, опубликованных до и после выхода в 2011 году Федерального закона «О полиции», таких как «Субъективный образ современных полицейских в печатных СМИ: на основе контент-анализа публикаций в „Аргументах и фактах" с 2010 по 2020 год» Р. Г. Ардашева [8], «Социальные представления об имидже полицейского в молодежной среде» Т. Ю. Базарова и В. В. Черкасова [9], «Методы формирования имиджа полиции в Китайской Народной Республике» Н. Е. Браженской и Е. А. Исаченко [10], «Общественное мнение о деятельности органов внутренних дел в период реформирования» А. Г. Воробьевой [11], «Взаимоотношения общества и полиции (милиции): отражение в кинематографе общественного мнения и отношения граждан к сотрудникам органов внутренних дел» А. Ю. Кобленкова и О. В. Логачева [12], «Негативное отношение к сотрудникам полиции в общественном мнении: сущность, причины, направления противодействия проблеме» С. В. Копцова [13], «Самоимидж и воспринимаемый имидж полиции России» Д. Г. Передни [14], «Имидж как важная составляющая социальной перцепции сотрудников полиции» М. И. Самоуковой [15] и тысячи других статей, а также диссертационные исследования, посвященные глубокому изучению имиджа сотрудников полиции[20], убедительно свидетельствуют об устойчивости негативного имиджа полиции в общественном и, что особенно важно, в молодежном сознании.

При этом по результатам регулярных опросов Всероссийским центром изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) положительно оценивают деятельность сотрудников

[20] Например: Перелыгина Е. Б. Имидж как феномен интерсубъектного взаимодействия: содержание и пути развития : дис. … д-ра психол. наук. Москва, 2003. 1052 с. ; Смолева С. С. Формирование позитивного имиджа органов внутренних дел в деятельности служб по связям с общественностью : политическая теория и практика : автореф. дис. … д-ра полит. наук. Москва, 2013. 49 с. ; Агапова Т. В. Информационная политика в системе мероприятий по формированию позитивного имиджа правоохранительных органов РФ : на материалах Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу : автореф. дис. … канд. полит. наук. Москва, 2012. 24 с. ; Каданцева Н. П. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел в процессе профессионального образования в вузах МВД России : автореф. дис. … канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2013. 24 с. ; Кирюхина Ю. В. Формирование имиджа органов внутренних дел: социально-технологический подход : дис. … канд. социол. наук. Орел, 2022. 217 с. ; Климовская Е. В. Общественное мнение в системе управления органами внутренних дел : автореф. дис. … канд. социол. наук. Москва, 2001. 24 с. ; Кузнецов А. И. Социокультурный статус сотрудника органов внутренних дел в современной российской ментальности : автореф. дис. … канд. социол. наук. Майкоп, 2010. 25 с. ; Ложкина Н. В. Социально-психологические механизмы влияния общественного мнения на формирование «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции : автореф. дис. … канд. психол. наук. Москва, 2022. 24 с. ; Молодцов И. А. Психологические основы преодоления негативного имиджа сотрудника ГИБДД : автореф. дис. … канд. психол. наук. Москва, 2013. 22 с. ; Мусатова С. А. Феномен образа полицейского в социальных представлениях жителей мегаполиса : автореф. дис. … канд. психол. наук. Москва, 2014. 23 с. ; Пауков В. К. Общественное мнение в формировании позитивного имиджа сотрудников : дис. … канд. психол. наук. Москва, 2012. 141 с. ; Шлягина Е. Н. Структура и динамика капиталов сотрудников полиции в социальном поле их деятельности : на примере Нижегородского региона : автореф. дис. … канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2021. 24 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

полиции более половины населения России, и этот показатель стабильно растет. По данным 2024 года, показатель защищенности граждан вырос до 60,1 %, а показатель их доверия сотрудникам полиции составляет 54,8 %[21]. Такие противоположные выводы многочисленных независимых исследований и статистических данных опросов, проведенных по заказу государственных органов, говорят как о неоднозначности отношения граждан к деятельности полиции, так и о сложности исследовании проблемы. При этом необходимо отметить, что за период с 2022 по 2024 гг., по тем же данным ВЦИОМ, рост показателя защищенности граждан вырос на 7,2 %, а доверие к сотрудникам ОВД выросло на 9,8 %, т. е. в три раза по сравнению с аналогичными предыдущими отрезками времени. Так, за 2021 год рост защищенности составил 1 %, а рост доверия – всего 0,5 %. Эти данные убедительно свидетельствуют о позитивной динамике общественного мнения в отношении современной полиции.

Субъективные социально-перцептивные образы – основа имиджа

Что касается исследований образа сотрудников полиции, значительно более многочисленных по сравнению с публикациями по изучению их имиджа в общественном сознании, то их результаты также большей частью свидетельствуют о проблемном отражении образа полиции. Как уже отмечалось выше, имидж – это продукт, сконструированный по социальному заказу для воздействия на индивидуальное сознание, а образ – это продукт собственно индивидуального сознания, знаний и опыта конкретной личности, создаваемый благодаря или вопреки формируемому в обществе имиджу. При этом он отражает и особенности личности самого субъекта отражения. Как отмечал первый декан факультета психологии Ленинградского госуниверситета и основатель первого и единственного Института психологии АН СССР (ныне ИПРАН) Б. Ф. Ломов: «Субъективность отражения выступает как некоторая целостная характеристика субъекта в любом его акте: каждый такой акт включает накопленный опыт данного человека, как бы спрессованный специфический путь его индивидуального развития» [16, с. 65].

Одним из крупнейших специалистов в области психологии труда, основателем и первым президентом Российского психологического общества Е. А. Климовым неоднократно описано и убедительно доказано влияние многомерных и многофункциональных образов на развитие и становление профессионального сознания личности[22]. Он подчеркивал: «Слово „соображать” имеет в качестве корневого значения именно „образ”, и потому любому человеку, а тем более профессионалу, необходимо уметь эффективно оперировать образами, сохраненными в памяти»[23].

По мнению Б. Ф. Ломова, исследование образов является одним из актуальнейших направлений психологии: «К числу важнейших проблем психологической науки принадлежит проблема образа. Ее разработка имеет исключительное значение для развития как общей теории психологии, так и теоретической базы специальных психологических дисциплин. Не менее актуальна она и для решения многочисленных практических задач, которые ставятся перед психологией» [16, с. 63]. По сути, об этом же неоднократно писал и Е. А. Климов: «Одним из фундаментальных понятий психологии является „образ” (как отображение субъектом некоторой реальности, включая и самого субъекта)»[24]. Е. А. Климов, Б. Ф. Ломов, как и С. В. Кондратьева [17], Д. А. Ошанин [18], А. А. Реан [19], Ю. К. Стрелков [20] и другие в многочисленных исследованиях доказывали ключевую роль образов в профессиональной деятельности специалистов разных профессий: летчиков, ткачих, педагогов, операторов...

Образ, по мнению Е. А. Климова, является отображением субъектом некоторой реальности, включающей и самого субъекта. При этом он понятие «отображение» применял фактически как синоним понятия «отражения», поскольку: «...слово „отражение” ... указывает скорее на „ответный удар” („отразить”), чем на некое подобие одной реальности относительно другой»[25].

Как отмечал Б. Ф. Ломов, в отечественной психологии «сложилась общая формула: все психические явления, в том числе и образ, суть субъективные отражения объективной действительности», при этом «субъективное отражение неизбежно связано с преобразованием информации, поступающей извне» [16, с. 64]. Опираясь на работы И. М. Сеченова, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, Б. М. Теплова и многих других, Б. Ф. Ломов выделил три уровня психического

[21] Общественное мнение // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion (дата обращения: 10.06.2025).

[22] См.: Климов Е. А. Введение в психологию : пособие. Москва : Издательство МГУ, 1992. 156 с. ; Его же. Образ мира в разнотипных профессиях : учебное пособие. Москва : Издательство МГУ, 1995. 222 с. ; Его же. Введение в психологию труда : учебник. Москва : Культура и спорт, 1998. 349 с.

[23] См.: Климов Е. А. Введение в психологию труда... С. 38.

[24] См.: Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях...

[25] См.: Климов Е. А. Введение в психологию труда... С. 32.

отражения образа в сознании личности: сенсорно-перцептивный, представленческий и речемыслительный или, как писал он позднее – вербально-логический (понятийное мышление, интеллект) [21, с. 164].

Все эти уровни образного отражения формируются прежде всего на основе познавательных процессов: ощущений, восприятия, памяти, представлений, мышления, воображения. Но, как мы отмечали ранее [22], такие понятия, как восприятие, представление, познание, понимание не являются аналогичными понятию «образ». Данные четыре категории связаны с процессами познания и имеют динамическую и процессуальную природу, в отличие от «образа», который представляет собой некий промежуточный или конечный результат синтеза ощущений, восприятия, памяти, представлений, понимания, мышления, воображения, отношения к тому или иному предмету, явлению, человеку (включая самого себя). При этом образы не статичны, а динамичны, образы конкретного объекта меняются в зависимости от конкретной ситуации, цели их актуализации, возможностей конкретного человека. Отражаемый образ одного и того же явления, предмета, человека в разных условиях может иметь разную структуру и содержание в зависимости от ситуации, цели актуализации образа, установки, состояния, интеллектуальных способностей и других особенностей отражающего его субъекта.

Характеризуя субъективность психического отражения с позиции социальной психологии, в которой и исследуются социально-перцептивные образы, Б. Ф. Ломов подчеркивает: «Здесь субъективность раскрывается через анализ личности, прежде всего личностных отношений индивида к социальным событиям» [16, с. 65].

Многозначность и полифункциональность образов при их исследовании позволяет получить уникальную информацию о личности не только тех, кто отражается, но и о личности тех, кто отражает. Это говорит о необходимости и особой важности изучения именно образов, а не только имиджа сотрудников полиции, именно поэтому, как отмечалось выше, по данным Российского индекса цитирования публикаций, посвященных изучению образов сотрудников полиции, в десять раз больше, чем работ, посвященных их имиджу. Но многие из этих работ рассматривают образ фактически как синоним понятия «имидж», что не позволяет выявить закономерности и механизмы его формирования, определить стереотипы описания его структуры и содержания применительно к отражению в индивидуальном и массовом сознании образа сотрудника полиции[26] [23–32].

Значительно меньше статей, стремящихся структурировать и концептуализировать это фундаментальное понятие при анализе образа полицейского. Одной из первых работ этого плана следует назвать статью К. В. Злоказова «Особенности формирования образа сотрудника полиции: социально-психологическая модель и индикаторы оценки». Автор, рассматривая образ полицейского как структуру, вполне традиционно выделяет в нем три ключевых компонента: когнитивный, аффективный, поведенческий, и вполне корректно, опираясь на десятки отечественных и зарубежных источников, описывает их, что позволяет ему «сформулировать процессуальные аспекты формирования образа полиции» [32, с. 61]. Увы, работ, посвященных психологическому анализу содержания и структуры именно образа полицейского значительно меньше, чем работ, рассматривающих образ как синоним понятия «имидж». Тем не менее, все чаще появляются работы, посвященные изучению Я-, Он-образов полицейских, которые открывают возможности целенаправленного научно обоснованного анализа системы социально-перцептивных образов полицейского, формирования оценки и самооценки личности полицейского, неформальной диагностики его потенциала и системы отношений. Так, значению «образа другого» в формирования Я-концепции полицейского посвящена работа М. И. Самоуковой [34]. Сравнительному анализу рефлексивных Я-образов сотрудников трех подразделений: по делам несовершеннолетних, уголовного розыска и патрульно-постовой службы полиции посвящена работа М. В. Мороз [35]. Проблемам формирования положительного «Я-образа» сотрудника госавтоинспекции посвящена работа О. А. Ульяниной и Н. В. Ложкиной [36]. Специфике, сходству и различию Я- и Он-образов действующих и будущих сотрудников Госавтоинспекции посвящено наше исследование [37].

Работы в этом направлении представляются весьма значимыми, т. к. социально-перцептивные образы сотрудников ОВД являются отражением восприятия ими самих себя и окружающих: коллег, руководителей, подчиненных, потерпевших, правонарушителей, свидетелей и других граждан. Эти образы, отражая содержание основных представлений о конкретных людях

[26] См.: Дубровский В. Ю. Стигматизация и дестигматизация образа полицейского в виртуальном информационно-коммуникационном пространстве : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2022. 20 с. ; Мусатова С. А. Феномен образа полицейского в социальных представлениях жителей мегаполиса : дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2014. 151 с. ; Сурцев А. В. Формирование положительного образа сотрудника органов внутренних дел как защитника правопорядка в системе повышения квалификации : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Грозный, 2019. 25 с.

ISSN 2949-1150 (online)
2071-8284 (print)

и формируя отношение к ним, являются главным регулятором взаимодействия с людьми, оценки их возможностей и прогнозирования эффективности своей и чужой деятельности.

Субъективность социально-перцептивных образов отражает особенности личности не только того, чей образ отражается в сознании человека, но в не меньшей, если не в большей мере и особенности личности того, в чьем сознании этот образ сформировался. Формирование социально-перцептивных образов в сознании, их структура и содержание зависят от потребностей человека, от мотивов, целей актуализации этого образа, от опыта взаимодействия, деятельности и общения в прошлом, настоящем и будущем, установок, отношения к отражаемым людям и самому себе, от эмоционального состояния и настроения в момент актуализации образа и т. д. Но и сами социально-перцептивные образы прямо влияют на формирование потребностей, целей деятельности, взаимодействия и общения, на систему установок и отношений личности сотрудников полиции. Следовательно, описание сотрудником полиции образа любого конкретного человека или собирательного образа представителей некоторого круга людей, дает возможность получить представление об особенностях личности самого этого сотрудника, об уровне развития его познавательных процессов, о наблюдательности, о способности выделить главное и особенное в человеке, о его отношении к тому, кого он описывает, к самому себе, к своей профессии.

Кроме того, субъективность образного отражения позволяет выявить не только индивидуальные особенности конкретного субъекта, но и типичные характеристики представителей разных социальных и профессиональных групп, что позволит учитывать их специфические особенности организации взаимодействия сотрудников конкретных подразделений.

«Без знания содержания, структуры и функций образа в конкретной деятельности нельзя проектировать эту деятельность», утверждал Б. Ф. Ломов [38, с. 294]. Деятельность сотрудников полиции относится к типу «человек – человек» и по долгу службы им необходимы развитые навыки социальной перцепции, поскольку постоянно приходится общаться с разными людьми. Эти навыки совершенствуются, трансформируясь в процессе профессиональной деятельности. В то же время до настоящего времени структура, содержание, психологические механизмы и закономерности этой трансформации практически не исследовались.

Заключение

В результате исследования выявлена динамика изменения кадров и структуры МВД России, кратное увеличение численности сотрудников министерства с 1992 по 2024 гг., притом, что из состава федерального органа исполнительной власти за это время были выведены внутренние войска и служба исполнения наказаний. Наибольшие проблемы комплектования кадров зафиксированы после начала и в течение специальной военной операции.

В последние годы заметен существенный рост позитивного отношения граждан к деятельности полиции, который не находит должного изменения в средствах массовой информации и научных исследованиях, что говорит об устойчивости сложившегося образа сотрудников полиции в общественном сознании, который остается практически неизменным.

Результаты исследования текучести кадров, имиджа и образа сотрудников полиции в общественном сознании свидетельствуют о необходимости не только теоретического анализа, но и требуют разработки программ эмпирического изучения закономерностей и механизмов отражения субъективных социально-перцептивных образов и их роли в формировании имиджа сотрудников правоохранительных органов.

Список источников

1. *Марьясис И. Б.* Специфика психологической профилактики текучести кадров в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 276–279. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-1-276-279

2. *Boulding K.* The Image: Knowledge in Life and Society. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1956. 175 p.

3. *Феофанов О. А.* США: реклама и общество : [монография] / отв. ред. С. И. Беглов. Москва : Мысль, 1974. 262 с.

4. *Замошкин Ю. А.* Актуальные идейно-теоретические проблемы исследования рекламы // Феофанов О. А. США: реклама и общество : [монография] / отв. ред. С. И. Беглов. Москва : Мысль, 1974. 3-18 с.

5. *Феофанов О. А.* Стереотип и «имидж» в буржуазной пропаганде // Вопросы философии. 1980. № 6. С. 89–100.

6. *Мусатова С. А.* Социально-психологический анализ имиджа полицейского // Вестник университета. 2011. № 21. С. 73–75.

7. *Мусатова С. А.* Социально-психологические аспекты имиджа современного полицейского в России // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 2 (21). С. 164. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21807447 (дата обращения: 06.07.2025).

8. *Ардашев Р. Г.* Субъективный образ современных полицейских в печатных СМИ: на основе контент-анализа публикаций в «Аргументах и фактах» с 2010 по 2020 год / Образ современного полицейского в общественном сознании : сборник материалов Международной научно-теоретической конференции, г. Ростов-на-Дону, 17 ноября 2021 г. / отв. ред. В. Б. Рожковский. Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД России, 2022. С. 22–25.

9. *Базаров Т. Ю., Черкасов В. В.* Социальные представления об имидже полицейского в молодежной среде // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 1 (76). С. 14–21. https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-11002

10. *Браженская Н. Е., Исаченко Е. А.* Методы формирования имиджа полиции в Китайской Народной Республике // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6. С. 151–153.

11. *Воробьева А. Г.* Общественное мнение о деятельности органов внутренних дел в период реформирования // Теория и практика общественного развития. 2014. № 7. С. 24–26.

12. *Кобленков А. Ю., Логачев О. В.* Взаимоотношения общества и полиции (милиции): отражение в кинематографе общественного мнения и отношения граждан к сотрудникам органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 116–120.

13. *Копцов С. В.* Негативное отношение к сотрудникам полиции в общественном мнении: сущность, причины, направления противодействия проблеме // Человек. Общество. Инклюзия. 2015. № 4 (24). С. 32–37.

14. *Передня Д. Г.* Самоимидж и воспринимаемый имидж полиции России // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 152–157.

15. *Самоукова М. И.* Имидж как важная составляющая социальной перцепции сотрудников полиции / Санкт-петербургские встречи молодых ученых : материалы I всероссийского конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, г. Санкт-Петербург, 15 июня 2023 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 62–65.

16. *Ломов Б. Ф.* Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. Москва : Педагогика, 1991. 295 с.

17. *Кондратьева С. В.* Психолого-педагогические аспекты проблемы понимания людьми друг друга / Психология межличностного познания : сборник статей. Москва : Педагогика, 1981. С. 158–174.

18. *Ошанин Д. А.* Роль оперативного образа в выявлении информационного содержания сигналов // Вопросы психологии. 1969. № 4. С. 34–50.

19. *Реан А. А.* Психология познания педагогом личности учащихся. Москва : Высшая школа, 1990. 80 с.

20. *Стрелков Ю. К.* Временная форма опыта и образа мира профессионала // Психология субъективной семантики: истоки и развитие : [коллективная монография] / под ред. И. Б. Ханиной, Д. А. Леонтьева. Москва, 2011. С. 380–399.

21. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии / отв. ред.: Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова. Москва : Наука, 1984. 450 с.

22. *Ситников В. Л.* «Восприятие», «Понимание», «Представление» и «Образ» в познании индивидуальности человека / Психология индивидуальности : материалы II Всероссийскойнаучной конференции, г. Москва, 12–14 ноября 2008 г. / отв. ред. А. К. Болотова. Москва : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 218–219.

23. *Денисенко С. Е.* Образ российского полицейского в общественном сознании населения // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. С. 223–230.

24. *Дубнякова А. И.* Образ сотрудника полиции в сознании граждан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 19–21.

25. *Ермолаев В. В.* Динамика образа реформируемых органов внутренних дел у полицейских как критерий управления организационной культурой // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 4 (51). С. 6–9.

26. *Забегалина С. В., Кильмашкина Т. Н.* Личностные характеристики офицера и особенности восприятия его образа в представлениях военнослужащих // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1 (92). С. 21–27. https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-21-27

27. *Карпова А. В.* Медийный образ сотрудника полиции как результат деятельности СМИ // Закон и право. 2021. № 11. С. 209–211. https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-11-209-211

28. *Колесникова Е. В.* Формирование авторитета современного полицейского как перспектива создания и поддержания его положительного образа // Философия права. 2018. № 1 (84). С. 124–127.

29. *Крыжановская Е. Ю.* Образ полицейского в современных литературе и кино / Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции, г. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2017 г. / под ред. Н. С. Нижник. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 509–510.

30. *Михайлова О. А., Исакова Е. А.* Конструирование образа другого в медиарепортаже (на примере персонажа «полицейские») // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 92–97.

31. *Передня Д. Г.* Образ российской полиции в сознании молодежи // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2 (34). С. 87–89.

32. *Рожковский В. Б., Вакула И. М.* Образ современного полицейского в общественном сознании граждан Российской Федерации / Образ современного полицейского в общественном сознании : сборник материалов Международной научно-теоретической конференции, г. Ростов-на-Дону, 17 ноября 2021 г. / отв. ред. В. Б. Рожковский. Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД России, 2022. С. 6–10.

33. *Злоказов К. В.* Особенности формирования образа сотрудника полиции: социально-психологическая модель и индикаторы оценки // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 2. С. 58–61.

34. *Самоукова М. И.* Образ Другого как фактор формирования профессиональной Я-концепции сотрудников полиции // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2024. № 1 (12). С. 69–75. https://doi.org/10.46741/sgjournal.2024.12.1.009

35. *Мороз М. В.* Социально-перцептивный образ сотрудников органов внутренних дел // Человеческий капитал. 2024. № 6 (186). С. 118–126.

36. *Ульянина О. А., Ложкина Н. В.* Психотехнологии формирования положительного «я-образа» сотрудника госавтоинспекции / Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : материалы всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 29 октября 2021 г. / под общ. ред. А. С. Душкина, Н. Ф. Гейжан. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 337–341.

37. *Ситников В. Л.* Я-, Он-образы действующих и будущих сотрудников Госавтоинспекции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 4 (99). С. 378–384. 10. https://doi.org/24412/1999-6241-2024-499-378-384

38. *Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности : избранные труды отв. ред. В. А. Барабанщиков [и др.]. Москва : Институт психологии РАН, 2006. 622 с.